3 1761 08114606 0

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/p9russkaiamy36mosk

Продолжается подписка на 1915 годъ

на ежемѣсячный литературно-политическій журналъ

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Редакторъ-издатель **П. Б. Струве.**

Въ 1915 году журналъ будетъ издаваться по тому же плану и при участіи тѣхъ же литературныхъ силъ, что и въ предшествующіе годы.

Кромѣ беллетристическихъ произведеній, стихотвореній, литературныхъ, научныхъ и публицистическихъ статей, въ журналѣ постоянно печатаются слѣдующіе отдѣлы:

1. **Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры.**
2. **Въ Россіи и за границей.** (Обзоры и замѣтки.) Отдѣлъ этотъ распадается на слѣдующія рубрики:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство. II. Литература и искусство. III. Философское движеніе. IV. Историческая наука. V. Правовѣдѣніе. VI. Религія и церковь. VII. Школа и воспитаніе. VIII. Естествознаніе. IX. Военное и морское дѣло. X. Некрологъ.

3. **Критическое Обозрѣніе** (Библіографическій отдѣлъ). Къ Критическому Обозрѣнію прилагается **расположенный въ систематическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ выходящихъ на русскомъ языкѣ книгъ.**

Въ этомъ году „Русская Мысль" удѣляетъ особенное вниманіе вопросамъ, связаннымъ съ войной.

Условія подписки:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
Съ дост. и перес. въ Россіи . . .	**15** р.	**11** р. **25** к.	**7** р. **50** к.	**3** р. **75** к.
За границу . . .	**17** „	**12** „ **75** „	**8** „ **50** „	**4** „ **50** „

На одинъ мѣсяцъ для иногородн. внутри Россіи . **1** р. **50** к.

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ **1** р. **50** к.

Принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала въ **Петроградѣ**, въ главной конторѣ журнала: **Лѣсной просп.** (бывш. **Нюстадская**), **д. 6** (близъ Финляндскаго вокзала); въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы: Сивцевъ-Вражекъ, д. 20, кв. 3, а также у всѣхъ крупныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ (у Н. П. Карбасникова, Петроградъ, Гостиный дворъ и Москва, на Моховой) и большихъ провинціальныхъ городовъ.

Книгоиздательство „РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Петроградъ, Лѣсной пр. (бывш. Нюстадская), 6.

РЕЛИГІЯ И ФИЛОСОФІЯ.

А. БЕРГСОНЪ. Время и свобода воли. (Essai sur les données immédiates de conscience.) Съ приложеніемъ трактата того же автора **„Введеніе въ метафизику".** Перев. *С. Гессена* и *М. Грюнвальдъ.* Стр. 238. Цѣна **1** р. **50** к.

А. БЕРГСОНЪ. Творческая эволюція. Авторизованный перев. съ франц. *В. Флеровой.* Съ портретомъ автора. Стр. IX + 332. Цѣна **1** р. **75** к.

В. ДЖЕМСЪ. Многообразіе религіознаго опыта. Перев. *В. Г. Малахіевой-Мировичъ* и *М. В. Шикъ.* Подъ ред. *С. В. Лурье.* Стр. 518. Цѣна **2** р. **50** к.

Ф. ШЛЕЙЕРМАХЕРЪ. Рѣчи о религіи. Къ образованнымъ людямъ ее презирающимъ. Монологи. Перев. съ нѣмецк. *С. Л. Франка.* Съ двумя портретами автора и вступительной статьей переводчика. Томъ въ 450 стр. Цѣна **2** р. **50** к.

Эд. ЦЕЛЛЕРЪ. Очеркъ исторіи греческой философіи. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *С. Л. Франка.* Стр. 256. Цѣна **1** р. **80** к.

ИСТОРІЯ И ПОЛИТИКА.

В. Я. БОГУЧАРСКІЙ. Изъ исторіи политической борьбы въ 70—80 гг. XIX в. Партія „Народной Воли", ея происхожденіе, судьбы и гибель. Стр. 472. Цѣна **3** рубля.

А. С. ИЗГОЕВЪ. Русское общество и революція. Стр. 273. Цѣна **1** р.

Сборникъ статей, характеризующихъ политическое положеніе „обновленной" Россіи.

А. А. КОРНИЛОВЪ. Общественное движеніе при Александрѣ II. 1855—1881 гг. Историческіе очерки. Стр. 260. Цѣна **1** р. **25** к., въ переплетѣ **1** р. **50** к.

Д-ръ З. ФРЕНКЕЛЬ. Холера и наши города. Стр. 36. Цѣна **15** к.

Д. Н. ЕГОРОВЪ (редакторъ). **Русская литература** по **ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.** Вып. первый (декабрь 1911 г. — декабрь 1912 г.). **Библіографическій обзоръ.** Стр. 55. Цѣна **60** к. (Изданіе распродано.) Вып. второй (декабрь 1912 г.—декабрь 1913 г.) Стр. 56 Цѣна **60** коп. Вып. третій (декабрь 1913 г.—декабрь 1914 г.) Стр. 50. Цѣна **60** коп.

БАРОНЪ Б. Э. НОЛЬДЕ. Начало войны. Опытъ дипломатической исторіи. Стр. 40. Цѣна **60** к.

ПЕТРЪ СТРУВЕ. Гр. С. Ю. Витте. Опытъ исторической характеристики. Отд. оттискъ изъ *Русской Мысли.* Цѣна **25** коп.

А. Н. МАНДЕЛЬШТАМЪ. Младотурецкая держава. Историко-политическій очеркъ. Стр. 68. Цѣна 75 коп.

ЛИТЕРАТУРА И ЭСТЕТИКА.

ЛЮБОВЬ ГУРЕВИЧЪ. Литература и эстетика. Критическіе опыты и этюды. Пушкинъ и Гоголь, Толстой, Лѣсковъ, Чеховъ, Альбовъ, Л. Андреевъ, Брюсовъ, Бунинъ и другіе современники. Стр. 321. Цѣна **1** р. **75** к.

„Книга эта,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—имѣетъ извѣстную цѣльность: критическіе опыты и этюды... связаны между собой общностью нѣкоторыхъ развиваемыхъ въ нихъ мыслей... Я старалась уяснить себѣ основы эстетики".

КОНСТ. ЭРБЕРГЪ. Цѣль творчества. Опыты по теоріи творчества и эстетикѣ. Содержаніе: **Цѣль творчества.** (Часть I. Человѣкъ-творецъ. Часть II. Творческій процессъ въ наукѣ и искусствѣ. Часть III. Пресуществленіе).—**Красота и свобода.—Цвѣты и кристаллы.—Искусство вожатый.—Тишина.—О воздушныхъ мостахъ критики.—Путь и цѣль въ искусствѣ.—Дитя и геній.** Стр. 253. Цѣна **1** р. **75** к.

М. И. ЛИВЕРОВСКАЯ (перевела) **Объ Окассенѣ и Николетъ.** Старофранцузская сказка-пѣснь. Стр. 38. Цѣна 50 коп.

Печатается:

Г. ГЕРКНЕРЪ. Рабочій вопросъ. Авторизованный переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *В. Ф. Гефдинга.*

Частныя лица, выписывающія книги изъ книгоиздательства (Петроградъ, Лѣсной просп. [бывш. Нюстадская], 6) непосредственно, за пересылку не платятъ. Для книгопродавцевъ складъ изданій—при типографіи т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовская ул., соб. д.

ПОСТАВЩИК ДВОРА
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПАВЕЛЪ БУРЕ
С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА:
НЕВСКІЙ ПР. 23 КУЗНЕЦКІЙ М
СОБСТВЕННАЯ ФАБРИКА...
Иллюстрированный прейсъ-куранть за № 203 высылается безплатно.
...СОБСТВЕННАЯ ФАБРИКА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый національно-прогрессивный, общественно-политическій еженедѣльникъ съ ежемѣсячнымъ литературно-научнымъ приложеніемъ

РУССКАЯ БУДУЩНОСТЬ

Въ еженедѣльникѣ принимаютъ ближайшее участіе: проф. К. И. Арабажинъ, А. А. Башмаковъ, С. В. Богдановичъ, В. В. Брусянинъ, П. Е. Васильковскій, Б. Б. Глинскій, П. П. Гнѣдичъ, А. И. Гучковъ, чл. Гос. Думы И. Н. Ефремовъ, чл. Гос. Совѣта А. С. Ермоловъ, Е. И. Игнатьевъ, проф. А. А. Исаевъ, А. А. Измайловъ, чл. Гос. Думы М. А. Карауловъ, А. Е. Кауфманъ, проф. М. В. Клочковъ, чл. Гос. Думы И. С. Клюжевъ, чл. Гос. Думы Е. П. Ковалевскій, академикъ Н. П. Кондаковъ, А. И. Ксюнинъ, П. В. Лавровъ, Д. М. Левшинъ, проф. А. І. Малеинъ, С. К. Литвинъ, чл. Гос. Думы кн. С. П. Мансыревъ, К. П. Медвѣдскій, І. В. Никаноровъ, О. А. Новикова (Кирѣева), В. П. Опочининъ, А. М. Оссендовскій, А. А. Папковъ, А. М. Ренниковъ, П. А. Россіевъ. Н. Ф. Савельевъ, В. И. Семеновъ, Е. П. Семеновъ, В. Г. Сенатовъ, М И. Сизовъ, А. П. Скугаревскій, М. Слобожанинъ, С. Д. Смирновъ, Б. А. Суворинъ, М. А. Суворинъ, чл. Гос. Думы Н. В. Титовъ, Н. А. Томинъ, А. П. Тупинъ, В. В. Умановъ-Каплуновскій, А. И. Фаресовъ, Н. Н. Фирсовъ (Рускинъ), В. П. Цемовичъ, Е. С. Шумигорскій, И. П. Ювачевъ и др.

Въ ежемѣсячномъ приложеніи будутъ помѣщаемы романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, стихотворенія и статьи по научнымъ и общественнымъ вопросамъ.

Подписная цѣна до конца года **3** р. **50** к. вмѣстѣ съ приложеніемъ. Въ отдѣльной продажѣ цѣна № еженедѣльника **25** к. Въ отдѣльной продажѣ цѣна № ежемѣсячнаго приложенія **50** к.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Русской Будущности“ (Преображенская, 13, кв. 8), а также въ книжномъ магазинѣ т-ва „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій пр., д. 40, и въ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“ въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (Гостиный дворъ, Суконная линія, 19) и при конторѣ „Вечерняго Времени“ (Невскій, 52).

Адресъ редакціи: Петроградъ, Преображенская, 13, кв. 8; тел. 612—86.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается книга (изданіе Д. Е. Жуковскаго):

Петръ Струве.

PATRIOTICA.

Политика, культура, религія, соціализмъ.

Сборникъ статей за пять лѣтъ (1905—1910 гг.). Стр. 619.

Въ этомъ сборникѣ помѣщена статья **„Великая Россія“**, а также рядъ другихъ статей, посвященныхъ вопросамъ внѣшней политики. Въ сборникъ „Patriotica“ кромѣ того вошли статьи: „Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія“, „Интеллигенція и революція“, „Интеллигенція и національное лицо“, „Герценъ“, „Левъ Толстой“ и „17 октября 1909 г.“ (сравнительная характеристика П. А. Столыпина и А. И. Гучкова).

Цѣна 3 руб.

Книгоиздательство В. П. РЯБУШИНСКАГО.

Москва, Кудринская Садовая, д. 6.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается книга:

Выпускъ третій Изслѣдованій и работъ по политической экономіи и общественнымъ знаніямъ, издаваемыхъ подъ редакц. П. Б. Струве.

ПЕТРЪ СТРУВЕ.

ХОЗЯЙСТВО и ЦѢНА.

Критическія изслѣдованія по теоріи и исторіи хозяйственной жизни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Введеніе. Отдѣлъ I. Хозяйство и общество. Отдѣлъ II. Цѣна-цѣнность. Стр. XXXV + 358. Ц. 3 р. 50 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ХОЗЯЙСТВО и ЦѢНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Критика нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи.

Глава I. Проблема производства и проблема вмѣненія. Глава II. Проблема т. н. „распредѣленія“. Глава III. Политическая экономія и бухгалтерія. Глава IV. Цѣна и доходы. Глава V. Доходъ и капиталъ. Глава VI. Заключеніе. Экскурсы и указатели къ обѣимъ частямъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ПРИ ТИПОГРАФІИ

„Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°".

МОСКВА, Пименовская улица, собственный домъ.

Новости, поступившія на складъ.

Письма графа Л. Н. Толстого къ женѣ 1862—1910 гг. Изд. 2-е, исправлен. и дополненное. Стр. 604. Ц. 2 р.

Стихотворенія Влад Соловьева. Изд. 6-е, значительно дополненное, съ варіантами, библіографическими примѣчаніями, біографіей, факсимиле и 2-мя портретами. Ц. 2 р. 50 к.

Наука и религія. Проф. П. Страхова. Сборникъ статей. Ц. 1 р. 50 к.

„Война и культура". Серія брошюръ, посвященныхъ войнѣ и различнымъ связаннымъ съ нею вопросамъ, издаваемая подъ редакціей Исторической комиссіи при Учебномъ отдѣлѣ о-ва распр. техн. знаній. Вышло 43 брошюры, цѣною отъ 8 до 18 к. Изъ числа ихъ новыя: Сербія. Ц. 18 к. Черногорія. Ц. 10 к. Болгарія. Ц. 15 к. Славяне. Ихъ прошлое и настоящее. Ц. 18 к. Соединенные Штаты. Ц. 10 к. Кооперація въ Россіи накануне и во время войны. Ц. 20 к. Чехія. Ц. 15 к. Слѣдующіе выпуски печатаются.

Можетъ ли Германія побѣдить? Рессурсы и стремленія ея народа по наблюденіямъ американца. Переводъ съ англійскаго. Ц. 1 р.

„Подробная карманная карта военныхъ дѣйствій (складная)". Въ 5 красокъ, въ масштабѣ 1 : 2,500,000. Цѣна въ папкѣ 60 к.

Карта военныхъ дѣйствій въ Закавказьѣ и Азіатской Россіи. Размѣръ 15×24, на плотной бумагѣ, въ 5 красокъ. Масштабъ 1 : 1,000,000. Цѣна 50 к.

Изданія, состоящія на складѣ Товарищества.

Москва. Путеводитель. Историческая комиссія учебнаго отдѣла общ. распр. технич. знаній. Подъ редакціей Е. А. Звягинцева, М. Н. Коваленскаго, М. С. Сергѣева и К. В. Сивкова. Съ 54 иллюстраціями, 6 планами и 4 діаграммами. 702 стр. Ц. въ мягк. коленкор. перепл. съ рис. худ. П. Афанасьева 2 р. 50 к.

Руководство прикладной тактики. (Пособіе для офицеровъ) Состав. ген.-м. А. Безруковъ. Свыше 550 стр. текста и 61 схема. Ц. 3 р. 50 к.

Русская военная сила. А. Н Петрова. Исторія развитія военнаго дѣла отъ начала Руси до нашего времени, съ рисунками одеждъ и вооруженій, картами, планами сраженій и укрѣпленій. Изд. 2-е. 2 тома. Ц. 5 р.

Четыре войны. П. Алабина. Походн. записки въ 1849, 53, 54—56, 1877—78 годахъ. Ч. I. Венгерская война 1849 г Ц. 2 руб. Тоже, ч. II. Восточная война 1853—54 гг. Ц 3 р. Тоже, ч. III. Защита Севастополя 1854—56 гг. Ц. 4 р.

„Одинокій". Король Людвигъ II Баварскій и его замки. С. И. Лавреитьевой. Съ рисунками и портретами. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ-за короны. Ф. Коппе. Балканская трагедія. Въ 5 ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Перев. съ франц. В. Дадонова. Изд. А. Вербицкой. Ц. 80 к.

На полѣ славы. (Na polu chwaly). Историческій романъ изъ временъ короля Яна Собѣскаго. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Солдатъ. В. Гомулицкаго. Разсказъ. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Ц. 30 к.

На войнѣ въ Азіи и Европѣ. В. В. Верещагина, художника. Воспоминанія. Изд. 2-е, съ рисунками автора. Ц. 1 р. 50 к.

Наполеонъ I въ Россіи. 1812 г. Его же. Пожаръ Москвы.—Казаки.—Великая армія.—Маршалы.—Наполеонъ. Ц. 1 р. 25 к.

Исполинъ нѣмецкой промышленности. (Заводъ Круппа). Съ 4 таблицами рисунковъ и плановъ. Ц. 15 к.

По Азіатской и Европейской Турціи. Гроте Гуго. Перев. О. Романовой, подъ редакц. С. Григорьева. Со многими рисунк. и картой. Ц. 1 р.

Балканскій полуостровъ. С. Меча. Греція, Критъ, Турція, Черногорія, Сербія, Болгарія и Румынія. Ц. 50 к.

Чехія и чехи. В. И. М. Очеркъ. Съ картой и рисунками. Ц. 40 к.

Очерки изъ жизни Шамиля. П. Алферьева Ц. 30 к.

Вокругъ Азіи. А. Жирмунскаго. Японія.—Индія.—Бирма.—Египетъ. Путевые очерки, эскизы, замѣтки. Подъ редакц. и съ примѣчаніями проф. Д. Н. Анучина. Съ 70 иллюстраціями. Ц. 80 к.

Японія и японцы. Д. Н. Анучина. Географическій, антропологическій и этнографическій очеркъ. Съ 30 рисунк. и картами. Ц. 50 к.

Японія и японцы. Страна. Бытъ японцевъ, религія и литература. Исторія Японіи, государственное устройство и экономическое положеніе. Съ картой. Изд. 2-е. Ц. 35 к.

По Востоку. Б. Корженевскаго. Путевые очерки и картинки. Въ 3-хъ частяхъ, съ 117 иллюстр. Ц. 2 р. 75 к.

Англія, Уэльсъ и Ирландія. Е. Астори. Изъ личныхъ замѣтокъ и наблюденій. Ц. 60 к.

Очерки современной Италіи. М. Осоргина. Ц. 1 р. 50 к.

Вѣчный городъ. (Итоги пережитаго.) П. Д. Боборыкина. Ц. 1 р.

Путеводители-сборники изданія „Образовательныхъ экскурсій". **Парижъ.** 286 стр., съ 49 иллюстр. на мѣлов. бум. **Италія.** 222 стр., съ 51 иллюстр. на мѣлов. бум. **Римъ.** 256 стр., съ 36 иллюстр. на мѣлов. бум. **Швейцарія.** 193 стр., съ 48 иллюстр. на мѣлов. бум. Ц. каждой книги въ полукож. перепл. 1 р. 50 к.

Римъ. Справочникъ путеводитель. Б. Грифцова. 154 стр. съ планомъ города и музеевъ. Изд. „Образовательныя экскурсіи". Ц. 75 к.

Города. К. Гассерта. Географическій этюдъ. Въ переводѣ и передѣлкѣ съ нѣмецкаго, съ добавлен. Л. Д. Синицкаго. Съ 31 иллюстр. Ц. 75 к.

Элементы общаго землевѣдѣнія. Е. М. Чепурновскаго. Со многими рисунками и картами въ текстѣ. Часть I. Ц. 1 р. 50 к.

Начальный курсъ физической географіи. А. Кронеберга. Съ рисунк. и цвѣтными картами въ текстѣ. Руководство для средн. учебн. заведен. Ц. 75 к.

Картины по физической географіи. Составили преподаватели: С. В. Агаповъ, Б. П. Кащенко, М. К. Цвѣтаева и В. А. Шереметевскій. Рисовалъ художникъ В. Ватагинъ. Серія I (6 картинъ): 1) Приливъ. 2) Отливъ. 3) Горная цѣпь. 4) Горная рѣка. 5) Ледникъ (общій видъ). 6) Ледяная гора. Размѣръ картины безъ полей 52×70 с/м., съ полями—76×96 с/м. Пояснительный текстъ къ картинамъ составленъ Б. П. Кащенко. Цѣна 1-ой серіи (6 картинъ)—6 р. Цѣна текста—30 к.

Первые шаги въ наукѣ о землѣ. Проф. І. Вальтера. Общедост. введеніе и наставленіе къ производ. наблюденій. Съ 102 рисунк. и 123 задачами. Перев. А. К. Поскова. Изд. 2-е подъ ред. А. А. Чернова и проф. Д. Н. Анучина. Ц. 70 к.

Руководство общей хирургіи. Г. Тильманса, проф. Общая оперативная техника и общая техника повязокъ. Общая патологія и терапія. Съ 784 рисунками въ текстѣ, изъ нихъ нѣкоторыми въ краскахъ. Переводъ съ 10-го изданія проф. А. А. Введенскаго. Ц. 7 р., въ переплетѣ 8 р.

Антисептика и асептика. д-ра мед. Н. З. Иванова. Необходимыя свѣдѣнія для акушерокъ и фельдшерицъ. Съ 23 рисунками въ текстѣ. Изд. 3-е, исправл. и дополненное. Ц. 1 р.

Медицинская бактеріологія. Г. Габричевскаго, прив.-доц., завѣд. бактеріологич. инстит. Императ. московск. университета. 4-е посмертное дополн. изданіе. Съ 63 рис., 5 таблиц. и портретомъ автора. Ц. 4 р.

Руководство къ клинической микроскопіи для врачей и студентовъ. В. Е. Предтеченскаго, прив.-доц. Импер. московск. университета. 4-е, исправл. и дополн., изд. 19 хромолитографированныхъ таблицъ, съ 101 рис. Ц. 3 р. 50 к.

Атласъ по анатоміи человѣка, въ 3-хъ частяхъ. В. Шпальтегольца, проф. анатоміи лейпцигск. университ. Переводъ И. А. Батуева, проф. анатоміи въ новороссійск. университ. Часть 1-я. Кости, суставы, связки. Изд. 3-е. Ц. 4 р. 50 к. Часть 2-я. Области, мускулы, фасціи, сердце, кровеносные сосуды. Изд. 3-е, исправл., и дополн. Ц. 4 р. 50 к. Часть 3-я, вып. 1-й. Внутренности. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 75 к. Часть 3-я, вып. 2-й. Нервная система и органы чувствъ. Изд. 2-е. Ц. 4 р. 25 к.

Анатомія для художниковъ. М. Дюваля. Полный перев. съ новѣйшей терминологіей. Съ 76 рис. въ текстѣ. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.

Головной и спинной мозгъ. Руководство къ изученію морфологіи и хода волоконъ. Д-ра мед. E. Villiger'a, прив.-доц. неврологіи Базел. унив. Пер. съ 3-го нѣм. дополн. изд. студ.-медик. М. Аникина и А. Мокроусова подъ ред. заслужен. ординарн. проф. Московск. универ. Н. Ф. Огнева и д-ра Э. В. Шмидтъ. Съ 232 рисунками, отчасти въ краскахъ. Ц. 3 р. 75 к., въ коленкор. перепл. 4 р. 20 к.

Очерки изъ жизни растеній. О. Шмейля. Переводъ съ нѣмецкаго (съ измѣненіями и дополненіями) С Григорьева, Л. Синицкаго и С. Чефранова. 443 стр., съ 40 цвѣтными таблицами и многочислен. рис. въ текстѣ художн. В. Гейбаха. 2-е переработ. изд Ц. 3 р., въ изящномъ, тиснен. въ нѣск. красокъ перепл. 3 р. 75 к.

Растительный міръ. Гастона Бонье, члена института, проф. въ Сорбоннѣ. Съ 230 фигурами въ текстѣ. Пер. Н. Н. Маракуева. Ц. 1 р. 50 к.

Учебникъ ботаники для высшихъ учебныхъ заведеній. Страсбургера, Э., д-ра, Нолль, Ф., д-ра, Карстена, Г., д-ра, Шенка, Г., д-ра, и Шимпера, д-ра. Перев. съ 9-го нѣмец. изд. М. И. Голенкина и В. А. Дейнеги. Изд. 3-е, полное, съ 802 рисунками, отчасти въ краскахъ. Ц. 4 р.

Руководство къ зоологіи. Т. Д. Паркера и В. А. Гасвелль. Переводъ съ англ. М. А. Мензбира. Томъ I, первая половина. Съ 317 рисунками. Ц. 3 р. Т. I, вторая половина. Съ 346 рисунками. Ц. 3 р.

Сравнительная анатомія позвоночныхъ животныхъ. Д. С. Кингсли, проф. біологіи въ коллегіи Тафта, Массач. Перев. съ англійск. М. А. Мензбира, б. проф. зоологіи и сравнител. анатоміи въ Имп. московск. универс. и М. М. Новикова, проф. сравнител. анатоміи въ Московск. коммерческ. истит. Съ 346 рис. Ц. 3 р. 50 к.

Рѣшеніе „Сборника алгебраическихъ задачъ В. М. Ипатова". Л. А. Ситковскаго и В. В. Черневскаго. Ц. 1 р.

Сборникъ геометрическихъ задачъ на вращеніе различныхъ фигуръ. В. Полидорова. Ц. 25 к.

Методическое пособіе къ рѣшенію геометрическихъ задачъ. Г. Лемэра. Задачи на построеніе. 211 фигуръ въ текстѣ. Перев. съ франц. Н. Маракуева. Ц. 1 р. 50 к.

Пособіе къ рѣшенію геометрическихъ задачъ. Н. Н. Маракуева. Задачи на вычисленіе. Ц. 2 р.

Основной курсъ начертательной геометріи. Д. Н. Головнина, адъюнктъ-проф. Пособіе для учащихся и для самообразованія. Часть I. Точка. Прямая. Плоскость. Съ атласомъ изъ 154 чертежей. Ц. 2 р. 25 к. Часть II. Кривыя поверхности. Съ атласомъ изъ 84 чертежей. Ц. 2 р.

Руководство высшей геометріи. М. Шаль (M. Challes). Переводъ съ послѣдняго (2-го) французск. изд. А. Безрукова. Съ 198 чертежами. Ц. 5 р. 50 к.

Элементы дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій. В. Гренвиля. Для инженеровъ, техниковъ и для изученія безъ помощи учителя. Перев. съ англійск. Н. Н. Маракуева. Съ 236 чертежами въ текстѣ. Ц. 3 р. 50 к.

Введеніе въ теорію функцій съ одной перемѣнною. Жюля Таннери. Перев. съ франц. А. Безруковъ. Томъ. I. Изд. 2-е. Ц. 5 р. Томъ. II. Изд. 2-е. Съ замѣткою Гадамара. Ц. 5 р.

Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика.) Э. Дебо. Съ приложеніемъ главы: „Опыты безъ приборовъ". 505 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к., въ коленк. перепл. 2 р.

Популярная физика. В. Натансона, проф. Перев. съ польск. А. Р—аго. Съ 140 рисунк. въ текстѣ. Ц. 85 к.

Ученіе о свѣтѣ. Э. Эдзера. Перев. съ англ. Н. Маракуева. Съ 306 фигур. въ текстѣ. 2 цвѣтными таблицами и 1 черной таблицей солнечн. спектра. Ц. 4 р.

Рѣчи и статьи. Д. К. Максуэлля. (О дѣйствіи на разстояніи. Молекулы. Атомъ. Притяженіе. Эѳиръ.) Переводъ Н. Н. Маракуева. Ц. 80 к.

Элементарные уроки по электричеству и магнетизму. Ф. Сильвануса Томпсона. Перев. Н. Н Маракуева съ послѣдняго 35-го изданія. Съ прибавленіями переводчика: 1) О явленіи Зееманна. 2) О токахъ Тесла. 3) О телеграфѣ Маркони. 4) О телефонографѣ Поульсена. Съ 294 фигурами въ текстѣ и 2 магнитными картами. Изд. 2-е. Ц. 3 р.

Сборникъ задачъ по физикѣ для реальныхъ училищъ, съ рѣшеніями. Е. Жадовскаго, директ. бѣлевск. реал. учил. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Руководство къ рѣшенію задачъ по физикѣ. Н. Н. Маракуева. Курсъ средней школы. 956 задачъ съ отвѣтами и рѣшеніями и съ 284 фиг. въ текстѣ. Ц. 3 р.

Руководство къ практическимъ занятіямъ по химическому качественному анализу. Е. Жадовскаго, дирек. бѣлев. реальн. учил. Курсъ VI класса реальн. учил. Съ 12 рисунк. въ текстѣ и 8 таблицами. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Пособіе къ практическ. занятіямъ по неорганической химіи. С. Жуковскаго. Съ предисл. Ив. Каблукова Изд. 3-е, подъ ред. В. Пилендера. Ц. 80 к.

Краткій повторител. курсъ (Repetitorium) органической химіи по Булыгинскому, Реформатскому и Тамману. И. Бѣлозерова. Ц. 1 р.

Популярная минералогія. К. Ф. Петерса. Переводъ съ нѣмецк. В. И. М. Съ 58 рис. и чертежами на отдѣл. табл. Ц. 80 к.

Критическая исторія общихъ принциповъ механики, съ приложеніемъ дидактической главы объ изученіи физико-математическихъ наукъ. Е. Дюринга. Перев. съ нѣмецк. П. Маркуева. Ц. 4 р.

Руководство теоретической (раціональной) механики. П. Аппеля (Paul Appell), члена института, декана факультета наукъ въ Парижѣ. **Т. I. Статика. Динамика точки.** Пер. съ послѣдн. (3-го) франц. изд. 1909 г. А. Безруковъ. Ц. 6 р. **Т. II. Динамика системъ. Аналитич. механика.** Его же. Ц. 5 р. 50 к. **Т. III. Равновѣсіе и движеніе сплошныхъ срединъ.** Его же. Съ замѣткою Э. и Ф. Коссера объ Евклидовскомъ дѣйствіи. Ц. 6 р.

Руководство теоретической (раціональной) механики. П. Аппелль (Paul Appell), члена института, декана факультета наукъ въ Парижѣ. Т. I. **Статика. Динамика точки.** Пер. съ послѣдн. (3-го) франц. изд 1909 г. А. Безруковъ. Ц. 6 к. Т. II. **Динамика системъ. Аналитическая механика.** Ц. 5 р. 50 к. Т. III. **Равновѣсіе и движеніе сплошныхъ срединъ.** Съ замѣткою Э. и Ф. Коссера объ Евклидовскомъ дѣйствіи. Ц. 6 р.

Электротехника въ задачахъ и примѣрахъ. Г. Генселя, инж. Вып. I: Постоянный токъ. Теорія, расчеты, схемы и 500 задачъ и примѣровъ. Руководство для учащихся и для самообученія. Изд. 5-е, вновь пересмотрѣнное. Ц. 2 р. Вып. II: Перемѣнные токи. Изд. 3-е. Съ 80 фиг. въ текстѣ Ц. 1 р. 75 к.

Популярный курсъ электротехники сильныхъ токовъ. Постоянный и перемѣнные токи. Его же. Съ 224 фигур. въ текстѣ. Изд. 2-е. Ц р. 85 к.

Учебникъ электротехники для технич. школъ и практики. М. Кроллa, проф. правител. промышл. учил. въ Пильзенѣ. Перев. съ нѣм. инж.-механ. Е. А. Туликова и Л. Ю. Сегалова. Подъ ред. д-ра-инж., ад.-проф. Императ. технич. училища Б. П. Угримова. Съ 595 фигур. въ текстѣ. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 75 к.

Основы техники сильныхъ токовъ. Б. Угримова, д-ра-инжер., ад.-проф. Император. техническ. учил., препод. Коммерч. инст., и Г. Генселя, инж., препод. Александ. техн. ж.-д. учил. и первыхъ электротехнич. курсовъ. Томъ I Постоянный токъ. Пособіе для инженеровъ, архитекторовъ, техниковъ и учащихся. Съ 601 фигурами въ текстѣ. Изд. 3-е. Ц. 4 р. Томъ II. Перемѣнные токи. 2-е пересмотр. и дополн. изданіе съ приложеніемъ статьи „Коллекторные двигатели" препод. И. т. уч-а К. И. Шенферъ. Съ 586 фигурами въ текстѣ и 3 таблиц. Ц. 5 р.

Техника сильныхъ токовъ. Б. Угримова, препод. Импер. техн. учил. Т. II. Перемѣнные токи. Вращающіяся магнитн. поля. Трансформаторы. Изд. 3-е, со 189 фигурами въ текстѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Построеніе и примѣненіе номограммъ. Дж. Б. Педля. Разрѣшенный авторомъ перев. съ англійск. Е. П. Куколевской, подъ ред. преподават. Императорск. московск. технич. училища Р. В. Полякова. Съ 58 рис. въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.

Машиностроительное черченіе и скицированіе. Н. К. Пафнутьева, инж.-механ., преподав. Император. московск. технич. училища. Пособіе для начинающихъ техниковъ и учащихся. Съ 116 фигур. въ текстѣ и двумя таблицами. Ц. 1 р. 35 к.

Детали машинъ. П. К. Худякова и А. И. Сидорова, проф. Импер. москов. технич. училища. Ч. I. Изд. 3-е. Ц. 2 р. Ч. II. Изд. 3-е. Ц. 2 р.

Атласъ конструктивныхъ чертежей деталей машинъ. Ихъ же. Ч. I. Изд. 4-е. Ц. 6 р. Ч. II. Изд. 4-е. Ц. 6 р.

Задачи по деталямъ машинъ (со включеніемъ задачъ на переводъ формулъ въ другія мѣры). А. И. Сидорова, проф. Императ. москов. технич. училища. Серія I. Съ 227 чертеж. въ текстѣ. Ц. 1 р.

Трубы и ихъ соединенія. А. И. Сидорова, проф. императорск. техническ. учил. Большой томъ въ 491 стр., съ 400 чертеж. Ц. 8 р.

Противъ „Капитала" К. Маркса. Ученіе о технической рентѣ. А. И. Трофимова, инженера-технолога. Ц. 2 р.

Новый взглядъ на природу и причины богатства народовъ. Его же. Попытка обращенія къ сужденію здравомыслящихъ людей и въ народа. Ц. 20 к.

Техническая рента какъ источникъ прибыли (къ кризису интеллигенціи). Его же. Ц. 50 к.

Теорія прибавочной стоимости К. Маркса съ технической точки зрѣнія. Его же. Изд. 2-е. Ц. 75 к.

Матеріалистическое пониманіе исторіи. Что такое интеллигенція? Его же. На основѣ закона технической ренты. Цѣна предметовъ рѣдкихъ къ вопросу о голодѣ. Ц. 20 к.

Полный каталогъ находящихся на складѣ при типографіи изданій по требованію высылается безплатно.

Книжные магазины пользуются обычною уступкой.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ГОДЪ ТРИДЦАТЪ ШЕСТОЙ

КНИГА IX

МОСКВА И ПЕТРОГРАДЪ

1915

AP
50
R8
9.36
x8.9

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб. д.
Москва—1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ПѢСНИ АШУГОВЪ. — Переводъ съ армянскаго **Валерія Брюсова** 1

II. АЛАТЫРЬ. Повѣсть.—**Е. И. Замятина** 9

III. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Николая Ашукина** 39

IV. УЛЬСТЕРЕЦЪ. Современная повѣсть **Франкфорта Мура.** (The Ulsterman. A Story of to day by *Frankfort Moore.*) Съ англійскаго.—Перев. **З. Зеньковичъ** 40

V. ПИСАТЕЛЬ. Повѣсть. *Окончаніе.*—**П. С. Романова** . . . 82

VI. СТАРЫЕ БОГИ. Драма въ 4-хъ дѣйств. **Левона Шанта.** Съ предисловіемъ **Юрія Веселовскаго.** Съ армянскаго.—Перевела **Србуи Лисиціанъ** 115

VII. СОКОЛОВЪ И ДАНИЛЕНОКЪ.—**Маріи Моравской** . . . 186

VIII. ДУХЪ ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ.—**Григорія Львова** . . . 1

IX. ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ И ЕЯ ПРАВОВАЯ ЭВОЛЮЦІЯ.—**В. Н. Дурденевскаго** 25

X. ФРАНЦУЗСКАЯ ЖЕНЩИНА ПЕРЕДЪ ЛИЦОМЪ ВОЙНЫ.—**М. И. Лотъ-Бородиной** 56

XI. ЗАКЛЮЧЕНІЕ АВСТРО-ГЕРМАНСКАГО СОЮЗА.—**И. О. Левина** 71

XII. ОТВѢТСТВЕННОСТЬ МИНИСТРОВЪ И ОТВѢТСТВЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО.—**А. В. Болдыря** 82

XIII. МАТЕРІАЛЫ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ. Неизвѣстная статья **К. Н. Леонтьева:** „Нѣсколько воспоминаній и мыслей о покойномъ Ап. Григорьевѣ“. Сообщилъ **Влад. Княжнинъ**. 108

XIV. БѢЖЕНЦЫ-ГАЛИЧАНЕ.—**А. М. Смирнова-Кутаческаго** . . 125

Стр.

XV. † Л. П. ЛУТУГИНЪ.—**А. С. Изгоева** 140

XVI. † ГРАФЪ Ф. Г. ДЕ-ЛА-БАРТЪ.—**Д. М. Муретова** . . . 142

XVII. ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ СИБИРСКАГО ПАТРІОТА. Къ 80-лѣтнему юбилею Г. Н. Потанина.—**Т. М. Фарафонтовой.** 144

XVIII. ОТВѢТСТВЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО.—**Влад. Гессена** . . 156

XIX. КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Критико-библіографическій отдѣлъ. I. Книги:** Литература, исторія литературы и литературная критика.—Философія.—Исторія.—Правовѣдѣніе.—Политическая экономія, статистика и финансы. **II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 августа по 1 сентября 1915 г.** 1

XX. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

1. Редакція принимаетъ только рукописи, переписанныя на машинкѣ или совершенно четко перомъ; рукописи неразборчивыя не читаются.

2. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ.

3. Мелкія рукописи (меньше 1 печатнаго листа) и рукописи стихотвореній не сохраняются, и редакція рекомендуетъ авторамъ такихъ произведеній оставлять у себя ихъ копіи.

4. По поводу мелкихъ рукописей и стихотвореній редакція не вступаетъ съ гг. авторами ни въ переговоры, ни въ переписку, хотя бы на отвѣтъ были приложены марки. Авторы такихъ произведеній, не получившіе отвѣта въ теченіе 2 мѣсяцевъ, могутъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

5. Обратная пересылка рукописей по почтѣ производится за счетъ гг. авторовъ и притомъ исключительно *заказной* бандеролью.

Редакторъ принимаетъ по **понедѣльникамъ** отъ 2—5 ч.

Секретарь—по **четвергамъ** отъ 3—5 ч., а также въ дни и часы пріемовъ редактора.

ПѢСНИ АШУГОВЪ.

Переводъ съ армянскаго.

Отъ переводчика. Ашуги — армянскіе труверы, бродячіе народные пѣвцы-поэты. Современная война вновь поставила на очередь вопросъ о судьбахъ народа, бывшаго въ теченіе почти двухъ тысячелѣтій „авангардомъ Европы въ Азіи". Никто не сомнѣвается, конечно, что армяне заслуживаютъ сочувствія въ силу тѣхъ невыразимыхъ страданій, которыя они испытываютъ уже рядъ вѣковъ подъ турецкимъ игомъ. Но у армянскаго народа есть высшее право на вниманіе,—право націи высоко-культурной, въ лучшемъ смыслѣ слова. Армянская литература, насчитывающая свыше *полутора тысячъ лѣтъ* существованія, — лучшее тому доказательство. Армянская поэзія—истинный, по выраженію Фета, „патентъ на благородство" армянскаго народа. „У чукчей нѣтъ Анекреона, къ зырянамъ Тютчевъ не придетъ!"—говоритъ Фетъ. И можно сказать, что народъ, который далъ хотя бы Нахапета Кучака и Саятъ-Нову (двухъ поэтовъ, стихи которыхъ предлагаются вниманію читателей), тѣмъ самымъ уже навсегда включилъ себя въ число культурныхъ націй, участвующихъ въ совмѣстномъ творчествѣ человѣчества. Между тѣмъ названные два поэта лишь случайные представители длиннаго ряда „ашуговъ", поэзія которыхъ съ XII по XVIII вѣкъ, впрочемъ, также раньше и позже этихъ граней, выражала душу армянскаго народа въ стихахъ, достигающихъ высокаго совершенства формы и изысканной утонченности выраженій. Добавимъ, что пѣсни „ашуговъ", хотя въ нихъ и чувствуется нѣкоторое вліяніе поэзіи персидской, тѣсно связаны съ народными армянскими пѣснями, также представляющими большой художественный интересъ и являющимися проявленіемъ души истинно-поэтической, чувствующей глубоко и тонко.

Предлагаемыя, какъ образецъ, пѣсни принадлежатъ двумъ поэтамъ-пѣвцамъ: *Нахапету Кучаку,* жившему въ XVI вѣкѣ, вѣроятно (судя по языку пѣсенъ) въ окрестностяхъ Эгины, и *Саятъ-Новѣ,* родившемуся въ Тифлисѣ въ 1719 году, писавшему стихи на разныхъ языкахъ (сохранились его пѣсни армянскія и турецкія, грузинскія — затерялись), пользовавшемуся при жизни огромной популяр-

ностью въ народѣ и убитому персами при взятіи Тифлиса въ 1795 г. Стихи обоихъ этихъ ашуговъ, распѣвавшіеся авторами, подъ аккомпанементъ *„камончи“* (народный музыкальный инструментъ), на базарахъ, на свадьбахъ, на разныхъ общественныхъ собраніяхъ, достигаютъ, безспорно, той „эпирной высоты“, которой Фетъ изумлялся въ поэзіи Гафиза. Форму своихъ стиховъ Кучакъ и Саятъ-Нова заимствовали у персидскихъ поэтовъ, но значительно претворили ее и влили въ нее вполнѣ самостоятельное содержаніе, частью почерпутое изъ народныхъ пѣсенъ, частью составляющее лирическія изліянія души самого поэта. Переводы, представляемые здѣсь, сдѣланы мною съ подлинниковъ, при чемъ я старался передать какъ ритмъ подлинника (армянское стихосложеніе — силлабическое), такъ и чередованіе риѳмъ оригинала. Къ сожалѣнію, воспроизвести всѣ аллитераціи и всю игру звуковъ, на которые армянскіе поэты такъ щедры, не всегда было возможно въ риѳмованномъ переводѣ. Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь свою сердечную благодарность моему учителю армянскаго языка, проф. П. П. Макинціану, безъ усерднаго содѣйствія котораго я, при моемъ еще далеко не достаточномъ знакомствѣ съ языкомъ, конечно, не могъ бы предпринять такую работу.

Армянскимъ текстомъ стиховъ Нахапета Кучака я пользовался въ изд., подъ ред. А. Чобаньяна, Парижъ, 1902 г.; Саятъ-Новы—въ изд. подъ ред. Г. Ахвердьяна (Ахвердова), Москва, 1852 г.

В. Б.

Пѣсни Нахапета Кучака.

(XVI вѣкъ).

I.

— На кровлѣ ты легла уснуть, твоя созвѣздьямъ свѣтитъ грудь,
Позволь же мнѣ къ тебѣ прильнуть, иль укажи домой мнѣ путь!
— Тебѣ нельзя со мной уснуть, нельзя и дома отдохнуть,
Но такъ дрожи и жди, пока—захочетъ утра свѣтъ блеснуть!

II.

Ты въ мірѣ—перстень золотой: зажгусь алмазомъ надъ тобой.
Ты—зелень, нѣжащая прудъ: разсыплюсь по травѣ росой.
Ты—яблочко, что̀ берегутъ: смѣшаюсь съ молодой листвой.
Ахъ! Осенью тебя сорвутъ, и я изсохну въ жгучій зной!

III.

Въ ту долгу ночь лишь разъ, лишь два я прялку повернуть могла,
Мнѣ вспомнился желанный яръ, [1]) я встала, пряжу убрала,
И, сладкимъ ковшъ наливъ виномъ, я къ двери яра подошла:
„Желанный яръ! Открой мнѣ дверь! Стою въ снѣгу, дай мнѣ тепла!“

IV.

Скажи, мой милый мѣсяцъ, мнѣ: куда спѣшишь, дробясь въ волнѣ?
Сквозь окна много милыхъ дѣвъ ты видишь, дремлющихъ во снѣ;
Онѣ, полураздѣты, спятъ; ты ихъ ласкаешь въ тишинѣ,
И, послѣ, въ небѣ покраснѣвъ, ты звѣзды гасишь въ вышинѣ.

V.

Чуть соловей примчался въ садъ, онъ возлѣ розы сѣсть былъ радъ,
Свой добрый ротъ раскрылъ и пѣлъ, до утра, розѣ пѣснь усладъ.
Та притворялась, будто спитъ, но вдругъ, струя свой ароматъ,
Разорвала зеленый плащъ,—и алымъ сталъ ея нарядъ!

VI.

Какъ я люблю твой милый ликъ: ему луна поетъ съ высотъ!
Твоихъ я жажду нѣжныхъ устъ: предъ ними горекъ дикій медъ!
Твои глаза, въ дугѣ бровей, бездонны, какъ пучина водъ!
И чаша съ розовой водой—твой алый, твой прекрасный ротъ!

VII.

Идя близъ церкви, видѣлъ я, у гроба, рядъ зажженныхъ свѣчъ:
То юношу во гробъ любовь заставила до срока лечь.
Шептали свѣчи, воскъ струя, и грустную я слышалъ рѣчь:
„*Онъ* отъ любви страдалъ, а *намъ*—должно то пламя сердце сжечь!“

---

[1]) *Яръ*—милый, милая, возлюбленный, возлюбленная (въ армянскомъ языкѣ нѣтъ различія грамматическихъ родовъ).

VIII.

Крункъ. [1])

Крункъ! Куда летишь? Крикъ твой—словъ сильнѣй!
Крункъ! Изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?
Стой! Домчишься вмигъ до семьи своей!
Крункъ! Изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Свой покинулъ садъ я въ родной странѣ;
Чуть вздохну, душа—вся горитъ въ огнѣ.
Крункъ! Постой! Твой крикъ—нѣжитъ сердце мнѣ!
Крункъ! Изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Хоть мои мольбы тщетно прозвучатъ,
Крикъ твой слаще, чѣмъ—въ скалахъ водопадъ.
Твой въ Алеппо путь? Иль летишь въ Багдадъ?
Крункъ! Изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Сердце звало насъ,—собрались, ушли;
Въ лживомъ мірѣ мы много зла нашли,
И тоскуемъ здѣсь, отъ друзей вдали...
Крункъ! Изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Медленна годовъ въ мірѣ череда...
Да услышитъ Богъ, растворитъ врата!
Жизнь хариба [2])—грусть, взоръ—въ слезахъ всегда.
Крункъ! Изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Боже! Пожалѣй,—кто живетъ изгнанъ!
Грудь хариба—скорбь, сердце—полно ранъ,
Хлѣбъ, что ѣстъ онъ,—желчь, ключъ, что пьетъ,—поганъ...
Крункъ! Изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Нѣтъ мнѣ буднихъ дней, праздниковъ мнѣ нѣтъ;
Вертелъ бьетъ меня, на огнѣ согрѣтъ;
Но не огнь томитъ: память прошлыхъ лѣтъ!
Крункъ! Изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

---

[1]) *Крункъ*, по-армянски—журавль. Это—одна изъ популярнѣйшихъ пѣсенъ, которую знаетъ и поетъ каждый армянинъ. Мелодія пѣсни—тягучая, однообразная, но напѣвъ имѣетъ много варіантовъ: каждый пѣвецъ поетъ „Журавля“ по-своему.

[2]) *Харибъ*, по-армянски—изгнанникъ, по принужденію или добровольный, вообще—человѣкъ, находящійся на чужбинѣ.

Изъ Багдада ты: путь въ Сейратъ далекъ!
Напишу письмо, дамъ тебѣ въ залогъ,—
Вѣрности твоей будь порукой Богъ:
Ты снеси, доставь милымъ мой залогъ!

Напишу въ письмѣ, что мой свѣтъ погасъ,
Что ни въ ночь ни днемъ не открыть мнѣ глазъ,
Что я здѣсь томлюсь, милые, по васъ!
Крункъ! Изъ странъ родныхъ нѣтъ ли мнѣ вѣстей?

Осень настаетъ... Что же, поспѣшай!
Стаю ты собралъ межъ безсчетныхъ стай;
Не отвѣтивъ, ты улетѣлъ въ нашъ край...
Крункъ! Изъ этихъ мѣстъ скройся, улетай!

Пѣсни Саятъ-Новы.

(1719—1795 г.)

I.

Я въ жизни вздоха не издамъ, доколѣ „джанъ“ [1]) ты для меня!
Виномъ наполненный фіалъ, я коимъ пьянъ, ты для меня!
Дай спать въ тѣни твоей: шатеръ, въ сырой туманъ, ты для меня!
Узнавъ мой грѣхъ, меня убей: султанъ и ханъ ты для меня!

Твой станъ — чинарный кипарисъ; твое лицо — прангй-атласъ; [2])
Языкъ твой—сахаръ, медъ—уста, а зубы—жемчугъ и алмазъ;
Сапфиры въ чашѣ золотой—огни твоихъ прекрасныхъ глазъ;
Ты—бриллiантъ! безцѣнный лаллъ индійскихъ странъ ты для меня!

Какъ мнѣ печаль перенести? иль сердце стало какъ утесъ?
Ахъ! я разсудокъ потерялъ! въ кровь обратились токи слезъ!
Ты—новый садъ, и въ томъ саду, за тыномъ изъ роскошныхъ розъ,
Позволь мнѣ плакать о тебѣ: въ саду—фонтанъ ты для меня!

---

[1]) *„Джанъ“*—армянское слово, означающее *и* душу *и* тѣло, вообще нѣчто самое дорогое, милое, любимое.

[2]) *Прангй-атласъ*, по-армянски—французскій, заморскій атласъ.

Любовью опьяненъ, не сплю, но сердце спитъ, тобой полно:
Всѣмъ міромъ пусть пресыщенъ міръ, но алчетъ лишь тебя оно!
Съ чѣмъ, милая, сравню тебя?—Все, все исчерпано давно.
О, дочь огня! крылатый конь, степная лань ты для меня!

Поговори со мной хоть мигъ, ты—милая Саятъ-Новы!
Ты блескомъ озаряешь міръ, ты солнцу—щитъ средь синевы!
Твой сладокъ ароматъ, и ты—что̀ лилія среди травы:
Гвоздика, роза, розмаринъ и майоранъ ты для меня!

II.

Я—на чужбинѣ соловей, а клѣтка золотая—ты!
Пройдешь, какъ по ковру царей, [1]) лицо мнѣ попирая, ты!
Твои ланиты—розъ алѣй, какъ образъ дивный рая—ты!
Какъ шаха, я тебя молю; молчишь, не отвѣчая, ты.

О, милая! Вошла ты въ садъ и взорами цвѣты палишь:
Твои глаза огонь струятъ, ты силой красоты палишь,
А я своимъ мученьямъ радъ: сгораю я, а ты палишь...
Никто такъ стройно не ступалъ, какъ ходишь, всѣхъ сжигая, ты!

Причти меня къ своимъ рабамъ, вѣрь, что твоя лампада я;
Поставь меня къ своимъ вратамъ: какъ стражъ замру у сада я.
Я боленъ, и не знаю самъ, живъ или мертвъ отъ яда я,
И, какъ Араксъ, безуменъ я, когда глядишь, мечтая, ты.

Ты, съ мушкой на лицѣ, мила; кто видѣлъ, тотъ плѣненъ тобой.
Хотя ты мной пренебрегла, я буду осужденъ тобой.
Ты отвернулась, отошла, не выслушанъ мой стонъ тобой,
Хотя жизнь можешь даровать, какъ царь повелѣвая, ты.

Саятъ-Нова сказалъ въ слезахъ: „Я слезъ не лью, пока могу,
Но буду выносить я страхъ и скорбь свою, пока могу.
Хочу быть славнымъ на пирахъ, тебя пою, пока могу...
О, если бы со мной на пиръ вошла, какъ сазъ [2]) сверкая, ты!

---

[1]) „*Коверъ царей*“, по-армянски, „*піандазъ*“,—драгоцѣнная матерія, которую разстилаютъ по улицамъ города, когда въ него въѣзжаетъ царь.

[2]) „*Сазъ*“—народный музыкальный инструментъ.

III.

Каманча. [1])

Изъ всѣхъ людьми хваленыхъ лиръ полнѣй звучишь ты, каманча!
Кто низокъ, не иди на пиръ: предъ нимъ молчишь ты, каманча!
Но къ высшему стремись: весь міръ, всѣхъ покоришь ты, каманча!
Тебя не уступлю я: мнѣ—принадлежишь ты, каманча!

Ушко—серебряное будь, сверкай на *головѣ*—алмазъ;
Рука — слоновой кости будь, на *чревѣ* — перлъ гори, какъ глазъ;
Струна — изъ злата свита будь, рѣзьбой плѣняй, *желѣзо*, насъ;
Ты—брилліантъ и лаллъ! Восторгъ—въ себѣ таишь ты, каманча!

Смычокъ быть долженъ золоченъ, чтобъ пышно онъ блисталъ, звеня;
Пѣвучій *волосъ*—быть сплетенъ изъ космъ крылатаго коня.
Тѣмъ, какъ бальзамъ, даришь ты сонъ, тѣхъ ты бодришь всю ночь, до дня:
Ты—золотой сосудъ съ виномъ, и всѣхъ пьянишь ты, каманча.

Въ ашугѣ двѣ души съ тобой: ему и чай и кофе есть;
Когда онъ утомленъ игрой, на полкѣ ты находишь честь,
Когда-жъ поетъ,—вновь пиръ горой, ты—празднествъ и гуляній вѣсть!
Собравъ красавицъ вкругъ себя, ихъ всѣхъ манишь ты, каманча!

---

[1]) *„Каманча́“* (или *„кяманча́“*) музыкальный инструментъ, аккомпанируя себѣ на которомъ пѣли *„ашуги“*. Отдѣльныя части каманчи носили названія: *„ушка“*, *„головы“*, *„чрева“*, *„желѣза“* (строфа 2-я); инструментъ — *струнный* и играли на немъ *смычкомъ*, на которомъ были натянуты *конскіе волосы* (строфа 3-я). Передъ началомъ игры ашугу подавали *чай и кофе* (строфа 4-я). При состязаніи пѣвцовъ побѣжденный отдавалъ обыкновенно свою каманчу побѣдителю (стихъ 4-й строфы 1-й). *Крылатый конь* (строфа 3-я)—отголосокъ миѳа о Пегасѣ.

Ты всѣмъ даешь веселый видъ, съ тобой опять здоровъ больной;
Чуть сладкій зовъ твой зазвучитъ, блаженъ, кто говоритъ съ тобой.
Проси, да скажутъ: „Богъ продлитъ—дни насъ плѣнявшаго игрой!“
Доколѣ живъ Саятъ-Нова, что̀ не узришь ты, каманча!

Валерій Брюсовъ.

АЛАТЫРЬ.

Повѣсть.

I.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ раньше грибы несчетно сидѣли кругомъ алатыря-камня,—тутъ нынче городъ осѣлъ.

И у жителей тѣхъ, видимое дѣло—отъ грибовъ принаслѣдно, пошло плодородіе—буйное, прямо. Оптомъ, дюжинами крестили ребятъ. Проѣзжая осталась одна только улица: вышелъ указъ—по прочимъ не ѣздить, не подавить бы младенцевъ, въ изобиліи ползающихъ по травкѣ.

И впредь бы подъ благословеніемъ Божіимъ городу жить, да вышло такое дѣло: царь турецкій войною пошелъ. Народу побили видимо-невидимо. Пріѣхалъ тутъ изъ губерніи начальникъ и строго-настрого приказалъ: черезъ годъ—была чтобъ тыща младенцевъ, и больше никакихъ. Потому—война.

Алатырцы не выдали: поставили тыщу, да съ гакомъ еще. А начальникъ-то—возьми да и похвали:

— Богатыри. Исполать, молъ, вамъ.

Ну, съ глазу, конечно, и съѣлъ. Перестали въ Алатырѣ мужнія жены дѣтей приносить. А еще того хуже: какъ вотъ рыба въ рѣкѣ переводится—такъ перевелись въ Алатырѣ всѣ женихи. И пошло, и пошло неплодіе.

Срамъ обуялъ неслыханный: вѣковуши—въ Алатырѣ, а? Сроду того не бывало. И не то, чтобы какъ, а и въ самыхъ въ первыхъ домахъ: у протопопа соборнаго—разъ, у Родивона Родивоныча, у инспектора—два, у исправника... Ужъ на что исправникъ самъ, и у него на рукахъ—Глафира.

А вѣдь только поглядѣть на Глафиру: ростомъ высошенька, волосъ русый, глазъ сѣрый сверкучій, вся наливная—какъ спѣлая рожь. На роялѣ Глафира можетъ: Касту Диву, Дунайскія Вол-

ны. И такая, поди жъ ты, немужней осталась, не нынче-завтра начнетъ осыпаться.

Цѣлый день въ исправницкомъ домѣ кукушкой кукуетъ гулко тоска. А чуть засинѣетъ вечеръ—Глафира къ окну: насупротивъ, черезъ дорогу, номера для пріѣзжающихъ купца Агаркова—не загорится ли тамъ огонекъ?

Будто—загорѣлся. Горбоносый, сѣлъ кто-то къ столу писать. Завтра утромъ, чуть свѣтъ, къ Глафирѣ въ окошко постучитъ изъ номеровъ половой: „Отъ барина—вамъ письмо“...

И жарко живетъ Глафира всю ночь. Утромъ — нѣту письма. Ну, что-жъ, стало быть, завтра принесутъ.

Долго ли, коротко ли, но только въ одно воскресное утро—изъ номеровъ половой и впрямь заявился съ письмомъ. Запершись въ свѣтелкѣ своей, разорвала Глафира конвертъ, руки тряслись, еле слова разбирала.

„Милостивая государыня. Зная вашу красоту и любезность, осмѣлюсь предложить вамъ...“

— Господи, слава тебѣ!

„...наилучшую рисовую пудру, а также спермацетовые личные утиральники“...

Въ тотъ день Глафира до обѣда ревмя ревѣла. За обѣдомъ на исправника крикнула такъ, что онъ языкъ прикусилъ. Послѣ того уставилась, битый часъ, какъ пришитая, въ клѣтку съ кенаремъ и съ кенаркой глядѣла (выписалъ ей исправникъ изъ Москвы спеціально). Глядѣла, глядѣла, да вдругъ какъ схватитъ клѣтку-то эту, да объ полъ ка-акъ шваркнетъ: отъ кенаря съ кенаркой только мокро осталось.

Исправникъ съ исправничихой держали совѣтъ: что такое съ Глафирой? Съ чего дѣвка сбѣсилась?

— Эка штука, пудры ей предложили. Развѣ это инцидентъ?—удивлялся исправникъ. И все свои брюки подтягивалъ, все подтягивалъ: было всегда это у исправника знакомъ душевнаго волненія.

А брюки носилъ исправникъ на ватѣ стеганыя: простудливъ былъ очень, сложенія слабаго,—замухрышъ, одно слово. Зато ужъ исправничиха—женщина росту серьезнаго, бурудастая, грудастая, а гласъ у ней—трубный. Какъ крикнетъ на мужа трубнымъ-то гласомъ:

— Да ты что тамъ мямлишь? Инцыдентъ, инцыдентъ... Какой ты есть градоначальникъ, ежели дочь свою пристроить не изобрѣтешь?

Поразмысливъ, Иванъ Макарычъ наверхъ, на исправничиху, поглядѣлъ этакъ гордо:

— Я-то? Не изобрѣту? Очень просто: надо Глафирочку на службу опредѣлить. Съ ритуальной, такъ сказать, цѣлью. Поняла?

Спицей въ головѣ почесала исправничиха.

— А и вѣрно, глядишь. Ума ты палата, Иванъ Макарычъ.

Сказано—сдѣлано. Ходитъ Глафира на телеграфъ—и годъ, и другой. А къ ритуальной цѣли—ни шагъ. Хоть бы такъ, для виду, кто приволокнулся: никого.

Тутъ Иванъ Макарычъ рукою махнулъ на Глафиру, на все—и въ кабинетъ заперся. Ужъ если по правдѣ—такъ только въ кабинетѣ у Ивана Макарыча и была настоящая жизнь. Незабвенные часы проводилъ тутъ Иванъ Макарычъ, здѣсь возникали всѣ великія и многочисленныя его изобрѣтенія: составъ для полнѣйшей замѣны дровъ въ безлѣсныхъ мѣстахъ; тайна приготовлять не уступающій настоящему искусственный мраморъ; особливый способъ домашнимъ путемъ производить отмѣнныя стекла для зрительныхъ трубъ. И, наконецъ, это многообѣщающее открытіе послѣднихъ дней: секретъ печь хлѣбы не на дрожжахъ, какъ всѣ, а на пометѣ голубиномъ, отчего хлѣбы будутъ вкуснѣйшіе и дешевые гораздо. Въ какой-то книжкѣ старинной откопалъ исправникъ этотъ секретъ—и взялся за дѣло.

Иванъ Макарычъ такъ полагалъ: дѣлать—такъ ужъ дѣлать, на широкую руку, а не то чтобы тамъ... Задешево, по случаю, пріобрѣлъ восемнадцать пудовъ муки. А тамъ пекаря свои, даровые, арестанты изъ острога. Голубиный—не покупать этотъ самый...

— Пеки, ребята, сыпь въ мою голову!

Пекли калачи, пекли. Таскали арестанты, таскали. Сперва въ кабинетъ. Кабинетъ завалили, вылѣзли въ залъ, подъ рояль, на рояль, на окна. А кругомъ калачей Иванъ Макарычъ гоголемъ ходитъ.

Въ ту пору исправничиха на богомольѣ была, у Стефана Болящаго, у прозорливца. Вернулась, калачи увидала, да какъ взъѣстся, трубнымъ-то гласомъ:

— Да Господи-Батюшко! Придумалъ вѣдь тоже: на голубиномъ... Весь домъ напоганилъ теперь...

— Да ты—на, отвѣдай сперва, а потомъ толкуй.

— Чтобы я, да этакую погань? Да избай меня Богъ, я еще въ своемъ умѣ... И завтра же чтобъ было чисто, хоть за окно. А то, знаешь?

Зналъ Иванъ Макарычъ... Загорюнился, жалко, чай, нещечко

свое кидать вонъ. Эхъ, какъ бы это... Подтянулъ исправникъ свои ватныя брюки разъ и другой.

— Бба-а! А Потифориха-то? А ну, Кошкаревъ, доставь.

Торговала на базарѣ Потифорна, псалтырь читала, всякую боль заговаривала: отъ грызи, отъ срыву, отъ свербежа, отъ глазу, отъ всего облегчить могла, на всѣ руки. На отшибѣ, въ завалящемъ проулкѣ, Потифорну разыскали и мигомъ представили передъ исправника. Отмахнула Потифорна поклонъ поясной.

— Да что, Потифорна, съ докукой къ тебѣ. Калачи, вотъ видишь? Возьмись-ка на базарѣ продай, а ужъ я...

— И-и, отецъ, намъ ли тебѣ не служить? Только молви.

Петръ-Павелъ рябинникъ минулъ, студеные утренники пошли. Взяла съ собой на базаръ Потифорна съ угольемъ теплымъ горшочекъ. На горшочкѣ томъ сидя, три пятницы калачомъ торговала.

— Э-эхъ, калачи хороши—для спасенія души, по-осненькіе!

Рядомъ слѣпецъ, съ деревянной баклушей, свою присказку ведетъ:

— Пр-равославные христіанушки, отъ роду-рода-родовъ, отъ вѣку-вѣка-вѣковъ, солнца кра-аснаго...

А зипунъ—чередомъ идетъ, кто съ новой дугой, кто съ лыкомъ, кто съ поросенкомъ—дешевый калачъ закупать.

Черезъ три пятницы пришла Потифорна къ исправнику.

— Такъ, молъ, и такъ, расторговалась вашей милости калачами, ни одного не осталось.

Иванъ Макарычъ ужъ вотъ какъ доволенъ: не для ради денегъ, а для ради чести своей предъ исправничихой.

— Ну, Потифорна, проси, чего хочешь, такъ ты меня ублажила.

— Ужъ коли милость твоя такая, такъ нельзя ли, отецъ, Костюньку мово въ люди бы вывесть? Въ чиновники, то-есть. Хорошій онъ малый, да только, вотъ...

— Что—только?

— Къ сочиненіямъ пристрастенъ. Сочиненія, батюшка, все сочиняетъ, и день—и ночь, и сидитъ—и сидитъ, ужъ такое мнѣ горе. Да вотъ, глянь-ка...

Покопалась за пазухой, вытащила Потифорна прошеніе, Костюней сочиненное на случай неизвѣстнаго благодѣтеля.

— Мм... да, скоропись хорошая,—поглядѣлъ исправникъ.

„Прошеніе. Я обладаю естественной любознательностью ко всему ученому міру, въ связи чего рѣшилъ подготовить Себя къ литературной службѣ. И просьба къ помощи, въ виду неимѣнія аванса прямо посѣщать училищную скамью.

Моя краткая біографія изъ жизни: я воспитанъ въ кругу нѣжныхъ заботъ единственной матери, но не могу отомстить ей тѣмъ же, и хотя бы къ старости лѣтъ ей пожеть развязно.

Вотъ прискорбный фактъ покинутыхъ сиротъ. Подпись: Константинъ Едыткинъ".

Походилъ исправникъ, подумалъ. Прошеніе—ничего, забористое, надо бы его, надо...

— Ну, а что, напримѣръ, ежели мы его на телеграфиста приготовимъ, а? Глафира моя, она вѣдь по этой части...

— На телеграфиста? На чиновника?—затряслась Потифорна.

— Ну да, на чино...

И кончить исправникъ слова не успѣлъ, какъ Потифорна въ ноги—кувырь. Только и видать: пучёчекъ сѣдыхъ волосъ на затылкѣ да куча старушечьяго темнаго платья. Искусница Потифорна—поклоны бить.

II.

Поутру на Покровъ нашлась кошка Милка исправницкая. Въ свѣтелкѣ Глафириной Милка лежала теперь, молокомъ кормила своихъ четырехъ младенцевъ. Мурлыкала, жмурилась, вся извивалась Милка, сладко терзаемая четверкой розовыхъ ртовъ.

Такъ это вдругъ пронзило Глафиру, такъ затомилась вся нецѣлованная, такъ запросила грудь касаній нѣжнаго рта, что хоть на стѣну лѣзь. А стѣны—гладкія, нѣтъ ни сучка, ухватиться не за что.

— „А Костя этотъ самый?" — вспомнила: исправникъ вчера толковалъ про Костю, какъ знать, можетъ онъ...

Загорѣлось Глафирѣ къ Потифорнѣ ѣхать сейчасъ же. А въ соборѣ еще и обѣдня не отошла, еще только къ достойну звонили.

Для праздника, для Покрова—солнце грѣло чудочекъ. Въ заваляшемъ проулкѣ мирно купались куры въ кучахъ назолу. Предъ окошкомъ—Потифорна читала акаѳистъ Пресвятѣй Богородицѣ.

И вдругъ, неслыханное дѣло—загремѣлъ тарантасъ въ проулкѣ. Ахнули куры, брызнули изъ-подъ копытъ, полетѣлъ со страху на полъ акаѳистъ.

— Батюшки, барышня исправникова... А домъ не прибратъ, а Коська...

Зашныряла въ избѣ, подъ лавку соръ замела, обряжать торопилась Костю въ новый пинжакъ домодѣльный.

— Да руки-то, оголтень, тьфу... Руки-то суй скорѣй...—и соловьемъ тотчасъ же,—матушка, барышня! Радость-то намъ какая для Покрова... Костюня, иди-ко-сь...

Изъ темнаго угла вышелъ Костя. Скворешня—живая скворешня. На жалостно-тонкой шеѣ—голова чемоданомъ. Чутошный, робкій, озябшій носикъ. Ротъ растворенъ покорной отъ вѣка—улыбкой.

Нѣтъ, какой ужъ тамъ горбоносый... Какъ, вотъ, неудачный пирогъ опадаетъ—опала Глафира, все стало вразъ постыло: и Костя—постылъ, и затхлая клѣть, и поклономъ свернутая вдвое съ подносомъ старуха.

— Выкушай, барышня, красавица, старуху уважь...

Глафира пригубила чашку. Что за бурда такая? Не то замазкой, не то хлѣбомъ ржанымъ отдаетъ.

— Это... что же такое?—сморщилась кисло Глафира.

У Потифорны—лицо земляное, ни краснѣть, ни блѣднѣть не можетъ: поземлѣла Потифорна съ обиды.

— Кофій это, матушка, кофій. Для гостя дорогого пять лѣтъ берегла, вотъ оно что. Въ градѣ Воронежѣ, гдѣ Митрофаній угодникъ, сама покупала. Кофій...

Заковыляла къ горкѣ, вытащила кофій драгоцѣнный, сунула банку Глафирѣ. На банкѣ серебряной литерой подпись:

Сей кофій
по пріятности подобенъ ліванскому
но
можетъ быть употребляемъ какъ настоящій.

Засмѣялась Глафира. Смѣхъ—какъ живая вода: красавицей стала, кипенные зубы—какъ снѣгъ, въ снѣгу—алой ягодой губы, рожью—колышется грудь.

Улыбнутый отъ вѣка покорно, Костя глядѣлъ—съ Глафиры глазъ не спускалъ, прикованный сладкой цѣпью.

Въ укладкѣ своей, подъ замкомъ, Костя два года цѣломудренно берегъ тетрадку: ни одинъ живой глазъ не видалъ. Была озаглавлена та тетрадка: „Сочиненія Константина Едыткина, то-есть Мои“.

И пришелъ теперь часъ: безъ колебаній малѣйшихъ—такъ было надо—Костя вынулъ тетрадку и положилъ предъ Глафирой.

— Что это?—удивленно подняла Глафира брови крутыя.

— Со-сочиненія. Вамъ...—глядѣлъ Костя молитвенно.

— Ну, сударь, нѣ-ѣтъ, стишки-то надо оставить. Вотъ, экзаменъ сдадимъ,—тогда что угодно.

— Хорошо, я не буду,—покорился радостно Костя.

Потифорна только руками развела:

— Ну и ну!... Я его два года урекала,—онъ все сочинялъ. А тутъ на-ко-сь: не буду—съ одного слова...

Заниматься къ барышнѣ исправниковой Костя ходилъ по вечерамъ—съ шести. У Потифорны часы—Богъ ихъ знаетъ: съ той поры, какъ для лучшаго ходу былъ привязанъ къ гирѣ старый утюгъ—что-то лукавить стали часы. И такъ выходило, что Костя до сроку забирался задолго.

— Барышня кушаютъ чай, мало-мале́ погодить просили.

Въ темной прихожей садился Костя на стулъ. Шепоткомъ довторялъ про себя урокъ. Кухарка тащила мимо Кости въ кухню самоваръ ведерный. Влѣзала въ прихожую исправничиха темнымъ слономъ. Шарила шубейку на стѣнѣ,—въ сѣни надобно выйти—во тьмѣ натыкалась руками на Костю.

— Тьфу-тьфу-тьфу! Сгинь, окаянный, сгинь... Да это ты? Ухъ, провались ты совсѣмъ... Ну иди ужъ, иди. Фирочка чай отпила.

Костя свѣтлѣлъ и лѣзъ наверхъ, въ свѣтелку къ Глафирѣ.

— Ну?—говорила Глафира сердито, сидя передъ зеркаломъ, къ Костѣ спиной.

Открыла Глафира: началъ подбрюдокъ у ней наплывать, какъ у исправничихи. Да и то бъ еще—полбѣды. Бѣда въ томъ, что на подбрюдкѣ, на шеѣ—стала расти борода. Плохой это знакъ: перевалило подъ горку. Съ сердцемъ стригла по одному волоску.

А Костя тачалъ—отъ сихъ и до сихъ. Всѣ уроки онъ зналъ на зубокъ, зубрилъ день и ночь—только чтобъ она головою кивнула: хорошо, молъ.

И только одинъ разъ было: Костя урока отвѣтить не могъ, стоялъ, какъ нѣмырь. Въ тотъ разъ торопилась Глафира въ гости. Въ корсетѣ передъ зеркаломъ сидя, закладывала старинную прическу: вѣнкомъ на головѣ—кругъ русой косы. Держала шпильки въ зубахъ:

— Шкажите, пушть идетъ, отвѣчаетъ. А то не успѣю...

Костя вошелъ—и свѣту не взвидѣлъ. Зажмурилъ глаза и тотчасъ не стерпѣлъ—открылъ. Опять: кружева и розово-нѣжное что-то, такое, что... Сердце зазябло у Кости, заныло, забылъ всѣ слова и...

— „Некогда тутъ, а онъ какъ...“—оглянулась Глафира и—разсмѣялась. Поняла.

— Подержите мнѣ, Костя, зеркало. Такъ. А теперь вотъ сюда. Такъ. Ну, спасибо, довольно.

Зеркало ходуномъ ходило. Костя молчалъ...

Назначили Костѣ экзаменъ наранѣ Успенья. Жарынь стояла. Мухъ развелось нивѣсть сколько. Старушку одну—не владала она руками—такъ изжиляли, что ума рѣшилась старушка.

Трудно заниматься было Костѣ. Весь изсидѣлся,—какъ, вотъ,

бываетъ, изсидится насѣдка: выйдетъ изъ лукошка—и шагу ступить не можетъ. Веснушками Костя зацвѣлъ, голова еще больше стала, обрѣзался носикъ озябшій.

— Что, молодой человѣкъ, похудалъ? Какая-такая заѣла болѣзнь?—увидалъ какъ-то Костю исправникъ.

— Эк-экзаменъ,—улыбнулся Костя покорно.

— Э-э, вотъ оно что... Вызволить малаго надо бы...—Поѣхалъ Иванъ Макарычъ къ почтмейстеру. Почтмейстеръ—стариканъ трухлявый. Въ отставку выходитъ къ новому году. Изъ носу сыплетъ табакъ—на бумаги, на письма; все ужъ уменьшительно кличетъ: очечки, телеграммочка, книжечка разносненькая. Такого Ивану Макарычу улестить—велико ли дѣло? И улестилъ.

Скоръ и милостивъ Костѣ экзаменъ былъ. И часу не прошло—вышелъ Костя свѣтелъ, что новенькій мѣсяцъ. Вернулся домой—въ фуражкѣ съ желтымъ кантомъ, въ тужуркѣ форменной новой.

Увидала Потифорна чиновникомъ Костю—въ голосъ какъ взвоетъ да въ землю—кувырь:

— Сергій Радонеж... угодники вы мои-и! Да разразите же вы меня-а! Чѣмъ я вамъ теперь отплачу-то за Коську?

III.

Бываетъ, что хозяйка слишкомъ любезная—въ чаю стаканъ набутитъ сахару кусковъ, этакъ, пять: инда поперхнешься отъ сладости. Такъ вотъ и дворянинъ Иванъ Павлычъ — лицо имѣлъ пріятное, очень пріятное: пріятности—всѣ пять кусковъ. Ходилъ Иванъ Павлычъ въ верблюжьей рыжей поддевкѣ, въ сапогахъ высокихъ, при часахъ французскаго золота съ толстой цѣпочкой. И какъ Иванъ Павлычъ—первымъ всегда все зналъ, то принимали его алатырцы именитые очень охотно: тѣмъ и кормился.

Теперь проживалъ Иванъ Павлычъ временно (третій мѣсяцъ) у отца Петра, протопопа соборняго. Очень полюбилъ протопопъ Ивана Павлыча. Каждый день послѣ обѣда садились они на диванъ, именуемый Чермное море.

— Ну, Иванъ Павлычъ, давай, братъ, опять поговоримъ отвлеченно.

Отвлеченно—про діавола, стало быть. По этой части протопопъ былъ мастакъ. Въ академіи еще будучи, книгу составилъ: „О житіи и пропитаніи діаволовъ“. Ту книгу Иванъ Павлычъ прочиталъ усердно...

— ...А по мнѣ, ваше преподобіе, самые благочестивые—болотные черти, потому—семейно живутъ, неблудно и въ мукахъ рожаютъ дѣтей—заведетъ Иванъ Павлычъ умильно.

— А-а-а, это хохлики называемые...—обрадуется протопопъ, глаза заблестятъ,—шу-устрые этакіе, знаю, у-ухъ...—И видимо, знаетъ досконально: даже покажетъ, какого хохлики росту. И пойдетъ, и пойдетъ: Ивану Павлычу—только слушай.

Нынче Иванъ Павлычъ огорчилъ протопопа: поговорить отвлеченно не захотѣлъ, приспичило, вотъ, ему къ исправнику тотчасъ послѣ обѣда бѣжать по экстренной надобности.

— Ну, что еще за экстра такая?—поглядѣлъ сердито исправникъ: занимался онъ въ кабинетѣ—оторвали его.

Дворянинъ Иванъ Павлычъ въ рукѣ держалъ книжку, вродѣ паспортной, что ли. Нагнулся къ исправникову уху:

— Почтмейстеръ-то новый... въ Агарковскихъ номерахъ...

— Э-э, ну тебя. Это я вчера еще зналъ.

— Да нѣтъ, Иванъ Макарычъ, я не про то. Прописался почтмейстеръ-то—и представьте...

Взялъ паспортъ исправникъ — и обмеръ: почтмейстеръ-то новый... князь. Форменный... Князь Вадбольскій, женатъ, разведенъ, и княгиня проживаетъ въ городѣ Сапожкѣ, при отцѣ своемъ, протоіереѣ...

Рѣзвымъ игрень - конемъ дворянинъ Иванъ Павлычъ—отъ исправника дальше погналъ. Черезъ часъ—всѣ въ Алатырѣ знали про князя-почтмейстера. Волненіе великое вышло. Ночь мало кто спалъ.

— „Ежели нашъ князь разведенъ и въ самъ-дѣлѣ, то вѣдь... Марьюшка-то наша...“—такія тутъ мысленныя отверзались вершины, что куда ужъ тамъ спать.

На утро у почты—длинный чередъ: вдругъ всѣмъ марки покупать загорѣлось. Пронзенный десятками дѣвьихъ взоровъ—князь шелохнуться боялся. Шелестѣлъ шопотъ, вился кругъ князя:

— Видъ - то благородный какой. Печать - то прикладываетъ какъ, а?

— Нѣтъ, ты глянь: побородокъ-то...

А и вѣрно: въ подбородкѣ—вся соль. Такъ—лицо, какъ лицо. Скуластое, желтое, съ зализами лобъ, но подбородокъ...

Очень, конечно, странно—но подбородка у князя нѣтъ и въ завѣтѣ: губы, усы, а потомъ прямо—юркъ подъ галстукъ, какъ будто оно такъ и надо. И давало это князю видъ какой-то прищуренный, даже, сказать бы, коварный...

Колеи желтѣлись, тлѣли. Надсаживалось воронье по заборамъ: теплынь выкликало. Звонила капель. Пожаловала честная масленица въ Алатырь.

У исправничихи полонъ ротъ хлопотъ: завтра князь-почтмей-

стеръ къ исправнику званъ на блины, князя умѣючи надо принять. Съ чѣмъ-то князья блины кушаютъ? Неужъ, какъ и грѣшные мы, съ масломъ съ топленымъ, съ яйцомъ, со сметаной, съ припекой, съ снѣткомъ? Нѣтъ ужъ, для вѣрности—вѣдущихъ людей бы надо спросить...

— Вотъ что, Иванъ Макарычъ. Ступай-ка ты къ Родивону Родивонычу сейчасъ и все у него прознай, онъ человѣкъ, вѣдь, вродѣ—придворный. Да зови его на блины: разговаривать-то князя кто будетъ? Да вертайся скорѣй... а то—знаешь?

Исправнику хуже это горькой рѣдьки—къ Родивону Родивонычу ѣхать. Съ того самаго года, какъ получилъ Родивонъ Родивонычъ портретъ и собственноручное письмо—зазнался такъ, что житья съ нимъ нѣтъ. И все ладитъ—въ соборѣ, чтобъ раньше исправника къ кресту подскочить. Этакой, вѣдь, фуфырь.

Смахивалъ Родивонъ Родивонычъ на кочета стараго, и сноровка такая жъ: наскакивалъ все.

— Сме-та-на?—на исправника такъ и наскочилъ, попятился инда Иванъ Макарычъ.—Про сметану и думать не могите. Фидонъ: сметана. Исключительно: зернистая икра. А на ужинъ: бульонъ, свинья—соусъ пиканъ... и вообще легкое и французское.

Блины тѣ самые были въ четвергъ. Изъ гостей только князь былъ да еще Родивонъ Родивонычъ, инспекторъ. А то все свои. Константинъ Захарычъ-то? Костя-то? Ну-у, онъ за гостя нейдетъ: шляется каждый день,—какой ужъ тамъ гость.

Костя сидѣлъ на самомъ концѣ стола, гдѣ стояли запасныя тарелки. Выйдетъ блинъ неудачливъ—съ дырой, пузыремъ, безъ румянца,—сейчасъ его Костѣ Глафира:

— Ѣшьте, ну? Живо...

Костя бралъ, чуть касался ея руки, проколотый сладкой болью—хоронился въ тарелку, безъ счету глоталъ въ сухомятку блины...

Исправникъ—рядомъ съ княземъ сидѣлъ, погибалъ: надо было ему разговоръ начать съ княземъ—и хоть бы одно навернулось проклятое слово... Всѣхъ лицъ высокихъ исправникъ робѣлъ.

Молчалъ и князь. Почтительно всѣ глядѣли на особенный его подбородокъ—и никто не видѣлъ растерянныхъ князевыхъ глазъ.

...Князь глазами набрелъ, наконецъ, на исправниковъ серебряный погонъ—и пальцемъ ткнулъ радостно:

— А у меня, вотъ, тоже...

— Ага, да-да-да, такъ, такъ,—закивалъ, засіялъ исправникъ.

— ...у брата, то-есть, братъ въ Москвѣ приставомъ, четыре тыщи въ годъ, безъ доходовъ.

Пауза, мучительная...

— Кстати, я, вотъ, изобрѣлъ изъ голубинаго...—И осѣкся Иванъ Макарычъ, поймавъ грозный исправничихинъ взглядъ.

— Лучше ужъ, батюшка, ты—Родивонъ Родивонычъ, князю разскажи про собственноручное-то...

Родивонъ Родивонычъ—хозяйкѣ поклонился придворно.

— Да, собственно, не стоитъ... Былъ я на выставкѣ нижегородской. Какъ человѣкъ культурный... Проѣздъ, вѣдь, отъ насъ—два рубли двадцать... Хожу, значитъ, все очень прекрасно, однимъ словомъ, комъ са. Вдругъ — генералъ. Косу взяли поглядѣть — и по пальчику: чикъ. Ну, значитъ, кровь. А я—человѣкъ въ дорогѣ запасливый, ваше сіяссь... Вынулъ изъ кармана: не угодно ли, ваше превосходительство, коллодій? А генералъ-то былъ не простой, а можно сказать—вы-со-кая особа! Да вотъ, ваше сіяссь, письмо-то оказалось при мнѣ слу... случайно...

Прищуренно князь читалъ. Глядѣла на него Глафира,—никакъ понять не могла: да что же, да что же въ этомъ лицѣ—знакомое—да нѣтъ, не знакомое даже, а вотъ такое...

Съ восьми часовъ вечера съѣздъ начался: везли дочерей—танцовать съ почтмейстеромъ-княземъ. Пуганой звѣрушкой какой-то шмыгнулъ въ уголокъ отецъ Петръ, протопопъ,—мохнатенькій, маленькій, какъ домовой. За отцомъ, въ шелковомъ черномъ, гордо прошла Варвара-протопоповна. Торчали черно-синія космы: прибирать волосъ не умѣла—глядѣла Варвара вѣдьмой. Загуляли по залу, обнявшись, восемь штукъ Родивонъ Родивонычевыхъ. Сѣлъ за рояль дворянинъ Иванъ Павлычъ—все въ той же верблюжьей рыжей поддевкѣ. Заигралъ,—зацвѣла, завертѣлась вся зала.

Князь у печки одинъ, бокомъ немножко, стоялъ. И на кафелѣ бѣломъ такъ было четко лицо, коварное, безъ подбородка, съ чуть замѣтной горбинкой носъ...

— Горбоносый!—чуть не крикнула вслухъ Глафира. Бросилась къ князю. Тяжело дыша, крѣпко стиснула князеву руку—будто послѣ давней разлуки.

Танцовала Глафира съ княземъ, блаженно закрыла глаза. На стульяхъ у стѣнъ—завидущая дѣвья орава шелестѣла, шептала. Ласково-зло улыбалась Варвара-протопоповна...

— Князь,—наскакивалъ Родивонъ Родивонычъ, какъ кочетъ,—съ вами хотятъ быть знакомы... мои, вотъ... Восемь,—конфузливо онъ кончалъ, очень стѣснялся восьми: человѣкъ онъ—почти что придворный—и вдругъ—восемь!

Падалъ князь, огорошенный градомъ дѣвьихъ именъ и взглядовъ и къ одной—счастливицѣ—наклонялся...

Танцуя, князь наступилъ на хвостъ своей дамѣ. Пришлось выйти изъ круга—какъ разъ это у рояля случилось—и вострымъ своимъ ухомъ услыхалъ Иванъ Павлычъ конецъ разговора:

— ...Одеколоны,—вотъ это я очень уважаю. Цикламенъ, вотъ, и еще... какъ бишь? Корило... корилоспнсъ,—съ трудомъ вспомнилъ князь.

Къ ужину—все доподлинно было извѣстно: что князь—развратникъ, у него—одеколоны, и вообще—человѣкъ онъ таинственный.

— По-ми-луй-те? Гонялъ съ дѣвками цѣлый вечеръ,—что-о-жъ это?—съ попрекомъ качались букли сѣдыя.

Зато—дѣвицы въ восторгѣ:

— Семь одеколоновъ, и на всякій день—свой... Ужъ видать: настоящій декадентъ (произносится: дѣкадѣнтъ).

За ужиномъ, послѣ свиньи-соусъ-пиканъ, выпилъ сантуринскаго исправникъ, посмѣлѣлъ и, твердо глядя князю въ глаза, произнесъ, наконецъ:

— Кстати—я изобрѣлъ отмѣнно дешевый способъ производить хлѣбъ...

Князь задумчиво поглядѣлъ на Ивана Макарыча:

— Но что всѣ изобрѣтенія для народовъ, покуда не будетъ у нихъ общаго языка?

Сказано это было раздѣльно и твердо. Всѣ разинули рты: языка-а? Ка-акъ? И еще пуще утвердилась таинственность князя.

За ужиномъ, рядомъ съ Глафирой—сидѣла Варвара. За талію обнимала Глафиру, ласково-злыми глазами глядѣла, медовыя рѣчи вела.

А когда у себя въ свѣтелкѣ стала на ночь раздѣваться Глафира—на платьѣ кисейномъ увидала сзади дыру: выхваченъ ножницами изрядный косякъ. Сразу смекнула Глафира, кто. Сердце зашлось отъ злости на Варвару. Можетъ, оттого и заснуть никакъ не могла.

Встала. Приложила къ стеклу къ холодному лобъ. Насупротивъ, черезъ площадь, въ Агарковскихъ номерахъ, теплѣлъ въ окнѣ огонекъ.

Схватила бинокль, прильнула—и вся подъ тонкимъ мадаполамомъ заколыхалась, какъ рожь отъ вѣтра: у стола, раздѣтый, сидѣлъ князь, писалъ. Но что же, что? Ночью, въ три часа. Навѣрное, завтра придетъ изъ номеровъ половой...

Князь писалъ письмо въ городъ Сапожокъ. Въ правомъ углу на бумагѣ была вытиснена коронка.

„Милая Лёна. У меня отъ подъемныхъ еще остался 21 руб.

Не надо ли тебѣ? Потому что здѣсь—жизнь очень простая, яйца лучшія—18 копеекъ, я скучаю и мнѣ денегъ не надо. Кланяйся Васи, я сердца на него не имѣю, лишь бы ты была счастлива".

IV.

Костя за ужиномъ не былъ. Сказала ему исправничиха:

— Константинъ Захарычъ, ты у насъ свой человѣкъ... Не прогнѣвайся ужъ, стульевъ нехватка.

На нѣтъ—нѣтъ и суда. Ни отнюдь не обидѣлся Костя. Жалко только было отрываться отъ Глафиры; нынче совсѣмъ замѣчательная Глафира была, прямо вотъ... божеская. Ну, тоже и князь,—еще бы на него поглядѣть.

Каждое маніе князя—нравилась Костѣ, каждое слово его ловилъ. А когда про одеколоны услышалъ,—тутъ Костя восторгнулся ужъ вовсе, закипѣли стихи въ головѣ.

Пришелъ Костя домой—первымъ дѣломъ къ укладкѣ, вынулъ тетрадь—и сразу, съ присѣста, напечатлѣлъ:

„Нашъ новый господинъ почместеръ,
Замѣчательный человѣкъ.
А по мнѣ разъ въ десять
Умнѣе тутъ всѣхъ.
И когда мнѣ представлялся,
То мнѣ рукопожалъ.
Я восхищался,
И навѣкъ его увожалъ".

Потифорна Костю съ блинами ждала. Мигомъ огонь сварганила въ печкѣ, первый, румяный, блинъ полила сметаной, поставила Костѣ. Сталъ, было, нѣкаться Костя: сытъ, молъ, довольно.

— Господи-батюшка, не хочетъ теперь у матери ѣсть у родной. Загордился ужъ, а? А не я ли поганца тебя—и въ люди-то, въ чиновники вывела, а?

Не сговорить съ маманей. Съ улыбкой покорной—Костя ѣлъ снова блины, безъ счету: кипѣли еще стихи въ головѣ—до счету ли тутъ было?

А на утро—катался по полу Костя, помиралъ животомъ. На почту не пошелъ: куда ужъ. И все хуже да хуже. Къ прощеному дню—обрѣзался Костя, совсѣмъ посинѣлъ. Потифорна на вѣку на своемъ—покойниковъ безъ числа поглядѣла, глазъ наметался. Съ базара пришла, увидала Костю такого—какъ взвоетъ. Да скорѣй за отцомъ Петромъ, христіанской бы кончиной хоть померъ-то Коська.

Пока Потифорна ходила—лежалъ Костя одинъ. Умирало въ Алатырѣ солнце, въ окно—билась бабочкой нѣжной заря, печально колоколъ плылъ, какъ лебедь, надъ завалящимъ проулкомъ. Въ секунду какую—Костя понялъ, что конецъ и что надо—нужнѣе жизни—Глафиру увидѣть и все ей сказать.

Потифорна вернулась одна, отца Петра не застала дома. И тотчасъ шопотомъ строгимъ велѣлъ Костя маманѣ—къ исправнику сбѣгать и Глафиру позвать.

Пошла Потифорна, какъ не пойти. Хоть слезы утирая, кропталась: нѣтъ бы, за докторомъ или за попомъ, а онъ за вертихвосткой за этой...

И когда увидѣлъ Костя ее возлѣ себя, единую, божескую,—сдвинулся въ немъ какой-то камень столѣтній, и забилъ изъ-подъ камня изъ самой глуби хрустальный ключъ: всего напоилъ, утишилъ, исполнилъ. Тихонько взялъ Костя Глафирину сладкую руку:

— Теперь... я долженъ сказать... Помираю, блиновъ объѣлся... И теперь вотъ... Нѣтъ, не могу я про это сказать словесно...

Отъ жалости сморщившись вся, Глафира сказала:

— Ну, что вы, Костя, зачѣмъ?... Вы вѣдь знаете, что я васъ тоже,—зачѣмъ говорить...

Улыбнулся Костя прозрачно-покорно: теперь—хорошо помереть. Туманомъ Глафира заволоклась, послѣдней ушла отъ Кости. Конецъ, тихо все, сладко—и если-бъ только маманя не брызгала въ лицо водой... Но Потифорна все брызгала: Костя открылъ глаза еще разъ...

Такъ бы, можетъ, Костя и померъ, да втесался тутъ отецъ Петръ—съ баклановкой со своей; баклановка у него такая была—ото всѣхъ болѣзней помóга. Въ баклановкѣ первое — водка, конечно, лѣкарствамъ всѣмъ мать; а въ водку — красный сургучъ толченый положенъ, да корень-калганъ, да перцу индѣйскаго краснаго же, да еще кой-чего, что въ секретѣ берегъ отецъ Петръ.

Съ огневой ли съ баклановки съ этой, или съ радости просто великой—сталъ Костя помалу живѣть. На крестопоклонной съ постели всталъ: еще вѣтромъ качало, зеленый, длинный—скворешня живая; носикъ Костинъ озябшій—усохъ, еще меньше, жалостнѣй сталъ.

Потифорна первымъ дѣломъ—Костю поперла къ отцу Петру, за баклановку благодарить.

— Ну-ну-ну, чего еще тамъ,—замахалъ отецъ Петръ на Костю,—поговѣй постомъ—вотъ и все. Ну-ну, иди съ Богомъ...

Послѣ обѣдни постовской—усталый, темный мохнатенькій,—

сидѣлъ протопопъ въ углу, какъ домовой. Нѣсть числа у него въ соборѣ говѣльщиковъ было. Кликали колокола цѣлый день, шелъ тучей народъ. Съ любострастіемъ мелочи всѣ вспоминали куриныхъ грѣховъ, медленный, мѣшкотный шопотъ въ уши лѣзъ безъ конца...

Уходилъ протопопъ изъ собора—будто медомъ обмазанъ и вывалянъ весь въ пуху: мѣшаетъ, пристало по всему тѣлу. Одно только спасенье было: придя домой—баклановки выпить рюмку.

Перво-на-перво послѣ той рюмки—туманецъ тончайшій въ глазахъ, все денное, налишшее, гинетъ. Тихо—не спугнуть бы—пригнувшись, сидитъ отецъ Петръ. А протретъ глаза—и ужъ ясно видитъ, настояще, яснѣе въ сто кратъ, чѣмъ днемъ.

Тотчасъ за окномъ—веселая козья морда киваетъ:

— Здравствуй.

— Ну, здравствуй, ишь ты нынче какой...

Въ такомъ видѣ—любитъ ихъ отецъ Петръ. Вотъ если зракъ человѣчій они принимаютъ—нашей одежи не любятъ они, больше все голяшомъ—ну, тогда ужъ...

Пріятную бесѣду съ козьей мордой ведетъ отецъ Петръ, пока не заслышитъ: Варвара идетъ. Тотъ—дирака, конечно: въ одноножку, въ прискочку, какъ ребята малые бѣгаютъ, и видно отцу Петру: тряско подскакиваетъ лѣвое его плечо на бѣгу...

А голова у протопопа работаетъ ясно-преясно:

— Не отъ рюмки же это, всякому видно: дѣло не въ рюмкѣ.

Когда подходила Варвара—глазъ не открывая, спрашивалъ протопопъ:

— Это ты, Собачѐя?—и явственно видѣлъ у Варвары зубы злые, собачьи, черно-синюю шерсть.

— Да что-жъ мнѣ съ тобою дѣлать? Опять ты?—кричала Собачѐя злая, кусала отца Петра: въ руки, преимущественно, и въ ляжки.

На утро, за чаемъ, заплаканная—говорила:

— Какая я тебѣ Собачѐя? Ты что на меня возводишь?

Засучивалъ рукавъ отецъ Петръ, показывалъ на рукѣ:

— А это, а это—что?

И глядитъ-не глядитъ Варвара, заладила все свое:

— Знать ничего не хочу, къ доктору надо тебя...

Къ доктору, хмъ... Нѣтъ, тутъ докторъ не свѣдущъ.

Въ великій четвергъ—Варвара въ лоткѣ купалась на кухнѣ, Иванъ Павлычъ по городу шлындалъ, сидѣлъ отецъ Петръ одинъ.

И опять—тотъ же самый пришелъ, коземордый, и никто не мѣшалъ ужъ: всласть наговорился отецъ Петръ. Очень интересныя вещи разсказалъ коземордый и между прочимъ, что у нихъ—распространяться начинаетъ ужъ истинная вѣра, и ужъ онъ, коземордый, по истинной вѣрѣ пошелъ...

Такъ протопопъ обрадовался—просто нѣту и словъ. Вечеромъ, на стояніи, между евангелій, думалъ все протопопъ:

— „Ну, слава Богу, истинная вѣра пошла и тамъ. А то жалко ихъ было—бѣда...“—радостно билъ протопопъ поклоны за вѣру истинную.

И еще одна въ соборѣ курилась къ Богу молитва радостная: Кости Едыткина. Благодарилъ онъ за все огуломъ: и за то, что сподобился онъ таланта—стихи писать; и за чинъ четырнадцатаго класса; и самое главное—за то, что стоялъ онъ рядомъ съ Глафирой.

Въ соборѣ—свѣтъ, свѣчи у всѣхъ. Истово страсти протопопъ вычитываетъ. Костя въ новой тужуркѣ, сердце полно. Глаза опустивъ, сладко видѣть Глафирину милую руку; наклеивать, какъ и она, мѣтинки на свѣчѣ—евангельямъ счетъ; уколоться украдкой о теплый локоть...

Отъ стоянія несли домой четверговый огонь. Людей въ темп не видать—только текутъ огоньки. Вотъ уже въ зарѣчьѣ—свернули въ проулки—загасли. Тихо.

Костя фуражкой свѣчу прикрывалъ. На розстани трехъ переулковъ—на Глафиру взглянулъ, замстилось совсѣмъ про свѣчу, и вѣтромъ огонь задуло.

Попросилъ огня у Глафиры. Дрожали руки, долго не могъ попасть. И когда, наконецъ, зажегъ,—сладко сжалось сердце у Кости: предвѣщаньемъ какимъ-то, навѣкъ нерушимымъ, было соединеніе это свѣчей. И огненному знаку—такъ Костя крѣпко повѣрилъ, что, къ Глафирѣ нагнувшись, спросилъ:

— А когда же... свадьба?

Раздумчиво поглядѣла Глафира мимо Кости куда-то, ничего не сказала.

V.

Дворянинъ Иванъ Павлычъ—человѣкомъ довѣреннымъ сталъ у князя: отъ Ивана Павлыча и слухъ тотъ пошелъ, что на Пасхѣ объявитъ князь свою тайну и всѣхъ пригласитъ.

— Да къ чему пригласить-то?

— А вотъ, повзгодите маленько, все объяснится,—съ ехидной пріятностью отвѣчалъ Иванъ Павлычъ.

Еле Пасхи дождались. День выпалъ на славу. Съ утра сусальнымъ золотомъ солнце покрыло Алатырь—сталъ городъ, какъ образъ престольный. Красный трезвонъ бренчалъ серебромъ весь день. Зелень травъ веселая разстелила сукно торжественной встрѣчи. И напротивъ самыхъ Присутственныхъ Мѣстъ—топтала сукно свинья...

Князь съ визитами ѣздилъ задумчивъ: хорошо бы и правда—въ день такой святое дѣло начать... Но всѣ разговѣлись усердно, травнички, декохты, наливки, настойки—вездѣ на столахъ: гдѣ ужъ тамъ разговоръ завести серьезный...

Послѣдняя у князя надежда была—на отца Петра: отецъ Петръ способенъ—отъ міра сего вознестись къ возвышенному. Несомнѣнно, способенъ, человѣка по глазамъ—сейчасъ видно...

Такъ разсуждалъ князь, подкатывая на линейкѣ къ отцу протопопу. Откуда ни возьмись свинья. Хрюкнула зло на лошадь, лошадь—шарахнулась, ляскнулъ зубами князь, чуть усидѣлъ. Вошелъ къ протопопу разстроенъ.

— Отецъ по приходу ходитъ,—вышла къ князю Варвара. Повертѣла лампу въ рукахъ, но не зажгла почему-то.

Тутъ только князь примѣтилъ: а пожалуй, вѣдь, поздно. За окномъ—мѣсяцъ взошелъ, ущербленный, тусменный, узкій. И такимъ увидѣлось небо жутко-пустымъ, такимъ замолкшимъ навѣкъ, что горло схватило, хоть вой...

Молчать было жутко. Съ силой собравшись, князь себя улыбнулъ:

— Я, знаете, къ вамъ на живейномъ ѣхалъ. А на лошадь—свинья кэ-экъ хрюкнетъ... Свиньи у васъ борзыя какія.

Варвара молчала, глядѣла въ окно, на мѣсяцъ.

— ...Все у васъ какіе-то заборы, пустоши, пустоши, собаки воютъ...

Варвара прикрыла руками лицо и странно сползала со стула на полъ. Князь испуганно всталъ.

— Не уходите... Нѣтъ! Нѣтъ!—закричала, забилась Варвара.

Такіе у ней были глаза, такая жалость заныла въ князѣ, что не было силъ уйти. Сѣлъ снова на стулъ.

— Вотъ, скоро надѣюсь... Начнемъ общеполезную работу,—забормоталъ князь, отвернулся: стѣснялся глядѣть на Варвару, такіе у ней глаза...

Показалось, что-то трется у ногъ, протопоповъ песъ, какъ же онъ со двора... Глянулъ, а у ногъ по полу ползла Собачея-Варвара. Ласково скалила зубы собачьи, глазами молила-молила: „ну если не хочешь, ты хоть ударь—хоть ударь“, терлась о ноги...

Охнулъ князь, отпихнулся, выскочилъ безъ шапки на площадь. Припустился бѣжать... Да нѣтъ, это что-то не то... Оглянулся: въ протопоповыхъ окнахъ темно. Но въ одномъ темномъ,— или это кажется только?—въ темномъ мечется бѣлое—мѣлъ-лицо...

Красная Горка—свадебный день, а въ Алатырѣ, вотъ, не слыхать ни свадебныхъ бубенцовъ, ни весело-печальныхъ пѣсенъ пропойныхъ.

— Нѣтъ жениховъ, и все тутъ... — князю жалобился исправникъ, сдавая письмо заказное.

— А вы бы ихъ... тово...—поощрили властью отъ Бога данной.

— Я бы радъ, да не знаю, какъ. А то бы—васъ перваго обженилъ...

— Что-жъ, я... я жениться не прочь, — сказалъ сконфуженно князь, припертый къ стѣнѣ.

Мимоходный тотъ разговоръ, конечно, въ городѣ сталъ извѣстенъ; воспрянули вновь надежды на князя. И когда въ пятницу на Ѳоминой получены были письма отъ князя съ приглашеніемъ собраться на почтѣ къ восьми по самонужнѣйшему дѣлу, такъ всѣ валомъ и повалили: весь именитый Алатырь собрался.

— Господа! По евангелію...—дрогнулъ голосъ у князя,—нѣсть ни эллинъ, ни іудей, ни кто тамъ. Всѣ—одно стадо. А что же мы, господа?

Глянулъ князь строго. Кто-то вздохнулъ сокрушенно.

— Въ стадѣ—развѣ по разному блеютъ? А мы—кто по-каковски, по-своему всякъ. Отсюда и война, и всякая такая дрянь, а ежели бы, какъ стадо... На одномъ на великомъ языкѣ эсперантѣ весь міръ—то настала бы жизнь прекрасная и всеобщая любовь... До послѣдняго окончанія...

— Господи, а мы-то... Мы давно подумывали, богадѣльню, или бы что... И вдругъ, прямо, то-есть, въ самую точку...—растроганный къ князю полѣзъ цѣловаться исправникъ.

А за нимъ и всѣ зашумѣли, затѣснились кругъ князя, умильно зарились на него, какъ коты на сметану, съ любострастіемъ лобызали небритую князеву щеку.

Полнехонекъ листъ подписей оказался у князя. Всего больше тутъ было дѣвьихъ именъ. Но отрадно, что оказалась жажда знаній и во многихъ почтенныхъ, немолодыхъ уже людяхъ: записался исправникъ, Родивонъ Родивонычъ, Левинъ — аптекарь, отецъ Петръ—протопопъ, дворянинъ Иванъ Павлычъ. Князь былъ донельзя доволенъ.

Никогда еще въ Алатырѣ не было страднаго лѣта такого. Бывало, вечеромъ лѣтнимъ румянымъ по угожеству всякъ про-

хлаждался. Кто подороднѣй—въ чемъ мать родила подъ яблонькой въ садикѣ квасъ попивалъ; кто поприлежнѣй—надъ омутомъ синимъ сидѣлъ, выуживая склизкихъ вьюновъ; кто посмирнѣй предъ супругой—исправника взять—на крылечкѣ исправникъ чистилъ владимирку-вишню, варенье завтра варить...

Житью прохладному—нынче каюкъ. Какъ отзвонитъ въ соборѣ восемь часовъ, тутъ какая погода ни будь, соловьи отъ натуги хоть тресни, на учебу надо къ князю итти. И только въ Алатырѣ трое дурныхъ, въ охотку учиться бѣгутъ: Костя Едыткинъ, Глафира исправникова да Варвара еще, протопоповна.

Неизмѣнно первымъ на уроки Костя являлся. Ревниво стерегъ онъ сладкое свое мѣсто рядомъ съ Глафирой. Приносилъ тетрадки Глафирины, клалъ отъ себя по правую руку, садился и долго въ тихой теми ожидалъ.

— „Глафира—супруга моей жизни, это ужъ нерушимо. А послѣ ней первый человѣкъ—господинъ почместеръ, въ связи его международнаго языка. Ежели стихи пропечатать на международномъ языкѣ, такъ это ужъ будутъ знать во всемъ мірѣ“... Хорошо—въ теми помечтать...

Къ девяти полыхаютъ всѣ лампы, къ девяти — многолюдна почта, барышень больше всего. Шушуканье, шелестъ шелковыхъ лентъ, миганье зеркальцевъ тайныхъ, зависть змѣиная къ этимъ бѣсовкамъ—къ Глафирѣ да къ Варварѣ: всегда на зубокъ все знаютъ, такъ и чеканятъ.

— Полюбили, некстати больно, науку...

— Зна-аемъ мы науку эту самую, зна-аемъ!

Печальный ходилъ Родивонъ Родивонычъ, жаловался:

— Жизнь-то на старости лѣтъ какіе преподноситъ нюансы... изъ трехъ пальцевъ... Сиди, вотъ, съ тетрадкой. А главное, при моемъ придворномъ почти что званіи... Нѣ-ѣтъ, я брошу.

А бросить—съ княземъ разсоръ на вѣкъ, прощай всѣ надежды. Нѣтъ ужъ, видно, единородныхъ своихъ ради, придется терпѣть...

И крѣпились, терпѣли отцы. Кряхтя, косоурясь на князя, ладили все примоститься поближе къ Глафирѣ, либо къ Варварѣ.

— Leono esta forta. La denta esta acra...—громогласно диктовалъ князь и нарочно кралъ окончанія словъ: пусть поупражняются... Свѣтомъ счастливымъ сіялъ изнутри его странный, безподбородочный ликъ: князь святое дѣло творилъ, первосвященникомъ былъ сейчасъ князь. Вотъ еще немножко, лѣтъ десятокъ—другой, и наступитъ всеобщая любовь.

Проходя мимо Ивана Павлыча, князь примѣтилъ:

— „Какой у него хорошій, внимательный взглядъ...“

Внимательнымъ взглядомъ проводилъ Иванъ Павлычъ князя, тотчасъ привсталъ и запустилъ глазенапы въ тетрадку къ Глафирѣ—Глафира сидитъ впереди:

— Esta—эсъ на концѣ, aca—эсъ на концѣ...—шепталъ Иванъ Павлычъ исправнику.

— Да не слышу же, ч-чортъ! Громче...—кипятился исправникъ.

Но князь повернулся обратно, и вмигъ все гладко и тихо. Нагнулся къ тетрадкѣ исправникъ; какъ урытый—сидитъ Иванъ Павлычъ, съ пріятностью на лицѣ...

VI.

Въ родительскую субботу—Мишка, бывшій столяръ, а нынче просто алахарь, по городу съ клейстеромъ бѣгалъ, афиши клеилъ на фонарныхъ столбахъ, на безконечныхъ заборахъ. Крупныя буквы били въ глаза посреди афиши:

А также
извѣстныя англичанки сестры Грѣй.

Изъ губерніи пріѣхали—туманныя картины показывать. Укланяли князя: отмѣнилъ князь урокъ всемірнаго языка, и всѣмъ карагодомъ повалили глядѣть туманныя эти самыя картины.

Какъ-то случилось, оттерли Костю въ проходѣ, и не спопашился онъ мѣстечко занять себѣ рядомъ съ Глафирой: съ нею сѣлъ князь, а Костя—позади, дворянинъ Иванъ Павлычъ съ нимъ рядомъ.

Хотѣлъ загорюниться Костя, что Глафира—не съ нимъ, да вотъ не успѣлъ: вылѣзли на полотнѣ, завертѣлись, зажили, залюбили полотняные люди.

...Неслышно, какъ кошка, красавица крадется на свиданье къ маркизу. Сейчасъ вотъ, сейчасъ, на плиту секретную ступитъ, сейчасъ—ухнетъ плита, глонетъ красавицу глыбь подземелья...

Костя вскочилъ и рванулся—красавицѣ крикнуть:

— Стой же, провóлишься тутъ, правѣе держи!

Иванъ Павлычъ осадилъ Костю внизъ за рукавъ. Но это ничего: красавица видѣла, какъ махнулъ ей Костя рукой, миновала проклятое мѣсто.

...И вотъ — вдвоемъ. Долго ей смотритъ въ глаза — маркизъ, или князь онъ?—и медленно клонятся другъ къ другу, вотъ—близко, вотъ—волосы ихъ смѣшались...

И вдругъ—показалось Костѣ, что вовсе это не на полотнѣ, а Глафира и князь: клонятся, клонятся...

Мретъ сердце у Кости, протираетъ глаза: приглазилось только—или...

Но мигнувшій мигъ—не поймать: ярко свѣтятъ ужъ лампы, ждетъ новыхъ людей полотно, Иванъ Павлычъ смѣется:

— Хи-хи, чудородъ-то какой нашъ Костя: съ красавицей полотняной хотѣлъ побесѣдовать... хи-хи.

— Да вѣдь онъ же—поэтъ, поэту—все можно,—заступилась Глафира, о-бокъ князя стояла, близко...

— „Попритчилось, приглазилось все, конечно"...—по дорогѣ домой рѣшилъ Костя. Но червячокъ какой-то самомалѣйшій—не слушался словъ, точилъ и точилъ...

Въ ночь на Покровъ пошелъ шапками снѣгъ. Выбѣжалъ Костя утромъ—нѣтъ ничего: ни постылаго проулка съ кучами золы, ни кривобокой ихней избы. Все бѣлое, милое, тихое—и какая-то нынче начнется новая жизнь? Не можетъ же быть, чтобы стало такъ и чтобы все попрежнему было?

На Покровъ у исправника Костя обѣдалъ. Послѣ обѣда сидѣли въ гостиной. Дворянинъ Иванъ Павлычъ—пошушукался что-то съ Глафирой, взмахнулъ рыжей поддевкой—и къ Костѣ подсѣлъ. Разговоръ съ пріятностью, тонко повелъ:

— Вязь-то какая прекрасная, а? Прямо талантъ, даръ Божій...—Иванъ Павлычъ любовался салфеткой вязаной.—А-а... вы, говорятъ,—тоже... тово... пишете?—повернулся онъ къ Костѣ.

— А вы—а вы откуда же...—покраснѣлъ отъ радости Костя.

— Какъ откуда? Про васъ въ журналахъ пишутъ, а вы и не знаете...—и протянулъ Иванъ Павлычъ Костѣ свѣжій номерокъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Въ самомъ концѣ, послѣ „печатать разрѣшается", были три неровныя строчки: „Что же касается стихотвореній молодого писателя Едыткина, то таковыя мы считаемъ отнести къ высшей литературѣ"...

Хотѣлъ что-то Костя сказать, но схватило за горло: стоялъ, совершенно убитый счастьемъ. Гдѣ же Костѣ узнать, что напечатаны эти три строчки въ типографіи купца Агаркова по личной Ивана Павлыча просьбѣ?...

Ночью Костя—и спалъ, и не спалъ. Глаза закроетъ—и сейчасъ ему видится: будто онъ надъ епархіей все летаетъ, а епархія—зелененькая и такъ, невеличка, вродѣ, сказать бы, выгона. И машутъ ему платочками снизу: знаютъ всѣ, что летаетъ Константинъ Едыткинъ...

Ну, теперь ужъ, хочешь—не хочешь, надо писать. Предварительно Костя перечелъ еще разъ Догматическое Богословіе—са-

мую любимую свою книгу, потому что все было тамъ непонятно, возвышенно. А потомъ ужъ засѣлъ писать серьезное сочиненіе въ десяти главахъ: довольно стихами-то баловаться.

Писалъ по ночамъ. Носомъ во снѣ самосильно посвистывала Потифорна. Усачи-тараканы звонко шлепались объ полъ, Въ тишинѣ—металась, трещала свѣча. Въ тишинѣ—свѣчей негоримогорючей Костя горѣлъ. Писалъ о служеніи женщинамъ; о любви внѣ предѣловъ, внѣ чиселъ земныхъ; о восьмомъ вселенскомъ соборѣ, гдѣ возглашенъ будетъ символъ новой вѣры: Богъ-то, вѣдь — женскаго рода... Такъ близко сверкали слова, кажется—только бери. Анъ глядь—на бумагѣ-то злое, другое: ужъ такая мука, такая мука.

Въ вечеръ Михайлова дня—у исправника Костя публично читалъ свое сочиненіе. Блѣдный, какъ мѣлъ, улыбнутый на вѣки покорно, стоялъ—трепетала тетрадка въ рукахъ. На Глафиру молитвенно поглядѣлъ еще разъ...

— Ну, господа, тише, тише, сейчасъ начинаетъ, — суетился, какъ бѣсъ, Иванъ Павлычъ.

Въ тишинѣ, чуть слышно Костя прочелъ:

— Заглавіе: „Внутренній женскій догматъ божества“.

Неслышно-взволнованно горѣли лампы. Чужимъ голосомъ Костя читалъ. Глядѣла публика въ землю. Скоро стало слышно посвистываніе легкое носомъ исправничихи...

Костя дошелъ до второй главы, самой лучшей и самой возвышенной: о восьмомъ вселенскомъ соборѣ. Голосомъ выше забралъ, вдохновился, сталъ излагать проектъ всеобщей религіозно-супружеской жизни...

Тутъ вотъ и прорвало. Не стерпѣвъ, первымъ фыркнулъ исправникъ, за нимъ—подхватилъ Иванъ Павлычъ, а ужъ тамъ покатились и всѣ—и всѣхъ пуще звенѣла Глафира.

Проснулась исправничиха, брыкнула свой стулъ со страху:

— Да что-жъ это, батюшки, гдѣ загорѣлось-то? — смѣхъ еще пущій.

...Какъ заяцъ, забился Костя въ запечье, въ спальнѣ исправницкой. Голову, голову-то куда-нибудь, главное, спрятать. Голову спрятать, голову спрятать...

Стариннымъ старушечьимъ сердцемъ, одна пожалѣла исправничиха, одна разыскала, одна утѣшала Костю.

— Да что-жъ это, батюшка, что ты сбѣжалъ-то? Ты думаешь, что? Это вѣдь я, со сна чебурахнулась внизъ головой, надо мной грохотали, старухой, а ты думалъ, что? Экіе гордецы нонче всѣ: ужъ сейчасъ на свой счетъ...

Костя голову поднялъ, за соломинку Костя хватался.

— Аль мнѣ ужъ не вѣришь? Я не Иванъ Павлычъ какой-нить, обманывать я не стану.

— Я вѣ-ѣрю...—захлебнулся Костя слезами.

VII.

Вышла больно зима студена, такой полста лѣтъ не бывало. Обманно-радостное, въ радужныхъ двухъ кругахъ, выплывало льдяное солнце. Отъ стыди отъ лютой—наполы треснулъ древлій алатырь—камень.

— Ну-у, быть бѣдѣ,—алатырцы крушились.

А пока, до бѣды, засѣли покрѣпче въ мурьяхъ, сновидѣнной жизни еще пуще предались—всякій своей. Исправникъ изобрѣталъ; Родивонъ Родивонычъ—выписалъ „Готскій Альманахъ“ и услаждался; горестно Костя вернулся къ стихамъ; протопопъ отецъ Петръ бесѣдовалъ все съ коземордымъ своимъ; горбоносымъ горѣла Глафира; проповѣдывалъ князь великій языкъ эсперанто...

Что-то разсохлось, разладилось дѣло у князя. Все чаще на почту кучера приходили—съ усами въ сосулькахъ—князю вручали записки: не могу, молъ, быть на урокѣ—по случаю внезапной болѣзни. Вовсе отсталъ Родивонъ Родивонычъ, не стерпѣлъ—исправникъ отсталъ, порѣдѣли ряды дѣвицъ. Понялъ князь, что надѣяться можно только на двухъ: на Глафиру—да еще на Варвару. Вотъ ужъ эти, дѣйствительно, любятъ великій языкъ: такъ и чеканятъ, такъ и тачаютъ другъ передъ дружкой. Улыбался князь то одной, то другой:

— От-лично, пре-красно...

Глафира и видѣть теперь не могла Варвару. Съ улыбкой ласково-злой, черносиневолосая, Собачея-Варвара все лѣзла къ Глафирѣ, обнять норовила. Не стерпѣвъ, сказала однажды Глафира:

— Ты что лѣзешь? Думаешь, я не знаю, кто мнѣ на масляной платье прочекрыжилъ? Зна-аю, голубушка, знаю.

— А я, думаешь, не знаю, какъ ты себѣ бороду на подбрюдкѣ стрыгешь? Ште, съѣла?

Съ той поры—ни слова: конецъ. И только при встрѣчахъ, какъ гуси, зловѣще шипѣли...

Послѣ уроковъ усталый расхаживалъ князь. Трудно, охъ, какъ трудно. Но всетаки на одинъ день ближе къ тому празднику, къ той свѣтлой пасхѣ, когда кликнутъ всѣ на одномъ языкѣ, запоютъ и обымутъ другъ друга, и кончится старая жизнь...

На полу—окурки, крошки (ученикамъ полагался ситный отъ почтмейстера и чай), шпильки, бумажки. Разсѣянно—князь подымалъ, разглядывалъ. Рожи, росчерки. „Катька, ты дура набитая“. „А я его всетаки обожаю“. Попадались часто записки отца Петра—къ сосѣду его по урокамъ—аптекарю Левину... „А вчерась явился онъ мнѣ тѣлешомъ. Это ужъ пакостно даже глядѣть. Не вѣдомо ли вамъ какое-либо отъ искушеній медицынское средство?“

Но все это такъ, пустяки. А вотъ послѣднее время—въ самомъ дѣлѣ, странныя какія-то записки пошли. Находилъ ихъ князь на своемъ столѣ, подъ подушкой, въ карманахъ: Богъ ихъ знаетъ—какъ туда попадали. Чуть-чуть надушены были записки запахомъ дико-сладкимъ и всегда—на великомъ всемірномъ языкѣ.

— „Mi amas tin, amas, amas—a... a...—amas“,—подъ рядъ безъ конца. Нарочный, изломанный почеркъ.

Подъ секретомъ великимъ—показалъ Ивану Павлычу князь. Иванъ Павлычъ кряхтѣлъ, и безъ лупы, и въ лупу разглядывалъ:

— Исправникова Глафирка, голову даю на отсѣченіе. Кому же еще по-эсперанту такъ ловко?

А на завтра—новое князю:

— „Милый, милый—я тебѣ все“...

И конецъ. И молчокъ. Счастливый, расхаживалъ князь.

— „Милый, будетъ ночь, темно, и самое, самое—все что велишь“...—и конецъ, и ни слова. И запахъ, все тотъ же.

Кто научилъ ее такъ—лукавому знать. Будто, вотъ, въ черномъ тяжеломъ покровѣ—плясала и плясала предъ княземъ. Вдругъ откинула складки—сверкнула на черномъ розово-нѣжно. И конецъ. И колышется снова тяжелый покровъ, и манитъ, и манитъ глядѣть безъ конца, не мелькнетъ ли еще...

Длиннымъ вечеромъ вьюжнымъ—смотрѣлъ князь въ узорно-морозныя окна, потихоньку бродилъ межъ деревьевъ серебряныхъ—и все къ одному возвращался: къ несказанному, къ мелькнувшему въ черныхъ складкахъ. Ее—никогда не называлъ князь: Глафира—какъ Иванъ Павлычъ—а всегда говорилъ: она.

Непримѣтно и плавно—какъ цвѣты расцвѣтаютъ—она изъ Глафиры исправниковой медленно зрѣла—и вотъ, въ декабрѣ, она—стала жить самолично, сама по себѣ.

Попрежнему всѣ записки отъ ней—написаны были на эсперанто: получи теперь князь хоть слово отъ ней по-русски—счелъ бы онъ это противоестественнымъ, былъ бы даже оскорбленъ. По малу связалъ ее князь—съ великимъ языкомъ воедино.

Эсперантское всякое слово—теперь сладко князю вдвойнѣ: вѣдь

это—ея слова. Въ синихъ ея, глубочайшихъ глазахъ—князь знаетъ—плѣненъ отраженно весь міръ. И равно—всѣмъ міромъ владѣетъ языкъ эсперанто...

— ...„Да что—всѣмъ міромъ: всей вселенной. На Венерѣ какой-нибудь, венерическіе тамошніе жители—тоже, поди, эсперанто знаютъ. А какъ же? Обязательно знаютъ“...

Такъ князю мечталось. Вѣдь правда ненужна-скучна, а узорочье лжи такъ заманчиво-сладко. Бывшей правдѣ, княгинѣ, у отца своего, протоіерея, въ Сапожкѣ проживавшей, князь давно ужъ писать пересталъ. Избѣгалъ онъ и Глафиру видѣть съ глазу на глазъ: можетъ, и правда—Глафира пишетъ записки, но не надо это знать...

Вечера просиживалъ дома князь, а заполночь—шелъ гулять. Ночью—думать удобно: пустыя, просторныя, снѣжныя улицы, влекущіе огни лампадокъ въ окнахъ, бродилъ и бродилъ.

...А слѣдомъ за княземъ, тѣнью темной у стѣнъ, крался Костя. Тѣнью за княземъ слѣдилъ теперь Костя и денно, и нощно: надо узнать навѣрнякъ, что̀ у него съ Глафирой. Хоть самое—хоть самое страшное, да только бы навѣрно. Безъ навѣрнаго—совсѣмъ невтерпежъ. Глафирѣ хоть Костя и вѣритъ—какъ же не вѣрить-то, Господи?—но вотъ Иванъ Павлычъ говоритъ, что она...

Дворянинъ Иванъ Павлычъ—добрѣйшей души человѣкъ, но есть за нимъ грѣхъ: медомъ его не корми, только шутку надъ кѣмъ сыграть бы (надъ нимъ-то самимъ—больно много шутили).

Въ запрошломъ году—къ Агаркову-гостиннику, къ градскому головѣ, Иванъ Павлычъ подъѣхалъ: подпали да подпали амбаръ агарковскій старый.

— Во-отъ, не вѣритъ, чудакъ!—улещалъ купца Иванъ Павлычъ.—Страховыя за амбаръ огромадныя, новый-то амбаръ возведешь вдвое ширьше...

У Агаркова борода лопатой, а ума не богато: повѣрилъ Ивану Павлычу, запалилъ свой амбаръ. И самое когда это подпаливать сталъ, нагрянули тутъ, раба Божія—подъ бѣлыя ручки да на цугундеръ. Дорого купцу новый амбаръ обошелся: куда тамъ—страховыя. А ужъ кто это начальство увѣдомилъ—Агарковъ про то неизвѣстенъ остался. Самъ Иванъ Павлычъ—повиннаго взялся искать, ну даже и онъ не нашелъ.

А то вотъ еще съ чиновникомъ Зюньзей случай былъ. Смѣха для—проказникъ какой-то подметное письмо настрочилъ чиновнику Зюньзѣ: такъ, молъ, и такъ, жена-то твоя тово̀... кургузитъ, а ты, молъ, и ухомъ не ведешь... И на завтра чиновникъ Зюньзя выволокъ молодую наружу и при народѣ честномъ учить ее

сталъ. А народъ—какъ будто былъ повѣщенъ, безъ числа собрался,—ужъ было потѣхи!

— ...Да, братъ Костюня, Глафирочкѣ нынче, аминь, — подзуживалъ, подталдыкивалъ Костю Иванъ Павлычъ,—нынче въ четыре часа пополудни—рѣшительное свиданіе... Чуда-акъ, да вѣдь князь мнѣ записку показывалъ, какъ же не знать-то? У алатырь-камня свиданіе, и оттуда—ау: самокруткой, да къ князю на почту, такъ-то-съ вотъ.

Костя покорно плелся къ алатырю-камню. Въ сумеркахъ синихъ бродилъ Костя часъ и другой. Тихо сыпался снѣгъ. Тихо точила тоска. Разсѣвшійся наполы темный алатырь—вѣщалъ бѣду. Навалился алатырь—сонный медвѣдь, подъ себя подмялъ: продыхнуть невозможно.

Никакого свиданія, не приходилъ никто. Позднимъ вечеромъ Костя, замерзшій, на почту тащился: тамъ теперь, въ боковушѣ, жилъ Иванъ Павлычъ.

— Ну что, братъ Костюня, аль никого? Эхъ, ты, Господи, стало быть, ослышался я—это завтра... Эхъ, я какой!

— Это вы нарочно все, Иванъ Павлычъ.

— Это я-то нарочно? Я ему—по дружбѣ, а онъ на-ка: нарочно. Эхъ, Коська, не знаешь ты, какой я есть, Иванъ Павлычъ...

Ставилъ Иванъ Павлычъ бутылку на столъ. Костя пилъ. Ѣдучимъ дымомъ застилался весь свѣтъ, и въ дыму возникалъ свѣтлый ликъ владычицы сладкой, мучительницы, Глафиры.

Посыпая тетрадку слезами, декламировалъ Костя:

„Въ моей груди—мечта стоитъ,
А милая Глафира—ко мнѣ презритъ“...

Выпивши, Костя спалъ, какъ убитый. Но не было покоя и во снѣ. Присыпался все одинъ и тотъ же, несуразный и будто ничего не значащій сонъ: забылъ, будто, Костя, какъ его зовутъ, забылъ—и весь сказъ, и весь страшный сонъ тутъ. Но стономъ такимъ охалъ Костя во снѣ, что Потифорна будить его принималась. Оно жалко—будить-то, но слушать стонъ—еще жальче.

VIII.

Господи, да вѣдь нѣтъ ничего проще, какъ изъ обыкновенной холстины—приготовить наилучшее непромокаемое сукно. Удивительно даже, какъ раньше Ивану Макарычу это въ голову не пришло: давно бы двѣсти тысячъ въ банкѣ лежало.

Заперся въ кабинетѣ Иванъ Макарычъ и записывать сѣлъ, пока не забылъ:

— „Для сего надо въ первую очередь изрубить возможно мелко потребное количество высшаго англійскаго сукна. Засимъ холстину намазать клейкимъ составомъ, который содержитъ: во-первыхъ“...

Построилъ Иванъ Макарычъ непромокаемое сукно, и рѣшилъ оказать всенародно великое свое изобрѣтеніе. На святкахъ, на третій день, поназвалъ исправникъ гостей, позажегъ въ кабинетѣ лампы со всего дому. Кошкаревъ, околотокъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, высоко напоказъ — поднялъ мѣшокъ изъ исправникова сукна, полный водою. До того удивительно: держалась вода, какъ въ хорошемъ ведрѣ.

...А на пятой, на послѣдней, минутѣ—сукно-то возьми да и промокни, при честномъ при народѣ. Ахъ ты, сдѣлай одолженіе. Глядитъ на ручьи исправникъ—будто ручьевъ никогда не видалъ, только ватныя брюки свои подтягиваетъ...

Гости смолчали, никто—ни смѣшинки.

— Вода... неподходящая, должно быть, разная она бываетъ—вода-то,—съ пріятностью сказалъ Иванъ Павлычъ.

Тутъ ужъ протопопъ отецъ Петръ—не стерпѣлъ, засмѣялся. А ему вѣдь—только смѣяться начать, а тамъ—не уймешь: смѣшливый. Трясется, стоитъ — весь обсыпанъ смѣхомъ, какъ хмѣлемъ, мохнатенькій, маленькій—звонитъ и звонитъ...

Исправникъ—инда пополовѣлъ. Дверью хлопнулъ—только его гости и видѣли.

Вышло это на третій день, а на четвертый—продолжались происшествія святочныя. На четвертый день—протопопъ по приходу кончилъ ходить. Изусталый вернулся домой. Пообѣдалъ изрядно, баклановки рюмочку выпилъ, разоблачился — и легъ отдохнуть.

И часу этакъ въ шестомъ—произошло: явился онъ тѣлешомъ, но ужъ въ образѣ женскомъ. Вся та поганая баба была, какъ киноварь, красная и мерзостно такъ вихлялась, что терпѣть—нельзя ни минуты было. Отецъ Петръ—подавай Богъ ноги: выскочилъ вонъ, безъ оглядки, весь въ бѣломъ, бѣжалъ-бѣжалъ...

Человѣка, одѣтаго противозаконно, поймалъ полицейскій возлѣ алатыря-камня. Поймалъ и тотчасъ предоставилъ къ начальству.

И какъ исправникъ былъ еще во гнѣвѣ, то онъ и потребовалъ:

— Паспортъ имѣешь? Ты изъ какихъ это будешь вообще?

— Иванъ Макарычъ, Богъ съ вами, да это я же вѣдь, я...

— Я вижу, что я. Якать-то всякій умѣетъ. Ты мнѣ подай видъ на жительство...

Кто же съ собой видъ беретъ, убѣгая наважденія дьяволь-

скаго? Нѣтъ ужъ, видно, придется протопопу ночь ночевать въ кутузкѣ.

...Бѣжала гончей Варвара по отцовымъ слѣдамъ. Ворвалась къ исправничихѣ, всполыхнула ее своей жалобой: покатилась исправничиха протопопа спасать.

— Да ты что же это такое? Съ послѣдняго спятилъ? Въ кутузку—отца своего духовнаго, а? Сейчасъ чтобы лошадь велѣлъ запрячь и домой отца протопопа доставить... а то—знаешь?

Въ гостиной, въ углу, Варвара ждала резолюціи. А къ Варварѣ спиной—у окна—закаленѣла Глафира, будто и не видитъ Варвары. Но вошедшей исправничихѣ—явственно слышенъ былъ шипъ гусиный зловѣщій.

Исправничиха надвинулась на Варвару:

— Ты что у меня тамъ съ княземъ ворожишь? Какія такія записки?

— Ваша Глафирка пишетъ—всѣ говорятъ—а я виновата?

— А ну-ка, глянь-ка мнѣ прямо въ глаза, ну-ка, ну...

Но глаза показать не хотѣла Варвара: невѣдомо какъ, проюркнула межъ ногъ слоновыхъ, вильнула хвостомъ—и была такова...

Про записки на великомъ всемірномъ языкѣ, которыя князь отъ нея получалъ, въ самомъ дѣлѣ по городу шелъ слушокъ, хотя это дѣло князь въ строгомъ секретѣ держалъ, одному Ивану Павлычу только довѣрилъ. А знали—все, даже и это, что она назначала свиданія князю, а князь не ходилъ.

Не ходилъ князь... Жалко было князю рушить взлелѣянный нѣжно обманъ. И зналъ, что неловко не ходить, зналъ, что ждала. Но не могъ, не могъ князь, жалко было пойти.

Подъ Крещенье—опять получилась записка. Нарочно, чтобъ помучиться сладко, не распечатывалъ князь до звѣзды до вечерней. Распечаталъ—и...

— „Я тебя, проклятаго, цѣлый часъ ждала, на морозѣ-то—думаешь сладко? Тоже, называется—князь... Ну, если завтра не придешь на то же самое мѣсто, вотъ ей-Богу, уйду—и больше ни писать, ничего. Наплевать, не больно нужёнъ-то, хоть будь ты раскнязь“.

И не на великомъ всемірномъ языкѣ ужъ это было, а на грубомъ, земномъ. Это ужъ—не она, она—умерла. Теперь—все равно. Ну что-жъ, можно и пойти, все равно...

Назначено было: въ девять часовъ утра, на каткѣ. Не спалось, вышелъ задолго князь. Огнемъ обманнымъ, льдянымъ солнце горѣло. Пѣли голосами холодными колокола.

Приглядѣвшись получше, почтмейстеръ примѣтилъ: на снѣгу—какъ запахъ—легчайшая алость, румянецъ смертный зари. Вздохнулось...

Въ углу на каткѣ—конурка, вродѣ собачьей: грѣлка, а также обитель татарина—держателя катка. На лавкѣ возлѣ конурки—въ валеныхъ калошахъ сидѣла она. Черно-синія космы волосъ, собачьи глаза...

— Варвара Петро...—остолбенѣлъ князь. Бѣжать, бѣжать...

Но глаза—такіе были глаза у Варвары, такъ молила: „Ну, ударь хоть, любимый господинъ мой, ударь“... Не могъ князь уйти, разрушенный весь до тла остался...

Къ водосвятію — медленно, мѣрно въ соборѣ звонили. Готовили всѣ, кто кувшинчикъ, кто чайникъ—ринуться благочестиво къ чану съ святой водой. А Костя, бросивъ свою посуду, во весь духъ бѣжалъ изъ собора: только сейчасъ ему Иванъ Павлычъ сказалъ всерьёзъ, что на каткѣ—рѣшительное свиданіе у князя съ Глафирой. Нехватало дыханья—хлебалъ Костя воздухъ ртомъ, какъ рыба. Сейчасъ... все, конецъ...

И вдругъ, вмѣсто смерти—жизнь: Варвара. Князь и—Варвара, Варвара, вотъ кто. А Глафира...

— Прости, прости, богочтимая,—мчался Костя къ Глафирѣ.

Въ свѣтелку влетѣлъ оголтѣло—и бухъ на колѣни:

— Прости, прости, богочтимая!

Выстригала Глафира передъ зеркаломъ волосы на подбородкѣ: растутъ и растутъ, проклятые... Поглядѣла косо на Костю, на руки, молитвенно сложенныя, на слезинки между веснушекъ, на озябшій, жалостный носикъ.

— Ну, чего разнюнился-то?

— ...А на каткѣ-то Варвара съ княземъ, вотъ кто: Варвара,—блаженно, съ закрытыми глазами, Костя стоялъ на колѣняхъ.

Сверкнуло зеркало вдребезги объ полъ:

— А-а, на каткѣ-ѣ? На-ка... Да пусти ты съ дороги, а то...—Костю молитвеннаго отпихнула Глафира и помчалась туда.

Молонья ночью жигнетъ—и все видно ясно: листокъ на дорогѣ, сѣдой волосъ въ вискѣ, соломы вихоръ подъ застрѣхой. Такъ вотъ и Костя сейчасъ: все до капли увидѣлъ...

Домой пришла Потифорна веселая. Говоромъ дробнымъ базарнымъ застрекотала:

— Костюнка-а, происшествіе-то нынче какое, слыхалъ? На каткѣ-то?

Костя лежалъ на укладкѣ—голову поднялъ.

— ...Поцапались за князя безстыжія, а? Клубкомъ завились,

по катку покатились, ну, срамота-а... Варька, Собачея-то, въ кровь искусала исправникову. Вотъ онъ—князь міра-то сего, дьяволъ-то...

Костю вдругъ осѣнило: князь міра сего, вотъ оно что вѣдь. И языкъ этотъ самый его... Всѣхъ погубилъ, всѣхъ опуталъ...

Утромъ, чѣмъ свѣтъ, Костя всталъ, на цыпочкахъ мимо мамани прошелъ, подмигнулъ ей прехитро—и маршъ на почту.

На почтѣ еще ни души. Одинъ сторожъ Ипатъ—подметалъ полы. Тотъ самый Ипатъ, бѣшеная собака-то какого укусила. Вылѣчиться—хоть вылѣчился Ипатъ, но по сю пору считался опасенъ, и рисковала держать его только казна.

Нанесъ Костя снѣгу, Ипатъ заругался. Но Костѣ было не до Ипата. Сѣлъ за свой столикъ, взялъ бланкъ телеграфный—и на немъ написалъ письмо. Слова сумасшедше скакали, иныя были—на вѣдомомъ Костѣ одному языкѣ. Но разобрать было можно: открывалъ Костя князю, что онъ, князь—есть діаволъ, князь міра, и подлежитъ...

Князь міра вошелъ. Сѣлъ за свой столъ, печально-разсѣянъ. Поглядѣлъ на пустое Глафирино мѣсто. Сталъ составлять телеграмму въ городъ Сапожокъ.

Костя молча подалъ князю свое письмо. И когда изумленно князь перевелъ на Костю глаза—Костя взялъ со стола стальную линейку и замахнулся. Князь прикрылъ голову руками, положилъ ее на столъ и покорно, не шевелясь, ждалъ. И такъ стало Костѣ жалко его—хоть онъ и князь міра—и жалко себя, и Глафиру, и весь Алатырь, что выпустилъ онъ линейку изъ рукъ и завопилъ голосомъ смертнымъ:

— Пропали мы, пропали, пропали!

Громыхнула линейка наполъ...

Костю вели въ острогъ—окружили толпой: не вырвался бы, убивецъ проклятый. Ну, и народъ же нынче пошелъ... а еще чиновникъ. На князя нашего покусился, а?

Проснулся Алатырь, галдѣлъ, руками махалъ, жилъ во всю, волновался.

— Ты, гляди, Ипатъ, не упусти. Держи его крѣпко,—кричали Ипату, бѣшеному.

— Я крѣпко и то...—и, поглядѣвъ исподлобья, Ипатъ—невзначай будто—сунулъ Костѣ пятакъ: держи, пригодится.

Покорно взялъ Костя пятакъ, улыбнулся стеклянно. Но тотчасъ же руку разжалъ. Такъ и пропалъ Ипатовъ пятакъ: затоптали.

Е. Замятинъ.

* * *

Нѣтъ, я еще не скоро позабуду
Тебя и робкую свою любовь!
Пускай, какъ прежде, я не вѣрю чуду,
Но прежній образъ твой со мною всюду,
Ты съ каждымъ днемъ роднѣй и ближе вновь!
Я вспоминаю часто съ грустью нѣжной
Декабрьскій вечеръ, улицы Москвы,
Морозъ и тѣни мглистой синевы
Въ послѣдній часъ разлуки неизбѣжной...

За горечь слезъ и темный бредъ желаній
Я, какъ судьбу, тебя благословилъ
И, переживъ всю муку испытаній,
Въ обитель свѣтлую воспоминаній
Тебя—нетлѣнную—переселилъ.
Неслышными и легкими стопами,
Незримая, приходишь ты ко мнѣ,
И мнѣ легко и больно въ тишинѣ
Мечтать о прошломъ новыми мечтами...

Николай Ашукинъ.

УЛЬСТЕРЕЦЪ.

Современная повѣсть. **Франкфорта Мура**.

The Ulsterman. A Story of to day by *Frankfort Moore*.

Съ англійскаго.

Ульстерскій вопросъ, чуть ли не приведшій Англію къ тяжелому кризису весной минувшаго года, стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ ирландскимъ и въ сущности своей коренится въ далекомъ прошломъ.

Лежащій на сѣверѣ Ирландіи Ульстеръ рѣзко отличается и по характеру мѣстности, и по своему населенію отъ Ирландскато юга.

Первоначальные обитатели острова, ирландскіе кельты, остались вѣрны католицизму и за то подверглись жестокому гоненію со стороны Кромвеля и его приверженцевъ (средина XVII в.) Не улучшилось ихъ положеніе и съ возвращеніемъ Стюартовъ.

Царствованіе Якова II ознаменовалось вторженіемъ въ Ирландію шотландцевъ съ принцемъ Вильгельмомъ III Оранскимъ во главѣ. Въ 1690 г. 12 іюля онъ на-голову разбилъ католическія войска короля Якова, своего зятя, и овладѣлъ англійскимъ престоломъ. День битвы на р. Бойне до сихъ поръ для ульстерцевъ является днемъ ихъ національно-вѣроисповѣднаго торжества. Ежегодныя процессіи, митинги поддерживаютъ память объ историческомъ днѣ и питаютъ духъ національной вражды. Въ 1736 году на мѣстѣ, гдѣ чуть было не погибъ Оранскій, оранжисты поставили обелискъ.

Побѣдители при Бойне, предпріимчивые, упорные шотландцы, на протяженіи вѣковъ сохранили презрѣніе и ненависть къ побѣжденнымъ и страстное тяготѣніе къ Англіи, лежащей по ту сторону Ирландскаго моря. Ирландія испоконъ вѣковъ (съ XII в., со времени своего присоединенія къ англійской коронѣ) была падчерицей Англіи. Послѣ безконечныхъ перипетій борьбы и испытаній ирландцы добились своего, и вопросъ объ ирландскомъ самоуправленіи (гомрулѣ) принципіально рѣшенъ. Противъ гомруля возстаютъ ульстерцы. Они видятъ въ гомрулѣ разрывъ съ Англіей и опасаются въ автономной Ирландіи ига ненавистныхъ „папистовъ". Они грозили съ оружіемъ въ рукахъ защищать унію, если только „парламентъ попробуетъ навязать имъ самоуправленіе". Прошлогодняя весна доказала, что съ этимъ настроеніемъ приходится считаться. Европейская война разомъ измѣнила положеніе вещей. Вопросъ ирландскаго самоуправленія, а съ нимъ и ульстерскій вопросъ сняты до окончанія войны съ очереди.

А пока недавно грозившій бунтомъ Ульстеръ на собственный счетъ, какъ то было и во время бурской войны, снаряжаетъ полки, которые идутъ на внѣшняго врага Соединеннаго королевства.

Перев.

I.

Было безъ пяти минутъ полночь на двѣнадцатое іюля. Кое-гдѣ въ окнахъ домовъ ульстерской деревни Ардерри замелькали огни; въ раскрытыя дверныя фрамуги высовывались то тутъ, то тамъ головы и исчезали съ сообщеніями о погодѣ. Голоса раздавались на всю улицу. Не успѣли пробить церковные часы, какъ раздался грохочущій звукъ, словно пустой боченокъ прокатился по неровной дорогѣ. Но всякій нелишенный слуха человѣкъ послѣ незначительнаго колебанія догадался бы, что звукъ этотъ производитъ барабанная дробь на нѣсколькихъ барабанахъ. Звукъ—негромкій и глухой—напоминалъ шумъ волнъ въ глубокой пещерѣ. Постепенно число открытыхъ фрамугъ возрастало, высовывавшіяся до половины мужскія фигуры, отчетливо вырисовывавшіяся на фонѣ освѣщенныхъ кухонь, обмѣнивались короткими привѣтствіями съ сосѣдями.

— Здорово, Джонни!

— Здорово, Самми!

Таково обычное привѣтствіе ульстерцевъ. Однако случается, что двое людей могутъ съ минуту молча смотрѣть другъ на друга, хотя и не могутъ не видѣть одинъ другого.

— А какъ будто день будетъ ясный, хорошій.

— Да, ночь хорошая!

— А что, дружище, Анди Грахамъ взялся за большой барабанъ?

— Не спрашивай меня, такъ я не солгу!...

— Говорятъ, нынче будетъ маршировать самъ старый Бобъ Нельсонъ.

— Врешь!

— Право. Спроси Боба.

— Слыхивали ли вы такую вѣсть?

— Чего еще наплетете?

— Чудите! Еще что выдумаете! Да ему подъ восемьдесятъ.

— Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, коли ему не подъ девяносто.

— А вотъ вчера намъ привелось слышать, что безъ драки не обойтись.

— Разумѣется, коли они напустятъ на насъ папистовъ!

— Пусть-ка испробуютъ! Мы имъ покажемъ святую воду! Наконецъ-то пробило... Съ двѣнадцатымъ!

— И сами слышимъ, Джимми! Да здравствуетъ король Вилльямъ! [1]) Къ чорту папу!

---

[1]) Вилльямъ III Оранскій, король Англіи, 1688—1702.

Немногосложная болтовня была прервана боемъ часовъ, отсчитавшихъ двѣнадцать ударовъ и тѣмъ возвѣстившихъ наступленіе знаменательной оранжистской [1]) годовщины, двѣнадцатаго іюля.

Не успѣлъ замереть послѣдній ударъ, какъ съ нѣсколькихъ сторонъ маленькаго городка раздался громоподобный бой огромныхъ барабановъ величиною съ доброе колесо телѣги. Тяжелые удары гулко падали на туго натянутую баранью кожу, выбивая въ должномъ темпѣ оранскій гимнъ „Boyne Water". Барабанъ гремѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, когда послышался пронзительный свистъ флейтъ, силившихся перекричать барабанъ, но успѣвавшихъ въ этомъ не болѣе, чѣмъ игроки въ крикетъ, старающіеся перекричать раскаты отдаленнаго грома. Дергачи на сосѣднемъ лугу, положительно, дѣйствовали успѣшнѣе.

Въ послѣдовавшіе затѣмъ полчаса маленькій городокъ окончательно проснулся. Изъ домовъ несся запахъ жареной копченой грудинки, а молодежь, въ большинствѣ рабочіе и работницы съ фабрики Александра, уже толпилась на темной улицѣ, обмѣниваясь замѣчаніями чисто-личнаго характера, которыя во всякомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ Ардерри съ округой, показались бы, пожалуй, нѣсколько рѣзкими. Но слона не пощекочешь перышкомъ... То тутъ, то тамъ слышались взрывы хохота, но не остроуміе вызывало ихъ, а „тонкая" шутка вродѣ того, что сорвутъ съ парня шапку, столкнутъ, или, какъ принято говорить въ Ардерри, „спихнутъ", кого-нибудь въ грязь. Въ Ардерри никогда нѣтъ недостатка въ грязи. Время отъ времени откроется дверь, и женскій голосъ крикнетъ по адресу какой-нибудь изъ кучекъ:

— Ты тутъ, Мэри-Анна? А? Тутъ что ли?

— Здѣсь я! А вамъ что нужно?

— Сію минуту ступай домой, а то я не стану долго разговаривать...

— Мэджи Макъ-Ки здѣсь.

— Мнѣ все равно кто есть, кого нѣтъ. Коли не послушаешь, я те уши надеру. Сейчасъ иди домой и одѣвайся.

— Мнѣ нечего одѣваться, я уже одѣта.

— Довольно шататься по улицѣ въ такую пору. Поторопись, а не то я пошлю за тобой отца, онъ приведетъ тебя за вихоръ, дай только добраться...

Дѣвушка съ воркотней покидала товарищей и съ хмурымъ

---

[1]) Оранжисты-юніонисты, противники введенія гомруля.

видомъ направлялась къ матери, провожаемая насмѣшками товарищей. Когда дверь дома захлопывалась за нею, на улицѣ все еще слышалась брань матери и воркотня огрызавшейся дочери, вызывавшія взрывы хохота среди дѣвушекъ и парней.

Между тѣмъ барабаны гремѣли все громче, флейты визжали все пронзительнѣе, все больше расходясь съ барабанами. Народъ сновалъ по улицѣ, перекликаясь, перебрасываясь замѣчаніями. Гдѣ-то повздорили два парня: одинъ припомнилъ другому какое-то замѣчаніе, сдѣланное въ прошломъ году и всплывшее теперь у него въ памяти. До драки дѣло не дошло, да если бы они и разодрались, констебли остались бы на почтительномъ разстояніи. „Двѣнадцатаго“ ссоры друзей не привлекаютъ вниманія скромныхъ блюстителей порядка: они памятуютъ, что ихъ вмѣшательство можетъ быть вызвано болѣе серьезными поводами. Этотъ инцидентъ исчерпалъ настроеніе момента: когда на башнѣ пробило часъ, улица опустѣла. Только большой барабанъ не умолкалъ; объяснялось это тѣмъ, что онъ былъ въ рукахъ юнца, который впервые получилъ возможность выражать свои чувства такимъ путемъ и былъ въ упоеніи отъ сознанія, что съ такою легкостью можетъ сотрясать оконныя стекла. Онъ ни за что не соглашался прекратить вмѣстѣ съ другими. Его друзья, разошедшіеся по домамъ, совѣтовали ему бросить дурачество, иные бранили его дуракомъ, а одинъ такъ пообѣщалъ ему такую потасовку, которая отобьетъ у него навсегда охоту барабанить. Онъ не унимался, и наконецъ его отецъ выскочилъ изъ дому, бросился на него, швырнулъ его на барабанъ и, захвативъ отлетѣвшія въ разныя стороны колотушки, направился домой, приговаривая:

— Будешь знать теперь, негодяй! Живо отправляйся домой, вотъ тебѣ весь сказъ!

Онъ подождалъ, пока сынъ, девятнадцатилѣтній парень, поднялся на ноги и, вскинувъ черезъ голову барабанъ (величиною со среднюю бочку), мрачно поплелся домой. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дверей онъ разомъ проскочилъ впередъ, ловко (должно быть, благодаря большой практикѣ) избѣгнувъ тумака, которымъ— онъ зналъ—отецъ намѣревался угостить его на порогѣ.

Въ дверяхъ барабанъ застрялъ, подскочилъ и задѣлъ ремнемъ отца.

— Убери эту штуку, а не то я такъ пну ее, что она разъ навсегда перестанетъ трещать, — мрачно крикнулъ онъ сыну. Дверь захлопнулась, и на улицѣ водворилась тишина, только изъ-за двери слышалась громкая рѣчь. Говорилъ, разумѣется, не сынъ, а отецъ. Во всей улицѣ не нашлось бы дома, гдѣ роди-

тельская власть была такъ слаба, чтобы девятнадцатилѣтній, а то и тридцатилѣтній сынъ осмѣлился бы возвысить голосъ и возразить отцу.

Шесть часовъ спустя городокъ уже бодрствовалъ. Запахъ жареной грудинки смѣшивался съ ароматомъ свѣжаго хлѣба, печенаго на сковородахъ надъ торфомъ въ большинствѣ домовъ, хотя въ иныхъ кухняхъ и топили углемъ. Въ такомъ случаѣ хлѣбъ пекли въ жестяныхъ формахъ. Но эти мелочи не вліяли на его ароматъ, и хозяйкамъ не приходилось дважды звать къ завтраку мужчинъ, стоявшихъ въ однихъ жилетахъ у наружныхъ дверей. Этотъ завтракъ былъ не воскресный завтракъ, на немъ не лежала тѣнь субботнихъ заботъ. Мужчины могли „прохлаждаться“ за столомъ, и они пользовались своей свободой: недаромъ же они были вполнѣ одѣты—недоставало только сюртуковъ и широкихъ шарфовъ оранской корпораціи. Женщинамъ и дѣвушкамъ предстояло еще „дѣлать туалетъ“, а некогда было разсиживать и болтать. Онѣ наливали на блюдечки черный, какъ чернила, чай (недаромъ же онъ настаивался три четверти часа) и прихлебывали его, откусывая порядочныя порціи горячаго хлѣба, ломоть котораго держали въ другой рукѣ. Онѣ были полуодѣты и прекрасно знали, что, какимъ бы временемъ онѣ ни располагали, имъ его будетъ мало!

Нельзя сказать, что завтракъ этотъ отличался остроуміемъ: любое замѣчаніе, которое въ Ульстерѣ считаютъ шуткой, на югѣ было бы принято какъ явное оскорбленіе. Личныя нападки, тяжеловѣсныя насмѣшки, безцеремонное напоминаніе о незажившихъ ранахъ, презрительно-насмѣшливое отношеніе къ вещамъ исключительно личнаго свойства, каковы: веснущатое лицо, прыщъ на подбородкѣ, выбившаяся прядь волосъ, торчащій зубъ—вотъ характеръ обычнаго ульстерскаго юмора.

Послѣ того какъ дамы, должнымъ образомъ парировавъ личные выпады кавалеровъ, уходили къ себѣ, чтобы облечься въ полный парадъ для предстоящей процессіи, мужчины закуривали свои трубки и выпивали „по первой“, предшествовавшей многочисленнымъ другимъ, которыми они въ теченіе дня воздавали дань уваженія любимому монарху.

Много рюмокъ выпивалось непосредственно послѣ перваго завтрака: мужчины безъ сюртуковъ переходили отъ двери къ двери и считали болѣе чѣмъ невѣжливымъ отказаться отъ приглашенія выпить... Однако снисходительные къ себѣ родители запрещали притрогиваться къ спиртнымъ напиткамъ своимъ сыновьямъ, пока тѣ находились подъ ихъ кровлей, и случалось,

даже тридцатилѣтніе сыновья курили исподтишка! Самые невоздержанные родители—помимо шотландцевъ—именно средне-ульстерцы, и они же самые строгіе ревнители дисциплины.

Къ десяти часамъ подъ лилейными гирляндами и красными знаменами оранскаго клуба собралась уже порядочная толпа. Человѣкъ сто въ воскресныхъ костюмахъ съ широкими перевязями оранскихъ цвѣтовъ: оранжеваго, голубого и краснаго. Тутъ же толпа молодежи и женщинъ, въ возрастѣ отъ шестнадцати до пятидесяти лѣтъ, въ туалетахъ, которые явно говорили о прошломъ годѣ... На лицахъ собравшихся не было ни тѣни веселости, ни малѣйшаго намека на праздничное настроеніе. Мужчины имѣли видъ солдатъ, готовыхъ къ бою, а женщины, и старыя, и молодыя, видимо были преисполнены сознанія, что онѣ жены и дочери этихъ солдатъ. Конечно, дѣвушки оглядывали другъ друга съ головы до ногъ, взаимно критиковали шляпы и платья, но хихиканья не было слышно въ толпѣ, молодые люди даже не оглядывались въ сторону своихъ „предметовъ", а шагали, опустивъ глаза, засунувъ руки въ карманы, или стояли, прислонясь къ стѣнѣ Оранскаго клуба, то и дѣло сплевывая на землю... Ихъ лица отражали полнѣйшее равнодушіе, и красавицы платили имъ той же монетой. Появленіе отряда изъ сосѣднихъ селъ было встрѣчено почти молча, не говоря ужъ о привѣтственныхъ кликахъ... Кое-кто обмѣнялись рукопожатіями, замѣчаніями объ уходящей грозѣ. Черезъ нѣсколько минутъ подъѣхалъ молодой человѣкъ въ цилиндрѣ, въ сюртукѣ съ широкимъ шарфомъ, черезъ плечо, въ перчаткахъ.

Соскочивъ съ пролетки, онъ безъ церемоніи протолкался къ большому флагу, качавшемуся на своихъ древкахъ, словно воздушный шаръ.

— Вы здѣсь, Джэмми? Гдѣ Джэмми Мартинъ? Кто видѣлъ Джэмми Мартина?—взывалъ вновь прибывшій.

— Онъ только что вошелъ въ залъ, м-ръ Кэмпбель,—отозвался стоявшій у флага.

— Пусть кто-нибудь позоветъ его сюда; нѣтъ, погодите. Я самъ пойду,—замѣтилъ м-ръ Кэмпбель и ринулся въ залъ.

— Гдѣ вы, Джэмми Мартинъ? Гдѣ же вы?

— Здѣсь я!—откликнулся юноша, разговаривавшій съ группой людей.—Мы готовы. Вы, конечно, поведете насъ, какъ всегда? Не правда ли?

— Пожалуй. Зачѣмъ дѣло стало? Пусть строятся: впереди „Арденскіе вѣрные шотландцы", потомъ „Красные герои Джир-

вока“, замкнутъ шествіе „Черные рыцари Балишана“. У черныхъ двѣ хоругви?

— Да, у нихъ „Раскрытая библія“ и „Стѣны Дерри“. Ихъ видно отсюда.

— Двѣ новыхъ хоругви! Это—здорово! Какъ поживаете, м-ръ Глекъ?

— Я храбрюсь, но усталъ, м-ръ Кэмпбель.

— Къ вечеру вы будете еще больше чувствовать усталость. Но пора выступать. У кого барабанъ?

— Кажется, у Чарльза Орръ. Да, у Чарли.

— Вы готовы, м-ръ Кэмпбель?

— Готовъ. Идемъ. Вѣрные шотландцы, впередъ!

М-ръ Кэмпбель, предсѣдатель ардеррійскаго отдѣла оранской лиги, обдернулъ шарфъ, сбившійся подъ мышку, и вышелъ изъ зала, чтобы встать во главѣ процессіи, направлявшейся на поле Баллибай, въ четырехъ верстахъ отъ Ардерри, гдѣ происходила большая демонстрація.

II.

Ардерри—одно изъ большихъ селеній или маленькій городокъ въ Ульстерѣ. Населеніе его свыше трехъ тысячъ, и живетъ оно уютнѣе и зажиточнѣе, нежели любой рабочій поселокъ въ королевствѣ. Въ Ардерри отсутствуютъ негигіеническія постройки, но всѣ какъ на подборъ безобразны. Два длинные ряда домовъ образуютъ прямую улицу, которая могла бы смѣло служить той линіей, которую Петръ Великій провелъ, обозначивъ шоссе между своей новой и старой столицей. Вывѣска булочника, портного, бакалейной и мануфактурной лавокъ—однѣ немножко нарушаютъ однообразіе архитектуры. Нѣтъ ни малѣйшаго намека на сады, хотя вокругъ городка всюду зелень, и холмы Балишаны пестрѣютъ фермами. Повидимому, никому не нуженъ былъ садъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда въ Ардерри выросла улица, чтобы вмѣстить рабочихъ Джибсоновой фабрики, да такъ и до сей поры никто не чувствуетъ въ немъ потребности. Въ среднемъ Ульстерѣ не цѣнится красота сама по себѣ; то, что полезно, что приноситъ барышъ, то цѣнится и независимо отъ красоты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ардерри—типично-зажиточный приходъ. Льнопрядильныя фабрики даютъ хорошій заработокъ какъ мужскому, такъ и женскому населенію, и рѣдкая семья не тратитъ еженедѣльно два-три фунта, весь свой заработокъ. Народъ привыкъ жить хорошо и широко. Въ городкѣ три ресторана, и всѣ они по

вечерамъ полны народу, но отсюда не слѣдуетъ, что всѣ мужчины пьяницы: пьяницъ мало, но многіе „выпиваютъ“. Иные выпиваютъ три-четыре полубутылки въ вечеръ и отнюдь не перестаютъ быть трезвыми. Въ противоположность товарищамъ по ту сторону канала здѣсь рѣдко встрѣтишь рабочаго, который выпиваетъ днемъ стаканъ пива, и рѣдко кто въ разгаръ работы опоздаетъ въ понедѣльникъ на работу. По воскресеньямъ и мужчины и женщины ходятъ въ церковь—одни въ епископальную, другіе — большинство — въ пресвитеріанскія, изъ которыхъ двѣ близко отъ города. На разстояніи мили отъ Ардерри находится маленькая методистская часовня. Она обслуживаетъ Ардерри и своихъ прихожанъ въ Джирвокѣ и въ Балишанѣ. Часовенка стоитъ немного въ сторонѣ отъ дороги и окружена полсотней простыхъ надгробныхъ камней. Она является безмолвнымъ памятникомъ культа, распространеннаго во многихъ частяхъ Ульстера столѣтіе тому назадъ, и служила молитвеннымъ домомъ Общины Друзей. Большинство изъ нихъ покинуло Ульстеръ, но одинъ изъ давно умершихъ членовъ общины завѣщаніемъ обезпечилъ за маленькимъ кладбищемъ и часовней права на дальнѣйшее существованіе.

Для сосѣдней общины этотъ пережитокъ не представляетъ интереса. Джирвокскіе оранжисты не прочь были приспособить часовенку для нуждъ своего отдѣла, чтобы не ходить въ Ардерри; но запрошенныя по этому поводу власти отвѣтили, что если бы онѣ и были въ правѣ распорядиться постройкой, онѣ могли бы отдать ее только для цѣлей мирнаго характера.

— Осмѣлиться сказать, что оранжисты не являются сторонниками мира! возмущался предсѣдатель джирвокскаго отдѣла.— Я выбилъ бы дурь изъ молодца, написавшаго это письмо, скажи онъ мнѣ, что я не за миръ, негодяй!..

Изъ сказаннаго видно, что населеніе Ардерри стоитъ за религію, если только она протестантская. Всѣ поголовно убѣждены, что остальныя религіи, существующія и существовавшія, плохи, а самая недостойная—римско-католическая. По ихъ мнѣнію, если католицизмъ и религія, то создана она самимъ сатаною на погибель рода человѣческаго, предотвратить которую призвана лига оранжистовъ. Но никто не задавался цѣлью разобраться въ этомъ ученіи.

Разсказываютъ случай, имѣвшій мѣсто въ одномъ изъ англійскихъ клубовъ. Весьма умѣренный ульстерецъ весьма рѣзко отозвался о покойномъ папѣ и былъ остановленъ незнакомымъ господиномъ, протестантомъ, который, однако, признавалъ достоин-

ство папы, какъ главы большой церкви и какъ государственнаго человѣка, своимъ вліяніемъ не разъ предотвращавшаго войну.

— Не старайтесь меня переубѣдить,—возразилъ оранжистъ.— Вы, должно быть, не знаете, какой славой папа пользуется у насъ въ Джирвокѣ.

Въ среднемъ Ульстерѣ никто не пытается доискаться причинъ ненависти къ папистамъ; онѣ интересуютъ не больше, нежели причина, почему иные люди отъ изумленія всплескиваютъ руками: и то и другое естественно и передается отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ потомками англійскихъ и шотландскихъ колонистовъ, вытѣснившихъ изъ Ульстера его первоначальныхъ обитателей. Конечно, этотъ планъ не могъ быть осуществленъ безъ убійствъ и притѣсненій; въ теченіе вѣковъ религія туземцевъ закономъ предавалась анаѳемѣ, ея бѣжали, какъ чумы. И въ этихъ традиціяхъ воспитывались дѣти изъ поколѣнія въ поколѣніе, пока...

Пока оранжистская процессія съ барабаннымъ боемъ, со знаменами Ардерри и сосѣднихъ селъ и мѣстечекъ не собралась на обычное мѣсто и предсѣдатель оранской лиги не выступилъ съ рѣчью, длившейся три четверти часа. Имѣя около себя на платформѣ духовенство различныхъ протестантскихъ сектъ, онъ пространно говорилъ въ духѣ оранжизма, обвиняя правительство въ томъ, что оно стремится водворить унижающую и развращающую религію...

Проповѣдь отнюдь не отличалась академичностью. Ораторъ извергалъ снопы искръ и не стремился умѣрить свой пылъ, а мѣстный колоритъ его рѣчи взывалъ къ традиціи и національному чувству обывателей средняго Ульстера. Далеко не всѣ четыре-пять тысячъ собравшихся слушали рѣчь, да имъ и не нужно было слушать ее; эти мрачныя фразы сотни разъ мелькали передъ ними, словно искры мощнаго факела, пылавшаго надъ всей провинціей каждый іюль... Толпа привѣтствовала его не въ томъ сдержанномъ почтительномъ тонѣ, какимъ она привѣтствуетъ короля, а сжимая кулаки, сверкая глазами, горя жаждой борьбы.

Рукоплесканія, провожавшія оратора, слились съ привѣтствіями священнику (не тому, кто прочелъ молитву передъ открытіемъ митинга, а пресвитеріанскому), популярному человѣку, сыну фермера, говорившему на томъ же твердомъ, гортанномъ, ульстерскомъ нарѣчіи, на которомъ изъяснялась слушавшая его толпа. Онъ говорилъ тѣми же фразами, прибѣгалъ къ тѣмъ же метафорамъ, какими пользовался предыдущій ораторъ, но, благодаря

тому, что онъ многія слова произносилъ на мѣстный чисто-ульстерскій ладъ, каждая его фраза встрѣчала шумное одобреніе: каждый въ толпѣ чувствовалъ себя на мѣстѣ оратора, каждый тысячу разъ говорилъ этими самыми словами и въ этомъ именно тонѣ и потому до хрипоты восторгался собственными мыслями.

Третій ораторъ прибылъ изъ Бельфаста, съ корабельной верфи, и не забылъ своего отрывистаго мѣстнаго акцента. Слова его сыпались, словно онъ вбивалъ заклепки, и чувствовалось, что не поздоровится тому, кто вздумалъ бы ему противорѣчить. Онъ вызывалъ на словесный поединокъ, озирался въ ожиданіи противника и, повидимому, огорчался отсутствіемъ таковыхъ. А толпа, конечно, искренно обрадовалась бы появленію оппонента! За отсутствіемъ разномыслящихъ ораторъ вынужденъ былъ ограничиться воображаемымъ оппонентомъ,—но и досталось же ему!.. Онъ высмѣялъ его и его предковъ, предлагалъ ему самые безцеремонные вопросы, приглашалъ слушателей выразить ему презрѣніе за неумѣніе парировать нападки. Разъ или два несчастный призракъ пытался было возразить, но вой, раздавшійся въ отвѣтъ, заглушалъ его попытки. Игра была проведена такъ безукоризненно, что толпа отдала должную дань искусству оратора: восторженные крики одобренія чуть не заглушили голосъ продавца имбирныхъ пряниковъ.

Вслѣдъ за нимъ выступилъ парламентскій чемпіонъ. Испытанный боецъ, онъ понялъ, что ему не сладить съ аудиторіей при данныхъ обстоятельствахъ, если не связать начало своей рѣчи съ рѣчью предшественника. И онъ ловко сдѣлалъ это.

— Вы слышали, что̀ сказалъ только что сошедшій съ трибуны нашъ другъ, вы видѣли, что̀ онъ за человѣкъ; хорошо, все, что я хочу сказать въ настоящую минуту, сводится къ тому, что на бельфастскихъ верфяхъ двадцать пять тысячъ людей точно такого образца, готовыхъ повторить то, о чемъ онъ говорилъ, и болѣе—сдѣлать то, что готовъ сдѣлать ораторъ, какъ онъ вамъ говорилъ;—двадцать пять тысячъ человѣкъ готовы въ одной рукѣ со знаменемъ Соединеннаго королевства, съ ружьемъ—въ другой если явится необходимость, защищать очаги и вѣру отцовъ отъ притязаній Рима и его союзниковъ въ палатѣ общинъ!

Эти слова попали прямо въ цѣль—ораторъ на то и разсчитывалъ. Громъ одобренія разсѣялъ послѣднія сомнѣнія, если они и были... „Время споровъ миновало,—произнесъ ораторъ, какъ только получилъ возможность слышать собственный голосъ.—Мы пытались доказывать и спорить въ теченіе долгихъ, скучныхъ лѣтъ, насъ не хотѣли слушать. Хорошо. Теперь мы говоримъ:

вы заявляете, что силой заставите насъ подчиниться,—прекрасно, придите и сдѣлайте это, придите и сдѣлайте!“

Этимъ рѣчи собственно и исчерпались. Были еще ораторы, принимались еще резолюціи, но это была одна проформа. Всякій и каждый видѣлъ то, что люди видѣли тысячи разъ съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ: споры излишни, безполезны, рѣшеніе принадлежитъ силѣ. Спорятъ безумцы, мужи сражаются.

„Придите и сдѣлайте, придите и сдѣлайте,—пусть попробуютъ!“ Такъ говорили барабанныя колотушки, когда процессія стройнымъ маршемъ, во всемъ величіи знаменъ и шарфовъ обошла поле. Потъ градомъ катился по лицамъ барабанщиковъ, у нѣкоторыхъ даже кровь проступала на рукахъ, но они были проникнуты сознаніемъ, что барабанный бой возвѣщаетъ торжество протестантизма въ Ирландіи. „Идите, идите, идите! Придите и сдѣлайте! Придите и сдѣлайте!“

Этотъ голосъ покрывалъ всѣ доказательства. Въ немъ былъ и здравый смыслъ. Развѣ не полонъ глубокаго смысла намекъ на то, что на двухъ судостроительныхъ заводахъ Бельфаста двадцать пять тысячъ человѣкъ могутъ быть приведены въ состояніе боевой готовности и жаждутъ встать за общее дѣло?

— И какой народъ!—воскликнулъ одинъ изъ священниковъ, сходя съ платформы. Изготовленіе стальныхъ досокъ и цѣпей—хорошая гимнастика для мышцъ!

— А стоитъ имъ только пальцемъ поманить—и съ Клейда придутъ на помощь пятьдесятъ тысячъ товарищей!

— А мы еще не приняли въ расчетъ тѣхъ, что работаютъ въ мастерскихъ Бельфаста, Дерри, Баллимены, Баллимоней и въ прочихъ мѣстахъ!

— Посмотримъ, какъ они придутъ и навяжутъ намъ свой гомруль!

— Они не желали слушать нашихъ доводовъ въ палатѣ,—замѣтилъ одинъ изъ членовъ совѣта графства.—Они выслушивали статью за статьей безъ преній... Посмотримъ, какъ они теперь навяжутъ намъ свое рѣшеніе.

Таково было послѣднее слово на платформѣ, таково же было и послѣднее слово барабанщиковъ.

Одинъ изъ нихъ по возвращеніи домой въ Ардерри провелъ нѣсколько времени въ клубѣ, въ компаніи друзей. Подъ конецъ они, повидимому, устали отъ его безконечныхъ славословій короля Вилльяма, и одинъ изъ нихъ со всей откровенностью ульстерца, собирающагося унизить друга, сказалъ:

— Эхъ, дружище, мы и сами давно все это знаемъ. Не стоитъ

весь вечеръ толковать о королѣ Вилльямѣ. Да и не вѣрится, чтобы вы, при всѣхъ вашихъ разговорахъ, сами знали, кто былъ король Вилльямъ.

— Я знаю побольше, чѣмъ вы,—возразилъ барабанщикъ.

— Предоставимъ судить объ этомъ другимъ,—воскликнулъ второй.—Посмотримъ, что вы знаете. Скажите-ка для начала, кто онъ былъ?

— Онъ былъ принцъ Оранскій, вотъ вамъ.

— Такъ, къ тому же онъ былъ король Вилльямъ. Но былъ онъ англичанинъ, ирландецъ или шотландецъ?

— Вѣдь я же сказалъ вамъ, что онъ былъ принцъ Оранскій.

— Да, да. Но что же такое „Оранскій". Происходитъ это отъ названія мѣстечка или замка, или рѣки, или чего иного?

Барабанщикъ смѣшался, и его пріятель сталъ хихикать, имитируя его смущеніе. Черезъ минуту барабанщикъ швырнулъ на полъ барабанъ и сбросилъ сюртукъ.

— Глядите!—крикнулъ онъ, надменно закидывая голову.—Глядите! Я ничего не знаю о королѣ Вилльямѣ,—ладно, но я лучше васъ всѣхъ! Вотъ вамъ! Слышите: я первый здѣсь!

Это было равносильно вызову, сдѣланному предсѣдателемъ лиги съ платформы. Протестантскій Ульстеръ и не представляетъ себѣ возможности, что имъ могутъ управлять паписты изъ другихъ провинцій. Для него давно миновало время убѣжденія, что все это для его блага и на благо Ирландіи. Протестантскій Ульстеръ показалъ, что католическія провинціи могутъ быть стерты съ лица земли безъ ущерба для міра. Ихъ представители въ палатѣ общинъ въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ—за незначительными исключеніями—стояли на уровнѣ дровосѣковъ и водовозовъ въ протестантскомъ Ульстерѣ,—люди, взятые изъ мясныхъ лавокъ, изъ ломбардовъ, со свиныхъ базаровъ и изъ пивныхъ лавокъ и посланные въ парламентъ, чтобы сопровождать своего лидера, партіей, съ которой они вступили въ сдѣлку. Неужели же протестантскій Ульстеръ потерпитъ, чтобы имъ управляли такіе люди?

Этотъ вопросъ м-ръ Кэмпбель, предсѣдатель ардеррійскаго отдѣла, задалъ, сходя съ платформы, предсѣдателю лиги оранжистовъ.

Предсѣдатель, считавшій Кэмпбеля выдающимся человѣкомъ, улыбнулся и отвѣтилъ:

— Англичане терпятъ подобное управленіе въ теченіи шести лѣтъ.

— И дураки! Стыдно подумать, что мы обращались къ Англіи за помощью. Англія не можетъ намъ помочь!

— Вы правы, Кэмпбель. Ульстеръ самъ долженъ позаботиться о себѣ.

III.

Видную фигуру на эстрадѣ представлялъ м-ръ Джэмсъ Александеръ, владѣлецъ бринейской фабрики, высокій, гладко выбритый, съ густыми, подернутыми сѣдиной волосами. Онъ не выступалъ въ качествѣ оратора, но былъ увѣренъ, что его присутствіе на эстрадѣ было внушительнѣе, чѣмъ самая сильная рѣчь. Онъ полагалъ, что лордъ Иннисфаленъ могъ быть съ нимъ болѣе любезенъ,—что и замѣтилъ женѣ по возвращеніи домой въ Ардерри.

— Между мною и имъ толкалось столько народу—Джо Кэмпбель—каково?—и Бенсанъ, управляющій Мартина,—всѣ столпились. Это главное зло оранжистовъ: приходится якшаться съ публикой, которая обычно должна снимать передъ тобою шапку.

— Ну, нынче шапки не очень что-то снимаютъ,—возразила м-ссъ Александеръ, видная пятидесятилѣтняя женщина. Мужу было пятьдесятъ пять.

— Въ Ульстерѣ это никогда особенно не практиковалось. Я никогда не любилъ снимать шляпу, хотя и поспѣшилъ бы почтить поклономъ того, кто оказался бы достойнѣе меня. Однако—не хочу лгать—я никого изъ нихъ не считаю выше себя, нѣтъ! Но этотъ Кэмпбель, дуракъ, вообразилъ, что милордъ имъ очарованъ, и приставалъ къ нему, величая его все время, расталкивая всѣхъ и никому изъ насъ не давая сказать ни слова. Я думаю, что милордъ считаетъ его вліятельнымъ лицомъ, и потому онъ деликатно сдержался и не послалъ его къ чорту.

— А говорятъ, на охотѣ онъ не очень-то стѣсняется въ выраженіяхъ,—замѣтила м-ссъ Александеръ.

— Самые учтивые изъ нихъ даютъ себѣ волю на охотѣ,—подтвердилъ мужъ.—Если бы я думалъ, что лордъ бесѣдовалъ съ Кэмпбелемъ нарочно, чтобы уклониться отъ встрѣчи со мною, я показалъ бы ему, что не слишкомъ нуждаюсь въ немъ, хоть онъ и лордъ! Что мнѣ заискивать передъ лордомъ Иннисфаленомъ? Скажи, пожалуйста.

— Разумѣется!—воскликнула жена.—Недаромъ же дядя моей матери называлъ старьевщикомъ его дѣдушку, который съ своей тачкой выѣзжалъ по базарнымъ днямъ торговать старымъ платьемъ.

— Тоже купецъ!—свирѣпымъ тономъ подтвердилъ м-ръ Александеръ.—Образчикъ сѣверо-ирландской знати! И Кальманъ, лордъ-канцлеръ, изъ тѣхъ же: отецъ его былъ дворецкимъ у Моррисона.

— Да, на сѣверѣ всѣ лѣзутъ въ знать,—замѣтила м-ссъ Александеръ.—Взять къ примѣру бельфастскихъ дворянъ и баронетовъ—всѣ они были посмѣшищемъ простого люда! Кто не слыхалъ о лордѣ Даніэлѣ Дэффинъ, который двухъ словъ связать не умѣетъ! А сэръ Томасъ Дрисколь, сэръ Симеонъ Робертъ, его папаша, торговалъ старымъ платьемъ.

— Теперь, женушка, всякій можетъ раздобыть себѣ титулъ, стоитъ только захотѣть и пойти извѣстнымъ путемъ,—вставилъ м-ръ Александеръ.—Нынче стоитъ только заявить о своихъ симпатіяхъ гомрулю, и Ллойдъ-Джорджъ немедленно сдѣлаетъ пэромъ! Пока только двое пали такъ низко, да и тѣхъ нельзя назвать джентльменами: они оба вышли изъ ничтожества.

— Но изъ нашихъ мало кто подаетъ надежды, когда мы возьмемъ верхъ и уничтожимъ мысль о гомрулѣ,—съ тонкой усмѣшкой замѣтила м-ссъ Александеръ;—между тѣмъ никого изъ нихъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ преданности, каждый готовъ вздуть всякаго, кто его заподозритъ въ тяготѣніи вправо.

Мужъ улыбнулся и подмигнулъ.

— О, да; многіе поплачутъ, когда придетъ день расплаты,—сказалъ онъ.—Быть можетъ, и Джо Кэмпбель мечтаетъ писаться баронетомъ.

— Бѣдняга!

— Разумѣется. Но онъ сумѣетъ пробить себѣ дорогу; повѣрьте, Сюзанна, въ политикѣ пара острыхъ локтей стоитъ неглупой головы и развязнаго языка; Джо сумѣетъ протолкаться къ намѣченной цѣли, какъ сегодня протолкался къ лорду Иннисфалену. Кучка юнцовъ буквально выла отъ восторга и восхищенія передъ Кэмпбелемъ. Но его нетрудно разгадать, и я никогда ни слова не скажу ему въ обвиненіе. Джо преданъ дѣлу не меньше, чѣмъ каждый изъ насъ. Весь сѣверъ, всѣ мы голубые [1]) до мозга костей, если не считать нашей крови, а если дойдетъ до кровопролитія, мы покажемъ имъ, что не стыдимся пролить свою кровь, какого бы цвѣта она ни была.

— Ну, Джемсъ, до этого никогда не дойдетъ. Намъ не придется проливать кровь. Какъ только въ Англіи и Шотландіи (вѣдь мы съ ними родные по крови) узнаютъ правду объ Ирландіи, они увидятъ разницу между сѣверомъ и югомъ.

---

[1]) Намекъ на оранскіе цвѣта.

— На это полагаться нельзя. Мы должны полагаться лишь на свои силы, а на весь свѣтъ намъ плевать. Никогда не приходилось мнѣ слышать ничего лучше рѣчи м-ра Дру. Въ концѣ сегодняшняго митинга онъ сказалъ: „А тѣмъ, кто пожелаетъ силой навязать намъ гомруль, мы скажемъ: „Придите и сдѣлайте!“ Послѣднее слово Ульстера шайкѣ Ллойдъ-Джорджа: „Придите и сдѣлайте!“ Я посмотрѣлъ бы, какъ они попробуютъ „сдѣлать“! Я прекрасно помню, какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ лимерикская корпорація отказалась уплатить пятьсотъ фунтовъ налога на полицію (лордомъ лейтенантомъ былъ Спенсеръ); было это послѣ того какъ націоналисты убили лорда Фредерика Кавендиша и м-ра Берка. Съ той поры налогъ больше не платился и не платится по сей день. Разъ Дублинскій замокъ не могъ заставить лимерикскую корпорацію платить то, что она должна, неужели же онъ сумѣетъ принудить Ульстеръ платить налоги, которыхъ требуютъ господа внутри страны? Пусть придутъ и возьмутъ! Вотъ наше послѣднее слово... А пожалуй, женка, я выпью глотокъ виски?...

М-ръ Александеръ стоялъ, повернувшись спиною къ окну, имѣя передъ собою всю комнату, причемъ казалось онъ обращается къ толпѣ слушателей, и его единоличная аудиторія вполнѣ его удовлетворяла.

Онъ сдѣлалъ нѣкоторую паузу между боевой фразой и заявленіемъ, что онъ не прочь выпить... Онъ направился къ столу у стѣны, когда жена спросила:

— А м-ръ Фуллертонъ былъ съ вами?

— Да,—отозвался м-ръ Александеръ, наливая себѣ изрядное количество виски, разбавилъ ее слегка водой и выпилъ безъ всякаго воодушевленія: съ утра это была седьмая порція. Не обтеревъ губъ, онъ продолжалъ:

— Да, онъ былъ и прекрасно говорилъ, только, пожалуй, слишкомъ спокойно для момента. И Джимъ нашъ былъ, а Неда я что-то не видѣлъ. Гдѣ онъ?

— Я думала, онъ намѣревался итти туда,—медленно замѣтила она.—А можетъ быть, онъ отправился въ Баллилессанъ.

— А для чего ему туда нужно?—подхватилъ отецъ.—Съ какой стати ему туда ходить?

— Да, я только предполагаю,—оправдалась она.—Мнѣ пришло въ голову, что онъ могъ подумать, что въ Баллибой и безъ него народу довольно.

— Въ Баллилессанъ обойдутся безъ него, а кто ему далъ право судить, гдѣ довольно народу, гдѣ нѣтъ? Скажите-ка мнѣ, сударыня.

— Ну, стоитъ ли горячиться и кипятиться изъ-за такихъ вещей. Я не посылала его туда, да, можетъ быть, онъ вовсе и не ходилъ туда...

— Я этого и не говорю. Ну, да ладно, я все вижу, вижу, что и вы кое-что замѣчаете за Недомъ, но не желаете, чтобы кто-нибудь заподозрѣлъ это, и особенно я.

— О, мой милый, довольно ужъ! Очень ужъ вы подозрительны, и недурно бы вамъ относительно своего зрѣнія посовѣтоваться съ д-ромъ Брауномъ.

— Боюсь, что для многихъ мое зрѣніе слишкомъ остро.

— Я не могу назвать „хорошимъ" зрѣніе человѣка, который видитъ звѣзды, мошекъ и рыбокъ въ воздухѣ, гдѣ другіе ничего не видятъ.

— Я вижу гораздо больше. Ничего, я подожду, чтобы говорить съ тѣмъ большей увѣренностью... Пока прошу васъ не намекать ему о томъ, что я за нимъ слѣжу, иначе все пропало. Предоставьте мнѣ самому дѣлать свои дѣла.

— Онъ воображаетъ, что я стану безпокоиться ради его фантазій!—М-ссъ Александеръ въ знакъ своего изумленія воздѣла кверху руку съ шерстянымъ чулкомъ, который вязала. Клубокъ шерсти упалъ у нея съ колѣнъ и покатился на полъ, и она слегка фыркнула, поднимая его.

— Джемсъ Александеръ!—сердито воскликнула она, втыкая въ клубокъ спицы и поднимаясь съ мѣста.—Джемсъ Александеръ, вы были бы куда счастливѣе, если бы повѣрили, что никто на васъ не ополчается. Вы начали съ того, что заподозрѣли лорда Иннисфалена въ нарочитой холодности къ вамъ, тогда какъ онъ въ отношеніи васъ—сама вѣжливость; а потомъ дошли до того, что обвинили меня и Неда въ заговорѣ противъ васъ! Вы были бы счастливѣе, если бы смотрѣли на вещи проще. Но что проку говорить, когда я тридцать лѣтъ говорю, и вы всетаки не слушаете здраваго смысла.

— Я слушаю его, когда слышу,—возразилъ онъ.—А почему до сихъ поръ нѣтъ чаю? Скоро ужъ семь.

— А я и собираюсь посмотрѣть,—отвѣтила жена.—Вѣрно, Дженъ думаетъ, что двѣнадцатое бываетъ, какъ Рождество, только однажды въ году.

Подойдя къ двери, она распахнула ее и, не перешагнувъ порога, обернулась къ мужу и замѣтила:

— Дженъ вернулась.

— Я чувствую,—сказалъ мужъ.

„Почувствовалъ“ бы всякій, не лишенный хотя бы малѣйшаго обонянія: черезъ открытую дверь шелъ сильный запахъ жареныхъ сельдей.

IV.

Въ семействѣ м-ра Александера все было, какъ нужно. Такъ, по крайней мѣрѣ, горячо увѣрялъ глава семьи съ тѣхъ поръ, какъ построилъ свою усадьбу и окрестилъ ее Ардрэ. Но именно это обстоятельство и заставляло многихъ предполагать, что кое-что неладно: къ чему иначе было такъ энергично утверждать противное? Однако эти ехидные люди прекрасно знали, что весь протестъ Джемса Александера сводится къ тому, чтобы не мѣнять времени обѣда съ часа на половину восьмого, по примѣру джентри,—не заводить дворецкаго или ливрейнаго лакея, какъ сдѣлали многіе изъ ему извѣстныхъ семействъ, едва вышли въ люди.

— Мы люди простые, простыми и останемся,—говорилъ онъ своимъ сосѣдямъ, когда они недвусмысленно, какъ принято въ сѣверной Ирландіи, посмѣивались надъ его постройкой.—Поздній обѣдъ, сюртукъ съ хвостомъ и бѣлый галстукъ! Благодарю! Сколько разъ я обѣдалъ въ жилетѣ и никакого не видѣлъ въ томъ худа, и впредь надѣюсь продолжать... А разъ я самъ не надѣваю бѣлаго галстука, разумѣется, я не поставлю человѣка въ галстукѣ и за моимъ стуломъ. А кому это не нравится, тотъ можетъ не бывать въ моемъ домѣ.

Это непритязательное тщеславіе однако никого не обманывало. Всѣмъ было извѣстно, что м-ръ Александеръ преисполненъ гордости по поводу своей усадьбы, кичится тѣмъ, что его столовая на четыре фута длиннѣе, чѣмъ въ Денсфортѣ у м-ра Мегарри, владѣльца Баллибойской фабрики, а Мегарри принадлежали къ числу самыхъ старыхъ семей въ Баллибой и имѣли фабрику еще до гражданской американской войны, послѣ которой всѣ полотнянщики въ Бельфастѣ стали высматривать, гдѣ бы поставить фабрику. М-ръ Александеръ былъ мальчикомъ на фабрикѣ у Мегарри.

— Какой длины эта комната?—спросилъ онъ своего архитектора, явившагося къ нему съ планомъ Ардрэ, тыча пальцемъ въ самый большой изъ четырехугольниковъ.

— Двадцать пять футовъ безъ выступающаго окна,—отвѣтилъ архитекторъ.

— А каковы размѣры самой большой комнаты въ Денсфортѣ? Вѣдь его вы же строили?

— Кажется, двадцать шесть.

— Такъ дѣлайте тридцать. Я покажу имъ, что я могу себѣ

позволить, хоть Мегарри и давалъ мнѣ затрещины въ чесальнѣ... Мы были ровесники.

Архитекторъ улыбнулся.

— Ну, съ той поры вы дали ему много оплеухъ, м-ръ Александеръ; такъ говорятъ...

— Правда, но это одно, а это другое—дѣлайте на четыре фута длиннѣе. Онъ почувствуетъ этотъ ударъ, когда до него дойдетъ слухъ, что у Джимми Александера въ новомъ домѣ столовая на четыре фута длиннѣе, чѣмъ самая большая комната у него. На вашемъ мѣстѣ я не сталъ бы дѣлать изъ этого тайну: вамъ даже можетъ быть выгодно, когда пройдетъ слухъ, что вы можете выстроить такую большую комнату.

— Положитесь на меня, м-ръ Александеръ; только я сомнѣваюсь, чтобы этотъ ударъ отозвался въ сердцѣ м-ра Мегарри съ такою же болью, какъ полученный вами въ прошломъ году заказъ на простыни для Зеленой Звѣзды. Тысяча дюжинъ, кажется?—спросилъ архитекторъ.

У м-ра Александера глаза блеснули, и онъ готовъ былъ облизнуться.

— Ну, это былъ ужъ тумакъ, а нынѣшній будетъ еще почище.

— Эта тысяча дюжинъ размѣняется на много оплеухъ,—замѣтилъ архитекторъ.

По возвращеніи въ Бельфастъ онъ въ лицахъ изобразилъ мечты своего клієнта о томъ, какъ тридцатифутовая столовая подниметъ его престижъ. Партнеръ его, стремящійся возводить въ кубъ превышеніе условленныхъ размѣровъ комнатъ, позаботился о томъ, чтобы м-ръ Александеръ должнымъ образомъ заплатилъ за удовольствіе „побить“ человѣка, придиравшагося къ нему сорокъ лѣтъ тому назадъ.

А народъ, слыша разлагольствованія м-ра Александера объ его простотѣ и отсутствіи у него предразсудковъ, ухмылялся и спрашивалъ, не раздвинулъ ли Мегарри свою столовую на десять футовъ. Въ сѣверной Ирландіи дѣловой народъ не отличается тонкостью сарказма...

Даже въ торжественный день, двѣнадцатаго, м-ръ Александеръ не отступилъ отъ спартанской простоты, и яства, украшавшія столъ въ его тридцатифутовой столовой, отличались своей простотой. Главное мѣсто, конечно, принадлежало массивному—въ стилѣ Викторіи—самовару, который стоялъ передъ м-ссъ Александеръ среди китайскаго бѣлаго съ золотомъ сервиза. Остальное соотвѣтствовало стилю. Тутъ была ветчина, пара холодныхъ

куръ, языкъ, тоже холодный; единственное горячее блюдо были жареныя сельди. Запахъ ихъ казался особенно аппетитнымъ м-ру Александеру, посмѣивавшемуся надъ отвращеніемъ дочери. Эта барышня родилась много спустя послѣ того, какъ ея родители покинули скромный коттэджъ, гдѣ мать сама стряпала и гдѣ весь домъ былъ пропитанъ запахомъ, всегда заставлявшимъ вспоминать о жареныхъ селедкахъ... Поэтому-то она не могла оцѣнить традиціи, возбуждавшей аппетитъ ея отца.

— Какое отвращеніе! Весь домъ пропитанъ этимъ запахомъ,— возмущалась миссъ Эленъ, садясь за столъ.—Неужели кухарка не можетъ закрывать кухонную дверь, когда жаритъ такія вещи! И почему у насъ всегда должны быть селедки?

— А ты предпочла бы летающихъ рыбъ для перемѣны?—пошутилъ отецъ.

— Ну, что бы вамъ, мама, купить полдюжины летающихъ рыбъ для нашей барышни съ деликатнымъ вкусомъ?

Молодая дѣвушка нахмурилась, но промолчала и взяла себѣ языка.

— Намъ, Джимми, больше останется,—замѣтилъ отецъ,—подмигивая сыну.

Джимми улыбнулся и заблагоразсудилъ взять селедку, хотя терпѣть не могъ этой рыбы и питалъ отвращеніе къ ея запаху.

Мать молча разлила чай: онъ былъ совершенно черный; и всѣ были довольны. Даже хозяинъ похвалилъ, попросивъ вторую чашку.

— Вотъ это настоящій чай!—замѣтилъ онъ, — только вторая чашка будетъ похуже!...

Но его опасенія были напрасны: чай, несмотря на то, что былъ разбавленъ, былъ черенъ, какъ и въ первой чашкѣ.

Только окончивъ чай и съѣвъ второй ломоть прѣснаго хлѣба, онъ заговорилъ о событіяхъ дня.

— Ну, какъ тебѣ понравился митингъ? — обратился онъ къ сыну.

— Недурно было,—отозвался Джемсъ съ унаслѣдованной отъ шотландскихъ предковъ осторожностью. Мнѣ кажется, лордъ Иннисфаленъ могъ бы быть немножко построже.

— Разумѣется,—согласился отецъ,—онъ изрядная размазня, а въ настоящее время намъ нужны не такіе. Замѣтилъ ты, какъ Джо Кэмпбель протолкался не нему и всячески, до тошноты старался быть пріятнымъ и безъ конца величалъ его?

— Мнѣ кажется, онъ воображалъ, что милордъ не былъ увѣренъ въ эфектѣ, который произвела его рѣчь, пока Джо Кэмп-

бель не высказалъ о ней своего мнѣнія,—замѣтилъ сынъ, и отецъ презрительно усмѣхнулся.

— Джо стоялъ около м-ра Эмерсона, когда лордъ Иннисфаленъ направился къ нему, т.-е. къ Эмерсону, и онъ не могъ рта раскрыть, пока Джо все не выболталъ.

— А онъ всего на всего предсѣдатель Дерривалджійской ложи!—вставила м-ссъ Александеръ.

— Только всего; а можно подумать, что онъ предсѣдатель лиги,—сказалъ мужъ.—А между тѣмъ у него ни образованія, ни здраваго смысла.

— Любой дуракъ раскуситъ Джо Кэмпбеля,—сказалъ Джимъ.—Раза два въ недѣлю ему изрядно достается, но онъ только отряхивается и улыбается.

— Когда такой молодецъ нарядится въ шарфъ, съ нимъ сладу нѣтъ: онъ чувствуетъ себя на равной ногѣ съ королемъ.

— На равной ногѣ! выше!—сказалъ Джимъ со смѣхомъ, къ которому присоединилась его мать.

— Однако ничего подобнаго нельзя говорить помимо нашего тѣснаго круга,—замѣтилъ отецъ, оглядывая сидящихъ за столомъ. Обо всѣхъ—будь то Джо или иной кто,—кто стоитъ въ этотъ критическій моментъ направо, слѣдуетъ отзываться только въ дружественномъ тонѣ. Я самъ готовъ скорѣе откусить себѣ языкъ, чѣмъ на людяхъ дурно отозваться о членахъ лиги. Мы должны поддерживать другъ друга, что бы мы ни думали, что бы ни говорили въ своемъ кругу.

— Да неужели мы сами этого не знаемъ!—воскликнула жена.—Да кто же изъ насъ когда-либо недружелюбно отзывался о членахъ лиги? Вѣдь въ этомъ нашъ единственный оплотъ противъ націоналистовъ, въ случаѣ если они добьются своего парламента, чтобы перегрызть другъ другу горло.

— Ты согласенъ съ этимъ, другъ? — громогласно вопросилъ м-ръ Александеръ, направляя палецъ на сына.—Вѣдь это же самое говорилъ сегодня Вилли Кинганъ?

Джимъ утвердительно кивнулъ головой, а сестра его, впервые послѣ отказа отъ селедки, подняла голову и обнаружила нѣкоторый интересъ къ разговору,—но всего на нѣсколько мгновеній,—и затѣмъ снова приняла свой равнодушный видъ. Но отъ бдительнаго материнскаго взора не ускользнула эта мгновенная перемѣна.

— А что же Вилли Кинганъ сказалъ?—спросила она, даже не глядя на дочь.—Я всегда говорила, что Вилли при случаѣ сумѣетъ показать себя.

— Онъ говорилъ именно то, что только что высказали вы,— отвѣтилъ мужъ,—и насмѣшилъ всѣхъ разсказомъ о посѣщеніи его пріятелемъ палаты общинъ. Дѣло было мѣсяцъ-два назадъ. Господинъ этотъ бесѣдовалъ съ депутатомъ по дѣлу, и въ срединѣ разговора послѣдній былъ отозванъ для голосованія или чего-то другого. Тѣмъ временемъ вышелъ одинъ изъ знакомыхъ націоналистовъ, и они вступили въ разговоръ. „Впервые послѣ Парнеля,—замѣтилъ его собесѣдникъ,—мы, ирландцы, объединились, славу Богу политическая рознь канула въ вѣчность, и мы не допустимъ, чтобы насъ раздѣлили мелкія распри.

— Весьма отрадно,—отозвался пріятель Кингана.—Въ эту минуту прошмыгнулъ еще одинъ націоналистъ.—Кажется, м-ръ Реганъ?—спросилъ онъ у своего собесѣдника.—Не познакомите ли вы меня съ нимъ: я встрѣчался съ его братомъ въ Швейцаріи... Но націоналистъ отвернулся и шепнулъ:—Я охотно представилъ бы васъ, будь это кто-нибудь другой, а съ Реганомъ мы не говоримъ.—О, не безпокойтесь,—возразилъ первый,—вѣдь я сказалъ объ этомъ только потому, что м-ръ Реганъ прошелъ мимо и мнѣ захотѣлось сказать ему, что я познакомился съ его братомъ.—Они заговорили о постороннихъ вещахъ. Тутъ вышелъ Патъ Кинанъ, депутатъ Блэрнея.—Кажется, это м-ръ Кинанъ? полюбопытствовалъ гость—угрюмо буркнулъ депутатъ.—Удачно! очень бы мнѣ хотѣлось узнать, не восемнадцать ли головъ въ Блэрнеѣ? Можетъ быть, вы меня познакомите съ нимъ?—Съ удовольствіемъ, будь на его мѣстѣ другой,—послѣдовалъ отвѣтъ,—а Кинанъ такая свинья, что никто изъ нашей партіи не желаетъ имѣть съ нимъ дѣло.—Не безпокойтесь, пожалуйста!—возразилъ гость.—Но позвольте мнѣ поздравить васъ съ объединеніемъ ирландской партіи!—Нечего говорить, что эта исторія вызвала взрывъ дружнаго хохота.—Вотъ каковъ будетъ желанный ирландскій парламентъ!—замѣтилъ Вилли Кинганъ.—Они готовы перервать другъ другу горло,—сказалъ онъ и напомнилъ старую поговорку о ворахъ, которые поссорились... О, этотъ Вилли Кинганъ далеко пойдетъ.

Во время этого разсказа равнодушіе окончательно покинуло Эленъ, у нея даже глаза заблестѣли, хотя она и не смѣялась такъ отъ души, какъ ея мать.

— Точь въ точь націоналисты!—замѣтила м-ссъ Александеръ.— При случаѣ они готовы разорвать другъ друга въ клочки.

Джимми покачалъ головой.

— Однако, три года тому назадъ они сумѣли сплотиться при выборахъ и удержали правительство у власти,—говорилъ Кинганъ.

— Кабы не націоналисты, оно давно бы ужъ потерпѣло пораженіе,—сказалъ отецъ.—Это было умно сказано.

Какой-то англичанинъ замѣтилъ ему:

— Отчего всѣ ульстерцы не хотятъ признать правительства націоналистовъ? Вѣдь вотъ пять лѣтъ тому назадъ мы въ Англіи имѣли націоналистское правительство и не дѣлали изъ этого ничего особеннаго...

— Уходя я хлопнулъ его по спинѣ,—продолжалъ м-ръ Александеръ.—Я звалъ его пообѣдать съ нами завтра чѣмъ Богъ пошлетъ. Онъ обѣщалъ, если будетъ можно. Вы ужъ позаботьтесь, хозяюшка, если не хотите, чтобы мы ударили въ грязь лицомъ передъ ирландскимъ сбродомъ со всѣми его ухищреніями... Не забудьте, что Вилли въ Дублинѣ вращается въ свѣтѣ. Но мы покажемъ ему, что сами не хуже людей. Правда, Эленъ?

Эленъ засмѣялась. Она воздержалась отъ замѣчанія, что отецъ кичится тѣмъ, что свободенъ отъ предразсудковъ.

— Какъ это похоже на васъ! Звать интереснаго для васъ человѣка къ обѣду въ воскресенье и только въ субботу вечеромъ сказать объ этомъ!—воскликнула м-ссъ Александеръ.—А вамъ извѣстно, что теперь ближе Бельфаста нигдѣ не найти лососины?

— Зачѣмъ непремѣнно лососина?—презрительно замѣтилъ хозяинъ дома.—Скажите, почему намъ нужна въ воскресенье рыба? А если ужъ это необходимо, подайте блюдо свѣжихъ сельдей; я готовъ биться объ закладъ, что онъ ихъ ѣстъ. А то—лососина! Эхъ вы, хозяйка!...

Эленъ не дала матери отвѣтить на добродушный укоръ отца; облокотясь на пустой стулъ, она проговорила:

— Не обращайте, мама, вниманія на него съ его селедками; вѣдь можно заказать по телефону въ Бельфастѣ, они пришлютъ лососину съ девятичасовымъ поѣздомъ, а Недъ съѣздитъ за ней на станцію.

— Намъ не нужна лососина,—возразила мать.—Подадимъ пару куръ, ветчину, капусту съ пуддингомъ и землянику, и достаточно.

— Вдругъ онъ останется и ужинать, какъ бывало до отъѣзда въ Дублинъ?

— Почему-жъ онъ не можетъ съѣсть холоднаго языка съ салатомъ, вѣдь ты взяла только ломтикъ?—возразила мать.

— Что ты говоришь! Это послѣ Дублина-то?! Вѣдь тамъ онъ обѣдалъ съ Лаусонами въ Мерріонъ-Сквэръ,—замѣтила Эленъ.

— О чемъ толковать?—вмѣшался отецъ.—Что за домъ, куда нельзя позвать сосѣда въ воскресенье запросто пообѣдать безъ суеты!...

— А не вы ли сами говорили о томъ, чтобы позаботиться объ обѣдѣ?—возразила м-ссъ Александеръ.

— А развѣ я заикнулся о лососинѣ? Пусть Джимми скажетъ, произнесъ ли я слово лососина...

V.

Обычная семейная перепалка изъ-за ничего была прервана появленіемъ младшаго сына Эдуарда. Это былъ высокій двадцатипятилѣтній юноша, шатенъ, съ сѣрыми глазами.

— Вотъ и ты вернулся!—проговорила мать, игнорируя предложеніе мужа обратиться къ третейскому суду сына по поводу лососины.

— Я голоденъ, какъ волкъ,—отозвался Эдуардъ, усаживаясь на свободный стулъ.

Эленъ тотчасъ же поднялась и вышла.

И отецъ, и мать поняли, что она рѣшитъ вопросъ о лососинѣ по собственному усмотрѣнію, что бы ни говорили.

— Селедка остыла и чай перестоялся,—замѣтила мать,—но въ самоваръ можно налить кипятку, а вотъ тутъ есть языкъ; впрочемъ, языкъ нужно приберечь на завтра, съ тебя довольно и холодной ветчины.

— Только-то...—проговорилъ юноша.—Не такъ много чаю, мама, лучше побольше молока. Эта подлая машина опять сломалась по дорогѣ къ Баллибой, а благодаря тому, что сегодня ближе Бельфаста некому было ее чинить, пришлось мнѣ самому на дорогѣ съ ней возиться.

— Потому-то, должно быть, ты и не попалъ на демонстрацію?—спросилъ отецъ.

— А развѣ этого не достаточно?—спросилъ въ свою очередь сынъ.

— Разумѣется; но я желалъ бы знать, зачѣмъ вамъ понадобилось ѣхать на этой машинѣ. Всякій дуракъ могъ видѣть, что она опять сломается. Какой прокъ въ такихъ вещахъ! Вѣдь это—игрушка! И коли она сброситъ сѣдока и тотъ сломитъ себѣ шею, однимъ дуракомъ станетъ меньше,—сказалъ отецъ.

— Иначе говоря, не бѣда, если я сломаю себѣ шею?—смѣясь спросилъ Эдуардъ.—Слышали вы, мама?

— Слышу, слышу! Пей чай и не обращай вниманія на шутки отца.

— Онъ прекрасно понимаетъ, что я хочу сказать,—возразилъ отецъ.—А вы бы хотѣли, чтобы онъ огрызался на каждое слово!...

Изъ-за мотоциклета или по другой причинѣ онъ не долженъ былъ отсутствовать на сегодняшней демонстраціи. Пожалуй, насъ заподозрятъ въ томъ, что мы недовольно стойки; теперь не подходящій моментъ для отщепенства, хотя бы и для того, кто можетъ покупать мотоциклеты... И получше его люди не побоялись сегодня прійти въ Баллибой пѣшкомъ.

— Очень радъ слышать; значитъ, тамъ и безъ меня было довольно народу,—процѣдилъ Недъ сквозь зубы.—Грустно было бы, если бы демонстрація не состоялась изъ-за того, что я не прибылъ.

— Молчи,—остановилъ его отецъ.—Ты хочешь оправдаться, обративъ дѣло въ шутку; но это не пройдетъ. Твоя машина выгораживаетъ тебя, но смотри, если она опять сломается не во̀-время.

— Да я и не говорю, что она сломалась не во̀-время,—возразилъ Недъ.

— Придержи языкъ, Недъ,—вмѣшалась мать, принимая сторону отца.—Не придирайтесь къ нему, Джемсъ. Быть можетъ, онъ тащилъ машину мили двѣ, а тутъ, право, всякій можетъ выйти изъ себя. Ты не силенъ, Недъ,—замѣтила она сыну,—вѣдь не всякій знаетъ, что это не серьезно... А вѣдь наша дѣвица, конечно, пошла насчетъ лососины...

— Какая лососина?—спросилъ Недъ.—Неужели она для меня спеціально готовитъ лососину? Не нужно, ветчина очень хорошая. Вы мнѣ не велѣли трогать языка, и я слушаюсь.

— Съ тебя и собственнаго достаточно,—проворчалъ отецъ,—даже и того много.

— Бросьте,—примирительнымъ тономъ проговорила мать.—Языкъ, Недъ, нужно приберечь на завтра, на случай, если Вилли Кинганъ придетъ обѣдать и останется на вечеръ.

— А онъ придетъ къ обѣду?

— Да. Положительно она хлопочетъ о лососинѣ.

— Почему о лососинѣ?—спросилъ Недъ.

— Эленъ рѣшила угостить его лососиной, это такъ прилично...—отвѣтила мать.

— Если ее пришлютъ, я, кажется, выброшу ее кошкамъ,—заявилъ м-ръ Александеръ,—я вовсе не желаю, чтобы прошла молва, что мы тянемся за приличіями. Мы люди простые, безъ предразсудковъ и вовсе не намѣрены тягаться съ Мерріонъ-Сквэромъ. Не бѣда, если кому-нибудь это не любо...

— Моя машина теперь въ порядкѣ, я съѣзжу за лососиной на станцію, хотя бы и для кошекъ,—сказалъ Эдуардъ, какъ только отецъ вышелъ черезъ балконную дверь въ садъ.

— Постарайся, чтобы онъ тебя не видѣлъ,—замѣтилъ Джимъ, не раскрывшій рта съ момента появленія брата.

— Я не боюсь,—замѣтилъ Недъ.—Мотоциклетъ—надежная защита, больше трехъ словъ брани не услышишь. Кстати, какъ прошла демонстрація? Какъ всегда, полагаю?

— Какъ нельзя лучше. Жаль, что тебя не было.

— Пожалуй, это лучше, чѣмъ возиться съ машиной на большой дорогѣ въ пяти миляхъ откуда бы то ни было,—замѣтилъ Недъ.

— А ты все время съ нею провозился?—вдругъ спросила мать.

Недъ отвѣтилъ не сразу.

— Нѣтъ, строго говоря, не все время. Я повозился немного, она пошла, но черезъ милю-двѣ снова стала вспыхивать и стала.

— Гдѣ?—полюбопытствовала мать.

— Приблизительно въ разстояніи одной мили отъ перекрестка.

— Такъ отчего ты не свернулъ въ Деррирэшъ и не оставилъ ее тамъ?

— Я такъ и сдѣлалъ. Я собирался оставить машину и пойти черезъ старую каменоломню въ Баллибой, но увидѣлъ, что пока я дойду, все окончится, и не пошелъ.

— Ты тамъ и пробылъ все время?

— Да, машину починили только четверть часа назадъ.

— И ты такъ весь день и постился?

— О, нѣтъ. Джекъ Поуэръ зазвалъ меня къ нимъ и меня заставили пообѣдать.

— Они всѣ здоровы?

— Да. Я нахожу, что все вышло очень удачно. Я согласился бы вести машину всѣ семь миль до дому.

— Совѣтую только не разсказывать объ этой удачѣ отцу.

— Нѣтъ, нѣтъ!—со смѣхомъ отвѣтилъ Недъ.

Мать не вторила ему и, покачавъ головой, проговорила:

— Посмотрю, что тамъ дѣлаетъ Эленъ. Пожалуй, тебѣ придется-таки съѣздить на станцію за лососиной.

— Вы сказали, что она заказываетъ ее на случай прихода Вилли Кингана?—язвительно спросилъ Недъ.

— Не стоитъ безпокоиться,—отозвался Джимъ.

— Почему это не стоитъ безпокоиться?—спросила мать, обернувшись,—а если ей хочется?

— Если хочется, тогда, разумѣется,—согласился Джимъ, помолчавъ.

— Ну, такъ зачѣмъ же шумѣть и дѣлать видъ, будто видишь больше другихъ,—замѣтила мать.

Она постояла въ дверяхъ, точно поджидая отвѣта, но отвѣта не послѣдовало. Джимъ зналъ, что молчаніе въ данномъ случаѣ скажетъ больше словъ: а онъ только и желалъ намекнуть, что Эленъ для Вилли Кингана готова безпокоиться больше, чѣмъ для кого бы то ни было.

— Почему ты сказалъ, что ей нечего безпокоиться?—спросилъ младшій братъ, когда мать закрыла за собою дверь.

— Я сказалъ только то, что думалъ.

— Ты думаешь, что Эленъ недостаточно хороша для Вилли?

— Ничего подобнаго я не думаю.

— Такъ какого же чорта ты думаешь?

— А тебѣ какое дѣло? Всякій, у кого есть глаза и уши, знаетъ, что Вилли Кинганъ ухаживаетъ за миссъ Торнтонъ.

— Да откуда это извѣстно? Развѣ миссъ Торнтонъ станетъ кому-нибудь разсказывать, что собирается замужъ за Вилли Кингана или за кого-нибудь другого?...

— А развѣ я сказалъ, что она выходитъ за него замужъ? Онъ ухаживаетъ за нею, это правда.

— Это твои догадки, и ни на чемъ не основанныя.

— У меня есть глаза и уши.

— То и я говорю: это только твои догадки, а больше никто объ этомъ и не думаетъ. Почему бы Эленъ и не попытать счастья, если Вилли ей нравится?

— Я не желалъ бы, чтобы Эленъ осталась въ дурахъ.

— Это могло бы случиться только въ томъ случаѣ, если бы Вилли былъ обрученъ. Эленъ не хуже миссъ Торнтонъ, такъ же мила и года на три-четыре моложе. А что касается денегъ, я увѣренъ, отецъ раскошелится, если дѣло зайдетъ о томъ, чтобы породниться съ Кинганами.

— Это не похоже на него, но я не отрицаю возможности... Я увѣренъ, однако, что Кинганы никогда не пошлютъ къ намъ сватовъ.

— Неужели онъ пойдетъ спрашивать позволенія, если влюбится въ Эленъ или вообще въ кого-нибудь? Какое дѣло до этого его роднѣ? Да если и такъ, что могутъ они возразить кромѣ того, что Джемсъ Александеръ самъ *изъ ничего* вышелъ въ люди, а не отецъ его выбился изъ *ничего?* Каковъ вообще тутъ народъ, всѣ владѣльцы бельфастскихъ фабрикъ? Ты знаешь такъ же, какъ и я, что всѣ они нисколько не лучше насъ, только нѣкоторые насчитываютъ за собою одно поколѣніе, вышедшее изъ ничтожества... Что за бѣда, что наши родители говорятъ съ мѣст-

нымъ акцентомъ? Какъ бы они ни говорили, они говорятъ все-таки лучше, чѣмъ большинство бельфастскихъ баронетовъ...

— Ну, это еще немного.

— Но вполнѣ достаточно. Развѣ Томми Дэферинъ не женился на дочери лорда, и лэди Кланбракенъ и не препятствовала браку дочери съ сыномъ человѣка, который говоритъ съ акцентомъ ирландскаго босяка? Почему бы одному изъ Кингановъ не жениться на дочери Александеровъ? Акцентъ обоихъ нашихъ родителей взятыхъ вмѣстѣ не сравнится съ акцентомъ лорда Даніэля.

— Да не въ одномъ акцентѣ дѣло; всѣмъ и каждому извѣстно, что фабрика досталась отцу не вполнѣ законнымъ путемъ.

— Вздоръ все это! Мы слышали кое-что о банкротствѣ его брата или что-то вродѣ. Увѣряю тебя, тутъ нѣтъ ничего особеннаго, чистѣйшая „практика". Господи Боже! Да я бы желалъ видѣть людей, которые достигли успѣха безъ практичности. Хотѣлъ бы я знать, какъ правительство провело бы свои мѣропріятія послѣднія семь лѣтъ безъ этой „практики". Я не вижу ничего дурного въ томъ, что отецъ велъ игру, какъ всѣ теперь играютъ: кто теперь стѣсняется заглядывать въ чужія карты? Кто возьмется осуждать крупную фирму, заплатившую недавно съ четверть милліона американскимъ таможенникамъ? Публика только улыбалась и говорила, что сами евреи не сумѣли бы лучше устроиться съ контрабандой.

— Все это очень хорошо, Недъ, но вспомни школу и представь себѣ, что исторія съ фабрикой можетъ снова всплыть.

— Я помню, что подбилъ глазъ Дику Барберу за что-то. Но мы ужъ давно порѣшили на томъ, что Дикъ, очевидно, подслушалъ какую-то сплетню на барберской фабрикѣ: они всегда завидовали намъ. Я положительно не желаю говорить объ этомъ; по-моему просто безуміе считаться со сплетней черезъ тридцать лѣтъ!

— Да я не особенно считаюсь, но позволь мнѣ сказать, что съ твоей стороны безуміе не считаться кое съ чѣмъ инымъ.

— Что ты хочешь сказать?

— Да неужели ты не видишь, что старики кое-что подозрѣваютъ насчетъ тебя и Кэтъ Поуэръ?

Недъ вздрогнулъ и отвернулся. Онъ увидѣлъ шедшую по саду Эленъ и пошелъ открыть ей дверь. Онъ покраснѣлъ и нѣсколько мгновеній молча смотрѣлъ на брата, потомъ проговорилъ почти шопотомъ:

— Такъ, значитъ, мать на это и намекала...

— Конечно. Она, какъ и я, прекрасно знала, что новая мотоциклетка сломалась, навѣрно, гдѣ-нибудь по сосѣдству съ Деррирэшъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ вы оба ошиблись. Мнѣ пришлось вести ее, по крайней мѣрѣ, полторы мили, и если бы тебѣ пришлось итти съ нею по этой дорогѣ полторы мили, ты едва ли нашелъ бы, что она сломалась на удобномъ мѣстѣ для Деррирэша.

Джемсъ непріятно засмѣялся.

— Мотоциклетъ—вещь очень удобная, всегда можно на нее свалить вину.

Эдуардъ взглянулъ на брата: тотъ, очевидно, подразумѣвалъ гораздо больше, чѣмъ имѣлъ мужества сказать. Онъ распахнулъ дверь на балконъ, и сестра Эленъ вошла.

— Мама сказала, что ты обѣщалъ съѣздить на станцію?—спросила она брата.

— Разумѣется, съѣзжу. Машина моя въ порядкѣ, и я въ четверть часа съѣзжу на станцію, а черезъ полчаса буду и дома.

— Пріятно имѣть такую машину.

Недъ взглянулъ на брата: Джимъ смѣялся.

— Почему онъ смѣется?—спросила Эленъ.

— Вѣроятно, собственной остротѣ; ему не часто удается сострить, а когда удастся, онъ и смѣется, хотя больше не смѣется никто! Заказана цѣлая рыба? На какой приблизительно вѣсъ?—спросилъ Недъ.

— Всего фунтовъ шесть,—отвѣтила Эленъ.—Но чему Джемсъ смѣется?

— Не обращай вниманія, пусть его. Пойдемъ, я покажу тебѣ ходъ мотоциклета.

Братъ съ сестрою направились къ сараю, гдѣ отдыхалъ мотоциклетъ, свершившій все, чего отъ него ждали въ этотъ день. А ждалъ Недъ многаго...

VI.

Въ ближайшее къ двѣнадцатому воскресенью во многихъ приходахъ Ульстера совершается торжественное богослуженіе Оранжисты направляются въ церкви съ великолѣпными регаліями ордена; церковные башни и шпили украшаются красными и оранжевыми флагами, какіе ежегодно, въ другой только моментъ, развѣваются на римско-католической ораторіи, въ Лон-

донѣ,—зрѣлище необычайное и почти невѣроятное для ульстерскаго протестанта. Оранжизмъ — религія, приспособленная къ нуждамъ большой общины, существующей въ особыхъ условіяхъ на сѣверѣ Ирландіи; ея принципы проповѣдуются въ предѣлахъ благоразумія апостолами, сознающими свою отвѣтственность за благополучіе ихъ сторонниковъ. Нельзя сомнѣваться въ искренности, которой проникнута ежегодная проповѣдь въ Сѣверной Ирландіи. Въ ней слышенъ трубный гласъ шотландскихъ пресвитеріанцевъ, потомки коихъ переплыли проливъ и основали Ульстерскій поселокъ; онъ звучитъ весьма увѣренно, торжествуя побѣды англійскаго протестантизма въ Ирландіи.

Ни одинъ вѣрный протестантъ-ульстерецъ не пропуститъ этой службы. Въ провинціи пресвитеріанцы и англиканцы вѣрны традиціи отцовъ, занесенной изъ Англіи и изъ Шотландіи, и полагаютъ, что хожденіе въ церковь искупаетъ ихъ многочисленные недостатки и погрѣшности.

М-ръ Вилльямъ Кинганъ, адвокатъ, не пошелъ изъ деррiярдской церкви вмѣстѣ съ семействомъ, гдѣ обѣщалъ обѣдать въ половинѣ второго, хотя нѣкоторые изъ членовъ этой семьи не прочь были пріобщить его къ своей компаніи. Онъ нашелъ болѣе благоразумнымъ подождать м-ра и м-ссъ Джифордъ и проводить ихъ и, поболтавъ съ ними съ полчаса, незамѣтно направиться къ Александровскому дому: онъ зналъ мѣстную любовь къ сплетнямъ и къ скоропалительнымъ выводамъ. Осторожность побуждала его воздержаться отъ шаговъ, которые могутъ дать поводъ къ кривотолкамъ досужимъ наблюдателямъ. Онъ съ удовольствіемъ прошелъ бы съ Эленъ Александеръ, если бы могъ какимъ-нибудь способомъ увѣрить, что у него нѣтъ задней мысли. Онъ прекрасно могъ оградить себя, когда ему приходилось писать письмо по поводу какого-нибудь дѣла; и былъ очень огорченъ, что лишенъ возможности дать всѣмъ понять, что его возвращеніе съ миссъ Александеръ изъ церкви свидѣтельствуетъ только объ его намѣреніи пообѣдать у нихъ въ домѣ. Его осторожность шла еще дальше: пожалуй, онъ предпочелъ бы, чтобы не знали и о его намѣреніи обѣдать у Александеръ. Онъ зналъ, что семейство Александеръ не совсѣмъ на одномъ уровнѣ съ Барберомъ, съ Бартономъ или съ м-къ Мастерсъ, которые всѣ тоже фабриканты; онъ не сомнѣвался, что если узнается, что онъ запросто обѣдаетъ у Александера, кое-кто изъ его друзей нахмурятся, подожмутъ губы, пожмутъ плечами... Раздумывая объ этомъ во время длинныхъ періодовъ м-ра Джифорда, онъ почти пришелъ къ заключенію, что лучше было бы поблагодарить и

отказаться отъ приглашенія. Но, взглянувъ въ ту сторону, гдѣ между двумя братьями сидѣла Эленъ въ хорошенькой шляпкѣ, онъ почувствовалъ, что она положительно мила; къ тому весьма вѣроятно, что, несмотря на двухъ братьевъ и замужнюю сестру, она получитъ по меньшей мѣрѣ десять-пятнадцать тысячъ, и если постараться—не послѣ смерти отца, а при выходѣ замужъ... Въ итогѣ всѣхъ этихъ разсужденій онъ пришелъ къ выводу, что не ошибся, принявъ приглашеніе: стоитъ рискнуть.

М-ръ Вилльямъ Кинганъ велъ дѣла въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и по сосѣдству съ Ардерра имѣлъ славу „подающаго надежды въ Дублинѣ", что давало ему право разсчитывать, при помощи политики, на дальнѣйшее преуспѣяніе: въ Ирландіи политика—самый могущественный факторъ. Предполагали, что его кандидатура можетъ имѣть успѣхъ на ближайшихъ уніонистскихъ выборахъ. А выборы въ уніонистской мѣстной ассоціаціи—ступень къ выборамъ въ уніонистской группѣ. Онъ былъ единственный сынъ м-ра Оливера Кингана изъ Дергъ-Хауза, представитель стараго ульстерскаго рода, стараго для Ульстера, гдѣ мало семей насчитываютъ больше ста лѣтъ.

Дергъ-Хаузъ лежитъ въ живописной мѣстности съ видомъ на Локъ-Нигъ. Онъ цѣликомъ заложенъ, и маленькая яхта Кингана на озерѣ свидѣтельствуетъ только объ экстравагантности этой семьи. Въ теченіе полутораста лѣтъ Кинганы фигурировали на водахъ Локъ-Нига. Вначалѣ, когда ихъ годовой доходъ превышалъ десять тысячъ фунтовъ, они владѣли славнымъ судномъ; теперь, когда доходъ сократился до девятисотъ, пришлось спуститься до катера въ пять тонъ; Кинганы обѣднѣли послѣ „стараго капитана", имя котораго стало въ Ульстерѣ нарицательнымъ для обозначенія безпечности и расточительности. Легкомысленный игрокъ, лихой наѣздникъ, мотъ, къ сожалѣнію, онъ обладалъ столь нѣжной организаціей, что не сумѣлъ покончить съ собою, прежде чѣмъ растратилъ бо́льшую часть своего состоянія. Сынъ его, находящійся въ живыхъ м-ръ Кинганъ, всю жизнь старался выжать, что можно, изъ жалкихъ остатковъ, но всѣмъ было ясно, что жизнь давалась ему не безъ труда. Домъ и маленькій паркъ свидѣтельствовали объ этой борьбѣ. М-ръ Кинганъ всю жизнь былъ борцомъ. Отецъ его былъ истымъ ирландцемъ—онъ презиралъ деньги и имѣлъ съ ними дѣло, только когда тратилъ ихъ; онъ не умѣлъ ни добывать ихъ, ни сохранять, а сыну своему даже не позволялъ и тратить ихъ.

Положеніе Оливера Кингана и ему подобныхъ въ Ульстерѣ было весьма отвратительно. Онъ не былъ въ дружбѣ съ окру-

жающими дѣльцами. Одни позволяли себѣ сожалѣть его, большинство попросту его игнорировало: онъ не имѣлъ права на ихъ уваженіе. Разорившійся ирландецъ изъ хорошей семьи, живя въ любой ирландской провинціи, много выигрываетъ въ силу своего положенія: крестьяне снимаютъ передъ нимъ шляпы (у кого онѣ имѣются) и величаютъ его „ваша честь", люди его круга, какъ бы они ни были зажиточны, тщательно блюдутъ, чтобы не забыть его на своихъ торжествахъ. Ирландскія провинціи—рай для бѣднаго джентльмена. Совсѣмъ не то на сѣверѣ. Ульстеръ—чистилище для бѣднаго джентльмена; и рай, который мелькаетъ передъ нимъ сквозь увеличительное стекло крѣпкихъ напитковъ, начинаетъ ему казаться призрачнымъ, когда ужъ поздно думать о спасеніи. Когда онъ спивается до смерти, сосѣди покачиваютъ головами, но не сожалѣютъ, не порицаютъ; они просто качаютъ головами и торопятся дѣлать деньги.

Сынъ расточительнаго стараго капитана никогда не пытался увидѣть отраженіе неба въ стаканѣ виски, но это не создало ему лучшей репутаціи у земляковъ; они считали трусостью уклоненіе отъ общей традиціи. Кое-кто предсказывалъ, что внукъ стараго капитана исправитъ погрѣшность промежуточнаго поколѣнія; въ общемъ же немало удивлялись, когда онъ обнаружилъ такую же трудоспособность, какую они проявляли на своемъ поприщѣ. Пробывъ годъ-два въ Бельфастѣ, въ школѣ, онъ собирался поступить на службу, но тутъ ему улыбнулось счастье: когда возникъ вопросъ о работѣ, его мать получила деньги и настояла, чтобы онъ поступилъ въ эппингемскій колледжъ (сперва она мечтала объ Итонѣ), а тамъ въ Оксфордъ. Онъ и въ школѣ, и въ университетѣ отличался прилежаніемъ къ наукамъ, больше чѣмъ спортивными успѣхами, и въ результатѣ получилъ дипломъ первой степени и пренебрежительное прозвище „Ульстерецъ" отъ товарищей-студентовъ, которые спортъ предпочитали наукѣ.

И положительно онъ заслужилъ свою кличку. Онъ обнаружилъ рядъ качествъ ульстерца и прежде всего стремленіе къ успѣху. Съ возрастомъ это стремленіе становилось все опредѣленнѣе. Онъ прекрасно понималъ, что англійская школа и оксфордскій университетъ поднимаютъ человѣка въ общественномъ мнѣніи въ Ирландіи, и воспользовался этимъ; къ тридцати двумъ годамъ даже ульстерскіе друзья пришли къ заключенію, что онъ весьма искусенъ въ своей профессіи, а когда Ульстеръ признаетъ это (въ истинѣ этого ульстерцевъ не такъ-то легко убѣдить!), онъ всегда готовъ протянуть руку помощи.

Зная это, Вилли Кинганъ почувствовалъ, что имѣетъ шансы попасть въ парламентъ, если только будетъ въ состояніи противодѣйствовать гомрулю.

Это стремленіе и побудило его принять приглашеніе м-ра Александера.

Въ то же время онъ готовъ былъ признать, что Эленъ Александеръ такъ мила и умна, что трудно повѣрить въ ея родство съ собственной семьею,—мысль мало лестная для молодой дѣвушки и, конечно, не слишкомъ пріятная для семьи.

VII.

Лососина была великолѣпна, и кухарка Джэнъ предоставила ей возможность блеснуть собственными качествами, независимо отъ достоинства остраго соуса. М-ръ Кинганъ такъ привыкъ, что къ каждой рыбѣ полагается какой-нибудь соусъ, что отсутствіе его показалось ему почти неприличіемъ. Однако въ этой красивой обнаженной лососинѣ было нѣчто благородное, античнострогое, цѣломудренное въ самой обнаженности; майонезъ, пожалуй, нарушилъ бы характеръ этой чистоты.

Впрочемъ, соусъ былъ—такъ назвалъ м-ръ Александеръ молочно-бѣлую жидкость съ рубленой зеленью петрушки. Кинганъ положилъ себѣ немножко и убѣдился, что м-ръ Александеръ былъ человѣкъ безъ предразсудковъ, какъ онъ дважды успѣлъ подчеркнуть.

Да, наконецъ, въ манерѣ м-ра Александера раздавать рыбу не было ничего дурного. Къ тому же въ голосѣ Эленъ было нѣчто исключавшее возможность возникновенія конфликтовъ за столомъ. Вилли примирился и съ картофелемъ, и съ толсто нарѣзанными огурцами.

Между тѣмъ, м-ръ Александеръ, подмигивая, полусловами, полунамеками повѣдалъ исторію появленія лососины.

— Я сказалъ имъ, что звалъ васъ запросто, м-ръ Кинганъ, но этого имъ было мало. Хозяйка обвинила меня въ томъ, что только я способенъ пригласить въ субботу джентльмена обѣдать въ воскресенье, и притомъ въ субботу двѣнадцатаго. Но я сказалъ: да кто такой молодой Кинганъ, что мы должны для него поднимать суматоху?

— И вправду?—со смѣхомъ отозвался Вилли.

— Я такъ и сказалъ имъ,—повторилъ хозяинъ.—Кто онъ? Вчера вечеромъ за ужиномъ у насъ были жареныя селедки, и я сказалъ имъ: если ужъ вы хотите непремѣнно подать рыбу, по-

дайте пару этихъ рыбокъ, и если онъ что-нибудь понимаетъ, онъ обгложетъ ихъ и губы оближетъ.

— Все-то онъ болтаетъ зря, м-ръ Кинганъ,—замѣтила м-ссъ Александеръ,—ничего подобнаго онъ не говорилъ. Мы люди простые, но м-ръ Александеръ и самъ понимаетъ, что угости мы васъ или другого джентльмена селедками, мы мѣсяцъ не увидѣли бы его у себя! Онъ черезъ часъ ужъ не помнитъ, что говорилъ.

— Я не помню?—воскликнулъ м-ръ Александеръ съ преувеличеннымъ изумленіемъ.—Я не помню? Да вы прекрасно знаете, что я помню каждое сказанное мною слово гораздо дольше, чѣмъ многимъ бы хотѣлось...

— За лососину вы должны поблагодарить Эленъ, — замѣтила хозяйка, воспользовавшись тѣмъ, что хозяинъ занялся своей тарелкой.

— Отъ души благодарю,—проговорилъ Кинганъ, любезно улыбаясь своей сосѣдкѣ; онъ прекрасно представлялъ себѣ ея чувства между папашей, съ одной стороны, и мамашей—съ другой. Не удивительно, что она была краснѣе рыбы, явившейся предметомъ столь непріятныхъ объясненій.

— А какая славная дѣвушка вышла изъ Мэджи Джифордъ. Я съ годъ не видѣлъ ея.

— Она премилая!—подхватила Эленъ, радуясь возможности покончить съ нелѣпымъ разговоромъ о лососинѣ.—Мы съ Мэджи большіе друзья,—прибавила она.—Я надѣсь, что Джифордовъ и отъ насъ не возьмутъ.

— Я думаю, что на это можно разсчитывать. Джифордъ сегодня разсказывалъ мнѣ, какъ къ нему обращались прихожане Ст. Томаса, въ Бельфастѣ, но онъ предпочелъ остаться здѣсь: онъ любитъ эти мѣста и, мнѣ кажется, не любитъ Бельфаста.

— Я очень рада,—замѣтила Эленъ. Мать поддержала ее.

— Тутъ разница между церковью и пресвитеріанцами,—сказалъ м-ръ Александеръ, чувствовавшій уже, что онъ измѣняетъ своему разговорному таланту.—Наши священники часто отказываются отъ хорошихъ предложеній, а вотъ не слышно, чтобы пресвитеріанцы отказывались.

— А вотъ я слышалъ: м-ръ Вилльямсонъ остался въ Грейрокѣ, получивъ приглашеніе изъ Бенгора.

— Совершенно вѣрно: онъ нашелъ, что въ Бенгорѣ жалованье на пять фунтовъ больше, и началъ уже писать прощальную проповѣдь, но во́-время узналъ, что въ Бенгорѣ нѣтъ готоваго помѣщенія, и послѣ молитвеннаго размышленія рѣшилъ, что долгъ обязываетъ его остаться со старыми друзьями.

Кинганъ снисходительно улыбнулся: онъ воздержался отъ замѣчанія, которое могло бы быть истолковано, какъ насмѣшка надъ пресвитеріанцами. А онъ разсчитывалъ выступить на нѣсколькихъ пресвитеріанскихъ собраніяхъ во время выборной кампаніи. Онъ искренно сокрушался, что не можетъ быть одновременно пресвитеріанцемъ и епископалистомъ, но онъ можетъ попытаться примирить въ себѣ оба исповѣданія и быть пресвитеріанцемъ по избранію: въ Ульстерѣ практикуется, что люди, по рожденію, принадлежатъ къ одной религіи, а впослѣдствіи избираютъ себѣ другую.

— Я думаю, что онъ былъ совершенно правъ, оставшись въ Грейрокѣ,—опредѣленно замѣтила Эленъ, точно понимая щекотливость положенія кандидата въ парламентъ.

— Мы тоже находимъ, что онъ поступилъ правильно,—сказалъ Джимъ,—недаромъ же былъ устроенъ базаръ, чтобы собрать средства для расширенія пастората въ Грейрокѣ.

— Да, и я не стыжусь сказать, что дала свою работу для него.

— И я не скрываю, что мое имя стоитъ на подписномъ листѣ,—воскликнулъ отецъ.—Почему бы мнѣ стыдиться? У меня въ Грейрокѣ есть хорошіе покупатели.

— Протестантамъ необходимо объединиться въ предстоящемъ кризисѣ, пренебречь мелкими разногласіями и сплотиться,—произнесъ Кинганъ тономъ первокласснаго оратора.

— Вотъ это вѣрно! Надѣюсь, вы повторите это на митингѣ,—воскликнулъ хозяинъ.

Недъ воздержался отъ выраженія увѣренности, что Кинганъ повторитъ эти слова неоднократно: онъ достовѣрно зналъ, что онъ уже нѣсколько разъ повторялъ ихъ.

— Только между нами и католиками не можетъ быть и рѣчи о союзѣ,—продолжалъ м-ръ Александеръ.—Я съ удовольствіемъ услышалъ о томъ, что они продѣлали въ Бельфастѣ всего мѣсяцъ тому назадъ. Открылась вакансія органиста,—папистъ и еврей выставили кандидатуру, и, несмотря на то, что первый былъ гораздо компетентнѣе, приходское собраніе остановилось на евреѣ. Это ли не пощечина сторонникамъ гомруля! Я слышалъ и причину, да позабылъ. Какъ было дѣло, Джимъ?

— Нелѣпая вещь!—пояснилъ Джимъ.—Дѣло въ томъ, что рѣшающій голосъ у м-ра Гамильтона, онъ главный пайщикъ фирмы „Мартинъ, Гамильтонъ, К°“. Онъ отдалъ пять лѣтъ тому назадъ мѣсто органиста молодому Батсу. Батсъ былъ кассиромъ

у Гамильтона, и онъ вычелъ у него изъ жалованья тридцать фунтовъ, которые онъ получалъ, какъ органистъ.

— Это не такъ ужъ глупо, если принять во вниманіе, что Батсъ не получилъ бы мѣста органиста, если бы не Гамильтонъ,—замѣтилъ Александеръ.

Кинганъ, повидимому, не вполнѣ раздѣлялъ справедливость этой сдѣлки, но промолчалъ, какъ докторъ на консиліумѣ.

— Они поссорились, продѣлка Гамильтона получила огласку, и церковные органисты отказались выставить свою кандидатуру,— пояснилъ Джимъ.—По-моему—дураки.

— Да, музыканты не способны смотрѣть на вещи съ дѣловой стороны; они хорохорятся, словно нынѣшніе трэдъ-юніонисты, которые ищутъ случая обидѣться и бросить инструменты.

М-ръ Кинганъ только головой покачалъ; хозяинъ долженъ былъ принять этотъ жестъ за сочувствіе, но въ округѣ было слишкомъ много трэдъ-юніонистовъ и лучше воздержаться отъ словеснаго выраженія мнѣнія. Слова легко повторить, не то что сочувственный кивокъ головой: онъ, во всякомъ случаѣ, былъ увѣренъ, что м-ръ Александеръ не сумѣетъ этого сдѣлать.

Затѣмъ онъ обратился къ миссъ Александеръ съ вопросомъ (анекдотъ объ органистахъ не явился, повидимому, отклоненіемъ), слышала ли она, что Мельба выступитъ на открытіи филармоническихъ концертовъ въ Ульстерѣ.

Она не слышала новости, но надѣялась, что она подтвердится. Разговоръ перешелъ на музыкальную тему. Эленъ стояла за Большую оперу, предпочитая ее комической, между тѣмъ ея братья подчеркивали достоинства „Веселой вдовы“ и увѣряли, что она побьетъ рекордъ.

— Въ данномъ случаѣ лучше не употреблять этого слова,— замѣтилъ Кинганъ.—Выбиваніе—процессъ отжившій; пылесосы дѣйствуютъ гораздо дѣйствительнѣе. Такъ и въ вопросахъ искусства: бичующая критика менѣе убѣдительна, чѣмъ разсужденіе.

Наступившая пауза свидѣтельствовала, что размѣренная рѣчь Кингана не сразу была всѣми понята. Эленъ поспѣшила ему на выручку.

— Нельзя сравнивать „Ромео и Джульетту“ съ „Теткой Чарли“!

— А я пойду посмотрѣть „Тетку Чарли“,—возразилъ Недъ.

— Теперь всѣ говорятъ о новомодныхъ пылесосахъ,—сказала м-ссъ Александеръ.—По-моему, это изобрѣтеніе для лѣнтяевъ. Какъ вы освободите коверъ отъ пыли, если не выколотите его

хорошенько и не поваляете по травѣ? Какъ узнать, что онъ выколоченъ, пока не увидишь пыли въ воздухѣ? „Увидишь и повѣришь“—старая и вѣрная поговорка.

М-ръ Кинганъ благосклонно согласился.

VIII.

„Есть отчего прійти въ уныніе, если не прямо въ отчаяніе...—думала Эленъ, видя упорство, съ какимъ отецъ и мать вмѣшивались въ ея разговоръ съ Вилли. Отчего бы имъ не разговаривать между собою о вещахъ, доступныхъ ихъ пониманію, и предоставить ей продолжать съ Вилли разговоръ о предметахъ, превосходящихъ ихъ пониманіе. Если бы они могли помолчать,—гдѣ ужъ, впрочемъ! хоть бы не вмѣшивались и не обнаруживали своего невѣжества! Ее бросало то въ жаръ, то въ холодъ отъ замѣчаній родителей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она пришла къ заключенію, что Вилли Кинганъ—настоящій джентльменъ, „даже ни разу не улыбнулся!...“

Въ свою очередь Вилли, видя, что Эленъ обнаруживаетъ свои чувства только перемѣной въ лицѣ, рѣшилъ, что она премилая дѣвушка. Онъ восхищался ея выдержкой. Ему много разъ приходилось наблюдать трагедію образованныхъ дѣтей въ необразованныхъ семьяхъ; недаромъ онъ прожилъ въ Ульстерѣ свыше тридцати лѣтъ. Онъ зналъ, что стоитъ ему дать ей понять, что онъ видитъ, какъ тяжелы ей ея родители, она вспыхнетъ и станетъ объяснять, что они не хуже его, а если бы и такъ, она не нуждается въ его совѣтахъ. Онъ положительно восхищался ею.

А бѣдная Эленъ все время искренно желала, чтобы онъ не принялъ ихъ приглашенія. Она чувствовала, что отсутствіе всякаго изящества за столомъ приведетъ только къ тому, что Вилли никогда не захочетъ переступить порогъ ихъ дома. Даже лососина, которая должна была скрасить обѣдъ, сгладивъ грубое впечатлѣніе отъ появленія на столѣ чудовищнаго окорока съ простой капустой, и та была такъ изуродована тяжкой рукой рѣзавшаго ее отца, что опустилась ниже жареныхъ селедокъ съ ихъ ароматомъ, проникающимъ изъ кухни до самой столовой.

И этимъ не кончилось. Она сама принимала участіе въ приготовленіи пирожнаго изъ заварного тѣста съ земляничнымъ вареньемъ, обрызганнаго брэнди подъ собайономъ. На другой конецъ къ отцу поставили малиновый тортъ. Однако онъ не могъ воздержаться отъ замѣчанія, что нужно бы еще помощника, чтобы отправить все это подъ столъ. Мало того, онъ до такой степени

увлекся идеей опьяненія, что, какъ плохой актеръ старой школы, изобразилъ его эфектъ послѣ первой ложки.

Эленъ молчала, хотя братья смѣялись и Недъ увѣрялъ, что, будь вмѣсто брэнди виски, отецъ ѣлъ бы прямо съ блюда и никому ничего бы не далъ. Она рѣшила, что это coup de grâce: никогда впредь ей не сидѣть рядомъ съ Вилли за столомъ, не только въ Ардреа, но и вообще. Она не была освѣдомлена о характерѣ обѣдовъ въ аристократическомъ кварталѣ Мерріонъ-Сквэра, но могла себѣ представить, до какой степени тамъ соблюдается этикетъ. Безъ сомнѣнія, м-ръ Кинганъ былъ завсегдатаемъ въ Мерріонъ-Сквэрѣ, гдѣ во всякомъ случаѣ жилъ хоть одинъ судья съ пріятнымъ ульстерскимъ акцентомъ. Что долженъ былъ онъ думать, попавъ прямо оттуда къ нимъ на обѣдъ?

Она полагала, что можетъ правильно представить себѣ его впечатлѣніе, и была увѣрена, что даже при ея корректности имъ не видать его впредь въ Ардреа.

Дессертъ—земляника со сливками—закончилъ обѣдъ и тѣмъ далъ ей возможность вздохнуть съ облегченіемъ.

— Не понимаю, какъ можно хлебать это мѣсиво послѣ хорошаго обѣда?—заявилъ отецъ, когда подали тарелки съ дессертомъ.

Ужасное, любимое въ Ульстерѣ, слово было произнесено! Ну, кто захочетъ сидѣть за столомъ, гдѣ „хлебаютъ“ землянику со сливками? Она поднялась, даже не дождавшись знака матери, и направилась въ садъ.

— Вы, конечно, не сбѣжите до чаю, м-ръ Кинганъ,—замѣтила м-ссъ Александеръ, слѣдуя примѣру дочери.

— Не безпокойся,—отвѣтилъ за гостя хозяинъ.—Мы должны еще потолковать.

Кинганъ улыбкой выразилъ свое согласіе, слабо протестуя и благодаря.

— Не засиживайтесь же, господа, за виномъ,—замѣтила, уходя, хозяйка.—На васъ, м-ръ Кинганъ, я могу положиться, но онъ никогда не можетъ остановиться, пока передъ нимъ рюмка.

— Я радъ, что мы можемъ поговорить наединѣ. Чѣмъ вы предпочитаете отравляться? Выбирайте сами—вотъ тутъ портвейнъ, хересъ, кларетъ,—все вполнѣ доброкачественно.

— Я плохъ относительно выпивки,—возразилъ Вилли.—Если позволите, я возьму аполлинарисъ—въ такой день это всего лучше.

— Все зависитъ отъ того, сколько виски прибавить,—замѣтилъ хозяинъ.—Наливайте виски. Такъ лучше переварится лососина. Да, м-ръ Кинганъ, я радъ случаю сказать вамъ, что ваша вчерашняя рѣчь была первый сортъ и какъ нельзя болѣе подхо-

дяща. Этотъ малый, Джо Кемпбелль, всегда лѣзетъ впередъ; онъ привязался къ вамъ, какъ только лордъ Иннисфаленъ избавился отъ него, такъ мнѣ и не пришлось ни словомъ перекинуться съ вами. Его нужно держать на извѣстномъ разстояніи.

— Но Двѣнадцатое іюля имѣетъ свои права, а онъ Grand master, насколько я знаю.

— Втируша онъ,—возразилъ м-ръ Александеръ.—Но вы правильно замѣтили, что нужно ладить со всѣми, хотя вы можете обойтись безъ людей, подобныхъ Джо; намъ нужны именно такіе, какъ вы. Не очень-то много подходящаго народу, м-ръ Кинганъ.

— Но наши ульстерскіе юніонисты все люди надежные.

— Да, стойкіе, надежные, но намъ нужно нѣчто большее, чтобы одержать верхъ надъ ловкимъ врагомъ. Что бы мы дѣлали сегодня безъ Карсона и Смита? А между тѣмъ моя душа возмущается, когда я думаю о лидерахъ съ южнымъ акцентомъ. Когда я впервые услышалъ Карсона, я, кажется, подумалъ, что на эстраду по ошибкѣ взошелъ рэдмондистъ. Скажите, въ Англіи не презираютъ этотъ ирландскій жаргонъ?

— Отнюдь, его даже любятъ,—возразилъ Вилли.—Подумайте сами, развѣ выговоръ Карсона не сослужилъ намъ службу? Вотъ настоящій ирландецъ со своимъ жаргономъ и страстный противникъ гомруля! О, да, этотъ жаргонъ является однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ союзниковъ юніонистовъ.

— Съ этой точки зрѣнія я никогда не смотрѣлъ на данный вопросъ,—задумчиво замѣтилъ м-ръ Александеръ.—Никогда не довѣрюсь человѣку, который говоритъ на такомъ нарѣчіи, подумалъ я, впервые услышавъ его; и могу ручаться, что такого мнѣнія держится большинство насъ, ульстерцевъ. Вы знаете, м-ръ Кинганъ, мы любимъ свой акцентъ и стоимъ за него, любимъ мы и англійскій говоръ, но ирландскаго не выносимъ.

— Я знаю, — отвѣтилъ Вилли, сохраняя серьезность, хотя Джэмсъ и Эдуардъ улыбнулись.—Я знаю, какъ въ Бельфастѣ относятся къ дублинскимъ франтамъ, но я не поручусь, что не предпочту мягкій южный говоръ твердому ульстерскому.

— Это ужъ всего хуже!—сказалъ м-ръ Александеръ.—Увѣряю васъ, дьяволъ говорилъ въ раю на ирландскомъ нарѣчіи, когда убѣдилъ Еву вкусить запрещеннаго плода; слишкомъ ужъ мягокъ этотъ говоръ, говоръ обманщиковъ. Нельзя представить себѣ льстеца съ ульстерскимъ акцентомъ.

На этотъ разъ Кинганъ улыбнулся.

— Совершенно согласенъ съ вами, среди нашихъ многочисленныхъ недостатковъ лести нѣтъ!—замѣтилъ онъ.

— Мы слишкомъ прямолинейны,—продолжалъ хозяинъ дома,— мы не претендуемъ ни на что, кромѣ того, что мы есть.

— Намъ и не нужно,—вставилъ Недъ,—мы убѣждены, что лучше ульстерца нельзя и быть.

Отецъ посмотрѣлъ на него испытующимъ взглядомъ.

— Не знаю, серьезно ты говоришь или шутишь,—проговорилъ онъ,—но если ты скажешь мнѣ, гдѣ найти людей лучше, я поблагодарю. Мы не подслуживаемся, не льстимъ, какъ ирландцы, не кичимся, какъ англичане. Но какъ бы то ни было, у насъ большой недочетъ въ хорошихъ ораторахъ. Я сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь изъ нашихъ сумѣлъ такъ справиться съ англійской аудиторіей, какъ Карсонъ.

— Совершенно согласенъ,—сказалъ Вилли, печально качая головой.

— Стыдно, но фактъ. Потому-то всякій человѣкъ со смысломъ будетъ привѣтствовать ваше появленіе на эстрадѣ, м-ръ Кинганъ. Вы прекрасный ораторъ, сэръ, и не мы будемъ виноваты, если вы не пройдете въ качествѣ представителя какого-нибудь изъ округовъ графства или даже отъ самого Бельфаста. Бельфасту за послѣднія тридцать-сорокъ лѣтъ не везло на депутатовъ. Большинство были порядочные люди, но теперь намъ этого мало; намъ нуженъ человѣкъ, который спровадитъ къ чорту націоналистовъ, человѣкъ, который сумѣетъ противостоять Рэдмонду и Уинстону Черчиллю, самодовольному вертопраху и Ллойдъ-Джорджу. Этотъ финансистъ положилъ въ карманъ тридцать тысячъ за то, что оставилъ выгодное дѣло адвоката, за которое получилъ хорошую цѣну, устроился такъ, что получаетъ теперь столько, сколько не получилъ бы и въ четыреста лѣтъ. Намъ нуженъ человѣкъ, который не побоится раскрыть всю ложь и предательство шайки, продавшей Британскую имперію тѣмъ людямъ, которые были признаны величайшими судьями Англіи государственными преступниками! Никто изъ нашихъ депутатовъ не выскажется противъ королевской комиссіи! Я прекрасно помню слова: „Члены преступнаго сообщества“; и эти люди, заклейменные позоромъ, диктуютъ правительству, что оно должно и чего не должно дѣлать.

— Да, безъ поддержки націоналистовъ теперешній кабинетъ не остался бы у власти и недѣли!—замѣтилъ Кинганъ.

— Дорогой мой, я приведу ваши собственныя слова,—воскликнулъ хозяинъ.—Вы очень хорошо сказали это вчера на митингѣ, когда упомянули о человѣкѣ, удивлявшемся, почему Ульстеръ не можетъ управляться націоналистами, если вся Англія призна-

вала ихъ и безропотно подчинялась имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вмѣсто того чтобы громомъ поразить рэдмондистовъ и ихъ союзниковъ въ теперешнемъ кабинетѣ и стряхнуть ихъ иго. Мы надѣемся услышать отъ васъ подробнѣе объ этомъ, м-ръ Кинганъ. Нужно сознаться, что мы весьма нуждаемся въ человѣкѣ, который не побоялся бы высказать правду и высказать ее съ настоящимъ ульстерскимъ акцентомъ; только тогда она получитъ принудительный характеръ.

— Я полагаю, тогда она будетъ особенно непріятна,—замѣтилъ Недъ вполголоса, точно говорилъ самъ съ собою.

— Въ тебѣ говоритъ желаніе противорѣчить, — сказалъ м-ръ Александеръ, оборачиваясь къ сыну. — Мы должны сдѣлать это возможно непріятнѣе для націоналистовъ; чѣмъ ближе мы къ истинѣ, тѣмъ непріятнѣе для нихъ. Вотъ вы и сѣли съ вашимъ хихиканьемъ надъ ульстерскимъ говоромъ.

— Меня ужъ мучитъ совѣсть. Я пойду въ садъ, если вы ничего не имѣете противъ,—отвѣтилъ Недъ, смѣясь.

— Ничего, отнюдь ничего; и можешь не возвращаться, если не хочешь кое-чему научиться: тутъ ты за одинъ часъ узнаешь больше путнаго, чѣмъ за годъ разъѣздовъ на своей мотоциклеткѣ.

Недъ удалился, насвистывая „Бойне Уотеръ“, и Вилли не безъ оттѣнка зависти глядѣлъ ему вслѣдъ.

— Онъ хорошій парень, только иной разъ дерзитъ,—промолвилъ снисходительно отецъ.—Что я говорилъ?... Да, о депутатахъ. Давненько ужъ у насъ не было оратора вродѣ полковника Саундерсона, который умѣлъ задѣть ихъ за живое. Будь живъ Саундерсонъ или будь Чэмберленъ прежній, шайка націоналистовъ не стояла бы во главѣ англійскаго правительства. Увы, Бельфастъ всегда посылалъ въ парламентъ нѣмыхъ, а то и еще хуже... Такъ идетъ со временъ Кэрна, вотъ ужъ сорокъ лѣтъ. Развѣ не онъ замѣстилъ сэра Д. П. Корри негодяемъ де-Кобэнъ? Его выставили изъ парламента, и онъ восемнадцать мѣсяцевъ просидѣлъ въ тюрьмѣ. Гарландъ—хорошій кораблестроитель, тоже и Вольфъ,— но что они значили въ палатѣ общинъ?... Нечего сказать, хороши депутаты для третьяго порта въ Соединенномъ королевствѣ!

— Мы никогда не были представлены должнымъ образомъ,— согласился Вилли.—И это весьма грустно.

— И хуже всего, что слабость нашихъ ораторскихъ выступленій создаетъ молву, несостоятельность нашей партіи. Ладно, мы покажемъ имъ нѣчто болѣе внушительное, чѣмъ любой спичъ: надежную армію въ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ! Тысяча пу-

леметовъ и восемьдесятъ тысячъ ружей говорятъ довольно мощнымъ языкомъ!

— Намъ не придется стрѣлять!—возразилъ Вилли.—Въ кого намъ стрѣлять? Кто можетъ стрѣлять въ насъ? И тутъ и тамъ англійскій флагъ, братъ не пойдетъ на брата! Я обращусь въ палату общинъ, а не...

— Если гомруль пройдетъ, ирландскій банкъ и другіе закроются. *Тѣнь* гладстоновскаго билля о гомрулѣ въ 86 году низвела ирландскій капиталъ на двѣнадцать милліоновъ, а осуществленіе его просто упразднитъ Ирландію на рынкѣ. Клянусь, это будетъ равносильно гибели большинства англійскихъ цѣнностей. Я знаю, что̀ говорю. Вы представляете себѣ, сколько милліоновъ ушло изъ Англіи со временъ появленія у власти Ллойдъ-Джорджа съ націоналистами? Спросите у любого хорошаго маклера, и онъ скажетъ вамъ, что ему приходится ежедневно дѣлать. Къ примѣру скажу про себя. У меня было очень недурное дѣло, вы знаете, я не хвастунъ.

— Разумѣется,—рѣшительно сказалъ Вилли.

— Я могу помѣщать около четырехъ тысячъ фунтовъ,—продолжалъ хозяинъ,—и каждый пенсъ пошелъ за границу, даже не въ колоніальныя предпріятія; кто скажетъ, когда окончится этотъ разгромъ имперіи? Колоніи ненадежны, все ненадежно, пока этотъ сбродъ, эта сволочь будетъ править страною; да я лучше стану покупать акціи какой-нибудь южно-американской республики; я уже вложилъ десять тысячъ въ аргентинскія. Я полчаса разыскивалъ на картѣ желѣзную дорогу, на которую я далъ пятьсотъ фунтовъ подъ долговую расписку, конечно; я воображалъ, что она на югѣ Сѣверной Америкѣ, а нашелъ ее на сѣверѣ Южной! Президентъ ея, быть можетъ, мошенникъ, авантюристъ, но я ему довѣряю больше, чѣмъ Ллойдъ-Джорджу!

М-ръ Александеръ въ подтвержденіе своихъ словъ стукнулъ кулакомъ по столу такъ, что графины зазвенѣли и закачались стаканы.

— Долго ли вы еще будете сидѣть? И не стыдно вамъ, Джэмсъ, поднимать такой шумъ въ воскресенье?—раздался голосъ хозяйки.

Ея появленіе въ дверяхъ произвело больше впечатлѣнія, нежели стукъ м-ра Александера по столу. Вилли вскочилъ.

— Ужъ половина пятаго. Въ саду хорошо, тепло. Я просила Эленъ зайти къ вамъ полчаса тому назадъ, да она не захотѣла. Что же, если вы предпочитаете не быть въ нашемъ обществѣ, и мы обойдемся безъ васъ—продолжала она.

— Мнѣ очень совѣстно,—оправдался Вилли.

— Ты, жена, кажется, воображаешь, что онъ пришелъ слушать мѣстныя сплетни?—спросилъ мужъ.

— Я думаю, что можно бы обойтись безъ гомруля хоть одинъ день въ недѣлю.

— Вы догадливы,—весело замѣтилъ мужъ,—но какъ вы узнали, что мы говорили о гомрулѣ?

— По тому, какъ вы стучали по столу,—отвѣтила жена.

Всѣ разсмѣялись и громче всѣхъ мужъ.

— А еще говорятъ, что женщины плохо соображаютъ, м-ръ Кинганъ,—сказалъ онъ, поднимаясь и обдергивая сюртукъ и жилетъ.—Вы положительно угадали, дорогая; дай Богъ, чтобы за многими столами въ этотъ моментъ было бы такое же настроеніе.

— Видите, м-ссъ Александеръ, барабана подъ рукою не оказалось, и онъ сумѣлъ его замѣнить, а впечатлѣніе получилось, какъ отъ нашего барабана!—пояснилъ Вилли, направляясь къ раскрытой двери въ садъ.

— Подождите, я покажу вамъ, что̀ выстукиваютъ нынче столы юніонистовъ, прислушайтесь,—онъ наклонился надъ столомъ и сталъ поочередно стучать кулаками. — Слышите? — воскликнулъ онъ.—„Придите и сдѣлайте. Придите и сдѣлайте“... Вотъ, что говорятъ сегодня наши столы...

Онъ закончилъ такой дробью, что газовая лампа надъ столомъ задребезжала вслѣдъ за стаканами на столѣ.

— Пожалуйста, идите въ садъ, пока ничего еще не случилось,—воскликнула лэди.—Юніонизмъ—юніонизмомъ, но пощадите рюмки. Пойдемте, м-ръ Кинганъ, довольно съ васъ юніонизма для воскресенья. Миссъ Эленъ тамъ подъ деревьями. Пройдите къ ней, быть можетъ, она проститъ вамъ, что вы столько времени слушали его разглагольствованія о гомрулѣ.

Перев. **З. Зеньковичъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПИСАТЕЛЬ [1]).

Повѣсть.

XVIII.

Утро было самое лучшее рабочее время Алексѣя Александровича. Онъ уже давно не брался за работу и вдругъ съ какой-то особенной радостью вспомнилъ о работѣ. И его потянуло къ ней. Онъ зашелъ выкупаться въ прудѣ и пришелъ въ садъ, гдѣ они обыкновенно видѣлись. Ольги еще не было. Было рано, тѣни лежали длинныя далеко вкось по аллеѣ, трава въ саду еще спала, мокрая, матовая отъ росы.

Алексѣй Александровичъ рѣшилъ, что онъ до прихода Ольги успѣетъ поработать немного.

Онъ пошелъ въ свой кабинетъ, который былъ черезъ комнату отъ спальни Софьи Алаксандровны, досталъ свою работу, сталъ читать и съ особеннымъ радостнымъ чувствомъ ясности увидѣлъ разбивавшуюся прежде даль работы. Сразу стало видно лишнее. Онъ, взволнованный, схватилъ карандашъ и сталъ наскоро вычеркивать, чтобы выправить прямую линію истиннаго искомаго смысла. Это было главнымъ моментомъ въ созданіи каждаго произведенія. И въ этомъ моментѣ сосредоточивалось все наслажденіе. Здѣсь уже не было мукъ закладыванія первоначальнаго плана, когда часто убивало чувство собственнаго безсилія, казалась надоѣвшей и истрепавшейся ткань разсказа, которую онъ бросалъ иногда нѣсколько разъ.

Онъ торопился провести до конца работу въ этой неповторяющейся ясности мысли и въ то же время спѣшилъ къ Ольгѣ.

Вдругъ дверь отворилась, и вошла, очевидно, искавшая его, Ольга.

— Ты уже встала? — сказалъ Алексѣй Александровичъ уди-

---

[1]) *Окончаніе.* См. *Русская Мысль* 1915 г., кн. VIII.

вленно.—А я заработался, сдѣлалъ сегодня больше, чѣмъ другой разъ въ цѣлую недѣлю. Здравствуй.

Ольга, не отвѣтивъ на его улыбку, молча подошла къ нему и остановилась у стола.

— Сегодня словно прояснилось тамъ, гдѣ было запутано и неясно для меня.

Онъ былъ по-дѣтски радостно оживленъ.

— А я тебя ждала въ аллеѣ,—сказала Ольга, какъ-то отчужденно, не отвѣчая на его слова о работѣ.

— Я все время спѣшилъ къ тебѣ.

— И потому не пришелъ совсѣмъ?—сказала Ольга все тѣмъ же тономъ.

Она ни разу не отвѣтила на его упоминаніе о работѣ, какъ будто это было какое-то третье лицо, которое она странно игнорировала.

— Ольга, почему ты такъ говоришь?—сказалъ онъ удивленно.

— Потому что ты сегодня сѣлъ работать.

— Такъ что же?

— Ты вчера не работалъ, третьяго дня не работалъ.

— Мнѣ непонятно, что же изъ этого?—сказалъ Алексѣй Александровичъ, и въ тонѣ его послышалась досада.

— А мнѣ это понятно,—сказала Ольга, сматывая и разматывая на пальцѣ шнурокъ.

— Неужели ты хотѣла бы, чтобы я вовсе не работалъ?

— Я ничего не хотѣла. Я только говорю, что прежде *ты не могъ* работать, когда ты добивался меня, а теперь *ты можешь* работать.

— Ну, это ужъ странно, Ольга,—сказалъ Алексѣй Александровичъ,—вѣдь нельзя же не работать.

— Нельзя,—сказала Ольга.—Но есть моменты, когда эти соображенія отходятъ куда-то, а потомъ приходитъ время, когда человѣкъ опять вспоминаетъ о различныхъ соображеніяхъ.

— Ахъ, Боже мой, но гдѣ же логика?

— Тамъ, гдѣ нѣтъ любви.

— Ольга!

— Я говорю то, что есть.

— Нѣтъ, этого нѣтъ!—сказалъ Алексѣй Александровичъ, но самъ не почувствовалъ убѣдительности въ своемъ тонѣ.

Онъ хотѣлъ было еще что-то возразить, но удержался и взволнованно молча смотрѣлъ въ окно. Онъ почувствовалъ, что Ольга беретъ его руку.

— Боже мой, Боже мой,—сказала Ольга съ какимъ-то напря-

женіемъ, почти страданіемъ,—вѣдь я люблю тебя и ради этого все поставила на вѣсы: совѣсть, друга, порядочность,—все. Я мучу тебя, но мучу потому, что люблю.

— Что же, миръ?—сказалъ Алексѣй Александровичъ, попробовавъ улыбнуться.

Но онъ продолжалъ ощущать внутри себя какое-то безразличіе, тотъ холодъ и отсутствіе чувства къ женщинѣ, какіе всего мучительнѣе были для него всегда.

Молодая женщина съ минуту стояла около него, потомъ вдругъ порывисто обхватила его шею, секунду близко смотрѣла ему въ глаза и закрыла его ротъ своимъ полуоткрытымъ ртомъ.

Алексѣй Александровичъ отвѣтилъ на ея поцѣлуй, и противъ воли схватилъ и отмѣтилъ поразившее его выраженіе ея полузакрытыхъ, закатившихся отъ страсти глазъ.

Изъ коридора вдругъ послышался голосъ Тани. Она звала отца пить кофе. Дверь отворилась, и она неожиданно вошла.

— Папочка... идите...—только выговорила она.

Ольга, покраснѣвъ, быстро отстранилась отъ Алексѣя Александровича.

— Пойдемте,—сказала она, не смѣя взглянуть на Таню.

И когда Таня, очевидно, замѣтившая и все понявшая, вышла, Ольга сейчасъ же, не взглянувъ на Алексѣя Александровича и не поднимая головы, ушла.

XIX.

Алексѣй Александровичъ чувствовалъ себя слабымъ передъ той силой любви, какая проснулась въ этой женщинѣ. Это ощущеніе неравности силъ не оставляло его въ любви ко всѣмъ женщинамъ, какихъ онъ зналъ.

Была ли это каждый разъ не та, или въ немъ самомъ разъ навсегда было что-то *не то* въ этой области, онъ не зналъ и иногда въ отчаяніи разбирался и не могъ разобраться.

Женщины были для него тѣмъ міромъ, который имѣлъ надъ нимъ постоянную власть. Съ этимъ міромъ онъ былъ таинственно связанъ безчисленными тончайшими нитями.

Но эта связь была почти не реальная, а жившая на какихъ-то остріяхъ вѣчной жажды возбужденія, вѣчныхъ предчувствій. Одна встрѣча взглядомъ, прикосновеніе, мелькнувшее въ окнѣ вагона лицо женщины и ея взглядъ, отвѣтный на его взглядъ, поднимали въ его существѣ острое, таинственное наслажденіе. И чѣмъ короче, мгновеннѣе была встрѣча, тѣмъ острѣе было это чувство.

Черезъ минуту другіе глаза уже вступали съ нимъ въ связь, чтобы мелькнуть и исчезнуть.

Въ двухъ обмѣнявшихся взглядахъ въ теченіе одной секунды уже была мистическая встрѣча, вопросъ, отвѣты, сближеніе—острое и тонкое, какъ игла. Здѣсь для него были мгновенные расцвѣты, утонченныя мистеріи пола. И часто одна такая встрѣча глазъ зажигала у него милліоны ослѣпительныхъ огней въ мозгу, открывала невидимые міры и бездонное многообразіе чувства.

И когда вначалѣ онъ видѣлъ Ольгу недоступной, ему казалось тогда такимъ блаженствомъ обладать ею. Ему казалось, можно было умереть отъ любви, отъ страсти къ ней.

Но какъ только возможность обладанія осуществилась, и отношенія ихъ сошли съ острія невыявленности, ни страсти, ни бурной чувственности, какая ему представлялась,—этого ничего не было.

Въ то время, когда Ольга отъ охватившей ее любви и впервые проснувшейся страсти ничего не видѣла и не слышала, онъ не терялъ способности все замѣчать и отмѣчать. И ему скоро уже невольно пришлось что-то искусственно преувеличивать, даже лгать, въ своемъ чувствѣ, чтобы полюбившая его женщина не замѣтила, что въ немъ *ничего нѣтъ*.

Эта постоянная неестественность и искусственность создавала что-то тяжелое, почти мучительное. Онъ усиливалъ свои поцѣлуи, точно надѣясь внѣшней стремительностью влить въ нихъ отсутствующее чувство и самому пережить его.

Онъ обманывалъ ее, но себя не могъ обмануть. Нужно бы бросать женщину, когда она изъ чужой, таинственной становилась доступной.

Но всякій разъ ему мучительно хотѣлось выпить недоступное для него наслажденіе: загорѣться. Но этого ни разу не было. И онъ уже мечталъ о тѣхъ первобытныхъ людяхъ, лѣшихъ, русалкахъ, которыхъ онъ изображалъ съ ихъ любовью и похотью. Онъ убѣгалъ отъ позорной для него дѣйствительности къ творчеству, которое вознаграждало отсутствіе того огня въ крови, какой былъ *тамъ*, въ его картинахъ.

Ольга испытывала острое блаженство отъ одного прикосновенія къ его рукѣ; онъ испытывалъ волненіе отъ этого прикосновенія только въ самомъ началѣ, когда оно еще было запретно, теперь же онъ ничего не чувствовалъ.

Нормальное чувство женщины ничего не давало ему и требовало отъ него того простого и сильнаго, чего въ немъ не было,—страсти.

Волновало и туманило его мозгъ только тогда, когда онъ переходилъ каждый разъ новую границу ея стыдливости.

Его волновало уже только то, что Ольгу пугало. И онъ видѣлъ, что она иногда колеблется, не зная, какъ это принять. Самого его это волненіе вознаграждало за отсутствіе въ немъ того, чего онъ такъ хотѣлъ и не могъ испытать: такой же сильной, безъ *мыслей* любви, какою любила его молодая женщина. Оставалось или ее оставить, или итти тѣмъ путемъ, какимъ онъ шелъ обыкновенно въ отношеніяхъ къ любившимъ его женщинамъ: путемъ постепеннаго расширенія и отысканія новыхъ формъ интимныхъ отношеній.

Было 9 часовъ вечера, обычное время ужина. Алексѣй Александровичъ сидѣлъ въ своей комнатѣ у стола и работалъ. Кто-то вошелъ. Онъ оглянулся—это была Ольга.

— Ужинъ поданъ,—сказала она.

Алексѣй Александровичъ удивился, почему она въ такое время вошла къ нему. Прежде этого никогда не дѣлала, если кто-нибудь былъ дома.

Она подошла къ нему вплотную, глаза ея смотрѣли серьезно и тревожно, какъ будто она хотѣла высказать то, что ее мучило, и не рѣшалась.

— Что ты, Ольга?—сказалъ Алексѣй Александровичъ, придавъ своему голосу оттѣнокъ заботливой ласки и тревоги.

У него мелькнула и испугала его мысль, что она все сказала Софьѣ.

Но онъ совсѣмъ не ожидалъ услышать отъ нея того, что она сказала.

— Поклянись мнѣ...—сказала Ольга и вдругъ мучительно покраснѣла.

Видно было, что ей большихъ усилій стоило рѣшиться сказать то, что она хотѣла сейчасъ сказать.

— Въ чемъ?—сказалъ тревожно Алексѣй Александровичъ.

— Въ томъ, что *она*... что ты,—быстро поправилась Ольга, точно боясь этого слова, какое она нечаянно употребила,—что ты... все время съ Петербурга... не знаешь и не будешь знать *ее*,—съ усиліемъ выговорила она, когда щеки ея уже пылали отъ стыда.

Алексѣй Александровичъ смутился.

— Развѣ... ты не вѣришь мнѣ?—сказалъ онъ, покраснѣвъ.

— Я не знаю,—сказала Ольга, не глядя на него.

— Какъ не знаешь? Не вѣришь?—воскликнулъ Алексѣй Александровичъ съ большей горячностью, чѣмъ у него было въ дѣйствительности.

— Но вѣдь я же не знаю, пойми меня!—сказала она съ выраженіемъ страданія.—Я не вижу тебя, когда ты... бываешь... тамъ, съ нею. Вѣдь всетаки ты съ нею!

— Ольга! Ольга!

— Да, ты съ нею!... А я, какъ воръ, беру твои ласки, краду ихъ у нея. Пойми, я не могу! Я не могу жить съ этой ложью, съ тѣми скверными мыслями, какія приходятъ мнѣ въ голову, когда ты остаешься съ нею. Если мы уже сдѣлали одинъ шагъ, какого не должны были дѣлать, то должны сдѣлать что-то до конца... Нужно не видѣть ея, нужно не обманывать, не быть похожими на мелкихъ воришекъ... Вотъ ты съ нею послѣднее время сталъ нѣжнѣе, и меня уже это мучитъ, пугаетъ...

— Ольга, неужели нужно быть съ ней жестокимъ? Вѣдь я же любилъ ее когда-то, и она была мнѣ преданнымъ другомъ.

— Зачѣмъ же ты это мнѣ говоришь?—сказала Ольга, поблѣднѣвъ.—Я потому отъ нея и далека сейчасъ, что прежде была очень близка. Если бы она была для меня безразлична, я спокойно бесѣдовала бы съ нею...

И, какъ будто сказавъ то, чего не хотѣла бы говорить, Ольга вдругъ замолчала. Алексѣй Александровичъ минуту молча смотрѣлъ на нее.

— Ольга,—сказалъ онъ.—Какъ можно *этимъ* мучиться? Какою-то ложью, какимъ-то неустроеніемъ. Развѣ *это* важно? Вѣдь въ тебѣ есть самое главное, то, за что можно отдать... жизнь. Въ тебѣ есть любовь! Любовь безъ мысли, безъ сомнѣнія въ себѣ, въ своемъ чувствѣ. А вѣдь главное—это не сомнѣваться въ своемъ чувствѣ, имѣть его безъ конца, безъ границъ!—говорилъ Алексѣй Александровичъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ. Зачѣмъ же ты говоришь о чемъ-то другомъ?...

Она нѣсколько времени странно напряженно смотрѣла на него.

— Затѣмъ,—сказала она медленно,—что мнѣ страшно самой себя.—Она пошла было къ двери, но остановилась и, покраснѣвъ, сказала:—Послѣ ужина... въ бесѣдкѣ.

— Неужели? Ольга!—сказалъ Алексѣй Александровичъ, поспѣшно сдѣлавъ обрадованное лицо.

Ольга ушла.

— Ничего нѣтъ!—сказалъ онъ съ отчаяніемъ, схватившись за голову.—Остается просто бѣжать. О, какъ это мучительно!

XX.

Послѣ ужина онъ ушелъ къ себѣ въ комнату, раскрылъ окно и сталъ ждать. Въ раскрытое окно бѣлѣли освѣщенныя лампой

вѣтки яблони, а сквозь нихъ видно было освѣщенное окно тетушкиной комнаты. И невдалекѣ отъ окна чуть виднѣлась въ темной стѣнѣ дверь въ садъ; изъ нея должна была выйти Ольга.

Воздухъ въ саду былъ душенъ и неподвиженъ. Гдѣ-то собиралась гроза, но темное, безлунное небо все было одинаково черно и тучъ не было видно. Только, когда вспыхивала за деревьями молнія, на секунду освѣщался надвигающійся съ юга зловѣщій валъ грозовой тучи и подъ нимъ мутный красноватый просвѣтъ дождя. И когда ему казалось, что Ольга не придетъ, то страсть къ ней и сожалѣніе о разстроившемся свиданіи вспыхивали въ немъ со страшной силой. И онъ уже мучился, что ея нѣтъ и что, можетъ быть, ей помѣшаетъ что-нибудь прійти.

Сначала долго не гасъ свѣтъ въ теткиномъ окнѣ. Потомъ кто-то выходилъ въ садъ, отворялось окно, кто-то говорилъ, чтобы подставили кадки подъ водосточныя трубы, потомъ запирались сѣни, окна. Стукнула послѣдняя дверь, все затихло, свѣтъ въ теткиномъ окнѣ погасъ. И все смолкло. Долго не было слышно ни звука. Вдругъ стукнула осторожно отодвигаемая желѣзная задвижка въ садъ. И стала ясна широкая щель между дверью и притолкой. Сначала показалась открывшаяся темнота сѣней, затѣмъ изъ нея осторожно выступила бѣлая женская фигура. Она стояла нѣсколько секундъ, выжидая. Потомъ она осторожно сошла со ступенекъ и быстро пошла подъ окнами дома у самой стѣны, чтобы не быть замѣченной изъ окна. Алексѣй Александровичъ выпрыгнулъ изъ окна около куста сирени и затрещалъ въ бурьянѣ стеклами.

Ольга стояла передъ нимъ въ свободномъ платьѣ, котораго онъ не видалъ и въ которомъ она, очевидно, бывала только въ спальнѣ при мужѣ. Горячая маленькая рука ея схватила его руку. Отъ волненія она не могла ничего сказать и, пригибаясь подъ низкія вѣтки яблоней, поспѣшно повлекла его за собой, точно убѣгая отъ кого-то.

Тучи надвинулись, закрапалъ дождь, молнія вспыхивала гдѣ-то совсѣмъ близко и странно ясно освѣщала траву и косыя, рѣдко падающія капли.

— Скорѣе, скорѣе!—говорила шопотомъ Ольга и, подобравъ передъ платья, почти бѣгомъ бѣжала къ бесѣдкѣ.

Алексѣй Александровичъ, выставивъ одну руку передъ собой, бѣжалъ за ней и часто натыкался то лицомъ, то рукой на вѣтки. И видѣлъ себя со стороны бѣгущимъ по дождю, ночью, съ чужой женой, съ нелѣпо выставленной впередъ, какъ у слѣпого, рукой.

И эта мысль уже разбила и охладила все.

Онъ бѣжалъ и до отчаянія завидовалъ этой женщинѣ, у которой, очевидно, не было никакихъ мѣшающихъ мыслей, а было только одно—любовь къ нему. Ольга первой вбѣжала въ темную бесѣдку, въ которой пахло сѣномъ и яблоками.

Едва онъ вошелъ туда, какъ вокругъ его шеи радостно обвились ея руки, какъ будто она пробѣжала благополучно мимо опасностей. Въ дверь и цвѣтныя окна странно блеснула измѣненнымъ свѣтомъ молнія, раздался низкій ударъ грома, и дождь сплошнымъ шумомъ зашумѣлъ по листьямъ и по тесовой крышѣ бесѣдки.

— Неужели мы вмѣстѣ?—сказала Ольга.

Гроза увеличивала ихъ уединенность, ихъ слитность и какъ будто ограждала и защищала ихъ. Алексѣй Александровичъ всей силой понималъ желанность этого момента. Онъ зналъ по опыту, что современемъ, когда все уже будетъ невозвратно и станетъ воспоминаніемъ, у него будетъ загораться кровь при одной мысли объ этой ночи съ грозой въ бесѣдкѣ, о темнотѣ, о запахѣ сѣна и яблокъ и объ отдающейся ему женщинѣ... И когда-нибудь онъ изобразитъ это.

— Мы одни, совсѣмъ одни,—сказала Ольга.

Ольга говорила прерывающимся шопотомъ и, сжимая его руку, стояла передъ нимъ. Прикасаясь къ ней въ темнотѣ рукой, онъ чувствовалъ сквозь тонкую ткань ея освобожденное отъ корсета тѣло.

— Милый, милый! Боже мой, когда же не будетъ этой лжи? Когда мы будемъ совсѣмъ вмѣстѣ?

— Зачѣмъ ты постоянно думаешь объ этомъ?...—сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— Я же не могу, не могу не помнить каждую минуту, что мы лжемъ, что мы бѣгаемъ куда-то въ бесѣдку, что я на тебя не имѣю никакого права. Боже мой, Боже мой, что мнѣ съ собой дѣлать? Что со мной? Возьми меня къ себѣ скорѣе, возьми совсѣмъ! Уведи куда-нибудь! Я всюду пойду за тобой, потребуй отъ меня какого-нибудь подвига!—говорила Ольга въ какомъ-то опьянѣніи, прижимаясь къ нему, точно она искала у него защиты отъ того огня, который жегъ ее. Какъ будто ее ужасало то, что вселилось въ нее и росло съ неудержимой силой.

— Помнишь, прежде я говорила, что самое главное у насъ есть: мы вмѣстѣ. И большаго ничего не нужно. О *ней* я если думала, то только со стороны своей вины передъ нею. Но... теперь для меня невозможна, мучительна мысль, что она — твоя жена...

— Ольга, вѣдь это же... по внѣшности только.

— Да, но это ужасно. И потомъ... ночью ты съ ней остаешься... И я не вижу тебя. Я же не вижу тебя съ ней вдвоемъ, и я не могу не думать.

— Ольга, мнѣ непонятна эта архаическая ревность въ тебѣ.

— Вамъ, мужчинамъ, очевидно, многое непонятно изъ того, что понятно намъ, женщинамъ,—сказала она.

— Ну, вотъ ты опять...

— Не могу, не могу!...—сказала Ольга, не слушая его и отъ какого-то мучительнаго представленія содрогаясь плечами.

Писатель вспомнилъ, что они уже долго стоятъ такъ.

— Ну, забудь же объ этомъ, забудь,—сказалъ онъ шопотомъ.

Ольга вдругъ замолкла, руки ея стыдливо легли ему на плечи, и онъ, чувствуя недостаточность, неполноту своего чувства и стыдъ и презрѣніе къ себѣ за это, обнялъ ее и крѣпко, какъ бы отъ избытка страсти, прижалъ къ себѣ...

Дождь ровнымъ, сплошнымъ шумомъ стучалъ по крышѣ, въ темнотѣ бесѣдки все такъ же пахло сѣномъ, яблоками и тонкими женскими духами, и дождь, казалось, не уменьшалъ духоты іюльской ночи.

XXI.

Алексѣй Александровичъ видѣлъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше росла любовь молодой женщины къ нему. И тѣмъ меньше было въ немъ даже того скуднаго чувства, какое жило въ немъ въ самомъ началѣ. Создавшееся положеніе иногда въ критическіе моменты приводило его въ крайнее отчаяніе. Ольга, не останавливаясь, шла все впередъ. И требовала все новыхъ и большихъ доказательствъ любви, которой у него не было.

Она не соблюдала никакихъ предосторожностей, не дѣлала никакихъ уступокъ обстоятельствамъ. Съ одной стороны, это только, конечно, доказывало силу и искренность ея любви. Но, съ другой стороны, эта сила и искренность ему-то были не нужны, только лишній разъ заставляли его чувствовать безвыходность его положенія. Самъ онъ чѣмъ больше чувствовалъ себя виноватымъ передъ женой, тѣмъ становился внимательнѣе къ ней и даже искренно нѣжнѣе, точно желая чѣмъ-то вознаградить ее.

Но у Ольги было совсѣмъ иначе: она была какъ-то болѣзненно пряма со своимъ чувствомъ. Съ мужемъ, съ этимъ кроткимъ человѣкомъ, она не выдерживала даже самаго короткаго разговора и сейчасъ же уходила, отвѣтивъ только на вопросъ. Съ Софьей тоже ограничивалась рѣдкими незначительными фразами, боль-

шею частью безразличнаго характера, точно она боялась возникновенія всякаго продолжительнаго разговора.

И это Алексѣю Александровичу было непонятно.

Конечно, онъ не могъ совѣтовать ей быть... нѣжнѣе съ мужемъ, чтобы его успокоить.

„Я и не совѣтовалъ этого,—думалъ онъ.—Но необходимо сказать ей, чтобы она хоть немного и хоть внѣшне жалѣла этихъ людей, хотя бы даже и мужа“.

И такъ все это было нехорошо, сложно. Сложно потому, что эта женщина вкладывала въ свои отношенія къ нему слишкомъ много трагическаго, того, что ему казалось неотносящимся къ любви. И отъ него требовала все большихъ и большихъ внутреннихъ затратъ, въ то время какъ ему хотѣлось всѣ силы сосредоточить на работѣ. Но и работа шла у него вяло, когда вблизи постоянно была женщина, которую онъ такъ страстно хотѣлъ любить, а страстной любви не было. Было только мучительное безсильное желаніе отсутствующаго огня въ крови.

„Эта женщина, совсѣмъ нетронутая, молодая и свѣжая, какъ дѣвушка, сколько она могла бы дать наслажденія“,—думалъ онъ, почему-то говоря *могла бы*. И неизвѣстно было, при какихъ условіяхъ она могла бы дать его.

XXII.

Самое мучительное для всѣхъ были обѣды и ужины, когда особенно чувствовались ложь и общая неловкость отъ необходимости сидѣть всѣмъ за однимъ столомъ.

Только писатель какъ будто, благодаря массѣ новыхъ для него деревенскихъ впечатлѣній, меньше всѣхъ чувствовалъ эту общую тяжесть. Иногда онъ приходилъ съ прогулки и разсказывалъ за обѣдомъ, когда всѣ остальные сидѣли молча.

Одинъ разъ онъ опоздалъ къ обѣду. Всѣ уже сидѣли за столомъ, когда онъ пришелъ... Видъ у него былъ усталый, но довольный, на вспотѣвшемъ лбу былъ красный кругъ отъ шляпы. Оказалось, что онъ ходилъ пѣшкомъ за десять верстъ въ сосѣднее село, гдѣ жилъ какой-то интересный старикъ. И онъ вынулъ изъ кармана цѣлый пучокъ исписанныхъ листковъ съ новыми матеріалами.

— Какъ странно!—сказалъ онъ, садясь,—я замѣтилъ, что чѣмъ мѣстность въ Россіи южнѣе, тѣмъ въ ней меньше поэзіи и типическаго „русскаго“. На сѣверѣ—тамъ наоборотъ: во всѣхъ этихъ простыхъ дворахъ, сѣничкахъ, воротахъ съ навѣсами такъ

и чувствуется какая-то вѣковѣчность и поэзія быта. Такъ и кажется, что стукнетъ тяжелое желѣзное кольцо у какой-нибудь калитки и тайкомъ выйдетъ на свиданіе дѣвушка.

— А у тебя, батюшка, только одни свиданія на умѣ!—сказала Анна Матвѣевна, все время съ негодованіемъ слѣдившая за писателемъ, и встала.—Что смотришь? Правду говорю!

Писатель, правда, смотрѣлъ на нее. Но въ глазахъ его былъ виденъ только обычный интересъ къ ней и къ ея сочнымъ словамъ. Казалось, что если бы это не было неприлично, онъ сейчасъ же вынулъ бы книжечку и записалъ въ нее слова Анны Матвѣевны.

— Какая яркая натура! — сказалъ Алексѣй Александровичъ, обращаясь къ Дмитрію Ивановичу, когда Анна Матвѣевна ушла.

Тотъ ничего не отвѣтилъ.

Дмитрій Ивановичъ очень измѣнился, осунулся и похудѣлъ.

Прошло уже два мѣсяца съ того самаго времени, какъ Ольга пріѣхала домой. Отчужденіе стало настолько сильно и явно, что нужно было, наконецъ, на что-то рѣшаться. Онъ видѣлъ, что Ольга избѣгала его, не могла переносить простой его близости, простого присутствія его около себя наединѣ.

Какъ человѣкъ, неспособный ни къ какой хитрости, Дмитрій Ивановичъ не допускалъ никакихъ подглядываній и наблюденій. Онъ предполагалъ все, но отъ предположеній было не легче, такъ какъ они ничего не уясняли, а наоборотъ—усложняли и запутывали.

Жизнь становилась невозможной.

Всѣ его прежнія попытки объясненія съ женой не вели ни къ чему, потому что онъ не могъ уловить смысла этой перемѣны.

Теперь за два мѣсяца этотъ смыслъ опредѣлился несомнѣнно. И разговоръ можно было начать съ категорическаго, яснаго вопроса: почему она перестала быть его женой?

Онъ говорилъ это, а самъ восклицалъ:

— Ну что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать? — и ходилъ одинъ взадъ и впередъ по ковру кабинета и безпомощно разводилъ своими толстыми руками, каждый разъ останавливаясь у стола. По ночамъ онъ иногда долго лежалъ неподвижно на спинѣ въ темнотѣ на большой опустѣвшей постели и не спалъ. Иногда вставалъ, ходилъ по комнатѣ въ халатѣ и курилъ папиросу за папиросой.

Онъ видѣлъ, что и вся атмосфера дома неуловимо, неизвѣстно съ какого времени, совершенно измѣнилась. Софья Александровна, прежде веселая, мило оживленная, постоянно занятая чѣмъ-

нибудь, теперь, когда въ комнатѣ съ ней никого не было, иногда по цѣлымъ часамъ сидѣла, глядя въ одну точку, опустивъ руки съ вязаньемъ на колѣни.

Танечка стала какая-то робкая, молчаливая. И не разъ онъ видѣлъ, какъ она украдкой какъ-то странно смотрѣла на Ольгу.

И Дмитрія Ивановича охватывало отчаяніе отъ сознанія невозможности проникнуть въ душу самаго близкаго человѣка.

— Нѣтъ, оставлять такъ больше нельзя,—сказалъ Дмитрій Ивановичъ одинъ разъ взволнованно, ходя по дорожкѣ въ саду, и пошелъ къ дому.

Но, проходя мимо бесѣдки, онъ вдругъ услышалъ голосъ Ольги. Она говорила горячо и разстроенно:

— Я прежде всего требую опредѣленности, а ея въ васъ нѣтъ.

— Ольга, какъ ея во мнѣ нѣтъ? — сказалъ голосъ, по которому Дмитрій Ивановичъ узналъ Алексѣя Александровича.

— Нѣтъ ея, нѣтъ,—сказалъ голосъ Ольги.

Страшное подозрѣніе, какъ ножомъ, кольнуло его въ сердце и помутило разсудокъ.

„Неужели... это?...“—подумалъ онъ, поблѣднѣвъ.

Онъ осторожно отошелъ въ сторону и пошелъ домой. Но вдругъ ему стало досадно на свою неумѣстную щепетильность. Почему онъ не дослушалъ разговора? Въ сущности что же онъ услышалъ? Гдѣ улики? Гдѣ доказательства? Этотъ разговоръ ничего не доказывалъ. Но сейчасъ же онъ вспомнилъ ея тонъ. Такимъ тономъ не говорятъ съ простымъ знакомымъ... И онъ... странно отвѣчалъ, думалъ Дмитрій Ивановичъ, шагая уже по своему кабинету. Онъ остановился, сжавъ голову руками. Потомъ опустилъ руки и, вздохнувъ, опять сталъ ходить отъ стола къ двери. Онъ мысленно перебиралъ все лѣто. Лѣтомъ онъ, занятый уборкой, покосомъ, рѣдко бывалъ дома. Но ему вдругъ сталъ страшно понятенъ весь смыслъ перемѣны Ольги. Вспоминая, онъ понималъ теперь каждую перемѣну, происходившую въ ея настроеніи, когда онъ, бывало, подходилъ къ ней; ему стало понятно то углубленное выраженіе духовной красоты и расцвѣта, которое онъ часто замѣчалъ въ Ольгѣ,—все это относилось къ другому. А онъ вызывалъ въ ней досаду и страданіе своимъ появленіемъ. Стали понятны ея отчужденность и нервность въ отношеніи къ нему.

Онъ опять взялся руками за голову, потомъ выдохнулъ воздухъ, какъ будто его душило что-то, и остановился посрединѣ комнаты, напряженно глядя передъ собой. Глаза его были красны, какъ будто отъ какого-то внутренняго чрезмѣрнаго напряженія.

— Обѣдать подано,—сказала Аннушка, войдя въ своихъ ря-

быхъ чулкахъ въ кабинетъ. Она остановилась и нѣсколько времени стороной глядѣла на барина.

— Ступай, я сейчасъ приду, — сказалъ Дмитрій Ивановичъ, поймавъ понимающій взглядъ Аннушки.

Аннушка вздохнула и ушла, захвативъ по дорогѣ брошенное на стулѣ забытое крыло.

— Вотъ уже и прислуга что-то знаетъ и смотритъ съ жалостью. А я, я ничего не зналъ...

Дмитрій Ивановичъ пошелъ было въ столовую, но, увидѣвъ, что Ольга прошла за чѣмъ-то въ спальню, рѣшительно повернулъ туда.

XXIII.

Ольга стояла у комода,—повидимому, она начала было разбирать что-то на комодѣ, но задумалась, держа руки на открытой шкатулкѣ.

При входѣ мужа она не оглянулась на него, но, узнавъ его по звуку шаговъ, сейчасъ же занялась шкатулкой.

Дмитрій Ивановичъ остановился около нея.

Онъ пристально глядѣлъ на нее и видѣлъ, что она замѣтила его взглядъ. У него забилось сердце и потемнѣло въ глазахъ отъ сознанія, что она умышленно прячется отъ него. Значитъ, дѣйствительно, что-то есть.

Ольга, настороженно нѣсколько секундъ ждала, что скажетъ мужъ, и, такъ какъ Дмитрій Ивановичъ молчалъ и только разстроенно, подозрительно смотрѣлъ на нее, она сказала совершенно спокойно:

— Ты что? Кажется, обѣдать подано?—И стала укладывать обратно выбранныя вещи, чтобы запереть шкатулку.

— Ольга! — сказалъ Дмитрій Ивановичъ, не спуская съ нея глазъ.

— Что?—спросила Ольга, какъ будто удивившись необычному тону мужа.

— Я хочу, чтобы ты объяснила мнѣ перемѣну твоихъ отношеній ко мнѣ.

— Я къ тебѣ отношусь такъ же, какъ всегда,—сказала Ольга, сейчасъ же погаснувъ и замкнувшись. Она вдругъ стала холодна, что-то упорное, почти жестокое появилось въ складкѣ ея губъ.

— Нѣтъ, не *такъ же*...—сказалъ Дмитрій Ивановичъ.—Ты понимаешь, про *что* я говорю. У тебя появилось отвращеніе ко мнѣ,

боязнь меня, какъ мужчины... Откуда это? Почему?...—Онъ взялъ съ туалетнаго стола пуховку для пудры и дрожащими, блѣдными пальцами вертѣлъ ея костяную головку.

— Ты не допускаешь во мнѣ никакихъ своихъ внутреннихъ причинъ,—сказала Ольга, избѣгая взгляда мужа,—ты мои отношенія къ тебѣ измѣряешь... самымъ грубымъ.

— А какія могутъ быть въ данномъ случаѣ *внутреннія* причины?

— Ты, кажется, уже посягаешь, ты требуешь отчета въ каждомъ движеніи души?—сказала холодно-презрительно Ольга.

— Ты прежде сама повѣряла мнѣ это, и я ничего не требовалъ, а теперь мнѣ... странно, что ты такъ закрылась отъ меня. Мнѣ странно это...

Дмитрій Ивановичъ, какъ убійца держитъ спрятанный ножъ, держалъ наготовѣ вопросъ о томъ, что̀ было въ *бесѣдкѣ*.

Онъ только потому медлилъ, что его тянуло еще разъ услышать, какъ лжетъ *его* жена. Ему точно хотѣлось еще разъ заглянуть въ какую-то страшную пропасть, отъ одного приближенія къ которой кружилась голова.

— Надо итти обѣдать,—сказала Ольга, ставя на мѣсто шкатулку.

— Вотъ! Ты понимаешь, что я хочу выяснить... что я хочу узнать... *правду*,—сказалъ, блѣднѣя, Дмитрій Ивановичъ,—и дѣлаешь видъ, что ничего не случилось, говоришь про обѣдъ...

Онъ повернулъ судорожнымъ движеніемъ пальцевъ головку пуховки и отломилъ ее.

— Ты видишь, въ какомъ я настроеніи, не можешь не видѣть, и ты хочешь уйти, не спросивъ о причинѣ.

Ольгу вдругъ охватила тупая тоска и равнодушіе. Она ждала только одного рѣшительнаго вопроса, чтобы сказать, что случилось то, что она больше не можетъ жить здѣсь, не можетъ переносить его близости... потому что полюбила другого мужчину, и онъ любитъ ее.

Но вдругъ ее остановила и до ужаса испугала мысль: имѣетъ ли она основаніе и право сказать, что тотъ ее любитъ. Гдѣ же его любовь? Въ чемъ она? И какъ позорны будутъ ея слова о его любви, когда окажется, что она ошиблась.

— Что было въ... бесѣдкѣ, Ольга?—спросилъ вдругъ Дмитрій Ивановичъ.

И, несмотря на то, что Ольга ждала рѣшительнаго вопроса и положила сказать правду, она вздрогнула и, поблѣднѣвъ, совершенно инстинктивно, противъ своей воли спросила:

— Когда?

У нея мелькнула страшная, позорная мысль, что Дмитрій Ивановичъ слѣдилъ за ней и слышалъ все, что было въ бесѣдкѣ въ ту ночь съ грозой.

— Сегодня, сейчасъ...

— Я говорила съ Алексѣемъ Александровичемъ,—сказала Ольга. Лицо ея вдругъ стало спокойно и холодно.

— О чемъ?—спросилъ Дмитрій Ивановичъ хмуро и не глядя на нее.

— У насъ былъ чисто принципіальный разговоръ.

— А о какой *опредѣленности* говорилось?

У Ольги былъ уже усталый, окаменѣлый видъ.

— Объ опредѣленности, которой недостаетъ въ его... теоріяхъ.

Она отвѣчала такимъ тономъ, какъ будто была насильно приведена на какой-то судъ, и, уступая насилію, говорила.

— И кромѣ этого разговора, тамъ больше ничего не было, Ольга?—сказалъ Дмитрій Ивановичъ. На пухломъ бѣломъ лбу его выступили капли пота.

— Ничего,—сказала Ольга и холодно, мертво взглянула на мужа.

Дмитрій Ивановичъ наклонилъ голову и молча вышелъ изъ комнаты.

XXIV.

Ольга послѣ этого объясненія почувствовала, что она запутывается въ обманѣ и лжи все дальше и дальше.

Ложь Дмитрію Ивановичу была легче, ее можно было переносить ради того счастья, какое такъ жестоко и коварно предложила ей судьба.

Совсѣмъ другое дѣло было по отношенію къ Софьѣ Александровнѣ.

Самое мучительное было въ томъ, что между ними были такія отношенія, какихъ не было у нея съ мужемъ. Отношенія, основанныя на самомъ тонкомъ и высшемъ. И вотъ теперь Софья знала, быть можетъ, *все* знала. Ольга же продолжала жить съ ней подъ одной кровлей, встрѣчалась съ ней по нѣсколько разъ въ день, говорила и, значитъ, каждымъ движеніемъ, каждой фразой, даже самой безразличной, лгала. И потомъ, что было самое ужасное—это отсутствіе борьбы съ ея стороны. Было невыносимо бить того, кто не защищается отъ удара и только склоняетъ голову, какъ будто избѣгая смотрѣть на того, кто его бьетъ.

Можно было перенести упреки, самую страшную сцену ревности, но это покорное молчаніе человѣка, которому чужда грязь жизни съ войной за свое право, да при этомъ еще какая-то почти виноватая, мягкая полуулыбка, съ какой она иногда отвѣчала на какой-нибудь вопросъ,—это было непереносимо.

„Почему она не отстаиваетъ своего права? Чего ей нужно? Какое-то пассивное ожиданіе правосудія судьбы. Неужели ей нужно, чтобы я мало того, что столкнула ее со своей дороги, а и *прикончила бы* еще? Или пришла съ повинной? И я, и онъ повинились бы и обѣщали впредь не дѣлать. Но что это въ ней—дряблость воли или жестокость?“ говорила Ольга сама съ собой.

„Боже мой, Господи, какъ скверна твоя жизнь!“

„Кто это наносилъ сюда грязи? Вѣрно, Настасья. Вонъ и ножка у кресла сломана, и ужъ, конечно, она же. Да о чемъ это я сейчасъ?... Прійти съ повинной? Нѣтъ, не это. Да, а что же онъ? Кто же онъ наконецъ? Господи, помоги же мнѣ“, сказала она, вдругъ сжимая подъ грудью руки и повертываясь на диванѣ къ образу съ выраженіемъ отчаянія и просьбы, но сейчасъ же, какъ будто забывъ про образъ, повернулась опять.

Ольга встала, постояла нѣсколько времени, напряженно закусивъ губы, потомъ вышла въ гостиную и вздрогнула, отъ неожиданности.

— Ахъ, ты здѣсь?—сказала она, невольно краснѣя,—а я думала, ты еще не пришла.

— Нѣтъ, я ходила, но у меня на солнцѣ всегда болитъ голова,—сказала Софья Александровна; она сидѣла въ уголку дивана, подобравъ подъ себя ноги, точно ей было холодно, и она приложила ко лбу свою худую руку.

— Вотъ хорошенькій узоръ,—сказала Ольга, низко наклоняясь къ вязанью, точно желая скрыть краску на щекахъ.—Это новый?

— Нѣтъ, это уже три недѣли вяжется и никакъ не довяжется,—сказала Софья Александровна.

— У меня никогда не было терпѣнія вязать,—сказала Ольга, какъ будто она сидѣла съ дамой, мало знавшей ее.—А что сегодня у Дмитрія Ивановича дѣлается?—спросила она, какъ только разговоръ прервался на минуту, точно она боялась молчанія.

— У него, кажется, молотьба,—сказала Софья Александровна, не поднимая глазъ.

— Я-то хорошая хозяйка, у другихъ спрашиваю.

— Вѣдь ты и всегда такая была,—тихо сказала Софья Александровна, не поднимая глазъ.

Ольга покраснѣла при этомъ напоминаніи о томъ, какая она

была. Слова Софьи Александровны были просты и беззлобны, какъ бывало прежде. Ольга едва удержалась отъ слезъ; ей вдругъ пришла мысль: *сказать*. Эта мысль была такъ страшна и неожиданна, что у нея похолодѣли руки и закололо въ кончикахъ пальцевъ. Но она рѣшилась и молча прямо взглянула въ лицо своему прежнему другу.

Сердце на минуту совсѣмъ перестало биться. Она ждала, что Софья пойметъ ея мысль, ея желаніе. Если бы она взглянула въ этотъ моментъ, то все бы рѣшилось,—такъ загадала Ольга.

Но Софья Александровна не взглянула.

Она не поняла или не хотѣла понять и, опустивъ голову, стала машинально наматывать на палецъ и опять распускать шерстинку отъ вязанья.

Разговоръ прервался. Оставалось встать и уйти. Но это было неудобно и невозможно.

— Я себѣ изъ такого вязанья хотѣла кофточку зимой сдѣлать, но ничего подходящаго не нашла.

— Сѣрую?—спросила Софья Александровна, не поднимая головы и наматывая шерстинку спиралью.

— Нѣтъ, бѣленькую,—сказала Ольга,—хотя бѣленькая не такъ практична.

— Да, бѣлое очень пачкается, — повторила Софья Александровна.

Она попрежнему сидѣла, не работая и не поднимая головы.

— Что это всѣ разошлись?—сказала Ольга.—Вѣдь ужъ скоро чай. А гдѣ же Аннушка? Надо ее найти, — сказала она и сейчасъ же покраснѣла, какъ краснѣютъ люди, неумѣло придумавшіе предлогъ.

Она встала и, чувствуя, какъ щеки ея горятъ отъ стыда, ушла въ столовую.

Обходя столъ, она видѣла черезъ дверь, что Софья Александровна сидитъ въ томъ же положеніи съ опущенной головой, какъ она оставила ее, но рука съ намотанной на палецъ шерстинкой неподвижно лежитъ на колѣнѣ.

XXV.

Алексѣй Александровичъ пришелъ изъ лѣса. Ольга увидѣла его въ окно и пошла къ нему.

— Нѣтъ, это мучительно, это невыносимо! — сказала Ольга.

Алексѣй Александровичъ, снимая ружье и сумку, повернулся было къ ней съ ясной улыбкой, но, когда увидѣлъ ея разстроен-

ное лицо, сейчасъ же ясность смѣнилась тревожнымъ выраженіемъ.

— Что-нибудь случилось? чѣмъ ты разстроена?—сказалъ онъ и, какъ былъ, въ мокрыхъ башмакахъ съ приставшими на нихъ листьями, подошелъ къ Ольгѣ.

Молодую женщину оскорбило то, что онъ спрашиваетъ, не случилось ли чего, какъ будто то, что есть, вполнѣ нормально. И нужно еще чему-то случиться, чтобы быть разстроенной.

Но она сейчасъ же потушила въ себѣ дурное чувство противъ любимаго человѣка. Она сѣла въ кресло сбоку письменнаго стола и, глядя на стоявшаго передъ ней Алексѣя Александровича испуганными глазами, сказала:

— Ужасно то, что *она* молчитъ. — „Она“ называлась у нихъ Софья Александровна, такъ какъ Ольга избѣгала называть ее по имени, какъ прежде.—Вѣдь, я же ее знаю, она такъ притихаетъ и сжимается, когда что-нибудь дѣлаютъ надъ ней грубое, низменное, противъ чего обыкновенно защищаются, а она никогда... не сдѣлаетъ ни одного шага для собственной защиты. И это ужасно. Ужасно потому, что тяжело, потому что...—она развела руками и остановилась, не найдя слова; губы ея задрожали и глаза наполнились слезами.

Для Алексѣя Александровича главная тяжесть отношеній съ Ольгой была въ томъ, что вопросъ отношеній разрастался до размѣровъ вопроса о цѣлой жизни, въ то время какъ ему нечѣмъ было отвѣчать на чувство Ольги. У него отношенія къ женщинѣ никогда не сливались съ жизнью, у Ольги жизнь вся какъ бы растворилась въ любви. И Алексѣй Александровичъ не зналъ, что̀ ему дѣлать.

„Сказать ей, что у меня нѣтъ къ ней любви“, подумалъ Алексѣй Александровичъ, глядя на сидѣвшую передъ нимъ молодую женщину.

Но въ этомъ признаніи чувствовалось что-то позорное для него, какъ для мужчины, и онъ ничего не сказалъ. Не было бы позорно сказать, если бы онъ не хотѣлъ любви, но онъ ее безумно *хотѣлъ*.

— Мы сейчасъ говорили съ ней... и знаешь о чемъ?—сказала Ольга, она улыбнулась сквозь мокрыя рѣсницы,—о кофточкахъ... И вотъ это-то невозможно! Я же никогда ни о какихъ кофточкахъ съ ней ни разу въ жизни не говорила. И сразу видна ложь, ложь! И гдѣ конецъ этой лжи? Говорить попрежнему я не могу, а говорить о кофточкахъ это ужъ такъ оскорбительно и для нея, и для себя.

— Да, какъ все это тяжело, — сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— Ты знаешь, какое страшное испытаніе для меня утромъ цѣловать ее?—сказала Ольга. — Это та степень испытанія, за которой...

Алексѣй Александровичъ хотѣлъ что-то сказать, она перебила его.

— Это напоминаетъ... поцѣлуй изъ Евангелія, — выговорила она, покраснѣвъ.

— Ну, что ты, Ольга,—сказалъ разстроенно Алексѣй Александровичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это такъ!—сказала быстро Ольга, схвативъ его за руку.

Разъ ужъ было затронуто, она хотѣла высказать это мучившее ее сравненіе.

— Вѣдь это же временно, — сказалъ Алексѣй Александровичъ,—если хочешь, я...

— И потомъ еще Танечка,—сказала Ольга, не слушая,—она вѣдь все знаетъ.—Ну, вотъ видитъ Богъ, — сказала она, сжимая руки у груди и взглядывая на образъ повыше головы Алексѣя Александровича,—видитъ Богъ, какъ я дорого и *страшно* плачу за это... Главное, *молчитъ*,—сказала она, съ какимъ-то ужасомъ раскрывая глаза,—молчитъ и не поднимаетъ на меня глазъ... Но только бы...—она вдругъ подняла взглядъ на стоявшаго передъ ней Алексѣя Александровича; выраженіе тоски, бывшей у нея на лицѣ, вдругъ сошло и замѣнилось другимъ, глаза ея засіяли.— Только бы одно было,—сказала она,—и я все, все перенесу. Вѣдь оно же есть? Милый! Есть? А что если я принимаю тебя совсѣмъ не за того, каковъ ты на самомъ дѣлѣ? Что если у тебя и любви совсѣмъ нѣтъ ко мнѣ?...

— Ольга! Что ты говоришь?—сказалъ взволнованно писатель, протягивая къ ней руки, какъ бы защищаясь отъ удара.

— Ну, прости, прости, мнѣ въ голову приходятъ всякіе ужасы.

Писатель стоялъ передъ нею, поддаваясь ласкамъ женщины, и не словами, а улыбкой отвѣчалъ на нихъ, какъ будто само собой подразумѣвалось, что̀ должна означать его улыбка.

— Вѣдь все, все твое! — говорила Ольга, притягивая его къ себѣ,—и эти руки, и лицо, и эти волосы. Помнишь, какъ ты на диванѣ въ Петербургѣ старался прикоснуться къ нимъ, когда это еще было не *наше*. Помнишь, какъ мы боялись тогда прикоснуться другъ къ другу. И какъ хотѣли этого! И вотъ теперь... Милый, спаси меня, защити отъ меня самой.

Она крѣпко до боли сжимала его руку. У нея было такое чувство, точно она шла по одной жердочкѣ на страшной высотѣ и вся была сосредоточена на этой рукѣ, которой она ввѣрила всю себя и свою жизнь. Въ этой рукѣ было или величайшее счастье или гибель.

И она, испуганная той силой любви, которая была въ ней, сжимая его руки, твердила его имя, какъ будто не понимая, что̀ съ ней, какой огонь сжигаетъ ее и мучитъ. Она боялась этого и страстно, нестерпимо хотѣла этого, хотѣла еще и еще, безъ конца.

— Я все, все вынесу ради тебя, душа моя, жизнь моя!—говорила Ольга.

Писатель смотрѣлъ на нее, и ему страстно до отчаянія хотѣлось одного: хотя бы простой животной страсти къ этой прекрасной женщинѣ, прекрасной, но недоступной для него оттого, что какой-то дьяволъ точно разжижилъ кровь, противно охладилъ ее и потушилъ въ немъ огонь жизни.

— Знаешь, что я рѣшила? — сказала Ольга, и неожиданно улыбка сморщила ея губу.

— Ну?—сказалъ писатель, неловко улыбаясь ей, еще не зная, что̀ она ему скажетъ.

Ему вообразилось, что она придумала какой-нибудь несообразный выходъ, показавшійся ей легкимъ,—напримѣръ, бѣжать. Но при первыхъ же словахъ Ольги онъ успокоился.

— Когда мнѣ тяжело, очень тяжело, я говорю себѣ, что я должна испытать все самое тяжелое, чтобы заслужить этимъ твою любовь и прощеніе за нее.

Алексѣй Александровичъ, чувствуя недостаточность того, что онъ дѣлаетъ, молча, какъ бы подчеркивая этимъ силу своего чувства, поцѣловалъ ее въ лобъ у пробора душистыхъ тонкихъ волосъ.

— Ты знаешь, съ чѣмъ я къ тебѣ шла?—спросила она.

— Не знаю; съ чѣмъ?

— Съ тѣмъ, чтобы сказать, что намъ лучше разойтись.

— Ольга... — сказалъ Алексѣй Александровичъ, видя себя со стороны.

— Но теперь, я чувствую, — она остановилась, — я вижу, что не могу,—докончила она. Пусть будетъ то, что будетъ.

И въ глазахъ ея были только радость и восторгъ побѣды надъ сомнѣніями.

XXVI.

— Мнѣ нужно къ тебѣ, сказать два слова, — сказала Софья Александровна, по уходѣ Ольги войдя въ комнату мужа: видъ у нея былъ такой робкій и виноватый, что Алексѣй Александровичъ понялъ, что случилось что-то необычайное.—Я должна тебѣ сказать...—два красныхъ пятна стыдливо-лихорадочно разгорѣлись на ея худыхъ щекахъ, а рука у пояса платья дрожала.

— Что?—сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— Я... беременна...—сказала Софья Александровна.

Алексѣй Александровичъ поблѣднѣлъ.

— Соня,—сказалъ онъ и, чувствуя, что выходитъ неестественно, подошелъ и поцѣловалъ жену въ голову.

Софья, понявъ его поцѣлуй такъ, какъ ей хотѣлось понять, заплакала радостными слезами.

— Боже мой,—сказала Софья Александровна, — теперь я почувствовала, что все спасено, все будетъ хорошо. Я мучилась, все время была въ какомъ-то кошмарѣ, но сейчасъ я ни о чемъ не хочу думать.

Ей захотѣлось сейчасъ же пойти и сказать Ольгѣ о своей радости, стать передъ ней на колѣни и попросить у нея прощенія за то, что она подозрѣвала ее въ самомъ невозможномъ и ужасномъ. Софья Александровна прошла черезъ залъ въ угловую. Ольга была тамъ; она, приложивъ платокъ къ губамъ, стояла и смотрѣла неподвижно и безжизненно въ окно. Она даже не слыхала шаговъ Софьи Александровны, и у той нехватило рѣшимости сказать о счастьѣ, когда она увидѣла своего прежняго друга въ этой позѣ. Она осторожно повернулась и отошла.

Положеніе Алексѣя Александровича неожиданно осложнилось тѣмъ, что ему сказала жена. Ему вдругъ пришла не представлявшаяся раньше мысль: что̀ будетъ, если и Ольга забеременѣетъ.

И онъ никогда такъ не разстраивался, какъ теперь при этой мысли.

Главное, нехорошо то, что онъ жилъ съ женой послѣ того, какъ у него случилось съ Ольгой.

„И какая пустота у нихъ! Я вотъ сейчасъ могу работать, уйти въ свой міръ, а *онѣ*... какъ загорится у нихъ, такъ и...“

И онъ подумалъ о томъ цѣльномъ человѣкѣ, который бросилъ бы женщину, какъ только она потеряла для него обаяніе. И бросилъ бы равнодушный, безжалостный и сильный.

„Онѣ даже и любятъ такихъ“, подумалъ онъ уныло.

Но разница между нимъ и безжалостнымъ человѣкомъ была та, что тотъ испытывалъ страсть и пресыщался ею, а онъ никогда ея не видалъ, и приходилось только надѣяться, что, можетъ быть, нынче, можетъ быть, завтра хоть немножко ея наберется.

И опять было досадно, что Ольга—женщина съ излишне трагическимъ отношеніемъ къ жизни и къ любви. Если бы она жила, какъ живетъ, отдѣльно отъ него и не стремилась бы слиться съ его жизнью! И всякій разъ, когда она объ этомъ говорила, онъ испытывалъ неловкость, потому что ему это сліяніе было ненужно и сложно.

Вообще, ему никогда никто не былъ нуженъ. Онъ, сколько ни припоминалъ, никого не любилъ. Жила только пожирающая его сила желанія женщины, независимо отъ свойствъ ея души.

XXVII.

Въ среду были именины Дмитрія Ивановича и должны были пріѣхать сосѣди по имѣнію.

Утромъ дѣлались обычныя приготовленія, и когда Ольга сходилась съ Софьей Александровной въ одной комнатѣ и онѣ говорили о мелочахъ, чтобы не молчать, Ольга видѣла какую-то перемѣну въ Софьѣ... Въ ней не было прежней неподвижности. У нея не было того притихшаго вида съ опущеннымъ взглядомъ. И что страннѣе всего: Ольга иногда ловила на себѣ ея кроткій, печальный взглядъ. Какъ будто она хотѣла и не смѣла заговорить о чемъ-то съ своимъ прежнимъ другомъ. И при мысли о томъ тихомъ, ласковомъ тонѣ, о словахъ: родная моя, дитя мое, какъ ее звала прежде Софья Александровна,—при мысли объ этомъ Ольгѣ неудержимо захотѣлось плакать.

Она поспѣшно ушла въ свою комнату и зарылась головой въ подушки.

„Это какое-то безволіе, у нея отнимаютъ—она молчитъ. Это невыносимо, Боже мой!“, думала Ольга, почему-то нарочно стараясь представить себѣ это свойство Софьи, какъ недостатокъ.

Человѣкъ, который твердо стоитъ за свое право, по крайней мѣрѣ, не заставитъ другихъ напрасно страдать. А это евангельское дряблое опусканіе головы... Если я дѣлаю подлость,—нужно сказать мнѣ прямо, чего я заслуживаю. И это была бы истинная милостивая человѣческая справедливость, а не „христіанская“ казнь на медленномъ огнѣ.

— Но что же онъ?—сказала она, вдругъ поднимаясь съ по-

душекъ.—Вѣдь уже два мѣсяца прошло, а онъ не сдѣлалъ ни одного шага.

И когда она подумала объ этомъ, ей все стало представляться въ ужасномъ свѣтѣ. Ей вдругъ ясно представилось испугавшее ея женскую душу ничтожество его, какъ мужчины.

— Или, можетъ быть, его мучитъ раскаяніе и на него уже подѣйствовало это непротивленіе? — сказала Ольга съ жесткой усмѣшкой; она опять упала лицомъ въ подушки и нѣсколько времени лежала неподвижно, только изрѣдка изогнувшееся тѣло ея вздрагивало, какъ будто отъ сдерживаемыхъ рыданій. Но когда она поднялась съ подушекъ, глаза ея были сухи.

— Я преступница, и мнѣ раскаиваться уже поздно,—сказала она,—мнѣ остается одно... Я только въ послѣдній разъ хочу знать...

Она встала съ постели и, оправивъ волосы, пошла въ комнату Алексѣя Александровича черезъ гостиную, которая уже наполнялась гостями.

Народу на именины съѣхалось много. На террасѣ уже были раздвинуты вынесенные туда столы для картъ. Въ столовой былъ самоваръ; здѣсь поили чаемъ всѣхъ вновь пріѣзжавшихъ. И вездѣ былъ народъ: въ гостиной сидѣли, говорили, курили старички, на площадкѣ передъ террасой слышались крики молодежи, смѣхъ. И въ проходныхъ комнатахъ постоянно встрѣчались барышни, убѣжавшія поправить прическу, молодые люди, зашедшіе покурить.

И когда Ольга шла, ее остановили человѣка четыре. Одинъ поздравилъ ее съ дорогимъ именинникомъ, другой удивился, что ея совсѣмъ не видно, третій затѣялъ какой-то разговоръ. Ольга стояла, слушала, даже улыбалась, но ничего не слышала, ничего не понимала изъ того, что ей говорили. Отдѣлавшись отъ собесѣдника, она прошла коридоръ и, не постучавъ въ дверь, вошла въ комнату писателя.

Алексѣй Александровичъ сидѣлъ у стола за корректурой и оглянулся на Ольгу, какъ ей показалось, съ неловкой, дѣланной радостной улыбкой. Какъ будто въ послѣднее время онъ не могъ встрѣчать ее безъ этой улыбки. Ольга, не отвѣчая на нее, закрыла дверь и сѣла. На столѣ лежала тетрадка съ надписью: „Легенды“.

— Я больше не могу,—сказала Ольга, глядя не на Алексѣя Александровича, а на конецъ шарфа, который она то растягивала, то собирала.

Она какъ будто избѣгала встрѣчаться съ его взглядомъ.

Лицо писателя стало тревожно, глаза испуганно-робко, какъ у ребенка, смотрѣли на молодую женщину.

— Это казнь праведника, гдѣ я исполняю роль палача,—сказала Ольга въ волненіи.

— Да, она бѣдная очень мучится,—сказалъ онъ, наконецъ, въ затрудненіи потирая наморщенный лобъ и, видимо, страдая.

Ольга хотѣла было что-то сказать, но при этихъ словахъ вдругъ замолчала, закусивъ губы. Она совсѣмъ не того ожидала, что онъ сказалъ. Она разсказывала ему, чтобы показать, какъ *ей* трудно и невозможно дальше нести этотъ крестъ, а не затѣмъ, чтобы онъ совѣстливо пожалѣлъ ту, которая стояла у нихъ на дорогѣ.

Ей вдругъ стало такъ горько, что она едва не заплакала.

— Вы прежде иначе реагировали на это,—сказала Ольга.

— Какъ иначе?—переспросилъ Алексѣй Александровичъ, мучась необходимостью лжи и невозможностью сказать ей правду.

— Такъ.

— Ольга!—сказалъ Алексѣй Александровичъ.—Какъ тебѣ не грѣхъ говорить!

— Вотъ и говоришь иначе, чѣмъ прежде. И ко *всему* ты относишься, кажется, нѣсколько иначе, чѣмъ прежде,—сказала Ольга, поблѣднѣвъ, такъ какъ сама не ожидала, что она это скажетъ.

— Какъ тебѣ не грѣхъ...—сказалъ писатель и смутился, вспомнивъ, что говоритъ эту фразу второй разъ подъ-рядъ.

— Я же съ самаго начала говорилъ, что нужно сказать. Вѣдь я же говорилъ!

Ольга молча смотрѣла на него.

„Онъ, вѣроятно, ждетъ, чтобы я разрубила этотъ узелъ“, подумала она вдругъ.

И отъ неожиданности той страшной мысли, которая пришла ей, вся кровь бросилась ей въ голову и на секунду потемнѣло въ глазахъ.

И эта мысль вдругъ показалась ей тѣмъ блаженнымъ, легкимъ разрѣшеніемъ вопроса, къ которому она по какому-то недоразумѣнію не приходила раньше.

Это разрѣшеніе—ея смерть.

Но ей вдругъ стало страшно при мысли о смерти. И она, пересиливъ себя, опять заговорила. Она рѣшила не замалчивать сегодня его предложеній, если онъ сдѣлаетъ ихъ.

Ее только немного удивляло, что онъ съ нѣкоторыхъ поръ какъ-то потерянъ и вчера вечеромъ не дѣлалъ даже никакихъ

словесныхъ (какъ она иронически отмѣтила себѣ) попытокъ и разрѣшеній вопроса.

И она про себя рѣшила, что если сегодня онъ не скажетъ твердо, то она разрѣшитъ сама.

— Я уже совершенно не могу съ ней говорить и оставаться вдвоемъ,—сказала Ольга,—и я не знаю, чѣмъ все это кончится,— торопливо и взволнованно добавила она.

— Ну, Ольга, у тебя какая-то излишняя прямота...

— Не прямота, а я же не могу!—почти крикнула Ольга.

— Ольга...—нерѣшительно сказалъ онъ, виновато взявъ ее за руку,—вѣдь я съ самаго начала говорилъ тебѣ, что тогда же нужно было оставить ее... Для насъ дороже всего быть вмѣстѣ...

При первыхъ словахъ молодая женщина опустила голову и, не отнимая руки, ждала.

Но потомъ твердо подняла глаза на Алексѣя Александровича.

— Какъ же это сдѣлать?—сказала Ольга.

Она твердо и отчужденно смотрѣла ему въ глаза.

— Сегодня или завтра скажемъ ей все, а потомъ... Тамъ устроится,—сказалъ писатель.

Ольга взяла отъ него свою руку, вздохнувъ, и, отвернувшись, стала смотрѣть въ окно.

— Ты мучишь себя какою-то излишней прямолинейностью,— сказалъ Алексѣй Александровичъ, переставъ говорить, о чемъ было началъ говорить.

Ольга сидѣла, устремивъ взглядъ въ окно, совершенно неподвижно, какъ будто на нее нашелъ столбнякъ.

— Нужно же проще относиться къ дѣйствительности. Нужно быть свободными, не спутывать себя пережитками, не мучить призраками. Не нужно соединять любовь съ прописями „христіанской морали“.

Ольга сидѣла въ томъ же положеніи и въ томъ же состояніи окаменѣлости.

— Оттого, что ты себя считаешь преступницей, ты не можешь и просто относиться къ нимъ,—сказалъ Алексѣй Александровичъ, уныло разсматривая свои руки,—ты вотъ и съ *нимъ* очень рѣзка, страшно рѣзка. Ты убиваешь этого, очевидно, ничего не подозрѣвающаго, безобиднаго человѣка, почти не говоришь съ нимъ, отдѣльно... спишь. Зачѣмъ такъ?...

Яркая краска стыда мгновенно залила щеки Ольги, и она, ни слова не сказавъ, поспѣшно, почти съ отвращеніемъ отдернула свою руку, за которую писатель хотѣлъ схватить ее, и выбѣжала изъ комнаты.

Алексѣй Александровичъ вдругъ поблѣднѣлъ, почувствовалъ, что произошло что-то позорное, непоправимое.

— Ольга, Ольга!—крикнулъ онъ въ отчаяніи, повернувшись въ креслѣ.

Ольга не отозвалась. Онъ вскочилъ, схватился за голову, потомъ было бросился къ двери и, какъ бы чувствуя безполезность всего этого, остановился и стоялъ нѣсколько времени посрединѣ комнаты съ запачканнымъ чернилами лбомъ и расширенными глазами, повторяя:

— Что же я надѣлалъ, что я надѣлалъ!... Вѣдь я же не то хотѣлъ сказать!... Она не поняла, не поняла!...—говорилъ онъ, точно призывая кого-то въ свидѣтели.

Писатель вдругъ понялъ, какъ безповоротно потерялъ то, что всего минуту назадъ считалъ своимъ и доступнымъ и цѣну чего онъ только теперь почувствовалъ. Онъ поспѣшно выбѣжалъ за Ольгой, какъ бы желая что-то объяснить ей, оправдаться.

XXVIII.

Алексѣй Александровичъ нашелъ ее въ угловой, она стояла въ какомъ-то столбнякѣ у окна. Но при видѣ его сейчасъ же вышла изъ пустой угловой въ столовую, гдѣ пили чай.

Ей какъ будто стала страшна самая мысль о его близости къ ней. И, одинъ разъ взявшись за то мѣсто спинки стула, за которую онъ передъ этимъ держался, Ольга съ испугомъ отдернула руку отъ нагрѣтаго его рукой мѣста.

Онъ зналъ, что въ женщинахъ есть способность послѣ одного невѣрнаго шага мужчины вдругъ получить къ нему такое отвращеніе, на какое неспособенъ ни одинъ мужчина. И эта мысль для *него*, всего одинъ день тому назадъ безгранично любимаго ею, была такъ ужасна, такъ чѣмъ-то позорна, что невозможность объяснить ей, растолковать что-то приводила его въ отчаяніе.

— Я тебѣ налью чаю,—сказала Софья Александровна, обращаясь къ Ольгѣ, когда та подошла къ столу.

Софья Александровна смотрѣла тѣмъ взглядомъ на Ольгу, какимъ она смотрѣла прежде, когда она, навѣрное, сказала бы:

— Что съ тобой, дитя мое? О чемъ ты тоскуешь?

Ольга, вздрогнувъ и странно взглянувъ на своего друга, сказала, что она не хочетъ, и отошла.

„Что съ ней?—подумала она.—Что она такъ расцвѣла, она сіяетъ. Что же случилось?“

— Теперь все равно, что бы ни случилось,—сказала она и,

вздохнувъ, прошла въ коридоръ, оттуда въ свою прежнюю, общую съ Дмитріемъ Ивановичемъ спальню, постояла тамъ, какъ-то странно оглядывая все, потомъ пошла дальше, гдѣ была комната Софьи Александровны съ большой постелью.

Ольга вошла сюда, взглянула на бѣлую постель и, содрогнувшись плечами при какомъ-то воспоминаніи, сейчасъ же вышла. Она, какъ сомнамбула, прошла въ *его* комнату, гдѣ на рабочемъ столѣ лежала его развернутая съ недописанной страницей тетрадь. Остановилась и оглядывала все, какъ оглядываетъ еще дымящееся пожарище хозяинъ сгорѣвшаго дома, гдѣ погибло все, что онъ имѣлъ.

— Разрѣшится, все разрѣшится... скоро,—сказала Ольга вслухъ.

Въ коридорѣ послышались шаги.

Она узнала его поспѣшные шаги. Онъ, очевидно, слѣдилъ за нею и теперь, увидѣвъ ее у себя въ комнатѣ, бѣжалъ сюда.

На Ольгу нашелъ какой-то ужасъ при мысли, что онъ ее захватитъ здѣсь. Она безпомощно оглянулась, потомъ, подобравъ передъ платья и на цыпочкахъ, какъ бѣгаютъ, когда играютъ въ жмурки, перебѣжала комнату до другой двери въ коридоръ въ тотъ моментъ, когда онъ былъ уже на порогѣ.

— Ольга!—крикнулъ Алексѣй Александровичъ въ отчаяніи, видя, что она убѣгаетъ.—Ради Бога, я только выясню! Я не трону тебя.

Онъ видѣлъ, что она не остановится; въ ея глазахъ былъ одинъ только страхъ передъ тѣмъ, что онъ можетъ подойти и прикоснуться къ ней. И это его ужаснуло.

Онъ въ отчаяніи хотѣлъ было удержать ее, что-то растолковать ей, но она выскользнула въ коридоръ, оттуда пробѣжала до дѣтской и маленькаго коридора въ кухню.

Онъ запутался въ незнакомой части дома.

Она слышала его голосъ за собою, ей казалось, что онъ настигаетъ ее. Она пробѣжала коридорчикъ, оклеенный картинками изъ басенъ, выбѣжала на заднее крыльцо, на которомъ висѣлъ Аннушкинъ чугунный умывальникъ на веревочкѣ, и сбѣжала по деревяннымъ ступенькамъ въ садъ.

Алексѣй Александровичъ выбѣжалъ на крыльцо. Ольги уже не было, и онъ не зналъ, куда она дѣлась.

У него вдругъ похолодѣли руки при мысли о томъ, *куда* она побѣжала. Онъ хотѣлъ было обѣжать домъ, чтобы скорѣе ея поспѣть къ пруду, но навстрѣчу ему попалась кухарка съ подоткнутой юбкой, выносившая ведро съ помоями. И онъ невольно задержалъ шагъ, чувствуя стыдъ бѣжать бѣгомъ на глазахъ у бабы.

Когда онъ обѣжалъ домъ, Ольги нигдѣ не было.

При ужасной мысли, что онъ *опоздаетъ*, писатель бросился цѣликомъ по травѣ. На полдорогѣ онъ вдругъ вспомнилъ, что пруда было два. Остановился, потомъ, задыхаясь, съ встающими на вѣтру волосами, побѣжалъ въ прежнемъ направленіи.

Онъ зналъ, что ему нужно было успѣть пересѣчь дорогу, прибѣжать раньше, чѣмъ она, къ пруду. Одинъ разъ онъ, не замѣтивъ ямки, заросшей травой, споткнулся и упалъ, больно ссадивъ кожу на колѣнкѣ, потомъ опять побѣжалъ.

Ольга, выйдя за канаву сада, сошла съ крутого берега и взошла на мостикъ подъ осиной.

Нѣсколько времени она стояла на краю доски, блѣдная, съ разбившейся прической и прислушивалась, потомъ посмотрѣла на воду у себя подъ ногами.

„Неужели я хочу это сдѣлать? Неужели до этого дошла?“— подумала Ольга. И ея страданіе показалось ей не такъ напряженно, какъ должно бы быть. Ей даже хотѣлось нарочно усилить его въ себѣ зачѣмъ-то. Она думала объ этомъ, глядя передъ собой куда-то вдаль тѣмъ же отсутствующимъ взглядомъ и не поправляя растрепавшихся волосъ.

— Вотъ дорога, по которой мы ѣздили за грибами,—сказала она, увидѣвъ на той сторонѣ размытую глинистую дорогу въ гору.—Вотъ это я, вотъ мой палецъ, и мнѣ больно. Захочу и пойду сейчасъ и завтра по той дорогѣ.—И это сознаніе возможности пойти по дорогѣ, на которую прежде не обращалось вниманія, эта возможность показалась ей такимъ неизъяснимымъ великимъ счастьемъ, больше котораго она ничего не испытывала.

Но вмѣсто этого она, какъ будто неожиданно для себя, какъ будто она не хотѣла этого, качнулась впередъ.

И уже падая, она услышала позади себя испуганный крикъ. Она съ тоской и отвращеніемъ узнала голосъ.

Прудъ, высохшій за лѣто, былъ неглубокъ въ этомъ мѣстѣ. Утонуть было нельзя. Нога ея достала дно. И все равно онъ бросился бы за ней, вытащилъ бы ее и прикасался бы своими руками къ ней. Она содрогнулась отъ этой мысли.

Смертельная тоска и отвращеніе охватили ее. Измученная и несчастная, она дошла до берега и выбралась на плотину.

Платье ея было мокро, чулки и ботинки полны грязи, и руки, на которыя она опиралась, когда вылѣзала на берегъ, были въ глинѣ. Это особенно дѣлало унизительнымъ и жалкимъ ея положеніе.

Алексѣй Александровичъ, подбѣжавъ, бросился было къ ней.

— Ольга, одно слово... умоляю!... Что ты сдѣлала?

— Оставьте меня... уйдите совсѣмъ! Я оступилась... я упала въ воду.

И она пошла къ дому. Мокрые волосы плотно прилипли къ вискамъ, воспаленные глаза смотрѣли прямо передъ собой.

Писатель, не смѣя приблизиться, шелъ сзади.

XXIX.

Въ саду на дорожкѣ показалась Софья Александровна, искавшая Ольгу.

— Боже мой! Что съ тобой?—Она бѣгомъ подбѣжала къ Ольгѣ.

— Я... взошла на мостикъ... я оступилась,—сказала Ольга, силясь улыбнуться.

Софья Александровна взглянула на мужа; онъ шелъ точно загипнотизированный.

— Господи! Да иди же скорѣе переодѣться!

— Да, да. Я пойду, я пойду,—говорила Ольга.

— Ты очень испугалась?

— Да... я испугалась...—говорила машинально Ольга, проводя по лбу рукой.

Софья Александровна повела ее въ спальню. Ольга послушно, какъ ребенокъ, шла и все проводила рукой по лбу. Потомъ глаза ея стали безпокойно оглядывать стѣны, потолокъ, она точно не узнавала мѣста.

— Куда мы идемъ?—сказала она жалобно.

— Ольга, Ольга, дитя мое, что съ тобой?—говорила Софья Александровна, нѣжно обнявъ ее и вводя въ свою спальню.—Сейчасъ ляжешь и успокоишься.

Ольга послушно вошла; но вдругъ глаза ея остановились на бѣлой постели Софьи, судорога ужаса и отвращенія пробѣжала по ея лицу.

— Не хочу, не хочу!—закричала она въ ужасѣ.

— Ну, пойдемъ сюда, сюда,—говорила Софья Александровна и шепнула перепуганной Аннушкѣ, чтобы принесла воды и ея аптечку съ лѣкарствами.

— Спаси меня, спаси,—говорила шопотомъ Ольга въ ужасѣ, прижимаясь къ Софьѣ Александровнѣ. Та привела ее въ комнату рядомъ со своей спальней, гдѣ стояли на столѣ два букета изъ астръ, и, ставъ на колѣни, начала поспѣшно раздѣвать ее.

Алексѣй Александровичъ, въ томъ же состояніи какого-то столбняка слѣдовавшій за ними, хотѣлъ было войти въ комнату.

— Не пускайте!...—крикнула Ольга въ ужасѣ.—Что же никто не держитъ двери? Господи! Какой ужасъ, какой ужасъ... Никто не держитъ...

Ее раздѣли, уложили на диванъ. Софья Александровна положила ей пузырь со льдомъ на голову и укрыла ноги пледомъ.

Ольга, лежа съ закрытыми мокрымъ полотенцемъ глазами, все говорила и говорила, и только иногда слова ея прерывались сухими рыданіями.

Писатель опять вошелъ. Онъ былъ блѣденъ и, не отрываясь, смотрѣлъ издали на лежащую молодую женщину, точно прикованный.

Ольга затихла и нѣсколько времени лежала не шевелясь. Можно было подумать, что она уснула. Изъ залы неясно доносился шумъ и голоса молодежи. На столикѣ у дивана поставили зажженную свѣчу, такъ какъ стало темнѣть.

— Спитъ,—шопотомъ сказала Софья Александровна, сидѣвшая у изголовья.

Вдругъ Ольга сдѣлала движеніе рукой.

— Нѣтъ, нѣтъ,—быстро проговорила она.—Не могу, не могу... Она поняла... Она *все* поняла!...

— Бредитъ,—тихо сказала Софья Александровна мужу и положила свою руку на закрытый полотенцемъ лобъ Ольги.

— Какъ же это случилось?—сказала Ольга, лежа неподвижно, и только лицо ея выражало напряженіе припоминанія.—Сѣнокосъ, астры... да, да.

Писатель, еще болѣе поблѣднѣвшій, стоялъ вдали у окна, какъ приговоренный къ казни. Каждую минуту у Ольги могло сорваться какое-нибудь слово, которое выдастъ все.

Въ дверь просунулось испуганное лицо Тани.

— Что такое, мамочка?

— Тише, дѣтка. Ничего. Тетя Оля нечаянно упала въ прудъ и очень испугалась, у нея обморокъ.

— А какъ же Таня?—сказала вдругъ Ольга.

Танечка думала, что Ольга видитъ ее, и хотѣла подойти. Но Софья Александровна остановила ее рукой.

— Бредъ...—тихо сказала она.

Всѣ, подавленные, молча смотрѣли и старались понять, что говоритъ Ольга.

— Умереть, умереть. Отчего вы меня не пускаете, зачѣмъ держите за голову. Зачѣмъ вы ее давите?—говорила Ольга уже тихо и жалобно.—Не могу... Нѣтъ, нѣтъ, этого не могу!—быстро

проговорила она.—Гроза какая... Тише, тише... Милый... Я боюсь...—заговорила вдругъ жалобно и безпомощно Ольга.—Спаси меня...

Пришедшій Дмитрій Ивановичъ, не зная, какъ ему держать себя, подошелъ и взялъ руку Ольги.

— Успокойся, мой другъ, я съ тобой,—сказалъ онъ.

Ольга при звукѣ его голоса вздрогнула, сбросила полотенце, нѣсколько времени испуганными глазами смотрѣла на мужа и быстро съ испугомъ выдернула у него свою руку.

Потомъ поднялась, сѣла на диванъ и, проводя рукой по мокрому лбу, оглядывала съ безумной тревогой всѣ лица. По нимъ она точно старалась узнать, не сказала ли она чего-нибудь.

— Успокойся, дитя мое, все хорошо,—сказала Софья Александровна, какъ будто понявъ ее.

Она уложила молодую женщину на диванъ, укрыла ее.

Писатель издали смотрѣлъ на бѣлые кружевные рукавчики на рукѣ Ольги, на разбившіяся кольца густыхъ, такъ знакомыхъ ему волосъ. Эти волосы недавно были такъ близки, такъ возможно было наслажденіе отъ одного сознанія этой близости, а теперь они были такъ страшно недоступны.

Вся душа его напрягалась напраснымъ желаніемъ почувствовать эту непонятную, вѣчно недоступную для него силу, которая жила въ душѣ этой женщины, которая заставила ее такъ страдать. И ему, какъ какого-то неизъяснимаго блаженства, хотѣлось и страданія этого и слезъ до изступленія.

— Если бы любить! Если бы имѣть то, что есть у нея въ душѣ! Упасть бы на колѣни передъ ней и, сгорая отъ сладости страданія, въ изступленіи цѣловать ея ноги. Съ восторгомъ сказать при всѣхъ: вотъ оно! *Я люблю!* Я отдаю жизнь, отрекаюсь отъ своей мысли, отъ своего міра, отъ творчества—будь оно проклято! Все отдаю за эту минуту. За одну только минуту!

Но этой минуты не было. Упасть было не съ чѣмъ.

XXX.

На утро Софья Александровна зашла въ комнату мужа и съ удивленіемъ увидѣла, что онъ съ какою-то странной торопливостью укладываетъ въ чемоданъ мелкія вещи.

— Куда ты?—спросила она.

Писатель, вздрогнувъ, оглянулся. Въ его глазахъ было что-то дѣтски испуганное, остановившееся.

— Надо ѣхать, ѣхать,—сказалъ онъ,—я не могу. Я уже просрочилъ, тамъ издатель пишетъ уже давно, чтобы я пріѣхалъ для переговоровъ.

— Что же, завтра ѣхать?—сказала Софья Александровна.

— Ѣхать? Да, да, завтра.

Софья Александровна нѣсколько времени молча смотрѣла на него; потомъ пошла въ комнату къ Ольгѣ. Но увидѣла ее сидѣвшей въ какомъ-то оцѣпенѣніи въ гостиной на диванѣ, глаза ея неподвижно смотрѣли въ одну точку.

— Ты встала? Тебѣ лучше?

— Да, лучше,—сказала Ольга, безучастно посмотрѣвъ на Софью Александровну.

— Алексѣю надо ѣхать,—сказала Софья,—издатель проситъ пріѣхать для переговоровъ.

— Для переговоровъ?—спросила Ольга, какъ будто не стараясь понять смысла фразы.—Болитъ голова. Я приняла по ошибкѣ 20 гранъ фенацетина—это не опасно?...

— Нехорошо, но ничего, я думаю.

— А сколько же опасно?—спросила Ольга, глядя куда-то вдаль. Софья Александровна сѣла рядомъ и обняла молодую женщину.

— Дитя мое, Ольга, черезъ великія испытанія и печали проходитъ жизнь. Все надо принять, все снести, и жизнь дастъ тогда оправданіе и успокоеніе.

Глаза Ольги вдругъ при первыхъ же словахъ Софьи Александровны наполнились слезами, она соскользнула съ дивана на полъ къ ногамъ друга и прижалась къ ея худымъ колѣнкамъ.

Софья Александровна гладила голову плачущей женщины и тихо говорила:

— Мой нѣжный другъ, дитя мое! Не въ смерти примиреніе. Примемъ великую печаль, какая бы она ни была. Принесемъ себя цѣликомъ въ жертву ей. И страданіе наше смоетъ все тяжелое, страшное. Я люблю тебя, люблю, мой нѣжный, чистый другъ.

Ольга забилась и затрясла головой при послѣднихъ словахъ.

— Люблю еще больше, чѣмъ прежде,—говорила Софья Александровна, разбирая и гладя густые волосы Ольги и цѣлуя ихъ.

Дверь пріотворилась, и вошелъ писатель, но, увидѣвъ Ольгу у ногъ Софьи Александровны, онъ испуганно взглянулъ на жену, не сказавъ ни слова, скрылся и почему-то на цыпочкахъ пошелъ въ свою комнату. Нѣсколько времени стоялъ, точно прислушиваясь къ чему-то. Потомъ сталъ срывать елки и механически выбрасывать за окно.

День отъѣзда былъ совсѣмъ осенній, печальный и тихій, съ ровнымъ пасмурнымъ небомъ, съ невысохшей росой въ цвѣтникѣ.

Къ подъѣзду подали тройку.

Уѣзжали писатель съ Таней. Софья Александровна оставалась еще на двѣ недѣли.

Писатель самъ торопливо, нервно собиралъ въ своей разоренной комнатѣ свои вещи.

Вышли садиться.

Софья Александровна, обнявъ Ольгу, стояла съ ней на террасѣ.

Ольга, блѣдная, похудѣвшая, какъ послѣ болѣзни, и отъ этого точно другая, перерожденная, хрупкая, смотрѣла на Таню.

Писатель подошелъ было проститься, но она его не замѣтила.

И онъ почему-то опять на цыпочкахъ подошелъ къ экипажу и сѣлъ одинъ, старчески сгорбившись.

— Пишите мнѣ каждые пять дней, тетя Оля,—сказала Таня, усаживаясь въ коляску въ широкой осенней шляпѣ. Она въ послѣдній разъ оглянула широкую каменную террасу, печальные къ осени цвѣты въ цвѣтникѣ и унылыя дорожки. Лошади тронули. Экипажъ быстро покатился.

П. Романовъ.

СТАРЫЕ БОГИ.

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ **Левона Шанта**.

Съ армянскаго.

Когда, въ 1913 году, на тифлисской сценѣ впервые поставлена была драма Шанта [1]) „Старые боги“, написанная за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, но остававшаяся неизвѣстною публикѣ, репертуаръ армянскаго театра обогатился, дѣйствительно, яркою, интересною пьесою. Совершенно исключительный успѣхъ, выпавшій ей на долю, выразился не только въ восторженныхъ оваціяхъ зрительнаго зала, въ повторныхъ представленіяхъ, въ постановкѣ пьесы на другихъ сценахъ, въ хвалебныхъ отзывахъ, появившихся на столбцахъ различныхъ органовъ печати. Драма Шанта вызвала къ жизни цѣлую литературу критическихъ статей и брошюръ, посвященныхъ какъ самой пьесѣ, такъ и ея автору, выяснявшихъ художественныя достоинства, идейную сторону и символизмъ „Старыхъ боговъ“. Въ томъ же Тифлисѣ, затѣмъ— въ Баку, Эривани, Карсѣ, Александрополѣ, Эчміадзинѣ прочитаны были публичныя лекціи о пьесѣ Шанта, а также организованы были диспуты и литературныя собесѣдованія, въ которыхъ приняли участіе литераторы, публицисты, доктора, духовныя лица, адвокаты и т. д. Авторъ „Старыхъ боговъ“, начавшій свою литературную дѣятельность за 20 лѣтъ передъ тѣмъ, сразу сталъ знаменитостью; на его раннія вещи, относящіяся еще къ 90-мъ годамъ минувшаго вѣка, сталъ замѣчаться усиленный спросъ,—и черезъ нѣсколько времени нѣкоторыхъ изъ нихъ уже нельзя было найти въ книжныхъ магазинахъ, тогда какъ раньше онѣ не были достаточно оцѣнены читающею публикою. Наконецъ, тогда же въ печать проникли слухи о предстоящемъ переводѣ драмы на русскій языкъ и объ ея постановкѣ на русской сценѣ.

Чѣмъ же объясняется небывалый успѣхъ, выпавшій на долю „Старыхъ боговъ“? Несомнѣнно, въ значительной степени—яркимъ даро-

---

[1]) Псевдонимъ Л. Сегбосьяна (Шантъ = „громъ“, „молнія“).

ваніемъ, какое обнаружилъ въ этой пьесѣ авторъ, но, во всякомъ случаѣ,—не только этимъ! Тайна успѣха до извѣстной степени крылась и въ томъ, что раньше не было въ армянской драматической литературѣ произведеній, написанныхъ въ такомъ жанрѣ. Драма является вообще однимъ изъ менѣе обширныхъ и богатыхъ выдающимися именами отдѣловъ новой армянской словесности. Отдѣлы лирической поэзіи, романа и повѣсти представлены гораздо бо́льшимъ количествомъ писателей и произведеній и отличаются, сравнительно, большею самобытностью. О характерѣ творчества армянскихъ поэтовъ могутъ теперь судить и русскіе читатели, болѣе или менѣе слѣдящіе за переводною словесностью. Около 150 стихотвореній переведено съ армянскаго на русскій; существуетъ даже нѣсколько антологій, какъ болѣе общаго характера, такъ и посвященныхъ отдѣльнымъ поэтамъ. Имена Патканьяна, Шахъ-Азиза, Исаакьяна, Ованнисьяна и нѣкоторыхъ другихъ, популярныя въ армянскомъ мірѣ, уже не являются въ наши дни пустымъ звукомъ и для нѣкоторыхъ категорій русскихъ читателей, знакомыхъ съ переводами Бальмонта, Бунина, Чюминой, Бѣлоусова, Галиной, Ап. Коринфскаго, Гриневской, Головачевскаго, Уманца и другихъ. [1]) Совершенно такъ же оцѣнены были по достоинству и нѣкоторыя вещи армянскихъ *прозаиковъ*, — романистовъ или авторовъ мелкихъ разсказовъ и повѣстей. Болѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ переведены были порусски первые образцы ихъ творчества, знакомившіе съ своеобразными бытовыми условіями, очень часто отражавшіе трагическую участь турецкихъ армянъ, которые принуждены были выносить ужасы турецкаго режима, трепетать за свою національность, религію, общечеловѣческія права, собственность, семейный очагъ. Потомъ дошла очередь и до творчества такихъ писателей, которые больше вниманія удѣлили психологіи героевъ и художественной сторонѣ, тогда какъ раньше на первомъ планѣ была тенденція. Отдѣльныя произведенія Раффи, Паназьяна, Агароньяна теперь включены даже въ составъ одной изъ серій популярныхъ, общедоступныхъ книжекъ; въ Москвѣ предпринято было изданіе главныхъ сочиненій талантливаго беллетриста Ширванзадэ въ русскомъ переводѣ. Такихъ примѣровъ можно было бы еще привести немало.

Драматическая литература развивалась у армянъ менѣе интенсивно и, въ общемъ, находилась всегда на второмъ планѣ. Но и то, что было, сравнительно, болѣе выдающагося въ этой литературѣ, не предвѣщало появленія драмы Шанта и примыкало къ совершенно другимъ теченіямъ. Вначалѣ, впрочемъ, даже совсѣмъ не было оригинальныхъ

---

[1]) О новой армянской поэзіи—см. нашу статью „Армянская поэзія XIX вѣка и ея происхожденіе“ (*Русская Мысль*, 1901 г., кн. XII).

пьесъ, вслѣдствіе чего ставились драмы и комедіи западно-европейскихъ, отчасти русскихъ авторовъ, въ армянскомъ переводѣ. На-ряду съ корифеями общеевропейской драматической литературы, вродѣ Шекспира, Мольера, Шиллера и др., вниманіе переводчиковъ привлекли съ теченіемъ времени и другіе драматурги, вплоть до самоновѣйшихъ; можно назвать для примѣра Скриба, Франсуа Коппэ, Сарду, Онэ, Дюма сына, Ростана, Зудермана, Бьёрнсона, Ибсена, Роветта и др. Въ переводныхъ пьесахъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ шекспировскихъ трагедіяхъ („Гамлетъ", „Отелло", „Король Лиръ"), выступалъ и величайшій армянскій артистъ Адамьянъ (ум. въ 1891 году), о которомъ сохранилась свѣтлая память не только въ армянскихъ, но и въ русскихъ артистическихъ кругахъ. [1]) Уроженецъ Турціи, учившійся драматическому искусству, между прочимъ, въ Парижѣ, прекрасно знакомый съ европейскимъ театромъ, онъ много игралъ въ Закавказьѣ и коренной Россіи, выступалъ въ Москвѣ и Петроградѣ, преимущественно—въ роляхъ классическаго репертуара, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ (Кинъ, Уріэль Акоста, Коррадо). Но, если талантливый артистъ долженъ былъ останавливать свой выборъ на пьесахъ иностранныхъ авторовъ, это не значитъ, чтобы совсѣмъ не было и тогда оригинальныхъ армянскихъ драмъ и комедій. Довольно рано, сравнительно, стали появляться, особенно у турецкихъ армянъ, трагедіи изъ національной исторіи,—довольно слабыя, однако, въ художественномъ отношеніи, имѣвшія успѣхъ только благодаря своей патріотической окраскѣ. Бытовая комедія развилась всего больше у населяющихъ Россію армянъ, выставившихъ нѣсколько талантливыхъ драматурговъ-бытовиковъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ Габріэль Сундукьянцъ. Этотъ писатель, расцвѣтъ дѣятельности котораго относится къ 60—70-мъ годамъ минувшаго столѣтія, подъ вліяніемъ Мольера, Гоголя, Островскаго (послѣдній былъ лично знакомъ съ нимъ и мечталъ поставить переводъ его лучшей пьесы на русской сценѣ) написалъ рядъ комедій изъ тифлисской жизни, яркихъ, остроумныхъ, выдержанныхъ въ строго-реалистическихъ тонахъ, обличающихъ темныя стороны общества, преимущественно буржуазіи, иногда выражающихъ сочувствіе трудящемуся народу и интеллигенціи. Наконецъ, въ новѣйшее время армянскій репертуаръ обогатился нѣсколькими произведеніями, въ которыхъ преобладаетъ психологическій анализъ или затрогиваются, какъ во французскихъ pièces à thèse, тѣ или другіе общіе вопросы, связанные, напримѣръ, съ современнымъ бракомъ, положеніемъ женщины въ семьѣ, проблемами чувства и страсти, супружескою невѣрностью, разводомъ.

---

[1]) Объ Адамьянѣ—см. статью И. М. Сундукьянца въ сборникѣ „Призывъ" (въ пользу престарѣлыхъ артистовъ); воспоминанія Д. В. Гарина-Виндинга въ сборникѣ „Братская помощь армянамъ"; некрологъ А. въ журналѣ *Артистъ* (1891 г., декабрь).

На фонѣ всѣхъ подобныхъ пьесъ, къ которымъ нужно еще присоединить обработку или инсценировку нѣкоторыхъ повѣствовательныхъ произведеній, еще ярче и рельефнѣе выдѣляется пьеса Шанта. Не то, чтобы у отдѣльныхъ армянскихъ драматурговъ, хотя бы очень немногочисленныхъ, не было таланта и знанія сцены (комедіи Сундукьянца въ своемъ родѣ являются подчасъ маленькими шедеврами, къ сожалѣнію, съ трудомъ поддающимися переводу), но не существовало до сихъ поръ армянской оригинальной пьесы, которая по общему колориту и замыслу автора подходила бы къ „Старымъ богамъ". Можно сказать больше: самъ авторъ, какъ драматургъ, не сразу нашелъ тотъ жанръ, который долженъ былъ доставить ему славу. До своей боевой пьесы онъ выступилъ еще съ двумя произведеніями, написанными для сцены, но обѣ эти вещи („Эготистъ" и „На пути"), возсоздающія жизнь армянскихъ революціонеровъ, затрогивающія внутренній бытъ политическихъ кружковъ, провокацію и т. п., относятся къ совершенно другой категоріи, чѣмъ „Старые боги". До извѣстной степени подготовила созданіе Шантомъ его лучшей пьесы, скорѣе предыдущая дѣятельность его какъ *беллетриста*, автора повѣстей и разсказовъ. Съ начала 90-хъ годовъ минувшаго вѣка и вплоть до нашихъ дней онъ создалъ рядъ беллетристическихъ произведеній, во многихъ отношеніяхъ любопытныхъ. Когда мы знакомимся съ такими его вещами, какъ „Дни грезъ", „Поворотъ", „Вержинъ", „Пришлые", мы прежде всего убѣждаемся въ справедливости взгляда, высказаннаго авторомъ одного изъ критическихъ этюдовъ о Шантѣ,—что послѣдній является всего болѣе пѣвцомъ и бытописателемъ армянской *интеллигенціи*. Въ самомъ дѣлѣ, какъ указываетъ этотъ критикъ (Габр. Теръ-Рубиньянъ), у Шанта совершенно отсутствуютъ представители нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ, но интеллигентская среда представлена докторами, учителями, художниками, учащимися, политическими и національными дѣятелями. Для русской публики, столь мало знакомой съ чаяніями, запросами и міросозерцаніемъ армянской интеллигенціи, повѣствовательныя произведенія автора „Старыхъ боговъ" представляютъ въ этомъ случаѣ особый интересъ: вѣдь еще такъ недавно у насъ склонны были отождествлять весь армянскій народъ съ буржуазіей и торговымъ классомъ. Но повѣсти Шанта замѣчательны не въ одномъ только бытовомъ отношеніи: въ нихъ первостепенное мѣсто занимаетъ также психологическій анализъ, въ частности—изображеніе любви и страсти. Съ первой же своей вещи—поэмы „Дѣва горъ", съ которою онъ дебютировалъ въ 1892 году на литературномъ поприщѣ,—Шантъ удѣлялъ особое вниманіе детальному, яркому и тонкому воспроизведенію малѣйшихъ оттѣнковъ молодого чувства, иногда жгучаго и страстнаго. Часть критики, правда, ставила ему въ вину это преобладаніе эротическихъ мотивовъ въ его творчествѣ; по

поводу двухъ-трехъ раннихъ его вещей авторъ обширнаго труда, посвященнаго литературѣ русскихъ армянъ, Лео (псевдонимъ), счелъ даже возможнымъ провозгласить его эротоманомъ. Но несомнѣнно, что, изображая міръ чувства и страсти, Шантъ во многихъ случаяхъ обнаруживалъ безусловное дарованіе и психологическое чутье, еще болѣе оттѣнявшееся его красивымъ, живымъ и образнымъ языкомъ. Если въ „Старыхъ богахъ" такимъ чарующимъ и привлекательнымъ вышелъ образъ юной Седа̀, и такъ захватываютъ читателя и зрителя дышащія страстью и упоеніемъ рѣчи считавшаго себя умершимъ для міра юнаго инока, то именно въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ Шантъ впервые обнаружилъ умѣніе изображать правдиво и жизненно ощущенія и порывы объятаго страстнымъ волненіемъ сердца. Въ одномъ изъ его разсказовъ, изображающихъ современную армянскую дѣйствительность, а не то, что было „тысячу лѣтъ назадъ"—какъ въ пьесѣ, уже выведенъ былъ молодой человѣкъ, стремившійся сдѣлаться монахомъ не только изъ религіозныхъ, но также и изъ національныхъ побужденій, чтобы стать ближе къ своему народу и принести ему больше пользы, и неожиданно поддающійся чарамъ любви, отказывающійся отъ своихъ плановъ, чувствующій вдругъ влеченіе ко всему „мірскому", земному, сулящему радость, наслажденіе, личное счастье.

Но, какъ бы удачны ни были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ прежнія вещи Шанта, въ какой бы связи ни находились иныя изъ нихъ съ его драмою, послѣдняя все же по своимъ художественнымъ достоинствамъ стоитъ совершенно особнякомъ въ его творчествѣ, какъ и въ армянской драматической литературѣ вообще. Есть въ ней, конечно, и нѣкоторые недостатки, есть длинноты, извѣстные дефекты въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ, неясности въ чередованіи реальнаго и фантастическаго элементовъ. Но достоинства пьесы заставляютъ забыть о подобныхъ недочетахъ. Въ драмѣ, конечно, мало національнаго элемента, она чисто внѣшнимъ образомъ пріурочена къ извѣстной эпохѣ, средѣ и обстановкѣ, ея фабула могла бы съ такимъ же успѣхомъ развиваться и не въ древней Арменіи,—хотя въ одной любопытной книжкѣ, появившейся въ 1913 году (Григ. Теръ-Погосьянца), выяснено было, что многія детали въ „Старыхъ богахъ"—исторія сооруженія храма, личность княгини, отдѣльныя черты характера игумена и молодого инока, судьба отшельника, съ его мрачнымъ разсказомъ о „ямѣ суеты",—все это заимствовано было изъ *подлинной*, отразившейся въ литературныхъ памятникахъ, армянской дѣйствительности IX вѣка!

Самое интересное и яркое въ пьесѣ—не эти историческіе отголоски, не общая канва сюжета, а причудливое соединеніе реализма и фантастики, глубина идейной стороны, сказывающійся даже въ мелкихъ деталяхъ символизмъ. Странно было бы отрицать, что, создавая свою драму,

Шантъ находился подъ вліяніемъ западно-европейскихъ драматурговъ, что въ исторіи игумена есть отголоски ибсеновскаго „Бранда“, что мысль—сопоставить два міра, язычество и христіанство, разсматриваемыя не только какъ двѣ религіи, но и какъ два различныхъ этическихъ кодекса—также могла быть внушена европейскими образцами. Но, при всемъ этомъ вліяніи, талантъ автора все же достаточно опредѣленно и своеобразно проявляется въ драмѣ, которую смѣло можно отнести къ категоріи боевыхъ и „составляющихъ эпоху“ въ исторіи данной литературы. Если въ „Старыхъ богахъ“ есть немало мѣстъ необыкновенно благодарныхъ для сценическаго исполненія, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, это—одна изъ тѣхъ пьесъ, которыя будятъ работу мысли и совѣсти, затрогиваютъ никогда не утрачивающія интереса нравственныя проблемы.

Юрій Веселовскій.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Игуменъ.
Инокъ.
Слѣпой.
Монахи: **Антонъ, Адамъ, Закарья, Лазарь, Давидъ, Мовсесъ, Симонъ, Старый, Молодой** и др.
Первый псаломщикъ.
Второй псаломщикъ.
Третій псаломщикъ.
Четвертый псаломщикъ.
Неизвѣстный въ бѣломъ.
Мастеръ.
Каменщикъ.
Дьяконъ.
Отшельникъ.
Князь.
Княгиня, его сестра.
Седа, его дочь.
Старуха Егиса.
Управитель.
Служанка.
Жрецъ.
Морскія пѣнки: 1-ая, 2-ая, 3-ая, 4-ая, 5-ая, 6-ая и др.
Вѣтерки: 1-ый, 2-ой, 3-ій, 4-ый и т. д.
Волны: 1-ая, 2-ая, 3-ья, 4-ая, 5-ая и т. д.
Жрецы, жрицы, дѣвушки, воины, оруженосцы и др.
Юноша, старикъ, пожилой воинъ, толстый воинъ.

Дѣйствіе происходитъ тысячу лѣтъ тому назадъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Высоты Севанскаго острова. Между скалъ видны развалины. Сумерки.

На одномъ изъ камней сидитъ **Игуменъ** и, опершись на руку, задумчиво смотритъ на землю. Изъ-подъ полуразвалившагося свода медленно выходитъ **Неизвѣстный** въ бѣломъ.

Игуменъ—мужчина высокаго роста, у него густые волосы съ просѣдью; сидитъ съ непокрытой головой. У **Неизвѣстнаго** въ бѣломъ длинные черные волосы (тоже ничѣмъ непокрытые) и черная пышная борода, заплетенная по-ассирійски.

Одно мгновеніе длится молчаніе.

Неизвѣстный въ бѣломъ (иронически).—Любуешься? Царствомъ своимъ любуешься?

Игуменъ (угрюмо).—Кто ты?

Неизвѣстный.—Любуйся, любуйся! Смотри на эти немногія ветхія кельи, вѣдь ты построилъ ихъ; на ту часовню, что ты наскоро воздвигъ, и, наконецъ, взгляни на свою новую церковь, куполъ которой день ото дня растетъ; вскорѣ на его вершинѣ ты своей рукой водрузишь крестъ.

Игуменъ.—Да, если Богу будетъ угодно.

Неизвѣстный.—Гляди и гордись! Вѣдь это все порожденіе твоей воли.

Игуменъ.—Кто ты?

Неизвѣстный. — Послушай, чернецъ, зачѣмъ собралъ ты этихъ людей въ черной одеждѣ и съ черной душой? Зачѣмъ пришелъ ты на этотъ древній островъ?

Игуменъ.—Кто ты?

Неизвѣстный.—Встань, встань! Прогони прочь снова въ жизнь эту несчастную мрачную толпу! Подите прочь, вы, желающіе изсушить чувства и погасить страсти! Прочь съ этого острова, вы—враги всякой красоты, всякой жизни и движенья, всякой силы и рожденья. Прочь, не оскверняйте священнаго рая моихъ боговъ!

Игуменъ.—Нѣтъ здѣсь рая. На этомъ островѣ я основалъ мой храмъ: отнынѣ все зовется здѣсь пустыней.

Неизвѣстный. — Пустыня?... На лонѣ этого смѣющагося моря, подъ взорами живительнаго солнца... Прочь! старый храмъ боговъ подъ стопами твоими, прочь! съ порога старыхъ боговъ я говорю съ тобой!

Игуменъ.—Съ развалинъ старыхъ боговъ!

Неизвѣстный.—Развалины—камни эти, которые сложили подобные тебѣ; рухнуло ими сложенное. Но самъ храмъ жизни нерушимъ, какъ и сама жизнь. Осыпаются камни, мѣняются имена, но боги все живутъ и будутъ жить.

Игуменъ.—Здѣсь умерли твои боги!

Неизвѣстный.—Здѣсь и всюду, куда ступаетъ нога человѣка, они пребываютъ вѣчно и безсмертно!

Игуменъ.—Здѣсь умерли твои боги! На ихъ развалинахъ я основалъ храмъ моего Бога. Взгляни, во тьмѣ еще видны очертанья уже заостреннаго купола. Лишь духъ царитъ тамъ, тамъ царитъ лишь Божіе дыханье...

Неизвѣстный.—Тамъ царитъ страданіе и смерть...

Игуменъ.—Страданіе возвышаетъ душу, скорбь ее очищаетъ. И самое глубокое въ жизни—смерть.

Неизвѣстный.—Страданье—язва жизни, а смерть—разрушеніе ея.

Игуменъ.—Твоими устами говоритъ младенческое человѣчество.

Неизвѣстный.—Твоими устами говоритъ больное человѣчество.

Игуменъ.—Довольно! Кто ты, дерзающій?... Удались, тебѣ и твоимъ богамъ нѣтъ больше мѣста на этомъ островѣ.

Неизвѣстный.—Этотъ островъ—такой же міръ, какъ и весь міръ. Поклонись, заблудшій, вѣчнымъ богамъ!

Игуменъ.—Удались!

Неизвѣстный.—Признай, заблудшій, и поклонись!

Игуменъ.—Удались!

Неизвѣстный.—Придетъ день, и ты признаешь. (Исчезаетъ.)

Игуменъ (осматривается, неспокойно). — Кто это былъ? Исчезъ. Видѣніе, сомнѣніе?... (Вдругъ рѣшительно.) Нѣтъ, никогда! Нѣтъ міру доступа на этотъ островъ. Не долженъ міръ проникать на этотъ островъ. Нѣтъ, не долженъ!

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Площадь передъ строящейся церковью.

Съ одной стороны входъ въ храмъ, не имѣющій двери. Вокругъ постройки лѣсъ. Кое-гдѣ разбросанъ строительный матеріалъ, полуотесанные камни, грохотъ (сѣть для просѣиванія песку), лопата и пр.

Въ глубинѣ деревья, между стволами которыхъ виднѣется море. Въ продолженіе всей картины дуетъ вѣтеръ, временами очень бурный. Издалека доносится шелестъ листьевъ и глухой гулъ моря.

I.

Подъ деревьями пробѣгаютъ нѣсколько каменщиковъ по направленію къ морю. Изъ глубины сцены быстро проходитъ звонарь съ длиннымъ шестомъ на плечѣ. Изъ церкви выходитъ отецъ **Адамъ**, суетясь и стараясь вытянуть канатъ, конецъ котораго находится внутри нея.

Отецъ Адамъ (благочестиво). — Помоги, Господи, помоги, Господи!

Одинъ изъ каменщиковъ (идетъ со стороны моря, вытирая руки; ноги и руки его голы).—Оставь, брось, святой отецъ, ужъ нѣтъ нужды! Выбрались, всѣ выбрались на берегъ!

Отецъ Адамъ. — Всѣ? Всѣ, говоришь ты? И упавшіе въ воду?

Каменщикъ.—Всѣ, хотя мы ужъ было потеряли надежду. Ну и бѣшеное море! Мы стояли растерянные, безпомощные. Вотъ-вотъ, казалось, ударитъ плотъ о береговыя скалы и раскрошитъ и плотъ, и всѣхъ сидящихъ на немъ. Они дешево отдѣлались, ей Богу.

Отецъ Адамъ.—Слава Тебѣ, Пресвятая Богородица! А кто свалился въ море, много ихъ?

Каменщикъ. — Всего лишь двое, нашъ инокъ да княжна.

Отецъ Адамъ. — Ухъ, такъ и она была съ княземъ? Ну, что-жъ жива, пришла въ себя?

Каменщикъ.—Да, вѣроятно. Отецъ со свитой понесли ее въ келью отца-игумена. Если-бъ ты видѣлъ, какъ поблѣднѣлъ князь.

Отецъ Адамъ. — Шутка ли, бѣдняга! Но кто велѣлъ имъ пускаться въ путь въ такую непогоду!

II.

Входятъ монахи: **Антонъ, Мовсесъ** и **Старый монахъ**.

Отецъ Мовсесъ.—Ну, а потомъ, потомъ?

Отецъ Антонъ.—Постой, постой, дай мнѣ хоть духъ перевести. „Потомъ, потомъ". Спрашивать нетрудно, потомъ было ужасно! Охъ, у меня руки совсѣмъ отнялись. (Садится на высокій камень.)

Во время слѣдующаго разсказа присутствующіе приближаются къ разсказчику. Приходитъ нѣсколько рабочихъ, **монахи Лазарь, Давидъ** и **Закарья** и присоединяются къ слушающимъ.

Отецъ Мовсесъ.—Говори, говори!

Старый монахъ.—Постой, малецъ, дай ему прійти въ себя!

Отецъ Антонъ (на нѣкоторое время закрываетъ лицо руками, затѣмъ, вдругъ, раскрывая, говоритъ).—Мы проплыли уже больше полпути. То поднимались вверхъ на самый хребетъ волнъ, то спускались въ бездну, на плоту всѣ приросли къ своимъ мѣстамъ, поблѣднѣли и замолкли. Я и инокъ гребли изо всѣхъ силъ. Я осторожно обернулся; вижу, приближаемся къ берегу, но что тамъ дѣлалось: волны приливали и ударялись о скалы, и казалось, пѣнистыя горы встаютъ передъ нами. Что грѣха таить, сердце мое замерло, думаю: кончено. Но въ отчаяніи я вновь налегъ на весла: „О, Іису-

се Христе, — проговорилъ, — держитесь крѣпче, не бойтесь". Не успѣлъ я этого сказать, вижу, исполинская волна, какъ бы вдали оторвавшись отъ суши, движется прямо на насъ. (Поднимаясь на ноги.) А дальше... какъ передать... знаю, что плотъ вдругъ сильно накренился, повисъ надъ зіяющей пропастью... вдругъ пронзительный крикъ, что-то сорвалось съ нашего плота... скользнуло въ эту бездну... „Дочь, моя дочь". Поднялся шумъ, смятеніе... едва я понялъ, въ чемъ дѣло, какъ сбоку вскочилъ инокъ, быстро сбросилъ съ себя подрясникъ, прыгнулъ въ воду. Плотъ сильно качнулся, я остался съ однимъ весломъ, хорошо, что сама волна гнала, но я зналъ, что она вернется. И если-бъ вы со скалъ не бросили бы во́-время каната, мы всѣ погибли-бъ. Запоздай вы на полмгновенія, на полмгновенія только, все было-бъ кончено!...

Старый монахъ.—Чудо Господне!

Отецъ Адамъ.—А княжна?

Отецъ Антонъ (гордо).—Нашъ инокъ ее спасъ.

Отецъ Адамъ.—Вплавь?

Отецъ Давидъ.—Да, вплавь: вынесъ на берегъ.

Отецъ Мовсесъ.—Неужели инокъ умѣлъ плавать?

Отецъ Давидъ.—Откуда? Кто объ этомъ слышалъ?

Отецъ Мовсесъ.—Это прямо чудо!

Старый монахъ.—Говорятъ вамъ, что это перстъ Божій!

Отецъ Адамъ.—Ну, ладно; зачѣмъ же, отецъ Антонъ, вы пустились въ путь въ такую непогоду?

Отецъ Антонъ.—Эхъ, развѣ я не говорилъ, не убѣждалъ? Сама святая мать-княгиня такъ просила, но никто и слушать не хотѣлъ. Князь приказалъ взойти на плотъ: „Если боитесь, то оставайтесь,—сказалъ онъ намъ,—мы сами будемъ грести!" Ужъ какъ тутъ было прекословить, думаю, — „все въ Божьей волѣ".

Отецъ Мовсесъ.—А дочь?

Отецъ Антонъ.—Вся въ отца.

Старый монахъ.—Ну нѣтъ, въ этомъ видна воля Богоматери! (Сильнѣе опираясь на свой посохъ, воодушевленно.) Взгляните, кто основатель этого храма въ честь Богоматери? Не наша ли святая мать княгиня? Кто сохраняетъ нашъ храмъ въ довольствіи и славѣ? Кто построилъ вотъ эти наши кельи? Кто приходилъ всегда на помощь намъ въ нашихъ нуждахъ,—намъ, молящимся рабамъ Богоматери?

Голоса.—Это правда, правда!

Отецъ Закарья.—Да даруетъ Господь многія лѣта нашей княгинѣ!

Старый монахъ.—Она, что покинула княжескую жизнь и роскошь, своихъ дѣтей и свои палаты и пришла къ стопамъ Богоматери, чтобы тамъ въ уединеніи Цамакаберда отдать послѣднюю половину своей жизни посту и молитвѣ.

Отецъ Давидъ.—Многія лѣта нашей княгинѣ!

Старый монахъ.—Такъ вотъ, ради нея-то и оказала намъ Богоматерь чудо: спасла ея брата и эту дѣвушку. Пусть видятъ всѣ невѣрующіе и убѣждаются, что наша Богоматерь не оставляетъ своихъ слугъ и молящихся. Да будутъ непрерывны наши молитвы, и да не оскудѣетъ благословеніе Ея надъ нами, надъ нашей благочестивой княгиней!

Слава имени нашей Богоматери, слава Ея единородному Сыну, во вѣки вѣковъ.

Толпа.—Аминь.

Голоса.—Князь, князь!

III.

Толпа выстраивается въ два ряда и смиренно ждетъ князя. Входятъ **Князь** и **Игуменъ**, за ними нѣсколько человѣкъ свиты и монахи.

Князь (идя прямо къ зданію).—Такъ вотъ, значитъ, церковь, которую сестра такъ любитъ и лелѣетъ. Стройный и красивый храмъ! (Къ свитѣ.) Сказалъ я, что сегодня долженъ увидѣть эту церковь, и вотъ, вопреки всѣмъ стихіямъ, стою я теперь здѣсь живъ и здоровъ.

Игуменъ.—То былъ смѣлый шагъ, князь!

Князь.—Въ міру у насъ не то, отецъ игуменъ, что у васъ въ пустынѣ. Міръ принадлежитъ смѣлымъ. Наконецъ, и то прими въ соображеніе: когда еще въ этихъ краяхъ мнѣ побывать придется,—столько у меня дѣла, занятій. Какъ же было мнѣ передъ отъѣздомъ хоть разъ не повидать церковь сестры, хоть разъ не приложиться къ святому алтарю?

Игуменъ.—На завтра бы отложилъ.

Князь.—На завтра? Но я уже сегодня вечеромъ уѣзжаю изъ Цамакаберда.

Игуменъ.—Какъ, ты намѣренъ вновь пуститься въ море?

Старый монахъ.—Бога не искушаютъ, князь!

Князь.—Боже упаси, впереди еще много времени, надѣюсь, море утихнетъ.

Игуменъ.—Если не бережешь себя, побереги дочь!

Князь.—Моя дочь храбра. Немного напугалась, немного на-

глоталась воды Севанской,—ничего, молодость, пройдетъ. Зато все, что видѣла сегодня и пережила, вотъ это не пройдетъ. Вѣдь я страшную бурю подарилъ ея юношескимъ воспоминаніямъ.

Старый монахъ.—Жизнью не играютъ, князь!

Князь.—И это говоришь ты, старикъ? Ты жилъ такъ долго, что позабылъ о томъ, что и сама жизнь—только игра.

Старый монахъ.—Жизнь—крестъ, сынъ мой, который мы должны нести на нашихъ плечахъ до тѣхъ поръ, пока Господь не призоветъ насъ. Богоматерь пощадила тебя на этотъ разъ, но не повторяй этого грѣха!

Князь.—И я благодаренъ Ей, святой отецъ: постараюсь въ долгу не остаться. И теперь, придя на поклоненіе въ Ея храмъ, я не хотѣлъ бы прійти съ пустыми руками. Я приношу въ даръ этому храму Богоматери дубовую дверь съ глубокой рѣзьбой, а также занавѣсъ для главнаго престола изъ бархата съ золотымъ шитьемъ.

Старый монахъ.—Будь благословенъ! Имя вашего рода не сотрется со стѣнъ этихъ!

Князь.—А также я повелѣлъ моему управителю, пока живетъ въ довольствіи мой домъ, посылать ежегодно съ моихъ полей десять мѣръ бѣлаго пшена въ вашу пустыню. Да будетъ даръ мой вамъ въ усладу, да будутъ ваши святыя молитвы во спасеніе моимъ родителямъ и дѣтямъ!

Голоса (смѣшанные).—Благослови Господь память вашихъ родителей. Да не оскудѣютъ ваши поля и сады. Да сохранитъ Господь дѣтей вашихъ. Да умножитъ Господь ваши владѣнія и достоянія!

Князь.—А теперь... (Игумну.) Гдѣ инокъ?

Игуменъ. Сейчасъ, князь, я уже послалъ за нимъ. Вотъ и онъ.

IV.

Входитъ инокъ въ сопровожденіи отца **Симона** и писца. Онъ мраченъ, лицо неподвижно, глаза устремлены въ землю, онъ какъ бы безволенъ.

Князь (любуясь).—Какъ ты красивъ, какъ молодъ.

Игуменъ.—Въ моей общинѣ онъ—младшій, князь!

Князь.—О, не будь на тебѣ этой черной рясы, я зналъ бы, какъ мнѣ поступить. Я далъ бы тебѣ моего коня, я далъ бы тебѣ мой мечъ, что тридцать лѣтъ служилъ мнѣ вѣрно, я взялъ бы тебя въ свои палаты какъ родного сына. Ты былъ бы прекрасенъ на моемъ ворономъ конѣ, а твоя рука скоро привыкла бы къ

моему мечу. Если же не довольно моего коня и меча, я далъ бы тебѣ и мою дочь...

Игуменъ.—Князь!...

Князь.—жизнь которой ты спасъ сегодня... она была бы уже твоей по праву. У насъ въ міру кто взялъ, тотъ и владѣетъ.

Игуменъ.—Князь!

Князь.—Знаю, знаю, что въ этой святой обители не подобаетъ говорить такихъ словъ, но что мнѣ дѣлать: я хотѣлъ бы что-либо дать, хотѣлъ бы хоть чѣмъ-нибудь отблагодарить этого самоотверженнаго, этого смѣльчака. Жаль, эта черная ряса связала мнѣ руки. (Подойдя къ иноку.) Сынъ мой, твой князь слишкомъ бѣденъ и слишкомъ безсиленъ передъ тобой, чтобы отплатить тебѣ: то, что могъ бы я сказать, здѣсь неумѣстно: то, что могъ бы я дать, тебѣ не нужно!

Игуменъ.—Намъ нужно долголѣтіе твое и твоей дочери!

Князь.—Итакъ, я остался въ долгу передъ тобой. Непріятное чувство! я не привыкъ оставаться въ долгу. Что бы то ни было, дай мнѣ руку, вотъ моя, она никогда не слабѣла передъ врагомъ и никогда не творила несправедливости, она достойна того, чтобъ ты пожалъ ее своей рукой, спасшей сегодня изъ волнъ мою дочь! (Жметъ руку инока.) Войдемъ въ церковь, отецъ игуменъ! (Князь, игуменъ, свита и многіе монахи входятъ въ церковь.)

Отецъ Симонъ (хватая инока за руку).—Пойдемъ, пойдемъ и мы, отдохни немножко. Ты все еще блѣденъ; я чувствую, какъ ты еще дрожишь всѣмъ тѣломъ. (Полуобнявъ инока, ведетъ его къ выходу.)

V.

Отецъ Лазарь (подходя къ Адаму, таинственно).—Сколько времени долженъ будетъ теперь инокъ нести покаяніе, чтобы передъ нимъ вновь раскрылся входъ въ храмъ!

Отецъ Адамъ.—Нести покаяніе, за что?

Отецъ Лазарь.—Вѣдь онъ коснулся женщины.

Отецъ Адамъ.—Но, но... подобный случай...

Отецъ Лазарь.—Это все равно, грѣхъ всегда грѣхомъ останется. (Таинственно.) Я видѣлъ, какъ они, сплетенные другъ съ другомъ, вышли изъ волнъ. Люди князя почти насильно вырвали дѣвушку изъ его рукъ.

Отецъ Адамъ (разсерженно).—Глупости ты говоришь!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Келья инока. Ночь.

Низкая маленькая комнатка изъ нештукатуреннаго камня. Въ глубинѣ простая деревянная кровать, на ней постилка и жесткая, твердая подушка; грубое покрывало наполовину спало на полъ.

Посрединѣ комнаты на кускѣ стараго ковра стоитъ низкій и широкій налой, на которомъ лежитъ большая раскрытая рукопись.

Съ одной стороны комнаты—грубый деревянный столъ, на немъ—черный деревянный крестъ, глиняный кувшинъ и мерцающая лампада. Съ другой стороны—входъ въ комнату.

I.

Инокъ сидитъ на краю постели, скрестивъ руки и уставившись въ землю. Рядомъ съ нимъ на низенькой деревянной скамейкѣ, выпрямившись, опершись обѣими руками на посохъ и высоко держа голову, неподвижно сидитъ **Слѣпой.**

Слѣпой.—Гдѣ твои мысли, инокъ?

Инокъ (вздрагиваетъ и поднимаетъ голову).

Слѣпой.—Опять... опять?

Инокъ.—Да, да, грѣхъ, я знаю, великій грѣхъ. Нѣтъ, я больше не буду думать, больше не долженъ думать, никогда, никогда; я долженъ вычеркнуть изъ памяти сегодняшній день, все, все: море, прохладу, плотъ, волны, ахъ, эти волны... (Быстро вскакиваетъ; порывисто.) Но какъ чудесно, однако, бороться съ ними, когда онѣ подставляютъ тебѣ свою вздымающуюся грудь, когда ударяютъ своей пѣной въ лицо, глаза, чтобъ ослѣпить тебя; одна вскакиваетъ на плечо, другая взбирается на грудь, одна толкаетъ, другая тащитъ, давитъ, и всѣ, всѣ хотятъ одолѣть; а ты всегда на поверхности, колышешься вмѣстѣ съ ихъ подъемомъ и паденіемъ, побѣждая ударами своихъ рукъ всѣ ихъ усилія... О эта борьба...

Слѣпой.—Борьба для жизни, инокъ, а здѣсь пустыня.

Инокъ.—Да... пустыня. Помилуй мя, Господи, помилуй мя!

Слѣпой.—Будь остороженъ. Строго слѣди за собой, инокъ. Молись!

Инокъ (становясь на колѣни передъ распятіемъ).—Я—пропащій грѣшникъ, спаси мя, Господи; я—падшій преступникъ, помоги мнѣ, Господи; я задыхаюсь въ грѣхѣ, удержи мя, Господи! Смотри, въ морѣ грѣха... въ морѣ грѣха... въ морѣ... въ морѣ... (Закрывъ лицо руками, подымается на ноги.)

Слѣпой.—Говори, говори...

Инокъ (открываетъ лицо и пристально смотритъ на неподвижное, какъ у статуи, лицо Слѣпого).

Слѣпой.—Говори, говори...

Инокъ.—Говорить?... Что?...

Слѣпой.—То, что тамъ, въ глубинѣ, въ глубинѣ.

Инокъ.—Въ глубинѣ?... въ глубинѣ?...

Слѣпой.—Говори, говори...

Инокъ.—Кто можетъ видѣть такія глубины, кто можетъ высказать такія глубины?

Слѣпой.—А я вижу и говорю.

Инокъ.—Ты, слѣпой? (Иронически.) Ну, такъ скажи,—посмотримъ, что ты видишь.

Слѣпой (отчетливо).—На плоту, когда весло въ твоихъ рукахъ разсѣкало воду, кто былъ въ душѣ твоей?

Инокъ (испуганно).—Молчи!

Слѣпой.—За кого такъ трепетало твое сердце? Что̀ готово было сорваться съ твоихъ устъ, когда вокругъ всѣ призывали Бога, когда передъ тобой вздымалась буря?

Инокъ (въ ужасѣ).—О, если-бъ очи твои отверсты были, чтобъ ты не видѣлъ, не видѣлъ!

Слѣпой.—Когда всѣ взоры были обращены къ небу, когда всѣ ждали небесной помощи, куда были устремлены твои глаза, кто это былъ, передъ кѣмъ душа твоя склонялась?

Инокъ.—Замолчи, замолчи; ты не имѣешь права все видѣть; нельзя все видѣть!

Слѣпой.—Скажи, чего желалъ ты, что ты искалъ?

Инокъ.—Не знаю, ничего не знаю; довольно!

Слѣпой.—А въ морѣ, когда она подобно змѣѣ обвилась около твоей шеи, дыханье къ дыханью, прильнувъ всѣмъ тѣломъ, когда ты, позабывъ все на свѣтѣ, разсѣкалъ волны,—скажи, ты опять не знаешь, чего ты желалъ?

Инокъ.—Нѣтъ, помню... помню, я желалъ всѣмъ существомъ своимъ, чтобъ была безконечна эта борьба, чтобъ былъ безконеченъ этотъ влажный путь, чтобъ былъ безконеченъ этотъ мигъ.

Слѣпой.—Нечестивецъ!

Инокъ.—Но конецъ пришелъ.

Слѣпой.—И ты достигъ берега. И когда изъ рукъ твоихъ приняли твою ношу, и ты въ изнеможеньи упалъ на песокъ,—ты былъ уже мертвымъ трупомъ.

Инокъ.—Правда, такимъ я себя почувствовалъ.

Слѣпой.—Ты и сейчасъ все еще мертвый трупъ, тѣло, покинутое Божьимъ духомъ.

Инокъ.—О, Боже мой, я погубилъ свою душу.

Слѣпой (вставая).—Пади на землю и рыдай, надѣнь вериги и молись. Но прежде всего иди къ отцу игумену и исповѣдуйся.

Инокъ.—Исповѣдаться отцу игумену... въ чемъ, для чего? О, все, все, что угодно, но этого никогда. Никогда! И ты, святой отецъ, какъ бы...

Слѣпой.—Я слѣпъ, глухъ и нѣмъ; но поди ты самъ къ отцу игумену и исповѣдуйся добровольно.

Инокъ (рѣшительно).—Отцу игумену никогда!

Слѣпой.—Боишься?

Инокъ.—Нѣтъ. Но... но...

Слѣпой.—Конечно, ты хотѣлъ бы держать втайнѣ, въ глубинѣ своего сердца эту твою новую маленькую святыню, прятать и поклоняться тайно!

Инокъ.—Сжалься, сжалься надо мной, неумолимый!

Слѣпой.—А ты самъ жалѣешь ли себя, идолопоклонникъ?! Вспомни заповѣдь: „Да не будутъ тебѣ бози иніи, развѣ мене“.

Инокъ (бормоча).—Да не будутъ... не будутъ...

Слѣпой (многозначительно).—Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небеси горѣ и елика на земли низу и елика въ водахъ подъ землею“...

Инокъ (дрожа).—И елика въ водахъ подъ землею.

Слѣпой (медленно направляясь къ выходу)—Азъ бо есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнитель, отдаяй грѣхи отецъ на чада до третіяго и четвертаго рода... (Выходитъ.)

II.

Инокъ (становится на колѣни передъ распятіемъ, благоговѣйно простираетъ руки).— „Возопихъ въ скорби моей ко Господу Богу моему, бо возліяся на мя вода до души моея, бездна обыде мя послѣдняя, понре глава моя въ разсѣлины горъ. Отверглъ мя еси во глубины сердца... во глубины сердца... морскаго... и волны твоя... на мя преидоша... (Понемногу слабѣетъ, садится на колѣни и свѣшиваетъ голову на грудь.)

III.

Постепенно распятіе и столъ покрываются туманомъ, все смѣшивается, и на фонѣ этого тумана понемногу вырисовывается фигура **дѣвушки.**

Она вся въ бѣломъ; одежда простая, тонкая и облегающая, какъ бываетъ у человѣка, только что вышедшаго изъ воды; мокрые волосы распущены, кое-гдѣ на нихъ нити морской травы.

Инокъ слегка приподнимаетъ голову и въ ужасѣ вскакиваетъ на ноги.

Инокъ (пятясь)—Ты... ты?...

Дѣвушка.—Да, я! Развѣ ты не ждалъ?

Инокъ.—Боже мой!

Дѣвушка.—Ты одинъ?

Инокъ.—Я... я одинъ всегда.

Дѣвушка.—А я пришла къ тебѣ, пришла въ этотъ полночный часъ, чтобъ быть наединѣ съ тобой. Съ тобой, мой храбрецъ, мое солнышко, мой пловецъ.

Инокъ.—Довольно!

Дѣвушка.—Зачѣмъ? Развѣ не тобой живу я теперь? Развѣ не ты вновь далъ мнѣ жизнь? О, какъ сладка жизнь, которую ты далъ мнѣ! Сколько... сколько лѣтъ я жила, цѣлыхъ семнадцать лѣтъ, и не знала, право не знала, что не жила. Помнишь, днемъ, тамъ, въ волнахъ, смотри, мои волосы влажны еще, возьми, возьми, тронь!

Инокъ (отступаетъ увлеченный, не отводя отъ нея глазъ).

Дѣвушка.—А знаешь, у тебя такія сильныя руки и такія гибкія. А я еще такая взволнованная, такая усталая. (Хочетъ сѣсть на кровать инока.)

Инокъ (хочетъ помѣшать).—Княжна!

Дѣвушка (садится на край постели). — Я княжна для своихъ слугъ, я княжна для нашихъ подчиненныхъ... мой господинъ долженъ иначе звать меня.

Инокъ.—Седа!

Дѣвушка.—Ахъ, ты знаешь мое имя?

Инокъ.—Такъ назвалъ тебя отецъ.

Дѣвушка.—Да, меня зовутъ Седа. А какъ твое имя?

Инокъ.—Меня зовутъ инокомъ.

Дѣвушка.—Но раньше, раньше, въ міру, когда ты принадлежалъ міру?

Инокъ.—Моимъ міромъ всегда была обитель, съ тѣхъ поръ какъ я помню себя.

Дѣвушка.—Эта? Ахъ, какъ холодно здѣсь, какъ я мерзну!

Инокъ.—Тебѣ холодно?

Дѣвушка.—Дай мнѣ что-нибудь, чтобъ согрѣлась моя душа!

Инокъ.—У меня нѣтъ ничего.

Дѣвушка (не поворачивая головы указываетъ на висящую сзади рясу).—Вотъ!

Инокъ.—Мою рясу?

Дѣвушка.—Какъ мнѣ холодно!

Инокъ.—Мою рясу?

Дѣвушка.—Колеблешься? Но не колебался дать мнѣ свою жизнь, не колебался, бросаясь за мной въ разъяренныя волны?

Инокъ.—Нѣтъ, не колебался; то было иное.

Дѣвушка.—Да, то было иное. Тамъ была борьба и буря, а

здѣсь нѣмо и тихо, какъ въ могилѣ. Ахъ... какъ холодно здѣсь... какъ я мерзну. (Встаетъ.)

Инокъ (бѣжитъ къ рясѣ, протягиваетъ руку и снова останавливается, колеблясь).

Дѣвушка.—Дай, дай! (Инокъ снимаетъ рясу со стѣны и поворачивается къ дѣвушкѣ, которая уже исчезла. Инокъ застываетъ съ рясой въ протянутой рукѣ.)

IV.

Снаружи доносится голосъ звонаря, который сзываетъ на молитву, напѣвая однообразную заунывную мелодію. Голосъ постепенно приближается. Ряса падаетъ изъ рукъ инока.

Инокъ (шопотомъ).—Іисусе... (Хочетъ снова стать на колѣни передъ распятіемъ, но вскакиваетъ, какъ обезумѣвшій.) Нѣтъ, нѣтъ!... Вновь появится... (Оборачивается къ постели.) Ахъ, Господь отвернулся отъ меня... (Рыдая бросается къ кровати и прячетъ голову въ постель.)

Снаружи все доносится пѣніе звонаря, все дальше и дальше, слабѣетъ, стихаетъ и замолкаетъ вовсе.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

У родника, подъ сѣнью развѣсистаго вѣкового дерева.

Подъ деревомъ на деревянной скамейкѣ сидитъ и какъ будто дремлетъ **Старый монахъ**. Близъ родника собрались монахи: **Лазарь, Мовсесъ, Давидъ** и **Закарья**, и **Дьяконъ**; они неспокойно перешептываются. Возлѣ нихъ стоитъ **инокъ**, устремивъ глаза въ землю, и слушаетъ.

I.

Отецъ Мовсесъ.—Правда, опять?

Дьяконъ.—Вспрыгнула на постель, сѣла на шею и стала душить...

Отецъ Мовсесъ.—Іисусе Христе!

Дьяконъ.—Бѣдняга едва высвободился!

Отецъ Давидъ.—Не даетъ злая сила покою отцу Барсегу, и это ужъ не въ первый разъ!

Отецъ Закарья.—Чей образъ приняла она?

Дьяконъ.—Не знаю. Сказалъ лишь, что поднялась къ потолку подобно сѣрному дыму и вышла наружу сквозь балки потолка.

Отецъ Мовсесъ.—Проклятая. Будь проклята она и ея образъ!

Дьяконъ.—Это ужасно, нѣтъ спасенья изъ ея когтей.

Отецъ Давидъ.—Я не могу лечь спать ночью, пока не погляжу подъ кровать и за кровать.

Отецъ Мовсесъ.—Я тоже. Прошлый вечеръ вхожу въ келью и вижу: прикорнула въ углу, подобно женщинѣ, закутавшейся въ темный саванъ; въ ужасъ пришелъ, перекрестился поскорѣе,—сгинула!

Отецъ Лазарь.—И точно, эти наважденія приходятъ во образѣ женщины, приходятъ толпами и чего только не творятъ, какую срамоту, какой соблазнъ!

Отецъ Закарья.—А мнѣ являются всегда въ образѣ нашихъ крестьянъ: кабатчикъ Овсепъ, нашъ сосѣдъ Габо, слѣпой дудочникъ Акопъ, барабанщикъ Минасъ. Приходятъ, собираются вокругъ меня, въ рукахъ вино, водка, яства, шашлыкъ. Келью наполняетъ безсмертный запахъ хаши, какъ будто весь дворъ полонъ людьми и варятъ мясо жертвеннаго барашка. И ужъ какъ угощаютъ, какъ просятъ, какъ убѣждаютъ, чтобъ непремѣнно ѣлъ. И пока не произнесу имени Божьей Матери, не исчезаютъ, анаѳемы!

Отецъ Мовсесъ.—Это наказаніе, одно наказаніе. Зачѣмъ мучишь насъ, Спаситель?

Отецъ Закарья.—Какъ на зло они изгоняютъ изъ моей памяти имя Богоматери; ищу его, ищу, вотъ кажется, вотъ оно на кончикѣ языка, а не могу произнести: „Святая дѣва Марія“.

Дьяконъ.—Охъ, куда бѣжать отъ рукъ этихъ поганыхъ! Куда бѣжать, какъ бѣжать?

Отецъ Мовсесъ.—И чего хотятъ они отъ насъ и именно отъ насъ?

Отецъ Давидъ.—Пришедшій въ пустыню приходитъ искуситься дьяволомъ, какъ и самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

Отецъ Мовсесъ.—Да поможетъ намъ Іисусъ Христосъ.

Толпа.—Іисусъ Христосъ.

Дьяконъ.—Они всюду, всюду, куда бы ты ни пошелъ... Вотъ почемъ знать, не сидитъ ли кто изъ нихъ здѣсь, позади... (Мѣняетъ мѣсто.) Или вонъ тамъ, въ расщелинахъ пещеры, или надъ нами вонъ въ густой листвѣ. Видите... видите... кто-то тамъ въ глубинѣ, во мракѣ... движется; а тутъ другой изъ самаго ключа... ишь, ишь какъ потѣшается... какъ хихикаетъ. (Въ ужасѣ пятясь отъ родника.) Іисусе Христе, Іисусе Христе. (Сталкивается лицомъ къ лицу съ игуменомъ.)

II.

Игуменъ (сурово).—Что случилось, чего ты испугался, дьяконъ?

Дьяконъ.—Святой отецъ! (Падаетъ къ его ногамъ.)

Отецъ Мовсесъ.—Злая сила не даетъ намъ покою, отецъ игуменъ.

Отецъ Лазарь.—Сильны козни нечистаго духа.

Игуменъ (съ отвращеніемъ).—И до сихъ поръ еще вы говорите мнѣ о старыхъ дьяволахъ! (Разсердившись.) Подымись, дьяконъ.

Дьяконъ (встаетъ, закрывъ лицо руками).

Игуменъ (недолго молча смотритъ на него, на другихъ и говоритъ раздѣльно).—Пусть боится злой силы тотъ, кто не смогъ совладать съ плотью своей и съ инстинктами, дьяволъ господствуетъ только надъ инстинктами.

Старый монахъ.—А кто тотъ, кто смогъ совладать со своей плотью и съ инстинктами, отецъ игуменъ?

Игуменъ (гордо).—Тотъ, кто пришелъ въ эту пустыню, старикъ!

Старый монахъ.—Всѣ мы люди, отецъ игуменъ.

Игуменъ.—Нѣтъ, святой отецъ, тотъ, кто пришелъ со мной въ мою пустыню, долженъ быть выше, чѣмъ человѣкъ. А злой силы пусть боится тотъ, кто не порвалъ всей своей связи съ міромъ, со своимъ прошлымъ, со своими воспоминаніями, со своими горестями и со своими радостями.

Старый монахъ.—А кто тотъ, кто смогъ порвать всю эту связь, отецъ игуменъ?

Игуменъ (гордо).—Тотъ, кто пришелъ въ эту пустыню, старикъ!

Старый монахъ.—Всѣ мы люди, отецъ игуменъ!

Игуменъ.—Кто человѣкъ и только человѣкъ, тотъ принадлежитъ міру и пусть вернется въ міръ; къ его услугамъ плотъ отца Антона. Я созвалъ васъ сюда не для того, чтобъ вы собирались и ужасались дьяволовъ. (Вдохновившись, поднимаетъ висящій на груди простой крестъ.) Здѣсь крестъ Господень, здѣсь нѣтъ дьяволовъ.

Всѣ (благоговѣйно осѣняютъ себя крестомъ).

Игуменъ.—Здѣсь нѣтъ страстей, здѣсь нѣтъ инстинктовъ, здѣсь только святой духъ, здѣсь только мысль,—мысль, стремящаяся ввысь, къ истинѣ, къ Богу. Поймите вотъ это хорошенько и оставьте дьяволовъ міру. Теперь же идите съ миромъ и да будетъ Господь со всѣми вами!

Всѣ.—Аминь. (Расходятся.)

III.

Игуменъ остается одинъ и, грустно качая головой, провожаетъ ихъ взглядомъ, въ то время какъ сбоку медленно подходитъ **Инокъ**, нагибается, осторожно подымаетъ край его одежды и цѣлуетъ его.

Игуменъ (вдругъ замѣчаетъ и отступаетъ).—Что ты дѣлаешь, сынъ мой, что ты дѣлаешь?

Инокъ.—Отецъ...

Игуменъ.—Чего ты хочешь, сынъ мой, что съ тобой?

Инокъ.—Какъ высоко стоишь ты, отецъ, какъ высоко, высоко.

Игуменъ.—Мы всѣ стремимся ввысь, сынокъ.

Инокъ.—Ахъ, мы всѣ. Какъ бы съ неба доносится до меня твой голосъ; издали, издали... свысока. Эхъ, мы всѣ! Съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, былъ я у тебя подъ крылышкомъ, слѣдовалъ твоимъ совѣтамъ, твоему примѣру, и было время, когда мнѣ казалось, что и я достигну этихъ высотъ...

Игуменъ.—А теперь, сынъ мой?

Инокъ.—Теперь, теперь... (Рѣзко.) Я не изъ тѣхъ возвышенныхъ душъ, какихъ ты ищешь.

Игуменъ.—Что ты говоришь, мой мальчикъ, ты клевещешь на себя... ты, мой избранникъ, ты, который взлеталъ выше всѣхъ ихъ!..

Инокъ.—Взлеталъ... можетъ быть, когда крылья мои были свободны и легки.

Игуменъ.—Ну, а теперь, что стало съ твоими крыльями?

Инокъ.—Теперь... теперь... крылья мои намокли, отецъ!

Игуменъ.—Намокли?

Инокъ (таинственно, приближаясь).—Теперь и я боюсь, отецъ!

Игуменъ.—Боишься и ты дьявола?

Инокъ.—Дьявола? Нѣтъ, не дьявола!

Игуменъ.—Такъ чего-жъ?

Инокъ.—Я... я боюсь... моря...

Игуменъ.—Моря?...

Инокъ.—Моря. Тамъ волны, буря и волненье, и борьба... и... и все.

Игуменъ.—Понимаю, сынокъ, случай того дня взволновалъ твою душу; пройдетъ; что за связь между тобой и моремъ. У тебя молодое сердце, мягкое и сострадательное, и ты спасъ отъ смерти подобное себѣ молодое существо, будь благословенъ!

Инокъ.—Но съ того дня, отецъ, мнѣ кажется, что море... море... сердце природы!

Игуменъ (пристально смотритъ на инока, строго).—Ты смотри на небо, сынъ мой; небо—мысль природы, глубокая и спокойная.

Инокъ.—Да, глубокая и спокойная, когда небо ясно и безоблачно, а мои мысли больше походятъ на пасмурные дни, когда тамъ все мутно и бурно. Я не изъ тѣхъ возвышенныхъ душъ, какихъ ты ищешь, отецъ!

Игуменъ.—И это говоришь ты, инокъ! Ты, который былъ моей гордостью, чью душу я изваялъ, въ котораго я вложилъ самыя завѣтныя мои думы, вложилъ свою душу, который будетъ послѣ меня продолжать мое дѣло. Я люблю скромность, инокъ, но изъ устъ моего преемника я бы хотѣлъ услышать слова, имѣющія бо́льшій полетъ.

Инокъ (закрывая лицо руками и всхлипывая). — Ахъ, ты еще не знаешь... ты еще не знаешь, отецъ...

Игуменъ (поблѣднѣвъ, выпрямляется, строго).—Посмотри на меня, слышишь, посмотри мнѣ въ глаза!

Инокъ (рыдаетъ).

Игуменъ.—Неужели, неужели вѣрно мое подозрѣніе! Посмотри мнѣ въ глаза, инокъ!

Инокъ (рыдаетъ).

Игуменъ.—Такъ слабъ, такъ жалокъ... Ты, чью душу я считалъ твердой, какъ кремень, непорочной, дѣвственной и исключительной. Я вѣрилъ, что ты гордо и высоко къ небу возносишь голову среди мірского моря, подобно моему дѣвственному и одинокому острову среди этого моря. Несчастный, ты хочешь склонить эту красивую, эту гордую голову внизъ, къ этому морю, лежащему такъ низко; съ тѣхъ высотъ, гдѣ нашъ Богъ...

Инокъ.—Богъ отвернулся отъ меня!

Игуменъ.—Замолчи, замолчи! Такъ нетвердъ, такъ жалокъ... при первомъ же испытаніи.

Инокъ (становясь на колѣни).—Отецъ...

Игуменъ (отстраняясь).—Подымись; я часто видѣлъ тебя у моихъ ногъ, но не такимъ, не такимъ. Я тебя такимъ не могу видѣть. Подымись, подымись!

Инокъ (подымается).

Игуменъ.—И удались. Иди. Будь вновь такимъ, какимъ былъ; тогда приходи ко мнѣ. Такимъ, какимъ былъ, такимъ, какимъ былъ... (Обрываетъ рѣчь и стоитъ неподвижный и суровый.)

Инокъ (молча, опустивъ голову, медленно уходитъ).

IV.

Игуменъ. — Міръ... это міръ хочетъ проникнуть на мой островъ. Тамъ дьяволы, здѣсь эта дѣвушка... и инокъ... мой инокъ... этотъ инокъ... Нѣтъ, невозможно. (Обращаясь вверхъ, къ вер-

шинѣ острова.) Эй, ты, ты, какъ тебя, ты, въ бѣломъ! Нѣтъ, это только случай, не радуйся, преходящій, мимолетный случай, не радуйся!

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Часть берега между скалъ.

Съ лѣвой стороны крутой, высокій утесъ, съ правой—разбросаны группы скалъ, посрединѣ—песчаное ровное мѣсто; до подножія скалъ виднѣется море, въ глубинѣ, въ перспективѣ едва обрисовываются горы. Ясный вечеръ. Скалы, деревья, море,—все, какъ бы полощется въ оранжево-красныхъ лучахъ солнца, тона которыхъ на протяженіи всей картины мѣняются и искрятся.

I.

Нѣкоторое время на сценѣ пусто. Слышится дѣвичій смѣхъ и шумъ.

На одной изъ невысокихъ скалъ правой стороны показывается **Морская пѣнка**, весело осматривается и, обернувшись и приложивъ рупоромъ руки ко рту, кричитъ:

Первая пѣнка.—Го-о-го-о!

На сосѣдней скалѣ показывается другая **Морская пѣнка**, рѣзвая и порхающая, кричитъ и манитъ рукой.

Вторая пѣнка.—Сюда, сюда!

И, взявшись за руки, обѣ легко соскакиваютъ на песокъ. Между тѣмъ по тѣмъ скаламъ и изъ-за скалъ вбѣгаютъ поодиночкѣ и группами **Морскія пѣнки**, легкія, гибкія и подвижныя, одѣтыя въ свѣтло-голубое или свѣтло-зеленое платье, съ сѣтью украшеній, похожихъ на пѣну. У всѣхъ распущенные волосы и ленты цвѣта платья. Бѣгаютъ, прыгаютъ, мечутся; смѣхъ и веселье.

На краю той же скалы показывается **Инокъ**; онъ похожъ на человѣка, убѣгающаго отъ погони. За нимъ вбѣгаютъ другія **Морскія пѣнки**.

Инокъ осматривается со скалы, торопится сойти, спотыкается, скользитъ внизъ и остается сидѣть у подножія скалы. Всеобщій жизнерадостный смѣхъ и веселое смятеніе. **Инокъ** медленно поднимается съ мѣста, онъ мраченъ и растерянъ; отчаяннымъ движеніемъ руки онъ закрываетъ лицо.

Третья пѣнка (осторожно подходитъ къ иноку и кричитъ ему на ухо).—Седа!

Инокъ (вздрагиваетъ и сейчасъ же открываетъ глаза. Всеобщій хохотъ, который тотчасъ же подавляется).

Пѣнки (откликаются другъ другу съ разныхъ сторонъ и мѣстъ).—Седа!... Седа!... Седа!...

Инокъ.—Сгиньте, исчезните во имя Христа, во имя этого креста! (Креститъ ихъ рукой.)

Группа пѣнокъ (окружая, смѣясь).—Ахъ, красавецъ мальчикъ бѣдный,

Ахъ, красавецъ мальчикъ бѣдный,
Ужъ утратилъ крестъ твой силу!

Инокъ.—Уже утратила моя молитва силу, уже утратилъ крестъ мой силу...

Четвертая пѣнка.—Эй, мальчикъ, не грусти напрасно!

Первая пѣнка.—Здѣсь весело все и все прекрасно!

Инокъ (съ досадой).—Ахъ, что вамъ нужно, меня молю оставить!

Третья пѣнка.—Хотимъ мы душу пылать заставить!

Вторая пѣнка.—Какое зло тебѣ мы нанесли?

Пятая пѣнка.—Тебѣ мы, знаешь, вѣсти принесли!

Третья пѣнка.—Черезъ горы, черезъ долы вѣсти и любовь

Вторая пѣнка.—Возьми любовь,

Отдай любовь—
Законъ таковъ
У всѣхъ вѣковъ.

Инокъ (протирая глаза).—Но нѣтъ, это козни злой руки!

Первая пѣнка.—Злой руки?

Пѣнки (берутся за руки, окружаютъ инока, кружатся вокругъ него, танцуютъ и поютъ).—Злой руки?... Давайте руки, будемъ кружиться,

Давайте руки, мы будемъ пѣть,
Быть можетъ, сердце облегчится,
Душа захочетъ полетѣть!
О, дайте крылья,
Любовь и высь,
О, дайте крылья
Подняться въ высь.

Инокъ (подбѣгаетъ къ третьей пѣнкѣ).—Скажи, скажи, кто ты?

Звучишь такъ сладко, какъ мечты.

Третья пѣнка (отскакивая легко). — Нѣтъ, я не злой духъ и не фея,

Вѣсти съ моря несу тебѣ я.

Инокъ.—Значитъ, ты есть, живешь ты?

Третья пѣнка.—Живу такъ же, какъ и ты.

Инокъ.—Гдѣ же домъ твой, живешь гдѣ?

Третья пѣнка.—И здѣсь, и тамъ, и вездѣ.

Первая пѣнка.—Изъ волнъ возникли пѣной мы.

Желанны всѣ и нѣжны мы.

Инокъ.—Я никогда не видѣлъ васъ.

Первая пѣнка.—Любовь нужна, чтобъ видѣть насъ.

Вторая пѣнка.—Тоска нужна и ожиданье.

Пятая пѣнка (проходитъ впередъ, раздвигая подругъ).—Но знакомы я и ты.

Инокъ.—Мы знакомы—я и ты?

Пятая пѣнка.—Такъ забылъ то утро ты?

Шумѣла буря разъярясь,
Ты въ морѣ былъ съ Седа сплетясь...

Инокъ.—Когда боролся я съ волнами?

Пятая пѣнка.—И ты боролся съ нами.

Ударъ крутой ноги твоей
Пришелся мнѣ
Межъ двухъ грудей.

Инокъ.—Было больно?

Пятая пѣнка (подругамъ).—Больно? Что такое больно? (Продолжая свое.)

Ударъ былъ сильный и могучій,
Я пѣной стала вдругъ зыбучей.

Инокъ.—Ты пѣной?

Шестая пѣнка (нѣжно обнимая пятую).—Пѣночка

Сестреночка,
Одинъ, одинъ
Лишь поцѣлуй!

Четвертая пѣнка (дразня).—Ахъ, вы, неразлучки!

Пятая пѣнка.—Пусти меня, эй, перестань.

Инокъ.—Когда же ты изъ моря встала?

Пятая пѣнка.—Когда еще прохлада не настала.

Сегодня въ самый полдень знойный!...

Инокъ.—Сама, уходъ твой добровольный?

Пятая пѣнка.—Отецъ-солнце позвалъ ввысь.

Инокъ.—Отецъ... солнце... ввысь...

И почему?

Первая пѣнка.—Чему, чему...

Пятая пѣнка.—Къ нему, къ нему.

Дать поцѣлуй...

Инокъ (перебивая).—Кому?

Пятая пѣнка.—Вѣтерку моему.

Вторая пѣнка.—Ахъ, вотъ пришли!
Группа изъ глубины.—Пришли, пришли!
Четвертая пѣнка.—Вѣтерки, вѣтерки, бѣгите!
Другая группа (подпрыгивая).—Пришли, пришли вѣтерки!

II.

Общее смятеніе. Вбѣгаютъ **Вѣтерки**: свѣжіе, легкіе юноши съ спутанными волосами; развѣвающаяся темная одежда въ складкахъ.

Они вбѣгаютъ изъ глубины сцены, смѣшиваются съ **Морскими пѣнками**, сплетаются съ ними попарно или группами и, не останавливаясь, увлекаютъ ихъ съ собой черезъ передній планъ картины, прыгая, шумя, смѣясь.

Затѣмъ нѣсколько паръ проходятъ.

Морская пѣнка.—Мы васъ долго, долго ждали!
Вѣтерокъ.—Подъ горой насъ задержали.
Морская пѣнка.—Что-жъ опять случилось съ вами?
Вѣтерокъ.—Мы боролись тамъ съ снѣгами,

Что сбѣгаютъ ручейками.

Морская пѣнка.—Ненавижу я ихъ всѣхъ,

Такъ грубы, такъ холодны. (Проходятъ.)

Маленькая группа, таща другъ друга.

Вѣтерокъ.—Бѣжимъ въ кусты!
Другой вѣтерокъ.—На ширь морскую!
Морская пѣнка.—Плясать, плясать!
Другая пѣнка.—Нѣтъ, наслаждаться! (Проходятъ.)

Большая группа, сцѣпившись руками.

Вѣтерки.—Вы нѣжное дыханіе морей!
Морскія пѣнки.—Вы легкое дыханіе эѳира!
Всѣ.—Мы всѣ другъ дружку обовьемъ,

Жизнью полной заживемъ! (Проходятъ.)

Морская пѣнка (оборачиваясь къ иноку).—Иди, иди, юноша, иди и ты вмѣстѣ съ нами.

Другая (обнимая своего зефира).—Ахъ, не можетъ онъ итти, онъ безъ пары, безъ дружка...

Группа (удаляясь).—Безъ дружка...

III.

Инокъ (долго смотритъ имъ вслѣдъ, пока шумъ не стихаетъ. Грустно качая головой).—Безъ пары, безъ дружка... (Послѣ небольшой паузы вдругъ изъ его груди вырывается:) О, если-бъ я зналъ, что не на-

прасно́ это отшельничество!... Что это за жизнь! Забытая свѣча передъ распятіемъ, безцвѣтная и одинокая, коптящая и тающая! (Закрываетъ лицо руками, свѣшиваетъ голову на грудь и остается недвижимъ.)

IV.

На краю отвѣсной скалы показывается **Отшельникъ**, полуголый, обтрепанный.

Отшельникъ (страшно крича).—Эй, кто это тамъ? Что тебѣ нужно тамъ, у моей ямы?

Инокъ (изумленный, смотритъ вверхъ).

Отшельникъ.—Эй, я тебѣ говорю! Что ты тамъ дѣлаешь? (Быстро карабкается внизъ по скалѣ, то скатываясь, то исчезая за выступами камней; дойдя до середины утеса, останавливается.) Зачѣмъ ты пришелъ, человѣкъ, въ эти безлюдныя мѣста?

Инокъ.—Ахъ, ты, вѣроятно, тотъ отшельникъ, что за много-много лѣтъ до насъ ушелъ одинъ подвижничать на этотъ островъ. Но вѣдь онъ уже умеръ давно, давно.

Отшельникъ.—А ты, развѣ ты не умеръ давно, давно?

Инокъ.—Я?

Отшельникъ.—Суета. Лучше скажи мнѣ, зачѣмъ пришелъ ты въ эти безлюдныя мѣста?

Инокъ.—Не знаю; меня привели.

Отшельникъ.—Кто привелъ тебя?

Инокъ (задумчиво).—Не знаю. Но вѣдь мѣсто твоего отшельничества было по ту сторону этихъ скалъ, гораздо выше.

Отшельникъ.—Но здѣсь моя яма.

Инокъ.—Яма... какая яма?

Отшельникъ.—Посмотри себѣ подъ ноги,—яма суеты!

Инокъ.—Суеты? (Смотритъ подъ ноги, гдѣ видна яма, величиной и формой похожая на могилу.)

Отшельникъ.—Осторожно! Не попорть!

Инокъ.—Правда, отшельникъ, что ты былъ царемъ и властелиномъ огромныхъ странъ, что ты жилъ въ палатахъ и сотни людей исполняли всякую твою прихоть, правда, что твоимъ наслажденіямъ и удовольствіямъ не было границъ? Правда ли, отшельникъ, то, что разсказываютъ?

Отшельникъ.—Суета!

Инокъ.—Говорятъ, оставилъ ты это все, палаты и пиршества, власть и славу, оставилъ все, надѣлъ схиму, пошелъ проповѣдывать покаяніе, проповѣдывать милосердіе, проповѣдывать состраданіе, проповѣдывать смиреніе. Правда ли, отшельникъ, то, что разсказываютъ?

Отшельникъ.—Суета!

Инокъ.—Правда ли, что, пресытившись и этимъ, удалился ты, чтобъ найти покой въ этомъ уединеніи, чтобъ думать о спасеніи своей души?

Отшельникъ.—Суета!

Инокъ (взволнованно).—Что ты говоришь, ты, отшельникъ, суета—твое отшельничество?

Отшельникъ (равнодушно).—Отойди немного отъ моей ямы, чтобъ она не осыпалась!

Инокъ.—Да, эта яма. Вѣрно это твоя могила, разъ ты такъ дрожишь надъ ней. Но она открыта и пуста.

Отшельникъ.—Суета и могила. У меня нѣтъ могилы!

Инокъ.—Да, это правда, я знаю. Говорятъ, ты бросился въ море оттуда, съ высокихъ скалъ, что по ту сторону. Ты не убоялся души, не убоялся грядущей жизни?

Отшельникъ.—Суета и душа и грядущая жизнь!

Инокъ (въ ужасѣ).—Замолчи, несчастный, поношеніе — твои слова!

Отшельникъ.—Не ужасайся понапрасну и держись немного дальше отъ моей ямы!

Инокъ.—Что-жъ это за яма? Для чего вырылъ ты эту яму, зачѣмъ защищаешь ты ее съ такимъ страхомъ и дрожью даже по ту сторону смерти?

Отшельникъ (качая головой).—А, вотъ это самое и есть суета суетъ. Рылъ, рылъ, смотри, этими ногтями, мозгомъ и сердцемъ, рылъ безпрестанно со дня рожденія до послѣдней минуты, рылъ и искалъ, чтобъ найти въ ней что-то необходимое, рылъ и защищалъ, чтобъ мой трудъ не пропалъ даромъ; защищаю и теперь, потому что мной она вырыта, потому что это единственная вещь, которая мнѣ принадлежитъ, которая мною создана. Единственная вещь вотъ эта яма, эта пустая яма, эта всегда пустая яма, которая, чѣмъ больше роешь ее, тѣмъ болѣе пустѣетъ. Пустѣетъ, пустѣетъ, понимаешь, никогда не заполнится ничѣмъ, ничѣмъ. Иди, иди и ты рыть свою яму и оставь мою мнѣ. (Хочетъ удалиться.)

Инокъ.—Постой, постой, человѣкъ, хочу спросить тебя, тебя, который такъ мудръ...

Отшельникъ (изъ-за выступа скалы).—Человѣкъ мудръ?... Суета! (Уходитъ.)

V.

Инокъ снова подходитъ къ ямѣ и грустно и мрачно созерцаетъ, задумавшись.

Изъ-за камней выходитъ фигура, совершенно закутанная въ покрывало, похожая на туманъ. Медленно подвигается впередъ и останавливается передъ инокомъ.

Закутанная.—Что тебѣ нужно, я пришла?

Инокъ (подымаетъ голову, нѣсколько удивленно и вмѣстѣ съ тѣмъ равнодушно оглядываясь.) И ты изъ нихъ?

Закутанная.—Зачѣмъ ты звалъ меня?

Инокъ.—Звалъ тебя?

Закутанная.—Твоя душа меня звала, и я пришла.

Инокъ.—Моя душа?

Закутанная.—Почему мрачна твоя душа? О чемъ ты думаешь?

Инокъ.—Моя душа?

Закутанная.—Скажи и не будь такимъ грустнымъ.

Инокъ (показывая на яму).—Вотъ, взгляни!

Закутанная.—Что это?

Инокъ.—Жизнь.

Закутанная.—Жизнь—эта узкая и темная яма?

Инокъ.—Да, яма суеты.

Закутанная.—Ты испугался этой пустой ямы. Хочешь, заполню ее?

Инокъ (радостно).—Заполнишь?

Закутанная. Сейчасъ, это нетрудно. (Подходитъ къ ямѣ, останавливается и начинаетъ свою полупѣснь съ таинственно призывными движеніями. И сверху начинаетъ спускаться къ ямѣ что-то въ родѣ тумана, освѣщенное послѣдними алыми лучами сумерекъ, въ туманѣ чуть обрисовывается что-то похожее на лицо, части тѣла, листья, цвѣты, искры, цвѣта.)

Слетайте, грезы,
Слетайте, радостныя,
Слетайте, сладостныя;
Слетайте, грезы,
Грезы нѣжныя,
Безмятежныя!

Зелень, цвѣты,
Счастья журчанье,
Нѣга мечты
И упованье;

Слеза дрожащая
И упоенная;

Тоска щемящая
И затаенная;

Жизни новой
Ожиданье—всегда;
Ума съ сердцемъ
Единенье—никогда...
Слетайте, грезы,
Слетайте, радостныя,
Слетайте, сладостныя;
Слетайте, грезы;
Грезы нѣжныя,
Безмятежныя!

Волненье крови—
Ласки умиленныя;
Лобзанья любви—
Очи просвѣтленныя;

Успокоенье
И искушенье;
Души смятенье
И пѣснопѣнье;

Затаенное стремленіе
Напрасное;
Безконечное влеченіе
Страстное...

Слетайте, грезы,
Слетайте, радостныя,
Слетайте, сладостныя;
Слетайте, грезы,
Грезы нѣжныя,
Безмятежныя!

Искръ метанье,
Звѣздъ сіянье,
Свѣта, тѣни колебанье,
Счастья жаждущихъ сліянье;

Вѣра въ величье,
Силъ ниспосланье,
Славы и воли
Существованье;

Громъ успѣховъ,
Гордыня властная,
Самообмановъ
Тьма прекрасная...

Слетайте, грезы,
Слетайте, радостныя,
Слетайте, сладостныя;
Слетайте, грезы,
Грезы нѣжныя,
Безмятежныя!

Закутанная.—Ну подойди и больше не грусти.

Инокъ (глядя на яму). — Заполнилась. Хотѣлось бы ступить на нее.

Закутанная.—Ступи!

Инокъ (одной ногой на ямѣ).—Я стою на ямѣ суеты.

Закутанная.—Ты стоишь теперь на грезахъ.

Инокъ.—Да, и яма заполнена. (Вдругъ радостно вскакиваетъ и безудержно:) Эй ты, старый отшельникъ, эй суета, твоя яма заполнена, заполнена. А ты, таинственный волшебникъ, кто ты?

Закутанная.—Я? я тоже греза.

Инокъ.—Греза?

Закутанная.—Я то, чего, не сознавая, долгіе годы ты ждалъ, что по ночамъ, не произнося ни звука, ты призывалъ въ одиночествѣ своей кельи, чего, не признаваясь, безконечно жаждало твое юное, горячее сердце. Я то, безъ чего этотъ островъ—пустыня, и въ чьемъ присутствіи рай начинаетъ цвѣсти въ пустынѣ. И вотъ пришла я къ тебѣ.

Инокъ (воодушевившись).—Да будетъ благословенъ твой приходъ! Скажи, какъ назвать тебя?

Закутанная.—Зови, какъ захочетъ твое сердце, нѣтъ счета моимъ именамъ. Ты очень полюбилъ море,—зови моремъ, если хочешь.

Инокъ (мечтательно).—Правда, у подножья этихъ скалъ игривыя волны морскія о тебѣ всегда шептали мнѣ.

Закутанная.—И вѣтерокъ въ листвѣ, и птенчики въ кустахъ, и журчащій родникъ,—все, все, вездѣ и всюду обо мнѣ тебѣ шептало.

Инокъ.—Хочу видѣть твое лицо. Открой!

Закутанная.—Оставь,—можетъ, раскаешься.

Инокъ.—Хочу видѣть твое лицо, открой.

Закутанная.—Хорошо. Подойди и открой самъ.

Инокъ (дрожа подходитъ и дрожащими руками тянетъ за край покрывала, которое спадаетъ съ плечъ дѣвушки. Седа стоитъ точно такъ же, какъ и въ первомъ дѣйствіи. Инокъ отступаетъ назадъ, восхищенный и обезумѣвшій).—Седа...

Седа.—Что! Вотъ я!

Инокъ (еще болѣе увлеченный).—О ты, ты обаяніе моей жизни, ты царица моей мысли, ты море моего сердца, ты буря моей души! Ты солнца зной, ты волнъ волненіе, ты природы даръ мнѣ. (Падаетъ ницъ). Позволь, позволь обнять твои колѣни, позволь поцѣловать твои слѣды на землѣ, поцѣловать непорочный край твоей бѣлой одежды. (Хочетъ пасть къ ея ногамъ, но образъ дѣвушки затуманивается и исчезаетъ. Инокъ остается недвижимъ въ той же позѣ, обнимающимъ ея колѣни, на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше была яма суеты.)

VI.

Изъ-за скалъ, что въ глубинѣ, появляются монахи: **Адамъ** и **Симонъ**, съ полными узелками въ рукахъ.

Отецъ Симонъ.—Ну и дьявольская дорога, право, дьявольская дорога... Дай-ка руку.

Отецъ Адамъ (помогая товарищу спуститься съ верхней скалы).—Взгляни-ка, отецъ Симонъ, что это тамъ такое, точно человѣкъ лежитъ на землѣ.

Отецъ Симонъ (крестится).—Во имя Іисуса Христа. Человѣкъ такъ далеко? Не случилось ли несчастья? (Спускается со скалы, и оба осторожно приближаются.)

Инокъ (на шумъ ихъ шаговъ поднимаетъ голову и изумленно смотритъ передъ собой).—Ушла... (Осматривается, привстаетъ и садится.)

Отецъ Симонъ.—Ахъ, это ты, инокъ. Молился? Почему же такъ далеко?

Отецъ Адамъ.—Мы испугались.

Инокъ (встаетъ на ноги, смотритъ на нихъ разсѣяннымъ взглядомъ и вдругъ начинаетъ внимательно искать чего-то на землѣ).

Отецъ Адамъ.—Что ты ищешь, инокъ?

Инокъ.—Гдѣ она, какъ разъ тутъ должна была быть? Гдѣ яма, гдѣ та яма?

Отецъ Адамъ.—Какая яма, инокъ?

Инокъ.—Да, правда, забылъ, она заполнила...

Отецъ Адамъ.—Заполнила... что, кто?

Инокъ.—Она... та... греза... чудесный сонъ...

Отецъ Симонъ (улыбаясь).—Ахъ, ты видѣлъ сонъ? Ты спалъ, да?

Инокъ.—Сонъ. (Вдругъ подходитъ къ отцу Симону, ощупываетъ его тѣло, сильно трясетъ его за руку.) А ты... а ты... а ты?...

Отецъ Симонъ (отодвигаясь назадъ). — Господь нашъ Іисусъ Христосъ, не допусти злого.

Инокъ.—А эта, а эта церковь, эта пустыня?... Какъ мнѣ узнать что сонъ и что не сонъ: то, тамъ, тѣ—или здѣсь вы, тутъ?

Отецъ Адамъ.—Проснись, инокъ, проснись! Какой сонъ? Въ чемъ дѣло? Вотъ это святой отецъ Симонъ, а это я, слуга грѣшный. Были на вершинѣ острова, спустились собирать грибы; съ камня на камень, съ утеса на утесъ дошли до сихъ поръ; въ этой сторонѣ водятся великолѣпные грибы, посмотри, я набралъ полный платокъ; будетъ чудесный грибной супъ!

Инокъ (вдругъ). — А если ты самъ только грибъ, чудесный грибъ, выросшій въ тѣни утеса, и только грезится тебѣ, что ты монахъ и пришелъ собирать грибы?

Отецъ Адамъ.—Приди въ себя, инокъ, что ты говоришь?

Инокъ (продолжая).—Или, можетъ быть, ты тѣнь того утеса, тѣнь осколка камня, который упалъ здѣсь, и снится тебѣ, что ты святой, совладѣвшій со страстями своими? Что сонъ и что не сонъ, скажи, если знаешь, и что такое самый сонъ?

Отецъ Симонъ (испуганный, стараясь перемѣнить разговоръ).—Пойдемъ, пойдемъ, инокъ, ужъ поздно. Дьявольская дорога здѣсь; взгляни, настоящая чортова лѣстница!

Отецъ Адамъ.—Пойдемъ, чтобы поспѣть къ ужину. Сегодня мы на всенощномъ бдѣніи.

Инокъ (повинуясь).—Пойдемъ. Поѣдимъ грибной супъ и пойдемъ на бдѣніе. Это тоже одинъ изъ сновъ, но только длинный, длинный сонъ, не такъ ли святой отецъ?

Отецъ Адамъ.—Не знаю, инокъ, что ты хочешь этимъ сказать!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Средневѣковый просторный залъ съ колоннами.

Справа—глубокая ниша съ длинными и узкими окнами. Передъ нишей деревянное кресло, на немъ подушка. Рядомъ маленькій низенькій столикъ, на немъ нѣсколько женскихъ вещей и красивая рукописная книга.

Слѣва—длинный диванъ. Всюду ковры. Въ глубинѣ—колонны, отдѣляющія залъ отъ сѣней, расположенныхъ еще глубже. Между колоннами—занавѣси темнаго цвѣта.

Спокойно, тихо и уютно.

I.

Княгиня сидитъ въ креслѣ, опершись рукой о столъ и разговариваетъ. Еще не увядшая красота, чуть посѣдѣвшіе волосы, вся внѣшность скорбная, простая и вмѣстѣ благородная.

Неподалеку, позади на полу, сидитъ на коврѣ няня—бойкая и расторопная сѣдая **старуха** въ черномъ платьѣ. Передъ княгиней со свитками пергамента въ рукахъ стоитъ **управитель**.

Управитель.—Да, если то благоугодно княгинѣ.

Княгиня.—Хорошо, какъ тебѣ извѣстно, я согласна.

Управитель.—Будутъ ли у княгини другія приказанія?

Княгиня.—Нѣтъ. Привѣтъ мой всѣмъ. Пусть Анна хорошенько слѣдитъ за собой, она такая слабенькая. Скажешь, что мать недовольна ею.

Управитель.—Княгиня не должна была насъ оставлять: ея отсутствіе слишкомъ чувствительно во дворцѣ.

Княгиня.—Эхъ, во дворцѣ жизнь и безъ меня идетъ своимъ порядкомъ. Въ этомъ возрастѣ дѣти мало нуждаются въ матери. Я вырастила, повѣнчала, исполнила свой долгъ. Я отдала должное міру, теперь пора подумать о своемъ покоѣ и душѣ.

Старуха.—Ну тебя съ твоимъ дворцомъ! Моя госпожа всю жизнь была мученицей, а ты хочешь, чтобъ и теперь она вернулась и бросилась подъ колесо жизни. Нѣтъ, ужъ довольно, нуженъ покой и намъ, хотя бы въ концѣ нашихъ дней. Посмотри на это спокойное, нѣмое, уединенное убѣжище, я не промѣняю его ни на одинъ дворецъ.

Управитель.—Правда, Цамакабердъ очень красивое мѣсто, красивое и спокойное. Севанское озеро, напротивъ островъ.

Княгиня.—И, наконецъ, я хочу быть вблизи моей церкви, которая строится; посмотри, она передо мной.

Управитель.—Я знаю благочестіе княгини, знаю ея милосердіе, добросердечіе и щедрость. Каждый шагъ здѣсь говоритъ о ея милости и состраданіи. Я знаю ея неисчислимыя благодѣянія. Не напрасно зовутъ ее святой.

Княгиня (улыбаясь).—Правда? Пусть зовутъ, имя ничего не мѣняетъ... Должна же я была хоть что-нибудь дѣлать въ этомъ одинокомъ, глухомъ уголкѣ.

Старуха.—Тѣмъ болѣе съ такимъ сердцемъ, какъ у княгини, которое привыкло къ заботливости и попеченію.

Княгиня.—Быть женщиной—значитъ имѣть заботу, Егиса, быть матерью—имѣть попеченіе!

Управитель.—Приказываетъ ли княгиня ѣхать?

Княгиня.—Когда хочешь пуститься въ путь?

Управитель.—Такъ, черезъ часъ.

Княгиня.—Хорошо, Господь съ тобой!

Управитель.—Да пошлетъ Богъ здоровья княгинѣ. (Нагибается, смиренно цѣлуетъ ея руку и выходитъ черезъ внутреннія занавѣси.)

II.

Княгиня (молчитъ нѣкоторое время, затѣмъ со вздохомъ).—Эхъ, какъ мало можетъ дать намъ жизнь!

Старуха.—Не ропщи,—много или мало, а тебѣ дала все, что могла дать.

Княгиня.—И ты такъ думаешь?

Старуха.—Вѣдь это правда.

Княгиня.—Въ такомъ случаѣ очень бѣдна и жалка сама жизнь.

Старуха.—Можетъ быть.

Княгиня.—Ахъ, какъ мнѣ грустно сегодня!

Старуха.—Облаченъ день.

Княгиня.—Облачно небо, дождливо и мрачно въ моей душѣ. Принеси мнѣ Евангеліе.

Старуха (встаетъ и поискавъ немного).—Оно у тебя, подъ рукой.

Княгиня (беря и раскрывая).—Ахъ да, я забыла!

III.

Служанка (въ черной одеждѣ, почтительно докладываетъ, отдергивая занавѣсъ).—Святой отецъ игуменъ проситъ свиданія съ княгиней.

Княгиня.—Святой отецъ?

Служанка.—Да, княгиня. Что прикажетъ княгиня?

Княгиня.—Проводи сюда. (Кладетъ книгу на столъ.)

Служанка (выходитъ).

Старуха.—Вотъ и хорошо; легче станетъ у тебя на сердцѣ. Ты бываешь довольна всегда, когда съ тобой говорятъ о твоей церкви.

Княгиня.—Отдерни занавѣсъ.

IV.

Старуха отдергиваетъ занавѣсъ и въ почтительной позѣ продолжаетъ держать его. Входитъ **Игуменъ** и направляется прямо къ княгинѣ, которая подымается съ кресла.

Игуменъ.—Да благословитъ тебя Господь, княгиня!

Княгиня.—И тебя, святой отецъ! Какія вѣсти изъ обители?

Игуменъ.—Молитвы и благословенія.

Княгиня.—Нѣтъ, какъ церковь?

Игуменъ.—День ото дня близится къ концу и превращается въ домъ молитвы и внутренняго созерцанія.

Княгиня.—Какъ сдѣлали нишу правой стороны?

Игуменъ.—Такъ, какъ рѣшили въ прошлый разъ.

Княгиня.—Значитъ, позади двухъ колоннъ съ отдѣльнымъ сводомъ.

Игуменъ.—Да... Нѣтъ! Не позади двухъ колоннъ, а рядомъ съ двумя колоннами.

Княгиня.—Позади колоннъ... Вѣдь... колонна... такъ... дай-ка планъ, Егиса.

Старуха (стоявшая поодаль, почтительно скрестивъ руки на груди, приноситъ изъ стѣнного шкафа свернутый свитокъ).

Княгиня (разстилая на своемъ маленькомъ столикѣ).—Садись, святой отецъ. Вотъ взгляни.

Игуменъ.—Вотъ колонны, вотъ мѣсто рядомъ съ ними.

Княгиня.—Такъ. Вотъ что значитъ, что я еще не видѣла этой части въ дѣйствительности. Всего никогда нельзя себѣ представить, несмотря на то, что я часто и подолгу смотрѣла на планъ. Знаешь, нерѣдко я цѣлыми ночами думаю объ этомъ зданіи, о каждомъ уголкѣ, о каждой мельчайшей подробности, о каждомъ камнѣ. Такъ близко все моему сердцу, такъ связано съ моей душой, точно я сама укрѣпляла каждый камень, точно я сама строила.

Игуменъ (шутя).—А я, княгиня, думалъ, что я построилъ; оказалось же, что построила ты.

Старуха.—Правда, эта церковь во имя Богородицы Маріи—дѣло рукъ моей княгини Маріи.

Игуменъ (задумчиво).—Да, ты построила, княгиня.

Княгиня.—Нѣтъ, святой отецъ, не я построила церковь эту, мы построили эту церковь, мы—я и ты. Вмѣстѣ думали мы, вмѣстѣ вдохновлялись мы, вмѣстѣ составляли и вмѣстѣ сооружали. И такъ сплетено было это все другъ съ другомъ, что теперь я, право, не знаю, что̀ порождено мной и что̀ тобой. Помнишь, святой отецъ, часы нашихъ общихъ думъ?

Игуменъ.—Помню, княгиня. Какое счастье сооружать что-либо и въ особенности храмъ, въ которомъ поселится Богъ.

Княгиня.—Красиво сказано. (Мечтательно.) Самыми сладкими минутами моей жизни были тѣ минуты, когда мы вмѣстѣ, сидя по обѣимъ сторонамъ вотъ этого стола, создавали и строили въ нашемъ воображеніи это зданіе.

Старуха.—На фасадѣ котораго будетъ высѣчено твое имя, чтобъ изъ вѣка въ вѣкъ передавать о твоемъ благочестіи и боголюбіи.

Княгиня.—Оставь тщеславіе матери и няньки, Егиса. Оставь насъ однихъ и не мѣшай.

Старуха (ворча уходитъ).

V.

Княгиня.—Да, это—самыя сладкія минуты моей жизни, я не стыжусь повторять правду, я не хочу стыдиться. Зачѣмъ ты опускаешь глаза? Нѣтъ, ты не долженъ опускать ихъ. Я всю свою

жизнь смотрѣла всѣмъ прямо въ глаза и хочу, чтобы и всѣ, къ которымъ въ глубинѣ моего сердца таится уваженіе, прямо смотрѣли мнѣ въ глаза.

Игуменъ.—Не понимаю, о чемъ говоритъ княгиня. Я не имѣю причинъ передъ кѣмъ бы то ни было опускать глаза.

Княгиня.—Но правда и то, что какъ я, такъ и ты, мы оба боимся глубоко и прямо посмотрѣть другъ другу въ глаза.

Игуменъ.—Княгиня!

Княгиня.—Оставь, оставь... до какихъ же поръ? Чаша переполнилась... Это слишкомъ тяжело и оскорбительно для меня. Зачѣмъ, въ чемъ провинились мы?

Игуменъ (поднимаясь).—Пусть княгиня извинитъ меня, я долженъ итти.

Княгиня.—Нѣтъ, нѣтъ, святой отецъ, не убѣгай. И что за польза отъ бѣгства! Ты не можешь убѣжать отъ своей души... Садись, садись, я должна говорить. Ужъ цѣлый годъ, какъ я здѣсь, ужъ цѣлый годъ, какъ этотъ вопросъ, который я все время страшилась задать, просится наружу, а этотъ страхъ глубоко оскорбляетъ мое достоинство. Мы предстали другъ передъ другомъ, какъ два грѣшника, которые со стыдомъ принуждены скрывать свою душу.

Игуменъ.—Я не понимаю, что хочетъ сказать княгиня.

Княгиня.—Не понимаешь?

Игуменъ.—Я ничего не понялъ изъ твоихъ словъ!

Княгиня.—Ничего, Ованнесъ?

Игуменъ (вздрагиваетъ, какъ ужаленный). — Княгиня... (Тяжело встаетъ.)

Княгиня (тоже вставая).—Помнишь придворную дачу, помнишь вечернюю зарю на краю нашего бассейна, ровно двадцать пять лѣтъ тому назадъ?

Игуменъ.—Неужели послѣ двадцати пяти лѣтъ княгиня еще помнитъ тѣ незначительныя слова, которыми мы обмѣнялись?

Княгиня.—Я помнила всегда...

Игуменъ.—Я очень признателенъ, княгиня. Это честь, о какой я никогда и думать не смѣлъ. (Помолчавъ, постепенно поднимая голову.) Только... только тотъ Ованнесъ, имя котораго страннымъ образомъ до сихъ поръ не забыла княгиня, тотъ Ованнесъ, тотъ умеръ давно. Теперь же передъ тобой монахъ, почти старикъ, далекій отъ двора и отъ всѣхъ, пришедшій поговорить съ тобой о расходахъ по постройкѣ церкви.

Княгиня.—Не знаю,—можетъ быть, Ованнесъ умеръ для тебя, но не для меня. Въ моей душѣ онъ всегда былъ живъ, живымъ

и останется. Его образъ, игуменъ, это единственная свѣтлая точка въ моей жизни.

Игуменъ.—И это говоритъ женщина, имѣвшая мужа?

Княгиня (какъ бы перебивая).—И очень достойнаго мужа, котораго я всегда глубоко уважала. Но я глубоко страдала, что, кромѣ уваженія, ничего не могла дать ему.

Игуменъ.—И это говоритъ женщина, имѣвшая дѣтей?

Княгиня (строго).—Я исполнила свой долгъ; и очень тяжело было моему сердцу, что, кромѣ долга, я ничего не могла дать моимъ дѣтямъ. Я много имѣла и все, что имѣла, отдала своимъ близкимъ, но счастья я никому не дала, потому что ни отъ кого не получала его.

Игуменъ (стоитъ молчаливый, насупивъ брови).

Княгиня. — Слушай, я все должна сказать, чтобы исчезло навсегда это непріятное напряженіе между нами. Смотри, я уже старая женщина, и ты самъ только что сказалъ, что ты уже старикъ, намъ нечего бояться, намъ нечего стѣсняться, разъ совѣсть наша чиста. Это утаиваніе, это искаженіе чувствъ не къ лицу намъ, ни тебѣ, ни мнѣ. Услышь то, чего никогда не произносили мои уста и что все же наполняло все мое существо. На темномъ небѣ моей жизни ты былъ для меня свѣтлой звѣздой, смысломъ жизни, безъ этого свѣта, безъ этого утѣшенія я не знаю, для чего бы я жила.

Игуменъ (сжимая лобъ рукой).—Довольно, довольно!

Княгиня.—Твой образъ былъ передо мной въ минуты моего одиночества. И сама я хорошо не знаю, къ кому больше обращались мои горячія молитвы, которыя вырывались изъ моего сердца, къ образу ли Спасителя или къ твоему. Правда, я чтила твой образъ вмѣстѣ съ образомъ Бога!

Игуменъ.—И ты не убоялась Бога?

Княгиня.—Бога? (Поднимая Евангеліе со стола.) Богъ — это любовь, монахъ.

Игуменъ (задумчиво качая головой).—Такъ!... (Вдругъ.) А теперь?

Княгиня. — Теперь? И теперь! Взгляни въ это окно, что обращено на твой островъ. Вонъ виднѣется твое окно, твое маленькое окно, гдѣ не гаснетъ огонь до полночи. Ты, вѣрно, читаешь и молишься, а я отсюда стараюсь прочесть твои мысли и твои молитвы. Неужели твоя душа не знала всего этого?

Игуменъ (рѣзко).—Нѣтъ, никогда!

Княгиня.—Правда? Неужели твоя душа не была такъ же полна мной, какъ и моя тобой?

Игуменъ (молчитъ.)

Княгиня.—Отвѣть, неужели не радовался ты, неужели не радовалась твоя душа, когда здѣсь въ этомъ одиночествѣ сидѣли мы другъ противъ друга и часами говорили и распредѣляли? Отвѣть!

Игуменъ (неспокойно).—Не знаю, я ничего не знаю.

Княгиня.—Не знаешь? Я знаю и всегда знала навѣрное, что всегда живу въ твоей душѣ; хотя за много лѣтъ наврядъ ли восемь или десять разъ встрѣчались мы другъ съ другомъ, пока я не переѣхала сюда, и еще рѣже обмѣнивались словами, всегда плоскими, всегда безцвѣтными и всегда посторонними. Скажи, развѣ не правда то, что я говорю?

Игуменъ.—Оставь, княгиня! Какой смыслъ тревожить прошлое?

Княгиня.—Святой отецъ, будь прямымъ и дай отвѣтъ. Сегодня должно свести старые счеты.

Игуменъ.—Чего хочешь, женщина, чего хочешь ты отъ меня? Въ теченіе половины моей жизни ты дала мнѣ одно страданіе, страданіе и горечь, разбила мою жизнь, сломила молодость, а теперь хочешь рыться въ пеплѣ.

Княгиня.—Мой бѣдный Ованнесъ...

Игуменъ. — И что дала мнѣ жизнь, кромѣ страданья, и до тебя и послѣ тебя?

Княгиня.—Ахъ, я чувствовала...

Игуменъ.—Кончимъ! Какой смыслъ трогать эти старыя погасшія воспоминанія?

Княгиня.—Погасшія...

Игуменъ.—Да, эти безжалостныя воспоминанія вмѣстѣ со своими печалями я вырвалъ изъ своего сердца въ тотъ же день, когда надѣлъ на себя эту рясу.

Княгиня.—Вырвалъ изъ сердца?

Игуменъ.—Да, когда погасли всѣ искры міра...

Княгиня.—Нѣтъ, не погасли эти искры.

Игуменъ.—Княгиня...

Княгиня.—Нѣтъ, говорю тебѣ, не погасли эти искры. Ты старался погасить, старался обмануть себя, убаюкалъ свою душу и убѣдилъ себя, что погасилъ, но не погасилъ, не смогъ.

Игуменъ (строго).—Княгиня!

Княгиня (тихо).—Если погасилъ, то что такое эта церковь, то что такое эта наша церковь?

Игуменъ (въ ужасѣ отодвигаясь назадъ).—Молчи, молчи, княгиня!

Княгиня.—Воистину, монахъ, мы строили эту церковь не для твоего небеснаго Бога, какъ ты повторялъ всегда; не обма-

нывай себя, эту церковь мы построили для себя, для Бога нашей любви!

Игуменъ (разбитый).—Маріамъ!

Княгиня. — Да, твоя церковь посвящена не святой Дѣвѣ Маріи, она посвящена твоей княгинѣ Маріи. Скажи, развѣ не правда?

Игуменъ (молчитъ, опустивъ голову).

Княгиня.—Развѣ, не правда?

Игуменъ (молчитъ, опустивъ голову.)

VI.

Въ углу показывается **Неизвѣстный** въ бѣломъ.

Неизвѣстный.—Скажи, развѣ не правда?

Игуменъ (вздрагиваетъ, выпрямляется и застываетъ, устремивъ на него взоры).

Княгиня.—Что съ тобой?

Неизвѣстный.—Скажи, кому посвящена эта церковь, твоя новая церковь?

Игуменъ (молчитъ).

Неизвѣстный.—Скажи, ты долженъ сказать, долженъ признаться!

Игуменъ. — Да, правда. Эта... эта церковь посвящена старымъ богамъ.

Неизвѣстный.—Моимъ богамъ.

Игуменъ.—Твоимъ богамъ.

Неизвѣстный (исчезаетъ.)

VII.

Игуменъ.—Правда, я жалкій, возгордившійся человѣкъ; закрылъ глаза и вообразилъ, что лечу, гордо простеръ ввысь крылья и думалъ, что достигъ неба.

Княгиня.—Не говори такъ. Это—связь нашихъ сердецъ; вся наша любовь была свята, тепла и благородна, какъ лепетъ горячей молитвы, какъ ароматъ ладана, который возносится къ небу.

Игуменъ (глаза его все время устремлены туда, гдѣ появился **Неизвѣстный** въ бѣломъ). — Нѣтъ, нѣтъ, не торжествуй! Рано еще, еще увидимся! (Быстро уходитъ, не смотря въ сторону княгини.)

Княгиня (растерянно и со страхомъ).—Ованнесъ, Ованнесъ, святой отецъ!... (Ослабѣвъ, откидывается въ кресло.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Келья Игумена.

На переднемъ планѣ низкое окно съ просторными деревянными ставнями. Съ одной стороны окна рядъ полокъ съ рукописями и пергаментными свитками разной величины. Передъ окномъ и библіотекой деревянный столъ съ книгами и другими вещами. Сбоку, противъ стола—дверь.

I.

Изъ открытаго окна на столъ и на полъ комнаты льется столбъ яркаго солнечнаго свѣта. Передъ столомъ, облитый лучами солнца, сидитъ **Игуменъ**, опершись локтями на столъ и уронивъ голову на руки.

Нѣкоторое время тихо. Осторожно открывается дверь, и входитъ **Мастеръ** въ запыленной и запачканной отъ работы одеждѣ. Онъ дѣлаетъ шагъ къ столу и останавливается.

Мастеръ.—Ты звалъ меня, отецъ игуменъ?

Игуменъ (неподвиженъ.)

Мастеръ.—Святой отецъ, ты звалъ меня?

Игуменъ (медленно поднимаетъ голову и смотритъ на него).—Да. (Помолчавъ.) Ну, скажи, пожалуйста, что дѣлать намъ теперь?

Мастеръ.—Съ чѣмъ, святой отецъ?

Игуменъ.—Что мы будемъ дѣлать съ этимъ зданіемъ?

Мастеръ.—Съ церковью?

Игуменъ (утвердительно качаетъ головой.)

Мастеръ.—То-есть какъ? Ты знаешь уже, святой отецъ, что до Успенья Богородицы куполъ будетъ законченъ, остальное—мелочи.

Игуменъ (задумчиво).—До Успенья Богородицы?

Мастеръ.—Что заботитъ тебя, отецъ игуменъ?

Игуменъ.—Значитъ... до Успенья Богородицы будетъ закончено? Гмъ, это ты навѣрное знаешь?

Мастеръ.—Я господинъ своего слова, святой отецъ.

Игуменъ (горячо и твердо).—Я тоже, я тоже господинъ своего слова, мастеръ.

Мастеръ.—Значитъ?

Игуменъ.—Сколько лѣтъ ты мастеромъ?

Мастеръ.—Какъ знать—лѣтъ двадцать будетъ.

Игуменъ.—Значитъ, двадцать лѣтъ ты строишь и строишь; а случалось ли тебѣ когда-нибудь, построивъ, разрушать?

Мастеръ.—Построивъ, разрушать? Зачѣмъ?

Игуменъ.—Почему ты такъ удивился? Вѣдь трудно строить, а разрушать всегда легко.

Мастеръ.—Да, другимъ построенное. Свое строенье трудно разрушать, святой отецъ.

Игуменъ (глядя въ окно, мечтательно).—Трудно, трудно, конечно; особенно, когда связано со старыми воспоминаніями, надеждами, горестями, когда связано съ прошлымъ, съ днями молодости, не такъ ли, мастеръ? Трудно, конечно! (Молча пристально смотритъ въ окно и вдругъ говоритъ твердо и сурово.) Закрой ставни!

Мастеръ.—Закрыть... окно?

Игуменъ.—Да, да окно.

Мастеръ. — Но какое пріятное солнце, какое радостное и теплое!

Игуменъ.—И потому-то ты долженъ закрыть.

Мастеръ.—Но...

Игуменъ. — Солнце... Намъ непремѣнно нужно солнце, радостное и теплое солнце. Мы все еще солнцепоклонники; солнце... Мы не можемъ жить безъ пріятнаго солнца, безъ радостнаго, теплаго солнца. Хотя бы окошко, хотя бы щель, хотя бы воровски врывающійся лучъ. (Вдругъ ударивъ кулакомъ по столу). Нѣтъ, закрой, говорю тебѣ,—чего застылъ?

Мастеръ (въ недоумѣніи идетъ и закрываетъ окно).

Въ комнатѣ почти темно.

Игуменъ.—Такъ. Должна замазаться та щель, откуда солнце глядитъ сюда, откуда суша глядитъ сюда, откуда міръ глядитъ сюда.

Мастеръ. — Но въ твоемъ покоѣ стало мрачно и темно, какъ въ могилѣ.

Игуменъ.—Скажи: какъ въ церкви.

Мастеръ (пожимаетъ плечами).

Игуменъ.—Зачѣмъ боишься ты мрака? Мракъ есть мракъ для близорукихъ глазъ. Всѣ великія зачатки совершались во мракѣ, всѣ великія глубины можно увидѣть только во мракѣ. И этотъ, вами любимый свѣтъ—не порожденье ли мрака, порожденный и умирающій отъ него? Только мракъ есть и останется вѣчнымъ и безсмертнымъ. (Встаетъ и говоритъ въ раздумьѣ, шагая по комнатѣ.)

II.

Игуменъ молчитъ и озабоченно шагаетъ, когда входитъ **Инокъ** и останавливается у дверей, молчаливый и почтительный.

Мастеръ.—Есть ли у отца игумена новыя приказанія?

Игуменъ.—Да, но не сейчасъ; сначала нужно покончить съ другими счетами. Господь съ тобой. (Обращаясь къ **иноку.**) Ты зачѣмъ пришелъ, инокъ?

III.

Инокъ (ждетъ пока мастеръ удалится, затѣмъ еще ниже опуская голову).—Мнѣ нужно съ тобой поговорить.

Игуменъ.—Каждый человѣкъ самъ долженъ проторить себѣ дорогу, инокъ.

Инокъ.—Знаю, я знаю, что для меня уже закрыты всѣ пути къ твоей душѣ. Я понимаю, что послѣ этого я для тебя презрѣнная и недостойная тварь, а ты для меня... (Умолкаетъ.)

Игуменъ.—Говори,—не стѣсняйся.

Инокъ.—Сказалъ бы, если бы зналъ... я самъ не знаю.

Игуменъ. — Врагъ?... И ты пришелъ ко мнѣ теперь, чтобы сказать мнѣ это.

Инокъ.—Нѣтъ. Я пришелъ къ тебѣ сообщить другое.

Игуменъ.—Говори.

Инокъ.—Ты говорилъ, что здѣсь на островѣ когда-то жили другіе боги.

Игуменъ (сдерживая изумленіе).—Затѣмъ?

Инокъ.—Ты говорилъ—за много, много лѣтъ до насъ.

Игуменъ.—Затѣмъ?

Инокъ.—Ты говорилъ—они всѣ умерли.

Игуменъ (молчитъ).

Инокъ.—Умерли, давно умерли.

Игуменъ (молчитъ).

Инокъ.—И вотъ я пришелъ тебѣ сказать, что ты ошибаешься, эти боги не умерли.

Игуменъ (испуганный и удивленный). — А ты... а ты откуда это знаешь?

Инокъ (тихо и таинственно).—Я... я видѣлъ...

Игуменъ.—Видѣлъ, ты, во мнѣ... видѣлъ... какъ?

Инокъ.—Въ тебѣ... какъ въ тебѣ? Нѣтъ, я видѣлъ тамъ...

Игуменъ.—Гдѣ?

Инокъ.—Тамъ, вокругъ мѣстъ старыхъ отшельничествъ.

Игуменъ. — Что видѣлъ ты тамъ, вокругъ мѣстъ старыхъ отшельничествъ?

Инокъ.—Видѣлъ... созданья другихъ... старыхъ боговъ.

Игуменъ.—Созданья?

Инокъ.—Ты ошибаешься, отецъ игуменъ. Говорю тебѣ, старые боги еще живутъ и со старыми богами живетъ и старая жизнь ихъ. Въ то время какъ мы здѣсь, въ нашихъ узкихъ и темныхъ церквахъ, каемся, простершись на землѣ, они тамъ живутъ свободно, живутъ подъ лучами теплаго, яркаго солнца, на синемъ морѣ, въ волнующемся воздухѣ, на песчаномъ берегу;

живутъ веселой, кипучей жизнью, жизнью, полной движенья и перемѣны. Мы молимся, тѣ живутъ. Это море, эти горы, этотъ островъ,—все это принадлежитъ имъ, намъ же только кельи и церковь.

Игуменъ.—Нѣтъ. Ни эти кельи съ ихъ лицемѣрными окнами, ни эта церковь не принадлежатъ намъ. Онѣ ихъ, и все принадлежитъ имъ.

Инокъ (сначала изумленный, затѣмъ испуганный).—Отецъ, и это говоришь ты?

Игуменъ.—Нашему Богу здѣсь ничего не принадлежитъ, ничего!

Инокъ.—Отецъ!

Игуменъ.—Это все ихъ. (Подходя къ иноку.) И все это нужно разрушить, инокъ. До Успенья Богоматери здѣсь камня на камнѣ не должно остаться ни отъ келій, ни отъ церкви.

Инокъ.—Отецъ, ты смѣешься надо мной? Это злая шутка.

Игуменъ.—Насмѣшкой было все, что говорилъ я до сихъ поръ, злой шуткой, что дѣлалъ я до сихъ поръ. Но теперь все серьезно. Все должно измѣниться на этомъ островѣ. Ничего, ничего не должно здѣсь остаться ни отъ прежнихъ зданій, ни отъ прежнихъ душъ!

Инокъ.—А старые боги, отецъ?

Игуменъ.—Ободрись, сынъ мой, призови волю и изгони изъ себя всѣхъ старыхъ боговъ. Разрушь, разрушь, если нужно будетъ, разрушь всю свою душу. Много благородства въ твоей душѣ, стоитъ потрудиться!

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Дворъ храма.

Съ двухъ сторонъ—два ряда высокихъ, массивныхъ колоннъ. Въ серединѣ передняго плана—высокій и широкій сводъ, закрытый занавѣсомъ. Съ двухъ сторонъ свода—колонны, за которыми на небольшомъ разстояніи каменная стѣна. На темно-розовомъ занавѣсѣ свода—золотое лучезарное солнце.

Передъ занавѣсомъ, въ глубинѣ, поставленъ маленькій каменный жертвенникъ, который дымится. По обѣимъ сторонамъ его, нѣсколько наискось, поставлены длинные каменные столы и скамейки такъ, что столы и жертвенникъ посрединѣ ихъ образуютъ подковообразную фигуру.

Передъ колоннами—высокіе подсвѣчники и незажженныя люстры. Жертвенникъ, колонны и подсвѣчники обвиты цѣпью цвѣтовъ и зелени.

I.

Зажжены только двѣ люстры по бокамъ жертвенника, въ глубинѣ, такъ что все громадное, высокое зданіе стоитъ въ дрожащемъ полумракѣ.

Седа (выходитъ изъ-за переднихъ колоннъ съ лѣвой стороны и, отступая вглубь, все въ томъ же одѣяніи, нѣсколько наклоненная впередъ и простирающая руки, зоветъ).—Иди... иди...

Инокъ (показываясь).—Седа, Седа...

Седа.—Иди...

Инокъ.—Отдай мнѣ мой покой, отдай мнѣ мои молитвы, отдай мнѣ мою увѣренность въ моихъ поступкахъ, въ моей жизни, въ моей силѣ. Все, все рушится вокругъ меня!

Седа (продолжая отступать вправо).—Иди, иди.

Инокъ.—Мнѣ нѣтъ больше покоя ни въ уединеньѣ моей кельи, ни внѣ ея, ни подъ церковными сводами. Въ псалмахъ слышу я твой голосъ, изъ-подъ темнаго свода улыбаются мнѣ твои глаза, въ благовоніи ладана чувствую ароматъ твоихъ мокрыхъ волосъ... Зачѣмъ, зачѣмъ мучишь ты меня?

Седа.—Иди... иди...

Инокъ.—Верни мнѣ мою гордость, мои высокіе помыслы, верни мнѣ мою вѣру, моего Бога, дай, отдай мнѣ моего Бога...

Седа.—Иди, иди. (Отходитъ и исчезаетъ за колоннами съ правой стороны.)

II.

Инокъ.—Опять ушла! Опять я одинокъ. (Останавливается посрединѣ зданія, осматривается и удивляется.) Гдѣ я? Куда привела меня она?

Снаружи доносится отдаленный шумъ и голоса.

Торопливо входитъ старый служащій съ огнемъ въ рукахъ и быстро зажигаетъ люстры и свѣчи.

Инокъ (быстро подходя).—Что это за зданіе, старикъ, гдѣ я?

Старикъ.—Тьфу, напугалъ меня, клянусь солнцемъ! Кто ты?

Инокъ.—Что это? Церковь?

Старикъ.—Церковь? Ну и выдумалъ! будь покоенъ, не мѣсто здѣсь распятымъ и изможденнымъ.

Снаружи шумъ постепенно приближается.

Инокъ.—Какъ радостно здѣсь, какъ празднично!

Старикъ.—Конечно, жизнь дана намъ на радость.

Инокъ.—И это говоришь ты, сѣдой старикъ?!

Старикъ.—Да, тяжело стариться, но еще мужественна моя душа и еще юно и бодро мое сердце, я могу еще наслаждаться жизнью и буду наслаждаться, клянусь солнцемъ, пока есть дыханье на устахъ... Конечно, быть такимъ молодымъ, какъ ты,—большое счастье. Жаль, что не вернуть мнѣ тѣхъ безудержныхъ, безумныхъ дней. Эва, пришли! (Идетъ по направленію шума.)

Инокъ (отступаетъ и прячется въ тѣни колоннъ).

III.

Изъ-за колоннъ съ лѣвой стороны входитъ **князь** съ **воинами** (около 30 человѣкъ) и съ такимъ же числомъ **дѣвушекъ-прислужницъ** храма, а также группа юныхъ оруженосцевъ съ факелами въ рукахъ. Мужчины въ шлемахъ, со щитами и мечами, женщины въ легкой бѣлой одеждѣ, въ волосахъ у нихъ, въ видѣ украшенія, по звѣздѣ.

Прежде всѣхъ входитъ нѣсколько факельщиковъ и дѣвушекъ въ возбужденномъ весельѣ. За ними князь, окруженный старшими приближенными. А затѣмъ, вперемежку съ дѣвушками, воины; слышатся радостныя восклицанія, рядомъ или позади идутъ факельщики.

Первая группа дѣвушекъ (какъ только выступили изъ-за колоннъ). — Да здравствуютъ побѣдители... Да здравствуютъ храбрецы!

Всѣ женщины.—Да здравствуютъ, да здравствуютъ побѣдители!

Князь становится передъ жертвенникомъ, всѣ собираются позади него. Справа, изъ-за колоннъ, что въ глубинѣ, выходитъ **жрецъ**, весь въ бѣломъ, другіе два жреца идутъ справа и слѣва.

Жрецъ (останавливаясь передъ княземъ).—Добро пожаловать, князь, добро пожаловать, борцы.

Князь. — Мы пришли сложить наше оружіе къ подножью жертвенника храбраго Вахагна и поклониться его святому восходу.

Жрецъ.—Да будетъ вамъ его святой восходъ защитой; да не ослабѣютъ руки ваши, да не притупятся мечи ваши, да не расколются щиты ваши. Да будетъ надъ вами благословеніе свѣтлаго, солнцеподобнаго Вахагна, надъ вами, побѣдителями въ жизненной борьбѣ, да будутъ всюду съ вами успѣхъ и побѣда.

Воины.—Съ нами успѣхъ, съ нами успѣхъ и побѣда!

Дѣвушки.—Съ вами благословеніе храбраго Вахагна!

Жрецъ.—До восхода нашего свѣтлаго владыки еще довольно времени, князь. Садитесь и отдохните. Садитесь къ столу великаго Вахагна и великой Астхикъ. Садитесь и наслаждайтесь, вы, борцы въ великой жизненной борьбѣ, борцы и побѣдители, вамъ принадлежитъ побѣда, ваши и наслажденія.

Воины.—Намъ принадлежитъ побѣда, наши и наслажденья!

Жрецъ.—Готовьте, дѣвушки, столъ владыки, готовьте столъ Вахагна и Астхикъ. Несите чистое вино и радость, несите вашу красоту и нѣгу, несите, пока мы удостоимся поклониться свѣторожденному Вахагну и пѣнорожденной Астхикъ. Готовьте, дѣвушки, столъ наслажденья.

IV.

Князь и воины передаютъ шлемы и щиты оруженосцамъ, которые уносятъ это, проходя между колоннами. Часть дѣвушекъ убѣгаетъ влѣво межъ колоннъ; приносятъ цвѣты и въ изобиліи разбрасываютъ ихъ по столамъ; приносятъ вѣтвистые столовые канделябры и серебряные ковши съ виномъ; приносятъ золотыя и серебряныя чаши, стаканы и извилистые кубки изъ оленьихъ роговъ.

Во время этого приготовленія говорится:

Юноша (выдвигаясь).—Ну и жарко же мы бились!

Пожилой.—Да не прекратится въ жизни святая борьба!

Юноша.—Однако, они ужасно разбиты.

Другой (шутя).—Жалѣешь, такъ пощадилъ бы.

Князь.—Кто это тамъ говоритъ о пощадѣ? Въ жизненной борьбѣ, дѣти мои, никогда не щадите, никогда и никого. Пощада—слабость, жалость—пораженіе. Сокрушайте всѣхъ, кто противъ васъ, тѣхъ, кто преграждаетъ вамъ путь. Кто мѣшаетъ тебѣ—тотъ—твой врагъ.

Юноша.—Сокрушайте, мы побѣдители!

Другой.—Какъ хорошо быть побѣдителемъ!

Юноша.—Быть побѣдителемъ и возвращаться послѣ борьбы.

Князь (подойдя къ своему почетному мѣсту за столомъ).—Пока же сядемъ за столъ владыки—справедливое воздаяніе за нашу жестокую борьбу.

Дѣвушки и воины садятся вперемежку. Многія дѣвушки остаются прислуживать. Нѣкоторыя изъ нихъ то и дѣло уходятъ и возвращаются. Оруженосцы выстраиваются въ рядъ за своими господами и застываютъ на своихъ мѣстахъ. Еще не всѣ разсѣлись, половина еще стоитъ въ это время.

Воинъ (беря стаканъ).—Да здравствуетъ борьба!

Дѣвушка рядомъ.—Да здравствуетъ борецъ!

Воинъ напротивъ.—Да здравствуетъ красота!

Другой.—Да здравствуетъ любовь!

Дѣвушки.—Борьба—жизнь міра.

Воины.—Любовь—наслажденье міра.

Князь (смѣясь).—Постойте, постойте, не торопитесь, эй вы, борцы, эй вы, любовь... Не вспыхивайте такъ скоро, сидите спокойно, подчинимся старымъ обычаямъ. Готовьте чаши, я долженъ совершить возліяніе нашему великому богу.

Дѣвушки наполняютъ изъ кувшиновъ, что посрединѣ стола, чаши виномъ. Глубокое молчаніе.

Князь (съ большимъ рогомъ вина, становится передъ жертвенникомъ, лицомъ къ занавѣсу и высоко держа рогъ).—Тебѣ, о великій богъ, мужественный Вахагнъ, ты солнце міра, ты жизнь и движенье, ты

борьба и сила, ты свѣтъ и очищенье, чести цѣнитель, славы хранитель, ты, что побѣдилъ подземныя бездны, надземный мракъ и всякую тьму, а также черныя тучи въ небесахъ, демона, дракона на краю вселенной, тебѣ, въ зарѣ рожденный, въ лучахъ рожденный, тебѣ я посвящаю этотъ рогъ наслажденья, полный благороднаго пьянящаго вина; ты, что даешь намъ опьянѣніе жизни и борьбы, владыка, прими наше возліяніе! (Роняетъ нѣсколько капель на огонь; вспыхиваетъ яркое пламя.)

Голоса со всѣхъ сторонъ.—Угодно... угодно... угодно...

Князь.—Возліяніе побѣдителя на жертвенникъ побѣдителя всегда угодно свѣторожденному. Выпьемъ. Да здравствуетъ жизненная борьба!

Всѣ (съ шумомъ, въ безпорядкѣ, сидя, стоя, чокаясь чашами). — Да здравствуетъ жизненная борьба!

Пьютъ и усаживаются. Молчаніе.

V.

Инокъ (дрожащими шагами выдвигается впередъ, стыдясь и колеблясь, устремивъ взоры внизъ, протягивая руки). — Дайте чашу и мнѣ... Я тоже хочу выпить.

Всеобщее удивленіе и глубокое молчаніе.

Князь.—А ты зачѣмъ тутъ, черноризецъ?

Инокъ.—Дай и мнѣ чашу, я тоже хочу выпить. (Умоляюще). Только одну лишь чашу, князь, развѣ это такъ ужъ много? Одинъ разъ только, одинъ глотокъ только изъ твоего рога наслажденья.

Князь (презрительно).—Со стола владыки мольбой ничего не получается, несчастный, иди къ столу попрошаекъ!

Одинъ изъ воиновъ (насмѣшливо). — Эй, дружокъ, что тебя сюда занесло?

Юноша.—Носъ постника вино почуялъ!

Князь.—Вашей пустынѣ я дарую ежегодно десять мѣръ пшена съ моихъ полей; отправляйся и ѣшь!

Пожилой воинъ (насмѣшливо). — И молись своимъ богамъ за наши грѣхи.

Толстый воинъ. — Грѣхи... (Смѣется, держась за животъ.) Молись, молись за наши грѣхи... За наши безчисленные грѣхи.

Общій хохотъ.

Инокъ.—Ты не узнаешь меня, князь?

Князь.—Ну и безстыдникъ! (Разсерженно.) Уйдешь ты, наконецъ, или нѣтъ?

Пожилой воинъ. — Я узнаю тебя, я. Не изъ тѣхъ ли ты

низкихъ трусовъ, что побросали мечи на землю и бѣжали отъ жизненной борьбы?

Юноша.—Вонъ, прочь, низкая тварь!

Другой.—Вонъ, трусишка!

Пожилой воинъ.—Не изъ тѣхъ ли ты глупцовъ, что пренебрегли самымъ лучшимъ даромъ нашего великаго Вахагна—жизнью и не захотѣли преклонить своей жалкой головы передъ его свѣтлымъ образомъ!

Всѣ.—Убирайся! убирайся!

Одинъ изъ воиновъ.—Вонъ изъ этого священнаго мѣста!

Юноша.—Богоотступникъ!

Пожилой воинъ.—Не изъ тѣхъ ли ты гордецовъ, что не захотѣли поклониться ни нашей пѣнорожденной богинѣ, ни ея дару—любви, ни женской красотѣ и очарованію?

Дѣвушки.—Выгоните этого гордеца.

Одна дѣвушка.—Безумецъ!

Пожилой воинъ.—Не изъ тѣхъ ли ты нечестивцевъ, что презираете тѣло, это чудное созданіе Вахагна и Астхикъ?

Одна изъ дѣвушекъ (показывая на сидящаго рядомъ воина).—Презирать это тѣло, это здоровое, это гибкое, это сильное тѣло!

Дѣвушка.—Нечестивецъ.

Юноша (показывая на сидящую рядомъ дѣвушку).—Это нѣжное, это красивое, это пышное тѣло!

Молодежь.—Нечестивецъ.

Инокъ (съ каждымъ словомъ все болѣе и болѣе удрученный, ниже опускаетъ голову и шагъ за шагомъ отходитъ назадъ. При послѣднихъ словахъ онъ уже сталъ на прежнее мѣсто за колоннами и не виденъ больше).

VI.

Князь.—Пусть, пусть убирается. Я долженъ совершить возліяніе. Берите чаши.

Всѣ наполняютъ.

Князь (взявъ рогъ, опять становится передъ жертвенникомъ и поднимая рогъ).—Тебѣ, о великая богиня, о пѣнорожденная Астхикъ, ты, что непорочна и прекрасна, подобно пѣнѣ, изъ которой ты встала, ты высшая красота, ты высшее очарованіе и нѣжность, подобно свѣту, который ты излучаешь, ты—источникъ любви, упованій и волненій, подобно волнамъ, что укачиваютъ тебя, тебѣ, въ морѣ рожденная, тебѣ посвящаю я этотъ рогъ наслажденья, полный благороднаго пьянящаго вина, ты, что даешь намъ наслажденье красотой и любовью, нѣгу и опьянѣніе. Прими, богиня, мое возліяніе. (Роняетъ нѣсколько капель на огонь; вспыхиваетъ яркое пламя.)

Голоса со всѣхъ сторонъ. — Угодно... угодно... угодн

Князь (возвращаясь на свое мѣсто). — Возліяніе побѣдителя жертвенникъ красоты всегда угодно пѣнорожденной.

Всѣ (шумя, смѣясь, шутя, чокаясь кубками). — Да здравствуютъ л бовь и красота!

Пьютъ, садятся. Молчаніе.

VII.

Инокъ (выходитъ изъ своего угла и рѣшительно подходитъ къ толст воину, кладетъ руку ему на плечо и рѣзко). — Дай мнѣ мѣсто!

Общее изумленіе.

Толстый воинъ.—Опять, эй, попрошайка!

Инокъ (рѣзче и рѣшительнѣй). — Я тоже хочу сидѣть за эти столомъ!

Толстый воинъ.—Нѣтъ тебѣ мѣста за этимъ столомъ.

Инокъ (раздраженно).—Я долженъ сѣсть за этотъ столъ!

Толстый воинъ.—Нѣтъ мѣста, говорятъ тебѣ; нѣтъ мѣ здѣсь тому, кто безъ меча, кто присталъ, какъ оводъ!

Инокъ (вдругъ обхватываетъ воина, поднимаетъ со скамьи и свалива на землю).

Сначала царитъ всеобщее недоброжелательное волненіе, которое однако вск уступаетъ мѣсто бурному, дружному хохоту.

Инокъ (опирается колѣномъ на скамью и ударяетъ кулакомъ по столу) Я долженъ сѣсть за этотъ столъ!

Толстый воинъ (поднимается разъяренный, вынимаетъ мечъ и брасывается на инока).—Прочь, наглецъ, не хочу осквернять эт храмъ твоею нечестивой кровью!

Инокъ (твердыми и тяжелыми шагами подходитъ къ Толстому Во одинъ моментъ они свирѣпо и пристально смотрятъ другъ другу въ глаза. Вд инокъ изо всѣхъ силъ ударяетъ противника въ руку, и мечъ того выпадаетъ его рукъ. Инокъ тотчасъ же хватаетъ мечъ и говоритъ, опершись колѣномъ о мейку):—Вотъ и мой мечъ, князь!

Всеобщее воодушевленіе, шумъ, восторгъ.

Дѣвушки (другъ другу).—Какая сила, какая сила!

Одна изъ дѣвушекъ.—Какая желѣзная рука!

Толстый воинъ. — Нѣтъ, князь, вѣдь ты видѣлъ наси ты видѣлъ все, вѣдь это—мой мечъ.

Голоса.—Нѣтъ, нѣтъ, теперь ужъ не твой!

Юноша.—Ты былъ опрокинутъ на спину!

Князь.—Мечъ принадлежитъ тому, въ чьей рукѣ онъ!

Всѣ.—Да здравствуетъ нашъ справедливый князь!

Голоса.—Молодецъ нашъ новый товарищъ.

Одинъ воинъ (подходя къ побѣжденному).—Извини, мой другъ,) ты видишь, что тебѣ здѣсь больше не мѣсто!

Толстый воинъ.—Хорошо, я уйду. Но мы еще встрѣтимся, ернонизецъ. Ты отдашь мнѣ мой мечъ или свою жизнь.

Инокъ.—Жизнь—можетъ быть.

VIII.

Голоса.—Вина побѣдителю!

Одинъ изъ молодежи. — Возьми его чашу. Теперь она :оя.

Инокъ (бросаетъ кубокъ толстаго воина ему вслѣдъ).—Я не хочу чуихъ остатковъ!

Одна изъ дѣвушекъ (протягивая руки).—Возьми, храбрецъ, ою чашу!

Дѣвушки (протягивая свои чаши).—Возьми мою чашу... мою чау, мою...

Инокъ.—Князь, я уже просилъ у тебя твой рогъ, тотъ рогъ, зъ котораго ты совершилъ возліяніе!

Князь (выливаетъ остатки изъ рога и даетъ ближайшей дѣвушкѣ, спойно и серьезно).—Наполни и дай ему.

Дѣвушка (исполняетъ это и даетъ смѣясь, съ готовностью).—Возьми.

Князь. — Знай, пришелецъ, первая чаша всегда принадлежитъ Вахагну; таковъ старый обычай міра.

Инокъ.—Первую чашу... первую чашу за вашимъ жизненымъ столомъ я пью... по обычаю міра и жизни... я пью за борьу; за борьбу, что тамъ въ выси, во мглѣ и облакахъ, какъ горите вы; за борьбу, что въ міру, въ томъ міру, откуда приходите вы; за борьбу, которая тамъ въ морѣ, въ бурѣ, откуда приожу я.

Дѣвушки (заинтересованныя, перешептываются). — Съ моря... съ оря...

Инокъ.—Да будетъ благословенна жизненная борьба. (Пьетъ.)

Голоса.—На здоровье... на здоровье... Успѣха и побѣды тебѣ сегда!

Князь.—Прекрасно. Наполни вторую чашу.

Дѣвушки (суетясь).—Вина, вина!

Дѣвушка (наполняетъ опять и передаетъ съ готовностью).—Возьми!

Князь. — Вторая чаша, пришелецъ, знай, всегда принадлежитъ Астхикъ; таковъ старый обычай міра!

Инокъ.—Вторая чаша... Да, она принадлежитъ Астхикъ, той, оторая, какъ говорите вы, родилась изъ обильной, красивой ѣны, вышла, порождая любовь, изъ волнующихся и кипящихъ

волнъ, той, которая сбрасываетъ и увлекаетъ тебя въ пропасти бурь. Эту чашу, князь, я пью за здоровье твоей дочери! (Пьетъ.)

Дѣвушки.—Седа... Седа?...

Князь.—Моя дочь?

Всѣ (сильно взволнованные испуганно и выжидательно смотрятъ въ сторону князя.)

Пожилой воинъ.—Князь, твоя дочь?...

Князь.—Постой-ка, твое лицо мнѣ какъ будто знакомо.

Инокъ (нѣсколько иронически).—Теперь, князь, теперь, конечно, ты долженъ узнать.

Дѣвушки (перешептываются).—Кто онъ? кто онъ? кто же онъ?

IX.

Жрецъ (показывается передъ занавѣсомъ).—Будьте готовы, побѣдители, и покиньте столъ. Восходъ заалѣлъ, море въ пурпуръ одѣлось, и освѣженная прохлада отряхаетъ сонъ съ очей своихъ чтобъ поклониться великому Богу. Солнце, дарующее свѣтъ, и его спутница звѣзда скоро обнимутъ другъ друга. Будьте же готовы поклониться.

Всѣ (вскакиваютъ со своихъ мѣстъ, оруженосцы поспѣшно приносятъ шлемы и щиты, воины надѣваютъ ихъ, подходятъ къ жертвеннику и выстраиваются въ два ряда лицомъ къ занавѣсу, справа воины, слѣва дѣвушки).

Князь (подходя къ иноку). — Дай мнѣ руку и пойдемъ поклониться,—поклониться нашимъ великимъ богамъ!

Инокъ.—Поклониться?... новымъ богамъ?

Князь.—Старымъ богамъ, всегда старымъ и всегда новымъ. Идемъ!

Инокъ (стоитъ неподвижно и упорно, потупивъ взоры.)

Князь.—Идемъ, говорю тебѣ, скорѣе,—ты, который выпилъ за борьбу, ты, который выпилъ за здоровье моей Седа, ты долженъ итти. Дай мнѣ руку. (Беретъ его за руку и какъ бы насильно увлекаетъ между двумя рядами стоящихъ. Съ одной стороны жертвенника становится самъ, съ другой стороны оставляетъ инока.)

X.

За занавѣсомъ слышится нѣсколько переливовъ трубы, которые смѣняются пѣніемъ жрецовъ. Во время пѣнія постепенно раздвигается занавѣсъ, остальныя же части картины постепенно погружаются во мракъ. Въ глубинѣ сцены возвышеніе представляетъ высоты Севана съ развалинами.

Справа стоятъ жрецы въ бѣлыхъ одеждахъ, съ золотымъ солнцемъ на груди, слѣва жрицы, всѣ въ бѣломъ, съ распущенными волосами, къ которымъ прикрѣплено по звѣздѣ. Поютъ жрецы и жрицы, отдѣльно и вмѣстѣ.

Въ глубинѣ новой сцены горизонтъ—полукругъ сливающихся неба и земли. Небо

алое, мѣстами желтое, море красное, мѣстами багряное. Во время пѣнія постепенно обрисовывается дискъ громаднаго солнца, которое восходитъ. Когда оно наполовину уже вышло изъ воды, оно раскрывается, какъ раковина устрицы, крышка падаетъ на поверхность воды въ видѣ солнечнаго сіянія. Раковина сверкаетъ внутри ослѣпительнымъ серебристо-жемчужнымъ сіяніемъ. И въ этомъ яркомъ сіяніи побѣдно стоитъ Вахагнъ, нагой, высокій и прямой, сильный и здоровый, съ простертой впередъ правой рукой, съ бѣлокурой бородой и волосами, причесанными по-ассирійски, со сверкающими глазами. Съ лѣвой стороны Вахагна на морскихъ травахъ и цвѣтахъ, склонившись въ нѣгѣ головой къ нему и слегка обнимая его, вся нагая, гибкая и нѣжная, стоитъ Астхикъ. Въ ея волосахъ блеститъ алмазная звѣзда, а на тѣлѣ виднѣются нѣсколько нѣжныхъ стебельковъ морской травы.

Пѣніе продолжается до тѣхъ поръ, пока раковина вся не раскроется.

Когда пѣніе вдругъ прерывается, слышится вновь призывной звукъ трубъ, и вся толпа тотчасъ же падаетъ ницъ въ благоговѣйномъ поклоненіи. Жрецы и жрицы склоняются по поясъ. Остается стоять только Инокъ, неподвижно, выпрямившись.

Жрецъ (изъ толпы, грозно). — Поклонись, эй ты, чего остолбенѣлъ!

Инокъ (неподвиженъ.)

Князь (вполголоса, въ ужасѣ).—Поклонись, безумецъ!

Инокъ (неподвиженъ.)

Седа (показывается вдругъ на ступенькахъ высокаго алтаря, спокойно продвигается впередъ и останавливается прямо передъ инокомъ; нѣжно и повелительно).—Поклонись, поклонись морю и его богу!

Инокъ (сначала наклоняетъ голову, потомъ постепенно сгибаетъ колѣни и вдругъ падаетъ ницъ.)

Страшный грохотъ, и въ одно мгновеніе исчезаетъ все; тьма и глубокая тишина.

XI.

Когда густая тьма начинаетъ разсѣиваться, картина перемѣнилась. Сквозь понемногу пробивающійся слабый свѣтъ обрисовываются какъ разъ посрединѣ картины два ряда низкихъ и толстыхъ колоннъ.

Церковь... въ глубинѣ виднѣются только двѣ зажженныя свѣчи, передъ которыми два монаха попеременно читаютъ псалмы. За ними, полукругомъ, лицомъ къ ризницѣ, стоятъ монахи.

Мрачно и темно; служба тоскливая, монотонная. Среди молящихся — внезапное смятеніе.

Одинъ изъ монаховъ (шопотомъ другому, заставляетъ другихъ обернуться).—Воды, воды, воды ему въ лицо!

Слѣва изъ глубины появляются **два монаха**, которые, схвативъ инока подъ руки, выносятъ его. Инокъ слабъ и безъ сознанія. Отецъ Мовсесъ идетъ за ними, помогая...

Отецъ Адамъ (быстро выходитъ справа изъ-за колоннъ, подходитъ къ отцу Мовсесу, когда инока уже пронесли, и шопотомъ).—Что, что такое, что случилось?

Отецъ Мовсесъ (шопотомъ).—Инокъ потерялъ сознаніе. Стоялъ передо мной, молился; вдругъ, смотрю — склонилъ голову, согнулся немного и всѣмъ тѣломъ грохнулся наземь.

Отецъ Адамъ.—Бѣдный инокъ! Вѣрно всю ночь провелъ въ молитвѣ. Несите къ роднику, несите къ роднику. (И возвращается на свое старое мѣсто.)

Отецъ Мовсесъ (спѣшитъ за уходящими.)

И вновь все спокойно, вновь явственно слышится голосъ псаломщиковъ, монотонный, унылый, усталый.

Первый псаломщикъ.—Нѣсть исцѣленія въ плоти моей отъ лица гнѣва твоего.

Второй псаломщикъ.—Нѣсть мира въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ.

Третій псаломщикъ. — Яко беззаконія моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ.

Четвертый псаломщикъ.—Возсмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего.

Во время чтенія псалмовъ медленно, очень спокойно опускается занавѣсъ, такъ что нѣсколько послѣднихъ словъ слышно уже за занавѣсомъ.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Комната княгини.

Маленькая уютная комната съ низенькимъ потолкомъ, вся убранная коврами. Въ глубинѣ софа, около нея низенькій стульчикъ. Въ углу, на бѣломъ фонѣ, черное красивое распятіе на бѣломъ узкомъ столѣ. По обѣимъ сторонамъ его въ двухъ вазахъ букеты бѣлыхъ розъ. Съ потолка свѣшивается цвѣтной арабскій фонарь. Входъ справа и слѣва.

I.

Княгиня неподвижно, выпрямившись, стоитъ передъ софой. Чуть дальше, противъ нея, близъ двери стоитъ **игуменъ**. Взоры обоихъ устремлены въ землю.

Игуменъ (спокойно и офиціально).—То связало насъ, то порождено нами, въ томъ наша связь; но между нами не должно быть никакой связи, между нами должна порваться всякая связь!

Княгиня (поднимая голову, тоже спокойно).— Монахъ, никто не можетъ разрушить эту церковь, ни ты, ни я и ни одинъ человѣкъ; ея основаніе заложено въ сердцахъ нашихъ!

Игуменъ (строго).—Ея основаніе, княгиня, зиждется на грѣхѣ.

Княгиня.—Какъ на грѣхѣ?

Игуменъ.—Да, на грѣхѣ.

Княгиня (гордо).—Грѣхъ всегда былъ чуждъ мнѣ и всегда мнѣ чуждымъ останется!

Игуменъ.—Женщина, ты опять хочешь обманывать?

Княгиня (пораженная).—Обманывать?

Игуменъ.—Да, обманывать и лицемѣрить.

Княгиня.—Я!

Игуменъ.—Ты, ты. Что удивляешься? Ты, ты, которая всю изнь обманывала и постоянно лицемѣрила. Долгіе годы обма-ивала ты того человѣка, который ввелъ тебя въ свой домъ, къ свою жену; ты обманывала своихъ дѣтей, которыя, жа-дая ласки, приходили въ твои объятія; обманывала и завя-вала глаза окружающимъ, обманывала и меня, хотя, правда, давая мнѣ обѣщаній, не произнося ни слова, обманывала и бя, воображая себя мученицей, ты, которая тотчасъ же послѣ ерти мужа прибѣжала сюда строить со мной новое зданіе, воз-дить храмъ богу своего лицемѣрія. (Замолкаетъ на время.)

Княгиня (стоитъ, гордо выпрямившись, насупивъ брови; ни движенья, звука.)

Игуменъ.—Конечно, вѣдь твой богъ—это любовь! О соф-ика! Что такое любовь? и богъ есть богъ чьей любви: самки и мца? Женщина, грѣхъ—имя твое, лицемѣріе—душа твоя, чув-ва—міръ твой! На грѣхѣ построена эта церковь!

Княгиня.—Все?

Игуменъ.—Я сказалъ, что долженъ былъ сказать.

Княгиня.—Итакъ, дверь раскрыта!

Игуменъ (обиженно).—Княгиня!

Княгиня.—Что? Иди, иди разрушать!

Игуменъ.—Это мой долгъ; я сознаю его, но и ты должна полнить свой долгъ.

Княгиня.—А именно? Чего ты хочешь?

Игуменъ.—Ты должна немедленно удалиться отсюда, изъ амакаберда.

Княгиня.—Удалиться... ты такъ приказываешь?

Игуменъ.—Я сказалъ, что долженъ былъ сказать.

Княгиня.—Приказываешь? (Съ внезапнымъ бурнымъ гнѣвомъ.) то ты, и что тебѣ здѣсь нужно... здѣсь, предо мной, кто ты?

Игуменъ.—Я... я монахъ, княгиня... удалившійся въ пу-тыню.

Княгиня.—Самъ ты—пустыня и чуждъ, чуждъ моей душѣ, акъ и всѣ. Всю жизнь прожила я среди чужихъ и сама была ужой всѣмъ... чужая и одинокая; одинокая въ толпѣ придвор-ыхъ, одна одинешенька въ своемъ же дворцѣ, въ своей родной емьѣ, одна всегда. И единственной свѣтлой звѣздочкой была ля меня та мысль, что далеко, далеко живетъ другая душа—

какъ и моя—одинокая, какъ и моя—покинутая, какъ и моя—тоскующая, сестра моей души, понимающая меня и тяжелый крестъ, который я несу, близкая мнѣ и любящая меня. (Замолкаетъ на мгновеніе.)

Игуменъ (стоитъ въ неподвижномъ напряженіи, сжавъ кулаки, въ позѣ, какъ бы готовой для борьбы.)

Княгиня.—Я вырвалась изъ этого ужаснаго, изъ этого вѣчнаго, изъ этого съ ума сводящаго одиночества и пріютилась здѣсь, чтобъ, наконецъ, быть вмѣстѣ съ той душой, жить вмѣстѣ, вмѣстѣ возводить зданіе съ той одинокой душой, которая понимаетъ меня, которая всю мою жизнь была близка мнѣ, даже вдали. И вотъ какъ понимаетъ меня эта единственная душа! Я—женщина, я—грѣхъ, я—самка, я—обманщица! (Гнѣвно.) Уходи, удались!

Игуменъ.—Кончай, и я уйду.

Княгиня.—Мнѣ нечего кончать съ тобой. Жила я всегда одинокая и чужая, одинокая и чужая сойду я въ могилу. Безуміе—бороться противъ судьбы. Иди, иди разрушать, сваливай камни, мой храмъ уже рухнулъ!

Игуменъ (сурово).—Извини, княгиня, если я сказалъ лишнее. Я говорилъ больше самъ съ собой, чѣмъ съ тобой. Я захотѣлъ, чтобы истина нагой предстала передъ нами, я захотѣлъ раскрыть глаза намъ обоимъ.

Княгиня.—И раскрылъ, благодарю.

Игуменъ.—Я сожалѣю, если то, что ты увидѣла раскрытыми глазами, не то, что бы ты хотѣла видѣть. Такъ ужъ на свѣтѣ: если хочешь видѣть то, чего желаетъ сердце, смотри закрытыми глазами.

Княгиня.—Вѣрно.

Игуменъ.—Этой истинѣ я у тебя научился ровно 25 лѣтъ тому назадъ. Извини, княгиня, думаю, что всѣ наши счеты сведены.

Княгиня.—Сведены и всѣ мои счеты съ жизнью.

Игуменъ.—Сведи свои счеты съ небомъ! Прощай, княгиня!

Княгиня (стоитъ молчаливая и неподвижная, пока игуменъ, опустивъ голову, спокойно выходитъ. Убитая, княгиня медленно, какъ бы безсознательно, опускается на софу, руки ея безсильно падаютъ, одна на софу, другая на колѣни, безжизненный взглядъ останавливается на одной точкѣ).

II.

Старуха (входитъ изъ противоположной двери).—Ты одна?

Княгиня (грустно кивая головой).—Одна, одна...

Старуха.—Ушелъ?

Княгиня.—Кто?

Старуха.—Игуменъ.

Княгиня.—Не знаю.

Старуха.—Что же онъ сказалъ?

Княгиня.—Кто?

Старуха.—Игуменъ.

Княгиня.—Не знаю. (Помолчавъ.) Принеси мнѣ... то...

Старуха.—Что?

Княгиня.—Планъ.

Старуха.—Церкви?

Княгиня (грустно киваетъ головой).

Старуха (выходитъ въ ту же дверь и вскорѣ возвращается со свиткомъ въ рукахъ).—Возьми! (Удаляется къ распятію.)

Княгиня (молча развертываетъ свитокъ, недолго смотритъ на него, поднимаетъ, цѣлуетъ и медленными, размѣренными движеніями начинаетъ рвать, сдерживая рыданья, между тѣмъ, какъ грудь ея сильно вздымается и беззвучно и обильно стекаютъ слезы.)

Старуха (обернувшись, пораженная).—Что это дѣлаетъ княгиня?

Княгиня (дрожащимъ голосомъ).—Не видишь,—рву.

Старуха.—Рвешь, зачѣмъ?

Княгиня.—Ужъ... ужъ кончено...

Старуха (радостно).—Кончено, готова церковь?

Княгиня.—Да, кончено.

Старуха.—Что ты говоришь? Поздравляю, княгиня. Зачѣмъ же ты грустишь?

Княгиня.—Грущу... кто... я? Вовсе нѣтъ. Развѣ не видишь, старуха, какъ я рада, какъ счастлива! Не видишь... я плачу.

Старуха (испуганная и взволнованная).—Да, моя княгиня плачетъ. (Склоняясь передъ ней.) Плачетъ госпожа моя. Я еще не слышала твоего плача, а сколько горя и боли ты видѣла. И что это за странный плачъ, плачъ радости!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Келья инока. Ночь. Горитъ лампада.

Инокъ лежитъ на кровати; у изголовья, выпрямившись, какъ статуя, сидитъ **Слѣпой.** Въ ногахъ, на краю постели сидитъ **отецъ Симонъ** и, часто позѣвывая, перебираетъ четки.

Молодой монахъ (стоитъ у стола, играетъ пламенемъ лампады, въ раздумьѣ, медленно говоритъ). — И сколько, сколько, однако, такихъ безумцевъ. Вотъ всѣ тѣ міряне. Несчастные! Слава Тебѣ, Господи, что просвѣтилъ Ты нашъ разумъ.

Отецъ Симонъ (зѣвая).—Слава Тебѣ, Господи!

Молодой монахъ.—Хоть бы кто спросилъ ихъ: о, люди, что нашли вы въ этихъ невзгодахъ, въ этомъ изнурительномъ трудѣ, въ этой нуждѣ, въ этой долинѣ борьбы и огорченій, имя которой—міръ? Что за глупый расчетъ! Ради немногихъ ничтожныхъ удовольствій жертвовать вѣчнымъ блаженствомъ своей будущей жизни!

Инокъ (лежа, не мѣняя позы, раздѣльно).—Святой отецъ, видѣлъ ли ты когда-нибудь восходъ солнца?

Молодой монахъ.—Что?

Инокъ.—Былъ ты когда-нибудь въ храмѣ солнца?

Оба монаха въ изумленіи смотрятъ другъ на друга.

Молодой монахъ (подходитъ къ иноку и кладетъ ему руку на лобъ).—Холодный; ты не спишь, инокъ?

Инокъ.—Я не сплю. Я проснулся, когда взошло солнце... А вы... вы?...

Молодой монахъ.—Мы разговариваемъ, инокъ.

Инокъ.—Слышу, разговариваете. Иди, смотри на восходъ солнца.

Отецъ Симонъ (дѣлаетъ знакъ рукой, чтобъ тотъ оставилъ больного въ покоѣ и не отвѣчалъ; вставая).—И вправду, святой отецъ, поздно ужъ, пойдемъ, пусть отдохнетъ и онъ. Спокойной ночи, инокъ. Засни хорошенько эту ночь и завтра все пройдетъ. (Направляется къ выходу.)

Молодой монахъ.—Выздоравливай, инокъ!

Инокъ (раздѣльно, не мѣняя позы).—Видѣлъ ли ты когда-нибудь восходъ солнца, спрашиваю я?

II.

Слѣпой (прислушивается, удалились ли они, затѣмъ наклоняется къ постели инока, шопотомъ, таинственно).—Я... я видѣлъ восходъ солнца.

Инокъ (вскакиваетъ проворно и наполовину садится, опираясь на руку, показывая пальцемъ на слѣпого).—Ты... ты... ты видѣлъ... ты, слѣпой?

Слѣпой (медленно киваетъ головой).

Инокъ.—Ты, ты видѣлъ храмъ солнца этими глазами?

Слѣпой.—Да, видѣлъ вотъ этими глазами и выкололъ ихъ, чтобы не видѣть больше.

Инокъ (въ ужасѣ).—Выкололъ свои глаза?

Слѣпой (тономъ чтенія).—Отсѣки и отбрось тотъ членъ, что искушаетъ тебя, такъ написано.

Инокъ.—И ты выкололъ свои глаза?

Слѣпой.—Да!

Инокъ.—Выкололъ свои глаза вотъ этими руками?

Слѣпой.—Нѣтъ, не руками, силой своей воли. Обратись къ своей вѣрѣ, и горы сдвинутся съ мѣстъ; что въ сравненіи съ ними глаза, чтобъ остаться на мѣстѣ.

Инокъ (подумавъ, съ сомнѣніемъ).—И ты говоришь, что поклонился солнцу.

Слѣпой—Да, я согрѣшилъ, инокъ, и вотъ почему понимаю тебя, вижу твою душу и говорю: „осторожнѣй, то дьяволъ пробудился въ тебѣ, твой черный дьяволъ".

Инокъ.—Такъ вотъ что понялъ ты! Меня влечетъ свѣтъ и красота, меня влекутъ боги къ себѣ.

Слѣпой.—Всѣ дьяволы были тоже богами когда-то, инокъ. Это побѣжденные боги, и ты долженъ побѣдить ихъ.

III.

Игуменъ (входитъ грустный и согбенный).—Привѣтъ вамъ.

Слѣпой (встаетъ).

Игуменъ (подходя къ постели). — Какъ ты себя чувствуешь? Только что вернулся съ суши; говорятъ, ты звалъ меня.

Инокъ.—Да, я слышу свѣжесть моря, что вѣетъ отъ твоей одежды.

Игуменъ.—Я только что сошелъ съ плота.

Инокъ (восторженно).—Съ плота... съ плота...

Игуменъ (сурово).—Зачѣмъ ты звалъ меня?

Инокъ (помолчавъ).—Отецъ, я поклонился старымъ богамъ.

Игуменъ (сурово и зло).—Очень естественно.

Инокъ.—Что?

Игуменъ.—Конечно, конечно, я ожидалъ... Вѣдь онъ обѣщалъ тебѣ своего коня, свой мечъ и свою родную дочь... какъ знать, можетъ быть, придетъ день—и свой княжескій скипетръ!

Инокъ (обиженно).—Отецъ!...

Игуменъ.—Конечно, конечно! Ради всего этого стоитъ отречься отъ Бога. (Внезапно разсердившись.) Но меня, зачѣмъ ты звалъ меня сюда?

Инокъ.—Кого же мнѣ было звать, отецъ игуменъ?

Игуменъ.—Ты ошибся. Позови отца Антона.

Инокъ.—Отецъ!

Игуменъ.—Только плотъ отца Антона перенесетъ тебя туда... гдѣ твое сердце...

Инокъ.—Ты гонишь меня?

Игуменъ.—Я посылаю тебя въ твой желанный міръ.

Инокъ (горько, но спокойно).—Посылаешь меня въ мой міръ.

Но кто далъ тебѣ право по желанію вырвать меня изъ міра и по желанію же бросить обратно въ міръ?... Кто далъ тебѣ право связать мою душу, сковать мои чувства? Кто далъ тебѣ право стать теперь передо мной и укорять меня?

Игуменъ (сломленный).—Ты правъ. Я хотѣлъ невозможнаго. Я хотѣлъ освободить тебя отъ того длиннаго извилистаго пути огорченій и мукъ, по которому только доходитъ человѣкъ до этой святой обители. Я хотѣлъ невозможнаго. Сними вериги и уходи!

Инокъ.—Мнѣ уйти, зачѣмъ и куда?

Игуменъ.—Въ міръ.

Инокъ.—Въ міръ? (Молча качаетъ головой и говоритъ злорадно.) Нѣтъ, настоятель, мой міръ здѣсь, вотъ на этомъ островѣ, я здѣсь позналъ старыхъ боговъ и здѣсь буду имъ поклоняться.

Игуменъ (смотритъ удивленно, потомъ говоритъ медленно и рѣшительно).—Нѣтъ! ужъ этого я не допущу, инокъ!

Инокъ.—Допустишь, ты самъ хотѣлъ этого... Я не видѣлъ другого міра, я здѣсь построилъ свой міръ.

Игуменъ (рѣзко).—Послушай! Здѣсь скитъ и святое мѣсто, гдѣ съ этихъ поръ ты—мірской гость, случайный паломникъ, а ты знаешь, что правъ у паломника только на три дня... (Къ выходу.)

Слѣпой.—Игуменъ, ты слишкомъ строгъ.

Игуменъ (полуобернувшись).—Нѣтъ, святой отецъ, онъ былъ боленъ, и я уступилъ, ибо ты слышалъ, я ему далъ цѣлыхъ три дня. Но по истеченіи трехъ дней плотъ отца Антона долженъ доставить его на берегъ. (Уходитъ.)

IV.

Инокъ.—Плотъ... плотъ...

Слѣпой.—Забудь тотъ плотъ, инокъ. Забудь этотъ колеблющійся мостъ, что связываетъ тебя съ міромъ, забудь эти сплетенныя другъ съ другомъ два бревна!

Инокъ.—Сплетенные другъ съ другомъ... да, другъ съ другомъ сплетенные.

Слѣпой.—Еще не поздно; задуши въ себѣ эти воспоминанія, побѣди стараго дьявола, и пусть все это превратится въ болѣзнь, которая нашла на тебя и прошла. (Протягивая надъ нимъ руки.) Уповай на Бога, инокъ! (Идя къ выходу, на полдорогѣ.) Ночью, если тебѣ нужно будетъ, постучи въ стѣну, приду помочь тебѣ.

Инокъ.—Чѣмъ можешь ты помочь мнѣ, ты, слѣпой, ты, который выкололъ себѣ глаза?

Слѣпой (ощупью ищетъ выхода).—Какъ-нибудь помогу, инокъ; ощупью, ощупью. Постучи въ стѣну, если нужно будетъ. (Уходитъ.)

V.

Инокъ (обнявъ колѣни, сидитъ на кровати нѣкоторое время неподвижно, потомъ насмѣшливо говоритъ, качая головой).—Ощупью, ощупью... и говоритъ: забудь плотъ...

Седа (чуть обрисовывается въ дверяхъ).—Забудь, забудь плотъ.

Инокъ (вздрогнувъ, шопотомъ).—Седа!

Седа.—Забудь и Седа.

Инокъ.—Мнѣ забыть тебя?

Седа.—Забудь меня, я твой черный дьяволъ.

Инокъ.—Ты бѣлое крыло моей души. Я сидѣлъ одинокій и печальный на пескѣ пустыни, и ты пришла и окружила мою жизнь, вернула чувствамъ ихъ природу и дала море моему сердцу, море,—откуда рождается солнце, гдѣ я разъ обнималъ тебя.

Седа.—Забудь, забудь все это! Еще не поздно, будь снова тѣмъ, чѣмъ ты былъ, подумай... тебѣ дали цѣлыхъ три дня.

Инокъ.—Нѣтъ, Седа, ужъ нѣтъ возврата; и не могу и не хочу. Я поклонился твоимъ богамъ, я совершилъ возліяніе твоимъ богамъ, я выпилъ изъ рога наслажденія. Я тебя только жажду теперь, я только объятій твоихъ хочу теперь.

Седа (подвигаясь впередъ, раскрывая объятія).—Приди, я твоя...

Инокъ (тоже сгибаясь впередъ съ кровати).—Седа... но вѣдь ты только греза.

Седа.—Приди и будь и ты самъ грезой.

Инокъ.—Грезой?

Седа.—Приди опять туда...

Инокъ (испуганный и удивленный).—Въ море?

Седа.—Туда, гдѣ разъ уже обнималъ меня.

Инокъ.—Гдѣ ты въ моихъ объятіяхъ дрожала каждой частицей своего тѣла.

Седа.—Гдѣ дрожали волны и завывала буря.

Инокъ.—Гдѣ подъ ударами моими кипѣла пѣна.

Седа.—Приди, приди туда, если хочешь вновь обнять меня, только туда.

Инокъ.—Приди, какъ только вновь заволнуются воды, какъ только вновь запѣнится море. (Постепенно становится въ постели на колѣни.) Да, когда заволнуются воды, когда запѣнится море.

Седа.—Приди, сплетемся, и я понесу тебя въ своихъ объятіяхъ изъ пропасти въ пропасть, изъ міра въ міръ, изъ сферы въ сферу, понесу тебя къ новымъ неизвѣстностямъ, къ тѣмъ новымъ мірамъ, о которыхъ ты и твой міръ не имѣете никакого понятія. Приди!

Инокъ.—Приду. Первый разъ, когда я обнялъ тебя, пер мной раскрылось столько неизвѣстнаго; я приду вновь обн тебя, и пусть вновь раскроются новыя неизвѣстности.

Седа.—Приди, я понесу тебя далеко, далеко отъ узкихъ п дѣловъ твоей жизни, понесу тебя къ новому существованію, новымъ формамъ, къ новому бытію.

Инокъ (увлеченный).—Къ новой, къ новой жизни!

Седа.—Приди слиться съ моремъ, слиться со свѣтомъ и т ломъ, слиться со мной и Астхикъ, слиться съ Вахагномъ и гами.

Инокъ.—О поскорѣй, о поскорѣй!

Седа (отступая).—Какъ только заволнуются воды, какъ тол запѣнится море...

Инокъ (сдавленнымъ голосомъ).—Какъ только заволнуются вс какъ только запѣнится море...

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Площадь передъ церковью.

То же самое, что во второй картинѣ перваго дѣйствія. День.

I.

Собрались монахи и взволнованно разговариваютъ. **Инокъ**, молчаливый и с доточенный, стоитъ, прислонившись къ дереву.

Молодой монахъ (удивленно).—Что ты говоришь? Что говоришь?

Отецъ Адамъ.—Кто слыхалъ что-либо подобное?

Отецъ Лазарь (съ насмѣшкой).—Ха-ха-ха! Игуменъ по рился съ церковью!

Отецъ Симонъ.—Перестань такъ непочтительно смѣят

Другой монахъ.—Но вѣдь правда, что онъ не приход въ церковь?

Отецъ Адамъ.—Гдѣ онъ теперь?

Одинъ изъ монаховъ.—Удалился въ келью. Вѣрно, таетъ или молится.

Старый монахъ.—Охъ, ужъ это чтеніе. Нѣтъ, не къ д все это.

Отецъ Симонъ.—Старикъ, подумалъ ли ты о томъ, чт воришь?

Старый монахъ (удаляясь).—Я ничего не сказалъ.

Отецъ Симонъ.—Онъ нашъ глава, нашъ руководители

Старый монахъ.—Я ничего не сказалъ. (Уходитъ.)

Отецъ Симонъ (выходя за нимъ).—Постой, постой, святой отецъ!

Отецъ Давидъ (задумчиво). — Правда, высокомѣріе, это—смертный грѣхъ.

Отецъ Адамъ.—Человѣкъ долженъ быть кроткимъ и смиреннымъ.

Одинъ изъ монаховъ.—Смиреннымъ, смиреннымъ...

Другой монахъ.—Кроткимъ и смиреннымъ.

Всѣ трое уходятъ.

Отецъ Лазарь (какъ бы самъ съ собой).—Игуменъ поссорился съ церковью! (Стараясь заглушить смѣхъ, выходитъ за ними.)

II.

Инокъ все такъ же недвижимъ у дерева.

Отецъ Давидъ (единственный, оставшійся изъ группы, сначала стоитъ, задумавшись, затѣмъ качаетъ головой съ видомъ человѣка, ничего не понимающаго, и подходитъ къ иноку).—Ты слышалъ, инокъ, слышалъ?

Инокъ.—Слышу, слышу... оставь меня, не мѣшай слушать.

Отецъ Давидъ (удивленно).—Что?

Инокъ (показывая вглубь).—Вотъ, прислушайся!

Отецъ Давидъ.—Что это?

Инокъ (таинственно). — Воды волнуются, воды начали волноваться...

Отецъ Давидъ. Эхъ, ничего не подѣлаешь,—ночью, вѣрно, буря будетъ.

Инокъ (сильно взволнованный).—Буря... буря?

Отецъ Давидъ (равнодушно). — Можетъ быть, погода измѣнилась.

Инокъ (внезапно схвативъ товарища за руку). — Значитъ, въ эту ночь,—ты думаешь въ эту ночь?

Отецъ Давидъ.—Какъ ты дрожишь! Бѣдный инокъ, съ той самой бури ты напуганъ, успокойся, успокойся. Идемъ въ церковь, помолись, сердце облегчится.

Инокъ (внезапно).—Идемъ на берегъ.

Отецъ Давидъ.—На берегъ?

Инокъ. — Идемъ, я хочу видѣть наступленіе бури. Но... но одинъ не могу... Знаешь, манитъ... будто притягиваетъ, притягиваетъ. (Крѣпко прижимается къ дереву.)

Отецъ Давидъ. — Лучше поди, ложись, инокъ. Напрасно ты такъ рано поднялся, въ твоихъ глазахъ еще жаръ. Пойдемъ, я поведу тебя въ келью.

Инокъ (медленно опускается и садится, задѣвая спиной за дерево).—Оставь, оставь, оставь меня. Оставь, я хочу видѣть наступленіе бури.

Отецъ Давидъ (стоитъ около инока, не зная, что предпринять.)

III.

Одинъ изъ монаховъ (вбѣгая).—Игуменъ! игуменъ!

Слышатся голоса, заглушенный шумъ и поодиночкѣ, попарно и вперемежку входятъ монахи, суровые и задумчивые. Приходятъ и выстраиваются одинъ возлѣ другого.

Одинъ монахъ ведетъ слѣпого.

Слѣпой.—Но въ чемъ дѣло, что случилось?

Его проводникъ.—Сказалъ уже—не знаю, отецъ игуменъ приказалъ.

Одинъ изъ монаховъ.—Тише, пришелъ.

Отецъ Давидъ (какъ бы пробуждая инока). — Встань, инокъ, — игуменъ.

Инокъ (осматривается и встаетъ.)

IV.

Игуменъ (грустный, медленно выходитъ изъ глубины. Всѣ здороваются. Бросаетъ на толпу молчаливый долгій взглядъ).—Всѣ тутъ?

Голосъ.—Всѣ, отецъ игуменъ.

Игуменъ (садится на высокій камень. Выжидательное молчаніе). — Мнѣ нужно вамъ сообщить нѣчто. (Подумавъ.) Видите эту церковь, которая почти закончена и гдѣ ужъ столько времени возносимъ мы молитвы нашему Богу. Но церковь эта не посвящена нашему Богу.

Всеобщее удивленіе и движеніе.

Отецъ Симонъ.—Что ты сказалъ, отецъ игуменъ!

Игуменъ.—Эта церковь не посвящена нашему Богу. Когда я строилъ эту церковь, я еще не былъ оторванъ отъ міра. (Перешептываніе.) Я думалъ, что былъ оторванъ. Мы всѣ, оставившіе міръ и пришедшіе въ пустыню, принесли все же съ собой большой осколокъ міра въ глубинѣ нашей души, тайную внутреннюю тоску по удовольствіямъ, мелкую жажду скрытыхъ наслажденій, тонкую липкую сѣть нашей прошлой жизни, борьбы и волненій и невольныя воспоминанія. Все это было еще съ нами, когда мы строили эту церковь. Эти тайныя скрытыя волненія построили эту церковь; этотъ съ нами изъ міра пришедшій осколокъ міра построилъ эту церковь. Эта церковь принадлежитъ міру, а не Богу. Мы не можемъ больше молиться подъ ея сводами. Эти своды должны быть разрушены.

Голоса (пораженные, ужаснувшіеся).—Разрушены! разрушены!

Отецъ Адамъ.—Наша церковь разрушена!

Молодой монахъ.—Наша новая церковь разрушена.

Игуменъ.—Да, мы должны разрушить ее и построить новую.

Голоса (удивленіе и насмѣшка).—Новую... новую...

Игуменъ.—Новую. И эту новую церковь мы сами должны строить. Золото, пришедшее изъ міра,—даръ мірскихъ чувствованій, мастера, пришедшіе изъ міра, — мірскія понятія, мірское искусство. Только самъ человѣкъ можетъ построить храмъ, посвященный его Богу, своей спиной, своими руками, своимъ разумомъ. Какую форму приметъ наша новая церковь, я еще и самъ опредѣленно не знаю. Подумаемъ вмѣстѣ и создадимъ.

Старый монахъ (иронически). — Что мы за мастера, отецъ игуменъ! Что можемъ мы построить, если даже захотимъ!

Игуменъ.—Воля—все, старикъ, пожелай и построишь, если имѣешь вѣру въ силу своей воли, величиной хотя бы съ горчичное зерно!

Старый монахъ.—Эхъ, прошли тѣ времена!

Игуменъ.—Нѣтъ, не прошли, еще не пришли тѣ времена; черезъ мою новую церковь должны мы пойти навстрѣчу тѣмъ временамъ.

Старый монахъ. — Послушай, отецъ игуменъ, послушай меня старика. Ты много читалъ и исказилъ свой умъ. Ты вступилъ на ложный путь! Не мудрствуй, это путь еретиковъ!

Игуменъ (гордо).—Это путь апостоловъ, этотъ путь прошелъ самъ Христосъ.

Отецъ Лазарь.—Ухъ... слышите?

Шопотъ и огорченіе.

Старый монахъ. — Не говори такъ безразсудно, отецъ игуменъ!

Отецъ Адамъ.—И съ такимъ самомнѣніемъ.

Отецъ Антонъ.—И оставь въ покоѣ насъ и нашу церковь, намъ не нужны постройки новой формы; эта форма перешла къ намъ отъ нашихъ дѣдовъ.

Одинъ изъ монаховъ.—Мы не каменщики и не мастера.

Отецъ Адамъ.—И не пришли сюда возводить и разрушать стѣны.

Другой монахъ.—Мы пришли сюда отдыхать.

Отецъ Закарья.—Да, отдыхать и молиться.

Молодой монахъ. — И зачѣмъ разрушать нашу новую красивую молельню? ничего не понимаю, какой смыслъ, зачѣмъ?

Отецъ Закарья.—Церковь, на которую потрачено столько денегъ и труда!

Отецъ Лазарь.—И что скажемъ мы князю, княгинѣ, которые взяли на себя всѣ расходы?

Голоса (смѣшанные).—Конечно... конечно... князь... княгиня.

Отецъ Закарья.—И кто послѣ этого будетъ давать десять мѣръ пшена, припасы, столько даровъ?

Голоса (смѣшанные).—Конечно... конечно... пшеница... припасы.

Отецъ Адамъ.—Оставь въ покоѣ насъ и наше житье!

Отецъ Закарья.—Дастъ ли намъ хлѣба та церковь, которую ты собираешься строить?

Отецъ Давидъ.—Какъ бы ни былъ скуденъ нашъ столъ, а хлѣбъ нуженъ, чтобы жить!

Старый монахъ.—Чтобъ забота о жизни не давила насъ.

Отецъ Мовсесъ.—Чтобъ она не мѣшала нашей молитвѣ.

Старый монахъ.—Опомнись, отецъ игуменъ, пока еще не поздно, и оставь нашу пустыню въ покоѣ и тишинѣ.

Игуменъ (сначала стоитъ растерянный подъ градомъ упрековъ, затѣмъ поднимаетъ голову и смотритъ изумленно на окружающихъ). — Вы... тутъ... вокругъ меня... я... тутъ... между вами... Я вашъ настоятель... вы моя братія... мной учрежденная. Братія... что за союзъ между мной и вами. Какъ будто пелена спадаетъ съ глазъ... Какъ это случилось, что я не понималъ такой ясной вещи, такой очевидной... До этихъ мѣстъ, до пустыни, могли мы итти вмѣстѣ... До этихъ предѣловъ можно довести человѣка, но дальше, дальше человѣкъ ужъ самъ долженъ итти. Вы правы... эта церковь должна остаться, это—ваша церковь; войдите, войдите туда, она дастъ вамъ безконечныя молитвы и утѣшеніе... она раскроетъ вамъ врата рая... освободитъ васъ отъ всѣхъ дьяволовъ, она дастъ вамъ и вашъ хлѣбъ, и вашъ покой; войдите туда, и да будетъ миръ съ вами! Но это не то, чего я ищу; я ищу труда, внутренняго, неустаннаго, свободнаго исканія, безконечныхъ внутреннихъ завоеваній: за высью высь, за крѣпостью крѣпость, черезъ пропасти сомнѣній, съ восхожденіями и паденіями, безпрерывнымъ полетомъ ввысь, изнурительнымъ трудомъ по пути къ истинѣ. Войдите, войдите въ свою церковь, я же пойду строить мою церковь... но на этотъ разъ я... только одинъ я. Я построю зданіе, жилище, достойное моего Бога, храмъ, подъ сводами котораго ни одно слово мною возносимой молитвы не будетъ ложнымъ, ни одинъ отзвукъ моихъ словъ не зазвучитъ пусто!

Отецъ Давидъ (насмѣшливо).—Гдѣ же, отче игуменъ, ты возведешь твое новое зданіе?

Отецъ Лазарь (смѣясь).—Изъ чего оно будетъ, изъ гранита или изъ мрамора?

Игуменъ.—Гранитъ и мраморъ, кремень и всякій камень я оставляю мірскимъ богамъ. Основаніемъ моего храма будетъ мой разумъ, колоннами—моя воля, куполомъ—моя вѣра!

Старый монахъ.—Слишкомъ шатко, игуменъ, основаніе твоего новаго зданія.

Игуменъ (спокойно).—Шатко—такъ рухнетъ.

Отецъ Давидъ.—И послѣ того?...

Игуменъ.—Построю новое.

Старый монахъ.—Но этому конца нѣтъ!

Игуменъ.—А ты хочешь, чтобъ былъ конецъ. Пока живемъ, мы должны строить, должны строить храмъ нашему Богу... должны строить и разрушать; всегда и всегда строить, но никогда, никогда не кончать... Какъ только кончимъ... это ужъ не Божій храмъ, а (показывая на церковь) кумирня...

Отецъ Лазарь (разъяренно).—Поноситъ, поноситъ нашего Бога!

Игуменъ.—Только самыя низкія души могутъ поносить Бога, которому нѣкогда поклонялись. Но я вижу, что мы не понимаемъ другъ друга... Прощайте, да будетъ съ вами Богъ!

Хочетъ уйти, но изъ толпы выдѣляется инокъ и преграждаетъ путь.

Инокъ.—Постой!

Игуменъ.—Въ чемъ дѣло? Можетъ, хочешь вновь со мной? Иди, я знаю, твоя душа способна на полетъ...

Инокъ.—Постой! Скажи... съ твоего зданія будетъ виденъ восходъ солнца?

Игуменъ.—Забудь солнце и его восходъ, чтобъ взошелъ для тебя восходъ восходовъ, чтобъ засвѣтило тебѣ солнце солнцъ!

Инокъ.—Постой. Скажи... съ твоего зданія будетъ слышенъ вотъ этотъ шумъ? (Показывая вглубь.) Слышишь?

Игуменъ.—Какой шумъ? Я слышу волнующееся море.

Инокъ.—Да, вотъ это.

Игуменъ.—То, чего ищешь ты, дитя, это—первая церковь человѣка, первоначальная!

Инокъ.—Нѣтъ, ужъ ты не обманешь меня словами пренебреженія. Говори прямо, скажи, донесется ли до твоей церкви шумъ моря?

Игуменъ.—До моей церкви не донесется ни одно наружное волненіе, ни одинъ наружный шумъ. Если хочешь со мной, покинь надежду на солнце и море.

Инокъ (давая дорогу).—Проходи въ такомъ случаѣ.

Игуменъ (удаляясь).—Жаль, инокъ, твоя мысль имѣла крылья когда-то!

Инокъ (вслѣдъ).—Жаль, отецъ игуменъ, твое сердце имѣло крылья когда-то!

Слѣпой (простирая руки).—Я... я хотѣлъ бы съ тобой...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Высокій берегъ моря.

Справа и слѣва—скалы. Каменистая земля постепенно возвышается и въ глубинѣ образуетъ утесистый заливъ моря. Ночь. Волненіе на морѣ.

I.

У утеса страшный шумъ волнъ.

Волны, похожія на женскія тѣла, виднѣются до пояса и стараются повиснуть на скалѣ, но только на мгновеніе,—онѣ тотчасъ же съ плескомъ падаютъ внизъ. Безпрерывное волненіе и шумъ; волны сталкиваются, увлекаютъ одна другую, и въ этомъ смятеніи слышится:

Разныя волны (отрывисто, подхватывая слова предыдущей).—

Эй, пропадешь!
Ты не дойдешь!
Къ камню прижмись!
Крѣпче держись!
Я лечу, лечу!
Мѣсто плечу!
Дошла, дошла!
Уже ушла!
Шла, шла...
Теченьемъ захвачены!
Смятеньемъ охвачены!
Какъ шипимъ мы!
Какъ шумимъ мы!
Тише, тише!
Выше, выше...
Плещемся!
Тѣшимся!
Нашла?
Шла, шла...
Ищу!
Эй, не пущу!
Постой, молчи!

Нѣтъ, закричи!
Такъ закричимъ?
Кричимъ!
Кричимъ!

Группа волнъ (вмѣстѣ).—Эй, слышишь ли, слышишь?

Страсть и желанье въ каждомъ кипитъ...
Эй, чуешь ли, чуешь?
Воды волнуются, море манитъ...

Другая группа (удаляясь, насмѣшливо).—Нѣтъ, лучше же, лучше—
Сиди, себя мучь же!

Голосъ изъ первой группы (издалека).—Эй, слышишь ли, слышишь?

Страсть и желанье въ каждомъ кипитъ...
Эй, чуешь ли, чуешь?...

Черезъ нѣкоторое время у утеса воцаряется тишина и явственнѣе доносится глухой шумъ бури.

II.

Инокъ (выбѣгаетъ изъ-за скалъ, его волосы растрепаны, одежда въ безпорядкѣ, глаза блуждаютъ).—Я пришелъ... пришелъ... (Вдругъ останавливается, третъ лобъ, оборачивается и говоритъ сердито).—Ну, прощай островъ, прощай, пустыня, прощайте и вы, темные своды храма, прощайте, мои молитвы, и окуриваніе ладаномъ моей души; прощай и ты, неумолимый и мстительный Богъ, къ которому я обращалъ свои желанья и молитвы. И ты прощай, моя келейка, моя одинокая, нѣмая келья, ужъ не вернусь къ тебѣ... Вонъ, еще горитъ тамъ внутри тусклый свѣтъ моей лампады... Къ утру онъ, покинутый, долженъ погаснуть и ужъ никогда не зажжется... Пусть гаснетъ!

Сильный порывъ вѣтра.

Инокъ (вздрагиваетъ, поворачивается къ морю и тоскливо простираетъ руки).—Раскрой объятья, Седа, простри руки, вотъ и волненье водъ, и набѣгъ бури; раскрой объятья, я снова припаду къ твоему благоухающему тѣлу, снова, дыханье къ дыханью, подъ напоромъ волнъ, пойду я къ новой большой неизвѣстности, къ новому существованію и новой жизни, къ той, которую ты мнѣ обѣщала... (Дѣлаетъ шагъ впередъ.) Раскрой объятья, Седа!

III.

Отецъ Симонъ (спрыгиваетъ съ верхней скалы прямо къ иноку и преграждаетъ ему путь, запыхавшись).—Постой! (Схватившись за грудь.) Задыхаюсь, задыхаюсь!

Инокъ (застигнутый врасплохъ, сурово).—Прочь съ дороги!

Отецъ Симонъ.—Постой, несчастный!

Инокъ (готовый къ борьбѣ).—Не преграждай пути!

Отецъ Симонъ.—На твоемъ пути тьма и пропасть.

Инокъ.—Отстранись, человѣкъ!

Отецъ Симонъ.—Бойся этой тьмы и пропасти!

Инокъ (разъяренно).—Эй, довольно, прочь съ вашими пропастями и тьмой, прочь съ вашими безконечными страхами. Страхъ передъ свѣтомъ и радостью, страхъ передъ тьмой и страданіемъ, страхъ передъ богами, страхъ передъ адомъ. Прочь, очисти путь! Тамъ нѣтъ ни тьмы, ни пропасти! Передо мной лишь море и буря!

Отецъ Симонъ.—Передъ тобою смерть, несчастный!

Инокъ.—Смерть—вашъ страхъ и выдумка вашего страха!

Отецъ Симонъ.—Боже мой, онъ сошелъ съ ума!

Инокъ.—Смерть это тутъ, вотъ эта ваша пустыня, эта жизнь въ страхѣ и умираніи, а тамъ—свобода, волненіе и движеніе, тамъ жизнь, я хочу въ лоно жизни! (Вдругъ сильно толкаетъ монаха и опрокидываетъ его.) Прочь съ пути! Я хочу жить, жить... Седа!... (Бросается въ море.)

Отецъ Симонъ (полуприподнявшись съ земли, въ ужасѣ, сдавленнымъ голосомъ).—Погубилъ, погубилъ свою душу!

Тишина, шумъ волнъ.

IV.

Изъ-за скалъ постепенно приходятъ монахи, съ развѣвающимися отъ вѣтра одеждой и волосами.

Отецъ Адамъ.—Гдѣ онъ, гдѣ?

Отецъ Давидъ.—Ты видѣлъ?

Отецъ Закарья.—Въ какую сторону онъ прошелъ?

Отецъ Лазарь (вбѣгая).—Гдѣ онъ, гдѣ?

Отецъ Симонъ (показывая на море).—Вотъ... тамъ...

Толпа (въ ужасѣ, вполголоса).—Въ морѣ.

Отецъ Симонъ.—Погибла его душа!

Одинъ изъ монаховъ.—Охъ, проклятъ этотъ утесъ, отсюда одинъ отшельникъ бросился въ море.

Слѣпой (входитъ, повиснувъ на рукѣ другого монаха, задыхающійся и крайне взволнованный, простирающій впередъ обѣ руки).

Одинъ изъ монаховъ.—Пришелъ его слѣпой, его слѣпой.

Слѣпой (останавливается и, выпрямившись во весь ростъ, не двигаясь, произноситъ во всеобщей тишинѣ.)—Правда, это правда?

Всѣ (молчатъ, какъ окаменѣлые.)

Слѣпой (поднимая руки).—Значитъ... Боже мой...

Отецъ Лазарь. — Да... это месть Божья... Желаніе разрушить церковь не можетъ остаться безнаказаннымъ. Месть старшему пала на главу самаго младшаго.

Отецъ Мовсесъ.—Ахъ, нашъ бѣдный, нашъ добрый, нашъ чистый инокъ!

Отецъ Адамъ.—Смиренный и добрый, скромный и святой.

Толпа.—Онъ былъ святымъ, святымъ.

Отецъ Закарья. — Спустимся на берегъ, братья,—можетъ найдемъ трупъ, хотя бы трупъ.

Молодой монахъ.—Пойдемъ, притащимъ плотъ.

Отецъ Антонъ.—Трудно, но необходимо притащить плотъ.

Слѣпой.—Плотъ?

Отецъ Антонъ.—Удивительная вещь, самъ отъ моря спасъ чужую жизнь, а свою отдалъ морю...

Молодой монахъ.—Пойдемъ, пойдемъ, поищемъ!

Отецъ Мовсесъ (устремивъ глаза вверхъ, съ пророческимъ видомъ.)—Слушайте, братья, если Господь сжалится и мы найдемъ трупъ, мы должны похоронить его у порога храма. Жертвеннаго тельца закалываютъ у порога храма.

Отецъ Давидъ.—Господь говоритъ твоими устами: похоронимъ у порога храма.

Толпа (удаляясь).—Похоронимъ, похоронимъ у порога храма!

(Всѣ уходя, забываютъ **слѣпого**, который остается одинъ.)

V.

Слѣпой (разбитый).—Идите... хороните у порога вашей церкви... у порога старыхъ боговъ... о, могучи... сильны старые боги... еще слишкомъ сильны.

Голосъ.—Напрасно выкололъ себѣ глаза.

Слѣпой (съ глубокимъ волненіемъ, въ ужасѣ).—Кто это, кто дерзаетъ?

Голосъ.—Напрасно выкололъ себѣ глаза.

Слѣпой (въ страхѣ, отшатнувшись).—Чей это голосъ? Я хотѣлъ бы заглянуть вглубь твоихъ глазъ...

Голосъ.—Напрасно выкололъ себѣ глаза...

Слѣпой.—Напрасно?!

Перевела **Србуи Лисиціанъ.**

Соколовъ и Даниленокъ.

I.

Въ день весенній, голубой,
Они пришли на судъ.
Даниленокъ блѣдный былъ, прямой
И тоненькій, какъ прутъ.
А Соколовъ сутулилъ плечи,
Все опускалъ рѣсницы...
Такія разныя эти лица!
Была случайной встрѣча?

Они вошли и сѣли рядомъ,
Строгіе, безъ словъ.
Не обмѣнялись даже взглядомъ—
Даниленокъ и Соколовъ.
И было видно, что ихъ мучаетъ,
Тревожитъ свѣтъ весны...
Ихъ имена жестокимъ случаемъ
Навѣки сплетены.

Ихъ дѣло здѣсь, въ тетради красной,
За номеромъ девяностымъ.
А все несказанное, неясное,
Додумать вѣдь такъ просто!

II.

Это ночью случилось, работала смѣна ночная.
Даниленокъ, согнувшись, недвижно сидѣлъ подъ машиной.
Ночь была голубая,—это было въ началѣ мая,—
Ночь короткой была, а казалась очень длинной...

Всѣ устали... И это случилось нежданно:
Надавилъ Соколовъ безшумный тонкій рычагъ.
Колесо повернулось, и товарищъ упалъ, крича...
Ремень зашипѣлъ, и машина рванула...

Нѣтъ, дальше нельзя говорить!
Дальше видѣть не надо,—
Развѣ можно на кровь смотрѣть?
Ей отъ лишняго взгляда еще больнѣе краснѣть.

III.

Принесли. Уложили на чистую бѣлую койку.
Повезли на колесикахъ въ бѣлый и свѣтлый залъ.
Суетился служитель, тараторилъ съ врачами бойко...
Здѣсь умираютъ? Ну, кто бы это сказалъ!

Сквозь стеклянныя стѣны свѣтило солнце ясно,
И казалось, лишь радость весенняго дня—настоящее...
А подъ маской изъ марли Даниленокъ лежалъ безгласно,
Словно спящій.

Онъ проснулся лишь въ синія сумерки,
Онъ проснулся безрукій.
Оглянулся, вздохнулъ: я не умеръ?
Застоналъ отъ внезапной муки.
Вдругъ вся жизнь изломалась, и сердце стало
Какъ погашенная свѣча.
Сестра, наклонясь, ничего не сказала,
Самъ увидѣлъ, какъ плоско лежитъ одѣяло
У праваго плеча...

IV.

Что онъ продумалъ въ палатѣ бѣлой,
Въ палатѣ чистой, какъ смерть?
Въ небо весеннее, въ небо несмѣлое
Долго онъ будетъ глядѣть?
Чего онъ ищетъ въ глубинахъ смутныхъ,
Гдѣ мѣсяцъ новый тонокъ,
Онъ, безработный, онъ, безпріютный,
Безрукій Даниленокъ?

Мысли о томъ, кто былъ палачомъ,
Усталымъ и случайнымъ...—
Мы ихъ не узнаемъ, мы не поймемъ,
Онѣ останутся тайной,
Тайной бѣлой палаты,
Гдѣ постели страданьемъ смяты,
Гдѣ черныя ширмы стоятъ,
Охраняя предсмертный взглядъ,
И въ безсонницу каждый устало
Проживаетъ всю жизнь сначала.

V.

Онъ вышелъ на волю полубольной,
Ему сказали: зовутъ.
Въ день весенній и голубой
Пришелъ Даниленокъ на судъ.

Онъ обвиненнаго просто встрѣтилъ,
Руку лѣвую подалъ устало.
Ярко играли лучи на паркетѣ
Полупустого зала.
Тамъ, у окошекъ, прыгали дѣти,
Капѐль немолчно стучала...
Свѣтлое небо въ окна глядѣло,
Все было обыкновенно,
Сукна, зерцало, вопросъ неизмѣнный:
— Что сообщите по дѣлу?

„Онъ меня не могъ видѣть“,—
Первыя слова Даниленка.
„Онъ меня не могъ видѣть“,—
Повторялось часто и звонко.
„Онъ меня не могъ видѣть,
Часъ поздній... темень подъ машиной...“
Это было оправданье, рѣшенное заранѣе,
Страстное, спутанное, длинное.

Не говорилось объ увѣчьи,
О томъ, что отнята рука.
Совсѣмъ, совсѣмъ не было рѣчи,
Какъ будетъ жизнь теперь тяжка.

Судья не зналъ всей острой боли,
Душа судьи была легка.
Вѣдь записали въ протоколѣ
Нестрашно: ранена рука.

Что было послѣ, тамъ, въ палатѣ,
Все Даниленокъ умолчалъ.
Скрыло плотное зимнее платье
То, чего здѣсь никто не зналъ...
Чтобъ обвиненнаго оправдать,
Онъ такъ хорошо, такъ свято лгалъ!

VI.

Стояли оба чинно рядомъ,
Когда судья всталъ,
Въ раздуміи обвелъ взглядомъ
Полупустой залъ,
И въ лица посмотрѣлъ имъ зорко,
Настойчиво, въ упоръ,
И произнесъ скороговоркой
Желанный приговоръ.

Они стояли рядомъ, близко,
Не проронивъ ни слова.
Лишь опустились низко-низко
Рѣсницы Соколова.
Онъ громко вымолвить не смогъ:
„Спасибо, дорогой...“
И молча подписалъ листокъ
Дрожащею рукой.

Горѣло солнце, какъ алмазъ,
Надъ свѣтлой головой,
Когда перо въ этотъ часъ
Юноша другой,
Не опуская свѣтлыхъ глазъ,
Бралъ лѣвою рукой.

Писцы слѣдили удивленно
За неловкимъ перомъ.
Судья придвинулся, смущенный,
Вздрогнулъ, какъ отъ грома,

И вдругъ спросилъ, еще не вѣря:
„Кисть? Одинъ суставъ?“
Судья замѣтилъ лишь теперь
Жуткій плоскій рукавъ.

Калѣка съ горечью нежданной
Отвѣтилъ: „вся рука“.
И, словно заново израненный,
Поблѣднѣлъ слегка...
И, по-земному справедливый,
Померкнулъ приговоръ.

Какъ отъ внезапнаго укора,
Всѣ опустили взоръ,
А самъ судья такъ тоскливо
Вдругъ оглядѣлъ палату...
Ужасъ былъ въ словахъ правдивыхъ:
„Никто не виноватъ“.

Такъ же сіяла цѣпь на шеѣ
У праваго судьи.
Такъ же за окнами въ аллеѣ
Летали воробьи,
Ломались льдинки, голубѣя,
И птицы щебетали...
И ни на мигъ въ судебномъ залѣ
Не стало темнѣе!

Марія Моравская.

Духъ польской культуры.

Борьба Польши за ея стократъ нарушенное и неотъемлемое право продолжается сто сорокъ лѣтъ, если ея естественнымъ началомъ и первыми судорогами считать не косцюшковское возстаніе 1794 года, а первый раздѣлъ Польши въ 1772 г., за которымъ, какъ извѣстно, послѣдовали второй и третій въ 1793 и 1795 гг. и дальнѣйшіе передѣлы этого выморочнаго наслѣдства на основаніи тильзитскаго мира (1807 г.), вѣнскаго трактата (1809 г.) и вѣнскаго конгресса (1815 г.), давшаго россійской коронѣ Царство Польское, такъ называемое „Królewstwo kongresowe“, образованное изъ большей части Герцогства Варшавскаго, съ конституціей, просуществовавшей до польскаго возстанія, вѣрнѣе, польско-русской войны 1830—31 года. Позднѣйшія движенія 40-хъ годовъ и возстаніе 63 г. закончились политической нивелировкой этого края.

На такомъ огромномъ пространствѣ времени и мѣста борьба велась почти безпрерывно, то открыто, мятежно, съ приливами бурной энергіи и отчаянія, то скрываясь отъ людскихъ глазъ, какъ незримая подземная рѣка, прорывающаяся съ новой силой наружу за сто верстъ—тамъ, гдѣ ее уже отпѣвали вмѣстѣ съ народомъ и его судьбой.

Въ зависимости отъ политическихъ и общественныхъ теченій Европы она принимала самыя разнообразныя формы: конспиративныхъ бунтовъ, пропаганды, мѣстныхъ вспышекъ, иногда почти добровольнаго мученичества отдѣльныхъ лицъ и кружковъ, заранѣе обрекающихъ себя на гибель, но все время передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ завѣтъ, приказъ свыше и какъ отрава, которая вошла въ плоть и кровь, въ самыя подчасъ отдаленныя и чуждыя политикѣ области духовной жизни, углубила русло народной памяти и выработала складку польскаго ума, польской души, польской культуры.

Слова, сказанныя Людовикомъ Мѣрославскимъ 4 августа 1847 г. въ первомъ въ Пруссіи политическомъ процессѣ о польскихъ демократахъ, которыхъ „единственнымъ романомъ молодости было освобожденіе, просвѣщеніе и возведеніе народа на пьедесталъ гражданства“, были

бы примѣнимы ко всѣмъ странамъ и ко всѣмъ освободительнымъ движеніямъ, если бы въ политически изуродованной Польшѣ эти романы молодости не превратились современемъ въ чудовищную трагедію, въ хаосъ безъ преемства, безъ передышки и развязки, въ необходимость отстаивать каждую пядь земли, языкъ, школу, обычаи, индивидуальную племенную окраску, т.-е. все то, что лежитъ въ основѣ всякаго народнаго быта, какъ нѣчто само собою понятное, элементарное и недѣлимое.

Три раздѣла, а по вѣнскому конгрессу—и четвертый, ликвидируя наслѣдіе Рѣчи Посполитой, не могли, конечно, ликвидировать польскій вопросъ. Неотступно, какъ неразрѣшимая дилемма, на протяженіи всего вѣка онъ стоитъ передъ глазами устроителей польскихъ судебъ.

И если возрождающаяся Польша временъ конституціи 3 мая могла быть опасной для сосѣднихъ державъ, то она стала стократъ опаснѣе послѣ своей мнимой политической смерти, какъ внѣдренное по частямъ въ три организма гнѣздо разложенія.

Помимо того, не было такой силы, которая могла бы помѣшать естественному тяготѣнію трехъ обезглавленныхъ Польшъ къ своей идеальной метрополіи, именно вслѣдствіе ея реальнаго небытія и неуловимости духовнаго начала жизни.

Не поляки сами по себѣ, не ихъ прошлое и не самъ по себѣ фактъ покоренія цѣлаго государства, а то, что было въ фактѣ раздѣла contra naturam, на первыхъ же порахъ создало хаосъ, для исторіи непріемлемый и требующій пересмотра. Ибо можно убить народъ, но, не убивъ его, нельзя убить идею народа. Невозможность эту понимали не только декабристы, не только Герценъ и Бакунинъ, но даже крайне умѣренные элементы русскаго общества александровскихъ и николаевскихъ временъ: часть фрондирующаго дворянства, полумасоны, полувольтеріанцы, полукрѣпостники.

Дѣйствительно, всѣ эти безконечные вводы во владѣніе польской землей, безконечное размежевываніе захваченной страны доставляли владѣльцамъ болѣе хлопотъ, опасеній и тревогъ, чѣмъ ожидаемой выгоды.

Варшавой тяготилась уже Пруссія, Польшей и Литвой—Россія, начиная съ Александра I и кончая самой близкой намъ эпохой, и еще наканунѣ войны г. Меньшиковъ совѣтовалъ правительству промѣнять Царство Польское на Восточную Галицію, какъ обузу, причиняющую государству существенный, матеріальный и моральный, ущербъ.

Мысль о возстановленіи Польши возгорается немедленно послѣ ея раздѣла. Центръ тяжести польскаго вопроса перемѣщается отнынѣ по никому невѣдомой ирраціональной линіи всѣхъ европейскихъ войнъ и переворотовъ. Въ исходѣ XVIII и началѣ XIX вѣка онъ становится вопросомъ первой международной важности, какъ вѣчная угроза и про-

тивовѣсъ, выставляемый попеременно то могуществу Франціи, то политикѣ коалиціонныхъ державъ, каждой порознь и всѣмъ вмѣстѣ. Каждая изъ трехъ державъ, ведя по отношенію къ другой политику розни и случайныхъ союзовъ за и противъ Наполеона, втягиваетъ въ кругъ своихъ интересовъ идею возстановленія Польши. Обѣщанія давались Наполеономъ и коалиціей не только безъ всякихъ обязательствъ, но съ самымъ очевиднымъ намѣреніемъ предать польскіе интересы при первой возможности и за любую цѣну, въ крайнемъ случаѣ—отдѣлаться минимальными, ничтожными уступками. Даже при неоднократныхъ обостреніяхъ добрыхъ отношеній между сосѣдними державами, даже въ случаяхъ полной противоположности интересовъ, — давность захвата, вѣчное право на территорію другого народа и согласіе на невозстановленіе Польши подтверждаются явными и тайными трактатами. Такимъ образомъ, поощряя свою польскую провинцію къ далеко идущимъ надеждамъ, данная держава вызывала почти съ безошибочной необходимостью рядъ желаемыхъ явленій: 1) умиротвореніе польскаго населенія на время войны; 2) готовность его къ матеріальнымъ жертвамъ и военнымъ услугамъ; 3) возможность польскаго возстанія въ непріятельской державѣ, воздержаніе ея польскаго населенія отъ военныхъ дѣйствій,— во всякомъ случаѣ, внутренній политическій разладъ во враждебной странѣ и арміи. Наконецъ, принималась также въ расчетъ и возможность братоубійственной войны поляковъ съ поляками, а вслѣдствіе этого и легкость неотдачи обѣщаннаго вознагражденія за помощь или молчаніе.

Итакъ, вслѣдъ за раздѣломъ политическимъ надвигался раздѣлъ еще болѣе страшный,—дальнѣйшая эксплоатація и закрѣпощеніе силъ,— политика, дѣйствующая навѣрняка, пожинающая плоды польской энергіи въ свою пользу.

Политика эта напоминала старинную соколиную охоту. Роль прирученнаго сокола играли, конечно, поляки. Пруссія ихъ натравляла на Россію, Австрія—на Пруссію, а Наполеонъ, примѣняясь къ вулканическимъ колебаніямъ Европы, смотря по обстоятельствамъ,—на ту или другую державу.

Тѣмъ не менѣе въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка освобожденіе Польши революціонной Франціей казалось вполнѣ осуществимымъ какъ польскимъ эмигрантамъ, входившимъ въ переговоры съ республиканскимъ комитетомъ безопасности, а затѣмъ директоріей, такъ и всѣмъ европейскимъ демократамъ, привѣтствовавшимъ восходящее солнце свободы.

Налицо были всѣ условія, всѣ данныя. Съ раздѣломъ Польши, произведеннымъ подъ шумъ революціи, не успѣли еще свыкнуться въ Европѣ, онъ еще не успѣлъ примелькаться хвалителямъ всякаго существующаго порядка вещей.

Не чета позднѣйшимъ свободолюбцамъ, демократы новаго республиканскаго типа высоко держали свое чело и свое знамя. Въ средѣ новыхъ людей, въ острой атмосферѣ новыхъ вѣяній, обѣщавшихъ возрожденіе всего человѣчества, быстро, за одну историческую ночь, созрѣвали идеи и замыслы. У могучаго источника жизни, гдѣ зарождались планы пересозданія всего міра, могли утолить свою печаль и жажду всѣ обездоленные люди и народы. Польская идея была какъ нельзя болѣе въ духѣ времени, въ полномъ согласіи съ магистральными направленіями эпохи.

Оснастить этотъ воздушный корабль можно было только въ единеніи съ Франціей,—и такъ началась (1797 г.) эпопея легіоновъ, на страницахъ новѣйшей исторіи одна изъ самыхъ сильныхъ и захватывающихъ.

Это были тѣ braves des braves, для которыхъ французскіе вожди не находили словъ похвалы, ни достаточнаго количества крестовъ и отличій. Они освобождали Италію, брали Римъ, дрались въ Испаніи, Австріи, Пруссіи, Египтѣ и въ Россіи, удобряли своей кровью и устилали своими тѣлами всѣ пути наполеоновскихъ фантазій. Преданные ему до поклоненія, до культа, они умирали цѣлыми корпусами на С.-Доминго и уже послѣ заката его звѣзды провожали его за Рейнъ, по ту сторону его слѣпой судьбы и счастія.

Мы знаемъ, что, несмотря на всѣ надежды и героическія усилія, въ той планетной системѣ государствъ, которую хотѣлъ создать Наполеонъ, для Польши не оказалось мѣста, если не считать дарованнаго Наполеономъ Герцогства Варшавскаго, недолгое существованіе котораго предвидѣли еще современники, и между ними одинъ изъ самыхъ умныхъ политиковъ Польши—Гуго Колонтай.

Говоря о „польскомъ романтизмѣ“, необходимо подчеркнуть это слово курсивомъ условности, какъ символъ, имѣющій болѣе широкое значеніе, чѣмъ то, которое обыкновенно придается романтизму, когда идетъ рѣчь о литературномъ направленіи или даже о характерѣ цѣлой эпохи. Польскій романтизмъ—это не только созвѣздіе или такъ называемая троица романтиковъ: Мицкевичъ, Словацкій, Красинскій, и многолюдная плеяда ихъ послѣдователей и подражателей, и не только политическій романтизмъ, выразившійся въ рядѣ пылкихъ и неудачныхъ попытокъ вернуть „золотую свободу“, но это прежде всего—народная черта, огромный идейный размахъ, огромный энтузіазмъ, огромная вѣра во всепобѣждающую силу души, которые польскій народъ, исполняя свое историческое призваніе, вносилъ въ семью европейскихъ народовъ.

Впрочемъ, и для польскихъ романтиковъ первой половины XIX в. романтизмъ не исчерпывалъ содержанія ихъ поэзіи и философіи, точно

такъ же, какъ для польскихъ позитивистовъ—позитивизмъ былъ условнымъ знакомъ,—nom de guerre, которымъ въ полемическихъ схваткахъ чаще пользовались ихъ противники—эпигоны политическаго и литературнаго романтизма, и мы увидимъ впослѣдствіи, что всякая доктрина, попавъ въ водоворотъ польской жизни, раздѣляетъ судьбу окружающей среды, уживаясь съ ней лишь постольку, поскольку она служитъ одному верховному началу—возстановленія нарушеннаго права.

Въ этомъ отношеніи Польша является чувствительной, контрольной стрѣлкой, отмѣчающей уклоненіе отъ справедливости въ политикѣ, религіи, искусствѣ, философіи.

Есть нѣчто таинственное, многообѣщающее, неизвѣстное другимъ народамъ въ томъ, что скорбь народная, какъ нѣкогда христіанство, въ сознаніи польскихъ пророковъ восходитъ отъ своей колыбели къ идеѣ искупленія всего міра.

На польской сценѣ разыгрывается какъ бы міровой процессъ, міровая трагедія, а актеры этой сцены съ какой-то невольной, стихійной необходимостью играютъ не за себя, не за рискъ и страхъ своей судьбы, а за все человѣчество.

Это цѣлое, почти еще нетронутое, опытное поле для исторіософіи, гдѣ необслѣдованные, божественные законы исторіи выступаютъ во всей ихъ наготѣ и отчетливости, и гдѣ всякій вѣсомый и измѣримый фактъ имѣетъ еще свой особенный вѣсъ и измѣреніе, какъ нѣкоторыя простыя слова, имѣющія, кромѣ обыкновенной, еще вторую оболочку, въ которой отражается все многострадальное, пережитое и передуманное прошлое человѣка.

Всѣ выдающіеся польскіе писатели, о чемъ бы они ни говорили, къ какой бы литературной школѣ они ни принадлежали, думаютъ и ощущаютъ, какъ люди, находящіеся во власти таинственной, сверхъестественной силы, привороженные разъ навсегда къ одной могилѣ, къ одному призраку и воспоминанію, къ одной загробной волѣ, которая ихъ подстерегаетъ подъ всякой широтой земли, на всякой высотѣ жизни: и въ углу стараго, заглохшаго сада барской усадьбы, и въ мансардѣ студента, и на крестьянской свадьбѣ, и въ просторныхъ свѣтлицахъ, и салонахъ европейской культуры. Если не въ самомъ содержаніи, то между строкъ, въ одномъ словѣ или крикѣ эта напряженность просочится наружу, какъ кровь, сквозь самую искусную перевязку; если не въ невольномъ параллелизмѣ Христа и Польши, смерти и Польши, то въ самомъ молитвенномъ ритмѣ слова, въ самой транскрипціи мятежной души на голоса людей и природы.

Но не только эта затаенная подземная работа исторіи, образующая языкъ, какъ трагическую маску, объединяетъ польскихъ писателей различныхъ направленій.

Есть другая, еще болѣе роковая воля, подъ давленіемъ которой самая простая, самая утилитарная идея подъ перомъ ея носителя совершаетъ полетъ отъ дѣйствительности, отъ будней тяжелаго труда, повседневныхъ жесткихъ обязанностей и неинтересныхъ людей къ польскому Космосу,—единству и свободѣ Польши.

Въ литературѣ другихъ народовъ, литературѣ болѣе строгихъ категорическихъ формъ—реализма, натурализма, символизма, это явленіе было бы страннымъ, недопустимымъ смѣшеніемъ линій и стилей. Въ польской—оно необходимо по силѣ вещей, которая весь урожай художественной культуры, точно барщину, отдаетъ въ жертву одному ненасытному Молоху. Имя ему—Польша, исторія, требующая денно-нощныхъ добровольныхъ и принудительныхъ гекатомбъ, пожирающая безразлично все и вся: геніевъ, жрецовъ отъ сего и не отъ сего міра, дѣтей, пытаемыхъ въ нѣмецкихъ школахъ, и заскорузлый людъ—польскихъ паріевъ, прусскихъ наемниковъ, воздѣлывающихъ поля разбойной Пруссіи.

A kiedyś może... kiedyś jeszcze,
gdy mi się sprzykrzy leżeć,
rozburzę dom ten, gdziè sie mieszczę,
i w słońce pocznę bieżeć...
. . . . . .
podejmę może po raz wtóry
ten trud, co mie zabijał.

Здѣсь говорится о томъ мучительномъ жертвенномъ трудѣ, который убиваетъ въ Польшѣ художника. Когда поэту наскучитъ лежать въ гробу, онъ разрушитъ домъ, въ который его вогнала судьба, расправитъ крылья и взлетитъ къ солнцу. И заключительныя слова: „и вновь сей крестъ я возложу на плечи“.

Такъ въ своемъ предсмертномъ „прости“ говорилъ Станиславъ Выспяньскій, мастеръ кисти и слова, Микель Анжело польскаго ренесанса, человѣкъ, который разметалъ Олимпъ польскихъ праведниковъ, тянулъ на страшный судъ Мицкевича, обличалъ безуміе польскаго креста и одновременно украшалъ витражи краковскихъ готическихъ костеловъ грозными, мстительными ликами святыхъ.

Сойдите въ другія, мирныя долины польскаго искусства, гдѣ властвуютъ дѣды и отцы: Болеславъ Прусъ, Элиза Оржешко, Марія Конопницкая, и вы увидите, что люди, принадлежащіе къ поколѣнію шестидесятниковъ, „обновленцевъ“, позитивисты, въ молодости ярые противники и пересмѣшники романтизма, не умолкавшіе въ призывахъ общества къ отрезвленію, спокойствію и органическому труду, тѣ же скрытые, замаскированные романтики, contra spem sperantes, только болѣе нерѣшительные и болѣе сентиментальные.

Здѣсь зачастую каждый безразличный честный поступокъ, каждое

ничтожное благодѣяніе, общественная дѣятельность людей буржуазнаго типа, чисто профессіональныя качества смышленыхъ купцовъ, способныхъ инженеровъ-техниковъ превращаются немедленно въ подвигъ, въ красоту почти прометеевскаго блеска и отзывчивости.

Въ ретортѣ химика кроется планъ спасенія отечества, старый приказчикъ, бывшій офицеръ венгерскаго возстанія, пишетъ за прилавкомъ свои мемуары, сѣрая учительница производится въ страждущія Мадонны, а разбогатѣвшій подрядчикъ—въ Наполеоны. И наоборотъ, безсердечіе или тупость ограниченныхъ людей обличается, какъ предательство, измѣна отечеству.

Тамъ, гдѣ эти крупные художники отвлекаются на одинъ моментъ отъ польской жизни, они даютъ перлы чистаго символическаго искусства (напр., „Фараонъ“ Бол. Пруса „Пиръ жизни“ Дыгасинскаго), и только привычное ухо уловитъ въ нихъ вторую мелодію.

Вернитесь къ современной изящной и изысканной литературѣ польскаго модернизма, къ „Молодой Польшѣ“.

Какъ всѣ молодыя школы, она зарождалась въ проклятіяхъ, въ разрывѣ со старыми наивными формами творчества, въ гордомъ сознаніи своего одиночества и силы.

На ея ницшеанскихъ крестинахъ въ Краковѣ, въ журналѣ Пшибышевскаго *Жизнь* провозглашалась новая эра искусства, какъ самостоятельной силы, внѣ политики, общественности, тенденціи. Позитивизмъ справлялъ уже тогда свой юбилей и оставилъ общество погрязшимъ въ мертвящей тинѣ мелкихъ интересовъ, мелкихъ идей, политическаго и общественнаго оппортунизма.

Пришли на смѣну новые люди, создали новый, пламенный языкъ, усилили его цѣлой октавой, цѣлой клавіатурой полутоновъ, годной для передачи самыхъ сложныхъ и самыхъ тонкихъ ощущеній.

Казалось, что они скинули съ себя весь старый изношенный міръ и потому обрѣли новый. Выросъ, широко развѣтвился и раскинулся духъ и, какъ плакучая ива, еще глубже наклонился къ отравленному источнику польской жизни. Рана стала шире и чище, и страшнѣе стала дѣйствительность.

Въ Галиціи, на маломъ автономномъ клочкѣ земли, несмотря на широкое научное и образовательное значеніе двухъ центровъ, Кракова и Львова, и политическую бойкость габсбургской вотчины, положеніе было, пожалуй, еще безысходнѣе, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ. Здѣсь порою замирало біеніе сердца отъ переутомленія, тамъ люди засыпали на своей крошечной автономіи, какъ на пуху, и успѣли выработать типъ разъ навсегда удовлетвореннаго галичанина-австріяка.

Наконецъ, Познань, задавленная прусской громадой, ушла всецѣло

въ хозяйственныя заботы и въ отчаянную борьбу съ хищничествомъ польскихъ земель.

„Преодолѣть“ такую трижды проклятую дѣйствительность въ тройственной Польшѣ значило бѣжать постыдно съ поля битвы или, еще хуже, затаить ее передъ лицомъ своей совѣсти и сознанія. Поэтому всѣ литературныя „преодолѣнія“, на самомъ дѣлѣ, сводились къ преодолѣнію формъ, въ которыя болѣе не укладывалась жизнь, точнѣе, они сводились къ введенію современности въ философію и психологію новаго поколѣнія, новыхъ хозяевъ земли.

Исторія продолжала свое разрушительное и творческое дѣло. Измѣнилась только и усовершенствовалась до неузнаваемости чувствительность экрана. Устами Пшибышевскаго, Выспяньскаго, Жеромскаго, Станислава Бржозовскаго заговорила болѣе сознательная личность. Искусство—обѣтованная земля, единственная неограниченная стихія свободы, а не хроника, не бытописаніе, не мелкая собственность нравоучителей и проповѣдниковъ практическаго разума, не Пандемоніонъ типовъ, характеровъ, идей, въ который писатель вплетаетъ свое благородство и разсужденія о любви къ отечеству и народной гордости. Молодая Польша дала свой *паѳосъ презрѣнія*, лѣтопись своей нервной, страстной и усталой до полусмерти души. Черта неслучайная: такіе колоссы таланта, труда и знанія, какъ Станиславъ Выспяньскій и Станиславъ Бржозовскій, философъ, критикъ, романистъ, авторъ „Легенды молодой Польши“, умираютъ въ молодые годы, въ самую страду жизни. Другіе, какъ Киселевскій, Коморницкая, Ст. Корабь-Бржозовскій—поэтъ, Лицинскій—польскій Горькій, перегораютъ еще раньше.

Искусство въ Польшѣ—это своеобразная чисто-польская домашняя каторга, каторга внѣшняя и внутренняя, матеріальная и моральная. И кто не примѣнился къ польской жизни на бивуакѣ, въ вѣчномъ ожиданіи перемѣнъ, реформъ и чудесъ, кто не угадалъ чутьемъ ея идейныхъ запросовъ и настроеній, тотъ, будь онъ хоть семи пядей во лбу, не найдетъ себѣ читателей. То, что нужно и чего не нужно Польшѣ въ данной полосѣ прозябанія, хотя бы въ краткій, преходящій моментъ, на книжномъ рынкѣ равносильно закону.

Можно смѣло утверждать, что при первомъ улучшеніи политическаго быта въ Ц. Польскомъ тамъ перестанутъ слушать Стефана Жеромскаго, эолову арфу сверхъ-чуткости. По тѣмъ же причинамъ онъ менѣе популяренъ въ Галиціи, и, наоборотъ, Ст. Выспяньскій, гордость Кракова, съ его величественными, декоративными трагедіями, мало понятенъ въ Познани и русской Польшѣ, хотя оба художника могли бы войти въ Пантеонъ современныхъ европейскихъ писателей, какъ первыя величины, primi inter pares, и оба исполняютъ духовныя требы всего польскаго народа. Но особенности каждаго изъ нихъ не въ одинаковой

степени привходятъ въ три разъединенныхъ круга одного и того же общества.

Муза Выспяньскаго—польская декоративная смерть, сверхъ-человѣческаго роста, съ головы до ногъ закованный въ латы витязь, стихія его—Краковъ, величіе и окаменѣлость. Жеромскаго міръ жесточе. Это бездна и глухота безъ Бога, безъ преемства, безъ памяти, безъ жалости. Красота? Да, одно мгновеніе, и кулакъ насильника разобьетъ ее вдребезги. Стоголосой музыкѣ человѣческаго сердца отвѣчаетъ вѣчный, тупой механизмъ жизни. И подвиговъ нѣтъ. И исторіи нѣтъ, а есть только могилы, туманныя картины ужасовъ и безконечная смѣна жертвъ.

Стоитъ перебрать, какъ на четкахъ, одни названія его книгъ, чтобы убѣдиться, что онѣ принадлежали мучителю и мученику въ одномъ лицѣ и образѣ. Онѣ или положительно безнадежны или отрицательно красивы: „Призракъ“, „Расклюютъ насъ злые вороны“, „Сизифовъ трудъ“, „Бездомные люди“, „Борьба съ сатаной“, „Месть Аримана“, и въ этомъ Дантовомъ аду „Роза“ и „Краса жизни“.

Жеромскаго называютъ, какъ Достоевскаго, „жестокимъ талантомъ“. Ничего условнѣе такихъ эпитетовъ! Вліяніе Достоевскаго на „Молодую Польшу“, особенно на Пшибышевскаго, внѣ всякаго сомнѣнія. Но „жестокость“ Жеромскаго—чисто польская. Она пѣвуча, какъ лирика Словацкаго. Это—лебединая пѣсня XIX вѣка, не исполнившаго ни одного изъ своихъ обѣщаній, пѣсня молодого невольника о загубленной жизни, пѣсня замученной красавицы, нераздѣльная съ судьбой Польши. Она есть показатель того максимума внутренняго напряженія, предѣльной, допустимой въ искусствѣ черты человѣческаго страданія, за которой начинается для человѣка смерть или безуміе. И пессимизмъ Жеромскаго какой-то особенный, любовный, не встрѣчаемый у другихъ писателей. Жеромскій ненавидитъ муку, какъ палачъ ненавидитъ жизнь. „Польскія раны, — говоритъ онъ,—надо растравлять, чтобы онѣ не загноились подлостью“. И вмѣстѣ съ тѣмъ, никто такъ безумно, такъ цѣпко, такъ сладострастно не привязанъ къ жизни и къ землѣ, и ни къ кому такъ не примѣнима легенда о тѣхъ бѣсноватыхъ монахахъ, которые молитву начинали съ проклятія.

Среди современныхъ нѣтъ писателя, нѣтъ поэта, которые бы умѣли выцѣдить изъ природы и любви столько новой, еще неизвѣданной свѣжести и красоты. Жизнь для жизни, въ самыхъ ея простыхъ проявленіяхъ—полная чаша наслажденій. Дыханіе,—ѣзда черезъ лѣсъ,—жгучій голодъ,—размахъ плеча,—физическая гордость—это первый слой, возможная радость бытія, возможность счастья для здоровыхъ, сильныхъ людей. Эта рѣдкая, почти дѣтская способность удивляться себѣ и всему міру, подчеркивать всякое мимолетное ощущеніе,—начало всякаго творчества,—опредѣляетъ и отношеніе Жеромскаго къ женщинѣ.

Точно онъ выросъ въ какомъ-то старомъ, суровомъ замкѣ или монастырѣ, гдѣ о женщинахъ не говорили ни книги, ни люди, и свѣжести перваго переживанія любви, первой встрѣчи не могли изгладить потомъ ни годы, ни эротическая пошлость столицъ.

Жеромскій не идеализируетъ женщинъ. Въ немъ нѣтъ ни рыцарства, ни природной лести. А въ „Исторіи грѣха“ онъ далъ ея микрокосмъ: ея лживость, мелкія ухищренія, даже низость ея прихотей и страстей; однако вездѣ, гдѣ у него появляется любящая или любимая женщина, она окружена таинственностью, какъ южная ночь, какъ сама природа, вѣчное обаяніе которой не умаляется знаніемъ ея законовъ.

Всѣ женскіе образы Жеромскаго выразительны, правдивы не бытовыми и даже не индивидуальными чертами, а тѣмъ, что они живутъ въ знойной, экзотической средѣ его чувства. Оно только въ немъ и пластично. Оно приводитъ въ движеніе, животворитъ мельчайшіе недѣлимые атомы вашей памяти, все полусознательное, смутное, затерянное подъ сугробами хладнаго разсудка. Жеромскій творитъ молитву за все погибшее въ душѣ человѣка. Это вѣчная память души и—всесожженіе міра.

Жестокъ не онъ, а исторія, которая не считается ни съ геройствомъ, ни съ самоотверженіемъ, ни съ милліономъ разбитыхъ, распыленныхъ въ зародышѣ и въ расцвѣтѣ существованій, ни съ жертвами и могилами, какъ бы онѣ ни были высоки и священны. Тѣмъ понятнѣе такое созерцаніе жизни въ Польшѣ, отъ которой осталось пепелище да еще сознаніе историческаго долга.

Всѣ маленькіе герои Жеромскаго, — провинціальные врачи, журналисты и учителя,—трагичнѣе его генераловъ и солдатъ. Къ неизпитому морю зла они подходятъ, какъ къ засоренному колодцу, который можно очистить и сдѣлать годнымъ для питья.

У позитивистовъ эти рядовые богатыри, какъ русскіе шестидесятники, идущіе въ народъ, окрыляются новизной своего подвига, строятъ Польшу отъ низу, отъ основъ и фундаментовъ. У Жеромскаго они идутъ какъ къ прокаженнымъ, а гибель и уродство ихъ жизни неминуемы. А итти надо, не итти нельзя.

„Куда ни взглянешь,—говоритъ лучшій польскій критикъ, гр. Ст. Тарновскій,—въ общественныхъ, экономическихъ отношеніяхъ, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, въ жизни отдѣльнаго человѣка или въ событіяхъ европейскаго значенія, и въ самой скромной исторіи одной души,—вездѣ одна и та же первопричина, которая творитъ и объясняетъ все дальнѣйшее, вокругъ чего вращается вся Польша, а съ ней литература, мысль и чувство. Въ моментъ раздѣла Польши зародилось все, чѣмъ мы дышимъ до сихъ поръ. И сущность поэзіи состоитъ изъ тѣхъ же элементовъ, и самый незначительный атомъ имѣетъ тотъ же удѣльный вѣсъ“.

„Распадъ міра, — говоритъ Красинскій въ предисловіи къ поэмѣ „Заря“ („Przedświt“),—тотъ же, что въ эпоху Цезарей, въ канунъ пришествія Христа... И Польша должна понять, что милостью Бога она преобразилась изъ страны въ идею, изъ историческаго явленія—въ религіозную истину. Когда-то она была фигурой будущаго, теперь она будетъ Новымъ Завѣтомъ будущаго, знаменосцемъ права и мысли Господней“, т.-е. другими словами, исторія перешла въ сознаніе народа,— фактъ огромнаго значенія, начало новой, впервые сознательной исторіи, отвѣтственной за настоящее, прошлое и будущее, — первый видимый толчокъ, сдвигающій насъ съ мертвой точки, отдѣляющій лавину отъ снѣжной вершины. Первый *видимый*, ибо невидимыхъ было столько же, сколько явленій человѣческой слѣпоты и безразличія.

Еще въ XVI вѣкѣ, называемомъ золотымъ вѣкомъ польской литературы, когда Польша была еще сильной европейской державой, а слово раздавалось въ ней, какъ благовѣстъ, какъ огромный царь-колоколъ въ каѳедральномъ соборѣ на Вавелѣ, прозванный народомъ Зыгмунтомъ въ честь короля Сигизмунда I, ксендзъ Петръ Скарга въ своихъ проповѣдяхъ (Kazania Sejmowe) почти за 300 лѣтъ впередъ предсказалъ раздѣлъ Польши съ поразительной, непостижимой точностью. Одну изъ такихъ вдохновенныхъ проповѣдей прервалъ гонецъ, прибывшій къ королю съ доброй вѣстью о великой побѣдѣ гетмана Ходкевича надъ шведами подъ Кирхгольмомъ.

Сенаторы, послы и всѣ присутствующіе преклонили колѣни. Скарга пропѣлъ благодарственную молитву и продолжалъ свои зловѣщія предсказанія среди властныхъ и гнѣвныхъ оптиматовъ Рѣчи Посполитой, пріѣзжавшихъ на сеймъ съ отборными войсками. „На ихъ гнѣвы и угрозы,—говоритъ онъ,—я желѣзный столпъ, я—мѣдная стѣна“. Слово его погружается въ совѣсть народа и нащупываетъ самыя больныя мѣста. Ни побѣда надъ шведами, ни надъ татарами не закрываютъ передъ нимъ будущаго.

„Придетъ непріятель—вступится въ ваши распри и скажетъ: раздѣлилось ихъ сердце,—теперь они погибнутъ.

„И раздоры ваши приведутъ васъ въ рабство.

„Затонутъ всѣ ваши свободы, и будетъ, какъ говорили пророки: слуга вмѣстѣ съ господиномъ, рабыня съ госпожей и священникъ съ простымъ людомъ, богатый съ убогимъ и тотъ, который продалъ имѣніе, съ тѣмъ, который его купилъ,—одно безвольное стадо.

„Земли и великія княжества, которыя соединились съ короной и срослись съ ней въ одно тѣло, отпадутъ и расползутся, какъ ничтожныя хижины.

„И будете, какъ сирая вдова,—вы, которые правили другими народами!

„И будете притчей во языцѣхъ, примѣромъ смѣха и поруганія.

„Не токмо безъ короля своей крови и безъ избранія его, но и безъ родины и своего королевства, убогіе и жалкіе изгнанники, и гдѣ доселѣ были вамъ почетъ и мѣсто, тамъ попрутъ васъ ногами.

„Гдѣ добудете такое второе отечество, въ которомъ было бы столько славы и блеска и казны? Истинно, говорю вамъ: потерявъ вашу родную мать, вторую уже не найдете.

„Иль вы не видите женщинъ на стѣнахъ Рѣчи Посполитой? Я говорю вамъ: домъ вашъ объятъ пламенемъ, домъ вашъ рушится! А вы говорите: ничего! Польша сильна разладомъ (Polska nierządem stoi), чѣмъ хуже, тѣмъ лучше!

„Или еще надо, чтобы къ вамъ приходили Іереміи, брали на себя путы и оковы и кричали на грѣшныхъ: *„такъ свяжутъ по рукамъ и ногамъ пановъ вашихъ и погонятъ въ чужіе края.*

„Или еще надо взять глиняный сосудъ и разбить его въ вашихъ глазахъ и сказать: такъ вотъ разобьютъ васъ, какъ эту кружку, и не склеить вамъ обломковъ.

„Изсякли слезы мои, — нечѣмъ оплакать мнѣ покореніе родины и народа“.

Такимъ всевидящимъ прозорливцемъ изображенъ Скарга на картинѣ Матейки,—блѣдный, худой аскетъ съ высоко поднятыми руками, точно призывающій громъ небесный на великолѣпныя, гордыя головы магнатовъ.

А вѣдь тогда еще слушала его Польша, Литва, Пруссія, Жмудь, Украйна, Червонная Русь, отвоеванныя у шведовъ Инфлянты. И это была еще державная сила, оплотъ и твердыня христіанства.

Насмѣшкой, глумленіемъ, несообразностью должны были казаться современникамъ Скарги его пророчества, а то, въ чемъ онъ обличалъ польскихъ олигарховъ—произволы, насилія, партикуляризмъ, притѣсненія „хлоповъ“, было общимъ повсемѣстнымъ явленіемъ въ феодальной Европѣ, и если припомнимъ, что еще въ половинѣ XVIII вѣка Вольтеръ, опираясь на свою всемірную славу и связи съ коронованными и сіятельными особами, возносилъ къ королю мольбу объ облегченіи участи крестьянъ одного аббатства въ Франшконтэ, жившихъ, по его словамъ, въ состояніи „скотскаго рабства“,—то вопли Скарги, требующаго въ XVI вѣкѣ, чтобы съ крѣпостными холопами обращались, какъ съ наемниками, кажутся чудовищнымъ скачкомъ въ будущее.

Скарга любитъ свое отечество не потому, что оно—его родная земля, а потому, что оно, какъ государство, есть установленіе Господне. Богъ создаетъ народы, и они имѣютъ свои обязанности, свою миссію. Это какъ бы особыя творенія, организмы, управляемые божественной мудростью. Польскій народъ онъ считаетъ избранникомъ, не въ смыслѣ его

превосходства надъ другими народами, а по-своему, въ мистическомъ религіозномъ смыслѣ, потому что ему много дано и много взыщется.

Болѣе чѣмъ двѣсти лѣтъ спустя эта идея воскресаетъ въ пѣсняхъ барскихъ конфедератовъ, въ пророчествахъ ксендза Марка, звучитъ въ „Польскомъ Бардѣ“ („Bard Polski“) Нѣмцевича (1795 г.), у Казиміра Бродзинскаго (Польша—Христосъ народовъ), у Мицкевича—въ „Дзядахъ“ и въ видѣніи ксендза Петра, у Красинскаго—въ „Неоконченной поэмѣ“ („Niedokończony Poemat“) и въ „Зарѣ“ („Przedświt“) и въ „Псалмахъ будущаго“ (Польша—народъ народовъ, Ludów Lud jedyny, которому послано „испытаніе могилы“ (próba grobu) и воскресеніе послѣ утраты земного бытія), у Андрея Товіанскаго, у Словацкаго и мистиковъ эмиграціи 1830 г.

Не въ силу взаимодѣйствія или прививки и не какъ результатъ начитанности ожило слово Скарги, а потому, что христіанство воспринято славянами мистичнѣе, что оно запало глубже и потому взошло позже, чѣмъ у другихъ народовъ.

Въ одинъ аккордъ единодушія, который заставляетъ серьезно отнестись къ знаменіямъ того времени, сливаются всѣ голоса не только пророковъ и поэтовъ, но и философовъ, политиковъ. Параллельно и одновременно, а иногда и неразрывно съ этимъ,—какъ называлъ его Мицкевичъ, — *новымъ взрывомъ христіанства* наблюдается возрожденіе и кристаллизація понятія о славянствѣ, какъ второй родинѣ польскаго духа.

Еще въ началѣ XIX вѣка Сташицъ, государственный дѣятель Герцогства Варшавскаго и одинъ изъ основателей Общества любителей наукъ, въ „Мысляхъ о политическомъ равновѣсіи Европы“ (1815 г.), обращаясь къ славянамъ, говоритъ: вы пойдете съ природой, они, германцы, противъ естества. Мысль Сташица философски обоснована Августомъ Цѣшковскимъ въ „Prolegomena“, гдѣ находимъ интересную критику нѣмецкой исторіософіи Гегеля (1839 г.).

По Гегелю, цѣлью общества является государство. Государствомъ образцовымъ, которое достигло этой цѣли, была Пруссія. Философія политики, основой и содержаніемъ которой былъ государственный интересъ, идеаломъ—всевластное государство, нашла свое естественное дополненіе въ его философіи исторіи. По тремъ стадіямъ развитія (Востокъ, Греція, Римъ) человѣчество восходитъ къ четвертой, христіанско-германской. Въ пониманіи Гегеля эта послѣдняя, высшая эпоха потенціально уже достигла своего сознанія и силы и подходитъ, слѣдуетъ полагать, черезъ Пруссію и ея гегемонію въ Германіи къ самой высокой ступени, къ которой можетъ дойти цивилизація человѣчества.

Ясно, что протестъ противъ такого пониманія политики и исторіи долженъ былъ быть заявленъ прежде всего съ христіанской точки зрѣнія.

И естественнѣе всего, что онъ раздался въ Польшѣ, раздѣлъ которой оправдывался государственнымъ интересомъ, именно въ направленіи гегеліанской философіи исторіи. Это сдѣлалъ Цѣшковскій. Подраздѣленіе исторіи на три періода, по его мнѣнію, ошибочно, и такъ же ошибочна основанная на немъ система гегеліанской философіи. Во-первыхъ, между эпохой Греціи и Рима нѣтъ существеннаго различія, и разбивать античный міръ на двѣ категоріи нѣтъ основанія. Затѣмъ подраздѣленіе исторіи на четыре эпохи противорѣчитъ гегеліанской тройственности, діалектической формой развитія которой являются: тезисъ, антитезисъ и синтезъ. Наконецъ, Гегель очевидно ошибается, полагая, что, согласно его дѣленію, человѣчество и его исторія уже дошли въ современной (т.-е., по Гегелю, германской) эпохѣ до своего апогея и предѣла и не имѣютъ передъ собой дальнѣйшаго высшаго будущаго, а слѣдовательно это высшее будущее должно войти въ философію исторіи такъ же, какъ и прошлое. Итакъ, не четыре, а три эпохи: 1) древняя, 2) христіанская и 3) будущая.

Древняя эпоха стояла на ступени инстинктивныхъ ощущеній и взглядовъ, христіанская эра—на высшей ступени рефлексіи и сознанія. Первая создала красоту и право, вторая изслѣдовала истину и возвысила право до нравственности. Третья, будущая эпоха должна осуществить добро и съ сознательной волей воплотить всѣ принципы христіанства въ государство, общество, личную жизнь.

Въ другомъ философскомъ трудѣ, носящемъ оригинальное названіе „Отче нашъ“, Цѣшковскій высказываетъ мысль и увѣренность, что обновителями міра во имя новаго христіанства могутъ быть только славяне.

Въ 1849 г. появился памфлетъ Юліана Клячко „Нѣмецкіе гегемоны“, письмо къ профессору Гервинусу (Die deutschen Hegemonen. Offenes Schreiben an H. Gervinus), подписанное инициалами I. K. Блестящій публицистъ, политикъ и эстетикъ, писавшій великолѣпно на трехъ языкахъ,—польскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ,—въ то время двадцатилѣтній докторъ кенигсбергскаго университета, написалъ памфлетъ, равный по силѣ классическимъ филиппикамъ Демосѳена.

Германія, опасаясь вмѣшательства императора Николая I въ ея внутреннія дѣла и подавленія ея либеральнаго конституціоннаго движенія, вела тогда съ познанскими поляками политику заигрыванія. Съ высоты престола говорилось о правахъ Польши и объ организаціи княжества Познанскаго на началахъ свободы и національзаціи ея управленія. Но когда выяснилось, что опасенія были неосновательны, поляки, естественно, стали ненужны, и нарушено было соглашеніе съ польскими добровольцами, послѣдовали разстрѣлы, аресты, гоненія, и на франкфуртскомъ сеймѣ Познанское княжество было закрѣплено за германскимъ союзомъ. Возмущенный до глубины души нѣмецкимъ вѣроломъ-

ствомъ Клячко вышелъ изъ состава редакціи либеральной газеты Гервинуса „Deutsche Zeitung“ и написалъ памфлетъ о „гегемонахъ“.

На лжи, на хищничествѣ, на злобѣ построена Пруссія, вся ея исторія и всѣ ея доктрины правооснованія и государственной необходимости. За всѣ насилія, за лицемѣріе Германію постигнетъ кара. Карой будетъ славянскій міръ, призванный исторіей къ гегемоніи въ Европѣ. Но эта гегемонія будетъ другая, основанная на свободѣ и справедливости. Панславизмъ—это не гибель въ панславизмѣ, но общая жизнь, общее участіе въ правѣ народовъ.

Въ „Книгахъ польскаго народа и польскихъ пилигримовъ“ („Księgi Narodu Polskiego i Księgi Pielgrzymstwa), а затѣмъ въ „Курсахъ славянской литературы“, которые Адамъ Мицкевичъ читалъ въ Collège de France до 1844 г. и которые относятся къ эпохѣ послѣдняго, мистическаго горѣнія его жизни, есть откровенія, дающія ключъ къ пониманію польской души, и пророчество великой славянской войны за освобожденіе народовъ въ союзѣ съ Франціей. Тайна его ясновидѣнія—тайна чистой души, ея подвижничества.

„...Мнѣ кажется,—писалъ Мицкевичъ къ одному изъ своихъ друзей въ 1835 г.,—что вернутся еще тѣ времена, когда поэтами будутъ только праведники. Быть можетъ, только наитіемъ, только сокровеннымъ пониманіемъ сущности міра можно будетъ пробудить въ массахъ уваженіе къ искусству“...

Съ такой же суровостью онъ отдаетъ на судъ все имъ созданное, все, что дало ему славу всемірнаго генія, великаго печальника и трибуна народовъ, ибо „важно только то, что можетъ вселить мудрость и что ведетъ къ познанію Бога“.

Идеѣ польскаго мессіанизма, переплетающейся у Мицкевича съ исторической миссіей всего славянства, чужда исключительность.

Ему чуждъ и національный эгоизмъ, чужда и ненависть. Они несовмѣстимы съ его цѣльной натурой, съ величавой евангельской простотой его помысловъ и цѣлой жизни.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ своей профессуры въ Collège de France онъ ни разу не выступалъ въ роли представителя одной Польши. Наоборотъ, съ безпристрастіемъ, ревнивой любовью онъ оберегаетъ честь и достоинство другихъ славянскихъ народовъ. Онъ не апологетъ, не защитникъ и не обвинитель, а мудрый начальникъ, судья праславянскаго рода, не умѣющій кривить душой ни передъ Богомъ, ни передъ людьми.

Для Польши это были годы умиранія, годы оскудѣнія политической идеи. Наступили времена мертвящей реакціи. Царство Польское потеряло конституцію, сеймъ, армію, университетъ, школы, послѣднія крохи самостоятельности. Польша стояла, какъ обнаженный лѣсъ, и теперь его рубили нещадно.

Ударъ, нанесенный родинѣ, вызвалъ въ немъ не жажду мести, не злобу, а усиленный внутренній переломъ, переработку цѣлаго міросозерцанія, приведшіе къ синтезу и просвѣту.

Въ первой своей лекціи онъ поясняетъ, что на этой каѳедрѣ онъ является естественнымъ звеномъ, посредникомъ между славянствомъ и Франціей, Востокомъ и Западомъ, что онъ лишь глашатай благой вѣсти, посланецъ мало извѣстнаго въ Европѣ молодого славянскаго племени, которое уберегло себя въ своей косности и которому предстоятъ теперь великія европейскія задачи. И оно идетъ, надвигается, вступаетъ на сцену народовъ. Къ Мицкевичу надо подойти смѣло, непосредственно, минуя окольные пути, чтобы понять, что если всѣ пути стараго христіанства вели въ Римъ, то всѣ пути отъ Польши ведутъ къ новому познанію и откровенію, отъ котораго нѣтъ возврата къ прошлому. Но есть слова, затрудняющія доступъ къ его ученію. „Мистицизмъ"—слово это не опредѣляетъ ни мѣста, ни сущности идеи. Мистична всякая вѣра, любовь, исканіе Бога и красоты и цѣлая область глубокихъ ощущеній, управляемая своими законами, гдѣ интуитивная ясность внутренняго факта такъ же неотразима, какъ все, что можно выразить въ образахъ, краскахъ и звукахъ.

И если говорятъ, что Мицкевичъ, Словацкій, Гоголь, Достоевскій, Толстой „впали въ мистицизмъ", то мы знаемъ, что это слово, заключающее въ себѣ осужденіе или указаніе на ложный путь, отражаетъ въ себѣ всю безнадежность разсудочнаго созерцанія исторіи ихъ противниковъ.

Новое ученіе Мицкевича вяжется съ исторіей Польши и всего человѣчества. Но идея мессіанизма,—идея народа, который войдетъ въ обѣтованную землю свободы не ради своего геройства, а ради страданія, предполагаетъ нѣкоторую подготовку. Она уходитъ отъ всѣхъ доктринъ, дающихъ санкцію насилію государства надъ государствомъ, народа надъ народомъ, человѣка надъ человѣкомъ.

Да иначе и не могло быть. Всѣ попытки отстроить свой домъ потерпѣли крушеніе. Казалось, исчерпаны были уже всѣ возможности, всѣ средства. Всѣ польскія начинанія въ концѣ-концовъ приводили къ крушенію. Всѣ заступничества другихъ народовъ, всѣ исканія покровителей, идеологія „праваго дѣла", общихъ интересовъ, лойяльность и терпѣніе, упованія на бури и погоду, на свою силу и чужую слабость—дали страшный опытъ.

Итакъ, сумма всѣхъ золъ заставила усомниться не только въ возможности добиться справедливости на судѣ исторіи, но и въ самомъ авторитетѣ этого суда.

И лучше, яснѣе всѣхъ понималъ это Мицкевичъ,—польская совѣсть. Послѣдніе два курса литературы, за которые его лишили каѳедры въ Collège, посвящены евангелію новой эпохи.

Эпоха историческая, которая началась съ упадкомъ Римской имперіи, уже кончилась. Она растратила всѣ свои силы, вѣру и душу и не властна уже указывать народамъ ихъ пути. Новый символъ вѣры, новое слово Господне—мессіанизмъ. Онъ заполняетъ пропасть между словомъ и дѣломъ. Нѣтъ міра внѣ міра, нѣтъ двоякой личины, двоякой совѣсти для Бога и для людей. Церковь,—civitas Dei,—заслонила собой Христа. Она приноровилась къ любой философіи и политикѣ. Мѣрило новаго свѣточа, новаго пламени каждой эпохи—ея *слово*, лучъ Господень. Христосъ, это—*слово* всей земли, но откровеніе Христа, данное 19 вѣковъ тому назадъ, не послѣднее.

Надо перепахать всю страшную исторію человѣческой злобы, всѣ застывшія формы международныхъ отношеній, надо въ какой-нибудь одинъ моментъ жизни, какъ въ канунъ причастія, вѣнчанія или смерти, однимъ блескомъ молніи озарить и погасить въ себѣ все прошлое, чтобы дать душѣ расцвѣсти и покрыться новой листвой.

Послѣ паденія орлеанской монархіи и провозглашенія республики въ 1848 г. Мицкевичъ ѣдетъ въ Римъ, чтобы пріобщить римскаго первосвященника къ великой роли реформатора. Это былъ тотъ популярный въ Италіи и Западной Европѣ Pio Nono, который пріютилъ въ своемъ государствѣ политическихъ изгнанниковъ Италіи, ограничилъ вліяніе духовенства и призвалъ народъ къ участію въ управленіи. Аудіенція состоялась 25 марта 1848 г. и, какъ слѣдовало ожидать, не привела ни къ чему.

Въ Краковѣ на Вавельскомъ замкѣ, въ усыпальницѣ королей польскихъ похороненъ Мицкевичъ. Ибо это былъ природный князь, какъ Левъ Толстой, Божьей милостью своей пламенной, всеобъемлющей души.

Создалось крупное недоразумѣніе, одна грубая историческая нелѣпость, нѣсколько сродни тѣмъ, о которыхъ я упомянулъ, говоря о раздѣлѣ польскаго искусства. Это—отсутствіе почвы довѣрія, безъ которой невозможно ни общаться, ни обмѣниваться культурными цѣнностями.

Пусть эгоизмъ въ международныхъ отношеніяхъ нуженъ въ интересахъ сохраненія народности и государства, но въ сферѣ свободной, необъятой канонами таможенной политики, онъ всегда будетъ далекъ отъ истинной культуры и европеизма, какъ далека отъ нихъ и показная лже-культура Германіи.

Однимъ изъ многихъ послѣдствій польской политической разрухи является обезцѣненіе культурныхъ вкладовъ Польши, обезличеніе ея индивидуальности. Внѣ реальныхъ проявленій силы въ политикѣ, государственности и экономическомъ хозяйствѣ страны нѣтъ моральнаго кредита, и удѣляется онъ въ Европѣ только отдѣльнымъ личностямъ, а не цѣлому народу.

Вѣдь не ради любви къ Германіи, а тѣмъ менѣе ради трепета передъ ея войсками, мы изучали Гердера, Лессинга, Шопенгауэра, Нибура, Іеринга, поэтовъ, юристовъ, историковъ не только геніальныхъ, но и посредственныхъ. А дѣлали мы это потому, что обходить молчаніемъ науку и искусство другого народа—значитъ дробить современность, ограничивать свое же сознаніе.

Наоборотъ, чѣмъ болѣе враждебны и нестерпимы были для насъ нѣмецкія притязанія, тѣмъ основательнѣе старались мы познавать врага во всѣхъ его логовищахъ и убѣжищахъ, и то, что угодно думать Германіи о своей „гегемоніи", такъ же для насъ цѣнно, какъ хроника ихъ новоявленнаго варварства.

Сопоставьте теперь самымъ объективнымъ образомъ людей, которые презрительное отношеніе къ польской культурѣ возвели въ принципъ, съ польскимъ европейцемъ, который впиталъ въ себя хваленую нѣмецкую мудрость и остался неудовлетвореннымъ; остатокъ, который получился въ пользу послѣдняго, равняется не только количественному знанію трехъ культуръ,—польской, русской и нѣмецкой,—но и качеству его ума.

Всякая нѣмецкая книга блещетъ остріемъ защитныхъ щитовъ: „сіе сдѣлано въ Германіи", написано на нѣмецкомъ языкѣ, издано въ Лейпцигѣ или Штутгартѣ, на германскомъ рынкѣ, гдѣ въ ста изданіяхъ разработаны всѣ вопросы, всѣ теоріи и системы, а на десять тысячъ книгъ попадутся, быть можетъ, три-четыре, оправдывающія затраченный на нихъ трудъ. Остальное—перемолъ: капитальныя руководства, солидныя компиляціи и справочныя книги по всѣмъ областямъ и дисциплинамъ, бедекерство и архивная ветошь.

Но за все производство, за офиціальную науку, за творчество цѣлой арміи профессоровъ и доцентовъ римскаго права стоитъ стѣной государство. И въ этомъ искусственномъ политическомъ освѣщеніи, въ лучахъ центральнаго солнца Европы ярка и лучиста всякая сѣрая картина.

Нѣмецкому высокому самообману соотвѣтствовало самовнушеніе цѣлой Европы. Достаточно припомнить, что въ франко-прусскую войну 1870 г. Эрнестъ Ренанъ преклонялся въ своихъ „Діалогахъ" передъ „нѣмецкимъ геніемъ" до рабства, до предательства. Это тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ олигархіи химиковъ, инженеровъ, изобрѣтателей, которые *съ молніями въ рукахъ* (foudroyants) будутъ держать въ повиновеніи и черномъ тѣлѣ народныя массы.

Такъ думаетъ нынѣ вся Германія, ея художники, историки, философы, военная аристократія, которую, кажется, и имѣлъ въ виду Ницше, говоря о томъ, что источники мудрости могутъ быть водопоемъ и для нечистыхъ животныхъ.

Въ руку Германіи сыграла и славянская мягкость, чувствительность, барство, не умѣющее оберегать свое добро, использовать свои Богомъ данныя угодія и нажити.

Вотъ почему на Западѣ всѣ знаютъ Генриха Гейне и не знаютъ Словацкаго. Вотъ почему на Западѣ и въ Россіи извѣстны даже мелкіе, неудачные драматическіе фрагменты нѣмецкаго поэта и совершенно неизвѣстенъ богатѣйшій театръ Словацкаго, его подчасъ шекспировская прозорливость и сила въ „Балладинѣ", „Маріи Стюартъ", „Мазепѣ", „Горштинскомъ", въ „Беатриче Ченчи", въ „Кордіанѣ". И вотъ почему всѣ знаютъ „Потопувшій колоколъ" Гергардта Гауптмана, и почти никто не знаетъ Ст. Выспяньскаго, реформатора сцены, какъ Craigh и Станиславскій, творца новой художественной драмы, въ которой слово, пѣсня, живопись и пластическое искусство сочетаются въ стройную, могучую симфонію красокъ.

Чтобы подойти къ Выспяньскому, необходимы обходные пути.

Польская романтическая поэзія заканчивается въ половинѣ XIX вѣка. Она съ излишкомъ отвѣтила на всѣ художественные, нравственные, религіозные и философскіе запросы общества. Подлинно, это была новая Библія, новое Евангеліе, большая всенародная энциклопедія чувства. Допѣто и досказано было все, а когда не стало „троицы" романтиковъ, романтическую школу, явленіе повсемѣстное, разложили ея продолжатели, лже-пророки, мародеры, заражавшіе своей растерзанностью и безъ того болѣзненную атмосферу. Наконецъ возстаніе 63 г. окончательно развѣнчало эпигоновъ этой закваски. Крайнее истощеніе края, полное банкротство идеи и на первыхъ порахъ пришибленность и апатія смѣнились вскорѣ взрывомъ негодованія. Съ понятной, справедливой „насмѣшкой горькой обманутаго сына" обозрѣвали новые люди доставшійся имъ удѣлъ. Груда развалинъ, ни одного живого мѣста, ни одного зерна для посѣва. Война 30—31 г. была войной народной и проиграна была съ честью. Но возстаніе 63 г. обнаружило полную негодность средствъ и людей.

Произошла не обычная смѣна поколѣній, а *смѣна эпохъ*. Мы знаемъ и давно оцѣнили значеніе этого событія въ Россіи въ огромной идейной литературѣ шестидесятыхъ годовъ, и въ исторіи народничества и народовольцевъ, и въ тургеневскихъ романахъ. Какъ бы скептически ни относиться къ тѣмъ новымъ „трезвымъ романтикамъ", насъ всегда будетъ удивлять бѣшеная, неповторимая энергія, съ которой они взялись за дѣло оздоровленія и демократизаціи своей страны.

Мы знаемъ также, какъ нуженъ былъ ихъ призывъ къ упорному труду людей, потерявшихъ инстинктъ жизни, какъ далеко тогда опередила Россію и Польшу Европа, и какъ всѣ Дарвины, Молешоты, Бюхнеры, Огюстъ Конты и Бокли, на которыхъ они ссылались въ статьяхъ,

романахъ и даже въ любовныхъ признаніяхъ, пришлись ко двору, были провиденціальнымъ спасеніемъ отъ обломовщины, тунеядства, позерства и безплодныхъ мечтаній, и какую высоко-культурную роль сыграли потомъ эти люди въ жизни, какъ общественные дѣятели, ученые и образователи характеровъ. Къ этому же времени, какъ извѣстно, относится начало европеизаціи экономической жизни Россіи и Польши.

Въ Царствѣ Польскомъ и Галиціи этотъ процессъ протекалъ подъ перезвонъ двухъ непримиримыхъ идей. Послѣдыши романтизма видѣли въ новыхъ вѣяніяхъ начало политическаго конца Польши, молодые позитивисты—начало культурнаго и общественнаго возрожденія края и въ своихъ манифестахъ и деклараціяхъ „Мы и Вы", „Мы молодые" самымъ яснымъ и рѣшительнымъ образомъ указывали прежде всего на необходимость окопаться, какъ слѣдуетъ, въ новыхъ условіяхъ жизни.

Вокругъ такой очевидности возгорались гомерическіе бои, въ которыхъ эпигоны романтизма, не имѣя ни одной сколько-нибудь выдающейся силы, а противъ себя—лучшую передовую молодежь, выступающую во всеоружіи новой науки и талантовъ съ опаснымъ, неуязвимымъ Ахилломъ позитивизма, Александромъ Свѣнтоховскимъ во главѣ, были разбиты, осмѣяны и потеряли свое знамя.

Можно было бы думать, что впервые на сторонѣ молодости стали сухіе, дѣловитые боги житейской мудрости, и исторія пошла вспять, что за благородство и святость идеи страдали старики, а молодыхъ опричниковъ, выметавшихъ изъ родной земли романтическую крамолу, обуялъ духъ нетерпимости и реакціи.

Прійти къ такимъ ошибочнымъ выводамъ было тѣмъ легче, что въ Галиціи тѣ же прометеиды отечественной торговли, промышленности и прикладной химіи, не стѣсненные цензурными запретами, свободно уживались съ самыми умѣренными политическими программами. Продолжая добивать идеологовъ возстанія 63 г., они очутились вскорѣ въ станѣ крупныхъ аграріевъ и въ союзѣ съ клерикалами, подъ главенствомъ бывшихъ позитивистовъ, гр. Ст. Тарновскаго и историка Шуйскаго, очень талантливыхъ и очень одностороннихъ людей, основали строго-консервативную краковскую партію.

При посѣщеніи Францомъ Іосифомъ Кракова въ 1880 г. гр. Тарновскій уже открыто съ большой искренностью заявилъ въ своемъ органѣ *Часъ,* что партія его считаетъ себя опорой габсбургскаго дома и династіи, и, дѣйствительно, въ дальнѣйшемъ она исполняла функціи задерживающаго фактора въ галиційской жизни, стала разсадникомъ министровъ, намѣстниковъ, чиновной аристократіи, захватила въ свои руки ягеллонскій университетъ и академію наукъ sub auspiciis imperatoris Francisci Josephi.

Наконецъ, уже въ 1875 г. затихли въ варшавской прессѣ военные

клики, на что горько жаловался въ *Нивѣ* Владиславъ Охоровичъ, суля позитивистамъ преждевременную старость. Въ дѣйствительности, это была только маленькая, показная сторона явленій. Изъ лагеря обновленцевъ ушли лишь незначительные люди, а Свѣнтоховскій, нынѣ патріархъ польскихъ прогрессистовъ, или, какъ его называютъ въ Польшѣ, заслуженный профессоръ общественной энергіи, въ основанномъ имъ въ 1881 г. журналѣ *Правда* еще двадцать лѣтъ стоялъ на своемъ посту, пока этотъ постъ не превратился въ академическую позу, а самъ Свѣнтоховскій—въ магистра изящныхъ искусствъ и творца самыхъ отвлеченныхъ и скучныхъ философскихъ драмъ.

L'histoire oblige. Людямъ и народамъ, имѣющимъ богатое прошлое, приличествуетъ осторожное, вдумчивое отношеніе къ дѣйствительности. Великимъ несчастьемъ послѣраздѣльной Польши было всегда отсутствіе рѣзкой диференцировки людей и явленій. Ничто, кромѣ романтической поэзіи, не успѣвало здѣсь отливаться въ окончательныя формы.

Единственнымъ моментомъ, предопредѣлявшимъ правильный, эволюціонный ходъ дальнѣйшаго развитія, была конституція 3 мая 1791 г., открывавшая широкія перспективы: усиленіе мѣщанства, затѣмъ отмѣну крѣпостного права, раздѣленіе суда отъ администраціи, современный парламентаризмъ, равенство всѣхъ гражданъ Польши.

Культурная подготовка къ намѣченнымъ реформамъ была уже налицо, а политическая зрѣлость—это вездѣ и всегда сила, которая развивается въ самомъ движеніи.

Пресѣченіе этихъ линій исказило дальнѣйшую исторію Польши и всѣ запоздалыя стремленія лучшихъ польскихъ людей пріобщить свое общество къ соціальнымъ реформамъ Европы. Не удалось провести и крестьянскую реформу, завѣщанную конституціей 3 мая. На это не хватало ни времени, ни силъ,—и ничего нельзя было строить на сыпучихъ пескахъ.

Народъ, имѣющій утонченную культуру чувства, ума, великихъ учителей и вождей, которыми могло бы гордиться всякое большое европейское общество, *не получилъ правильнаго политическаго воспитанія*, какъ Англія, Франція; не отбродили, не отстоялись шляхетскія дрожжи, не окрѣпла буржуазія, не заговорило еще крестьянство.

Эта классовая чрезполосица въ Польшѣ творила въ XIX в. самыя причудливыя сочетанія: шляхетское купечество, консервативныхъ революціонеровъ, сіятельныхъ нигилистовъ, мелко-буржуазныхъ мечтателей.

Демократизація общества не закончилась и сейчасъ, и я позволю себѣ утверждать, что, несмотря на всѣ героическія средства, Польша XIX вѣка радикально не исцѣлила ни одной изъ своихъ немощей.

Мы подошли къ Станиславу Выспяньскому,—къ послѣсловію XIX в. Слово это было сказано 16 марта 1901 года на сценѣ краковскаго театра.

Я говорю о драмѣ „Свадьба“ („Wesele“) Выспяньскаго.

Драма Выспяньскаго, подобно грибоѣдовской комедіи, цѣликомъ перешла въ пословицу. Нѣкоторые знаютъ ее наизустъ, растаскали ее по частямъ, но, кажется, немногіе пожелали ее понять какъ сатирическую казнь за повторимость исторіи:

Куклы, маски, балаганы,
па́ны—хло́пы, хло́пы—па́ны,—

заколдованный кругъ, заколдованный міръ.

Впрочемъ, драма такъ богата многозначительными символами и полуулыбками, такъ дьявольски умна и остроумна, такъ часто блуждаетъ надъ обрывами трагедіи и такъ полна лирическими красотами, что въ ней могли найти удовлетвореніе и тѣ, надъ которыми она горько посмѣялась, и даже круглые индиференты. Вотъ единственный упрекъ, если въ укоръ художнику можно поставить излишекъ красоты.

Пьеса построена на невинномъ фактѣ: на женитьбѣ „барина“ или интеллигента на красавицѣ крестьянкѣ. Въ Броновицахъ подъ Краковомъ идетъ пиръ горой, по обычаю мѣстныхъ зажиточныхъ крестьянъ, цѣлыхъ три дня. Надо сказать, что крестьяне этого края—на рѣдкость статный, красивый и задорный народъ. Это старинные Пясты, хозяева этой земли, съ большимъ, недѣланнымъ чувствомъ достоинства, знающіе себѣ цѣну, природные аристократы насиженнаго мѣста. Въ пьесѣ сохраненъ колоритъ и особенности деревни: крестьянская изба, народная, нѣсколько архаизованная рѣчь, бѣлыя парадныя свитки съ красными выпушками, шапки съ павлиньими перьями, безподобное умѣніе подмѣчать уродство и искусственность городской жизни и слабости „господъ“, т.-е. горожанъ, чистосердечная откровенность и даже грубость мужицкихъ шутокъ.

Среди современныхъ писателей Выспяньскій—одинъ изъ немногихъ, которыхъ не коснулись классовые предразсудки и теоріи. Для него народъ—это глыба изъ одного камня, цѣльная и недѣлимая. Крестьянинъ—такая же маска народа, какъ „паны“. Какъ художникъ, онъ, конечно, лучше другихъ, до мелочей, видитъ всѣ индивидуальныя, красочныя стороны крестьянскаго быта, и его важные, солидные старики-пахари, хозяйственныя бабы и озорная молодежь, а особенно крестьянскія дѣти, тутъ же толкающіяся около взрослыхъ, такъ живы, своеобразны, что дать имъ на сценѣ вторую полную жизнь въ драмѣ не бытовой, не крестьянской и не „па́нской“, гдѣ свадебные гости *играютъ исторію* въ подставныхъ лицахъ и сама свадьба—случай, парадоксъ, могъ только художникъ, сочетающій въ себѣ, кромѣ двухъ

талантовъ—слова и краски, великую и поэтому сдержанную, мужественную любовь къ народу. Но, какъ мыслитель, онъ не дорожитъ искусственными дѣленіями и перегородками, а за грѣхи и ошибки прошлаго караетъ тѣхъ и другихъ: и за то, что въ 1846 г. предки этихъ крестьянъ, за австрійскіе серебренники, по провокаціи Меттерниха, устроили галиційскую рѣзню, такъ называемое „возстаніе Шели", и избивали не только пáновъ, помѣщиковъ, но и тѣхъ демократовъ, которые напрягáли всѣ усилія, чтобы дать крестьянамъ свободу своими средствами; и за то, что гетманъ Браницкій „съ товарищами" продавалъ Польшу по частямъ и, наконецъ, продалъ ее всю, и за то, что барскіе конфедераты проиграли дѣло. Все это, и многое другое припомнится на свадьбѣ и окажется, что мужики не понимали господъ, пáны не понимали хлóповъ, невѣста не понимаетъ жениха, а вѣнчаются они потому, что горожанамъ опостылѣлъ городъ и что въ этомъ сближеніи съ „природой" есть истинная шляхетская поэзія и благородство.

Полуусталые отъ танца, хмеля и сладостной дремы, всѣ гости—„простые" и „непростые", молодые, старики, поэты, писатели, художники—грезятъ каждый свою думу, свою любовь, свою недопѣтую жизнь, тѣнь или насмѣшку, идущую за нимъ по пятамъ, и въ заколдованную хату начинаютъ проникать призраки-сновидѣнія: кровавый Шеля и христопродавецъ гетманъ Браницкій, королевскій шутъ-умница Станчикъ и украинскій бунтарь, сѣдовласый „дідъ" Вернигора съ золотымъ рогомъ и лирой. Даже маленькой крестьянской дѣвочкѣ Исѣ приснился вѣщій сонъ: соломенное чучело—духъ безсилія.

Этотъ переходъ отъ конкретныхъ образовъ къ фантастическому происходитъ незамѣтно, исподволь, на рубежѣ сонной грезы и дѣйствительности, въ майскую грозовую ночь. Ибо здѣсь все, какъ въ Польшѣ, трагично, все условно, все правдиво и все кошмарно.

И когда разсѣялись призраки, *прошелъ сонъ исторіи,* вы видите съ ужасомъ, что послѣ него осталось одно живое лирическое безуміе, которое объяло всѣхъ до едина: отъ пóэта до батрака, отъ разсудительнаго хозяина до послѣдняго пропойцы,—весь собравшійся на свадьбѣ, весь игравшій исторію народъ.

Вотъ гдѣ нѣтъ пановъ и холоповъ, вотъ гдѣ единодушіе, вотъ гдѣ сила,—въ томъ, чего нѣтъ: въ отчаяніи.

И нѣтъ этому танцу смерти,—по крайней мѣрѣ, до XX вѣка, когда опускается занавѣсъ,—*не было* ему конца. И всѣ они тихо, какъ тѣни, кружатся въ какомъ-то деревянномъ танцѣ.

Итакъ, казалось, разбиты всѣ иллюзіи. Одинъ круговоротъ—вотъ и все. Поэтъ какъ бы отнимаетъ у васъ даже право на грусть, сожалѣніе. И надо ли говорить, что Выспяньскій—такой же романтикъ, какъ весь народъ, и что онъ только *исторгалъ,* но не исторгнулъ изъ своей

груди мечъ? И всѣ его трагедіи: „Освобожденіе“ (т.-е. освобожденіе отъ романтизма), „Варшавянка“, „Листопадъ“, „Легіонъ“, переживаютъ польскую исторію подъ угломъ вѣчности. Онѣ наполнены символами, фавнами, богами, демонами, т.-е. силами природы, дѣйствующими вездѣ и всегда.

Да и слѣдуетъ ли причитать надъ романтизмомъ? Мною было указано, что онъ не литературная, а народная стихія. Онъ живъ, пока живучъ народъ. Истолкователемъ его является вся исторія, ея внутренній смыслъ, ея взмахи и ошибки, поэзія, философія, литература, мистицизмъ.

Въ своемъ бѣгломъ очеркѣ я старался охватить этимъ кольцомъ разрозненныя явленія польской души. Они восходятъ къ славянству, и близость эту сознавали самые выдающіеся умы Польши. Романтизмъ, какъ духъ народовъ, надо беречь. Когда его не станетъ, позитивныя германскія крысы расхитятъ весь славянскій міръ...

На началахъ пробуждающейся элементарной справедливости русскаго общественнаго мнѣнія къ польскому народу я основалъ свое моральное право говорить о духѣ польской культуры. Подъ справедливостью элементарной я понимаю тѣ извѣстныя настроенія и симпатіи, которыя выдвинули въ послѣднее время польскій вопросъ на публичныя трибуны.

Но въ дальнѣйшемъ надо вѣрить въ справедливость высшую, сознательную, основанную на признаніи за другимъ народомъ его историческихъ правъ на политическую, общественную и культурную самобытность. Такая справедливость явилась бы простымъ послѣдствіемъ уваженія русскаго общества къ своей культурѣ и народу, моментомъ исторической совѣсти, отвѣтственной за слова и дѣйствія, распространеніемъ свободнаго міросозерцанія на всѣ явленія чужой души.

Культуры безотвѣтственной нѣтъ и не будетъ. Въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ устоевъ, *исключающихъ возможность рабства и гнета*, европейской культуры еще и не было, и современной войнѣ, быть можетъ, суждено очистить это слово отъ кровавой ржавчины вѣковъ и возвратить поруганному символу его ясный смыслъ.

Григорій Львовъ.

Воинская повинность и ея правовая эволюція.

I. Проблемы.—II. Историческій очеркъ.—III. Теоретическія положенія. — IV. Эволюція въ русскомъ правѣ.—V. Заключеніе.

I.

Проблемы.

Сорокъ три года тому назадъ Лоренцъ Штейнъ отмѣтилъ, что представители науки права удѣляютъ сравнительно весьма мало вниманія вопросу объ юридическихъ основахъ военнаго быта (Heerwesen). Казалось бы, изученіе права современнаго государства безъ разсмотрѣнія обязанности военной службы гражданъ представляется явно неполнымъ, и, обратно, такое разсмотрѣніе внѣ связи съ государствовѣдѣніемъ теряетъ принципіальный характеръ. [1])

Трудно, однако, не признать, что со времени Штейна въ области разработки даннаго вопроса прогрессъ былъ мало замѣтенъ. Дальше бѣглыхъ замѣчаній юристы-теоретики, въ особенности не военные, обыкновенно не шли, и въ Россіи, въ частности, они почти не интересовались воинской повинностью, ограничиваясь въ лучшемъ случаѣ краткимъ изложеніемъ дѣйствующаго законодательства. [2])

---

[1]) Ср. Lorenz von *Stein*. Die Lehre vom Heerwesen als Theil der Staatswissenschaft. Stuttgart, 1872, и русскій переводъ „Ученіе о военномъ бытѣ“, Спб., 1875 г., стр. 1 слл.

[2]) См., напр., *Н. М. Коркуновъ*, Русское государственное право, 6-е изд., Спб., 1909 г., I, § 54. Отмѣтимъ въ русской литературѣ монографію: *А. Грековъ*, генеральнаго штаба капитанъ, Правовое положеніе арміи въ государствѣ, Спб., 1908 г. Кромѣ нея, см. къ изслѣдуемой здѣсь проблемѣ *А. Редигеръ*, Комплектованіе и устройство вооруженной силы, Спб., 1900 г. (прилож. къ журн. *Развѣдчикъ*), *М. Іенсъ* (Jähns), Военное дѣло и народная жизнь, русск. перев., Варшава, 1898 г., *Гастонъ Мокъ* (Moch), Армія въ демократическомъ государствѣ, рус. пер., Кіевъ, 1906 г., *А. Добровольскій*, *Н. Фальѣвъ* и др. въ Словарѣ Брокгауза и въ Словарѣ юридическихъ и государственныхъ наукъ Волкова-Филипова „Армія“, „Войско“, „Воинская повинность“; *А. Бебель*,

Что же такое воинская повинность? Въ результатѣ какой эволюціи выработался этотъ правовой институтъ въ его современномъ видѣ? Каково юридическое положеніе отбывающаго повинность лица?

Наконецъ, каковъ общій характеръ эволюціи обязанности несенія военной службы въ отечественномъ правѣ?

Таковы вопросы, посильное освѣщеніе которыхъ является задачей настоящаго этюда.

II.

Историческій очеркъ.

Начало современной воинской повинности, всеобщей и личной, привлекающей достигшихъ извѣстнаго возраста гражданъ на болѣе или менѣе продолжительное время въ ряды войска, относятъ обычно къ послѣднему десятилѣтію XVIII вѣка, къ эпохѣ великой французской революціи. Мы увидимъ ниже, что самая идея тогда уже не была новостью, что весьма сходныя правовыя явленія въ исторіи уже наблюдались. Но несомнѣнно, что воинской повинности въ ея теперешнемъ пониманіи удалось пустить прочные корни лишь съ указаннаго времени въ результатѣ довольно долгой эволюціи.

Вопросъ объ этой эволюціи выдвигается, такимъ образомъ, въ первую очередь; очевидна его связь съ вопросомъ о технической формѣ комплектованія военныхъ силъ. Было бы, однако, излишнимъ въ юридической работѣ описывать въ подробностяхъ всѣ практиковавшіеся способы пополненія войскъ, которые представляютъ изслѣдователю весьма нестройную картину, могущую поспорить съ исторической пестротой развитія податныхъ системъ.

Намъ важно установить основные типы образованія военной силы и выяснить заложенные въ нихъ правовые принципы.

Вооруженныя силы, по способу ихъ образованія, могутъ быть раздѣлены на двѣ главныхъ категоріи—постоянныя, или регулярныя арміи и милиціи, или ополченія. Промежуточнымъ типомъ являются такъ на-

---

Постоянное войско или народная милиція? рус. пер., Одесса, 1906 г.; вышецитированную, сейчасъ нѣсколько устарѣвшую работу *Штейна;*—у большинства авторовъ преобладаетъ военно-техническая точка зрѣнія.—Болѣе спеціально касались вопроса въ современныхъ курсахъ по государственному и административному праву *Еллинекъ* (Staatslehre, въ гл. XIII), *О. Майеръ* (§ 43 начало), *Флейнеръ* (§ 11 начало), *Бертелеми* (7-е изд., стр. 370 слл., изложеніе законодательства), въ новѣйшее время *Дюги* и *Жезъ*. См. также *Montheilhet*, Des armées permanentes à la nation armée, Paris, 1903, и *Otto Hintze*, Staatsverfassung und Heeresverfassung, Dresden, 1906. Другія ссылки будутъ сдѣланы при изложеніи.

зываемыя поселенныя войска (римскіе limitanei, наши казаки, австрійскіе бывшіе граничаре и т. д.).

Два основныхъ типа различаются по тому признаку, что регулярныя войска постоянно находятся въ боевой готовности, милиціи же созываются и снаряжаются ad hoc. [1])

Типъ ополченія является древнѣйшимъ, его мы встрѣчаемъ на самыхъ раннихъ ступеняхъ развитія человѣческихъ обществъ, по крайней мѣрѣ, въ европейскомъ, лучше намъ извѣстномъ мірѣ. [2]) Греки, италійцы, кельты, германцы, славяне—всѣ признавали долгомъ каждаго свободнаго мужчины въ случаѣ опасности выходить на защиту своей земли или своего племени.

Идея военной обязанности, если угодно, повинности, повидимому, уже имѣлась, и нарушеніе ея было великимъ позоромъ; но, съ другой стороны, трудно предполагать, что эта обязанность принималась, какъ нѣчто только извнѣ связывающее, принудительное; при томъ уваженіи, которымъ у первобытныхъ людей пользуется званіе воина, и при тѣсной родовой сплоченности выполненіе воинскаго долга должно было казаться чѣмъ-то вполнѣ естественнымъ и даже привлекательнымъ.

Эти первоначальныя представленія, пройдя черезъ горнило высокой культуры, достигнутой нѣкоторыми античными республиками, превратились въ концепцію воинской повинности, весьма близкую къ нашей современной.

Для аонянина и римлянина быть гражданиномъ значило также принимать участіе въ милиціи родного города. Это было почетное право, неизбѣжно утрачиваемое при исключеніи изъ числа гражданъ. Въ бою граждане не должны были смѣшиваться съ людьми, не имѣвшими права на принадлежность къ данному ополченію, и римляне вплоть до эпохи принципата избѣгали смѣшивать легіоны съ когортами союзниковъ (alae). Но вмѣстѣ съ тѣмъ военная служба была обязанностью, выполненіе которой строго требовалось и было довольно тщательно регламентировано.

Получалось право и обязанность вмѣстѣ, публичная „правообязан-

---

[1]) Дѣленіе и различіе заимствованы нами у А. Редигера, цит. сочиненіе. Существуютъ дѣленія гораздо болѣе сложныя, напр., предложенное прусскимъ полковникомъ Іенсомъ, цит. соч., стр. 5, но, по ближайшемъ разсмотрѣніи, они легко приводятся къ принятому въ текстѣ.

[2]) Взаимопротиворѣчащія данныя, которыя нѣмецкіе историки (Jähns, Meynert, Geschichte des Kriegswesens, 1868, и др.) извлекаютъ изъ глубинъ древней Индіи и Передней Азіи, на нашъ взглядъ, малоцѣнны. Во-первыхъ, исторія находитъ тамошнія государства на значительной ступени развитія. Во-вторыхъ, вліяніе раннихъ азіатскихъ цивилизацій на нашу часть свѣта было довольно отдаленнымъ и менѣе всего, повидимому, дѣйствовало на военный строй.

ность“, какъ мы сказали бы теперь, не разъ ставившаяся въ тѣсную связь съ обладаніемъ политическими правами въ эпоху борьбы римскихъ патриціевъ съ плебеями.

Но на этой высокой правовой концепціи античный міръ не могъ долго удержаться.

Соперничество греческихъ республикъ, персидскія войны, борьба Рима съ Карѳагеномъ за Средиземное море, далекія „колоніальныя“ экспедиціи древности въ Сѣв. Африку, Испанію, Галлію, Британію,—все это были задачи слишкомъ тяжелыя для гражданскихъ милицій, малочисленныхъ и—съ ростомъ богатства—быстро изнѣживавшихся. Появились очень рано постоянныя профессіональныя войска, состоявшія изъ наемниковъ, готовыхъ итти, куда прикажутъ, убивать, кого угодно, и служить тому, кто больше дастъ.

На-ряду съ принципомъ обязанности службы родинѣ выступилъ—и скоро заглушилъ его—*принципъ найма* на службу полководцу. Изъ Греціи и Карѳагена онъ перешелъ въ Римъ. Марій и Цезарь командовали арміями, набранными по этому принципу. Результаты военной реформы, какъ извѣстно, скоро отразились и на политической жизни Рима.

Первые принцепсы пытались, правда, поддержать пополненіе своей постоянной арміи гражданами, но нравы къ тому времени уже значительно измѣнились. Служба представлялась тягостью, чему способствовалъ введенный долгій 20-лѣтній срокъ пребыванія подъ знаменами. Отъ призыва въ строй стали уклоняться всѣми способами, вплоть до калѣченія себя, и армія все больше пополнялась *наемными* провинціалами и варварами.

Послѣднимъ стали, наконецъ, „платить землею“, поселяя ихъ цѣлыми племенами въ опасныхъ въ военномъ отношеніи областяхъ.

Такъ къ постоянной арміи стали примѣшиваться поселенныя войска (limitanei, riparienses), по условіямъ своей жизни совмѣщавшія особенности выступающаго ad hoc ополченія съ постояннымъ ношеніемъ оружія. Ихъ двойственный характеръ какъ бы предвѣщаетъ сложность отношеній будущей феодальной военной „повинности“, выработавшейся на почвѣ такихъ же, по существу, пожалованій землей за службу, только предпринятыхъ въ болѣе широкомъ масштабѣ.

Сущность феодальной „повинности“ съ трудомъ поддается современному анализу. Связь съ землей, старыя народныя традиціи поддерживали идею обязанности службы каждаго свободнаго человѣка, но въ то же время, несомнѣнно, все болѣе выступалъ частно-правовой элементъ договора съ сюзереномъ земли.

По формѣ составленія феодальныя войска принадлежатъ къ типу ополченій. Ихъ неповоротливость и недисциплинированность, а равно

примѣръ Византіи и сарацинъ, скоро заставили европейскихъ королей и князей выдвинуть еще болѣе частно-правовой элементъ въ военной службѣ. Вновь выступилъ принципъ денежнаго найма.

Въ XI вѣкѣ онъ пользуется уже широкимъ признаніемъ. Мы видимъ варяжскую большую дружину въ службѣ Ярослава Мудраго, и на другомъ концѣ Европы Вильгельмъ Завоеватель ведетъ съ собой въ Англію французскихъ и итальянскихъ наемниковъ-профессіоналовъ.

Денежный наемъ и создаетъ княжеско-королевскія регулярныя арміи, разрывая вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко всякую связь межъ войскомъ и страной. Населеніе не имѣетъ ничего общаго съ своими наемными „защитниками", которыхъ оно искренне считаетъ подчасъ сродни дьяволу,— убѣжденіе, въ которомъ ихъ жестокости его отнюдь не разувѣряютъ. [1])

Попытка создать національную наемную армію во Франціи въ 1439—1445 гг. даетъ посредственные результаты.

Дѣло идетъ такъ вплоть до XVIII столѣтія. Нѣкоторое исключеніе представляетъ въ силу своего обособленнаго положенія Англія и, какъ увидимъ ниже, Россія.

Въ XVIII вѣкѣ недостатокъ наемниковъ и ихъ совершенно исключительная деморализація вызываютъ, особенно въ германскихъ странахъ, развитіе *вербовки-захвата.*

Хватаютъ иностранцевъ, хватаютъ холостыхъ молодыхъ людей, шатающихся по ночамъ (указъ Маріи-Терезіи 1757 г., приводимый Редигеромъ), хватаютъ въ то же время молодыхъ людей по воскреснымъ днямъ при выходѣ ихъ изъ церкви, хватаютъ всѣхъ, кто не принадлежитъ къ привилегированному классу или не можетъ откупиться,—и въ арміи оказываются только люди, которые берутъ за это деньги или которые не имѣютъ денегъ, чтобъ уйти отъ военной службы.

Въ военномъ отношеніи результаты получались весьма сомнительные (чудовищное дезертирство даже изъ войскъ Фридриха Великаго), а въ юридическомъ, намъ кажется, именно къ пополнявшимся такими пріемами войскамъ полицейскаго государства какъ нельзя болѣе приложима та квалификація „людей въ пассивномъ статусѣ", которою Еллинекъ склоненъ былъ опредѣлять сущность воинской повинности и которую онъ самъ считалъ точнѣе всего выражающей состояніе „рабовъ". [2])

Дефекты постоянныхъ армій, построенныхъ на самопродажѣ и насильственномъ рабствѣ, слишкомъ бросались въ глаза. Практика и тео-

---

[1]) Германскіе военные историки сохранили намъ рекомендацію одного изъ самыхъ свирѣпыхъ кондотьеровъ XIV вѣка, мелкаго швабскаго князя Вернеръ-фонъ-Урслингенъ, выгравированную имъ на груди своего панцыря: „Я, герцогъ Вернеръ, врагъ Бога, скуки и милосердія"... (Іенсъ, цит. соч., стр. 216).

[2]) Общее ученіе о государствѣ, русск. перев., Спб., 1908 г., стр. 296, 309—310.

рія искали выхода и въ этихъ поискахъ начинали возвращаться къ античнымъ идеямъ.

Впервые, насколько мы можемъ судить, идея общегражданской воинской повинности была воскрешена въ періодъ всяческаго увлеченія греко-римскими образцами—въ эпоху Возрожденія—секретаремъ флорентинской республики Никколо Макіавелли. [1])

Горячій патріотъ, Макіавелли стремился—и временно успѣлъ въ этомъ—создать во Флоренціи народное ополченіе, напоминавшее древнія милиціи, съ правильными упражненіями молодежи въ искусствѣ владѣть оружіемъ, съ обязанностью всѣхъ гражданъ быть готовыми къ войнѣ въ теченіе извѣстнаго періода.

Мысль эта неоднократно возобновляется позднѣйшими писателями. Всякій гражданинъ долженъ умѣть владѣть оружіемъ и долженъ быть обязанъ службой въ теченіе извѣстнаго срока—эта идея въ разныхъ варіантахъ повторяется у Спинозы въ его Tractatus politicus (гл. VI, § 10 и VII, §§ 12, 17), у маршала Морица Саксонскаго въ его „Mes Rêveries“ (1757, гл. I), даже у Адама Смита въ пятой книгѣ „Wealth of Nations“. Боевыя качества національныхъ милицій высоко ставятъ учители и вдохновители французской революціи—Монтескье и Руссо, особенно послѣдній.

На практикѣ, если вѣрить Іенсу, первый удовлетворительный опытъ введенія воинской повинности съ 6-лѣтнимъ срокомъ службы и съ зачисленіемъ затѣмъ въ запасъ былъ сдѣланъ въ нѣмецкомъ княжествѣ Шаумбургъ-Липпе въ серединѣ XVIII вѣка. Авторъ не указываетъ, почему система осталась неизвѣстной и, повидимому, недолговѣчной. Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ видѣть въ ней попытку расширенія „кантональной“ системы прусскихъ королей, стремившейся просто создать извѣстное количество обученныхъ людей. [2]) Тутъ еще далеко до идеи всеобщей и равной повинности; тяжесть службы особенно чувствительна для низшихъ слоевъ населенія. Въ Россіи, гдѣ въ началѣ XVIII стол. наблюдается явленіе скорѣе обратное, быть можетъ, съ бо́льшимъ правомъ можно было бы говорить объ идеѣ повинности въ законодательствѣ Петра Великаго.

Однако, нѣкоторыя особенности, о которыхъ ниже, препятствуютъ рѣшительно отдать нашему отечеству пальму первенства въ осуще-

---

[1]) Del arte della Guerra; см. франц. изд. Oeuvres complètes, Paris, 1837, томъ I, стр. 314—403.

[2]) Существовала съ 1 мая 1733 года. Крестьянскіе рекруты, забранные въ „кантонѣ“ (округѣ стоянки) полка, послѣ нѣкотораго періода обученія, отпускались съ обязанностью явиться въ случаѣ нехватки солдатъ во время войны. Эта система оказала нѣкоторыя услуги Фридриху II.

ствленіи всеобщей воинской повинности и возрожденію принципа вооруженнаго народа.

Это было сдѣлано во Франціи „людьми 1793 года“ въ трудную для страны политическую минуту. Внѣшній врагъ побѣдоносно надвигался. Старой королевской арміи не существовало, волонтеры собирались медленно.

Въ этихъ условіяхъ вспомнили провозглашенный уже закономъ 4 марта 1791 г., но еще не осуществленный принципъ: „le service de la patrie est un devoir civique et *général*“. Законъ 24 февраля и конституція 24 іюля 1793 г. (ст. 107—109) объявили „весь народъ“ образующимъ вооруженную силу республики, а 23 августа 1793 г. вышелъ знаменитый декретъ Конвента, поднявшій на ноги всю Францію: „Dès ce moment jusqu'à celui où les ennemis auront été chassés du territoire de la République tous les Français sont en réquisition permanente. Les jeunes gens iront au combat; les hommes mariés forgeront les armes et transporteront les subsistances; les femmes feront des tentes, des habits et serviront dans les hôpitaux; les enfants mettront les vieux linges en charpie; les vieillards se feront porter sur les places publiques pour enflammer le courage des guerriers“...

Это было высшее напряженіе всѣхъ боевыхъ и рабочихъ силъ націи, направленное къ изгнанію врага, и, послѣ достиженія этой ближайшей цѣли, оно, естественно, должно было ослабѣть.

Однако, принципъ всеобщности и равенства передъ исполненіемъ воинскаго долга остался въ законѣ 19 фруктидора VI года республики (1798 г.), введшемъ такъ называемую конскрипціонную систему, согласно которой опредѣлявшійся заранѣе контингентъ новобранцевъ образовывался путемъ вынимания жребія молодыми людьми устанавливаемаго закономъ возраста (20—25 л.), который при непрерывно послѣдовавшихъ войнахъ республики и имперіи понижался до крайнихъ возможныхъ предѣловъ. Допущено было также добровольное вступленіе въ армію, а съ 1799 г. и замѣщеніе вынувшаго жребій охотникомъ. Это открывало косвенную возможность созданія привилегіи для богатыхъ классовъ путемъ найма замѣстителей. [1])

Тѣмъ не менѣе созданныя при этой системѣ постоянныя арміи были гораздо болѣе близкими къ вооруженной націи, чѣмъ, напримѣръ, королевскія войска старой Пруссіи, и на поляхъ сраженій „le soldat-citoyen“ оказывался не разъ гораздо выше этихъ послѣднихъ.

---

[1]) Детальная исторія французскихъ революціонныхъ законовъ о воинской повинности представляетъ значительный интересъ для спеціальнаго изслѣдованія, которое, однако, отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ прямой цѣли. Равнымъ образомъ, мы оставляемъ въ сторонѣ и позднѣйшія системы найма и найма, комбинированнаго съ конскрипціей, чередовавшіяся во Франціи послѣ 1815 года и явно неудовлетворительныя фактическимъ изъятіемъ богатыхъ классовъ.

Понадобилось возникновеніе наполеоновской тираніи и затѣмъ глубоко народныя войны противъ нея со стороны ряда могучихъ націй, чтобы Франція вынуждена была признать себя побѣжденной и, подъ вліяніемъ „военнаго утомленія", даже отказаться на довольно долгое время отъ принципа обязательности для всѣхъ воинской службы. [1])

Этотъ принципъ былъ перенятъ и усовершенствованъ одной изъ ея побѣдительницъ — Пруссіей. Такъ называемый законъ Шарнгорста и Гнейзенау 3 сентября 1814 г. представляетъ намъ воинскую повинность того законченнаго типа, къ которому мы всѣ теперь привыкли. Постоянная армія, принимающая въ себя молодыхъ людей отъ 20—25-лѣтняго возраста; ландверъ перваго разряда, куда зачисляются лица, оставшіяся сверхъ комплекта, и лица уже служившія—до 32 лѣтъ отъ роду; ландверъ второго разряда для болѣе позднихъ возрастовъ; ландштурмъ, куда могутъ быть призваны старики и юноши; учебные сборы ландвера—такова была система, выработанная Пруссіей въ борьбѣ съ Наполеономъ.

Изъ оборонительнаго орудія новая армія стала впослѣдствіи наступательнымъ, и, быть можетъ, именно въ XIX в. было наиболѣе вѣрно замѣчаніе Мирабо: l'armée, c'est l'industrie nationale de la Prusse.

Успѣхъ этой индустріи при новомъ столкновеніи съ Франціей въ 1870—1871 гг. побудилъ послѣднюю, а за ней и другія европейскія страны перейти окончательно къ прусской формѣ воинской повинности, являющейся въ сущности ежегоднымъ ополченіемъ, внѣ непосредственной надобности, на нѣкоторый срокъ, болѣе или менѣе долгій.

Собственно лишь длина этого срока да совершенство выучки и отличаютъ современныя регулярныя арміи отъ милиціонныхъ войскъ (Швейцарія, Норвегія). Въ основѣ тѣхъ и другихъ лежитъ теперь одинъ и тотъ же принципъ всеобщей обязательности службы, и грань межъ ними, какъ признаютъ и военные писатели (Редигеръ, Мокъ), все болѣе стирается. Изъ болѣе значительныхъ европейскихъ государствъ особое положеніе занимаютъ лишь Англія и Швеція, которыя на-ряду съ территоріальными войсками, приближающимися къ милиціонному типу, [2]) имѣли до послѣдняго времени наемные полки, а Швеція

---

[1]) См. предыдущую выноску, въ концѣ.

[2]) Въ Англіи начало обязательности встрѣчаетъ препятствія и для распространенія на территоріальную милицію въ нравахъ страны. Ея большія колоніи—Австралія и Канада—идутъ дальше метрополіи въ этомъ отношеніи. Объ ихъ военной реорганизаціи и о попыткахъ такой же реорганизаціи, предпринятыхъ бывшимъ англійскимъ военнымъ министромъ Гольдэномъ, см. интересный обзоръ иностранной военной жизни и законодательства *В. Недзвѣцкаго* въ *Военномъ Сборникѣ* за 1909 г., №№ 10—12. Новѣйшая китченеровская армія волонтеровъ вызвана къ жизни особыми обстоятельствами.

и полуфеодальныя поселенныя войска (такъ называемыя Indelta), уже предназначенныя, впрочемъ, къ упраздненію. [1])

На этомъ мы заканчиваемъ нашъ историческій общій очеркъ. [2]) Ведя его съ преднамѣренной сжатостью, мы старались все время разглядѣть основныя линіи въ пестрой смѣси „формъ комплектованія“ и подъ ними—правовые антецеденты современной воинской повинности.

Наемъ и принудительное порабощеніе—таковы базы постоянныхъ профессіональныхъ армій.

Обязанность службы, вытекающая изъ принадлежности къ болѣе или менѣе сплоченной соціальной группѣ—племени, городской общинѣ, государству, хотя бы въ феодальныхъ его формахъ,—таково правовое начало, лежащее въ основѣ ополченій.

Съ торжествомъ идеи „вооруженнаго народа“ начало это превратилось въ современную воинскую повинность, обязывающую каждаго гражданина, по достиженіи извѣстной физической крѣпости, провести опредѣленное время въ рядахъ войскъ и, обыкновенно, періодически возвращаться въ нихъ для пріобрѣтенія и поддержанія нѣкоторой военной опытности на случай возможной борьбы съ врагами государства и порядка.

Такими рисуются эволюція и содержаніе воинской повинности. Какова же ея юридическая конструкція въ современномъ государствовѣдѣніи?

III.

Теоретическія положенія.

Мы остановимся сначала на бѣглой, но весьма интересной попыткѣ отвѣтить на только что поставленный вопросъ, которую сдѣлалъ одинъ изъ авторитетнѣйшихъ публицистовъ конца прошлаго и начала текущаго вѣка, Георгъ Еллинекъ.

Какъ извѣстно, Еллинекъ сводитъ публично-правовыя притязанія и обязанности индивида въ отношеніи къ государству къ нѣсколькимъ общимъ положеніямъ, или status'амъ: негативному или области „свободы отъ государства“, активному статусу участія въ осуществленіи государ-

---

[1]) Такова вообще историческая судьба большинства поселенныхъ войскъ, возникающихъ благодаря особымъ мѣстнымъ условіямъ и съ трудомъ приспособляющихся къ современнымъ военнымъ требованіямъ. По минованіи вызвавшей ихъ къ жизни областной опасности они часто исчезаютъ (чешскіе ходы, кроатская граница, наше малороссійское казачество).

[2]) За большими деталями мы позволимъ себѣ отослать къ нѣмецкимъ „Geschichte des Kriegswesens“, особ. Meynert'a (3 тома) или болѣе новой и краткой Daniels'a, къ трудамъ по исторіи французской революціи и къ указаннымъ выше общимъ пособіямъ.

ственной власти, статусу позитивному—притязаній на услуги государства и пассивному—подчиненія и услугъ государству. [1])

Первыя три правовыя категоріи вытекаютъ изъ квалификаціи индивида-гражданина, какъ субъекта правъ. Четвертая—status passivus—изъ квалификаціи людей, образующихъ государство, „какъ подвластныхъ", „какъ подданныхъ".

„Это качество народа гораздо легче проникаетъ въ сознаніе, чѣмъ разсмотрѣнная выше квалификація его, какъ субъекта, и въ этомъ качествѣ индивиды „являются объектомъ государственной власти, государственнаго господства". Это—состояніе подчиненности индивида, „въ которомъ онъ, лишенный личности, есть только субъектъ обязанностей".

Еллинекъ самъ сознаетъ, что такое опредѣленіе ближе всего подходитъ къ несвободному состоянію и что въ современномъ государствѣ является трудно установимымъ совершенное отдѣленіе субъекта права отъ субъекта власти. [2])

И онъ спѣшитъ указать, что между положеніемъ „субъекта обязанностей" и положеніемъ „носителя правъ" существуютъ „переходныя стадіи".

Это—обязанности, вытекающія непосредственно изъ признанія индивида членомъ государства, тѣ „обязанности, исполненіе которыхъ объемлетъ не только услуги государству, но и дѣятельность отъ имени государства". Таковы, по Еллинеку, военная служба, отправленіе обязанностей присяжнаго, — словомъ, „обязанность несенія общественной службы".

„Эти обязанности являются въ то же время и высшимъ правомъ, что выражается въ почетѣ, связанномъ съ исполненіемъ такой обязанности. Такъ, участіе въ войскѣ и судѣ есть почетное право обязанныхъ къ этой службѣ", и „лишеніе этого права разсматривается, какъ наказаніе". [3])

Взглядъ на участіе въ арміи, какъ на право гражданина, принимается уже Лоренцомъ Штейномъ въ его „Ученіи о военномъ бытѣ", но, къ сожалѣнію, эта идея у него какъ-то оттѣсняется на задній планъ разсужденіями о воинскомъ духѣ, его созданіи, организаціи и т. д. [4])

Анализъ Еллинека, болѣе тонкій, указываетъ на сочетаніе въ воин-

---

[1]) См. System der subjectiven öff. Rechte, 2-te Aufl., Tüb. 1905, гл. VII. Общее ученіе о государствѣ, русск. перев., Спб., 1908 г., гл. XIII, отд. II, стр. 295 сл., и особ. 304 слл.

[2]) Общее ученіе о государствѣ, Спб., 1908 г., стр. 309—310.

[3]) Общее ученіе о государствѣ, Спб., 1908 г., стр. 310.

[4]) *Lorenz Stein*, Die Lehre vom Heerwesen, Stuttgart, 1872, passim. Ср. особ. стр. 1, 42 и 46 (здѣсь уже Pflicht).

ской повинности элементовъ обязанности и права, но при этомъ обязанность явно выдвигается, и воинская повинность примыкается къ пассивному статусу. Военная служба выступаетъ, такимъ образомъ, съ характеромъ подневольности, принудительности, и такое пониманіе ея, сложившееся въ значительной мѣрѣ исторически подъ вліяніемъ практики былыхъ профессіональныхъ армій, на первый взглядъ, можетъ показаться вѣрнымъ. [1])

Мы, однако, затрудняемся принять эту доктрину. Намъ кажется неправильнымъ дѣлать особое удареніе на одномъ изъ двухъ сплетающихся въ сложномъ институтѣ „личной повинности" элементовъ, именно на элементѣ обязанности.

Русская юридическая литература уже не разъ выясняла, что мотивъ обязанности „соціальнаго служенія" широко распространенъ въ публично-правовыхъ отношеніяхъ, если можно такъ выразиться, окрашиваетъ ихъ собой. [2])

Тѣмъ внимательнѣе должны мы относиться къ идеѣ права на это соціальное служеніе, комбинирующейся съ обязанностью въ большей или меньшей степени. [3]) Намъ кажется поэтому болѣе точнымъ опредѣлить воинскую повинность, какъ „правообязанность", [4]) и этой конструкціей соединить ее, равно какъ повинность присяжнаго засѣдателя свидѣтельскую, съ широкой категоріей публичной функціи.

Всякая публичная функція, всякая общественная служба есть по своему юридическому существу болѣе или менѣе сложный комплексъ правообязанностей, могущихъ охватить и самое начало ея осуществле-

---

[1]) Изъ другихъ авторитетныхъ германскихъ ученыхъ *Otto Mayer* и *Laband* также оттѣняютъ въ воинской повинности „принудительную службу", указывая притомъ ея назначеніе, какъ военной школы. См. *O. Mayer*, Le droit administratif allemand, IV, 11 и 14 сл., *Laband*, Archiv für öffentliches Recht, III, Die Einheitlichkeit des deutschen Heeres, S. 519 ff.—*Fleiner*, Institutionen des deutschen Verwaltungsrechts, 1913, § 11, слѣдуетъ взглядамъ Еллинека.

[2]) См. особ. *Н. М. Коркуновъ*, Лекціи по общей теоріи права, Спб., 1898, стр. 140 сл., *Л. І. Петражицкій*, Теорія права, Спб., 1910 г., изд. 2-е, II, §§ 49 и 50, *П. Е. Михайловъ*, Новое ученіе о публичномъ и частномъ правѣ, *Юридическія Записки*, 1912 г., IV, стр. 567 сл., *А. Н. Елистратовъ*, Понятіе о субъективномъ публичномъ правѣ, М., 1913 г.

[3]) Капитанъ *Грековъ* въ цитированной выше монографіи, начавъ съ принятія „готовыхъ выводовъ" Еллинека, въ дальнѣйшемъ изложеніи подходитъ весьма близко къ нашему взгляду. Ср. стр. 149, прим. 2-е.

[4]) Терминъ этотъ уже встрѣчается въ русскомъ юридическомъ языкѣ (см., напр., *А. Н. Елистратовъ*, Основныя начала административнаго права, М., 1914 г., стр. 88). Цитируемымъ авторомъ онъ, повидимому, сближается просто съ „обязанностью". Намъ, однако, кажется вполнѣ возможнымъ использовать данный терминъ здѣсь, какъ прекрасно передающій сочетаніе элементовъ „право-обязанность" въ разсматриваемомъ нами институтѣ.

нія. Примѣръ бельгійскаго избирательнаго права, которое никто не пересталъ называть правомъ оттого, что каждый избиратель *долженъ* явиться къ урнѣ,—этотъ примѣръ показываетъ, что соціальное служеніе весьма легко принимаетъ интенсивныя формы въ современномъ обществѣ. Мы встрѣчаемъ въ публичной жизни—по крайней мѣрѣ, въ весьма большомъ количествѣ случаевъ [1])—не „эгоцентрическое" право частнаго характера, а выполненіе соціоцентрической, общеполезной функціи, или, повторимъ еще разъ, право-обязанность.

Отличіе защищаемаго нами взгляда отъ доктрины Еллинека не сводится къ тонкимъ терминологическимъ оттѣнкамъ, какъ то можетъ показаться съ перваго взгляда.

Для Еллинека судья или администраторъ суть органы государства, выражающіе его волю, избиратель есть индивидъ въ активномъ статусѣ, а присяжный засѣдатель или солдатъ—тотъ же индивидъ въ переходной стадіи къ статусу пассивному, къ положенію субъекта однѣхъ обязанностей.

Съ нашей точки зрѣнія, судья, администраторъ, офицеръ, избиратель, присяжный, солдатъ—всѣ находятся въ видоизмѣняемомъ въ деталяхъ, сообразно ихъ дѣятельности, но, по существу, однородномъ положеніи должностного лица.

Подобное воззрѣніе значительно упрощаетъ дѣло, устраняя необходимость доходящихъ до искусственности теоретическихъ различій, неизбѣжно связанныхъ для Еллинека съ его общей теоріей органовъ государства—личности и субъективныхъ публичныхъ правъ; [2]) но, съ другой стороны, предлагаемое здѣсь расширеніе понятія должностного лица, охватывающее и участниковъ воинской силы, можетъ показаться чрезмѣрнымъ.

Даже солдатъ должностное лицо?—скажутъ намъ.—Но служба его не является для него, при отбываніи повинности, профессіей, она не даетъ ему достаточной матеріальной компенсаціи, онъ не можетъ отказаться отъ принятія своей должности.

Надо, однако, еще доказать, что эти признаки образуютъ понятіе должностного лица, а не одинъ изъ его оттѣнковъ—понятіе профессіональнаго чиновника. [3]) Въ частности „главный" признакъ свободнаго принятія публичной функціи вовсе не такъ характеренъ, какъ это обыч-

---

[1]) См. *Петражицкій*, цит. соч., стр. 728 слл., 741 въ концѣ.

[2]) Ср. детальную критику этой теоріи, выходящую изъ рамки нашего этюда, у *А. П. Елистратова*, Понятіе о субъективномъ публичномъ правѣ, М., 1913, и *А. А. Рождественскаго*, Теорія субъективныхъ публичныхъ правъ, М., 1912 г.

[3]) Даже для послѣдняго почти всѣ признаки спорны. См. особ. спеціальныя изслѣдованія *Nézard*, Théorie juridique de la fonction publique, Paris, 1901, и *Kammerer*, La fonction publique en Allemagne, Paris, 1899.

но думаютъ; напомнимъ, что не только въ русскомъ сельскомъ управленіи, но, напримѣръ, и въ Англіи принятіе цѣлаго ряда выборныхъ должностей обязательно. [1])

Вполнѣ основательно поэтому новѣйшая французская доктрина публичнаго права, въ лицѣ конституціоналиста Дюги и административиста Гастона Жеза, выдвинула критеріемъ для понятія должностного лица въ широкомъ смыслѣ (fonctionnaire — agent public) несеніе публичной службы, отправленіе дѣятельности, признаваемой общественно-необходимою при данномъ правовомъ укладѣ, [2]) и съ этой точки зрѣнія признала офицера, солдата и въ самое послѣднее время (Жезъ) присяжнаго— должностными лицами. [3]) Такое воззрѣніе, стоящее въ связи съ выдвинутымъ Дюги „реалистическимъ" пониманіемъ государственной организаціи, [4]) склонно, такимъ образомъ, квалифицировать гражданина, какъ должностное лицо, при переходѣ его къ явно преслѣдующей публичную цѣль дѣятельности.

Этотъ взглядъ не чуждъ и нѣкоторымъ положительнымъ уголовнымъ законодательствамъ. Итальянское право (Cod. pen., art. 207) считаетъ присяжныхъ и свидѣтелей должностными лицами во время исполненія ими своей повинности. Голландское уголовное уложеніе (ст. 84) допускаетъ тотъ же взглядъ по отношенію „ко всѣмъ лицамъ", входящимъ въ составъ арміи. Мотивы къ этому уложенію полагаютъ безразличнымъ для существа публичной должности выполненіе ея временно или постоянно, за вознагражденіе или безплатно, и ставятъ ее лишь въ связь съ постоянной организаціей, началомъ іерархіи или надзора. Сообразно съ этимъ, новѣйшая криминалистика считаетъ возможнымъ выдвигать, какъ общую тенденцію современной европейской судебной практики и законодательства, признаніе индивида должностнымъ лицомъ не только въ силу прямого указанія закона, но и по характеру дѣятельности. [5])

---

[1]) *Редлихъ, I.*—Англійское мѣстное управленіе, русск. перев. Спб., 1908 г., II, стр. 380 и примѣч.

[2]) *Duguit,* Traité de droit constitutionnel, P., 1911, I, p. 100, *Jéze,* Cours de droit public, 1914, стр. 384.—Ср. *А. И. Елистратовъ,* Основныя начала административнаго права, М., 1914 г., стр. 121.

[3]) *Duguit,* Traité, I, p. 431.—*Jéze,* Cours de droit public, P., 1914, p. 400, note 1 и p. 403—5.

[4]) Государство, сообразно этому пониманію, представляется не абстрактной юридической личностью, а нѣкоторой активной совокупностью индивидовъ, юридически и соціально дифференцированной, объединенной взаимозависимостью и подчиненіемъ единому верховному правопорядку. Ср. особ. Traité, I, § 15. Аналогичное, но оригинально разработанное пониманіе государства, какъ „системы правоотношеній" въ соціальной коллективности, въ русской новѣйшей литературѣ даетъ *П. А. Покровскій* „О государственной власти", Яр., 1914 г.

[5]) См. интересную и богато документированную статью *В. М. Ширяева,* Субъектъ должностного преступленія, *Юридич. Записки,* 1913 г., кн. IV.

Публично-правовая, общественная цѣль существованія вооруженной силы въ современномъ государствѣ едва ли можетъ вызывать сомнѣнія; [1]) дѣятельность этой силы по общему характеру вполнѣ соотвѣтствуетъ техническимъ функціямъ, каковы, напримѣръ, функціи врача или желѣзнодорожнаго служащаго [2]) и т. п.,—функціямъ, состоящимъ по преимуществу не изъ юридическихъ актовъ, а изъ такъ называемыхъ, „матеріальныхъ операцій“ (въ нашемъ случаѣ—владѣніе оружіемъ, маневрированіе, командованіе, обученіе, въ случаѣ нужды, бой и проч.). Эти соображенія, въ связи съ приведенными выше современными научными тенденціями, укрѣпляютъ взглядъ на регулированное публичнымъ правомъ и связанное съ осуществленіемъ общественной задачи положеніе воина, какъ на положеніе должностного лица, и на явку его къ выполненію своей публичной функціи, какъ на исполненіе активной правообязанности.

Такое воззрѣніе на воинскую повинность квалифицируетъ ее не какъ форму проявленія подневольнаго, пассивнаго „статуса“ индивида, а какъ нѣчто живое, дѣйственное, какъ на сознательное выступленіе на службу своей страны и націи, совершаемое гражданиномъ, намѣревающимся въ случаѣ нужды защищать понятные ему общенародные интересы. При такихъ условіяхъ воинская повинность является частью скорѣе активнаго, чѣмъ пассивнаго статуса, примыкаетъ къ группѣ активныхъ политическихъ „правъ“, съ которыми у нея есть одна даже общая внѣшняя черта, именно принципіальное устраненіе иностранцевъ. Послѣдніе, какъ извѣстно, лишь на особыхъ условіяхъ допускаются, въ видѣ исключенія, въ ряды современныхъ армій въ качествѣ волонтеровъ и иногда наемниковъ (въ колоніяхъ) [3]).

Тѣсная связь воинской повинности съ политической стороной жизни индивида подчеркивается тѣмъ обстоятельствомъ, что не исполнившіе воинской повинности по неуважительнымъ причинамъ обычно теряютъ право выбора на должности и вступленія въ избирательный корпусъ. Изложенная концепція, несомнѣнно, соотвѣтствуетъ развитымъ формамъ политической жизни и высокому уровню правосознанія.

Мы видѣли, что къ ней были довольно близки культурныя государ-

---

[1]) См. формулировку французской конституціи 3 сент. 1791 г., titre IV, art. 1-er: „La force publique est instituée pour défendre l'Etat contre les ennemis du dehors et assurer au-dedans le maintien de l'ordre et l'exécution des lois“.

[2]) Возможность разсматривать желѣзнодорожнаго служащаго и врача, даже вольнопрактикующаго, какъ должностныхъ лицъ, подтверждена правит. сенатомъ (Общ. Собр. 904—5, У. К. Д. 902—18, 906—10; о врачѣ—Соед. Пр. 9 апр. 1879, № 3021). Другія рѣшенія въ духѣ приводимаго въ текстѣ взгляда см. у *Ширяева*, цит. статья.

[3]) Съ точки зрѣнія международнаго права къ подобному допущенію также могутъ встрѣтиться препятствія. См. Charles *Poimiro*, La légion étrangère et le droit international, Paris, 1913.

ственныя образованія древняго міра—Римъ и Аѳины. Но, быть можетъ, именно современному государству съ его представительнымъ и все болѣе демократизующимся строемъ дано разрѣшить въ наиболѣе полной формѣ ту проблему сочетанія свободы съ обязательностью, которую Макіавелли видѣлъ въ введеніи воинской повинности.

То сознательное отношеніе, которое главная масса французскихъ избирателей и ихъ представителей проявила въ 1913—1914 гг. къ необходимости введенія закона о продленіи срока пребыванія подъ знаменами съ 2 до 3 лѣтъ, возлагавшаго на страну новое тяжелое бремя, является свѣжимъ примѣромъ въ пользу высказаннаго положенія. [1])

Изъ вышеизложеннаго отнюдь не слѣдуетъ, что мы даемъ здѣсь юридическую апологетику основъ воинствующаго и наступательнаго милитаризма.

Наша концепція едва ли была бы пригодна для эпохи, напримѣръ, династическихъ войнъ и для государственной организаціи, силой хватающей людей, чтобы гнать ихъ на убой за чуждое имъ дѣло подъ пистолетами офицеровъ и тесаками капраловъ.

Когда солдатъ выходитъ изъ этого пассивнаго статуса пушечнаго мяса, когда онъ перестаетъ быть въ принципѣ механическимъ органомъ, равнодушной машиной, безсознательно подчиняющейся посторонней ей волѣ государственнаго Левіафана, тогда возникаетъ современная народная армія, способная къ упорной оборонѣ, иногда къ великодушному подвигу освобожденія угнетенныхъ въ другой странѣ національностей, но мало пригодная для „безыдейныхъ“ или чисто-завоевательныхъ войнъ. Нужны исключительныя обстоятельства и своеобразная аберрація коллективной психологіи, чтобы культурная нація нашей эры стала наступать на своихъ сосѣдокъ въ предположеніи, что ей грозятъ или что на нее собираются напасть въ будущемъ.

Такія печальныя историческія возможности искаженія идеи народной арміи—идеи всеобщаго участія въ оборонѣ родной страны — сами по себѣ еще не говорятъ противъ даннаго нами освѣщенія ея юридической основы.

Намъ слѣдуетъ еще посчитаться съ нѣсколькими возможными возраженіями. Могутъ замѣтить, что указываемая нами идея всеобщности участія въ выполненіи воинской повинности въ дѣйствительности допускаетъ различныя изъятія, — категоріи нестроевыхъ, откомандированныхъ, причисляемыхъ прямо къ запасу и т. д., и, слѣдовательно, не осуществляется въ практикѣ современнаго государства или осуществляется неравномѣрно.

---

[1]) См. *Эннекенъ,* Письмо изъ Парижа, *Ж. М. Ю.*, 1913 г., № 8.

Можетъ показаться неправильной однородная юридическая квалификація солдата и офицера.

Можетъ быть указано на недостатокъ „текстуальныхъ“ основаній къ признанію солдата должностнымъ лицомъ въ законодательствахъ военныхъ державъ.

По поводу перваго возраженія слѣдуетъ сказать, что „изъятія“ изъ воинской повинности лишь подчеркиваютъ принципіальную ея всеобщность. Существованіе этихъ „изъятій“ и „привилегій“, съ теченіемъ времени обнаруживающихъ тенденцію къ сокращенію, объясняется частью потерявшими практическое значеніе историческими пережитками (изъятія высшаго германскаго дворянства), частью обиліемъ мужского населенія страны, позволяющимъ примѣненіе отбора для активной службы наиболѣе пригодныхъ категорій населенія съ оставленіемъ прочихъ въ резервѣ особаго устройства, частью разумной соціальной экономіей, сберегающей индивидовъ съ особой технической или интеллектуальной подготовкой во избѣжаніе разстройства или ослабленія творческихъ и производительныхъ функцій страны (инженеры, врачи, профессора и т. д.). Послѣднее начало обусловливаетъ созданіе если не прямыхъ изъятій, то льготнаго служебнаго положенія для такихъ индивидовъ даже въ странахъ, опредѣленно отрицающихъ всякое изъятіе внѣ случая физической негодности. [1])

По второму пункту замѣтимъ, что мы говорили объ однородной, а не объ абсолютно одинаковой квалификаціи различныхъ должностныхъ лицъ. То профессіональное положеніе, которое занимаетъ въ современной арміи офицеръ (и сверхсрочный нижній чинъ) можетъ привести къ значительной разницѣ въ регламентаціи деталей положенія. Оно, однако, не устраняетъ необходимости для офицера провести въ военной службѣ опредѣленное для всѣхъ минимальное число лѣтъ, а иногда, въ виду большей технической пригодности, обязываетъ даже офицерскихъ чиновъ оставаться въ активѣ (Швейцарія) или, послѣ отставки, въ резервныхъ и территоріальныхъ войскахъ до значительно болѣе поздняго возраста, чѣмъ рядовыхъ членовъ арміи (у насъ въ настоящее время въ ополченіи ратники до 43, оберъ-офицеры до 55 и высшіе чины до 65 лѣтъ). [2]) Разница между положеніемъ офицера и положеніемъ солдата сводится, слѣдовательно, къ техникѣ, не касаясь общаго теоретическаго принципа выполненія публичной функціи, который именно для насъ всюду важенъ.

Что касается пониманія солдата, какъ должностного лица, аргумен-

---

[1]) См., напр., французскій законъ 21 mars 1905—7 août 1913, art. 2, и ср. art. 25— о медикахъ.

[2]) См. правила 28 іюня 1914 г., ст. 52; о швейцарскихъ постановленіяхъ см. указ. соч. *Мока.*

ты по существу даны выше; съ формальной же стороны слѣдуетъ замѣтить, что законодатель стремится прежде всего къ практической организаціи, а не къ юридической конструкціи воинской повинности, и что употребляемые имъ термины не могутъ считаться абсолютно связующими. Общую же оріентировку законодательствъ въ указанномъ нами направленіи усмотрѣть вполнѣ возможно. Законодатель повсемѣстно подчиняетъ войска, какъ и другія категоріи должностныхъ лицъ, приспособленному къ условіямъ ихъ службы дисциплинарному праву, даетъ имъ извѣстныя служебныя привилегіи (ношеніе формы, свобода отъ задержанія за долги, testamentum militare, — у насъ пока еще весьма несовершенное), улучшаетъ содержаніе нижнихъ чиновъ, заботится объ ихъ семьяхъ во время войны, а во Франціи, напримѣръ, и во время мира, [1]) принимаетъ широкія мѣры къ обезпеченію пенсіями семей погибшихъ или самихъ потерявшихъ здоровье и трудоспособность на службѣ.

Онъ заботится обычно объ охраненіи арміи, какъ части государственной организаціи, отъ оскорбленій, легко примѣняетъ тѣ же способы усиленія карательнаго воздѣйствія къ нападеніямъ на „чиновъ войска", какъ и къ нападеніямъ на „всѣхъ вообще должностныхъ лицъ" [2]) при исполненіи ими служебныхъ обязанностей, и если, устанавливая всеобщую воинскую повинность, говоритъ иногда о „священной обязанности защиты Престола и Отечества" внѣ указаній на право, [3]) то самымъ терминомъ священности отмѣчаетъ необычный характеръ правового института и считаетъ нужнымъ подчеркнуть основную, указывавшуюся нами выше, задачу воина—защиту государственной организаціи отъ ея возможныхъ враговъ.

Бѣглый взглядъ на набросанную здѣсь общую картину покажетъ юристу, что современное состояніе русскаго законодательства не отклоняется, въ основныхъ линіяхъ, отъ общихъ тенденцій и не устраняетъ такимъ образомъ, возможности принципіальнаго, намѣченнаго нами, пониманія воинской повинности.

Облегчить такое пониманіе русскому правовому сознанію, намъ кажется, должны бы нѣкоторыя особенности исторической правовой эволюціи базъ военной службы въ Россіи. Общія черты этой эволюціи, приведшей къ установленію современной воинской повинности, намъ и остается здѣсь напомнить.

---

[1]) Ср. цит. франц. loi militaire, art. 22, o soutien de famille.

[2]) См. Сводъ Зак., т. XIV, Уст. Пред. Прес., ст. 1, прим. 2, прил. 1, п. 18. Ср. еще т. IV Уст. Воин. Пов., ст. 28 и 351.

[3]) Ст. 70 Основныхъ Законовъ Россійской имперіи.

IV.

Эволюція въ русскомъ правѣ.

Въ днѣпровскій періодъ нашей исторіи ополченіе является доминирующей формой вооруженной силы, и принципомъ, лежащимъ въ ея основѣ, можно считать признававшуюся въ раннихъ европейскихъ соціальныхъ образованіяхъ обязанность каждаго члена группы выступать за нее въ бой. [1])

Въ силу этой первобытной повинности, надъ правовымъ обоснованіемъ которой тогда едва ли задумывались, въ южно-русскихъ княжествахъ, а равно и въ новгородскомъ народоправствѣ, рѣшеніе вѣча поднимало иногда на ноги всѣхъ, „кто только можетъ взять въ руки хлудъ". Въ другихъ случаяхъ выставлялось, „рубилось", извѣстное число людей съ поселенія.

Наконецъ, на-ряду съ ополченской ратью земли слѣдуетъ указать постоянную военную дружину князя, связанную съ нимъ личными отношеніями или наймомъ и нерѣдко составлявшуюся изъ иноземныхъ выходцевъ.

Эта дружина преимущественно употреблялась князьями для ихъ экспедицій и далекихъ степныхъ походовъ.

Въ верхне-волжскій и, позднѣе, московскій періодъ принципъ найма денежнаго первоначально совсѣмъ почти исчезаетъ. Въ оторванную татарскимъ нашествіемъ отъ Западной Европы Московію лишь изрѣдка проникаютъ вплоть до XVI вѣка наемные иностранные пушкари и инженеры.

Для образованія вооруженной силы страны складывается военно-землевладѣльческая система, близкая къ западно-европейскому феодальному типу. Слѣдуетъ, однако же, замѣтить, что въ этой системѣ повинностное начало сказывалось гораздо сильнѣе, чѣмъ въ службѣ западнаго рыцарства своимъ сюзеренамъ. Частно-правовой договорный элементъ, напротивъ, отступалъ на задній планъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Этому способствовали, съ одной стороны, слабость началъ феодализма на Руси и растущее значеніе великокняжеской (царской) власти, съ другой—непрекращающіеся татарскіе набѣги и разгорающаяся борьба съ Литвой.

Постоянная угроза жестокихъ военныхъ нашествій и опустошеній,

---

[1]) См. къ послѣдующему особ. *Сергѣевичъ, В. И.*—Лекціи и изслѣдованія, Спб. 1894 г., стр. 173—183; 4-е изд. 1910 г., стр. 319—334; Древности русскаго права (III), стр. 200—214.

несомнѣнно, способствовала тому, что пожалованный землей, „испомѣщенный“ служилый человѣкъ, выходя въ поле „конно, людно и оружно“ на тревожный призывъ, понималъ защиту государева дѣла, какъ борьбу за дѣло, всѣмъ общее, и не былъ особенно склоненъ торговаться изъ-за выполненія ложащейся на него обязанности. Къ тому же невыполненіе могло получить гораздо болѣе быстро надлежащую санкцію—отнятіе земли, чѣмъ то было возможно на Западѣ, гдѣ каждый баронъ успѣлъ сдѣлаться сувереномъ на своемъ ленѣ. Классъ, наиболѣе склонный къ превращенію въ такихъ маленькихъ сувереновъ,—родовое боярство и потомки удѣльныхъ князей, — частью вынужденъ былъ склониться передъ властью московскаго владыки, частью погибъ въ борьбѣ, и во второй половинѣ XVI вѣка воинская повинность идущаго на смѣну этому классу служилаго помѣщичьяго дворянства уже имѣетъ довольно законченныя формы.

Съ 1564 г. устанавливается обязанность „испомѣщенныхъ“ выставлять съ каждыхъ 100 четвертей земли человѣка на конѣ и въ доспѣхѣ.

Воинская повинность эта, точнѣе—обязанность являться въ ополченіе по требованію, представляется для лицъ служилаго сословія безсрочной и поголовной, и сословный, наслѣдственный характеръ ея накладываетъ тяжелую печать на гражданскія („указная доля“ вдовы и дочерей) и семейныя отношенія. По извѣстному мѣткому замѣчанію Ключевскаго, по достиженіи извѣстнаго возраста сынъ садился на коня, чтобы итти на рубежъ, дочь шла подъ вѣнецъ—готовить резервъ защитниковъ отечества.

Нельзя, разумѣется, утверждать, что эта воинская повинность понималась тогда такъ, какъ мы предложили понимать современную,—московская Русь вообще не была склонна къ юридическимъ дефиниціямъ, и на практикѣ „пассивный статусъ“ являлся въ ней едва ли не преобладающимъ. Но намъ важно здѣсь подчеркнуть сохраненіе связи арміи со страной и моментъ обязанности, какъ основу воинской службы, значительно отличавшіе Россію той эпохи отъ ближайшихъ даже сосѣдей съ Запада,—напримѣръ, Рѣчи Посполитой, широко практиковавшей наемъ войскъ, часто иноземныхъ (венгры и, особенно, нѣмцы).

Борьба съ этими профессіональными войсками, а также начинающееся пониженіе духа феодальныхъ милицій, связанное съ уменьшеніемъ опасности со стороны татаръ и образованіемъ на степныхъ рубежахъ особаго подвижного вида поселенныхъ войскъ — казачества,—еще съ той же второй половины XVI вѣка побуждаютъ московское правительство усилить при комплектованіи войскъ принципъ *найма* и профессіонализаціи.

Грозный создаетъ полу-поселенные, полу-наемные стрѣлецкіе полки,

посылаетъ на Западъ за инструкторами. При Годуновѣ мы видимъ уже много служилыхъ иностранцевъ, цѣлый отрядъ тѣлохранителей. Краткій періодъ лихолѣтья съ его подъемомъ національнаго сознанія въ выдвигаемыхъ землей на свою защиту ополченіяхъ не устраняетъ принципа найма,—напротивъ, скорѣе, усиливаетъ его въ виду растущихъ передъ ширящейся государственной организаціей военно-техническихъ задачъ, которыя думаютъ преодолѣть повышеніемъ профессіонализаціи по примѣру Запада. [1])

Первые государи династіи Романовыхъ приглашаютъ множество иноземныхъ инструкторовъ, денежное жалованье начинаетъ играть въ XVII вѣкѣ значительную роль на-ряду съ земельными помѣстьями при „верстаніи“ различныхъ категорій „ратныхъ людей московскаго государства“, на-ряду съ этимъ техническія требованія повышаются. Принимаются мѣры къ регламентаціи службы помѣщичьихъ милицій, устраиваются инспекторскіе смотры, обращается вниманіе на оружіе и лошадей. [2])

Но всѣ эти техническія нововведенія не устраняютъ факта, что московскаго войска не удавалось сдѣлать ни наемнымъ, ни профессіональнымъ, ни постояннымъ. Сами солдатскіе и рейтарскіе полки „новаго строя“ проявляли склонность къ мирнымъ занятіямъ и сельскому образу жизни. [3])

Армія оставалась ополченіемъ, [4]) тѣсно связаннымъ съ общимъ теченіемъ народной жизни, и при образованіи этого ополченія принципъ феодальной повинности-обязанности занималъ все еще доминирующее мѣсто, распространяясь иногда — подобно старо-французскому arrière-ban—и на не обязанные непосредственно службой слои населенія, въ формѣ требованія „даточныхъ людей“ со столькихъ-то дворовъ крестьянъ въ случаяхъ большой опасности. [5])

---

[1]) См. къ излагаемому статью ген.-лейт. *П. О. Бобровскаго* о состояніи военнаго права въ Россіи въ 1-й половинѣ XVII столѣтія, *Юридическій Вѣстникъ*, 1885 г. октябрь.

[2]) См. Улож. царя Алексѣя Михайловича, гл. VII — о службѣ всякихъ ратныхъ людей. О порядкѣ верстанія, ср., напр., декабрьскія „статьи“ 1678 г. (1-е П. С. З., т. II, 744) и различные наказы воеводамъ (наприм., т. III, 1542, 1579, 1594, 1595). О высылкѣ на службу, о замѣнѣ больныхъ служилыхъ конными даточными крестьянами, объ инспекціи, объ имѣніи лошадей „добрыхъ и къ стрѣльбѣ пріученыхъ“ см., напр., указы, помѣщенные въ П. С. З., т. I, 94 (15 марта 1653 г., воеводѣ владимірскому Аксакову), 154 (26 апр. 1655 г.—больные), 481 (7 окт. 1670—наказъ при посылкѣ Романа Ѳедоровича Боборыкина на инспекцію), II, 853, III, 1630 г. и т. д., и т. д.

[3]) См., напр., П. С. З. I, 143, 29 дек. 1654 г.—Тульскому воеводѣ Мяснову о высылкѣ на службу „солдатъ“ бѣглыхъ и отпускныхъ раненыхъ, которые живутъ „въ помѣстьяхъ своихъ и вотчинахъ“.

[4]) Ср. П. С. З. II, 706 и др.

[5]) См. примѣръ П. С. З., I, 96—мартъ 1653 г. для защиты отъ татаръ.

Этотъ принципъ былъ утилизированъ и доведенъ до высокой степени напряженія Петромъ Великимъ при осуществленіи его военной реформы 1699—1705 гг., которая въ правовомъ отношеніи представляется намъ лишь развитіемъ ранѣе существовавшаго.

Преобразователь, повидимому, хотѣлъ сначала дать перевѣсъ принципу вольнаго денежнаго найма (указы 2 генв. 1696 и 23 дек. 1700 гг.), но очень скоро оставилъ его на второмъ планѣ, по преимуществу для иностранныхъ офицеровъ, [1]) и 20 февраля 1705 г. обязалъ тяглыя сословія ставить „даточныхъ солдатъ" по одному человѣку съ 20 дворовъ въ регулярныя войска. [2])

Что касается дворянъ, то они отвѣчали за поставку закрѣпощенныхъ ими крестьянъ, но ихъ собственная служба оставлена была Петромъ на старыхъ основаніяхъ.

По приходѣ въ возрастъ они должны были являться на службу— пригодные на военную, непригодные на гражданскую. Это требованіе предъявлялось Петромъ къ „благородному сословію" неукоснительно.

Въ военномъ отношеніи создалась, такимъ образомъ, повинность, весьма близкая ко всеобщей, плотнѣе захватывавшая высшіе слои, но и низшіе также привлекавшая къ „высокоповѣренному чину" и „должности солдата", который отнюдь не долженъ былъ, по словамъ приказа передъ Полтавской битвой, помышлять, что сражается за Петра, но за государство, Петру врученное. [3])

Было бы ошибочнымъ заключить отсюда, что мы имѣемъ уже передъ собой общегражданскую современную правообязанность. Петровская повинность есть лишь ея отдаленный прообразъ, возможный въ условіяхъ всеобщаго закрѣпощенія. Самъ преобразователь, если и выдвигалъ иногда цѣлью дѣятельности воина мотивъ общенароднаго дѣла, указанный въ цитированномъ выше приказѣ, въ другихъ случаяхъ считалъ вполнѣ возможнымъ дарить высокорослыхъ рекрутъ своему другу королю прусскому „въ гренадиры". [4])

Слѣдуетъ прибавить, что населеніе относилось къ этой повинности не только не активно, но зачастую вполнѣ отрицательно, чему способствовала страшная тяжесть службы, по существу, безсрочной въ *по-*

---

[1]) См. П. С. З. IV, 1912, 1923, 2543, 2595, VI, 3913 (иностранцы), VII, 5161 и др.

[2]) П. С. З., IV, 2036. Составители Полнаго Собранія Законовъ разсматриваютъ этотъ указъ какъ первый, вводящій рекрутскіе наборы.

[3]) См. объ общемъ состояніи тогдашняго военнаго права *П. О. Бобровскій*, Военное право при Петрѣ Великомъ, особ. т. II, Спб., 1886 г.

[4]) П. С. З., V, 3050, 17 ноября 1716 г.—Предназначено было въ подарокъ, какъ видно изъ указа, по набору 200 „большихъ мужиковъ". „Чтобъ не было въ нихъ гораздо старыхъ, а именно, чтобъ старѣе не было какъ лѣтъ по пятидесятъ".

стоянныхъ отнынѣ войскахъ, грозившая всякому въ возрастѣ отъ 15 чуть не до 50 лѣтъ. [1])

До самаго конца царствованія Петръ боролся съ побѣгами и уклоненіями, и слѣдомъ этой борьбы донынѣ осталась у насъ паспортная система. Ближайшимъ преемникамъ Петра пришлось обратить вниманіе на наиболѣе тяжелыя особенности устроенной имъ повинности—полное отсутствіе указаній на срокъ пребыванія въ войскахъ, поголовность службы для дворянъ и спорадичность рекрутскихъ наборовъ, особенно тяжело чувствовавшуюся низшими слоями.

Анна Іоанновна нѣсколько сгладила первые два недостатка, по крайней мѣрѣ, для дворянъ, опредѣливъ для нихъ начальный возрастъ службы въ 20 лѣтъ, срокъ ея въ 25 и разрѣшивъ оставаться дома для веденія хозяйства одному сыну или брату изъ семьи, [2]) (17 дек. 1736 г.).

Императрица Елисавета ввела 25 дек. 1757 г. „генеральное учрежденіе о ежегодномъ сборѣ рекрутовъ“ съ одной изъ пяти полосъ, на которыя Россія раздѣлялась учрежденіемъ. Такимъ образомъ, наборъ въ пять лѣтъ дѣлалъ полный кругъ, что доставляло населенію немалое облегченіе и избавляло армію отъ необходимости иногда чуть не цѣликомъ распыляться на конвойныя команды для доставки рекрутъ со всѣхъ концовъ Россіи по тогдашнимъ дорогамъ. [3])

Былъ данъ рядъ правилъ производства набора, и рекрутскій возрастъ (періодъ годности) былъ опредѣленъ въ 20—35 лѣтъ отъ роду.

Въ елисаветинскомъ генеральномъ учрежденіи воинская повинность первой половины XVIII столѣтія получила свою наиболѣе законченную форму.

Этой формѣ суждено было распасться въ ближайшія царствованія подъ вліяніемъ попытокъ создать у насъ положеніе высшихъ сословій по образцу западно-европейскихъ. Центръ тяжести военной обязательной службы былъ рѣзко и рѣшительно перемѣщенъ на низшія сословія.

Указъ о вольности дворянства 18 февраля 1762 г. предоставляетъ дворянамъ на волю служить или не служить, причемъ требуетъ лишь (п. 8-й), чтобы поступившіе на службу, не получившіе офицерскихъ чиновъ, дворяне не могли выходить въ отставку ранѣе 12-тилѣтняго срока. [4])

---

[1]) Это былъ максимумъ. Обычно набирали отъ 15—20 лѣтъ (П. С. З., IV, 2036) и до 30 съ небольшимъ (IV, 1820) брали по найму.

[2]) П. С. З., IX, 7142. Такимъ образомъ было положено начало „льготамъ по семейному положенію“, дальнѣйшее развитіе которыхъ вплоть до Рекрутскаго Устава 28 іюня 1831 г. и современнаго Устава представляетъ спеціальный детальный вопросъ, здѣсь маловажный.

[3]) П. С. З., XIV, 10786,—съ объяснительной запиской иниціатора „Положенія“ гр. Шувалова.

[4]) П. С. З., XV, 11444.

Это почетное право на вступленіе въ службу было подтверждено для дворянства и распространено на купеческое сословіе жалованными грамотами дворянству и городамъ. [1])

Воинская повинность, такимъ образомъ, утратила то подобіе всеобщности, которое она имѣла въ первой половинѣ XVIII вѣка, сдѣлавшись, если можно такъ выразиться, однобокой и еще болѣе обременительной для несшаго ее теперь „подлаго народа". [2])

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что повинность эта, касавшаяся собственно не людей, а извѣстныхъ счетныхъ единицъ „дворовъ" и „душъ", съ самаго начала открывала путь къ поставкѣ „замѣстителей" или къ внесенію извѣстнаго денежнаго выкупа на ихъ нанятіе—путь, широко практиковавшійся состоятельными „неблагородными" еще до жалованной грамоты городамъ и отнюдь не возбранявшійся правительствомъ, которому важно было лишь получить нужное число солдатъ и которое не отказывалось отъ самостоятельнаго производства вольной денежной вербовки. [3])

Не говоря уже о „бытовыхъ" злоупотребленіяхъ при поставкѣ рекрутъ въ обстановкѣ крѣпостного права, легко видѣть создавшуюся возможность крайне неравномѣрнаго распредѣленія служебнаго бремени; неравенство это еще усугублялось неизбѣжными при постоянныхъ войнахъ отклоненіями отъ правильнаго чередованія наборовъ и вводившимися при Екатеринѣ II и Павлѣ I, по соображеніямъ политическаго и личнаго фавора, особыми сроками службы для различныхъ областей и категорій населенія. [4])

---

[1]) 21 апр. 1785 г., П. С. З., XXII, 16187, 16188. Въ послѣдней особенно ст. 99 разрѣшающая купцамъ добровольно зачисляться въ войска вмѣсто внесенія установленнаго для нихъ денежнаго налога.

[2]) Дворянство и послѣ указа о вольности сохраняло, по традиціи, обыкновеніе вступать на нѣкоторое время въ службу. Но, помимо отсутствія юридической необходимости, самая служба эта зачастую была чисто иллюзорной, отбываясь малолѣтними „недорослями" въ усадьбахъ родителей. Эта практика констатируется и довольно платонически осуждается въ указѣ Военной Коллегіи Маія 1785 (П. С. З., XXII, 16209), относящемся къ отставкѣ вѣкіихъ Харьковскаго легкоконнаго полка вахмистра Щекина-Кротова и Бѣлорусскаго мушкатерскаго баталіона сержанта Ивана Соколова, поступившихъ на службу соотвѣтственно 5 и 8 лѣтъ отроду.

[3]) О вербовкѣ см. интересный примѣръ въ П. С. З. XVI, 11914, 10 сент. 1763 г.; идея денежнаго откупа, намѣченная Петромъ I (см. уже 2 марта 1706 г., П. С. З., IV, 2095), въ дальнѣйшемъ быстромъ развитіи привела къ тѣмъ зачетнымъ рекрутскимъ квитанціямъ, которыя по справедливости позволяютъ сравнивать государство съ посреднической конторой по найму рекрутовъ и съ которыми пришлось, какъ увидимъ, считаться при введеніи Устава 1 янв. 1874 г.

[4]) Общій срокъ тяготѣлъ къ 25 годамъ, указаннымъ въ 1736 г. для дворянъ. Но на-ряду съ этимъ, не говоря уже объ изъятіяхъ нѣмецкихъ колонистовъ, напр., украинскіе и закамскіе однодворцы служатъ съ 15 дек. 1763 г.—15 лѣтъ, 15 же лѣтъ—съ 24 дек.

Ни предпринятая Александромъ I унификація сроковъ службы рекрутъ—25 лѣтъ въ арміи, 22—въ гвардіи, [1]) ни возвращеніе рекрутскаго устава 28 іюня 1831 г. къ „полосовому“ очередному набору елисаветинскаго законодательства, причемъ Россія была раздѣлена на *двѣ* половины, [2]) ни отдѣльныя введенныя тѣмъ же уставомъ техническія усовершенствованія при наборѣ (особенно въ области семейныхъ льготъ) не могли, разумѣется, устранить основного дефекта создавшейся повинности—ея крайняго неравенства.

Она могла держаться лишь въ условіяхъ крѣпостного строя, и, съ начавшимъ намѣчаться въ XIX столѣтіи кризисомъ этого строя, сталъ обнаруживаться и кризисъ арміи, задачи которой все росли.

Армію, правда, объединяли съ народомъ языкъ и религія, но тѣсной связи съ лучшими силами страны у нея не было. Скорѣе напротивъ, въ ней сосредоточивались худшіе элементы, благодаря стремленію помѣщиковъ изъ хозяйственныхъ соображеній сбывать людей похуже въ рекруты и крайне неудачной, то вводившейся, то, подъ вліяніемъ протестовъ военнаго начальства, отмѣнявшейся мѣрѣ—сдачи въ армію бродягъ и менѣе важныхъ преступниковъ. [3])

Тяжелые походы, суровость дисциплины, дезертирство обусловливали частыя нехватки въ людяхъ и побуждали правительство искать выхода.

Его пробовали найти въ возвращеніи къ старой идеѣ поселенныхъ войскъ и наслѣдственной службы. Мы разумѣемъ военныя поселенія и кантонистскіе батальоны. [4]) Исторія грандіозныхъ опытовъ съ ними въ

1776 г. „Екатеринославская конница“ и съ 25 іюня 1783 г.—„малороссійскіе карабинеры“, рекрутируемые изъ опредѣленныхъ областей; 7 сент. 1794 и 6 окт. 1795 гг. крестьяне и мѣщане западныхъ и южныхъ губерній получаютъ право на 20-и 15-тилѣтній срокъ службы, а 18 іюля 1797 г. императоръ Павелъ, повидимому, по личной благосклонности къ области, назначаетъ „рекрутамъ-замѣстителямъ“ Литовской губ. всего 8 лѣтъ службы. См. П. С. З., XXIII, 17074 (резюмэ нѣсколькихъ указовъ), 17249, 17393 и 18041.—Интересно также замѣтить нѣкоторое увеличеніе рекрутскаго періода годности (17—35 лѣтъ), введенное Рекрутскимъ Учрежденіемъ Екатерины II 29 сент. 1766 г. (П. С. З., XVII, 12795).

[1]) См. подробно 5 дек. 1802 г., П. С. З., XXVII, 20542 и 26 авг. 1818 г., П. С. З. XXXV, 27513.

[2]) 2-е П. С. З., VI, 4677. Отмѣтимъ, что Уставъ этотъ—весьма серьезная кодификаціонная работа—вернулся и къ принятой въ 1757 г. общей нормѣ возрастной годности (20—35 лѣтъ).

[3]) См. 1-е П. С. З., 15 окт. 1802 г., XXVII, 20459, 23 февр. 1823 г., XXXVIII, 29328; 2-е П. С. З., 17 дек. 1828 г., III, 2527 и рѣшит. 22 марта 1860 г., XXXV, 35588.

[4]) Относительно кантонистовъ замѣтимъ, что хотя самый терминъ получаетъ право гражданства въ началѣ XIX вѣка (см., напр., П. С. З., XXVIII, 21929, сентябрь, 1805 г.), а наибольшая регламентація падаетъ на Николаевскую эпоху, но идея принадлежности къ арміи солдатскихъ дѣтей замѣчается уже у Анны Іоанновны и даже, пожалуй, у Петра I. Ср. П. С. З., VIII, 6188, VII, 4227, п. 4, IV, 1820, п. 12.

XIX вѣкѣ и неудача этихъ опытовъ, оставившая по себѣ мрачную память объ аракчеевскихъ звѣрствахъ, военныхъ бунтахъ и семилѣтнихъ „военныхъ бѣглыхъ“, хорошо извѣстна, и намъ незачѣмъ на ней задерживаться.

Въ юридическомъ отношеніи эти попытки представляются воскрешеніемъ уже изжившихъ или изживающихъ себя институтовъ.

Болѣе интересными являются попытки создать резервъ обученныхъ людей и вызванныя военной крайностью возвращенія къ принципу ополченій.

Подъ попыткой создать резервъ мы разумѣемъ введеніе въ 1833—1834 гг. „безсрочнаго отпуска“ для нижнихъ чиновъ арміи и гвардіи послѣ 20-тилѣтняго пребыванія подъ знаменами съ обязанностью являться въ случаѣ нужды до истеченія общаго срока службы. Пребываніе въ резервѣ являлось, такимъ образомъ, ограниченнымъ для арміи—5-ю, а для гвардіи всего лишь двумя годами. [1]) Эта мѣра являлась шагомъ впередъ навстрѣчу современнымъ военнымъ требованіямъ (ср. французскую Loi Soult 21 марта 1832 г., также имѣвшую цѣлью создать резервъ „въ отпуску“).

Принципъ ополченій былъ вызванъ къ жизни тяжелой борьбой Россіи съ двумя Наполеонами.

Трижды — въ кампанію 1806 — 1807 гг., въ первую отечественную и въ крымскую войны — правительство вынуждено было обращаться къ странѣ съ призывомъ напрячь всѣ силы и выполнить общій долгъ защиты отъ врага. Въ особенности въ этомъ отношеніи характеренъ обращавшійся „ко всѣмъ сословіямъ“ знаменитый манифестъ 6 іюля 1812 года (П. С. З., XXXII, 25176): „Да встрѣтитъ врагъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина... Соединитесь всѣ! Съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ!“

Поднявшіяся на этотъ призывъ ополченія разныхъ областей съ честью выполнили свою задачу и, какъ то подтверждено, между прочимъ, указомъ о ихъ роспускѣ въ 1814 году, принимали участіе и въ заграничномъ походѣ. Необходимо, однако, отмѣтить, что общій сословный строй наложилъ нѣкоторый отпечатокъ на образовавшіяся въ александровскую эпоху ополченія: „благородное дворянское сословіе“

---

[1]) См. 2-е П. С. З., VIII, 6397—для московскаго гренадерскаго корпуса (15 авг. 1833 г.) и IX, 7373—обобщеніе мѣры для всей арміи и гвардіи (30 авг. 1834 г.). Замѣтимъ тутъ же, что 8 сент. 1859 г. (XXXIV, 34882 и 34884) общій срокъ службы былъ ограниченъ 15, а выслуга безсрочнаго отпуска 12 годами.

должно было поставлять офицеровъ, „народъ“ составлялъ массу ратниковъ. [1])

По тѣмъ же началамъ было организовано и государственное подвижное ополченіе крымской кампаніи. [2])

Оно не смогло уже предотвратить конечной неудачи нуждавшагося въ серьезной перестройкѣ государства въ борьбѣ съ собранной противъ него коалиціей, но все же доставило весьма значительные боевые ресурсы [3]) и лишній разъ показало, что идея защиты родины отнюдь не заглохла въ сердцѣ народа.

Оглядываясь теперь на пройденный путь, мы видимъ, что въ моментъ исчезновенія крѣпостного строя нашему законодательству были уже знакомы и техническое начало созданія резерва и принципіальная идея всеобщаго долга защиты отечества въ минуту опасности, сочетаніе которыхъ въ развитой формѣ и образуетъ современную воинскую повинность. Мы видѣли, кромѣ того, что начало „повинности“ всегда являлось главнымъ юридическимъ основаніемъ комплектовки русскихъ вооруженныхъ силъ; самая уродливость формъ, которыя эта повинность приняла въ крѣпостническомъ государствѣ,—ея однобокость, сословность, неравномѣрность,—подсказывала желательныя измѣненія.

Съ раскрѣпощеніемъ личности эта повинность должна была стать равной, всеобщей, общегражданской и личной, имѣющей дѣло съ индивидомъ, а не со счетной групповой единицей.

Сопротивленіе сословныхъ началъ могло нѣсколько задержать ставшую неизбѣжной реформу, но не могло ея остановить, и 1 января 1874 г. въ Россіи была введена только что оправдавшая себя въ столкновеніи Франціи и Пруссіи всеобщая воинская повинность.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что уставъ о воинской повинности 1874 г. (2-е П. С. З., XLIX, 52983) явился плодомъ весьма долгихъ подготовительныхъ работъ, начатыхъ по Высочайшему повелѣнію еще въ 1862 г., причемъ часть вырабатывавшихся предположеній осуществлялась предварительно въ видѣ отдѣльныхъ разрозненныхъ мѣропріятій (напримѣръ, запретъ найма охотниковъ-замѣстителей 2 ноября 1871 г.). Прямую связь начала военной реформы съ дарованіемъ 19 февраля 1861 г. „гражданскихъ правъ“ низшимъ слоямъ населенія подчерки-

---

[1]) См. важнѣйшіе акты объ ополченіяхъ эпохи наполеоновскихъ войнъ П. С. З., XXIX, 22374 и 22634 (30 ноября 1806 и 27 окт. 1807 гг.); XXXII, 25176, 25188, 25193 (6, 18, 31 іюля 1812 г.); XXXII, 25365 и 25724 (30 марта 1813 и 28 окт. 1814 гг. окончательное обращеніе ополченій въ „первобытное состояніе“) и др.

[2]) 2-е П. С. З., XXX, 28882, 1 янв. 1855 г. рескриптъ нижегородскому дворянству и 29 янв. 1855 г. (28991)—манифестъ объ ополченіи.

[3]) См. 5 апр. 1856 г., 2-е П. С. З., XXXI, 30340—указъ, приказъ и положеніе о роспускѣ ополченія.

ваетъ отчетъ по Государственному Совѣту за 1873 г., дающій довольно подробную картину прохожденія устава черезъ различныя комиссіи и черезъ общее собраніе дореформеннаго Государственнаго Совѣта. [1])

Небезынтересно отмѣтить, что, несмотря на опубликованное въ 1870 году рѣшеніе государя ввести всесословную воинскую повинность и на послѣдовавшій затѣмъ рядъ привѣтствовавшихъ будущую реформу адресовъ какъ отъ земскихъ, такъ и отъ дворянскихъ собраній всѣхъ почти губерній, въ Государственномъ Совѣтѣ все же были сдѣланы попытки отстоять сословныя изъятія,—попытки, исходившія, впрочемъ, лишь отъ двухъ сановниковъ и маскировавшіяся аргументами техническаго „неудобства“.

Большинство Совѣта, отвергнувъ эти аргументы, рѣшительно высказалось въ пользу новаго устава, стремившагося устранить историческую несправедливость „неуравнительнаго распредѣленія“ обязанности несенія военной службы между различными слоями населенія.

Совѣтъ вполнѣ одобрительно отнесся къ проводившемуся составителями устава взгляду на военную службу, какъ на „почетное и естественное“, „считающееся честью“ служеніе отечеству со стороны каждаго, и къ вытекающему отсюда „личному“, внѣ какихъ-либо сословныхъ и классовыхъ отличій, характеру повинности. [2])

Намъ достаточно здѣсь, не входя въ изложеніе деталей устава 1874 года, съ нѣкоторыми модификаціями понынѣ дѣйствующаго, напомнить его основные принципы.

Мужское населеніе, „безъ различія состояній“, достигшее 20-тилѣтняго возраста, привлекается въ ряды арміи на пятнадцатилѣтній срокъ, изъ котораго шесть лѣтъ проводятся подъ знаменами и девять въ запасѣ (при службѣ въ сухопутныхъ войскахъ; во флотѣ, гдѣ общій срокъ службы короче въ виду бо̀льшей ея тяжести, соотвѣтственные періоды—7 и 3 года).

Замѣна охотникомъ или денежный выкупъ не допускаются. [3]) Условіемъ допущенія къ исполненію повинности являются русское подданство и неопороченность по суду лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Принципъ всеобщности, индивидуальности, внѣсословности, граждан-

---

[1]) Отчетъ по Государственному Совѣту, Спб., 1873 г., стр. 70—121.

[2]) См. Отчетъ, стр. 75, 81 сл., 93 сл.

[3]) Уже пріобрѣтенныя зачетныя рекрутскія квитанціи, освобождавшія отъ военной службы, должны были, по силѣ отдѣла XI Высочайшаго указа 1 янв. 1874 г., быть представлены до 1 окт. 1874 г. къ выкупу казной или къ обмѣну на именныя квитанціи, зачитаемыя только за собственника или его брата родного, своднаго, единоутробнаго или единоутробнаго или двоюроднаго.

ства установленъ, такимъ образомъ, вполнѣ опредѣленно. [1]) Принципиально повинность является также равной; однако, многочисленность населенія, съ одной стороны, соображенія техническаго и политическаго удобства—съ другой, вызываютъ рядъ *практическихъ* отступленій „льготъ".

Многолюдство страны даетъ возможность производить отборъ среди являющихся къ выполненію повинности въ видахъ нѣкотораго сбереженія рабочихъ и интеллектуальныхъ силъ и даже просто позволяетъ не забирать въ армію всѣхъ лицъ призывного возраста. Поэтому, помимо установленія отсрочекъ для окончанія образованія, облегченій по семейному положенію, автоматическаго зачисленія въ запасъ нѣкоторыхъ категорій преподавателей и т. п., принимается дѣленіе арміи на постоянныя войска и ополченіе.

Лица, остающіяся сверхъ ежегодно опредѣляемаго законодательнымъ порядкомъ по представленію военнаго министра и набираемаго по жребію контингента новобранцевъ, [2]) зачисляются въ ополченіе, образующее въ случаѣ нужды второлинейныя и третьелинейныя войска.

Первый разрядъ ополченія, по уставу и позднѣйшимъ новеллам предназначается для пополненія войскъ въ случаѣ войны и образованія особыхъ ополченскихъ частей; второй же, составляющійся изъ лицъ признанныхъ не вполнѣ годными къ военной службѣ и единственныхъ сыновей-работниковъ въ семьѣ,—для службы въ ополченскихъ частяхъ въ случаяхъ большого военнаго напряженія (такъ было до закона 22 августа 1915 г., уравнявшаго положеніе).

Указанное различіе двухъ разрядовъ ополченія приводитъ къ практически довольно важному различію военной подготовки—первый р

---

[1]) Послѣдовательно стремясь къ устраненію всякихъ групповыхъ и классовыхъ различій, Государственный Совѣтъ въ 1873 г. „счелъ нужнымъ исключить" изъ проекта предположенное установленіе особыхъ правилъ для еврейскаго населенія, предоставляя въ принципѣ евреямъ и доступъ къ офицерскимъ должностямъ (Отчетъ, стр. 119—1. Должно отмѣтить, что эта точка зрѣнія на условія военной службы евреевъ въ нашем законодательствѣ не удержалась. Мы, однако, оставляемъ здѣсь въ сторонѣ изслѣдованіе вопроса о создавшемся впослѣдствіи особомъ положеніи еврейскаго населенія по отношенію къ воинской повинности (призывъ въ армію льготныхъ 1 разряда съ 9 1878 г., административный штрафъ съ семьи уклонившагося призывного съ 12 апр 1886 г. и др.) въ виду его большой сложности и тѣсной связи съ общимъ такъ наз „еврейскимъ вопросомъ".

О существующихъ по этому поводу принципіальныхъ разногласіяхъ, законоположеніяхъ и статистическихъ матеріалахъ даютъ представленіе *Антоновичъ*, Русскій народъ и другія народности Россіи передъ воинскою повинностью, *Военный Сборн* 1909 г., ноябрь, *Усовъ*, Евреи въ арміи, Спб., 1911 г. и безымянная сводная раб „Война и евреи", Спб., 1912 г.

[2]) По чрезвычайнымъ обстоятельствамъ военнаго времени жеребьеметаніе отм нено съ 1 сентября 1914 года.

рядъ отбываетъ учебные сборы, и къ нему причисляются до 43-хлѣтняго возраста (въ 1874 г.—40 лѣтъ) прошедшія ряды арміи и окончившія срокъ пребыванія въ запасѣ лица; второго разряда эти мѣропріятія не касаются.

Обращаясь къ соображеніямъ техническаго характера и государственной политики, мы видимъ, что освобождаются отъ службы лица физически явно негодныя и христіанское духовенство. (На Западѣ оно часто привлекается—Франція, Швейцарія.)

Большая легкость обученія и необходимость создать кадръ резервныхъ офицеровъ объясняютъ сокращеніе сроковъ службы по образованію и пользующійся нѣкоторыми облегченіями институтъ „вольноопредѣляющихся".

Наконецъ, трудность набора и особенности культурнаго уровня населенія вызываютъ освобожденіе отъ воинской службы уставомъ и позднѣйшими къ нему добавленіями населенія отдаленныхъ сибирскихъ областей, Туркестана, мусульманскаго населенія Терско-Кубанской области и Закавказья. [1])

Мусульманское населеніе Кавказа платитъ особый военный налогъ взамѣнъ отбыванія повинности, и денежнымъ же взносомъ обязана Финляндія послѣ упраздненія особыхъ финскихъ войскъ и пріостановки 22 октября 1905 г. дѣйствія особаго устава о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ, изданнаго 29 іюня 1901 года. [2])

Одиннадцать поселенныхъ казачьихъ войскъ обязаны поголовною воинскою повинностью на основаніи особыхъ узаконеній. [3])

Всѣ изложенныя „изъятія" и особенности организаціи, какъ легко видѣть, представляются лишь подтверждающимъ правило исключеніемъ, не опровергающимъ самаго принципа общегражданской воинской повинности, съ которымъ мы попытались выше сочетать представленіе о находящемся при исполненіи своихъ обязанностей солдатѣ, какъ о должностномъ лицѣ, выполняющемъ одну изъ важнѣйшихъ—въ условіяхъ современной междугосударственной жизни—публичныхъ функцій.

Основная идея устава 1874 года остается въ полной силѣ и теперь (ср. ст. 70 Основныхъ Государственныхъ Законовъ), несмотря на многочисленныя къ нему добавленія и измѣненія нѣкоторыхъ изъ его важнѣйшихъ постановленій.

Кромѣ уже принятыхъ здѣсь во вниманіе важныхъ новеллъ, касаю-

---

[1]) См. объ этихъ изъятіяхъ Уставъ изд. 1897 г. и по Прод., гл. V, ст. 40—44.

[2]) См. о финляндскомъ военномъ взносѣ Манифестъ 24 сентября 1909 г. и законъ 10 января 1912 г.

[3]) См. многочисленныя узаконенія, кодифицированныя теперь въ раздѣлѣ II Уст. о воин. повинности, изд. 1897 г. и по Продолженіямъ.

щихся организаціи ополченія, [1]) надо отмѣтить повышеніе общаго срока службы до 18 л. закономъ 14 іюня 1888 г., тогда какъ срокъ пребыванія подъ знаменами, постепенно понижаясь, опредѣленъ былъ 26 апрѣля 1906 г. въ 3 года для пѣхоты и „пѣшей“ артиллеріи, въ 4 года—для конныхъ частей и 5 лѣтъ—для флота (общій срокъ флотской службы попрежнему 10 лѣтъ).

Призывной возрастъ былъ также поднятъ до 21 года, [2]) но крупной новеллой 23 іюня 1912 года снова установленъ въ 20 лѣтъ. Той же новеллой срокъ пребыванія въ запасѣ нижнихъ чиновъ „конныхъ“ частей, проведшихъ четыре года на дѣйствительной службѣ, ограниченъ 13 годами. Въ ней же замѣчается, соотвѣтственно общему повышенію культурнаго уровня страны и увеличенію требованій, предъявляемыхъ къ арміи ростомъ военныхъ задачъ, опредѣленная тенденція къ сокращенію льготъ и привлеченію въ армію бо̀льшаго числа интеллигентныхъ силъ (въ частности, уничтожено упоминавшееся выше „автоматическое зачисленіе въ запасъ“ врачей, ветеринаровъ, преподавателей нѣкоторыхъ категорій учебныхъ заведеній и т. д.). Наконецъ, чрезвычайный указъ 10 іюля 1915 г. отмѣнилъ для новаго набора всѣ льготы по семейному и отсрочки по имущественному положенію, равно какъ и бо̀льшую часть изъятій и отсрочекъ по роду занятій.

Дальнѣйшее изложеніе широкой технической реорганизаціи военныхъ силъ послѣдняго времени, коснувшееся и особой подготовки юношества къ военной службѣ, [3]) вовлекло бы насъ въ подробности спеціальнаго характера.

Мы полагаемъ, что изъ предыдущаго уже достаточно ясно внутреннее правовое значеніе того преобразованія, которое было произведено уставомъ 1874 г. въ исконномъ „повинностномъ началѣ“ комплектованія русскихъ войскъ, преобразованія, которое беретъ начало въ общемъ духѣ эпохи великихъ реформъ и которое могло лишь укрѣпиться съ позднѣйшимъ призваніемъ населенія къ политической дѣятельности. [4])

На смѣну однобокой крѣпостнической рекрутчины явилась общая публичная правообязанность защиты родины, выступилъ принципъ, скрѣпляющій современныя „вооруженныя націи“ на поляхъ міровыхъ войнъ,—принципъ, гармонирующій съ приписываемымъ Монтескье изре-

---

[1]) См. особ. 14 іюня 1888 г., 3-е П. С. З., VIII, 5345; 15 апр. 1891 г., 3-е П. С. З., XI, 7629; 1 марта 1911 г., Собр. Узакон., ст. 441.

[2]) Ср. 19 января 1893 г., 3-е П. С. З., XIII, 9260.

[3]) См. Положеніе 18 іюля 1911 г., Собр. Узакон., 1911 г., ст. 1909.

[4]) Ср. ст. 70 Основн. Законовъ и подчеркивающую связь межъ воинской повинностью и избирательнымъ правомъ статью 10 Положенія о выборахъ въ Государственную Думу (п. 8).

ченіемъ, дающимъ военному законодателю энергичный и благородный лозунгъ: Il faut que l'armée soit peuple et qu'elle ait le même esprit que le peuple.

V.

Заключеніе.

Мы видѣли юридическіе антецеденты воинской повинности, попытались дать ея конструкцію, соотвѣтствующую современному состоянію доктрины публичнаго права, окинули взглядомъ историческую эволюцію этой повинности въ правѣ русскомъ. Путь, намѣченный въ началѣ настоящаго этюда, такимъ образомъ пройденъ. Мы, разумѣется, не претендуемъ здѣсь на исчерпаніе сюжета, въ особенности въ исторической его части. Нашей задачей были лишь постановка и принципіальное освѣщеніе проблемы, мало привлекавшей къ себѣ вниманіе русской научной юриспруденціи.

В. Дурденевскій.

Французская женщина передъ лицомъ войны.

I.

Тѣ, которыя остались.

„Soyez bénies, ô femmes françaises, qui contribuez à la défense, et au salut de ce noble pays! Vous êtes les anges tutélaires de nos armées et vous portez bonheur à la France!“

Paul Deschanel.

Переживаемая Европой борьба титановъ даетъ намъ примѣръ героическихъ добродѣтелей, которыхъ никто, казалось, не могъ ожидать отъ людей XX вѣка и менѣе всего отъ „вырождающейся“ Франціи. Но если вооруженная французская нація нынѣ доказываетъ міру свою вѣчно-юную жизнеспособность, то что сказать про французскую женщину, вчера столь недостойно оклеветанную, сегодня едва ли не самую многострадальную и долготерпѣливую?

Для нея, какъ и для всѣхъ протагонистовъ свершающейся драмы, война эта явилась пробнымъ камнемъ истинной душевной силы, силы любви къ родинѣ, къ свободѣ и во имя ея—силы самопожертвованія. Быть можетъ, на женскую долю выпалъ наиболѣе тяжелый крестъ: не съ пѣніемъ волнующихъ кровь гимновъ итти противъ исконнаго врага, творить исторію подъ грохотъ пушекъ и свистъ пуль, а, оставаясь, какъ всегда, въ тѣни, отбрасываемой великими событіями, отпускать молча въ огонь, на вѣрную смерть, плоть отъ своей плоти. Развѣ это не величайшая изъ жертвъ? А ее приносятъ здѣсь всѣ женщины, и надо видѣть, какъ онѣ ее приносятъ! О томъ, чего имъ стоитъ этотъ безмолвный стоицизмъ, мы можемъ лишь догадываться. Прежде чѣмъ говорить о немъ, чтобы рельефно выдѣлить его на фонѣ сѣрыхъ дней, оглянемся назадъ, воскресимъ въ памяти картину недавняго и—увы!—уже столь далекаго прошлаго.

Современная француженка выросла не въ школѣ суроваго патріотическаго долга и не въ обожаніи единой воинской доблести, подобно

дочерямъ античной древности, на чьихъ устахъ такъ гордо звучитъ легендарное „Со щитомъ или на щитѣ!“ И спартанки и римскія матроны сравнительно легко мирились съ желѣзной необходимостью, законы которой не могли не признавать сами, ибо съ дѣтства привыкли онѣ къ мысли, что сыновья и мужья принадлежатъ не матерямъ и женамъ, а государству, и весь смыслъ личной жизни полагали въ строгомъ ея подчиненіи обязанностямъ гражданина. И не вѣдали онѣ еще всей размягчающей душу прелести, всей полнозвучной музыки семейнаго счастья, расцвѣтшаго въ нашъ миролюбивый женственный вѣкъ.

Новыми чувствами одѣта жизнь средней французской женщины, жизнь, сотканная не изъ яркихъ эмоцій и впечатлѣній — удѣлъ немногихъ избранницъ—а изъ скромныхъ заботъ и малыхъ радостей, но вся озаренная, вся согрѣтая ровнымъ пламенемъ домашняго очага. Лучшее ея твореніе и высшая гордость—это семья, дружная, тѣсная семья, въ основѣ которой лежитъ сознаніе кровной солидарности, какъ бы круговой поруки всѣхъ членовъ ея, и прежде всего сознаніе святости той цѣли, которой она призвана служить: быть теплымъ гнѣздомъ для птенцовъ. Семью эту мы встрѣчаемъ сверху до низу общественной лѣстницы и вездѣ характеръ ея въ главныхъ чертахъ одинъ и тотъ же, наиболѣе же ясно и полно онъ выраженъ въ буржуазномъ кругу. Французскую давно кристаллизованную семью можно упрекать и въ узости кругозора, и въ скудости интересовъ, и, наконецъ, въ ревнивой замкнутости, какъ бы отчужденности отъ прочаго міра, ибо двери ея лишь медленно и осторожно отворяются для чужихъ, и для нихъ она слишкомъ часто „негостепріимна“ и скупа. Но никто изъ ближе къ ней присмотрѣвшихся не обвинитъ ея въ недостаткѣ интимности и теплоты *внутри*, въ пренебреженіи родителей къ дѣтямъ или равнодушіи дѣтей къ родителямъ. Напротивъ того. Едва ли найдемъ мы гдѣ-либо бо́льшую близость между родителями, съ одной стороны, и дѣтьми—съ другой, едва ли гдѣ-либо найдемъ мы молодое поколѣніе, взращенное съ такою бережной нѣжностью, какъ нынѣшнее, въ той самой странѣ, гдѣ рождаемость все болѣе и болѣе падаетъ. Иногда, глядя на эти трогательныя семейныя отношенія, задаешься вдругъ смущающимъ умъ вопросомъ: не оттого ли именно, что дѣтей здѣсь мало, любовь къ нимъ родителей такъ сильна, заботы о нихъ такъ разумны? Какъ будто на одну-двѣ головы скопляются всѣ сокровища нашего чувства, всѣ наши надежды и мечты о будущемъ. Однако, въ дѣйствительности мы видимъ такую же прочную, если не болѣе, родовую связь и въ не столь уже рѣдкихъ, какъ это принято думать за границей, многодѣтныхъ французскихъ семьяхъ. Человѣческое сердце, благодареніе Богу, безконечно дѣлимо, безконечно эластично, и не въ уменьшеніи количества его привязанностей секретъ ихъ большей интенсивности. Важно

здѣсь то, что въ культурной Франціи ребенокъ, за исключеніемъ рабочей среды (внѣ соціализма, открыто проповѣдующаго нео-мальтузіанство), не является на свѣтъ случайно,—вотъ почему онъ никогда не въ тягость, ему всегда приготовлено свое, индивидуальное, мѣсто въ радостно ожидающей его семьѣ. Я не знаю въ Парижѣ, не говоря уже о провинціи, ни одной интеллигентной замужней женщины, которая не желала бы хоть однажды стать матерью и не видѣла бы въ этомъ естественнаго своего назначенія, какъ нѣкогда ея бабушка. Правда, въ противоположность послѣдней, она считаетъ себя въ правѣ ограничить число своихъ дѣтей, иногда свести ихъ до минимума, удовлетворяющаго ея инстинктъ; но дѣлаетъ она это не изъ грубо-эгоистическихъ соображеній, а въ помыслахъ о благѣ самихъ дѣтей, благѣ, часто понимаемомъ слишкомъ матеріально. Женщина, сама воспитанная въ духѣ предусмотрительности и недовѣрія къ риску, боится „плодить нищихъ", или, какъ выражаются французы, *des declassés;* она желаетъ сохранить извѣстный уровень благосостоянія въ лонѣ ею основанной соціальной ячейки, желаетъ, какъ заботливая насѣдка, предохранить тѣхъ, которымъ она даетъ жизнь, отъ черезчуръ остраго *struggle for life*. Поэтому-то она не часто позволяетъ себѣ роскошь материнства, вовсе не потому, что ее пугаютъ физическія страданія или возможная потеря красоты формъ. [1]) Зато рожденіе всякаго „заказаннаго" ребенка является настоящимъ семейнымъ событіемъ,—настоящимъ праздникомъ. Въ торжествѣ этомъ участвуютъ косвенно не только родственники, но и друзья и просто знакомые, которымъ, согласно установленному обычаю, разсылаютъ печатные *faire-parts de naissance* съ обозначеніемъ числа и съ именемъ новорожденнаго младенца. Дамы тотчасъ наперерывъ спѣшатъ навѣстить молодую мать и полюбоваться на малютку, принося ему въ даръ, словно добрыя феи, вмѣстѣ съ наилучшими пожеланіями, очаровательныя вещи для приданаго (layette), почти всегда изготовленныя искусными руками самихъ фей. Невольно при видѣ этого идиллическаго зрѣлища, такъ называемыхъ *relévailles*, вспоминаются аналогичныя сцены въ знаменитыхъ флорентійскихъ фрескахъ Гирляндайо,—такъ мало мѣняется бытъ въ старой, напоенной традиціями, Европѣ.

Но какая разница въ педагогическихъ взглядахъ, и особенно въ педагогическихъ пріемахъ, по сравненію не то что съ XV, а даже съ только что истекшимъ XIX вѣкомъ! Еще въ 80-хъ годахъ дѣтей во Франціи держали вдали отъ родителей и съ 10-лѣтняго возраста раз-

---

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что во Франціи не хотятъ имѣть больше *одного* ребенка, съ одной стороны, какъ и вездѣ, богатая буржуазія (но не католическая аристократія), съ другой—и это самое, съ соціальной точки зрѣнія, опасное—*все* крестьянство. Среди интеллиген напротивъ, замѣтна тенденція порвать съ пресловутымъ *Zweikindersystem*, особенности въ связи съ энергичной пропагандой противъ депопуляціи.

мѣщали по мужскимъ и женскимъ интернатамъ. Теперь не то. Рано поступаетъ маленькій французъ въ школу, 5—6 лѣтъ, но въ ней проводитъ лишь часть дня, неизмѣнно, и въ младшихъ и въ старшихъ классахъ, возвращается домой къ завтраку, вечеромъ сидитъ съ большими за общимъ столомъ, пока глаза не слипаются отъ сна, участвуютъ во всѣхъ parties de plaisir, праздничныхъ выѣздахъ и прогулкахъ,—словомъ, живетъ одною жизнью со своей семьей. Она—настоящая его воспитательница, и въ ней обычно царятъ свѣтлый миръ, довольство и взаимное довѣріе. Въ этой здоровой атмосферѣ не треплются, а укрѣпляются юные нервы; съ раннихъ лѣтъ и мальчики и дѣвочки пріучаются къ порядку, къ дисциплинѣ, начинающейся еще въ колыбели, къ бережливости и труду. Искренняя дружба, соединяющая родителей и дѣтей, не исключаетъ извѣстной іерархіи отношеній,—іерархіи, которая не исчезаетъ вполнѣ и послѣ того, какъ дѣти стали взрослыми: отъ стараго принципа авторитета навсегда остается у однихъ право совѣта, у другихъ—уваженіе къ этому праву, безъ котораго немыслимо преемственное начало, столь дорогое самому кансервативному изъ свободолюбивыхъ народовъ. Даже давно оперившіеся и вылетѣвшіе изъ родного гнѣзда птенцы, женатые сыновья и замужнія дочери, попрежнему тянутся къ нему, они не отрѣзанные ломти, а живыя вѣтви могучаго фамильнаго древа, отъ котораго идутъ все новые зеленые побѣги.

Та сдержанная, ласково-почтительная нота, которая звучитъ всегда въ отношеніяхъ такихъ дѣтей и такъ удивляетъ съ непривычки посторонняго наблюдателя, мало-по-малу передается и самимъ родителямъ въ ихъ обращеніи другъ съ другомъ. Мужъ не только любитъ въ женѣ подругу, но и чтитъ въ ней мать, она въ немъ—отца. Можно съ увѣренностью сказать, что изъ какихъ бы побужденій ни былъ заключенъ бракъ—по страстному ли влеченію, по разсудку ли, или прозаически *par arrangement*, то новое, что вноситъ въ него первое улыбнувшееся матери и отцу дитя, перемѣщаетъ разомъ центръ тяжести даннаго союза: *un ménage* превращается въ *une famille*, изъ малой искры рождается неугасимое пламя Весты. Съ этого момента бракъ святъ и нерасторжимъ въ глазахъ его представителей. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ, вѣроятно, не найдемъ мы столько убѣжденныхъ противниковъ развода, какъ въ демократической свѣтской республикѣ, гдѣ бракъ не таинство, а гражданскій институтъ и гдѣ для расторженія его фактически достаточно обоюднаго согласія супруговъ. Тѣмъ не менѣе разводъ, конечно, явленіе неизбѣжное; чаще всего мы съ нимъ сталкиваемся „на верхахъ“ общества, а также и въ политическомъ мірѣ: и тамъ и здѣсь принципы болѣе гибки и возможности новыхъ союзовъ не столь ограниченны. Но разводъ не вошелъ еще въ нравы, и каждый разъ это не только личная драма, но и семейная трагедія, когда налицо ребенокъ: ни

мужъ ни жена не могутъ примириться съ потерей своихъ родительскихъ правъ и, вопреки точнымъ постановленіямъ рѣшившаго ихъ дѣло суда, ожесточенно борются за обладаніе имъ. Нерѣдко въ ихъ борьбу вмѣшиваются и оба семейства, изъ-за глупой вражды которыхъ иногда и разрушается очагъ. Недаромъ во Франціи обращаютъ такое огромное вниманіе при заключеніи брака на домашнюю обстановку, на родственниковъ жениха и невѣсты, которые непремѣнно должны ладить между собою, такъ какъ *en France on épouse une famille et non pas un individu.* Бываютъ зато случаи, когда послѣ цѣлаго ряда лѣтъ разошедшіеся было супруги вновь возвращаются другъ къ другу изъ-за того же ребенка, навѣки сковавшаго двѣ жизни. Такъ возстанавливается разорванное семейное единство сознательнымъ принесеніемъ въ жертву одного поколѣнія другому. При этомъ моралисты спокойно замѣчаютъ „законъ природы", и внутренно съ ними всѣ согласны. При такомъ преклоненіи передъ идеей, передъ идоломъ *famille*, немудрено, что тайная или даже явная измѣна предпочитается открытому разрыву. „Простить всегда можно минуту слабости",—когда нѣтъ злой воли, когда налицо раскаяніе, потому что увлеченіе пройдетъ, а связь съ домомъ сохранится навсегда,—скажетъ про себя обманутая жена, если узнаетъ, а если не узнаетъ... Впрочемъ, справедливость требуетъ признать, что супружеская вѣрность, не только женская, но и мужская,—добродѣтель, несравненно болѣе распространенная во Франціи, чѣмъ это принято думать за границей. Извѣстнаго типа бульварные романы и пьесы отнюдь не отражаютъ истиннаго лица страны, но, кромѣ этой сомнительнаго качества литературы и поверхностнаго знакомства съ увеселительными заведеніями „города-свѣточа", много ли знаютъ о Франціи господа иностранцы? Къ счастью, однако, и среди нихъ находятся внимательные, чуткіе наблюдатели, которымъ не безъ труда удалось проникнуть въ святилище французской интимной жизни: всѣ они одинъ за другимъ констатировали то сильное семейное чувство, о которомъ мы говорили выше, всѣ они въ той или иной формѣ отмѣтили и страстную, глубокую привязанность родителей къ дѣтямъ и замкнутость каждаго отдѣльнаго домашняго очага, являющагося своего рода монадой, въ которой свободно развиваются присущія народу драгоцѣннѣйшія качества [1]).

---

[1]) Укажемъ здѣсь на слѣдующія интересныя книги, плоды болѣе или менѣе долгаго и тонкаго изученія французской жизни: *La France et les Français*, Karl Hillebrand'a (перев. съ нѣмецкаго, 1880 г.), много лѣтъ жившаго во Франціи, 2) *Français et Anglais*, Philip'a Kamerton (перев. съ англ. въ двухъ томахъ, 1891 г.) и 3) *La France d'aujourd'hui* американскаго профессора Barret Wendell'я (Парижъ, 1900 г.). Наконецъ, 4) только что вышедшій русскій сборникъ статей подъ заглавіемъ *Франція*, А. Бѣлорусова, которому однако удалось лишь *снаружи* подсмотрѣть наиболѣе типичныя черты французской дѣйствительности, въ *нутро* ея онъ не вошелъ, къ сожалѣнію.

Душа этого дома, какъ и вездѣ,—женщина. Она—*la reine du foyer* въ настоящемъ смыслѣ слова и въ то же время труженица-пчела. Первая подаетъ она своимъ дѣтямъ, за которыми ухаживаетъ сама, безъ помощи няньки, живой примѣръ неутомимой дѣятельности. Въ ея рукахъ всякое дѣло спорится, горитъ, она образцовая хозяйка, бережливая и экономная, не брезгающая никакой черной работой. И вмѣстѣ съ тѣмъ она всегда изящна, всегда одѣта со вкусомъ, умѣетъ принять, никогда не распускается ни физически, ни нравственно дома, гдѣ проводитъ большую часть дня: *c'est une vraie femme d'intérieur*, а не „*eine tüchtige Hausfrau*", вотъ разница. Такъ француженка, какъ бы скромно ни было ея соціальное положеніе и средства, съ головы до ногъ и до кончика ногтей *дама*. Въ обществѣ она держитъ себя съ замѣчательнымъ тактомъ и со свойственной ей во всемъ стыдливой сдержанностью, ни за что не станетъ хвастать своими домашними талантами, дабы не примѣшивать запаха кухни къ аромату гостиной; точно такъ же ни одинъ чадолюбивый французъ не будетъ говорить о своихъ добродѣтеляхъ семьянина. Все это само собой подразумѣвается, но объ этомъ воспитанные люди умалчиваютъ. Именно поэтому французская женщина тому, кто видитъ ее лишь въ свѣтѣ, можетъ дать о себѣ ложное представленіе „птички Божіей". Кто изъ непосвященныхъ повѣритъ, слушая веселую, остроумную болтовню элегантной парижанки въ гостяхъ или въ театрѣ, что она утромъ, пока единственная прислуга бѣгала за провизіей на рынокъ, собственноручно и мыла и одѣвала ребятъ, снаряжая ихъ въ школу, потомъ помогала убирать квартиру, нерѣдко сама готовила на газѣ, обучая неопытную *bonne à tout faire*, семейный завтракъ? А когда мужъ къ 12 часамъ аккуратно приходитъ со службы, все въ домѣ чисто, уютно, кушанье и аппетитно и хорошо подано, жена и одѣта и причесана, а главное встрѣчаетъ его привѣтливо, не ворчитъ и не вздыхаетъ. Удивительно, право, до чего французскія жены умѣютъ владѣть собою, своими нервами, какъ онѣ всегда въ духѣ! Не въ этомъ ли bonne humeur, которой учатъ дѣвочекъ съ пеленокъ, отчасти секретъ магнита, властно притягивающаго мужчину къ дому? Даже, живя за городомъ и имѣя всего два свободныхъ часа днемъ, онъ непремѣнно пріѣзжаетъ домой завтракать, проводя со своими часто не болѣе 45 минутъ; но для него онѣ настоящій отдыхъ, дающій ему ощущеніе того, что англичане называютъ *home*, а французы *foyer*. Послѣ же 7-часового обѣда мужъ и жена либо вдвоемъ выходятъ куда-нибудь освѣжиться—въ кафе, къ знакомымъ, либо,—и это самое въ среднемъ кругу обычное,—весь вечеръ проводятъ дома среди дѣтей, читаютъ, работаютъ, дѣлятся впечатлѣніями подъ одной лампой въ столовой или кабинетѣ. И въ эти часы, которыми и отецъ, и мать, и сами дѣти особенно дорожатъ, какъ единственными всецѣло принадлежащими

ихъ общенію другъ съ другомъ, никто никогда не приходитъ незваный: даже близкій другъ постѣснится прервать своимъ появленіемъ семейную *veillée*. [1]) Вечера эти, разрѣшающій аккордъ трудового врозь проведеннаго дня, вновь и вновь сплачиваютъ въ одно цѣлое всѣхъ членовъ семьи и прежде всего укрѣпляютъ связь между супругами; они ткутъ тѣ невидимыя шелковыя нити, ктоторыя такъ трудно порвать. Супружеская солидарность, это—прочный стержень домашняго мира, и французскія женщины прекрасно знаютъ это и берегутъ ее, какъ зеницу ока.

Вліяніе женъ на мужей съ виду незамѣтно, но оно чрезвычайно велико въ вопросахъ семейныхъ и житейскихъ; изъ этой узкой сферы оно переходитъ и въ политику, рѣже въ моральную и религіозную область. Тотъ здравый смыслъ, то тонкое психологическое чутье, которымъ надѣлены рѣшительно всѣ француженки, придаютъ особый вѣсъ ихъ мнѣніямъ и совѣтамъ, тѣмъ болѣе, что онѣ вообще никогда ихъ не навязываютъ. Авторитетъ ихъ отъ этого еще выигрываетъ въ глазахъ мужчинъ, которые больше всего цѣнятъ въ женщинѣ и ея практическій складъ, съ одной стороны, и ея интуитивную мудрость—съ другой. Можно сказать, что весь народъ относится къ женщинѣ съ уваженіемъ и оттѣнкомъ рыцарской деликатности, и она въ жизни пользуется вѣками полной духовной свободой, несмотря на принижающую ее на каждомъ шагу опеку Наполеонова кодекса.

Въ этомъ почетномъ положеніи женщины въ семьѣ и обществѣ и въ національномъ ея темпераментѣ найдемъ мы ключъ къ уразумѣнію того факта, что женское движеніе такъ медленно прогрессируетъ въ третьей республикѣ, по сравненію съ другими передовыми странами. И дѣйствительно, довольныя нормальными условіями своего существованія и домашней обстановки, счастливыя жены и матери въ *массѣ* не жаждутъ никакого освобожденія отъ тираніи закона и мужчины. Все же за послѣдніе годы феминизмъ и въ ихъ средѣ дѣлаетъ замѣтные успѣхи. Способствуютъ этому три основныя причины. На первомъ планѣ стоитъ продиктованное самой жизнью требованіе экономической независимости равно для дѣвушекъ рабочаго класса, какъ и для безприданницъ изъ буржуазіи. Отсюда ростъ профессіональныхъ организацій и поиска новыхъ путей для интеллигентныхъ женщинъ, нуждающихся въ заработкѣ. Въ иную сторону направлена интенсивная общественная дѣятельность женщинъ, борющихся противъ всѣхъ соціальныхъ золъ, грозящихъ

---

[1]) Здѣсь нельзя не отмѣтить того характернаго обстоятельства, что во Франціи нѣтъ вечернихъ засѣданій, которыя поневолѣ отрываютъ отца и мужа отъ дома. Мнѣ думается, что обычай этотъ, столь процвѣтающій, напр., въ Россіи, не могъ бы привиться здѣсь по вышеизложеннымъ причинамъ.

Франціи вырожденіемъ, какъ-то: алкоголизмъ, проституція, порнографія, ценопуляція, милитаризмъ и т. д. Во главѣ этого движенія, вербующаго въ свои ряды преимущественно женщинъ со средствами и связями, стоитъ *le Conseil National des femmes françaises*, федеративный союзъ всѣхъ благотворительныхъ и иныхъ обществъ „интересующихъ расу, семью и мать". Съ идеологіей феминизма *Національный Совѣтъ*, удачно прозванный женскимъ сенатомъ, имѣетъ лишь нѣкоторыя точки соприкосновенія, а между тѣмъ именно въ немъ, на нашъ взглядъ, центръ тяжести всего движенія. Связующимъ звеномъ между экономической эмансипаціей и, если можно такъ выразиться, соціальнымъ идеализмомъ женщинъ является феминизмъ индивидуалистическій. Истинныя его служительницы, во имя демократической идеи справедливости, громко провозглашаютъ равенство половъ, энергично требуютъ признанія за женщинами всѣхъ „мужскихъ" правъ, изъ коихъ первое—право голосованія; оно, какъ извѣстно, принадлежитъ во Франціи всѣмъ совершеннолѣтнимъ гражданамъ, за исключеніемъ преступниковъ, сумасшедшихъ и женщинъ. Только тогда начатое революціей великое дѣло раскрѣпощенія личности будетъ довершено; пока же француженка все же ждетъ своей „деклараціи правъ женщины". Этотъ лѣвый флангъ женскаго движенія во Франціи представленъ двумя организаціями: *Ligue pour les droits de la femme* и преслѣдующей исключительно политическую цѣль *Union pour le Suffrage des femmes.* [1]) Обѣ онѣ, несмотря на то, что онѣ насчитываютъ не мало членовъ соціалистокъ, весьма умѣренны въ своемъ образѣ дѣйствій и всячески избѣгаютъ крайностей, даже публичныхъ манифестацій, все менѣе и менѣе, надо сознаться, популярныхъ въ Парижѣ. Мужененавистничества и въ нихъ нѣтъ и тѣни. На ихъ митингахъ мирно выступаютъ ораторы феминистки и, главное, агитація ихъ никогда не переходитъ въ открытый бунтъ противъ существующихъ порядковъ. Въ этомъ отношеніи самыя ярыя французскія суфражистки не похожи на своихъ англійскихъ сестеръ суфражистокъ.

Тѣмъ не менѣе настойчивый призывъ поборницъ равноправія находитъ мало отклика въ сердцахъ тѣхъ, за которыхъ онѣ такъ энергично агитуютъ. Не къ оскорбленному достоинству личности надо апеллировать для пробужденія французской женщины отъ апатіи въ дѣлѣ общественной борьбы, а непосредственно къ ея чувству соціальнаго долга. Отъ скромныхъ насущныхъ заботъ ее сможетъ отвлечь лишь болѣе широкое пониманіе своихъ обязанностей, своей миссіи, какъ хранительницы расы, *la gardienne de la race.* Оттого французскій феминизмъ въ наиболѣе

---

[1]) Разумѣется, я не претендую въ этихъ строкахъ дать хотя бы бѣглый обзоръ французскаго феминизма; для меня важно лишь мимоходомъ указать на основныя его тенденціи.

яркихъ своихъ проявленіяхъ—трезвый, разсудочный и насквозь дѣлов а не принципіально идейный; въ этомъ и сила его и слабость.

Чуждая по самой натурѣ своей романтизма, мистики и метафизи француженка нашего времени во всемъ избѣгаетъ паѳоса, фразы, пр увеличеній, вообще эксцессовъ мысли и чувства, какъ не терпитъ общи теорій и отвлеченныхъ споровъ, всякаго „тумана". Эмоціональная с рона ея женской души не вибрируетъ, какъ натянутая струна отъ м лѣйшаго колебанія окружающей атмосферы; для этого она слишко уравновѣшена, слишкомъ раціональна. Рѣдко ищетъ она страсти и ма мечтаетъ о влюбленности въ розовые годы дѣвичества; но всѣмъ суп ствомъ своимъ, и сознательнымъ и инстинктивнымъ, стремится она гармоніи, къ ясности и цѣльности, къ вѣрной простотѣ любви. Идеа ея не отъ Діониса, а отъ Аполлона: „мѣра во всемъ". Чеховскія строенія разъѣдающей живую ткань радости постоянной неудовлет ренности исключаются въ ней чудесной способностью изъ каждой стицы жизненной прозы извлекать и разливать вокругъ себя всю скр тую въ ней поэзію. Это ея талантъ, ея легкій благодатный геній, ис пающій ея чуть теплый позитивизмъ, отсутствіе орлинаго полета, б страшной отваги ищущаго духа. Отъ природы она умна, на-лету схватываетъ. Даже мало образованная, она почти всегда культурна, да серьезно образованная—никогда не „синій чулокъ", не Frau Doktor. Въ ея глазахъ вообще образованіе имѣетъ цѣну лишь постольку, сколько оно стройно и органично, наука же отнюдь не кладезь п мудрости, изъ котораго всѣ должны жадно пить, а источникъ специа ныхъ знаній. Ученый для нея не „сосудъ избранный и не соль земл а такой же простой смертный, какъ и всѣ прочіе люди. Ей непо тенъ и смѣшонъ тотъ торжественный профессорскій тонъ, который сподствуетъ въ университетскихъ кругахъ Германіи, и со свойствен ей мѣткой ироніей она вышучиваетъ педантизмъ вездѣ, гдѣ види его. Высоко надъ всѣмъ пріобрѣтеннымъ знаніемъ ставитъ она п рожденный умъ, тотъ самый *esprit de finesse,* который еще Паска противопоставлялъ *esprit géometrique.* Въ этомъ смыслѣ она—настоя дочь классическаго XVII вѣка, но и не менѣе дочь вѣка Просвѣщен въ обоихъ столѣтіяхъ играла она, какъ извѣстно, блестящую роль и литературѣ и въ знаменитыхъ „салонахъ", и оба научили ее много первый—уваженію къ традиціи и вкусу, второй—свободомыслію и т пимости. Глубоко впитала въ себя французская женщина всѣ бла родные соки родной цивилизаціи, давно претворила ихъ въ плоть и кр и вмѣстѣ съ молокомъ своей груди передаетъ зачатымъ ею поколѣнія

[1]) Помню, какъ смѣялась при мнѣ одна милая француженка, получившая степ *docteur ès-Lettres,* когда ей принесли письмо отъ пріятельницы-нѣмки, на котор красовалась эта горделивая надпись.

Когда она религіозна, то или спѣшитъ претворить свою вѣру въ дѣла милосердія и христіанской любви, или—и это несравненно чаще—отдаетъ „Божіе Богови“ и только. За воскресной мессой она отдыхаетъ отъ житейской суеты, ея воображеніе плѣняетъ чувственно-нѣжная красота культа, но внѣ церкви она легко ускользаетъ отъ ея вліяній, руководствуясь въ своихъ поступкахъ и поведеніи голосомъ совѣсти или же мнѣніемъ близкихъ, а не догматическимъ ученіемъ католицизма. Для алчущихъ неба душъ остается, правда, еще обитель монастыря, но онѣ, разумѣется, исключеніе. Крѣпко обѣими ногами упирается въ землю француженка, и въ ней, какъ древній Антей, черпаетъ свѣжія силы. Она не Марія, а Мароа.

По мѣрѣ того какъ увеличивается число свѣтскихъ школъ и правительственныхъ лицеевъ для дѣвочекъ и дѣвушекъ, усиливается и постепенно проникаетъ во всѣ слои населенія религіозный скептицизмъ и индиферентизмъ, переходящіе порой въ полное безвѣріе.

Но всюду, но вездѣ объединяющее начало женскаго бытія это—домашній огонь, зажженный благоговѣйной рукою молодой жены и поддерживаемый ею до сѣдой старости. [1]) Мужъ—другъ, товарищъ и опора, рѣже возлюбленный; дѣти—предметъ неусыпныхъ попеченій, думъ и чаяній; наконецъ, первый, никогда не остывающій очагъ кровныхъ привязанностей—таковъ донынѣ былъ заколдованный, судьбою очерченный кругъ, гдѣ распускались прекраснѣйшіе цвѣты вѣчной женственности.

Но вдругъ раздался на всю Европу набатъ мірового пожара. При первыхъ звукахъ его разсѣялся миражъ безмятежной трудовой жизни для всей миролюбивой Франціи. Опустѣли разомъ дома ея, ушли и нѣжные юноши, и зрѣлые мужи, весь цвѣтъ и почти весь плодъ 38-милліонной націи. Кто скажетъ, что̀ пережили въ эти нѣсколько дней, часовъ пораженныя въ самое сердце матери и жены? Но ни одна изъ нихъ не дрогнула отъ удара, по крайней мѣрѣ, наружно. Безъ лишнихъ словъ и безъ лишнихъ слезъ снарядили онѣ сыновей и мужей въ путь, откуда вернутся лишь немногіе, благословили ихъ на подвигъ—pro aris et focis—и остались однѣ. Но могли ли онѣ быть одиноки? Вѣдь въ эти незабвенныя минуты въ каждомъ и въ каждой жила частица единой, общей всей Франціи, героической души! Изъ-подъ внѣшней сухой обсточки внезапно пробился, загорѣлся ослѣпительнымъ блескомъ лучъ его идеализма, который никогда не угасалъ и въ будни, а только прятался стыдливо въ глубинѣ ея какъ нѣчто слишкомъ сокровенное для

---

[1]) Интересно замѣтить, что результатъ всѣхъ анкетъ въ мірѣ студентокъ, артистокъ и работницъ одинъ и тотъ же: *всѣ* молодыя дѣвушки мечтаютъ о счастливомъ бракѣ, какъ о высшемъ благѣ, и почти всѣ съ легкимъ сердцемъ готовы отказаться отъ избранной ими профессіи ради материнства.

чужихъ взоровъ. Охватившій страну стихійный энтузіазмъ, какъ электр ческая искра, передался всѣмъ безъ исключенія женщинамъ: отъ эл гантной свѣтской парижанки до полуграмотной поденщицы и крестьянк Разница сказалась лишь въ степени сознательности, а не въ силѣ п тріотическаго порыва, одинаково проявившагося вездѣ. Тамъ, гдѣ la femm du peuple просто и покорно говоритъ: „*Il le faut bien, c'est pour France*“, дочь Ренана произноситъ эти слова, достойныя героини Ко неля: „*La Grandeur des événements empêche le retour sur soi-même*“. И и другая одинаково, улыбкой сквозь слезы, проводили своихъ любимых Но какъ понесли онѣ дальше бремя безконечно долгой разлуки, н извѣстности, тоски по ушедшимъ и смертельнаго страха за нихъ? Вѣ первый порывъ неминуемо долженъ былъ упасть, когда „облетѣли цвѣт догорѣли огни“ грандіознаго праздника мобилизаціи и наступила изн шивающая нервы агонія ожиданія! Отвѣтъ на эти тревожные вопрос дала сама дѣйствительность за истекшій годъ войны. Война — небыв лая по размѣрамъ, по совершенству смертоносной техники, по колич ству жертвъ и, со стороны врага—по звѣрской жестокости въ пріемах борьбы; и однако она не только не убила народной и, въ частност женской, энергіи, а, напротивъ того, довела ее до неслыханнаго напр женія, до величайшей экзальтаціи духа самопожертвованія. О такой вы носливости нашихъ солдатъ, о такомъ долготерпѣніи нашихъ женщин не смѣли и мечтать лучшіе друзья прекрасной Франціи. А между тѣм ежедневно, одни за другими, какъ спѣлые колосья подъ серпомъ, п даютъ сыны ея, и богатые, и бѣдные, аристократы, буржуа и рабочі писатели, артисты и художники, молодые и пожилые, и одна за друг безостановочно приходятъ роковыя вѣсти къ тѣмъ, которыя остали Казалось, воздухъ сотрясется отъ ихъ стоновъ и рыданій, казалось, н нѣтъ: не видно нигдѣ заплаканныхъ глазъ, не слышно ни громкихъ, н тихихъ жалобъ. Осиротѣвшія матери и жены научились неизвѣстно гд и какъ трудному искусству „pleurer en dedans“, или иногда плачут дома у потухшаго огня. На улицу и ко всѣмъ навѣщающимъ ихъ он выходятъ съ поднятой головой и открытымъ спокойнымъ лицомъ. Он не перестаютъ участвовать въ общественной работѣ, не удаляются от людей въ пустыню одинокаго горя, не избѣгаютъ даже говорить о п стигшемъ ихъ испытаніи. Никогда не забуду я, какъ въ октябрѣ п терявшая два мѣсяца тому назадъ единственнаго 23-лѣтняго сына, ск зала мнѣ: „Я раздала все платье и бѣлье, которыя остались отъ моеі мальчика, но у меня есть еще его кровать, быть можетъ, она приг дится для вашего пріюта“. Тонъ ея былъ совершенно обыденный, толь въ глазахъ, обведенныхъ темными кругами безсонныхъ ночей, что-то н поминало взглядъ подстрѣленной птицы. „Внимая ужасамъ войны“, о куда же черпаютъ свои силы эти матери, которымъ никогда „не забы

своихъ дѣтей, погибшихъ на кровавой нивѣ"? Неисповѣдимы тайны человѣческаго сердца. На помощь безмѣрной материнской скорби приходитъ порою вѣра, двигающая горами. Въ газетахъ промелькнулъ разсказъ о супругѣ генерала Кастельно, у котораго 6 сыновей во фронтѣ офицерами, двое изъ нихъ уже погибло. И вотъ, въ церкви, стоя на колѣняхъ передъ причастіемъ, узнаетъ она отъ своего духовника священника, что палъ въ бою еще одинъ. „Который?" шопотомъ спросила она и, получивъ отвѣтъ, на секунду закрыла лицо руками, потомъ отвела ихъ и промолвила, вставая: „воля Божія". Благородный образъ христіанской Ніобеи! Помимо этой смиренной вѣры и внѣ ея у французскихъ матерей есть еще иныя духовныя поддержки: онѣ въ ихъ великолѣпной гордости, въ ихъ непосредственномъ *чувствѣ* патріотическаго долга. Послушайте только, какъ онѣ говорятъ и пишутъ, и вы увидите, что̀ значитъ для нихъ эта религія чести, отличная отъ резиньяціи и не ищущая загробныхъ утѣшеній.

„Онъ былъ вся радость, весь смыслъ моей жизни,—пишетъ мать-вдова о своемъ единственномъ сынѣ,—но что такое моя жизнь по сравненію съ Франціей?!" Другая, получивъ извѣстіе о кончинѣ отъ ранъ своего 17-лѣтняго мальчика, которому она позволила итти добровольцемъ, такъ на него реагируетъ: „Теперь я поняла, для какой высокой цѣли послужили всѣ мои заботы о бѣдномъ ребенкѣ, который былъ такъ слабъ и хрупокъ въ годы дѣтства: я сберегла его для геройской смерти".

Мать пятерыхъ сыновей, изъ коихъ одинъ убитъ, другой въ плѣну, третій тяжело раненъ, четвертый на передовыхъ позиціяхъ, отпускаетъ своего Веньямина, призваннаго подъ ружье, со словами: „Я отдала родинѣ все, что имѣла, и не жалѣю объ этомъ". Недавно въ одномъ домѣ кто-то изъ иностранцевъ горячо доказывалъ невозможность второй зимней кампаніи для обезкровленной Франціи; его рѣзко прервала пожилая вдова-француженка: „Отчего невозможно? У меня осталось два сына 18 и 17 лѣтъ: если надо, уйдутъ и они, и я, слава Богу, не одна, такихъ матерей у насъ еще тысячи". Конечно, тысячи, сотни тысячъ. И многія, и большинство изъ нихъ, молча страдаютъ, но краснорѣчивѣе словъ ихъ поступки, и онѣ говорятъ внятно то же самое: „Да погибнутъ наши дѣти, но да живетъ Франція!" О нихъ всѣхъ превосходно сказалъ министръ народнаго просвѣщенія Сарро въ рѣчи, обращенной къ учащейся молодежи завтрашняго призыва (въ ноябрѣ 1914 г.).

„Vous êtes bien les dignes fils de ces mères françaises, de ces silencieuses sublimes, celles qui se taisent et dont on ne parle pas—pas assez—et qui chaque jour sans une plainte, refoulant au plus profond d'elles mêmes les angoisses de leur maternité meurtrie, offrent stoïquement à la France la chair bien-aimée de leur chair".

Таковы матери. Но не менѣе изумительны и жены, и притомъ не только жены военныхъ по профессіи, всегда въ большей или меньшей степени закаленныя бытомъ съ самаго порога замужества, а и другія молодыя, избалованныя счастьемъ женщины, утомленныя жизнью матроны и, наконецъ, юныя невѣсты, съ улыбкой примѣрявшія наканунѣ свой вѣнчальный нарядъ. Если матери гордятся тѣмъ, что родили и воспитали героевъ, то жены гордятся тѣмъ, что онѣ подруги этихъ героевъ, и хотятъ быть достойными ихъ славной памяти. Не надо забывать, что сами ушедшіе заранѣе обрекли себя въ жертву, рѣшили „исполнить больше чѣмъ свой долгъ", и потому мало-по-малу въ письмахъ, дышащихъ беззавѣтной любовью къ родинѣ, приготовили своихъ близкихъ къ пріятію этой жертвы. И въ страшныя первыя минуты, когда грозитъ самымъ мужественнымъ отчаяніе, ихъ спасаетъ отъ него именно сознаніе, что „онъ такъ хотѣлъ".

„Какъ могу, какъ смѣю я безумно рыдать надъ нимъ,—спрашиваетъ вышедшая 3 года тому назадъ 25-лѣтняя вдова у своего брата,—вѣдь я же знаю, что онъ желалъ для себя такого конца—положить душу свою за Францію?!" Въ своей послѣдней волѣ онъ прямо говоритъ: „Если я исчезну въ великомъ водоворотѣ, то не хочу, чтобы меня оплакивали или жалѣли, ибо это лучшая смерть для гражданина и француза". Г-жа Н., жена молодого соціолога и соціалиста (еврея), въ слѣдующихъ выраженіяхъ сообщаетъ о его кончинѣ органу партіи *Humanité*.

„Мой мужъ, вашъ товарищъ Н., палъ на полѣ чести лицомъ къ врагу въ битвѣ подъ У., такого-то числа. Онъ былъ счастливъ отдать жизнь за Францію".

Беременная послѣ 6-ти мѣсяцевъ брака по страстной любви женщина, которой съ тысячью предосторожностей родные передаютъ полученное ими трагическое извѣстіе, не падаетъ въ обморокъ, не разражается воплями.

„Я такъ и знала,—глухо говоритъ она,—его больше нѣтъ, но у меня будетъ отъ него ребенокъ, онъ умеръ для того, чтобы тотъ не увидѣлъ никогда такого ужаса: его отецъ вѣрилъ, что мы побѣдимъ... войну".

И тихо, тихо льются по блѣднымъ щекамъ слезы.

Вотъ 22-лѣтняя дѣвушка, свадьба которой была назначена на тотъ самый день, когда она узнала о гибели жениха своего. „Вѣрьте, дорогая,—говоритъ она той, которая должна была стать ея свекровью,—вѣрьте, воспоминаніе о немъ озаритъ и согрѣетъ всю мою жизнь. Наше поколѣніе—увы!—другого не узнаетъ".

Увы!—она права. А въ ушахъ моихъ еще звучитъ патетическое восклицаніе 7-лѣтняго осиротѣвшаго мальчика: „для насъ, мама, война значитъ никогда не кончится, разъ папа не вернется!"

Сколько разбитыхъ навѣки возможностей счастья въ однихъ спискахъ павшихъ воиновъ,—страшно подумать.

„Счастье? Кто же смѣетъ о немъ теперь мечтать?—сурово замѣтила при мнѣ жена пѣхотнаго офицера, чудомъ уцѣлѣвшаго до сихъ поръ.—Сейчасъ мы живемъ въ царствѣ чести и долга“.

И это вѣрно. Вотъ почему напрягшія всѣ свои духовныя силы жены Франціи, дыша разрѣженнымъ воздухомъ высотъ, не поддаются ни унынію, ни слабости. Чаша ихъ страданія полна до краевъ, [1]) но это страданіе героическимъ усиліемъ воли претворяютъ онѣ въ красоту. Среди багроваго мрака ненависти сіяютъ нетлѣнные цвѣты любви, вѣры и надежды и отъ ихъ благоуханія земля должна обновиться.

Пусть сердца женщинъ истекаютъ кровью, не отъ нихъ услышитъ великій народъ малодушный крикъ „довольно!“ Это еще разъ ярко доказало отрицательное отношеніе всѣхъ представительницъ французскаго феминизма и французской общественной мысли къ идеѣ международнаго конгресса пацифистокъ въ Гаагѣ. Въ отвѣтъ на офиціальное приглашеніе голландскихъ его иниціаторовъ (въ концѣ апрѣля текущаго года) всѣ наши феминистическія организаціи единодушно отвѣтили энергичнымъ мотивированнымъ отказомъ, сущность котораго можно выразить двумя словами: слишкомъ рано! [2]) Подъ этимъ отказомъ, лишившимъ нынѣшній конгрессъ мира всякаго моральнаго авторитета, подпишемся безъ малѣйшаго колебанія всѣ мы, свободныя гражданки вѣрной своимъ традиціямъ республиканской Франціи.

Да, слишкомъ рано, несмотря на ужасы варварскаго нашествія, на разореніе цвѣтущаго края, на поруганіе національныхъ святынь, насилія надъ женщинами, разрушеніе памятниковъ искусства, несмотря на удушливые газы, на отравленіе водъ, на бомбы цеппелиновъ, убивающія невинныхъ крошекъ, несмотря на потопленіе „Лузитаніи“ и именно поэтому—слишкомъ рано! Нашъ часъ еще не пробилъ и стрѣлка на міровомъ циферблатѣ лишь медленно приближается къ нему. Терпѣніе. Но не вамъ, о, слишкомъ счастливыя дочери нейтральныхъ государствъ, ука-

---

[1]) Да позволено будетъ напомнить здѣсь о неслыханныхъ физическихъ и нравственныхъ мученіяхъ женщинъ въ захваченныхъ непріятелемъ областяхъ и прежде всего о насиліяхъ, совершонныхъ надъ ними озвѣрѣвшими германскими воителями,—насиліяхъ столь многочисленныхъ, что французское правительство должно было серьезно заняться вопросомъ о „дѣтяхъ преступленія“, о которомъ завязалась страстная полемика и въ текущей журналистикѣ. См. любопытную анкету о „нежелательныхъ“ въ журналѣ *Revue* и въ особенности въ органѣ буржуазнаго феминизма *La Française*.

[2]) Вотъ выдержка изъ „письма“ *Національнаго совѣта французскихъ женщинъ*: „Pour que les générations prochaines recueillent les fruits de cet élan magnifique d'abnégation et de mort, les femmes françaises soutiendront le combat aussi longtemps qu'il sera nécessaire. En ce moment unies à ceux qui luttent et qui meurent elles ne sauraient s'associer à un geste de paix“.

зывать намъ съ содроганіемъ на груды труповъ и пылающіе города и села: мы знаемъ больше, чѣмъ вы знаете, молчите же и не трогайте нашихъ зіяющихъ ранъ. „О мирѣ всего міра“ молимся мы сегодня богу брани. [1]) И твердо пройдемъ мы *до конца* нашъ крестный путь вслѣдъ за героями отмѣченныхъ кровавой печатью странъ не оттого, что мы любимъ меньше нашихъ мужей, дѣтей и братьевъ, а оттого, что мы любимъ больше Правду, за которую они умираютъ.

М. Лотъ-Бородина.

Парижъ, 21 мая—3 іюня 1915 г.

---

[1]) По случаю выступленія Италіи противъ Австріи недавно основавшееся патріотическое женское общество *La Croisade des femmes françaises* послало привѣтственное письмо „итальянскимъ сестрамъ“. Извлекаемъ изъ содержанія его слѣдующія заключительныя строки, проливающія яркій свѣтъ на истинныя чувства французскихъ женщинъ: „*Et le monde saura que pour la juste guerre le coeur des femmes fut aussi ferme que le glaive des hommes, sur le sol où coule le sang des Gracques, mais non les larmes de Cornélie*“.

Заключеніе австро-германскаго союза.

Незадолго до войны, въ промежутокъ 1910—1913 гг., вышла трехтомная біографія графа Юлія Андраши, написанная по порученію венгерской академіи наукъ проф. Эдуардомъ фонъ-Вертгеймеромъ. [1]) Книга является сплошнымъ панегирикомъ Андраши. Каждый его поступокъ разсматривается Вертгеймеромъ, какъ проявленіе чуть ли не безпримѣрной въ исторіи государственной мудрости, и это, на-ряду съ крайне утомительнымъ многословіемъ объемистаго труда,—во всѣхъ трехъ томахъ въ общемъ около 1,300 страницъ,—дѣлаетъ работу Вертгеймера не очень удобочитаемой. Но эти недостатки книги искупаются богатствомъ архивнаго матеріала, собраннаго авторомъ. Значительная часть этого матеріала до сихъ поръ не была опубликована, и поэтому, несмотря на всю тенденціозность изложенія, книга Вертгеймера является цѣннымъ вкладомъ въ исторію внѣшней политики Австріи, какъ балканской, такъ и средне-европейской.

Роль графа Андраши въ исторіи Австріи дѣйствительно совершенно исключительная. Трудно указать другого государственнаго дѣятеля имперіи Габсбурговъ, новѣйшаго періода ея исторіи, съ именемъ котораго были бы связаны такія огромныя по своему значенію событія, какъ съ именемъ графа Андраши. На долю венгерскаго графа, приговореннаго въ молодости къ смертной казни за участіе въ венгерскомъ возстаніи 1848 - 9 гг., — въ парижскихъ салонахъ, гдѣ бѣжавшій отъ австрійской военной юстиціи молодой Андраши пользовался большимъ успѣхомъ, его поэтому и называли „le beau pendu“ — выпало участіе въ заключеніи такихъ актовъ, какъ соглашеніе 1867 г. между Австріей и Венгріей, заключеніе союзовъ съ Германіей въ 1869 г. и достиженіе согласія берлинскаго конгресса на оккупацію Босніи и Герцеговины. Теперь, когда происходитъ міровая война, въ которой Австрія всецѣло связала свою судьбу съ надеждой на побѣду Германіи, оцѣнка

---

[1]) *Eduard von Wertheimer.* Graf Julius Andrassy, Sein Leben und seine Zeit. Stuttgart deutsche Verlags-Anstalt. I. 1910. II—III. 1913.

этихъ актовъ можетъ быть существенно другой, чѣмъ до войны. Теперь ясно, что соглашеніе съ Венгріей и доминирующее положеніе, занятое вслѣдствіе этого мадьярами во внутренней и внѣшней политикѣ Австро-Венгріи, было одной изъ главныхъ причинъ внутренней слабости двуединой монархіи; что оккупація Босніи и Герцеговины, которая неминуемо должна была превратиться въ аннексію этихъ областей Австріей, сдѣлала неизбѣжнымъ столкновеніе съ Сербіей, а черезъ нее также съ Россіей; что союзъ съ Германіей былъ использованъ послѣдней въ интересахъ ея собственной политики въ гораздо большей степени, чѣмъ это соотвѣтствовало интересамъ Австріи, и что слова австрійскаго эрцгерцога Альбрехта въ 1873 г., что Германія стремится „использовать Австрію въ качествѣ вассала противъ Россіи“, оказались въ извѣстномъ смыслѣ пророческими.

Все это однако едва ли умаляетъ значеніе личности Андраши. Отъ мадьяра Андраши при внутреннихъ условіяхъ имперіи Габсбурговъ, гдѣ каждая нація заботится прежде всего о собственныхъ интересахъ, а не объ интересахъ имперіи, конечно, нельзя было ожидать, что онъ придастъ австро-венгерскому соглашенію характеръ, выгодный для Австріи, а не для Венгріи, и не его вина, что австрійскіе государственные люди, заключившіе соглашеніе 1867 г., не сумѣли отстоять интересы Цислейтаніи въ такой мѣрѣ, въ какой это сдѣлали представители господствующаго элемента Транслейтаніи для Венгріи. Точно такъ же не могутъ быть поставлены въ вину Андраши и тѣ послѣдствія, которыя имѣли для Австро-Венгріи заключеніе союза съ Германіей и оккупація Босніи. Тогда, когда эти факты совершились, они были большими и несомнѣнными успѣхами австрійской политики, и дѣлать Андраши отвѣтственнымъ за роковую для Австріи азартную игру графовъ Берхтольда и Тиссы столь же неправильно, какъ дѣлать Бисмарка отвѣтственнымъ за авантюристскую политику Вильгельма II и Бетманъ-Гольвега.

Въ предѣлахъ бѣглаго очерка, конечно, невозможно изложить содержаніе огромнаго труда Вертгеймера, въ которомъ чрезвычайно детально описаны всѣ сколько-нибудь значительныя событія въ политикѣ Австріи отъ второй половины шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія до выхода Андраши въ отставку, т.-е. до 1879 г. Отношеніе Австро-Венгріи къ франко-прусской войнѣ, историческое свиданіе въ Рейхштадтѣ, подготовительныя стадіи русско-турецкой войны, Берлинскій конгрессъ и т. д.,—все это излагается весьма обстоятельно, часто въ свѣтѣ неизвѣстныхъ доселѣ документовъ. Здѣсь мы можемъ только ограничиться исторіей заключенія австро-германскаго союза, впослѣдствіи, со вступленіемъ Италіи, превратившагося въ тройственный.

Какъ Бисмаркъ, такъ и Андраши пришли къ мысли о необходимости союза между Австріей и Германіей, направленнаго противъ Россіи, послѣ

долгихъ исканій и колебаній. Послѣ франко-прусской войны Германія, по выраженію Бисмарка, была „сыта“ и больше всего думала о предотвращеніи возможности реванша. Такой реваншъ могъ ей угрожать съ двухъ сторонъ: Франціи или Австріи. Отсюда у Бисмарка и было естественное стремленіе опираться на Россію, которая оказала Пруссіи такую огромную услугу во время войны съ Франціей. Въ то же время и графъ Андраши, который уже передъ франко-прусской войной былъ противникомъ выступленія Австріи на сторонѣ Франціи противъ Пруссіи, послѣ войны естественно искалъ еще болѣе тѣснаго сближенія съ Германіей. Андраши опасался, что въ случаѣ присоединенія Австріи къ Франціи и пораженія Пруссіи, вліяніе нѣмцевъ въ Австріи снова усилится и Австро-Венгрія снова можетъ вернуться къ системѣ нѣмецкаго централизма. Съ точки зрѣнія интересовъ Венгріи онъ поэтому желалъ усиленія Пруссіи-Германіи и окончательнаго прекращенія роли Австріи въ Германіи. Главнымъ же образомъ Андраши нужна была поддержка Германіи на случай какихъ-нибудь новыхъ осложненій съ Россіей, и именно то обстоятельство, что Германія находилась тогда въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Россіей, придавало въ глазахъ Андраши сближенію съ Германіей еще большую цѣнность, такъ какъ, при дружбѣ между Германіей и Австріей съ одной стороны и Германіей и Россіей—съ другой, Россія больше будетъ считаться съ Австріей на Балканскомъ полуостровѣ, чѣмъ при явно натянутыхъ отношеніяхъ между нею и имперіей Габсбурговъ. По замыслу Андраши, Австрія въ то же время должна была бы образовать, по его выраженію, какъ бы клинъ между Россіей и Германіей, чтобы помѣшать ихъ слишкомъ тѣсному сближенію. Вслѣдствіе этихъ, по существу различныхъ мотивовъ Бисмаркъ и Андраши охотно вступили съ Россіей въ такъ называемое „соглашеніе трехъ императоровъ“, которое было закрѣплено при свиданіи Александра II, Вильгельма I и Франца-Іосифа I въ 1872 г. въ Берлинѣ.

Помимо мотивовъ внѣшней политики, у союза трехъ императоровъ была еще одна общая задача, которая напоминала время Священнаго Союза,—борьба съ революціей, защита трона и монархическаго принципа противъ „интернаціонала“.

Бисмаркъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что онъ придавалъ первостепенное значеніе борьбѣ съ революціонными и соціалистическими тенденціями основаннаго въ 1864 г. интернаціонала. Уже лѣтомъ 1871 г. онъ велъ переговоры съ Бейстомъ о мѣрахъ противъ этой организаціи. О необходимости совмѣстной борьбы самыми крайними средствами противъ интернаціонала говорилъ и князь Горчаковъ австрійскому послу въ Петербургѣ Лангенау въ 1872 г., а Андраши въ свою очередь въ отвѣтъ на донесеніе Лангенау высказалъ полную солидарность съ Горчаковымъ. По словамъ императора Вильгельма I, война съ интернаціо-

наломъ должна была быть послѣдней, которую еще слѣдовало вести въ Европѣ. Вертгеймеръ утверждаетъ, [1]) что если при свиданіи трехъ императоровъ въ Берлинѣ и не было заключено никакихъ письменныхъ договоровъ о борьбѣ съ интернаціоналомъ, то несомнѣнно, что было достигнуто устное соглашеніе, установившее единообразіе принциповъ въ преслѣдованіи этого революціоннаго сообщества въ каждой изъ трехъ имперій.

Система союза трехъ императоровъ, однако, держалась недолго. Бисмаркъ не могъ простить Россіи того, что она въ 1875 г. помѣшала Германіи снова и уже окончательно разгромить Францію. Полное же охлажденіе наступило между Германіей и Россіей послѣ Берлинскаго конгресса, когда общественное мнѣніе Россіи стало обвинять Германію и ея канцлера въ неискренности и недружелюбіи къ Россіи, вслѣдствіе которыхъ былъ почти совершенно сведенъ на нѣтъ Санъ-Стефанскій договоръ. Этотъ взглядъ раздѣлялся не только обществомъ, но и правящими кругами Россіи. Императоръ Александръ II говорилъ съ укоризной германскому послу въ Петербургѣ Швейницу, что Германія повсюду оказываетъ поддержку Австро-Венгріи, и прибавилъ, что „cela finira d'une manière très sérieuse".

Въ еще болѣе серьезныхъ выраженіяхъ выразилъ Александръ II свое недовольство въ собственноручномъ письмѣ императору Вильгельму I отъ 3/15 августа 1879 года. Напомнивъ объ услугахъ, оказанныхъ Россіей Германіи въ 1870 году, Александръ указывалъ своему дядѣ на роковыя послѣдствія, которыя могутъ имѣть стремленія Бисмарка оказывать услуги Австро-Венгріи за счетъ Россіи, и заканчиваетъ письмо словами: „да убережетъ насъ отъ этого Богъ и да просвѣтитъ Онъ васъ".

Съ этими проявленіями недовѣрія со стороны Россіи совпало извѣстіе о предстоящемъ выходѣ въ отставку графа Андраши. Бисмаркъ, котораго тогда, по его собственому выраженію, преслѣдовалъ „cauchemar des coalitions", страхъ передъ враждебными Германіи союзами державъ, очень встревожился этимъ извѣстіемъ, такъ какъ по отставкѣ Андраши мѣсто руководителя австро-венгерской политики могло быть занято врагомъ Германіи, и тогда ничто не препятствовало образованію союза Франціи, Россіи и Австро-Венгріи противъ Германіи, котораго Бисмаркъ такъ боялся. Поэтому онъ послалъ 13 августа н. ст. изъ курорта Киссингена, гдѣ онъ тогда находился, Андраши телеграмму, что онъ хочетъ встрѣтиться съ нимъ. Свиданіе ихъ состоялось въ Гаштейнѣ, куда Бисмаркъ переѣхалъ изъ Киссингена.

Еще до встрѣчи обоихъ министровъ Бисмаркъ изложилъ въ письмѣ

---

[1]) Т. II, стр. 75.

къ императору Вильгельму свои соображенія по поводу только что упомянутаго письма Александра II. По словамъ Бисмарка, русскій императоръ никоимъ образомъ не долженъ былъ писать въ такомъ тонѣ. Если-бъ императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ въ такомъ же духѣ, это было бы равносильно объявленію войны. Бисмаркъ объясняетъ происхожденіе письма вліяніемъ, которое пріобрѣлъ на императора Александра II тогдашній военный министръ Д. А. Милютинъ, въ которомъ германскій канцлеръ почему-то видѣлъ одного изъ главныхъ представителей антигерманской партіи, добивавшейся войны съ Германіей. Бисмаркъ говоритъ, что ему неизвѣстно, какими мотивами руководствуется Милютинъ, — стремленіемъ ли къ созданію конституціонной Россіи подъ управленіемъ великаго князя Константина Николаевича, къ учрежденію въ ней республики или какимъ-нибудь нигилистическими цѣлями (!), но онъ только знаетъ, что Милютинъ смотритъ на союзъ трехъ императоровъ, какъ на помѣху, и строитъ свои расчеты на міровомъ пожарѣ. Бисмаркъ убѣжденъ, что Россія въ теченіе 50-ти лѣтъ извлекла изъ союза съ Пруссіей гораздо больше выгодъ, чѣмъ послѣдняя. У Россіи, впрочемъ, былъ, по его мнѣнію, прямой расчетъ быть на сторонѣ Германіи во время франко-прусской войны, такъ какъ въ случаѣ побѣды Франціи французскія войска могли бы появиться вмѣстѣ съ австро-венгерскими на границѣ русской Польши. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бисмаркъ послалъ Вильгельму I проектъ отвѣта на письмо Александра II, въ которомъ должны были быть опровергнуты всѣ обвиненія германской дипломатіи въ антирусскихъ тенденціяхъ.

Когда Андраши пріѣхалъ (14/26 августа 1879 г.) въ Гаштейнъ, Бисмаркъ сразу далъ ему понять, что онъ питаетъ недовѣріе къ планамъ Россіи, и спросилъ его „въ качествѣ частнаго лица“, считаетъ ли Андраши полезнымъ заключеніе „мирной лиги“ между обѣими среднеевропейскими державами и дастъ ли на это свое согласіе императоръ Францъ-Іосифъ. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, сказалъ канцлеръ, онъ сообщитъ объ этомъ императору Вильгельму. Андраши, который уже давно добивался сближенія съ Германіей въ ущербъ Россіи, на это отвѣтилъ, что заключеніе такого союза на случай нападенія Франціи на Германію было бы трудно осуществимымъ, такъ какъ Германія, во-первыхъ, для борьбы съ одной Франціей не нуждалась бы въ поддержкѣ Австріи, а кромѣ того, отношеніе Австріи къ Англіи затруднило бы выступленіе ея противъ Франціи. Но если-бъ Россія оказала, въ случаѣ новой войны между Франціей и Германіей, активную помощь Франціи, Австро-Венгрія готова была бы обязаться выступить вмѣстѣ съ Англіей или безъ нея противъ Россіи и Франціи. Бисмаркъ на это отвѣтилъ, что у него еще нѣтъ полномочій заключить такой союзъ, что онъ долженъ испросить согласія своего монарха и что онъ намѣренъ

продолжать переговоры съ Андраши, когда онъ ему отдастъ визитъ въ Вѣнѣ.

Бисмаркъ готовъ былъ безъ промедленія заключить союзъ съ Австріей,—до такой степени онъ былъ убѣжденъ въ непосредственной опасности, угрожавшей Германіи со стороны Россіи. Но тутъ ему пришлось столкнуться съ упорнымъ сопротивленіемъ своего монарха. Вильгельмъ I ни за что не хотѣлъ порвать съ Россіей, отчасти по мотивамъ династическимъ и личнымъ, такъ какъ онъ очень любилъ своего племянника Александра II и хотѣлъ до конца жизни прожить съ нимъ въ мирѣ, отчасти же потому, что онъ не довѣрялъ Австріи и все еще опасался попытокъ реванша съ ея стороны. Поэтому, узнавъ о намѣреніи Бисмарка отправиться въ Вѣну къ Андраши, Вильгельмъ ему послалъ телеграмму съ предложеніемъ не ѣхать, такъ какъ поѣздка канцлера могла быть истолкована Россіей, какъ начало разрыва. И только тогда, когда Бисмаркъ въ отвѣтъ на это заявилъ, что подастъ въ отставку, если не получитъ разрѣшенія ѣхать, старый императоръ далъ свое согласіе. Но для того, чтобы подчеркнуть свои дружественныя чувства къ Россіи, Вильгельмъ послалъ генералъ-фельдмаршала Мантейфеля въ Варшаву, гдѣ тогда находился Александръ II. Мантейфель сообщилъ государю о неблагопріятномъ впечатлѣніи, которое произвело его письмо въ Берлинѣ, но Александру II удалось убѣдить его, что онъ не питалъ враждебныхъ плановъ противъ Германіи и что его лишь огорчаетъ пристрастіе Германіи къ Англіи и Австро-Венгріи, которое наноситъ ущербъ Россіи. На Мантейфеля аргументы Александра II произвели такое впечатлѣніе, что онъ предложилъ устроить свиданіе обоихъ императоровъ, которое и состоялось на пограничной станціи Александрово 22 августа (3 сентября) 1879 г. Оно произошло совершенно неожиданно для Бисмарка и даже вопреки его желанію, и когда Вильгельмъ, который остался очень доволенъ свиданіемъ, выразилъ желаніе пожаловать орденъ Милютину, Бисмаркъ замѣтилъ, что съ такимъ же основаніемъ можно было пожаловать въ іюлѣ 1870 г. орденъ прусскаго Чернаго Орла герцогу Граммону, министру иностранныхъ дѣлъ Наполеона III.

Послѣ свиданія въ Александровѣ императоръ Вильгельмъ отправился на маневры въ Кенигсбергъ, и всѣ сношенія между нимъ и Бисмаркомъ, который еще оставался въ Гаштейнѣ, происходили черезъ совѣтника Отто фонъ-Бюлова (его не слѣдуетъ смѣшивать съ Бернгардомъ фонъ-Бюловымъ, впослѣдствіи германскимъ канцлеромъ), представителя вѣдомства иностранныхъ дѣлъ въ квартирѣ императора. Задача, выпавшая на долю Бюлова, была нелегкая, такъ какъ воззрѣнія императора и его канцлера оказались совершенно противоположными. Императоръ пріѣхалъ изъ Александрова съ твердымъ впечатлѣніемъ, что

Россія чужда какихъ бы ни было враждебныхъ намѣреній по адресу Германіи. Милютинъ объяснилъ Вильгельму I, что сосредоточеніе русскихъ войскъ на границѣ, которое вызвало безпокойство въ Германіи, совершается потому, что Россія имѣетъ основаніе опасаться нападенія со стороны замышляемаго противъ нея союза Австро-Венгріи, Франціи и Англіи. У Россіи, говорилъ Вильгельмъ Бюлову, поэтому нѣтъ ни малѣйшаго основанія возстановить противъ себя еще и Германію. Слѣдовательно, онъ совершилъ бы подлость (Perfidie), если-бъ заключилъ теперь союзъ съ Австріей противъ Россіи послѣ объясненій, которыя онъ только что получилъ въ Александровѣ.

На противоположной точкѣ зрѣнія стоялъ канцлеръ. Если, говоритъ онъ въ письмѣ Вильгельму I изъ Гаштейна отъ 7 сентября н. ст., Россія теперь не думаетъ о нападеніи на Германію, то это происходитъ только потому, что Франція еще слишкомъ слаба, а попытка, сдѣланная Россіей, по свѣдѣніямъ германскаго посольства въ Парижѣ, привлечь Италію въ качествѣ возможной союзницы противъ Германіи, ни къ чему не привела. Когда Франція окрѣпнетъ, а Австрію Россіи удастся отвлечь отъ Германіи, Россія заговоритъ другимъ языкомъ. Россія, говоритъ Бисмаркъ, руководимая „славянской пропагандой", переняла наслѣдство наполеоновскаго цезаризма и образуетъ вслѣдствіе этого „черныя точки" на горизонтѣ Европы. Поэтому онъ настаивалъ на томъ, чтобы императоръ далъ ему полномочіе предложить въ принципѣ Андраши слѣдующее соглашеніе: оба государства обязуются содѣйствовать сохраненію мира и культивированію хорошихъ отношеній съ Россіей. Но если одна изъ нихъ подвергнется нападенію со стороны Россіи,—одной или въ союзѣ съ другой державой,—они обязаны общими силами отразить этотъ ударъ. Бисмаркъ настаивалъ на томъ, чтобы союзъ съ Австріей былъ заключенъ какъ можно скорѣе, такъ какъ въ другомъ случаѣ, если пропустить благопріятный моментъ, Германіи можетъ угрожать въ будущемъ образованіе противъ нея союза Россіи, Франціи и Австро-Венгріи. Въ другомъ письмѣ, написанномъ 15 и 16 сентября н. ст., Бисмаркъ доказываетъ Вильгельму, что Германія все равно должна была бы оказать поддержку Австріи въ случаѣ войны ея съ Россіей, такъ какъ Германія должна была бы послѣ побѣды Россіи надъ Австріей остаться на европейскомъ континентѣ между Россіей и Франціей, рядомъ съ ослабленной и покинутой Германіею Австро-Венгріей, а это сдѣлало бы существованіе Германіи невозможнымъ. Такимъ образомъ, доказываетъ онъ, Германія, не будучи въ союзѣ съ Австріей, должна была бы въ случаѣ австро-русской войны нести всѣ обязанности союзнаго государства. Надо во что бы то ни стало спѣшить, ибо Россія можетъ предупредить Германію и привлечь Австрію на свою сторону обѣщаніемъ возвратить ей Силезію, господ-

ства въ южной Германіи, съ Майнцемъ и Ульмомъ. Въ этомъ, говоритъ Бисмаркъ, не было бы ничего безпримѣрнаго.

Вильгельмъ долго не соглашался и требовалъ отъ своего канцлера предъявленія доказательствъ воинственныхъ противъ Германіи плановъ Россіи. Когда ему показали донесенія германскаго посла въ Парижѣ Гогенлоэ объ усиліяхъ Россіи сблизиться съ Франціей, Вильгельмъ отвѣтилъ, что онъ придаетъ заявленіямъ своего племянника, Александра II, бо́льшее значеніе, чѣмъ этимъ донесеніямъ.

Уступая настояніямъ Бисмарка, Вильгельмъ далъ ему въ концѣ-концовъ полномочія на веденіе переговоровъ съ Андраши, съ тѣмъ, однако, чтобы въ будущемъ договорѣ рѣчь шла не о соглашеніи противъ Россіи, а въ общемъ видѣ противъ державъ, которыя совершатъ нападеніе на Германію или Австро-Венгрію. Затѣмъ императоръ настоялъ на оговоркѣ, что, въ случаѣ, если одна изъ этихъ двухъ державъ предприметъ нападеніе, другая не обязана оказать ей поддержки. Кромѣ того, Вильгельмъ считалъ необходимымъ довести до свѣдѣнія Александра II о переговорахъ, которые ведутся между Германіей и Австріей.

21 сентября н. ст. Бисмаркъ пріѣхалъ въ Вѣну. Переговоры сразу приняли характеръ спора о томъ, можно ли заключить договоръ въ общей формѣ, не указывая державы, противъ которой онъ направленъ, или же въ немъ ясно должно быть оговорено, что Германія и Австрія имѣютъ въ виду именно Россію. Какъ и слѣдовало ожидать, императоръ Францъ-Іосифъ и Андраши, которые думали главнымъ образомъ о Россіи, требовали послѣдняго, такъ какъ въ случаѣ общей формулировки, у остальныхъ государствъ, въ особенности у Англіи, могло быть вызвано представленіе, что договоръ направленъ прежде всего противъ Франціи. Андраши рѣшительно опровергалъ сообщеніе Милютина о готовящемся союзѣ Франціи, Англіи и Австріи противъ Россіи и назвалъ это „изъ ряду вонъ выходящей неправдой“ (aussergewöhnliche Unwahrheit). Андраши въ то же время заявилъ, что не соотвѣтствуетъ интересамъ Австріи вступить въ союзъ съ Германіей, направленный только противъ Франціи, но что Австрія готова участвовать въ союзѣ противъ Франціи въ томъ случаѣ, если Франція заключитъ союзъ съ Россіей. Хотя Бисмаркъ и оговорился, что онъ не уполномоченъ заключить союзъ, въ которомъ рѣчь идетъ только объ одной Россіи, какъ о нападающей сторонѣ, онъ въ концѣ-концовъ принялъ редакцію Андраши и одобрилъ составленный имъ проектъ, который вполнѣ совпадаетъ съ извѣстнымъ текстомъ австро-германскаго союзнаго договора, опубликованнаго въ 1888 г. Рукой Андраши въ проектъ была включена статья, гласящая, что Францъ-Іосифъ и Вильгельмъ увѣрены въ томъ, что вооруженія Россіи не являются угрозой Австріи и Германіи и что они поэтому не видятъ

основанія сообщить о договорѣ Александру II. Но если-бъ это ихъ убѣжденіе оказалось несоотвѣтствующимъ дѣйствительности, они сочтутъ долгомъ лойяльности довести, по крайней мѣрѣ, конфиденціально, до свѣдѣнія Александра II, что Германія и Австрія будутъ разсматривать нападеніе на одну изъ нихъ, какъ на актъ враждебности по отношенію къ обѣимъ.

Препровождая проектъ договора императору Вильгельму I, Бисмаркъ одновременно обратился къ нему съ меморандумомъ, въ которомъ доказывалъ преимущества точнаго обозначенія Россіи передъ общей формулировкой, требуемой императоромъ. Наиболѣе вѣроятной для Австро-Венгріи,—пишетъ Бисмаркъ,—ближайшей войной является война съ Италіей, если ирредентистское движеніе въ ней одержитъ верхъ. Если въ договорѣ не будетъ указано точно, противъ какого именно государства онъ направленъ, Германія можетъ быть вынужденной воевать въ такомъ случаѣ съ Италіей. Точно такъ же она должна была бы оказать поддержку Австріи въ случаѣ столкновенія между Австріей и Турціей, напримѣръ, изъ-за Новобазарскаго санджака, и по аналогичнымъ случаямъ, которые интересовъ Германіи не задѣваютъ. Всѣхъ этихъ нежелательныхъ для Германіи послѣдствій не будетъ имѣть договоръ, въ которомъ ясно указывается на Россію, какъ на страну, противъ которой составляется союзъ. Бисмаркъ принялъ твердое рѣшеніе подать въ отставку, если Вильгельмъ не согласится одобрить проектъ. Онъ написалъ объ этомъ фонъ-Бюлову и уполномочилъ его сообщить это рѣшеніе императору въ томъ случаѣ, если тотъ категорически отклонитъ проектъ.

Бисмаркъ пустилъ въ ходъ всѣ средства, чтобы заставить императора сдаться. Мольтке, который пользовался громаднымъ авторитетомъ въ глазахъ Вильгельма I, въ испрошенной аудіенціи всецѣло поддерживалъ Бисмарка. Точно такъ же и вице-канцлеръ графъ Штольбергъ и другіе члены министерства рѣшили изъ солидарности съ Бисмаркомъ покинуть свои посты, если канцлеръ уйдетъ. Бисмаркъ нашелъ поддержку и у кронпринца, впослѣдствіи императора Фридриха II. Однако старый Вильгельмъ, который находился тогда въ Баденъ-Баденѣ, все еще не сдавался. Если-бъ я согласился на подобный договоръ,—сказалъ онъ Бюлову,—императоръ Александръ могъ бы меня вызвать на дуэль за такой нелояльный образъ дѣйствій. Такіе договоры не остаются тайными, и если русскій царь объ этомъ узнаетъ, онъ до гроба мнѣ этого не проститъ. Почему же не упоминаютъ,—спрашиваетъ Вильгельмъ,—о Франціи, которая занимаетъ по отношенію къ Германіи гораздо болѣе угрожающую позицію. Когда Бюловъ ему сказалъ, что, по мнѣнію Бисмарка, проектъ Андраши „est à prendre ou à laisser“, Вильгельмъ съ горечью замѣтилъ, что вѣдь его взглядъ заслуживаетъ по меньшей мѣрѣ столько же вниманія, сколько мнѣніе Андраши. Онъ еще готовъ былъ

бы согласиться подписать союзный договоръ, если бы въ договоръ была включена и Франція. Но разъ этого нѣтъ, то онъ скорѣе готовъ отречься отъ престола, и пусть тогда Бисмаркъ проведетъ свой проектъ съ кронпринцемъ, который на отношенія къ Россіи смотритъ иначе, чѣмъ онъ, Вильгельмъ.

Единственная уступка, которую Бисмаркъ готовъ былъ сдѣлать, заключалась въ согласіи на требованіе Вильгельма сообщить содержаніе австро-германскихъ переговоровъ императору Александру, чтобы устранить упрекъ въ нелояльномъ образѣ дѣйствій германскаго правительства. Онъ запросилъ объ этомъ Андраши, который отвѣтилъ, что онъ не видитъ ничего недопустимаго въ томъ, чтобы довести до свѣдѣнія Александра II о договорѣ, послѣ того какъ онъ будетъ подписанъ, но не раньше.

Послѣ долгихъ усилій Бисмарку удалось убѣдить императора дать (5 октября н. ст.) германскому послу въ Вѣнѣ, принцу Рейссу, полномочіе на подписаніе договора съ Австріей. При этомъ однако Вильгельмъ прибавилъ устно фонъ-Бюлову, что онъ соглашается на это только въ надеждѣ, что Бисмаркъ всетаки постарается включить въ текстъ договора также и Францію. Бисмаркъ снова старается доказать Вильгельму, что въ его образѣ дѣйствія нѣтъ ничего некорректнаго по отношенію къ Россіи, такъ какъ союзный договоръ носитъ характеръ исключительно оборонительный, и если Александръ II или его преемники не нарушатъ мира, Германія съ Россіей воевать не будетъ. На Вильгельма эти аргументы однако не дѣйствовали, и, когда ему былъ предложенъ для ратификаціи договоръ, уже подписанный германскимъ посломъ въ Вѣнѣ, онъ отказался поставить свою подпись раньше, чѣмъ будетъ исполнено его требованіе относительно Франціи. Бисмаркъ снова угрожалъ подать въ отставку, и вмѣстѣ съ нимъ заявили готовность оставить свои посты и остальные министры. Императоръ, на котораго эта угроза, повидимому, сильно подѣйствовала, потребовалъ, чтобы ему предложили одновременно проектъ письма Александру II относительно договора. На это канцлеръ отвѣтилъ, что послѣ ратификаціи договора оба государства сообща могутъ послать меморандумъ въ Петербургъ о заключеніи союза и что въ Вѣнѣ ничего не будутъ имѣть противъ того, чтобы Вильгельмъ послѣ ратификаціи написалъ отдѣльно въ Петербургъ, причемъ, впрочемъ, въ такомъ письмѣ рѣчь можетъ итти только о фактѣ договора, но никакъ не о его точномъ текстѣ. Бисмаркъ снова обратился къ содѣйствію Мольтке, который опять доказывалъ императору, что помощь Австріи цѣнна для Германіи въ гораздо большей степени въ борьбѣ съ восточнымъ врагомъ, чѣмъ въ войнѣ съ Франціей. Война съ Россіей непосредственно задѣваетъ интересы Австро-Венгріи, которая, слѣдовательно, въ такой войнѣ вынуждена будетъ дѣлать максимальныя напряженія для того, чтобы

держать побѣду. Война же съ Франціей такъ близко интересовъ имперіи абсбурговъ не затрагиваетъ, и ея помощь Германіи будетъ въ такомъ лучаѣ несравненно менѣе существенной. Подъ вліяніемъ этого ли аргуента или, быть можетъ, вслѣдствіе того, что Вильгельмъ уже не былъ ольше въ состояніи выдержать напора Бисмарка и его единомышлениковъ, онъ въ концѣ-концовъ сдался, и 4—16 октября договоръ съ встріей былъ подписанъ.

Вертгеймеръ правильно замѣчаетъ, что едва ли въ исторіи найдется ного примѣровъ борьбы между монархомъ и главой его правительства, одобныхъ борьбѣ между императоромъ Вильгельмомъ I и Бисмаркомъ о поводу австро-германскаго договора. Эта борьба интересна однако ще въ другомъ отношеніи. Она оказалась возможной, и Бисмаркъ могъ статься въ ней побѣдителемъ потому, что онъ обладалъ огромнымъ вторитетомъ и готовъ былъ въ каждый моментъ бросить на чашку вѣовъ весь этотъ авторитетъ, предпочитая уходъ съ занимаемаго поста одчиненію волѣ монарха тогда, когда онъ считалъ направленіе ея вредымъ для государства. Это исключительное личное положеніе Бисмарка авало ему ту силу, которой въ государствахъ съ режимомъ парламенаризма въ борьбѣ съ „безотвѣтственными“ вліяніями министры распоагаютъ въ силу признанія начала „отвѣтственности“ правительства пеедъ парламентскимъ большинствомъ. Бисмаркъ едва ли правильно оцѣивалъ положеніе дѣлъ въ Россіи, когда ожидалъ непосредственно послѣ усско-турецкой войны нападенія Россіи на Германію. Каковы бы ни ыли чувства, которыя питалъ къ Германіи, напримѣръ, Д. А. Милюинъ, слѣдуетъ думать, что тогдашій русскій военный министръ былъ натолько поглощенъ задачами реорганизаціи своего вѣдомства и всего рускаго государственнаго строя, что менѣе всего могъ желать войны съ Германіей въ интересахъ „панславизма“ или „нигилизма“, какъ полагалъ ерманскій канцлеръ. Тѣмъ не менѣе Бисмаркъ былъ въ этомъ убѣкденъ и, со свойственной ему предусмотрительностью, рѣшилъ предотвратить опасность и сумѣлъ заставить своего монарха проглотить столь орькую для послѣдняго пилюлю союза съ Австріей. Если-бъ среди миистровъ Вильгельма II оказались такіе же авторитетные, осторожные, редусмотрительные и независимые люди, какъ первый канцлеръ германской имперіи, теперь, быть можетъ, Европа была бы избавлена отъ бѣдствій міровой войны. Къ несчастію, Вильгельмъ II, еще въ молодости келавшій быть своимъ „собственнымъ канцлеромъ“, сумѣлъ окружить ебя средней руки бюрократами, которые всегда должны были быть ишь послушными исполнителями его импульсивной воли и такимъ образомъ являться орудіями пагубнаго „личнаго режима“.

И. О. Левинъ.

Отвѣтственность министровъ и отвѣтственное мини стерство.

Проф. Штиръ-Зомло въ своей „Политикѣ въ связи съ государствен нымъ правомъ“ произноситъ суровый приговоръ надъ нѣмецкимъ обще ствомъ за отсутствіе у него знаній въ области политическихъ вопр совъ. „Соціальная структура современнаго государства,—говоритъ онъ,- представляетъ для большинства образованныхъ людей книгу за семь печатями... Многіе ли знаютъ, что̀ такое собственно государство, то г сударство, къ которому они предъявляютъ безконечно большія треб ванія?... Множество невѣрныхъ свѣдѣній господствуетъ среди образ ванныхъ людей относительно государственныхъ формъ (монархія, ре публика), относительно возникновенія, дѣйствія и сформированія кон ституціи... О сущности исторіи и значеніи парламентаризма, о разн образіи избирательныхъ системъ и о необходимости ихъ реформирова приходится слышать лишь въ видѣ исключенія“. [1]) Трудно сказать, н сколько соотечественники автора заслужили эти упреки. Но смѣл можно утверждать, что эти упреки, одинъ за другимъ, вполнѣ прим нимы въ отношеніи къ русскому обществу. Недостаточная освѣдомленнос проявляется въ частности въ сужденіяхъ о столь популярномъ у насъ ны вопросѣ, какъ отвѣтственность министровъ. „Отвѣтственное министе ство“ у всѣхъ на устахъ, а всѣ ли тѣ, кто произносятъ эти слова, о даютъ себѣ отчетъ въ содержаніи, въ смыслѣ обнимаемаго ими явл нія? Съ другой стороны, не тратятъ ли напрасно силы и противник „отвѣтственнаго министерства“, выступая противъ воображаемыхъ пр зраковъ? Полное пониманіе сущности и видовъ отвѣтственности мин стровъ, политической роли и условій введенія ея необходимо для всѣх представителей политической мысли и дѣйствія, для всѣхъ оттѣнков соціальныхъ направленій.

Къ сожалѣнію, несмотря на то, что „отвѣтственное министерство“ суще ствуетъ во многихъ странахъ, что этотъ видъ организація власти управл

---

[1]) Русск. пер., Петр., 1907, стр. 7.

нія имѣетъ свою почтенную исторію, теоретическое освѣщеніе его вызываетъ въ научной литературѣ разногласія. Въ виду этого представляется одинаково нужнымъ и изложить явленія, именуемыя представителями разныхъ оттѣнковъ научно-политической мысли „отвѣтственностью министровъ", и произвести оцѣнку теоретическихъ взглядовъ, высказанныхъ по этому вопросу.

Изъ сферы нашего разсмотрѣнія мы исключаемъ отвѣтственность министровъ гражданскую (за причиненіе имущественнаго ущерба) и уголовную (за общія преступныя дѣянія уголовнаго кодекса). Эти виды отвѣтственности вполнѣ основательно не принимаются въ расчетъ при обсужденіи особой, спеціально министровъ характеризующей отвѣтственности.

Отвѣтственность министровъ—это прежде всего извѣстный порядокъ отношеній между парламентомъ и министерствомъ. Логическая схема этихъ отношеній, съ которой совпадаетъ и историческая, въ общихъ чертахъ такова. Когда въ государствѣ выдвигается парламентъ съ его контролирующей управленіе функціей, тогда возникаетъ и вопросъ о томъ, что̀ будетъ, если парламентъ останется неудовлетвореннымъ дѣятельностью министровъ: должны ли будутъ министры уйти и уступить дорогу тѣмъ, кто найдетъ возможнымъ согласовать свою дѣятельность со взглядами парламента, или остаться, заставить его терпѣть себя и дѣйствовать попрежнему?

На первыхъ порахъ министры выбираютъ второй путь. Они считаютъ себя независимыми отъ парламента и обосновываютъ это тѣмъ, что они—„министры короля, а не парламента" и пользуются королевскимъ довѣріемъ. Парламенту приходится изыскивать средства провести свою волю. И такихъ средствъ исторіи конституціонныхъ странъ извѣстны два, которыя развиваются частью параллельно, частью вполнѣ независимо другъ отъ друга: 1) или парламентъ старается отыскать какое-нибудь преступленіе или проступокъ въ дѣятельности министровъ, чтобы подвергнуть ихъ въ судебномъ порядкѣ наказанію, а затѣмъ и установить въ законѣ такую форму отвѣтственности для будущаго времени, 2) или онъ, запрашивая министровъ по поводу ихъ дѣятельности и обсуждая внесенныя ими бюджетныя предположенія, выноситъ имъ резолюціи порицанія, постоянно настраиваетъ противъ нихъ общественное мнѣніе, стремясь опереться въ этомъ отношеніи на сочувствіе народа. Если первое средство можно назвать *судебной* отвѣтственностью министровъ передъ парламентомъ, то второе—отвѣтственностью въ парламентѣ передъ народомъ, на который парламентъ опирается, отвѣтственностью *парламентскою*, или *общественною*. Наконецъ, наступаетъ время, когда угрозы судомъ или отвѣтственностью передъ народомъ дѣлаютъ свое дѣло.

Министры предпочитаютъ уходить, а не оставаться. Повтореніе уходовъ министерства въ случаѣ неодобренія его дѣятельности со стороны парламента создаетъ извѣстное обычное право. Министры начинаютъ считать себя обязанными уходить при наступленіи извѣстныхъ признаковъ недовѣрія къ нимъ. Тогда появляется на арену политической жизни взамѣнъ первыхъ двухъ видовъ отвѣтственности министровъ, судебной и парламентской, или общественной, отвѣтственность *парламентарная*, краеугольный камень политической системы вполнѣ развитыхъ конституціонныхъ государствъ нашего времени. Такимъ образомъ, въ исторической эволюціи первые два вида отвѣтственности служатъ лишь первоначальнымъ основаніемъ, лишь путемъ къ установленію парламентарной системы управленія государствомъ и въ ней одной находятъ свое и логическое и историческое оправданіе. Къ выясненію намѣченныхъ понятій ближайшимъ образомъ мы и переходимъ.

I.

Судебная отвѣтственность.

Подъ этимъ названіемъ разумѣютъ отвѣтственность, осуществляемую въ формѣ суда надъ министрами, при чемъ обыкновенно нижняя палата народнаго представительства предаетъ министра суду; судитъ же его или верхняя палата, какъ, напримѣръ, въ Англіи, Испаніи (ст. 45 конст.), Италіи (ст. 36 и 47), или верховный судъ государства, какъ, напримѣръ, въ Бельгіи (ст. 90 и 134), Нидерландахъ (ст. 164), Даніи (ст. 69), Норвегіи (ст. 86), Швеціи (ст. 106) и Румыніи (ст. 101) или, наконецъ, особо для того организованный судъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ Австро-Венгріи для общихъ министровъ двуединой монархіи (зак. 1867 г.) и въ Греціи (ст. 80).[1])

Впервые судебная отвѣтственность министровъ появилась въ Англіи. Именно въ Англіи былъ выработанъ принципъ королевской безотвѣтственности. „Король не можетъ ошибаться“, „король безличенъ“—такъ гласитъ классическая конституціонная доктрина англичанъ. Вмѣсто короля отвѣчаютъ совѣтники его. Ими „контрасигнируются“ (скрѣпляются) всѣ акты королевской власти. Своею подписью министры берутъ на себя отвѣтственность за содержаніе даннаго акта.

Въ оправданіе своихъ дѣйствій они не могутъ ссылаться на приказаніе монарха. Согласно англійскому представленію, министры въ правѣ отказать въ скрѣпѣ того или иного акта, съ которымъ они не согласны, или просить короля объ отставкѣ. При этомъ они отвѣчаютъ передъ

---

[1]) Русск. изд. конституцій и конституціонныхъ законовъ. „Современныя конституціи“. Пер. подъ ред. В. М. Гессена и бар. Б. Э. Нольде. Два тома. 1905 и 1907 гг.

парламентомъ не только за закономѣрность своихъ дѣйствій, но и за цѣлесообразность ихъ, за все то, что несогласно съ „честностью, справедливостью и полезностью“ (honesty, justice and utility). Если палата общинъ недовольна дѣятельностью министровъ, она возбуждаетъ противъ нихъ „обвиненіе“, такъ называемое impeachment. Ею же формулируется и то, въ чемъ она усматриваетъ преступное дѣяніе министра. Въ наиболѣе любопытномъ, по нашедшимъ въ немъ свое выраженіе принципамъ, процессѣ противъ любимаго министра Карла II лорда Дэнби [1]) были признаны слѣдующія начала отвѣтственности англійскихъ министровъ: 1) роспускъ парламента не прекращаетъ обвиненія, 2) королевское помилованіе не распространяется на привлеченныхъ парламентомъ къ отвѣтственности министровъ, 3) ссылка въ оправданіе своихъ дѣйствій на приказаніе короля не допускается и 4) министры отвѣчаютъ не только за незаконность своихъ распоряженій, но и за нецѣлесообразность ихъ.

Кромѣ изложеннаго способа обвиненія министровъ, въ Англіи примѣнялся еще и другой. Иногда парламентомъ издавался для даннаго случая билль, которымъ дѣйствія министра, не преступныя по дѣйствовавшимъ въ моментъ ихъ совершенія уголовнымъ законамъ, признавались преступными и наказуемыми. При этомъ осужденіе или непремѣнно влекло за собою смертную казнь, если билль этотъ принималъ форму *опальнаго билля* (bill of attainder), [2]) или не непремѣнно — *при биллѣ о наказаніяхъ* (bill of Pains and Penalties). Эта законодательная по своей внѣшности форма обвиненія министровъ была чрезвычайно грознымъ оружіемъ въ рукахъ парламента. Обвиненный парламентомъ въ царствованіе Карла I по опальному биллю лордъ Страффордъ краснорѣчиво защищался: „Мы живемъ, — говорилъ онъ, — подъ сѣнью законовъ, неужели же мы должны умирать по законамъ, которые не существуютъ?“ Тѣмъ не менѣе, палата лордовъ приняла билль, и король, по обстоятельствамъ времени, принужденъ былъ утвердить его. Узнавъ объ утвержденіи билля, Страффордъ произнесъ: „не надѣйтесь на князей

---

[1]) Обвинялся въ продажѣ Франціи нейтралитета Англіи и въ содѣйствіи католицизму въ странѣ. *R. v. Mohl.* Die Verantwortlichkeit der Minister, 1837 г., стр. 662 и сл.; во второй части этого капитальнаго труда довольно подробно излагаются бывшіе въ Англіи процессы, а также во Франціи (противъ министровъ Карла IX), въ Германіи (противъ кургессенскаго министра) и въ Норвегіи (противъ Левенскіольда). См. также: *Л. Дюпріе*: Государство и роль министровъ въ Англіи. Пер. 1906 г., стр. 10—11; *проф. А. А. Жилинъ*: Отвѣтственность министровъ. 1908 г., стр. 177—178, и *проф. М. М. Ковалевскій*: Исторія Великобританіи (энциклоп. слов. т-ва Гранатъ, 7-е изд., т. IX. стр. 59).

[2]) Эсменъ называетъ его „настоящимъ закономъ, до крайности пристрастнымъ и имѣвшимъ обратное дѣйствіе“. „Основныя начала госуд. права“. Русск. перев. подъ ред. М. М. Ковалевскаго. 1898 г., т. I, стр. 88.

человѣческихъ, въ нихъ нѣтъ спасенія". Онъ былъ казненъ 12 мая 1641 г. [1])

Изъ Англіи судебная отвѣтственность перешла на континентъ черезъ посредство Франціи, первой изъ европейскихъ государствъ формулировавшей ее (въ конституціи 3 сентября 1791 г.). Она была затѣмъ воспринята разными государствами, при чемъ во многихъ изъ нихъ были созданы особые болѣе или менѣе детально разработанные законы объ отвѣтственности министровъ. Въ настоящее время эта отвѣтственность въ однихъ государствахъ ограничивается лишь случаями нарушенія со стороны министровъ конституціи (Вюртембергъ, Саксонія), въ другихъ—распространяется и на случай нарушенія законовъ вообще, а не только основныхъ (Австрія, Баварія, Пруссія—ст. 61 конст.) и, наконецъ, въ третьихъ, какъ и въ Англіи, она можетъ быть результатомъ не только незакономѣрности, но и нецѣлесообразности дѣйствій министровъ (Бельгія, Венгрія и Баденъ. [2])

Между тѣмъ, къ началу XIX вѣка судебная отвѣтственность на родинѣ своей успѣла выродиться. Для этого существовали въ функціонированіи англійскаго государственнаго строя глубокія причины.

Въ самомъ дѣлѣ, эта форма отвѣтственности въ той широкой постановкѣ, какую она получила въ Англіи (и за нецѣлесообразность дѣйствій), имѣла своей скрытой цѣлью заставить министровъ, угрозой послѣдующей кары, прислушиваться къ голосу народнаго представительства, сообразовывать свою политику съ его пожеланіями, точнѣе—стремиться къ солидарности съ парламентомъ. Если этой цѣли можно было бы достигнуть легче, безъ крайняго напряженія страстей въ моменты конфликтовъ съ министрами, безъ той иногда крайне жестокой судебной процедуры, какая не разъ уже имѣла въ Англіи мѣсто, то это, конечно, было бы серьезнымъ шагомъ впередъ. Своимъ практическимъ геніемъ англичане сумѣли сдѣлать его. Они создали такой порядокъ, при которомъ установленіе солидарности между правительствомъ и парламентомъ осуществлялось иначе. Постепенно сложившійся обычай брать министерство цѣликомъ изъ среды партіи, имѣющей большинство въ парламентѣ, содѣйствовалъ наступленію такъ называемаго парламентарнаго правленія, правленія посредствомъ кабинета, ведущаго одну политику, объединеннаго общностью основныхъ программныхъ требованій и

---

[1]) *Проф. Жилинъ*, назв. соч., стр. 173.

[2]) Въ Россіи судебная отвѣтственность совсѣмъ не имѣетъ мѣста. За нарушеніе долга службы министры и главноуправляющіе могутъ подвергнуться судебной отвѣтственности лишь съ разрѣшенія Государя Императора черезъ I департаментъ Государственнаго Совѣта передъ верховнымъ уголовнымъ судомъ въ порядкѣ, указанномъ въ учрежденіи Государственнаго Совѣта (ст. ст. 208 — 218 Учр. Минист. и ст. ст. 68, 86—95 Учр. Гос. Сов., Сводъ Зак., томъ. I).

цѣликомъ же выходящаго въ отставку, если изъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ дѣла стало яснымъ, что довѣріе въ парламентѣ имъ утрачено и его политика не отвѣчаетъ болѣе взглядамъ представителей народа. „Предупредительныя мѣры,—говоритъ Эсменъ,—замѣнили собой репрессивныя; получивъ возможность свергать министровъ по своему усмотрѣнію, палата общинъ не имѣетъ болѣе надобности подвергать ихъ судебному преслѣдованію“. [1]) Судебная отвѣтственность въ Англіи постепенно совершенно вышла изъ употребленія. Послѣдній случай ея въ формѣ impeachment относится къ 1806 году (противъ лорда Мельвиля). Были еще и впослѣдствіи попытки привести ее въ дѣйствіе (въ 1848 и въ 1866 гг.), но, какъ указываетъ Гансъ Фришъ, [2]) всѣ неудачныя. Съ тѣхъ поръ, по выраженію Эсмена, институту судебной отвѣтственности „позволено было покрыться ржавчиной“. [3]) То же самое въ другихъ государствахъ говоритъ одинъ русскій авторъ: „отлитое по образцу impeachment'а оружіе мирно ржавѣетъ на страницахъ писаныхъ законовъ, играя, въ лучшемъ случаѣ, роль своеобразнаго „memento“. [4])

Такое положеніе судебной отвѣтственности въ настоящее время даетъ основаніе нѣкоторымъ ученымъ полагать, что существованіе ея въ современномъ государствѣ совершенно излишне. Такъ, проф. А. С. Алексѣевъ приходитъ къ выводу, что судебная отвѣтственность министровъ „должна перестать существовать, какъ особое учрежденіе, и должна раствориться въ институтѣ контроля суда надъ закономѣрностью правленія“. [5])

Безъ всякаго сомнѣнія, удѣльный вѣсъ этого института въ конституціонномъ строѣ весьма незначителенъ. Но, кажется, болѣе правильно мнѣніе проф. Еллинека, [6]) что отвѣтственность судебная, какъ нѣкоторая гарантія отвѣтственности политической, должна быть сохраняема; въ указанномъ значеніи она можетъ оказаться полезной и сдавать въ архивъ этотъ, хотя бы и антиквированный, но любопытный обломокъ конституціонной исторіи представляется еще преждевременнымъ.

---

[1]) *Эсменъ*, цит. произв., стр. 90.

[2]) *H. V. Frisch*: Die Verantwortlichkeit der Monarchen und höchsten Magistrate 1904 г., стр. 48 и прим. I.

[3]) *Эсменъ*, тамъ же.

[4]) *К. Н. Соколовъ*. Теорія отвѣтственности министровъ, *Право*, 1906 г., № 9, стр. 779.

[5]) *А. С. Алексѣевъ*: Безотвѣтственность монарха и отвѣтственность правительства, М., 1907 г., стр. 62.

[6]) *Г. Еллинекъ*: Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія. Русск. пер. подъ ред. Б. А. Кистяковскаго, 1907 г., стр. 50.

Такого же взгляда придерживается проф. *А. А. Жилинъ*, цит. соч., стр. 139 и 138, и, повидимому, также *А. А. Алексѣевъ*: Къ ученію о парламентаризмѣ (*Жур. Мин. Юст.*, 1908 г., апрѣль и май), по отд. оттиску, стр. 8 и 9—10.

II.

Несудебная отвѣтственность министровъ въ парламентарномъ и дуалистическомъ строѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію второго вида министерской отвѣтственности—политической и связанныхъ съ установленіемъ научнаго понятія о ней разнорѣчій въ мірѣ публицистовъ, необходимо удѣлить нѣсколько вниманія самому механизму парламентарной системы, какъ онъ сложился въ наиболѣе послѣдовательныхъ парламентарныхъ государствахъ—Англіи, Франціи и Бельгіи.

„Подготовительный" періодъ парламентаризма въ Англіи простирается отъ 1688 до 1782 гг.; окончательное же сложеніе его въ формѣ стройной системы относится ко времени между 1835 и 1841 гг. [1]) Во Франціи парламентаризмъ зарождается въ эпоху Реставраціи (съ 1814 г.), торжество же его можно отнести къ 1830 году. Послѣ нѣкотораго перерыва въ развитіи его съ 1848 по 1870 гг. онъ вполнѣ усваивается въ эпоху третьей республики. [2]) Въ Бельгіи парламентаризмъ сознательно заимствуется изъ чужестраннаго опыта. [3]) Бельгійскій національный конгрессъ 1830—1831 гг., при выработкѣ конституціи, былъ явнымъ сторонникомъ парламентарной системы.

Оставляя въ сторонѣ индивидуальныя особенности парламентаризма каждой страны, попытаемся уяснить себѣ основныя черты и порядокъ функціонированія его.

Въ парламентарныхъ государствахъ министровъ формально назначаетъ глава государства (монархъ или президентъ). При этомъ глава государства долженъ руководствоваться стремленіемъ создать такое министерство, политика котораго соотвѣтствовала бы взглядамъ большинства депутатовъ нижней палаты. [4]) При прямо или косвенно выраженномъ министрамъ недовѣріи палаты они просятъ объ отставкѣ. Пребываніе ихъ у власти вопреки „недовѣрію" является парламентарнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда предполагается роспускъ палаты, съ цѣлью провѣрить настроеніе націи. Если послѣ роспуска палата соберется приблизительно въ прежнемъ составѣ, то это ясно покажетъ, что вотумъ недовѣрія сложившей свои полномочія палаты соотвѣтствовалъ волѣ страны и что мѣропріятія министерства, подавшія поводъ палатѣ поставить вопросъ о смѣнѣ кабинета, не находятъ себѣ одобренія. Противоположный же

---

[1]) *К. Н. Соколовъ:* Парламентаризмъ. Опытъ правовой теоріи парламентарнаго строя, 1912 г., стр. 21 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 63 и слѣд.

[3]) Тамъ же, стр. 119 и слѣд.

[4]) Мнѣніе, что верхняя палата не должна оказывать вліянія на судьбу министерства, принадлежитъ въ литературѣ къ числу спорныхъ.

исходъ выборовъ далъ бы перевѣсъ министерству и политикѣ, имъ защищаемой.

Такимъ образомъ, для парламентарной системы („отвѣтственное министерство“ въ тѣсномъ смыслѣ слова) характерны два момента: 1) пребываніе министерства у власти зависитъ отъ довѣрія или недовѣрія парламента, но 2) при томъ предположеніи, что самъ парламентъ является выразителемъ настроенія и взглядовъ страны или, точнѣе— тѣхъ гражданъ, которые пользуются правомъ избранія своихъ представителей (такъ называемый „избирательный корпусъ“). Вполнѣ правильнымъ слѣдуетъ поэтому считать краснорѣчивое описаніе этой системы у англичанина Лоу: „Эта система,—говоритъ онъ,—благопріятствуетъ демократическому принципу предоставленія окончательнаго рѣшенія самому народу и даетъ народу полную свободу выбора своихъ правителей и людей, создающихъ ему законы; она обезпечиваетъ такой порядокъ, при которомъ правительственныя функціи исполняются группой лицъ, взгляды которыхъ соотвѣтствуютъ взглядамъ большинства народныхъ представителей; она даетъ исполнительной власти силу и широкія полномочія, необходимыя для устойчиваго правительства, и въ то же время она дѣлаетъ эту власть въ каждый моментъ отвѣтственной передъ народомъ“. [1])

Если перевести это описаніе на болѣе сжатый и абстрактный языкъ, то получимъ слѣдующую формулу: „Парламентаризмъ есть режимъ обязательной политической солидарности между правительствомъ и органомъ, который признается авторитетнымъ выразителемъ народнаго мнѣнія“. [2]) Эта зависимость отъ народа проходитъ красной нитью черезъ всѣ явленія новѣйшей исторіи парламентарныхъ государствъ. Она не только видна на часто практикуемыхъ въ Англіи выходахъ министровъ въ отставку послѣ новыхъ выборовъ, [3]) но и на тѣхъ случаяхъ парламентскихъ кризисовъ, гдѣ противостоящія парламентаризму силы въ концѣ-концовъ уступали. Особенно показательнымъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ признать кризисъ 1877 г. во Франціи. Умѣренно-республиканское министерство Жюля Симона не соотвѣтствовало болѣе взглядамъ большинства нижней палаты. Въ послѣдней сформировалось „радикальное большинство“. Въ посланіи къ палатамъ 18 мая президентъ маршалъ Макъ-Магонъ говорилъ о затрудненіяхъ, какія приходилось

---

[1]) *Сидней Лоу:* Государственный строй Англіи. Русск. пер. подъ ред. бар. Б. Э. Нольде. 1908 г., стр. 38.

[2]) Формула заимствована у *С. А. Котляревскаго.* Сущность парламентаризма (*Юрид. Вѣстн.*, 1913 г., кн. II, стр. 107). Въ текстѣ у автора: „органомъ и органами, которые признаются“...

[3]) *А. А. Алексѣевъ:* Министерская власть въ конституціонномъ государствѣ, 1910 г., стр. 219—220.

ему испытывать въ управленіи страной. Онъ свидѣтельствовалъ, „что не можетъ сдѣлать шага безъ того, чтобы не быть вынужденнымъ обратиться къ той фракціи республиканскаго большинства, которая видитъ путь къ утвержденію республики единственно въ радикальномъ преобразованіи всѣхъ великихъ административныхъ, судебныхъ, финансовыхъ и военныхъ установленій Франціи“, а между тѣмъ „ни совѣсть, ни патріотизмъ“ не позволяли ему „хотя бы косвенно, хотя бы издали содѣйствовать торжеству этихъ идей“. Онъ уволилъ министерство Жюля Симона и замѣнилъ его министерствомъ де-Брольи, также не отвѣчавшимъ большинству, но солидарнымъ съ президентомъ по вопросу о „радикализмѣ“. Палата депутатовъ была распущена. На общихъ выборахъ министерство де-Брольи потерпѣло пораженіе. Тогда маршалъ сдѣлалъ еще одинъ опытъ: онъ назначилъ внѣ-парламентское министерство подъ предсѣдательствомъ генерала Рошебуэ. Но палата, чувствуя за собою одобреніе націи, отказалась „вступить съ нимъ въ сношенія“. Пришлось маршалу уступить и назначить министерство Дюфора. [1])

Изъ всего сказаннаго о парламентарномъ строѣ можно видѣть, что въ парламентарной странѣ и законодательство и управленіе какъ бы исходятъ отъ одного центра: это ближайшимъ образомъ—нижняя палата парламента и въ послѣднемъ итогѣ—народъ. Въ виду такого единства государственной жизни система эта называется также унитарной. Въ противоположность этому, страны съ непарламентарнымъ режимомъ носятъ наименованіе дуалистическихъ. Въ нихъ какъ бы два центра. Законодательство составляетъ функцію палатъ и главы государства, управленіе же принадлежитъ ему и отвѣтственному только передъ нимъ министерству. Въ такихъ государствахъ парламентъ не имѣетъ власти смѣстить министерство. Министры исполняютъ приказанія монарха. „У насъ,—говорилъ Бисмаркъ,—самъ король есть дѣйствительный министръ-президентъ... Если возникаютъ разногласія между министрами, они обращаются къ королю, который даетъ рѣшеніе, обязательное для всѣхъ, а нежелающіе подчиниться ему выходятъ изъ состава кабинета“. [2]) Въ другой разъ по поводу проекта адреса королю (въ январѣ 1863 г.) онъ, противопоставляя парламентарному режимъ, господствующій въ Пруссіи, сказалъ: „Прусскіе министры дѣйствуютъ во имя короля и подъ его началомъ, это—министры короля, а не парламентскаго большинства, какъ въ Англіи“. [3])

Если парламентъ въ дуалистическихъ государствахъ не имѣетъ возможности прямо воздѣйствовать на управленіе путемъ смѣщенія лишившихся его довѣрія министровъ, то во всякомъ случаѣ онъ можетъ

---

[1]) *К. Н. Соколовъ.* Парламентаризмъ, 1912 г., стр. 117.

[2]) Цит. по *А. А. Алексѣеву.* Министерская власть, стр. 263.

[3]) *Дюпріе:* Государство и роль министровъ въ Пруссіи. Русск. пер., 1906 г., стр. 21.

ніять на эту важную отрасль государственной дѣятельности косвен-
ымъ путемъ. Осуществляется это предъявленіемъ правительству со
стороны палатъ запросовъ (интерпелляцій), вопросовъ, учрежденіемъ
слѣдственныхъ комиссій, принятіемъ адресовъ монарху и резолюцій.
Запросы (интерпелляціи) заставляютъ министровъ защищать закономѣр-
ость и цѣлесообразность своихъ дѣйствій. [1]) Запросы должны удо-
летворять нѣкоторымъ формальнымъ требованіямъ и заканчиваются,
послѣ обсужденія отвѣта министра, вынесеніемъ резолюціи палаты. [2]) Во-
просы, главнымъ образомъ, преслѣдуютъ цѣли информаціи, освѣдомле-
ія депутатовъ и палаты о тѣхъ или иныхъ конкретныхъ мѣрахъ упра-
ленія или какихъ-нибудь общихъ предположеніяхъ правительства.

Учрежденіе слѣдственныхъ комиссій для разслѣдованія правитель-
ственной политики или какихъ-либо спеціальныхъ фактовъ въ сферѣ
управленія хотя, формально, и существуетъ въ нѣкоторыхъ дуалисти-
ческихъ государствахъ, но встрѣчаетъ для себя сильное противодѣй-
ствіе со стороны правительства. Дѣятельность ихъ всячески стѣсняется.
имъ не даютъ возможности сноситься съ чиновниками непосредственно,
слѣдствіе чего палата часто оказывается безсильной. [3])

Право представлять королю адреса играетъ въ конституціонной жи-
зни слишкомъ скромную роль. Въ Пруссіи случалось, что, когда содер-
жаніе адреса правительству не нравилось, король отказывался принять
депутацію, которая должна была его поднести. [4])

Такимъ образомъ, въ качествѣ серьезныхъ средствъ воздѣйствія на
управленіе остаются лишь запросы, вопросы и резолюціи, принимаемыя
палатою при обсужденіи бюджета и другихъ вопросовъ, входящихъ въ
ея компетенцію. Эта сторона дѣятельности палаты пробуждаетъ обще-
ственное вниманіе, будитъ общественную совѣсть. Этимъ путемъ она
лишаетъ того или иного министра довѣрія въ обществѣ, поддержки въ
немъ и сочувствія. Вполнѣ правильно замѣчаетъ В. Д. Набоковъ: „Ре-
зультатъ интерпелляцій, раскрывающихъ грѣхи, ошибки и вздорность

---

[1]) У насъ запросы предъявляются лишь по поводу незакономѣрнаго дѣйствія
власти, ст. 33 и 58—60 учр. Госуд. Думы.

[2]) Впрочемъ, въ періодъ 1849—1862 вторая прусская палата не имѣла возможно-
сти входить въ обсужденіе отвѣта министра. Кромѣ того, по нѣкоторымъ парламент-
скимъ наказамъ или совсѣмъ запрещается принимать послѣ отвѣта на интерпелляціи
какія-нибудь предложенія (германскій рейхстагъ), или вводятся для нихъ ограниченія
(австрійская палата представителей). Но эти постановленія наказовъ преслѣдуютъ,
главнымъ образомъ, практическія цѣли, такъ какъ всегда имѣется возможность возбу-
дить обсужденіе отвѣта министра путемъ внесенія „самостоятельнаго предложенія“.
См. д-ръ *Розеггеръ:* Право интерпелляцій въ парламентахъ (Das parlamentarische In-
terpellationsrecht), русск. пер., Москва, 1911, стр. 66, 84 и 99.

[3]) *Л. Дюпріе:* Государство и роль министровъ въ Пруссіи, стр. 49.

[4]) *Л. Дюпріе*, тамъ же, стр. 48.

правительственной политики, есть дискредитированіе правительства в глазахъ страны. А въ современномъ культурномъ государствѣ съ привившимся и дѣйствительно развитымъ конституціоннымъ режимомъ продолжительное пребываніе у власти дискредитированнаго правительства представляется невозможнымъ". [1])

Описанныя нами формы, въ которыхъ выражается контроль парламента надъ управленіемъ (запросы, вопросы и проч.), отнюдь не являются характерными лишь для дуалистическихъ государствъ. Онѣ существуютъ не только въ Пруссіи и другихъ нѣмецкихъ государствахъ, но и въ парламентарныхъ государствахъ: Англіи, Франціи, Бельгіи, Италіи и др.

Однако же роль этихъ средствъ парламентскаго контроля надъ управленіемъ въ тѣхъ и другихъ государствахъ существенно разнится. В то время какъ при парламентаризмѣ запросъ, вопросъ и комиссія могутъ привести въ результатѣ къ смѣнѣ непользующагося популярностью кабинета, въ условіяхъ дуалистическаго режима они могутъ окончиться лишь принятіемъ резолюціи порицанія, которая въ практическомъ смыслѣ, не вызывая непосредственнаго, видимаго для всѣхъ, результата является какъ бы „выстрѣломъ въ пространство". Поэтому въ парламентарномъ государствѣ всѣ эти средства контроля имѣютъ лишь вспомогательное значеніе. Ими пользуются какъ пріемомъ, какъ необходимымъ средствомъ осуществленія парламентарнаго режима.

Какую же цѣль преслѣдуютъ тѣ же средства въ дуалистической системѣ? Очевидно, при установленіи этихъ средствъ законодателю и практикѣ предносилась какая-то разумная цѣль. Если палаты могутъ заявить, что политику данныхъ министровъ онѣ считаютъ нецѣлесообразной и пагубной, то, очевидно, лишь для того, чтобы повліять на управленіе въ желательномъ смыслѣ. Разумѣется, послѣднее возможно лишь потому, что поединокъ парламента и министерства происходитъ на самомъ дѣлѣ не въ пустомъ пространствѣ, что при этомъ поединкѣ присутствуетъ нѣкто третій—такъ называемое общественное мнѣніе, всѣ тѣ, кто интересуется своими публичными правами и занятъ участіемъ въ политической и культурной жизни страны. Вотумъ недовѣрія въ дуалистической системѣ есть обращеніе къ той части народа, которая живетъ интенсивной политической жизнью. Если въ условіяхъ парламентарнаго режима такъ часто стараются провѣрить настроеніе націи и обращаются за этимъ къ избирательному корпусу, къ *конституированной части народа*, то въ дуалистическомъ государствѣ обращаются къ лучшей и мыслящей части страны, къ *націи неорганизованной*, неспособной оказывать на управленіе прямое воздѣйствіе, а вліяющей на

---

[1]) *В. Д. Набоковъ.* Право интерпелляціи, *Русская Мысль.*

его путемъ косвенныхъ духовныхъ воздѣйствій. Отсюда понятно также, очему дуализмъ предшествуетъ парламентаризму. Дать народному предтавительству возможность обращаться къ неорганизованной націи, спообной оказывать лишь косвенное и отдаленное вліяніе на управленіе, редставляется, съ точки зрѣнія лицъ, уступающихъ конституціонному виженію, гораздо меньшимъ зломъ въ сравненіи съ правомъ передаать рѣшеніе отдѣльныхъ разногласій организованному народу, избирательному корпусу, и, въ зависимости отъ явнаго или подразумѣваемаго одобренія послѣдняго, строить свои правительственные планы.

III.

„Политическая" отвѣтственность министровъ въ научной литературѣ.

Выше мы упомянули, что съ парламентаризмомъ связывается понятіе о политической отвѣтственности министровъ. Дѣйствительно, англійскіе и французскіе ученые [Дайси, [1]) Эсменъ, [2])], нѣкоторые русскіе М. М. Ковалевскій, [3]) В. В. Ивановскій, [4]) В. М. Гессенъ [5])] и итальянскій [Орландо [6])] не знаютъ разницы между парламентаризмомъ и политической отвѣтственностью министровъ. Парламентаризмъ они считаютъ политической отвѣтственностью министровъ и послѣднюю опредѣляютъ, какъ зависимость министерства отъ вотума довѣрія или недовѣрія парламента. Съ ихъ точки зрѣнія политическая отвѣтственность министровъ существуетъ лишь въ странахъ съ парламентарнымъ режимомъ, конституціонныя же государства дуалистическаго типа ея лишены. Напротивъ, нѣмецкихъ ученыхъ такое опредѣленіе не удовлетворяетъ. Они предпочитаютъ пониманіе болѣе широкое, приложимое и къ нѣмецкимъ (дуалистическимъ) странамъ. Ремъ, напримѣръ, видитъ въ политической отвѣтственности министровъ „обязанность министра отвѣчать на вопросы парламента, касающіеся какъ его личной дѣятельности по должности, такъ и всей правителвственной политики вообще". [7]) Такое опредѣленіе по-

---

[1]) *А. В. Дайси:* Основы государственнаго права Англіи. Перев. подъ ред. Виноградова, 1907 г., стр. 369.

[2]) *А. Эсменъ:* Основныя начала государственнаго права. Перев. подъ ред. М. М. Ковалевскаго, 1898 г., т. I, стр. 90, 98 и др.

[3]) *М. М. Ковалевскій:* Общее конституціонное право. Лекціи 1907—1908 годовъ, стр. 348.

[4]) *В. В. Ивановскій:* Учебникъ государственнаго права. 1913 г., стр. 245.

[5]) *В. М. Гессенъ:* Теорія правового государства („Политическій строй современныхъ государствъ"), стр. 178.

[6]) *В. Орландо*: Принципы конституціоннаго права. Перев. 1907 г., стр. 216.

[7]) *Rehm.* Allgemeine Staatslehre, 1899 г., стр. 327—328. Такого же мнѣнія придерживается и Г. Еллинекъ. Конституціи, стр. 51.

литической отвѣтственности принимаютъ и многіе русскіе авторы [К. Н Соколовъ, [1]) А. А. Жилинъ, [2]) Н. И. Лазаревскій, [3]) А. А. Алексѣевъ [4]) и др.)].

Доказывается изложенное пониманіе политической отвѣтственности министровъ такимъ ходомъ соображеній. [5]) Въ конституціяхъ какъ парламентарныхъ, такъ и дуалистическихъ странъ отвѣтственность министровъ устанавливается почти въ тождественныхъ выраженіяхъ. Так ст. 63 бельгійской конституціи гласитъ: „особа короля неприкосновенн его министры отвѣтственны“.

То же самое говорится и въ ст. 44 прусской конституціи: „министр короля отвѣтственны. Всѣ правительственные акты короля для свое законности требуютъ скрѣпы министра, который этимъ принимаетъ н себя отвѣтственность“. Предполагать, что этими статьями имѣется в виду судебная отвѣтственность министровъ, нѣтъ никакихъ основані такъ какъ этому виду отвѣтственности въ конституціяхъ обыкновен отводятся особыя статьи. Остается, поэтому, предположить, что эта отвѣ ственность есть не что иное, какъ обязанность министровъ отвѣчат передъ палатами, давать имъ отчетъ въ своей дѣятельности и этим содѣйствовать осуществленію предоставленнаго палатамъ въ условіях дуалистическаго режима права контроля надъ управленіемъ путемъ за просовъ, вопросовъ и проч., каковая компетенція палатъ часто закрѣ пляется въ конституціяхъ правомъ палатъ требовать присутствія ми нистровъ.

IV.

Критическія замѣчанія.—Понятіе отвѣтственности министровъ.—Виды ея.

Пониманіе политической отвѣтственности министровъ, какъ обязан ности отвѣчать передъ палатами, вызываетъ много возраженій. Оно, по видимому, принято съ тѣмъ, чтобы сдѣлать единой отвѣтственность ми нистровъ и парламентарныхъ и дуалистическихъ государствъ. Однак же, попытка объединить виды отвѣтственности въ одномъ общемъ по нятіи достигнута не безъ серьезнаго ущерба его содержательности. Отвѣ чать передъ палатами не значитъ вести опредѣленную политику и н

---

[1]) *Право*, 1906 г., № 9, стр. 779. Политическая отвѣтственность министровъ ест „обязанность министровъ давать органамъ народнаго представительства объясненія п вопросамъ цѣлесообразности и правомѣрности дѣйствій правительства“.

[2]) *А. А. Жилинъ:* Отвѣтственность министровъ. 1909 г., стр. 74.

[3]) *Н. И. Лазаревскій:* Русск. госуд. право, т. I, 1913 г., стр. 668.

[4]) *А. А. Алексѣевъ:* Къ ученію о парламентаризмѣ. По отд. оттиску, стр. 54.

[5]) См. *К. Н. Соколовъ:* Парламентаризмъ, стр. 8—10.

исполнять эту обязанность съ другой стороны еще не значитъ встрѣчать недовѣріе. На примѣрѣ не только прусскаго государства, гдѣ министры отвѣчаютъ ландтагу лишь въ случаѣ, если желаютъ и поскольку желаютъ, [1]) но даже въ условіяхъ англійскаго парламентаризма можно видѣть, что министры очень часто „не отвѣчаютъ", ссылаясь на государственныя соображенія и другія причины, и тѣмъ не менѣе всякій англійскій кабинетъ уступаетъ свое мѣсто другому лишь при выяснившемся неодобреніи его политики парламентомъ или избирательнымъ корпусомъ. Всякая отвѣтственность мыслима лишь при предположеніи невыгодныхъ послѣдствій. Кто не можетъ быть подвергнутъ этимъ послѣдствіямъ въ зависимости отъ характера его поведенія, тотъ безотвѣтственъ. Такъ какъ обязанность отвѣчать передъ палатами, какъ обязанность формальнаго свойства, сама по себѣ не санкціонирована никакими невыгодными результатами на случай ея невыполненія, то, очевидно, дѣло не въ ней. Сводить весь контрольный аппаратъ парламентскаго режима надъ управленіемъ къ стремленію обезпечить обязанность отвѣта министровъ передъ палатами значитъ суживать добровольно поле зрѣнія, значитъ умалять великое значеніе министерской отвѣтственности и забывать огромное чисто-культурное, прогрессивное значеніе ея въ новомъ правовомъ государствѣ. Рамки этой формальной обязанности слишкомъ тѣсны для богатой содержаніемъ министерской отвѣтственности. Эта обязанность имѣетъ самостоятельное существованіе. Она играетъ роль освѣдомительнаго средства палатъ въ отношеніи къ исполненію министрами болѣе общей обязанности—вести управленіе въ государствѣ такъ, чтобы не навлечь на себя невыгодъ, которымъ могутъ подвергнуться министры.

Обязанность министровъ давать въ палатахъ объясненія по вопросамъ управленія и правительственной политики вообще, скрѣпленная правомъ палатъ требовать присутствія ихъ, имѣетъ лишь вспомогательное значеніе, представляетъ собою извѣстное слѣдствіе положенія министровъ въ должностномъ ихъ качествѣ, но ни въ какомъ случаѣ не составляетъ самаго существа отвѣтственности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя признать правильными и тѣ соображенія, которыми старается оправдать свое существованіе теорія отвѣтственности министровъ, какъ обязанности отвѣта передъ палатами.

Если присмотрѣться къ статьямъ конституцій, на которыя дѣлается ссылка, а равно и къ соотвѣтствующимъ статьямъ другихъ конституцій, то можно замѣтить, что объ отвѣтственности министровъ говорится въ общихъ выраженіяхъ. Въ нихъ провозглашается общій принципъ безъ

---

[1]) Dr. *H. Schulze:* Das Staatsrecht des Königreichs Preussen. 1884 („Handbuch des öffentliches Recht", т. II, полут. II), стр. 59.

дальнѣйшаго опредѣленія, въ чемъ именно отвѣтственность должна заключаться. Характерно при этомъ, что упомянутыя статьи находятся большею частью въ отдѣлѣ „о монархѣ", на ряду съ постановленіемъ о безотвѣтственности его. Такое положеніе этихъ статей въ системѣ конституціонныхъ законовъ ясно показываетъ, что провозглашеніе отвѣтственности сдѣлано въ данномъ случаѣ въ дополненіе къ безотвѣтственности монарха. Иначе говоря—нельзя было провозглашать безотвѣтственность монарха, не указавъ въ то же время лицъ, на которыхъ отвѣтственность будетъ возложена. Устанавливая общую отвѣтственность министровъ параллельно съ безотвѣтственностью монарха, статьи, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь, не носятъ спеціальнаго характера, и, поэтому нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ нихъ законодательныя нормы объ установленіи „политической" отвѣтственности министровъ.

Такимъ образомъ, сближеніе дуалистическихъ государствъ съ парламентарными по принципамъ министерской отвѣтственности, съ принятіемъ чисто-формальнаго и потому безсодержательнаго понятія отвѣтственности, оказывается купленнымъ дорогою цѣною. Парламентаризмъ отодвинутъ на второй планъ. Самыя характерныя черты отвѣтственности министровъ въ парламентарныхъ государствахъ не берутся въ расчетъ. Между тѣмъ отвѣтственность—нѣчто совершенно отличное отъ обязанности отвѣта передъ палатами. Больше того. Ее нельзя считать и болѣе общей обязанностью—обязанностью возможно лучше управлять государствомъ.

Самый существенный моментъ въ пониманіи ея составляютъ послѣдствія того или иного поведенія министровъ. Отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать отвѣтственность съ послѣдствіями. Однако, можно не безъ основаній ожидать, что, логически неразрывно связанныя съ понятіемъ всякой отвѣтственности, они укажутъ ту область, въ которой можно искать разрѣшенія вопроса. Если признать, что послѣдствія обусловливаются во всѣхъ случахъ тѣмъ или инымъ отношеніемъ парламента къ министрамъ, и сдѣлать эту мысль исходнымъ пунктомъ теоріи, то этимъ уже будетъ намѣчено дальнѣйшее развитіе конструкціи.

Но при этомъ нужно принять во вниманіе, что фактъ появленія нѣмецкой теоріи отвѣтственности, стремящейся создать общее понятіе отвѣтственности министровъ, выражаетъ собою, помимо цѣли сближенія парламентарныхъ и дуалистическихъ государствъ, вполнѣ понятную научную потребность—имѣть общее понятіе отвѣтственности, основанное на формулѣ самого конституціоннаго закона.

Въ виду такихъ запросовъ юридической мысли понятіе это должно обнимать собою всѣ виды отвѣтственности: и судебную, и парламентарную, и ту, которая осуществляется въ дуалистическомъ режимѣ путемъ предъявленія запросовъ, вынесенія резолюцій и проч.

Въ теоріи, исходныя основанія которой намѣчены выше, указанное требованіе пользуется полнымъ признаніемъ. Она объединяетъ всѣ виды отвѣтственности и позволяетъ провести логически правильное разграниченіе ихъ. Отвѣтственность министровъ съ точки зрѣнія этой теоріи можетъ быть опредѣлена, какъ *обусловленное правомъ контроля надъ управленіемъ право реакціи парламента на тѣ или иные правительственные планы и поведеніе министровъ* и, слѣдовательно, обязанность министровъ терпѣть послѣдствія этой реакціи. Это—*связанный съ министерской должностью институтъ узаконенной реакціи парламента*, въ силу которой при оцѣнкѣ парламентомъ дѣйствій министра по управленію, какъ неправомѣрныхъ или нецѣлесообразныхъ, министръ или подвергается наказанію, или смѣщается съ должности непосредственно, или послѣ повѣрки настроеній избирательнаго корпуса, или путемъ общественныхъ воздѣйствій.

Формы выраженія парламентской реакціи на управленіе страною даннымъ министерствомъ должны служить основаніемъ для дѣленія министерской отвѣтственности на отдѣльные виды. Признакомъ, достаточно годнымъ для научнаго разграниченія видовъ отвѣтственности, будетъ тотъ или иной результатъ оцѣнки дѣятельности министровъ. Возможныя же послѣдствія таковы: 1) министры будутъ *наказаны* ссылкою, тюрьмою, смѣщеніемъ съ должности [1]) и проч., 2) ихъ дѣятельность будетъ *прекращена вотумомъ „недовѣрія“ парламента* или непосредственно, или послѣ повѣрки мнѣнія объ этомъ избирательнаго корпуса, и 3) наконецъ, они будутъ *смѣщены со своей должности путемъ общественныхъ воздѣйствій* вслѣдствіе обращенія парламента къ общественному мнѣнію за воздѣйствіемъ въ формѣ резолюцій порицанія и недовѣрія послѣ отвѣтовъ по запросамъ, въ обычномъ порядкѣ бюджетныхъ преній и проч. Въ первомъ случаѣ у насъ будетъ отвѣтственность *судебная*, во второмъ—*парламентарная* и въ третьемъ—парламентская или *общественная*. Судебная отвѣтственность приводится въ дѣйствіе нижней палатой, какъ камерой преданія суду, и осуществляется судомъ или дѣйствующей въ качествѣ суда верхнею палатою. Она имѣетъ мѣсто и въ парламентарномъ и въ дуалистическомъ строѣ государства. Парламентарная отвѣтственность осуществляется нижней палатой или самостоятельно или при поддержкѣ избирательнаго корпуса и составляетъ характерную особенность страны съ парламентарнымъ режимомъ. Парламентская или общественная отвѣтственность осуществляется каждой палатой въ отдѣльности при содѣйствіи общественныхъ силъ и мыслима лишь въ дуалистическомъ строѣ. Виды парламентской реакціи на министерское управле-

---

[1]) Смѣщеніе съ должности по суду, какъ наказаніе, слѣдуетъ отличать отъ простого смѣщенія для прекращенія дѣятельности.

ніе опираются: въ первомъ случаѣ—на установленный въ законѣ судебный процессъ, во второмъ—на конституированный народъ, или избирательный корпусъ и въ третьемъ—на неконституированный народъ, или иначе, на общественное мнѣніе.

Изложенное различеніе видовъ отвѣтственности министровъ примиряетъ разногласія англійскихъ и французскихъ ученыхъ, съ одной стороны, и нѣмецкихъ—съ другой, по вопросу о предѣлахъ „политической отвѣтственности министровъ. Сохраненіе же этого термина въ смыслѣ противоположномъ понятію „право", становится излишнимъ. Онъ неприменимъ не только къ парламентарной отвѣтственности, но и общественной. Если то, что мы называемъ парламентарной отвѣтственностью имѣетъ, какъ доказываетъ К. Н. Соколовъ, [1]) право на признаніе въ юридической наукѣ, то съ не меньшими основаніями можно требовать признанія права гражданства въ ней и за тѣмъ видомъ отвѣтственности, который осуществляется въ дуалистическомъ конституціонномъ государствѣ. Правовой характеръ компетенціи парламента выносить резолюціи порицанія министерству не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ связи же съ общими началами дуалистическаго государства такія резолюціи могутъ имѣть смыслъ и значеніе лишь какъ средство смѣстить вызвавшаго своими дѣйствіями порицаніе министра путемъ общественныхъ воздѣйствій. Исторія даетъ намъ достаточно примѣровъ успѣшности этихъ воздѣйствій. Если же въ томъ или иномъ случаѣ они не достигали и не достигаютъ своей цѣли, то такова природа дуалистическаго строя, что только воздѣйствія извѣстной степени и силы пользуются привилегіей дѣйствительности.

Теоріи отвѣтственности министровъ, игнорирующія существенныя черты ея—тѣ или иныя послѣдствія отношенія парламента къ кабинету, неизбѣжно должны оказаться несовершенными, какъ бы подчасъ онѣ ни были интересны.

Къ разряду неудачныхъ должна быть отнесена и претендующая на логическую стройность теорія нѣмецкаго ученаго Ганса Фриша. [2]) Онъ строитъ виды отвѣтственности на различіи форумовъ, передъ которыми она осуществляется. Сотвѣтственно этому министръ отвѣтственъ: 1) передъ государственнымъ судомъ (юридическая отвѣтственность) и 2) передъ парламентомъ (политическая).

Противъ этой классификаціи въ литературѣ послѣдовали вполнѣ справедливыя возраженія: эти виды нельзя будетъ отличить другъ отъ друга въ томъ случаѣ, когда судъ надъ министромъ присваивается верхней палатѣ и когда, слѣдовательно, и юридическая и политическая отвѣтственность осуществляется передъ однимъ и тѣмъ же форумомъ, т.-е. парламентомъ.

---

[1]) Парламентаризмъ, стр. 395 и сл.

[2]) *Hans v. Frisch*, цит. соч., стр. 152 и 155.

V.

„Моральная“ и „соціальная“ отвѣтственность (Писторіусъ и Еллинекъ).

Чтобы ярче и выпуклѣе показать, въ чемъ заключается сущность общественной отвѣтственности министровъ, необходимо отмежевать ее отъ тѣхъ понятій, которыя могутъ показаться родственными ей въ виду сходства названій. Мы имѣемъ въ виду „моральную“ и „политическую“ отвѣтственность министровъ нѣмецкаго ученаго Писторіуса и „соціальную“ ихъ отвѣтственность знаменитаго государствовѣда Еллинека.

Писторіусъ дѣлитъ министерскую отвѣтственность на правовую и нравственную. Первая предполагаетъ нарушеніе права и влечетъ за собою правовыя послѣдствія. Нравственная отвѣтственность наступаетъ при посягательствѣ на объективный правопорядокъ. Подвидами ея являются отвѣтственность политическая (передъ общественнымъ мнѣніемъ) и парламентарная (передъ палатами).

Первая „состоитъ въ томъ, что министръ относительно своего политическаго поведенія подлежитъ общественному сужденію и критикѣ и несетъ слѣдствія, которыя могутъ изъ этого произойти“. Вторая осуществляется при помощи „рѣчей, интерпелляцій, постановленій и жалобъ“. [1])

Уже изъ самаго изложенія видно, что попытка Писторіуса установить нравственную отвѣтственность по существу не имѣетъ ничего общаго съ отвѣтственностью общественной въ вышеизложенномъ смыслѣ. Фришъ [2]) возражаетъ противъ такъ называемой „политической отвѣтственности передъ обществомъ“. Отвѣтственность можетъ, по его мнѣнію, имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда имѣется факторъ, которому предоставлено призывать министровъ къ отвѣту. Общественное же мнѣніе и пресса лишены такого значенія, они находятся „внѣ права“. Нельзя не признать это возраженіе удачнымъ. Дѣйствительно, у Писторіуса отвѣтственность передъ обществомъ находится внѣ всякой связи съ парламентомъ и потому, безъ сомнѣнія, находится „внѣ права“. Между тѣмъ, „общественная отвѣтственность“ осуществляется, въ силу компетенціи парламента, при помощи средствъ контроля его надъ управленіемъ. Съ другой стороны, парламентарная отвѣтственность Писторіуса является, въ сущности, далеко не парламентарной, такъ какъ въ понятіе ея включаются тѣ средства контроля надъ управленіемъ, которыя присущи и дуалистическому строю. Онъ объемлетъ собою и парламентарную и общественную отвѣтственность министровъ.

---

[2]) *Theodor Pistorius.* Die Staatsgerichtshöfe und die Ministerverantwortlichkeit nach heutigem deutschem Staatsrecht, 1891 г., стр. 2 и 3 (заключенное въ кавычки представляетъ точный переводъ).

[2]) *H. Frisch*, цит. соч., стр. 149—150.

Съ политической отвѣтственностью въ смыслѣ Писторіуса тождественна та „нравственная“ отвѣтственность, о которой говорилъ нашъ покойный публицистъ А. Д. Градовскій.

Излагая существо и порядокъ судебной отвѣтственности, онъ предлагаетъ отличать ее отъ парламентарной [1]) отвѣтственности и отъ нравственной, „которую несетъ всякій политическій дѣятель и которая лежитъ не только на министрахъ, но и на депутатахъ, на королѣ“. [2]) Отсюда, кажется, достаточно ясно, что „общественная отвѣтственность“ есть нѣчто, отъ указанныхъ понятій рѣзко отличающееся, есть дѣйствительно особый видъ отвѣтственности министровъ.

Но общественная отвѣтственность не сходна также и съ тѣмъ, что Еллинекъ называетъ соціальной отвѣтственностью. [3]) „Совершенно ясно,—говоритъ онъ,—хотя, конечно, не выливаясь въ опредѣленныя формы, выработался новый видъ отвѣтственности правительствъ—отвѣтственность передъ народомъ, многоголосое мнѣніе котораго находитъ себѣ выраженіе въ печати. Правительственныя бюро прессы, существованіе офиціозной печати—это явленія, которыя неопровержимо свидѣтельствуютъ о томъ, что теперь уже существуетъ непосредственная дискуссія между правительствомъ и народомъ. Независимо отъ всякой юридической, государственно-правовой и политической отвѣтственности, существующей по отношенію къ парламенту, развилась общественная отвѣтственность правительствъ, которой принадлежитъ будущее“. Нѣтъ, мы полагаемъ, никакой необходимости подробно комментировать эту цитату. Еллинекъ предусматриваетъ въ ней именно ту въ полной мѣрѣ внѣ-парламентскую отвѣтственность, которая въ большей или меньшей степени существуетъ въ каждомъ культурномъ государствѣ и которая особенно пышный расцвѣтъ даетъ въ условіяхъ парламентарнаго и непосредственно-демократическаго режимовъ.

VI.

Дуалистическій строй и установленіе „отвѣтственнаго министерства“.

Въ началѣ нашей статьи мы сказали, что судебная и парламентская отвѣтственность служатъ лишь средствомъ установленія парламентарной. Если первые два вида отвѣтственности характеризуютъ только переходную эпоху въ жизни конституціонныхъ государствъ и если парламентская отвѣтственность по формамъ проявленія (за исключеніемъ вызываемыхъ ею результатовъ) не отличается отъ парламентарной, то

---

[1]) Въ настоящемъ смыслѣ слова—*А. Б.*

[2]) *А. Д. Градовскій.* Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Изд. подъ ред. Н. М. Коркунова, 1895 г., стр. 472.

[3]) *Г. Еллинекъ:* „Конституціи и т. д.“, стр. 86—87; въ подлинникѣ: „соціальная“.

имѣетъ ли смыслъ самое выдѣленіе парламентской отвѣтственности, какъ особой категоріи? Есть ли у нея право на самостоятельное мѣсто въ политической наукѣ? Иными словами: слѣдуетъ ли считать дуализмъ особымъ типомъ представительнаго государства, или видѣть въ немъ только зачатокъ и переходную стадію къ парламентаризму? [1]) Если наука желаетъ быть на высотѣ призванія, не отставать отъ жизни и вѣрно формулировать выдвигаемыя ею потребности, она должна провести разграничительную черту между дуализмомъ и парламентаризмомъ.

Какъ справедливо замѣчаетъ В. В. Ивановскій, „Англія и Пруссія—два конституціонныхъ государства совершенно противоположнаго типа“. [2]) Разъ различіе условій политической жизни рѣзко намѣчено, имѣется достаточно основаній искать и разницы теоретическихъ началъ. Люди десятилѣтіями живутъ въ дуалистической системѣ, она управляетъ ихъ жизнью, отражается на ихъ печаляхъ и радостяхъ, а наука проходитъ мимо, отказывается зафиксировать свое отношеніе къ ней! Можно ли назвать это нормальнымъ и желательнымъ? Мы думаемъ, нѣтъ.

Однако же, устанавливая дуализмъ, какъ особый типъ представительной системы, необходимо показать, какова его природа, какія возможности заключаются въ немъ и развитіемъ какихъ элементовъ обусловлено ихъ проявленіе,—словомъ, сдѣлать ему надлежащую оцѣнку. Тутъ приходится вспомнить Роберта Моля, котораго нашъ покойный государствовѣдъ Коркуновъ называетъ отцомъ государственнаго права. Взгляды его на министерскую отвѣтственность уже во многомъ устарѣли. Но есть въ его ученіи вѣрное зерно, которымъ необходимо воспользоваться. По мнѣнію Моля, въ представительной монархіи скрытъ „опасный дуализмъ“. Власть какъ бы расщеплена. Съ одной стороны, монархъ, которому принадлежитъ верховная власть, съ другой—народъ, также пользующійся извѣстными ненарушимыми правами. Такъ какъ при дуализмѣ возможны конфликты, то необходимы и средства для ихъ устраненія. Наилучшимъ изъ нихъ является отвѣтственность обѣихъ сторонъ, т.-е. министровъ короля съ одной стороны и депутатовъ—съ другой, передъ особыми государственными судами. Отвѣтственность министровъ является съ этой точки зрѣнія гарантіей ненарушимости правъ короля и народа. Въ изложенномъ видѣ ученіе Моля, конечно, непріемлемо. Говорить о дуализмѣ конституціонной монархіи вообще не представляется возможнымъ. Наиболѣе яркій примѣръ отсутствія такого дуализма—Англія. Съ другой стороны, нельзя говорить о дуализмѣ,

---

[1]) Перваго мнѣнія придерживаются: Лазаревскій, В. Гессенъ, С. А. Котляревскій, К. Н. Соколовъ, В. В. Ивановскій, второго—проф. А. А. Жилинъ, проф. А. С. Алексѣевъ и др. См. *Юридическій Вѣстникъ*, 1913 г., кн. 1, отзывъ послѣдняго автора на книгу Соколова „Парламентаризмъ“.

[2]) *В. В. Ивановскій.* Учебникъ государственнаго права. Казань, 1913 г., стр. 80.

въ частности, короля и народа, такъ какъ они представляютъ собою величины несоизмѣримыя: первый является, согласно современному ученію о государствѣ, органомъ его, второй же этому признаку не отвѣчаетъ. Наконецъ, ученіе Моля неправильно освѣщаетъ и положеніе депутатовъ. Повсемѣстно въ конституціонныхъ государствахъ устанавливается безотвѣтственность ихъ для обезпеченія нормальнаго отправленія ими своихъ депутатскихъ обязанностей, въ условіяхъ самостоятельности и полной независимости отъ внѣшнихъ давленій. Но если ученіе Моля освободить отъ этихъ слабыхъ сторонъ и примѣнить лишь къ конституціонному государству дуалистическаго типа, то мы получимъ возможность сдѣлать изъ него цѣнные выводы. Въ природѣ дуалистическаго типа лежитъ дуализмъ центровъ управленія. Онъ накладываетъ отпечатокъ на весь строй отношеній властей. Законодательство существуетъ, какъ самостоятельная сфера. Власть управленія независима въ своей дѣятельности отъ власти законодательной. Каждая идетъ своимъ путемъ. Нарождаются конфликты. Они не разрѣшаются спокойно, въ обычномъ теченіи политической жизни, въ обычной смѣнѣ у власти министровъ. Для министровъ неважно „довѣріе“ парламента. Съ другой стороны, парламентъ, считая себя связаннымъ съ народомъ въ силу избранія, стремится настоять на осуществленіи своей воли. Резолюціи порицанія составляютъ естественный выходъ настроеній парламента, который какъ бы обращается ими къ общественному мнѣнію, къ тому „третьему“, который способенъ положить свою тяжесть на историческіе вѣсы. Когда нарастаетъ недовольство, ширится и захватываетъ и нейтральные до сихъ поръ общественные круги, то распря входитъ въ острый фазисъ и способна разбудить тѣ страсти, которыя затѣмъ уже повинуются только своимъ собственнымъ законамъ. Революціи не вспыхиваютъ, онѣ возникаютъ постепенно. Ничто въ общественной средѣ не пропадаетъ даромъ. Острые кризисы подготовляются событіями текущаго дня, малыми и большими. Въ сравненіи съ потокомъ впечатлѣній текущей жизни роль отдѣльныхъ агитаторовъ весьма скромна. Они появляются, когда революція готова. Такія возможности таитъ въ себѣ природа дуализма. Это—путь къ фактическому вліянію на управленіе, къ царству фактовъ надъ правомъ. Только парламентарная система даетъ средства правового разрѣшенія конфликтовъ, прогрессивнаго развитія въ условіяхъ непрерывнаго дѣйствія права. „Отвѣтственное министерство“ служитъ гарантіей такого развитія.

Однако, показанный выше уклонъ эволюціи дуалистическаго строя не является единственно возможнымъ. Къ парламентаризму приходятъ и мирнымъ путемъ.

Что наиболѣе всего способствуетъ его установленію? Среди самыхъ разнообразныхъ соціальныхъ и правовыхъ вліяній едва ли не наиболь-

ную роль играетъ единство самого парламента. Какимъ образомъ можетъ проводить свою волю послѣдній, если онъ на отдѣльныхъ конкретныхъ дѣлахъ даже не знаетъ ея, если при большой дробности фракцій онъ не имѣетъ руководящаго центра?! Или двѣ партіи или блоки фракцій, разбивающіе его на двѣ части, способныя имѣть опредѣленныя задачи хотя бы ближайшей программы,—таково требованіе успѣшнаго функціонированія парламентарной системы. [1])

Парламентаризмъ въ Англіи, по мнѣнію уже цитированнаго Лоу, опирается на существованіе двухъ партій, которыя борются въ политической жизни, уступая по временамъ другъ другу мѣсто. [2]) Во время господства одной партіи другая находится въ оппозиціи ей. Оппозиція также играетъ весьма полезную и важную роль въ государствѣ. Она является необходимой составной частью парламента. Изъ ея возраженій стоящая у власти партія учится отыскивать правильный путь для разрѣшенія отдѣльныхъ вопросовъ. Въ Англіи нѣтъ „оппозиціи его величеству", въ ней только „оппозиція его величества". Безъ оппозиціи парламентъ невозможенъ.

Если необходимо единство въ парламентѣ, существованіе опредѣленнаго постояннаго большинства, способнаго проводить свою волю, то все, разслабляющее это большинство, крайне вредно.

На исторіи многихъ европейскихъ странъ можно прослѣдить отрицательное значеніе для функціонированія парламента того, что разслояло населеніе и депутатовъ, что создавало искусственныя перегородки, непониманіе и рознь, въ частности, разъединяющее дѣйствіе религіознаго антагонизма, сословныхъ привилегій и національной розни. Блестящая характеристика послѣдней засвидѣтельствована австрійскимъ императоромъ Францомъ I (1804—1835). „Мои народы,—сказалъ онъ однажды французскому послу при своемъ дворѣ,—чужды другъ другу, и это къ лучшему: они не заболѣваютъ одновременно отъ одной и той же политической заразы. Во Франціи едва появится такая массовая эпидемія, она постигаетъ разомъ всѣ части королевства; я же въ такихъ условіяхъ посылаю венгровъ въ Италію и итальянцевъ въ Венгрію,—и тѣ и другіе, не понимая и ненавидя другъ друга, взаимно служатъ уздою

---

[1]) Мы не останавливаемся на существующихъ въ литературѣ теоріяхъ парламентаризма: 1) монархической—парламентаризмъ устанавливается при слабости династіи или при приглашеніи парламентомъ иноземной династіи (Борнгакъ, Еллинекъ) и 2) бюджетной—установленію парламентаризма содѣйствуетъ вотированіе парламентомъ кредитовъ лишь на годъ (Зейдель, Ремъ).

[2]) У насъ этотъ взглядъ раздѣляютъ *М. М. Ковалевскій*. Общее конституціонное право. Спб. Лекціи 1907—1908 гг. (на правахъ рукописи), ч. II, стр. 23 и сл., и *В. М. Гессенъ*. Теорія правового государства, въ сборникѣ „Политическій строй современныхъ государствъ", т. I, стр. 171—173. О томъ, что двупартійность есть главное условіе успѣха парламентарной системы, см. *Лоуэлль*. Правительства и политическія партіи. Перев., 1905г., стр. 49.

одни для другихъ. Благодаря такому недоброжелательству разноплеменныхъ народностей, населяющихъ мою имперію, держится въ ней государственный порядокъ. Изъ взаимной ненависти вытекаетъ общій миръ государства". [1])

Таковы основныя предпосылки развитія парламентарнаго строя. Нужно ли говорить, что развитіе его происходитъ въ опредѣленныхъ культурныхъ и соціальныхъ условіяхъ, что въ нихъ онъ можетъ найти для себя и благопріятные и неблагопріятные моменты?

Однако, парламентаризмъ въ силу того, что онъ является лишь формой политической жизни, не является лозунгомъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ соціальныхъ круговъ. И, въ частности, предположеніе, къ сожалѣнію весьма распространенное въ широкой публикѣ, будто бы парламентаризмъ защищаютъ только радикальные элементы общества, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Во Франціи установленію парламентарнаго режима содѣйствовала главнымъ образомъ партія крайнихъ реакціонеровъ. Она истолковывала хартію 1814 года въ парламентарномъ смыслѣ и успѣшно стремилась къ расширенію бюджетныхъ правъ парламента и права запросовъ. Ея талантливый представитель писатель Шатобріанъ давалъ популярное изображеніе теоріи и практики англійскаго парламентаризма.

Наибольшее, что можно утверждать, это—что парламентаризмъ защищается радикальными кругами чаще другихъ, такъ какъ господство представителей народа надъ исполнительной властью должно отвѣчать самому существу программныхъ требованій этихъ круговъ.

VII.

Въ Россіи.

Въ какомъ же положеніи находится вопросъ объ отвѣтственности министровъ въ Россіи?

Россія—конституціонная монархія дуалистическаго типа. Существуетъ ли въ ней парламентская, или общественная отвѣтственность министровъ? Согласно установленнымъ выше теоретическимъ положеніямъ, на этотъ вопросъ слѣдуетъ дать положительный отвѣтъ. Но необходимо при этомъ замѣтить, что правовыя средства этой отвѣтственности далеко не соотвѣтствуютъ западно-европейскимъ образцамъ. Для глазъ посторонняго наблюдателя русскій государственный строй не можетъ не казаться ублюдочнымъ: въ немъ смѣшаны противоположныя начала. Вполнѣ понятно, что австро-германскому государствовѣду Гачеку онъ представляется автократіей съ представительнымъ строемъ. [2]) Кон-

---

[1]) Цитир. Ковалевскій, упом. с., стр. 35—36.

[2]) *Гачекъ*. Общее государственное право, вып. I, русск. пер., стр. 30 и др.

тролирующая функція Думы поставлена въ очень узкіе предѣлы. Въ наиболѣе близкихъ къ ней конституціяхъ Пруссіи и Австріи запросы могутъ предъявляться и по поводу незакономѣрности и по поводу нецѣлесообразности дѣйствій министровъ. Мало этого, въ германской имперской конституціи совсѣмъ не упоминается о правѣ интерпелляціи и тѣмъ не менѣе практика истолковала конституцію въ смыслѣ признанія этого права по обоимъ поводамъ. [1]) У насъ же (ст. 108 Осн. Госуд. Зак. и ст. 58 Учр. Госуд. Думы) право предъявленія запросовъ ограничено условіемъ предъявленія ихъ лишь по мотивамъ незакономѣрности дѣйствій. Такимъ образомъ, вся область политическаго усмотрѣнія въ предѣлахъ закона, оцѣнки дѣятельности министровъ въ отношеніи общаго хода управленія Имперіей заранѣе отсѣкается изъ вѣдѣнія Думы. Правда, у насъ имѣется еще другой институтъ интерпелляціоннаго права—„вопросы“ министрамъ (ст. 40 Учр. Гос. Думы). Они, однако, обставлены стѣснительными ограниченіями. Вопросъ долженъ непремѣнно „непосредственно касаться разсматриваемыхъ думою дѣлъ“. Съ другой стороны, хотя косвенно, по смыслу закона, обязанность министровъ отвѣчать предполагается, такъ какъ указывается случай, когда министры имѣютъ право отказаться отъ отвѣта (предметъ, не подлежащій оглашенію по соображеніямъ государственнаго порядка), но эта обязанность рѣшительно ничѣмъ не обезпечена. „Вопросъ“ не имѣетъ даже той гарантіи, которою обладаетъ „запросъ“, т.-е. права Думы (при наличіи большинства голосовъ въ $^2/_3$) представить свое мнѣніе о незакономѣрности дѣйствій на Высочайшее благовоззрѣніе (ст. 60 Учр. Гос. Думы).

Съ точки зрѣнія созданія гарантіи права вопросовъ представляетъ интересъ законодательное предположеніе фракціи прогрессистовъ (первымъ подписалъ Карауловъ) о расширеніи интерпелляціонныхъ правъ Государственной Думы 19 іюля 1915 года. Въ этомъ предположеніи особенное вниманіе обращается на право „вопросовъ“, въ виду того, что вопросы могутъ предъявляться и по поводу нецѣлесообразности дѣйствій министра. Проектируемыя фракціей прогрессистовъ улучшенія сводятся къ слѣдующему: 1) измѣняется редакція ст. 40 Учр. Гос. Думы въ томъ смыслѣ, что вопросъ долженъ касаться „предметовъ вѣдѣнія Государственной Думы“, а не „непосредственно разсматриваемыхъ ею дѣлъ“, и 2) формулирована обязанность министровъ отвѣчать (иногда, по предметамъ, не подлежащимъ оглашенію,—въ закрытомъ засѣданіи Думы) и вводится гарантія этой обязанности въ видѣ права Думы обращаться къ монарху (какъ это существуетъ въ дѣйствующемъ правѣ въ отношеніи къ праву „запросовъ“) при $^2/_3$ голо-

[1]) *Д-ръ Розенгеръ.* Право интерпелляцій въ парламентахъ. Русскій переводъ, Могилевъ, 1911 г., стр. 33 и 85.

совъ и признаніи объясненій министра неудовлетворительными. Измѣненіе редакціи упомянутой статьи значительно улучшаетъ дѣло. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Что же касается второго нововведенія, то значеніе его, какъ гарантіи, фракціей переоцѣнивается, въ подтвержденіе чего можно привести слѣдующія соображенія. Въ самомъ дѣлѣ, къ какимъ результатамъ можетъ повести обращеніе Думы къ монарху? Монархъ можетъ признать министра подлежащимъ дѣйствію судебной отвѣтственности передъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ и привести ее въ дѣйствіе. Но эта отвѣтственность возможна, на основаніи ст. 217 Учр. Мин., изд. 1892 г. и по продолженіямъ, лишь въ томъ случаѣ, когда превышеніе или бездѣйствіе власти соединяется съ „какимъ-либо важнымъ государственнымъ ущербомъ или злоупотребленіемъ". Внѣ этихъ случаевъ, отвѣтственность министра за незакономѣрныя дѣйствія невозможна, и монарху останется просто устранить министра, но уже какъ политическому авторитету, передъ которымъ министры отвѣчаютъ за „общій ходъ управленія" (ст. 123 Осн. Госуд. Зак.). Наконецъ, въ томъ же качествѣ монархъ можетъ, невзирая на постановленіе Думы, дать возможность министру попрежнему продолжать свою дѣятельность. Очевидно, поэтому, что обращеніе Государственной Думы является обращеніемъ къ политическому авторитету монарха. Недаромъ, не безъ глубокаго проникновенія въ мотивы, которыми руководились составители нашей конституціи, нѣмецкій писатель Пальме [1]) видитъ въ упомянутомъ правѣ Думы вліяніе славянофильскаго взгляда на бюрократію, какъ на средостѣніе между Государемъ и народомъ, стоящаго въ связи съ идеей предоставленія народу — силы мнѣнія, а монарху — силы рѣшенія. Такъ какъ приведеніе въ дѣйствіе этой статьи могло бы вести къ конкуренціи политическихъ авторитетовъ, втягивать личность монарха въ партійную борьбу со всѣми ея отрицательными сторонами, то вполнѣ понятнымъ и цѣлесообразнымъ нужно считать воздержаніе Думы отъ употребленія этой статьи за все время ея существованія съ 1906 года. Вотъ почему введеніе ея и для „права вопросовъ" едва ли могло бы быть цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для той идеи „отвѣтственнаго министерства", о которомъ говорится въ законодательномъ предположеніи фракціи прогрессистовъ.

Кромѣ права вопросовъ и запросовъ, у насъ имѣется еще только одно средство „парламентской" отвѣтственности. Это—резолюціи Думы въ порядкѣ бюджетныхъ преній. Но такъ какъ онѣ возможны только въ опредѣленное время сессіи (время разсмотрѣнія бюджета), то и значеніе ихъ ограниченное. Законъ ничего не говоритъ о правѣ думскихъ

---

[1]) *A. Palme.* Die russische Verfassung, Berl., 1910, стр. 178.

разслѣдованій и формально запрещаетъ пріемъ Государственною Думою петицій (ст. 61 Учр. Госуд. Думы).

Принимая, кромѣ изложеннаго, во вниманіе, что Государственная Дума не пользуется правомъ возбуждать судебное преслѣдованіе противъ министровъ, слѣдуетъ признать права ея въ области контроля надъ управленіемъ крайне незначительными.

Между тѣмъ, событія, переживаемыя нашимъ отечествомъ, требуютъ „единой" власти,—власти, крѣпкой солидарностью своихъ взглядовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти событія диктуютъ и способъ ея образованія. Исполнительная власть въ исключительныя историческія минуты можетъ принять форму министерства патріотическаго блока Государственной Думы, такъ какъ глубокій патріотизмъ не можетъ не вести къ одинаковости пониманія текущихъ задачъ, къ опредѣленной солидаризаціи взглядовъ. Достиженію этого поможетъ только расширеніе имѣющихся и введеніе новыхъ средствъ контроля Думы надъ управленіемъ, опытъ использованія средствъ установленія „отвѣтственнаго министерства", выработанныхъ конституціонной практикой Западной Европы. Тогда русская политическая система приметъ ту форму, которую рисовалъ умственному взору своихъ слушателей проф. М. М. Ковалевскій на лекціяхъ въ 1907 году. [1]) „Обѣщанная намъ солидарность кабинета, — говорилъ онъ,—сдѣлается дѣйствительностью, и монархъ, поставленный внѣ партій и надъ ними, будетъ служить и высшимъ воплощеніемъ національнаго единства и высшимъ стражемъ народныхъ интересовъ, при смѣняющихся у кормила правленія руководителяхъ политическихъ партій. Его неприкосновенность при такихъ условіяхъ найдетъ логическое обоснованіе въ безотвѣтственности за дѣйствія, предпринимаемыя отвѣтственными министрами, хотя бы и по его требованію. Возможность для послѣднихъ выбора между проведеніемъ навязываемой имъ свыше политики или отказомъ отъ должности дастъ имъ необходимую силу для противодѣйствія мѣропріятіямъ, не одобряемымъ общественнымъ мнѣніемъ страны и неспособнымъ поэтому найти поддержку въ большинствѣ народнаго представительства. А такъ какъ управлять государствомъ вопреки народной волѣ возможно только для деспотій, опирающихся на иноземномъ войскѣ, то немудрено, если и русская монархія, по примѣру западныхъ, переходя въ монархію народную, а потому представительную, сдѣлается въ концѣ-концовъ монархіей парламентарной, т.-е. такой, которая правитъ страною въ полномъ согласіи съ ея общественнымъ мнѣніемъ и при ближайшемъ участіи въ дѣлахъ тѣхъ, на кого указываетъ это общественное мнѣніе".

А. Болдырь.

---

[1]) Указ. соч., ч. II, стр. 40—41.

Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры.

Неизвѣстная статья К. Н. Леонтьева:

„Нѣсколько воспоминаній и мыслей о покойномъ Ап. Григорьевѣ“.

Письмо къ Ник. Ник. Страхову.

Сообщилъ Влад. Княжнинъ.

Печатаемая ниже рукопись Константина Николаевича Леонтьева (1831—1891 гг.) извлечена нами изъ такъ называемаго „Страховскаго архива“, находящагося въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Императорской академіи наукъ, гдѣ она числится подъ шифромъ: 45. 12. 67. „Страховскій архивъ“, т.-е. нѣкоторыя бумаги, принадлежавшія Н. Н. Страхову, были принесены въ даръ библіотекѣ родственникомъ покойнаго Николая Николаевича, И. П. Матченкомъ. Все это— бумаги 60-хъ годовъ, за цѣлое десятилѣтіе. Это десятилѣтіе въ жизни Н. Н. Страхова было ознаменовано дружбой съ Ап. А. Григорьевымъ и Ѳ. М. Достоевскимъ и усиленной журнальной работой: близкимъ участіемъ въ журналахъ *Время*, *Эпоха* и редактированіемъ *Зари* (1869—72 гг.), которую издавалъ В. В. Кашпиревъ. Къ этой порѣ, къ началу 60-хъ гг., относится также знакомство и сближеніе Страхова съ К. Н. Леонтьевымъ, а конецъ десятилѣтія, по словамъ біографа, [1]) былъ временемъ ихъ „оживленной переписки“. Въ это время они жили на противоположныхъ концахъ земли: одинъ на сѣверѣ, въ Петербургѣ, другой на югѣ, въ Турціи, гдѣ К. Н. Леонтьевъ несъ съ 1863 г. консульскую службу. Помимо взаимныхъ симпатій, поводомъ къ перепискѣ послужилъ, несомнѣнно, и тотъ конкретный фактъ, какъ появленіе *Зари*. Привлекая къ участію въ журналѣ разныхъ лицъ, вродѣ, напр., слависта В. И. Ламанскаго (эти письма, между прочимъ, сохранились, насколько намъ извѣстно), Страховъ естественно обратился и къ К. Н. О чемъ или о комъ было писать Леонтьеву? Страховъ поклонялся Григорьеву; Леонтьевъ тоже, какъ видимъ, мало зная лично, много любилъ Григорьева-писателя. Тема была выбрана чрезвычайно удачно и поставлена Леонтьевымъ, какъ всегда, широко и остро. Почему же статья не была напечатана? Намъ кажется, причиною тому рѣзкость нѣкоторыхъ мѣстъ для тогдашней цензуры. Не помѣстивъ этой статьи Леонтьева въ своемъ журналѣ, Страховъ напечаталъ другую: „Грамотность и народность“ (бѣглыя замѣтки) [2]), написанную,

---

[1]) *А. М. Коноплянцевъ:* „Жизнь К. Н. Леонтьева“. Спб., 1911 г.

[2]) *Заря* 1870 г., № 11, стр. 187—208, и № 12, стр. 288—303.

какъ говоритъ г. Коноплянцевъ, еще въ 1868 г. и предназначавшуюся для *Славянской Зари,* выходившей въ Вѣнѣ на русскомъ языкѣ. Статья „Грамотность и народность“ подписана тѣмъ же псевдонимомъ, какъ и печатаемая ниже: Н. Константиновъ. Тонъ обѣихъ статей по отношенію къ Григорьеву въ общемъ сходенъ. Приведемъ изъ статьи, напечатанной въ *Зарѣ,* два мѣста, въ которыхъ идетъ рѣчь объ Ап. Григорьевѣ.

„Придетъ время конечно, когда поймутъ, что мы должны гордиться имъ болѣе, чѣмъ Бѣлинскимъ, ибо если бы перевести Григорьева на одинъ изъ западныхъ языковъ и перевести Бѣлинскаго, то, безъ сомнѣнія, Григорьевъ иностранцамъ показался бы занимательнѣе, показался бы болѣе русскимъ, нежели Бѣлинскій, который былъ ничто иное, какъ высокоталантливый прилагатель европейскихъ идей къ нашей литературѣ“ (*Заря,* № 11, стр. 197—198).

„Послѣднее слово Ап. Григорьева было *народность* и *своеобразіе русской жизни.* Незадолго до смерти своей, въ маленькой газеткѣ *Якорь,* не имѣвшей успѣха, какъ и слѣдовало ожидать, по національной незрѣлости нашей публики,— онъ высказалъ мысль: „Все, что прекрасно въ книгѣ, прекрасно и въ жизни, и прекраснаго въ жизни не надо уничтожать“; въ частности онъ приложилъ эту мысль къ защитѣ юродивыхъ, столь поэтичныхъ въ точныхъ и реальныхъ описаніяхъ нашихъ романистовъ,—но имѣлъ въ виду развить ее шире“ (тамъ же, стр. 198).

Статья „Нѣсколько воспоминаній и мыслей о покойномъ Ап. Григорьевѣ“ показательна болѣе для характеристики самого Леонтьева, нежели для Григорьева, но ясное пониманіе идей Григорьева и, какъ слѣдствіе этого, глубоко сочувственный тонъ, мѣткость иныхъ догадокъ и оригинальный подходъ къ темѣ ставятъ статью на одно изъ первыхъ мѣстъ въ біографической литературѣ объ этомъ писателѣ.

Внѣшній видъ рукописи слѣдующій: на почтовыхъ листахъ большого формата in octavo, начало и конецъ писаны бѣглымъ и мало разборчивымъ почеркомъ Леонтьева; середина, очевидно, рукою переписчика. Мы печатаемъ статью съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей подлинника, за исключеніемъ пунктуаціи.

М. Г.

Не задолго до кончины Ап. Григорьева я познакомился съ нимъ. Имя его я знавалъ и прежде—въ первой моей молодости я читалъ его статьи въ *Москвитянинѣ* и самъ тогда не зналъ, вѣрить ли ему или нѣтъ? Слогъ его я находилъ смутнымъ и страннымъ; требованія его казались мнѣ слишкомъ велики. По критической незрѣлости моей я тогда былъ поклонникомъ „Записокъ Охотника“ и мнѣ казалась возмутительной строгость, съ которой Григорьевъ относился къ первымъ произведеніямъ Тургенева. (Григорьевъ отнесся иначе къ болѣе зрѣлымъ произведеніямъ этого писателя и доказалъ этимъ свой критическій талантъ.) Однако многое и изъ тогдашнихъ его статей осталось у меня въ памяти, и сужденія не только о нашихъ, но объ А. де Мюссе и др. иностранныхъ писателяхъ, я и тогда это чувствовалъ, были исполнены глубины, изящества. Я чувствовалъ это и тогда и, отчасти благодаря моей собственной незрѣлости, отчасти благодаря ширинѣ духа самаго

Аполлона Григорьева, *съ трудомъ вмѣщавшагося въ слово*, я всетаки повторялъ: „Непонятно, чего хочетъ этотъ человѣкъ!“

Я не понималъ, напр., тогда ясно, почему Григорьевъ, отдавая справедливость дарованію Писемскаго, столь сильно предпочитаетъ ему Островскаго. И въ томъ, и въ другомъ я видѣлъ лишь комизмъ. Я не умѣлъ тогда понять, что Островскій болѣе *положительный* писатель, чѣмъ Писемскій, что положительность его особенно дорога своимъ реализмомъ, ибо положительность его изображеній была не въ *идеалѣ*, а въ тепломъ отношеніи къ русской дѣйствительности, въ любви поэта, съ которой онъ относился къ нашему полумужицкому купеческому быту, не смотря на его суровыя стороны и не скрывая ихъ...

Апол. Григорьевъ искалъ поэзіи въ самой русской жизни, а не въ идеалѣ; его идеалъ былъ—богатая, широкая, горячая русская жизнь, если можно, развитая до крайнихъ своихъ предѣловъ и въ добродѣтеляхъ, и даже въ страстной порочности. Такъ я понимаю его теперь; быть можетъ, я и ошибаюсь—Вамъ, какъ ближайшему его другу, предстоитъ исправить мои ошибки.

А. Григор. стоялъ особнякомъ (Московскіе кружки Западниковъ и Славянофиловъ одинаково отталкивали его).

Разгульная ли жизнь Григорьева, чувственность ли, дышавшая въ статьяхъ его, не нравились строгимъ Славянофиламъ, извѣстнымъ чистотою своей семейной и личной жизни, но Григорьевъ близокъ съ ними не былъ.

Между Аксаковыми и Григорьевымъ была также разница, какая есть между тѣми *вполнѣ русскими* стихами Кольцова, гдѣ дышатъ нравственность и чистая вѣра, и тѣми тоже вполнѣ *русскими* стихами Кольцова, гдѣ дышатъ разгулъ, тоска по разгулу и чувственность.

Съ Славянофилами я лично не былъ знакомъ, за то изустные отзывы передовыхъ людей другаго рода о Григорьевѣ были мнѣ хоть урывками, но хорошо извѣстны. Я бывалъ тогда нерѣдко въ одномъ домѣ, гдѣ встрѣчалъ Кудрявцева, Грановскаго, Боткина, Тургенева и др.

Тургеневъ былъ всегда блестящимъ свѣтскимъ человѣкомъ, капризно-остроумнымъ въ обществѣ, въ родѣ такъ хорошо изображеннаго имъ Горскаго („Гдѣ тонко, тамъ и рвется“).

Онъ любилъ небрежно и даже презрительно отзываться о своей собственной литтературной дѣятельности; цѣнилъ высоко только Пушкина и Гоголя, а изъ современныхъ ему авторовъ отдавалъ справедливость всѣмъ, не восхищаясь ни однимъ. Строгость его къ другимъ выкупалась, какъ я сказалъ, строгостью его отзывовъ и о собственныхъ произведеніяхъ (тогда еще не были имъ написаны ни „Рудинъ“, ни „Дворянское гнѣздо“).

А. Григорьева онъ называлъ: „огромный складъ свѣдѣній и мыслей,

безъ всякаго регулятора". Разъ онъ сказалъ при мнѣ: „Я ужасно люблю тѣхъ, которые меня бранятъ; Ап. Григорьевъ только исключеніе; онъ меня бранитъ—и я его ненавижу"... Боюсь, что въ этомъ причудливомъ отзывѣ баловня судьбы и общественнаго вкуса крылось тайное сознаніе того, что изъ немногихъ порицателей его только одинъ Григорьевъ былъ правъ.

Что касается до перваго отзыва (т.-е. „Григорьевъ есть складъ мыслей и познаній безъ регулятора"), то я не слыхалъ его отъ самаго Тургенева: мнѣніе это передавалъ при мнѣ покойный профессоръ Кудрявцевъ.

Частная жизнь Григорьева и того круга, къ которому, какъ слышно было, онъ тогда принадлежалъ, жизнь, такъ сказать, неряшливо-разгульная, не нравилась и не могла нравиться тому обществу литераторовъ, въ которое я былъ вхожъ. Я по молодости подчинялся тому, что слышалъ. Даровитые и ученые люди этаго круга жили всѣ готовыми, ясными, европейскими идеями и вкусами; за ними жилъ тѣмъ же самымъ и я; мнѣ, по крайней мѣрѣ моей молодости, казались одинаково чуждыми и Славянофилы и Григорьевъ, съ своимъ неуловимымъ идеаломъ.

Прошло много лѣтъ; я долго жилъ, слава Богу, вдали отъ столицъ и отъ мелкаго обмѣна литературныхъ кружковъ; и пріѣхалъ въ Петербургъ, когда только что сталъ выходить журналъ *Время*. Я не стану объяснять здѣсь подробно, почему *Время* удовлетворило меня сразу болѣе, чѣмъ *Современникъ, Русскій Вѣстникъ* и *Отечеств. Записки*; я скажу только, почему *Время* было мнѣ *тогда* болѣе по сердцу, чѣмъ взгляды Московскихъ Славянофиловъ.

Подъ вліяніемъ отвращенія, которое во мнѣ возбуждалъ *Современникъ*, я сталъ ближе всматриваться и въ окружающую меня русскую жизнь и въ тѣ проявленія ея, которыя я встрѣчалъ во время моихъ странствій; я начиналъ уже чувствовать въ душѣ моей зародыши Славянофильскихъ наклонностей, но не дозрѣлъ еще, не доросъ до отвращенья къ избитымъ и старымъ, какъ „Крыловскій червонецъ", формамъ западной жизни.

Къ тому же многое рано прочтенное было дорого сердцу, и къ близкому, еще теплому прошедшему можно отнестись тогда лишь вовсе холодно, когда оно замѣнилось болѣе высокимъ, болѣе полнымъ идеаломъ. Московскіе Славянофилы имѣли этотъ идеалъ; для нихъ онъ давно былъ ясенъ: русскій міръ и союзъ его съ Самодержавіемъ; Земская Дума совѣщательная съ полной свободой дѣйствія верховной власти; русская пѣсня и русскіе обычаи; горячая Вѣра въ Православіе—добро и прекрасное; и чистота семейныхъ нравовъ, полная внутренней свободы, веселья и любви.

Для меня идеалъ этотъ тогда не былъ еще ясенъ, и даже отношенія мои къ тому, что въ немъ мнѣ было ясно, не были еще теплы.

Я видѣлъ, что къ (*нрзб.*), Рудину и другимъ подобнымъ лицамъ, съ которыми протекла моя юность, Славянофилы относятся сухо и если не громятъ ихъ идеалы и ихъ образъ жизни такъ, какъ громятъ „нигилисты“, то это лишь оттого, что литтературные пріемы Славянофиловъ были вообще болѣе возвышенны, болѣе чисты и просты, чѣмъ пріемы нигилистовъ, которыхъ силы были въ (*нрзб.*) и площадной цвѣтистости.

Во *Времени* я встрѣчалъ именно то, что мнѣ хотѣлось; теплое отношеніе къ нашему недавнему прошедшему, къ нашему *европейскому* положимъ, но все-таки искреннему и плодотворному разочарованію. Другая черта, которая ко *Времени* влекла меня болѣе, чѣмъ къ Московскому Славянофильству была слѣдующая: *Время* смотрѣло на женскій вопросъ, собственно на его психическую, а не грубо-гражданскую сторону менѣе строго, чѣмъ смотрѣли Московскіе Славяне. Московскіе Славяне переносили собственную нравственность на *пестрые* нравы нашего народа. Я сомнѣвался, правы ли они. Мнѣ казалось, народъ нашъ нравами не строгъ, и очерки Писемскаго („Питерщикъ“ и др.) казались мнѣ болѣе русскими, чѣмъ благочестивыя изображенія Григоровича. (Здѣсь не мѣсто объяснять, счелъ ли я себя и *Время* правыми впослѣдствіи или нѣтъ.)

Слѣдующія стихи А. Григорьева:

Русскій бытъ—
Увы! совсѣмъ не такъ глядитъ,
Хоть о семейности его
Славянофилы намъ твердятъ
Уже давно, но, виноватъ,
Я въ немъ не вижу ничего
Семейнаго... О старинѣ
Разсказовъ много знаю я,
И память вѣрная моя
Тьму пѣсенъ сохранила мнѣ
Однообразныхъ и простыхъ,
Но страшно грустныхъ... Слышенъ въ нихъ
То голосъ воли удалой,
Все злою долею женой,
Все подколодною змѣей
Опутанныхъ, то плачъ о томъ,
Что тускло зимнимъ вечеркомъ
Горитъ лучина, хоть не спать
Бѣдняжкѣ ночь, и друга ждать,
И тѣшить старую любовь,—
И т. д., и т. д. [1])

Мнѣ казалось, вѣрнѣе специфировали Великорусса, чѣмъ „4 времени года“ Григоровича и др., тому подобныя вещи. Не отрицая явле-

[1]) Изъ поэмы Ап. А. Григорьева „Олимпій Радинъ“.

Вл. Кн.

ній и такого рода, я говорю только, что не онѣ характерны для нашего крестьянства, для Великорусса, Казачества, для милльоновъ раскольниковъ нашихъ, *въ высшей степени Великорусскихъ*, особенно когда мы хотимъ сравнить ихъ съ благочестивыми и тяжелыми землепашцами Западной Европы.

Поэзія разгула и женолюбія, казалось мнѣ, не есть занесенная съ Запада поэзія, но живущая въ самыхъ нѣдрахъ народа.

И такъ эти двѣ черты: теплое отношеніе къ печальнымъ, но (*нрзб.*) ымъ идеаламъ 40-хъ годовъ, и меньшая строгость по женскому вопросу влекли меня болѣе ко *Времени*, чѣмъ къ Московскимъ Славянамъ, хотя я съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе чтилъ ихъ.

Время не выяснило опредѣлительно своей задачи, Вы съ этимъ должны согласиться; главная вина *Времени* противъ публики (а еще болѣе противъ самаго себя) была та, что оно не выработало въ *собственно гражданскихъ отдѣлахъ своихъ ничего своеобразнаго;* если бы въ гражданскихъ отдѣлахъ своихъ оно по крайней мѣрѣ бы держалось явно Славянофильскаго идеала, то дѣла пошли бы лучше. Но оно, кромѣ простой демократіи, которая съ большей силой и ясностью проповѣдывалась въ *Современникѣ*, ничего не давало. Но въ этомъ не виноваты были ни Вы, ни Григорьевъ.

Въ другихъ отдѣлахъ *Время* было занимательно, но все-таки не ясно для большинства.

Лучшія статьи принадлежали Вамъ и Григорьеву, но выводы ихъ были все-таки не рѣзки. Я говорю не о себѣ; я, мнѣ казалось, понималъ Васъ и Григорьева и всю редакцію также.

Въ будущемъ мы желаемъ для Россіи жизни полной и широкой, но своеобразной до нельзя; передъ этимъ своеобразіемъ пусть поблѣднѣетъ и покажется ничтожнымъ наше полу-европейское недавнее прошедшее. Однако и къ этому недавнему прошедшему мы не можемъ относиться безъ теплоты. И въ немъ мы видимъ элементы, безъ которыхъ не можетъ обойтись богатая національная культура и жизнь; мы бы желали только, чтобы эти общіе элементы приняли бы болѣе нужныя формы.

Такъ ли я понялъ Васъ и Вашего друга? Если я ошибся, повторяю, поправьте меня.

И такъ, взгляды *Времени* были мнѣ по сердцу; но, не любя никакихъ литтературныхъ сближеній, я не спѣшилъ знакомиться съ Григорьевымъ.

Наконецъ—любовь моя къ литтературѣ взяла верхъ надъ моимъ отчужденіемъ отъ литтераторовъ, и я, встрѣтивъ разъ Григорьева на Невскомъ, попросилъ шедшаго со мной одного его знакомаго [1]) представить меня ему.

---

[1]) Перечеркн.: Г. Вс. Крестовскаго. *Вл. Кн.*

Мы зашли въ Пассажъ и довольно долго разговаривали тамъ. На сколько помнится, *Время* уже пало, и Григорьевъ издавалъ тогда *Якорь*.

Я былъ въ восторгѣ отъ смѣлости, съ которой онъ защищалъ юродивыхъ въ то положительное и практическое время и не скрывалъ отъ него свое удовольствіе.

Онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Моя мысль теперь вотъ какая: *то, что прекрасно въ книгѣ, прекрасно и въ жизни; оно можетъ быть неудобно, но это другой вопросъ. Люди не должны жить для однихъ удобствъ, а для прекраснаго...*

— Если такъ, сказалъ я,—то вѣкъ Лудовика XIV со всѣми его и мрачными и пышными сторонами въ своемъ родѣ прекраснѣе, чѣмъ жизнь не только Голландіи, но и современной Англіи? Если бы пришлось кстати, стали бы вы это печатать?...

— Конечно, отвѣчалъ онъ, такъ и надо писать теперь и печатать! [1])

Немного погодя, я встрѣтилъ Григорьева опять на Невскомъ.

Не помню, по какому поводу шелъ по улицѣ Крестный ходъ. Григорьевъ былъ печаленъ и молча глядѣлъ на толпу.

— Вы любите это? спросилъ я, движимый сочувствіемъ.

— Здѣсь, отвѣчалъ Григорьевъ грустно, не то, что въ Москвѣ... Въ Москвѣ эти минуты народной жизни исполнены истинной поэзіи.

— Вамъ самимъ, прибавилъ я,—вовсе нейдетъ жить въ этомъ плоскомъ Петербургѣ; отчего вы бросили Москву?..

Григорьевъ отвѣчалъ, что обстоятельства сильнѣе вкусовъ...

Я былъ потомъ нѣсколько разъ у него. Жилище его было бѣдно и пусто...

Я сначала думалъ, что онъ живетъ *не одинъ*. Я зналъ прежде, что онъ женатъ, и разъ на Святой Недѣлѣ спросилъ у него: отчего у Васъ, Славянофила, не замѣтно въ домѣ ничего, что бы напоминало русскую Пасху?

— Гдѣ мнѣ, бездомному скитальцу, праздновать Пасху такъ, какъ ее празднуетъ хорошій семьянинъ? сказалъ Григорьевъ.

— Я думалъ—вы женаты, замѣтилъ я.

— Вы спросите, какъ я женатъ! воскликнулъ горько Аполлонъ.

Я замолчалъ и вспомнилъ о томъ, что слышалъ прежде о его семейной жизни. Я вспомнилъ, какъ говорили, что онъ и семейную жизнь свою поставилъ совсѣмъ *особо, по своему*; и понялъ, что избранный имъ смѣлый и странный путь породилъ по несчастію разрывъ и нѣчто еще худшее разрыва... Такъ слышалъ я; но *теперь* я не позволю себѣ высказать все это яснѣе и подробнѣе.

---

[1]) Перечерки.: Г. Вс. Крестовскій можетъ засвидѣтельствовать, если память ему не измѣнила въ этомъ случаѣ, истину моихъ словъ.

Вл. Кн.

Вскорѣ послѣ этого Ап. Григорьевъ пропалъ безъ вѣсти. Вы сами, помните, не знали, гдѣ онъ. Я долго искалъ его; нашелъ, наконецъ, его бѣдный номеръ въ (*нрзб.*) омъ домѣ Фридерикса; но не засталъ его дома и мы уже больше не встрѣчались. Я уѣхалъ изъ Россіи; а Григорьева черезъ годъ не стало.

Вдали отъ отчизны я лучше вижу ее и выше цѣню. Не потому я ее цѣню выше, что дальше отъ ея золъ, какъ подумаютъ иные, а потому, что больше понимаю, узнавши больше чужое. Страна, въ которой я теперь живу, особенно выгодна для того, чтобы постичь во всей ширинѣ историческое призваніе Россіи. И эта мысль одна изъ величайшихъ отрадъ моихъ. Но иногда я съ ужасомъ вспоминаю о томъ, какъ вымираютъ прежніе люди на всѣхъ поприщахъ, и боюсь, что долго не кому будетъ замѣнить ихъ.

Чѣмъ знаменита, чѣмъ прекрасна нація? Не однѣми желѣзными дорогами и фабриками, не всемірно-удобными учрежденіями. Лучшее украшеніе націи—лица, богатыя дарованіями и самобытностью. Лица даровитыя и самобытныя не могутъ быть безъ дѣятельности (*нрзб.*); когда есть лица, есть и произведенія, есть дѣятельность всякаго рода. Ограничимся на этотъ разъ только литтературнымъ поприщемъ въ самомъ пространномъ значеніи этого слова; хотя и на другихъ поприщахъ мы бы могли найти сходныя явленія и задать себѣ тотъ вопросъ, который тревожитъ иногда сердце. Какими оригинальными дарованіями, какимъ русскимъ творчествомъ замѣнятъ поколѣнія 70-хъ годовъ, когда исчезнетъ богатое духомъ поколѣніе 40-хъ годовъ? Когда-нибудь не станетъ ни Островскаго, ни И. Аксакова, ни Каткова, ни другихъ современниковъ Ап. Григорьева, какъ не стало ни Грановскаго, ни Кудрявцева, ни К. Аксакова, ни Хомякова, ни Станкевича, ни Кольцова, ни Шевченки, ни Бѣлинскаго, какъ духовно не стало Тургенева послѣ „Отцовъ и дѣтей". „Дымъ" доказалъ, что самъ авторъ *духовно* столь ничтоженъ, какъ *Прахъ*. Какія національныя „образованія" замѣнятъ ихъ? Многіе изъ этихъ людей 40-хъ годовъ (отцы Тургеневскіе) доказали, что они способны быть не только мыслящими Рудиными, но и стать во главѣ практическихъ ученій, способны неусыпными трудами прокладывать свѣжіе пути, являться въ трудныя минуты съ духовной поддержкой колеблющемуся обществу. Кто замѣнитъ ихъ? Здѣсь дѣло не въ ученіи, а въ личности. Пространственная даль, въ которой я живу отъ Россіи, почти то же, что историческая даль прошедшаго. Каково бы ни было направленіе, лишь бы окончательная форма его была *своя*, *наша* и дышала бы силой!

Россія, дорогая Россія, неужели ты не дашь пышную эпоху міру, когда даже и то, что недоставало тебѣ прежде,—политическое движе-

ніе умовъ, нынче тебѣ дано, и сѣмена этой жизни неугасимы никакой временной усталостью? Неужели ты перейдешь прямо изъ безмолвія въ шумное и безличное царство массъ? Въ безличность не эпическую, не въ царство массы бытовой-русской, а въ безличность и царство массы европейской, Петербургской, въ безличность торгашескую, физико-химическую и чиновничью?

Аполлонъ Григорьевъ былъ и самъ лицо, и всѣ сочиненія его дышали особенностью, и нѣсколько недосказанное направленіе его было,— исканіе прекраснаго въ русской жизни и русскомъ творчествѣ.

Ап. Григорьевъ хотѣлъ и старался дополнить во *Времени* и въ *Якорѣ* то, что, по его мнѣнію, недоставало строгимъ Славянофиламъ (которыхъ онъ высоко цѣнилъ) для всесторонней оцѣнки русской жизни.

Пока все еще трепетало передъ тѣмъ внезапнымъ порожденіемъ прежняго либерализма, которое уже и запоздалому пониманію европейцевъ теперь извѣстно подъ именемъ „нигилизма русскихъ",—Григорьевъ продолжалъ служить прекрасному; не тому только прекрасному, что зовутъ „искусствомъ" и что цвѣтетъ на жизни, какъ легкій цвѣтъ на крѣпкомъ деревѣ, но прекрасному самой жизни, прекрасному въ мірѣ политическихъ ученій, въ мірѣ борьбы. Идеалъ Добролюбова и его друзей не могъ не быть ненавистенъ ему; но оттого, что соколъ высиживаетъ куриныя яйца, соколъ не перестанетъ быть смѣлой и ловкой птицей, и Григорьевъ уважалъ Добролюбова, какъ лицо и дѣятеля. Но въ то же время онъ рѣшался защищать и юродивыхъ въ *Якорѣ* и, основательно утверждая: *что прекрасное въ книгѣ, прекрасно и въ жизни*,—указывалъ на задушевныя изображенія въ нашихъ повѣстяхъ этихъ лицъ, неподходящихъ подъ утилитарную классификацію.

Эта критическая всесторонность вредила Ап. Григорьеву; его не понимали; имя его никогда не было популярно; на многихъ грошевыхъ устахъ это имя возбуждало улыбку: иногда презрѣнія, иногда мудрой благосклонности къ бѣдному безумцу.

Иные въ его статьяхъ находили нѣчто тайно-растлѣнное; они были не совсѣмъ неправы. Для себя лично онъ предпочиталъ ширину духа— его чистотѣ. Въ статьяхъ его было вѣяніе, схожее съ той струей, которая пробѣгаетъ по сочнымъ и судорожнымъ сочиненіямъ Мишле. Но онъ не скрывалъ этаго ни отъ себя, ни отъ другихъ; не боялся подобнаго обвиненія. Онъ зналъ, что въ полной жизни прекрасно и полезно не одно только интензивное, строгое и чистое; онъ зналъ, что и въ мірѣ гражданскихъ ученій нужны не только политическій, нравственный и религіозный аскетизмъ, но и широкіе, критическіе взгляды, которые въ одно и тоже время и выше и ниже временно практическихъ настроеній. Ап. Григорьевъ становился къ своему времени въ положеніе историческое. Подобно тому, какъ хорошій современный французъ

равно цѣнитъ въ прошедшемъ и Боссюэта, и Мольера, и Рабле, и Кальвина, какъ англичанинъ одинаково считаетъ украшеніемъ англійской исторіи и Кавалеровъ, и Пуританъ,—такъ и Ап. Григорьевъ равно умѣлъ своей художественно-русской душой обращаться и къ Славизму и Православію, и къ притупившемуся у насъ (вѣроятно на время) философскому пониманію, и къ желѣзнымъ проявленіямъ матерьялизма, который, хотя по содержанію ни русскій, ни нѣмецкій, ни французскій, а всемірный, но котораго пріемы—какъ бы грубы они не были—мы должны признать вполнѣ русскими.

„Онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ!“ говорили про Григорьева.

Одинъ молодой и умѣренный либералъ, не совсѣмъ дуракъ, но, конечно, и не умный, сказалъ мнѣ въ Петербургѣ: „охота Вамъ читать эту *мертвечину*—Ап. Григорьева!“

Я скоро послѣ этого пересталъ съ нимъ видѣться, такъ онъ мнѣ сталъ гадокъ своей казенной честностью, казенными убѣжденіями, казенной добротой, казеннымъ умомъ.

Не порокъ въ наше время страшенъ; страшна пошлость, безличность! Безличность бытовая, безличность, согнутая подъ ярко-національное ярмо—почтенна и плодоносна, но—безплодна и жалка наша общеевропейская пошлость!

Чтобы было яснѣе понятіе этой общеевропейской пошлости, я вспоминаю одну статью изъ-за границы, напечатанную лѣтъ 5—6 тому назадъ въ какой то газетѣ; статья эта была написана не слабо и врѣзалась мнѣ въ память; её написала Евгенія Туръ. Г-жа Туръ назвала въ ней русскихъ „варварами“ за то, что они толкуютъ о Ст. Миллѣ и Бóклѣ, не понимая ихъ. Незаслуженный комплиментъ! Къ несчастію именно эти заграничные путешественники нисколько не варвары, а вѣроятно люди пошлые! Пускай бы они были варварами, но такими, какими были Суворовъ, Потемкинъ и другіе „екатерининскіе орлы“, какими суть наши крестьяне, иные герои Островскаго и казаки Толстого. Нація больше выигрываетъ отъ подобныхъ варваровъ, чѣмъ отъ многихъ нашихъ европеистовъ и писателей. Кстати, желательно было бы знать, какъ понимаетъ Милля и Бóкля сама авторша этой маленькой громовой выходки? Называя другихъ варварами (не въ смыслѣ свѣжести, а въ смыслѣ глупости), надо было бы самой научить ихъ, какъ понимать этихъ двухъ свободолюбцевъ—Бóкля и Милля, вовсе не похожихъ другъ на друга. Отдаетъ ли себѣ ясный отчетъ Г-жа Туръ въ томъ, что, если бы человѣчество рѣшилось внимать только Бóклю, который такъ серьезенъ въ приготовительномъ трудѣ и такъ мелокъ въ общемъ выводѣ,—то черезъ нѣсколько десятилѣтій не стало бы ни религіи, ни поэзіи, ни искусства, ни славы, ни природы; а если бы человѣчество поняло, что́ есть между строками у Милля и, главное, по-

слушалось бы своихъ догадокъ,—то оно вело бы войны, какъ ведетъ оно и теперь, но безъ лицемѣрныхъ оговорокъ, не спѣшило бы вездѣ вводить Парламентское устройство и строго запретило бы обработывать всѣ пустыни, не смотря на мирно-либеральныя увѣщанія, которыми задобриваетъ читателей этотъ, хотя и стѣсненный духомъ осмотрительнаго вѣка, но все таки смѣлый мыслитель? Ибо: 1)—войны развиваютъ индивидуальность, какъ націй, такъ и лицъ, онѣ прямо и косвенно подаютъ людямъ поводъ обнаруживать творческія силы; напр., одно Ватерлоо дало множество превосходныхъ страницъ искусству и давно ли еще напечатано было удивительное произведеніе Эркмана-Шатріана „Waterloo", отъ котораго и слезы готовы литься и волосы встаютъ дыбомъ у самаго закоснѣлаго въ чтеніи человѣка! Ибо: 2) Парламентское устройство безсильно само по себѣ возвысить обѣднѣвшую духовно націю. А эпохи, полные жизни и творчества бывали велики и безъ свободныхъ учрежденій: Германія Фридриха II, Маріи Терезіи, Гёте, Канта и Бетховена была благороднѣе, прекраснѣе нынѣшней Швейцаріи или нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ, знаменитыхъ своимъ самоуправленіемъ и своимъ мѣщанствомъ. Въ 3-хъ) ибо самъ Милль говоритъ, что не слѣдуетъ человѣку быть безпрестанно въ обществѣ, что съ обработкой всѣхъ пустынь, съ уничтоженіемъ дремучихъ лѣсовъ и дикихъ звѣрей пропадетъ всякая глубина человѣческаго духа (и гдѣ же говоритъ онъ это,—не въ книгѣ „О свободѣ", но въ своей Политической Экономіи!)

Чтобы доказать другимъ, что они пошлы, надо было самой авторшѣ умудрить своихъ бѣдныхъ соотчичей. Что же касается до названія *варвары*, то это просто обмолвка;—это названіе слишкомъ лестно для людей, которые носятся по желѣзнымъ дорогамъ Европы изъ гостинницы въ гостинницу. Вотъ Г. Щедринъ назвалъ ихъ гастро-половыми космополитами и въ награду его самаго можно назвать: „Варваръ сѣвера надменный!" Русскій варваръ могъ вдохновить Беранже, который написалъ „le coursier de cosaque": но кого вдохновятъ (не отрицательно) тѣ люди, которые оскверняютъ Невскій своимъ пасквильно-европейскимъ видомъ?

Отступленіе это не случайно. У Ап. Григорьева было именно то, что бы порадовало Милля и испугало Бокля, еслибы они оба его знали: Милль увидалъ бы въ немъ индивидуальность человѣка и писателя, а Бокль понялъ бы, что для него *чистый разсудокъ* („разумъ" у Бокля) вовсе не былъ путеводной звѣздой. Лично я, къ несчастію, мало былъ знакомъ съ Григорьевымъ и біографическія подробности о немъ у меня почти все отрывочныя.

Мнѣ нравилась его наружность, его плотность, его добрые глаза, его красивый, горбатый носъ, покойныя, тяжелыя движенія, подъ которыми крылась страстность. Когда онъ шелъ по Невскому въ фуражкѣ,

въ длинномъ сюртукѣ, толстый, медленный, съ бородкой, когда онъ пилъ чай и, кивая головой, слушалъ, что ему говорили,—онъ былъ похожъ на хорошаго, умнаго купца, конечно русскаго, не то, чтобы на негоціанта въ очкахъ и стриженыхъ бакенбардахъ!

Одинъ изъ нашихъ писателей разсказывалъ мнѣ о своей первой встрѣчѣ съ Ап. Григорьевымъ, эта встрѣча, кажется, произошла уже давно. Писатель этотъ сидѣлъ въ одномъ домѣ, какъ вдругъ входитъ видный мужчина, остриженный въ кружокъ, въ русской одеждѣ, съ балалайкой или гитарой въ рукахъ; не говоря ни слова, садится и начинаетъ играть и, если не ошибаюсь, и пѣть. Потомъ уже хозяинъ дома представилъ ихъ другъ другу.

Когда я хочу знать біографію лица, мнѣ не достаточно отчета о его общественной дѣятельности,—я хочу знать всѣ его слабости, всѣ пороки, всѣ домашнія дѣла, всѣ его привычки, всю анекдотическую часть его жизни. Представляя себѣ Наполеона I-го, я думаю не только о Маренго, Аустерлицѣ, Бородинѣ и Пирамидахъ, объ административной энергіи его, объ его законодательствѣ и т. п. вещахъ, нѣтъ,—я интересуюсь тѣмъ, что онъ нюхалъ табакъ, что онъ носилъ сѣрый сюртукъ, что ему нравилась одно время Г-жа Рекамье, что въ Москвѣ онъ страдалъ геморроемъ мочеваго пузыря, что въ молодости онъ былъ хуже собой, чѣмъ въ зрѣлости и т. п.

Многіе читатели прощаютъ Руссо его колебанія; любятъ придворное тщеславіе Гёте, забавную аккуратность Канта, оргіи Байрона и Шеридана, грубости Петра I-го. Смѣсь пороковъ и благородства, смѣшныхъ привычекъ съ поразительными силами чувствъ и ума—сильнѣе дѣйствуетъ на всѣхъ, чѣмъ безупречная плоскость. Этотъ вкусъ читателей не есть, какъ обыкновенно думаютъ, праздное любопытство; не праздное любопытство также и страсть многихъ къ анекдотамъ про разныя странности, привычки и выходки извѣстныхъ людей. Въ этихъ вкусахъ, кромѣ естественной и похвальной любви къ увлекательному, есть какъ бы научное предчувствіе. Когда мы описываемъ растеніе, мы не говоримъ только о прикладной его части, объ аптечныхъ, фабричныхъ и кухонныхъ свойствахъ его; подробное описаніе этихъ свойствъ предоставляется особымъ отраслямъ науки;—для описательной же ботаники интересны, напр., въ шафранѣ не одни только лекарственныя красныя тычинки его, но и корень, и листья, и микрографія клѣточекъ, и красота лепестковъ; ботаникъ обязанъ не пропускать даже такихъ мелкихъ органовъ, или придатковъ, которыхъ польза для самаго растенія до сихъ поръ не постижима.

Къ несчастію, повторяю, я зналъ Григорьева очень мало; зналъ, напр., что онъ жилъ бѣдно и, кажется, очень безпорядочно; зналъ о

нѣкоторыхъ порокахъ и слабостяхъ его, какъ его иные звали литературнымъ Любимомъ Торцовымъ. Но всего этого не достаточно. Я бы желалъ, чтобы друзья Ап. Григорьева, которые знали его хорошо, не стѣсняясь никакими обыкновенными приличіями, составили бы біографію этой страстной и мыслящей натуры *).

Бояться обнаруживать ошибки и темные проступки любимаго человѣка, значитъ мало надѣяться на его достоинства и привлекательность.

Наконецъ и то сказать, половина читателей въ самой жизни предпочитаютъ такихъ безпутныхъ людей, каковъ былъ, напр., А. де-Мюссе, людямъ обстоятельнымъ, въ родѣ Канта. А въ чтеніи и спора нѣтъ, что біографія послѣднихъ на столько же блѣднѣе и скучнѣе, насколько трактатъ о красильныхъ веществахъ скучнѣе и ниже книги Шлейдена „Растеніе и его жизнь".

Нельзя не настаивать, чтобы у насъ писались хорошія, подробныя и откровенныя біографіи. У насъ до сихъ поръ нѣтъ ни одной ясной художественной біографіи такихъ лицъ, какъ императрица Екатерина 2-я, Потемкинъ, Кутузовъ, Лермонтовъ, Хомяковъ, и т. д. Всѣ свѣдѣнія отрывочны. Изъ существующихъ біографій—одни казенны, другія кратки и поверхностны. Свое прошедшее мы знаемъ мало; а намъ знать *свои*, хотя бы и поблекшія, начала нужнѣе, чѣмъ кому-нибудь, въ виду гражданскихъ реформъ, въ сосѣдствѣ подавляющей культуры Запада и той внутренней работы душъ, которая недоступна политическому міру, но зато глубоко измѣняетъ на нашихъ глазахъ семейную и общественную жизнь нашу. Свое ближайшее прошедшее мы знаемъ мало; молодымъ людямъ, выростающимъ теперь, не только XVIII вѣкъ, но и вся первая половина XIX будетъ скоро казаться смутной картиной безъ живыхъ лицъ и теплоты, изъ глубины которой будутъ до нихъ долетать только стоны рабовъ, топотъ взяточниковъ и команда генераловъ. Да возгордятся они своей прогрессивной и безтолковой безпорочностью.

А между тѣмъ не только рабы, не только генералы, но и самые взяточники были люди, и 1000 теплыхъ, или отрадныхъ подробностей ихъ жизни пропадаютъ для исторіи. Каковы бы они ни были, они были *русскіе*, а намъ нужно знать Россію не по однимъ оффиціальнымъ и обличительнымъ крайностямъ. Намъ нужно знать, какія народныя начала хорошо бы выработать, намъ надо даже знать, какое зло терпѣть необходимо, чтобы быть *самимъ собой*, а не отсталыми и робкими лакеями Европейскихъ успѣховъ; чтобы отчизна наша все больше день ото дня занимала въ мірѣ то духовное положеніе, къ которому она пышностью

*) Къ несчастію, находясь далеко отъ Россіи, я не могъ достать статьи объ Ап. Григорьевѣ, написанную нѣсколько лѣтъ тому назадъ Г. Аверкіевымъ. Быть можетъ и нашлось бы тамъ отчасти то, чего я желаю.

своихъ составныхъ частей призвана, помимо всякой политической силы, давно уже доступной ей.

Я не говорю уже о крестьянахъ, о купцахъ, раскольникахъ, казакахъ, обо всемъ томъ, что носитъ на себѣ, слава Богу, еще долго неизгладимую русскую печать; я говорю о нашемъ помѣщичьемъ и чиновничьемъ обществѣ, которое, хотя и менѣе народно, чѣмъ народъ, но вполнѣ все таки и ни на одно иностранное общество не было похоже, и не похоже и теперь.

Положимъ, наше общество 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ было заражено космополитизмомъ до низости, положимъ, наши дамы говорили иногда: „какъ я могу интересоваться героемъ, котораго зовутъ Петръ Иванычъ?“, положимъ, наши лихіе офицеры, которые какъ слѣдуетъ бились подъ Севастополемъ, слишкомъ ласкались къ европейцамъ при мирныхъ свиданіяхъ съ ними. Но развѣ этотъ неслыханный космополитизмъ не наша черта? развѣ не вызванъ онъ былъ особыми историческими условіями, не похожими ни на Французскія, ни на Греческія, ни на Турецкія, ни на Германскія условія? Дѣло не въ томъ, чтобы хвалить его, но чтобы изучить и понять, почему люди самые сильные, умы самые самостоятельные были такъ робки въ этомъ случаѣ. Почему до сихъ поръ еще этотъ космополитизмъ дѣлаетъ у насъ успѣхи? Развѣ это не любопытно и не поучительно? Положимъ еще, что, кромѣ неумѣстнаго космополитизма, есть еще другая общая черта у русскаго общества: это какая-то неопредѣленность, расплывчатость, недоконченность многихъ отдѣльныхъ явленій. Какое-то соединеніе сложности и блѣдности. Трудно сказать про наше общество то, что легко, безъ ошибки сказать о другихъ обществахъ: „семейное начало правильно и сильно въ Германіи и Англіи; въ Италіи свобода супружескихъ нравовъ доведена до нельзя“ и т. д. Можно ли сказать такъ рѣзко о нашемъ обществѣ? Конечно, нѣтъ! Съ одной стороны, семейная жизнь, домосѣдство, власть старшихъ, доходящая до деспотизма, съ другой—бродяжничество, цыганство со всѣми его дурными и хорошими послѣдствіями, неслыханная, свирѣпая эмансипація дѣтей. Молодые люди, „Дѣти“ нашего времени, выростаютъ подъ самыми противоположными вліяніями; сынъ набожнаго купца становится нигилистомъ; вчерашній космополитъ и атеистъ—начинаетъ ходить въ церковь чаще, чѣмъ ходила его мать помѣщица. Одинъ братъ сочувствуетъ Полякамъ, другой—Муравьеву; Государство одѣваетъ войска въ кепи, а молодые люди заказываютъ себѣ поддевки и красныя рубашки; демагогъ, почитавши статьи Антоновича, поступаетъ на службу и знакомится съ людьми высшаго круга; богатый и знатный гордецъ понижаетъ тонъ. Электричество гражданскихъ ученій пробѣгаетъ по обществу и цѣлой націи, которую реформы и фак-

тическая свобода слова застали въ сложномъ и блѣдномъ видѣ, завѣщанномъ намъ 40-ми годами. Краски начинаютъ выступать нѣсколько ярче, но все еще недостаточно. Ихъ надо сознать и оцѣнить во всей полнотѣ. А много ли мы знаемъ про себя? И если знаемъ кое-что, то давно ли? Гдѣ у насъ мемуары? Лѣтописцы недавняго и уже забываемаго прошедшаго? Гдѣ біографіи знаменитыхъ людей? Сколько оригинальныхъ русскихъ характеровъ угасло въ неизвѣстности! Многіе ли у насъ знаютъ Кавказъ, казаковъ, русское крестьянство, жизнь мусульманскихъ племенъ нашей отчизны? Кто знаетъ Финляндію, Сибирь? Давно ли открыли, что есть на свѣтѣ Бѣлоруссія? Гдѣ у насъ ясныя свѣдѣнія о придворной жизни прошлаго и запрошлаго царствованія? И это было бы полезно изучить безъ свѣтской исключительности и безъ скрежета плебейской зависти. Самыя подробности о великой борьбѣ 12-го года исчезаютъ на всѣхъ концахъ Россіи вмѣстѣ со стариками и старухами, которые и не подозрѣваютъ, какія сокровища уносятъ съ собою въ могилу. Въ виду подобнаго невѣжества нельзя не дорожить всякимъ біографическимъ отрывкомъ, всякимъ плохимъ подобіемъ записокъ и воспоминаній.

Нашимъ писателямъ вообще свойственна добросовѣстная объективность, любовь къ мелочамъ, крайне неумѣстная въ области искусства; для біографій же и воспоминаній она болѣе, чѣмъ полезна. Панаева обвиняли за его пристрастіе къ описанію позъ, ногтей, рубашекъ и т. п.; я съ этимъ не согласенъ; за неимѣніемъ лучшаго и его „Воспоминанія“ пригодны. И эта деревянная объективность въ нихъ менѣе возмутительна, чѣмъ въ „Хлыщахъ“ и т. п. искусственныхъ, ложно-творческихъ мерзостяхъ, гдѣ нѣтъ ни реальной, ни художественной правды.

Такіе грубые, неумные, жалкіе писатели повѣстей, какъ: Успенскій, Станицкій и др., которымъ имя „легіонъ“, были бы очень почтенны, еслибы обратили свою поверхностную наблюдательность на службу современной исторіи,—вмѣсто того, чтобы осквернять міръ своимъ творчествомъ. Разумѣется, для нихъ (особенно для Станицкаго) это уже поздно, и уголъ зрѣнія у многихъ изъ подобныхъ творцовъ болѣе современно-дидактическій, чѣмъ научно-вѣрный; но подъ словами Станицкій, Успенскій и т. п. я разумѣю нѣчто генерическое, ужасное въ искусствѣ, но достаточно способное для лѣтописи. Такіе умы всегда будутъ и, лишь бы дидактизмъ и разныя полезныя негодованія не сбивали ихъ съ пути, они могли бы изготовлять матеріалы для біографій, для исторіи общества и народа, предоставляя умамъ болѣе обширнымъ дѣлать выводы и давать направленія.

Когда издали посмотришь на богатство нашихъ началъ, то и писать объ нихъ какъ будто нѣтъ охоты. Кажется, всякій это видитъ и знаетъ,

всякій этому радуется. Однако на дѣлѣ немногіе это видятъ. Немногіе чувствуютъ, какую богатую жатву для всемірной исторіи готовитъ эта нація, въ которой варварство самое темное и чреватое будущимъ живетъ рядомъ съ усталой утонченностью, съ глубокими познаніями, въ которой этнографическія и климатическія условія такъ разнохарактерны и въ которой разъединеніе сословій оставило на долю слѣды своеобразныхъ путей развитія. Германія, Франція, Англія дали столько лицъ исторіи въ первой половинѣ нашего вѣка; всѣ эти лица оставили столько вліяній и плодовъ въ мірѣ политики, въ мірѣ семейномъ, въ искусствѣ, философіи, промышленности, что почва ихъ породившая на долго кажется изнурена. Не гніенія надо за нихъ опасаться: гніеніе ужасно, но плодотворно! Имъ грозитъ скорѣе иной видъ омертвѣнія—окаменѣлость духа. Все, что въ нихъ есть еще замѣчательнаго, выработано прежде; молодое безлично и принуждено повторять зады въ разныхъ направленіяхъ. Близкое будущее есть только у Россіи и у Греко-Славянскаго міра, Турціи и Австріи.

И, не говоря даже о будущемъ, настоящее Россіи уже полнѣе и богаче содержаніемъ, чѣмъ настоящее трехъ путеводныхъ націй Запада; своеобразными характерами мы и теперь богаты; славныя лица стараго времени, подобно генералу Муравьеву, еще живы и пріобрѣтаютъ историческія имена; а молодое растетъ на почвѣ, богатой самыми противоположными началами. Лишь бы это молодое съумѣло понять свое призваніе! и не засыпало бы на готовыхъ либерально-европейскихъ рецептахъ. Я повторяю—*дѣло родитъ лица, а лица родятъ дѣло.* Рѣзкія лица не могутъ долго оставаться при одной, безплодной для общества, оригинальности; и даже едва ли возможна полная безплодность оригинальности. Монахъ, удалившійся въ столбъ, продолжаетъ дѣйствовать на людей, возбуждая въ нихъ своимъ потрясающимъ и смиряющимъ примѣромъ религіозное чувство; какой-нибудь рѣзкій чудакъ не обойдется безъ вліянія, хоть на тѣсный кружокъ семьи и друзей, не говоря уже о томъ, что онъ украшаетъ жизнь самимъ фактомъ своего существованія.

Въ той гаммѣ индивидуальностей, которой и теперь уже не бѣдна Россія, Ап. Григорьевъ занималъ не послѣднее мѣсто. И друзья его, какъ я уже выше сказалъ, должны, не стѣсняясь его недостатками и проступками (если таковые были) познакомить насъ съ нимъ короче. Если иныя вещи не хотятъ печатать *теперь,* пусть запишутъ и сохранятъ. Сколько должно было быть страданій и высокаго блаженства, сколько переходовъ въ этой жизни!

Я не скажу—онъ умеръ рано; я думаю на срокъ нашей дѣятельности есть мѣра выше нашей. Быть можетъ, предоставленная ему Свыше

доля вліянія исполнится и расширится послѣ его смерти, благодаря тому, что привлечетъ вниманіе многихъ къ его имени и къ сочиненіямъ его, которыя необходимо издать отдѣльно. Не было ли того же съ Бѣлинскимъ? Многіе ли знали его при жизни? Я хотѣлъ сказать о немъ, что думалъ, соображая духъ его статей съ тѣмъ, что замѣтилъ самъ въ 4—5 свиданій; я знаю—это очень бѣдно и недостойно его, но источниковъ у меня нѣтъ, а душа и безъ нихъ чуетъ общую истину его угасшаго бытія.

Мы часто ищемъ *русскихъ* лицъ. Вотъ вамъ одно изъ нихъ; онъ былъ похожъ не только *на русскаго*, и еще на *себя самаго*.

Примите, мил. г., увѣреніе и т. д.

Н. Константиновъ.

1869, Іюнь.
Царьградъ.

Бѣженцы - галичане.

I. Бѣженцы.

Страшна война, страшенъ и ея тылъ.

Одно изъ его явленій, полное безконечнаго горя и безнадежной, безпросвѣтной тоски,—это бѣженцы - галичане. Непрерывной волной текли они черезъ былую границу изъ Бродъ на Радзивиловъ, изъ Австріи въ Россію, стекаясь ручьями изъ Самбора, Городка, Каменки, „изъ - пидъ Львіва", „съ Ка́рпатъ", со всѣхъ уголковъ Галиціи. Когда ихъ спрашиваешь: „Куда идете?"—они чаще всего говорятъ: „Не знаемъ... до Россіи", при этомъ показываютъ проходное свидѣтельство, гдѣ сказано: „Дано сіе свидѣтельство спасающемуся отъ германскаго террора для прохожденія въ Россію и обратно".

Шли они вразбродъ, поодиночкѣ и цѣлыми эшелонами, этапами, выселенные цѣлыми деревнями съ пропускомъ на цѣлую партію въ 100 и болѣе семействъ. Нѣкоторыя мѣстности выселеніе застало врасплохъ. Двѣнадцать дней село Михалевичи было подъ обстрѣломъ; одна часть оказалась на австрійской сторонѣ, другая—на русской. Русскіе отступили и увлекли за собой свою часть; ничего и захватить не пришлось.

Обозъ тянется безъ конца, фура за фурой, запряженныя парой лошадей, крытыя толстымъ самодѣльнымъ холстомъ, соломой, дранкой и даже желѣзомъ. „Еще когда погода ничего, а какъ дождь, то всѣ плачемъ", говорила одна старушка. И правда, чѣмъ, чѣмъ только ни набиты эти убогія длинныя „фиры", какъ ихъ здѣсь называютъ; выглядываютъ плотно привязанныя куры, изъ другой—теленокъ, или во всю длину повозки развалилась корова (вообще „худо́ба"—скотъ—страшная тягость для обоза бѣженцевъ: во-первыхъ, быстро утомляется въ ходьбѣ и, во-вторыхъ, нуждается въ пастбищѣ); со всѣхъ сторонъ подвязаны ведра, кадушки, кастрюли и сплошь завалены мѣшками съ припасами, съ мелкимъ домашнимъ скарбомъ и рухлядью, спасенной отъ разгрома и пожара. „Все попале́но, ницъ засталось", слышишь обычное причитаніе. Даже въ самой этой погрузкѣ, какъ-то безпорядочно загромоздившей фуру, такъ что помѣститься негдѣ, чувствуется какое-то отчаяніе,

внезапно захватившая паника: кое-какъ навалена солома, лежитъ нѣсколько бревенъ, старыя колеса. Куда ихъ, зачѣмъ? Только безнадежность, хватающаяся за соломинку, можетъ польститься на такой несчастный скарбъ. Другіе—счастливцы: у нихъ коровы, дѣтямъ молочишко и хоть какое-нибудь пропитаніе; мѣстами гонятъ цѣлыя стада, благо австрійцы еще не забрали и русскіе втридешева не купили. Опытные люди, глядя на нихъ, говорятъ: „Въ Россіи скотъ будетъ дешевъ". Но есть горькія сцены. Старикъ сѣдой, за спиной коробъ или мѣшокъ, въ которомъ сидитъ внученокъ; въ фурманкѣ—старуха, „кобита"—жена сына, уведеннаго австрійцами; въ обѣихъ рукахъ у старика веревки, тянетъ двухъ коровенокъ. Вдругъ сзади звонко завылъ автомобиль. Коровенки заметались, рвутъ несчастнаго старика въ разныя стороны, а мальчикъ въ ужасѣ вцѣпился худенькими ручонками за шею старику. Нельзя забыть такія картины тыла войны.

Обозъ идетъ медленно, съ постоянными задержками и остановками. Взрослые идутъ пѣшкомъ; тамъ одинъ подгоняетъ непокорнаго поросенка, тамъ другой везетъ за собой дѣтскую колясочку. Вотъ идетъ молодица съ симпатичнымъ лицомъ австрійскаго типа. Обмѣниваемся мѣстнымъ жаргономъ: „Видкиль идете?"—„Зъ Перемишля".—„А куда?"—„Къ мужу, до Ро́ссіи".—„А гдѣ же въ Россіи вашъ мужъ?"—„Въ Прикаспійскомъ краѣ: онъ плінный зъ Перемишля".—„Писалъ онъ вамъ?"—„Такъ, карту приславъ, далеко это?"—„Да, далеко".—„Може, встрѣтимся", весело замѣчаетъ молодица.—„Давай Богъ, идите".

А въ самую фурманку лучше и не заглядывать: тамъ копошится такая живность, что жутко становится. Есть повозки съ 9 малыми ребятами, трое-пятеро—заурядное явленіе. Куда они ѣдутъ, на что обречены? На вымираніе. Глядишь, пятигодовалая нянька держитъ въ рукахъ грудного „дитыну", жінкѣ и человіку и мѣста нѣтъ, развѣ гдѣ приткнулись старые да усталые. Впрочемъ, ребятамъ что? Имъ весело, все любопытно въ суматохѣ, все интересно, и они быстро приспособились къ этой кочующей жизни. „Дэвять місяцевъ ницъ школі; усе забулъ", говоритъ мнѣ мальчикъ. „*Отче* знаешь?" Оказывается, еще помнитъ, потому что вечеромъ читаютъ за молитвой, а другой даже знаетъ ее по-латыни.

Молодежь постарше довольна: идетъ до Россіи „на богатьскую жизнь", какъ заявила одна дѣвица; многіе „ужи давно втікали", теперь ихъ догоняютъ или ищутъ братья и сестры. Среди молодежи много бывшихъ плѣнныхъ: это тѣ, что приняли русское подданство въ пору нашего господства въ Галиціи и теперь вынуждены ближе познакомиться съ своимъ новымъ отечествомъ. [1])

---

[1]) Изъ письма плѣннаго австрійца-русина М. М—на. „Я хочу внести прошеніе о принятіи меня въ русское подданство, а только такимъ образомъ меня могутъ осво-

Живописно одѣтая въ бѣлыхъ самодѣльныхъ, съ красною обшивкою, костюмахъ, рослая, крѣпкая, загорѣлая, вся эта молодежь настроена благодушно, охотно идетъ впередъ, не задавая докучныхъ вопросовъ, не прогнали ли наши войска „германа", что слышно съ войны, скоро ли имъ можно будетъ вернуться и проч. Еще, впрочемъ, одно могу сказать про галиційскую молодежь, какъ и вообще про всѣхъ галичанъ: сколько я ни видалъ ихъ, въ толпѣ и въ одиночку, возбужденныхъ, раздраженныхъ, обиженныхъ, въ минуты столкновенія, что говорится, въ сердцахъ, я ни разу не слыхалъ среди нихъ сквернословія. Неужели это позорное русское клеймо мы внесемъ и въ Галицію? А грѣхъ этотъ уже есть. И нужно вообще сознаться: мы на многое съ завистью смотрѣли здѣсь, въ подъяремной Руси.

Но вотъ бесѣдовать съ взрослыми, это—все равно, что вскрывать неотступно больную, кровоточащую рану. Согнанные съ насиженныхъ гнѣздъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ скитающіеся безъ пріюта, люди пожилые, домовитые, съ ограниченнымъ кругозоромъ родныхъ галиційскихъ полей, они просто сбиты съ толку, потеряли голову, лишились элементарной активности. Еще тѣ, что поближе, изъ Бродъ и окрестностей, только что выселяемые, настроены протестующе. „Это не Россія, а холерія", злобно кричитъ какой-то панъ, застрявшій въ непролазной грязи съ фурой какъ разъ на выѣздѣ у пограничнаго столба, знакомясь съ новымъ отечествомъ. Но тѣ, что подальше, не то что обтерпѣлись, а какъ-то притупились въ своихъ чувствахъ; горе ушло внутрь, оставивъ одну апатію и равнодушіе ко всему. Сколько разъ я видѣлъ, какъ плакали старики, вспоминая пережитое. „Вся наша Козювка попалéна. Читыри мѣсяца въ лісу жили, ховались. Вісемьсотъ дворовъ было въ деревни. А якъ удирали австрійцы, то и міста нашего села не було".

Оказывается, все ея протяженіе заняли глубокіе окопы съ ихъ подземной катакомбной жизнью. Поневолѣ отъ одной тоски побѣжишь съ такого пепелища.

Галичанинъ — человѣкъ хозяйственный, любитъ свою худóбу, свои 3—4 морга земли; народъ все деревенскій, прочно осѣдлый, почти не знающій фабрики. И вдругъ все его хозяйственное благополучіе рухнуло, почва изъ-подъ ногъ выскользнула. „Посеялы мы, а війска все втопталы, а що взійшло, німцу достанетъ, якъ мы втіклы", вотъ съ чѣмъ не можетъ помириться галичанинъ,—съ хозяйственной безсмыслицей, которую онъ, какъ коренной хлѣборобъ, собственнымъ горбомъ понимаетъ. И вотъ онъ, набивъ кое-чѣмъ свою фуру, захвативъ нѣсколько запасовъ муки, пшена, сала, а то и безо всего, двинулся nach Russland.

бодить изъ плѣна. Прошеніе это нужно сдѣлать къ его сіятельству Г., можетъ посовѣтовать д-ръ Глушкевичъ" и т. д. И такъ многихъ освобождали.

Еще хорошо, когда они идутъ цѣлымъ селомъ или деревнями, иногда со старостой и даже съ „батюшкой“, который везетъ съ собой и церковь,—все же есть хоть какая-нибудь общественная поддержка или особенно цѣнная въ столкновеніи съ внѣшнимъ міромъ административная опора. Но бѣда одиночкамъ, оторвавшимся отъ своего табора: проѣзжій эшелонъ снимаетъ колесо, если оно у него сломалось, а бѣдняга тащится на трехъ колесахъ; казакъ плетью погонитъ копать окопы; подводу насильно могутъ взять для спѣшныхъ надобностей. Но хуже другая оторванность, о которой то и дѣло слышишь. „Розірвали насъ,—говоритъ старый дѣдъ,—я съ донькой (дочерью) и внучкомъ, въ Россію насъ погнали, а двѣ доньки,—австріяки ихъ мужья,—на австрійской сторонѣ жили, къ себѣ ихъ до Венгріи угнали“. Сейчасъ это—самая драматическая сторона галиційскаго вопроса. Одинъ сынъ въ плѣну у русскихъ, другой—въ австрійскихъ войскахъ; часть семьи эвакуируетъ въ Россію, часть осталась дома, не захотѣла покинуть очага; попробуйте только разобраться въ психологіи такой семьи, а подобныя коллизіи здѣсь на каждомъ шагу. Кровь противъ крови! Учтите еще замкнутость натуры галичанина, его медлительный умъ, жизнь про себя, и вы почувствуете всю горечь проливаемыхъ здѣсь слезъ.

Но эта драма оказывается тоньше и идетъ глубже. Изъ кровныхъ отношеній вопросъ переходитъ въ область національныхъ чувствъ и самоопредѣленія. Кто мы такіе? Кому принадлежимъ? Куда идемъ? Эти вопросы назойливо преслѣдуютъ всѣхъ переселенцевъ. Еще мѣсяца два назадъ такъ все было ясно, и грезилась новая жизнь. А теперь что? Ни русскіе, ни австрійцы. Если русскіе,—зачѣмъ итти съ родной земли, политой кровью и пòтомъ отцовъ и дѣдовъ? Если австрійцы, зачѣмъ итти въ Россію? Мало ли у ней своей бѣдноты; земли всѣ заняты; и русскіе хоть братья, но больше дальніе, давно не видавшіеся родственники, какъ-то еще примутъ? Но и остаться нельзя. „Когда пришли къ намъ впервые казаки,—разсказывала галичанка изъ Городка М. Робъ,—я столъ на улицу вынесла, большой бѣлый хлѣбъ положила, кувшинъ молока поставила, а сама молюсь, говорю: Мать Божія, привела меня видѣть пановъ моихъ злотыхъ; а какъ стояли у меня офицеры, я и кормила ихъ, и стирала имъ, и денегъ брать не хотѣла. А мнѣ и говорятъ сосѣди: „Смотри, Марья, какъ придутъ австрійцы, первую тебя повѣсятъ, какъ у насъ по осени, въ началѣ войны, на каждомъ калитанѣ по русину было повѣшено“. Да вотъ не пришлось, утекаю я“, смѣясь закончила Робъ, а у самой слезы на глазахъ. Да, дѣйствительно, „розірвали“. Цѣлый рядъ причинъ и фактовъ бросилъ несчастныхъ галичанъ, съ самаго XVII в. дремавшихъ тяжелыми сновидѣніями подъ державою Габсбурговъ, въ самый водоворотъ міровыхъ событій, сдѣлавъ ихъ яблокомъ раздора двухъ борющихся государствъ. Быть въ такомъ положеніи—въ

силахъ хорошо сложенному и приспособленному къ жизни организму. Поэтому долгъ всѣхъ русскихъ людей—поддержать тѣхъ, кто сталъ невольными жертвами развернувшихся событій. Терпѣливо и участливо мы должны оказать всю зависящую отъ насъ помощь. Много здѣсь придется проявить и самоотверженія, борясь съ собственною трезвой расчетливостью, съ опасеніями, не накормить бы сытаго. Помощь эта, по силѣ возможности, оказывается, индивидуальная и общественная. Я знаю много случаевъ, когда бѣженцы шли въ Россію съ письменными рекомендаціями, полученными еще отъ русскихъ въ Галиціи, увѣренные и успокоенные, что имъ тамъ, въ Россіи, найдутъ и пріютъ и работу. Но порой эта помощь и участіе носитъ исключительный характеръ. У меня на памяти два эпизода, слышанные отъ ихъ участниковъ. Иду я въ одномъ маленькомъ галиційскомъ городкѣ,—разсказывалъ мнѣ С.,—свертываю въ одну уличку и вижу на углу такую сцену: важно стоитъ еврей и, равнодушно такъ глядя въ сторону, утюжитъ снизу вверхъ бороду, а подлѣ на колѣняхъ въ грязи—дѣло было весною—стоитъ русинъ и то кланяется умоляюще въ ноги, то цѣлуетъ руку еврея, опершуюся на палку. Вы знаете это проклятое здѣшнее выраженіе: „роньку поцѣловать". Я не вытерпѣлъ, бросился на этого еврея (русинъ просилъ его отсрочить долгъ), пригрозилъ повѣсить, если онъ сейчасъ же не откажется отъ требованія. Другой эпизодъ сложнѣе. Одна русинка была замужемъ за русиномъ, отъ него двое дѣтей, мужъ умираетъ. Она выходитъ замужъ за австрійца, тоже двое дѣтей; и вдругъ—война. Нагрянули русскіе; австрійцы, боясь предательства русинки, связали ее и бросили въ погребъ, гдѣ она пролежала три дня, была спасена казаками, рыскавшими за спиртными напитками. Мужъ зналъ про это и ничего не сдѣлалъ, застращенный сосѣдями. Вдругъ прошелъ слухъ: русскіе отступаютъ. Въ селеніи началась паника переселенія въ Россію. Несчастная женщина, помня австрійскія муки, ни за что не захотѣла остаться въ Австріи, пытается убѣдить и мужа ѣхать съ нею. Начинаются семейныя сцены. Жена требуетъ раздѣлить имущество, главнымъ образомъ—скотъ. Мужъ не хочетъ. Ночью, во время одной изъ ссоръ, мужъ бросился съ топоромъ на жену; та въ ужасѣ прибѣжала за защитой къ русскимъ, квартировавшимъ вблизи. Тѣ, зная давно всѣ подробности ея исторіи, энергично вступились, и весь скотъ остался за нею. Теперь она ѣдетъ въ Россію богачкой, довольная своимъ освобожденіемъ.

II. На питательномъ пунктѣ.

Питательный пунктъ, это—общее названіе; на практикѣ общественная помощь бѣженцамъ имѣетъ разнообразныя формы, начиная отъ простой раздачи кипятка и чайной и кончая правильно организованной

столовой. Въ среднемъ, можно сказать, роль питательныхъ пунктовъ именно вспомогательная: они не столько кормятъ, сколько подкармливаютъ, смягчая остроту создавшагося тягостнаго положенiе бѣженцевъ.

Какъ только выселенiе галичанъ началось, всероссiйекiй земскiй союзъ не замедлилъ откликнуться своею помощью, организуя эти пункты. По пути слѣдованiя бѣженцевъ они открывались то чаще, то рѣже, смотря по надобности, отъ Бродъ чрезъ Радзивиловъ и Дубно до Ровно и далѣе. Орда бѣженцевъ, отваливъ отъ одного этапа, приставала къ другому; пристанетъ и застрянетъ впредь до появленiя стражниковъ.

Устройство пункта просто: гдѣ-нибудь на бойкомъ мѣстѣ, гдѣ проходитъ много народа или дѣлаются привалы (у колодца, у лѣса, у пастбища), ставятся кипятильники и котлы, созидаются примитивныя сооруженiя, не боящiяся никакой эвакуацiи, запасается провiантъ, и пунктъ готовъ. Завѣдующiе—студенты или сестра; ближайшiе рабочiе—солдатъ изъ слабосильной команды или кто-нибудь изъ бѣженцевъ.

Мнѣ пришлось устраивать три пункта: два у въѣзда въ городъ и одинъ въ 3-хъ верстахъ отъ города. Это было наиболѣе цѣлесообразно. Усталыхъ путниковъ, подъѣзжавшихъ къ городу и естественно обезпокоенныхъ мыслью хоть о чьемъ-либо участiи, сразу же привлекали привѣтливо дымящiй кипятильникъ, вывѣска всероссiйскаго земскаго союза, длинная вереница очереди и толпящiеся съ кружками и хлѣбомъ люди.

Передъ моимъ взоромъ прошли два типа пунктовъ. Первый, въ началѣ переселенческаго сезона, носилъ отпечатокъ чего-то текучаго, неустойчиваго, постоянно обновляющагося. Едва напоишь и накормишь одну партiю, глядь—съ пригорка, со всѣхъ сторонъ снова собираются къ намъ гости-мужчины въ бѣломъ, женщины въ красномъ. Первый, напримѣръ, день 12 iюня, когда пунктъ открылся, зарегистрировано 1,200 отпущенныхъ порцiй чаю и хлѣба, во-второй—1,380, въ-третiй—1,100. Затѣмъ цифра колебалась отъ 400—900, пока она не сошла на цифру 150, и пунктъ былъ закрытъ, просуществовавъ двѣ недѣли. Настроенiе у всѣхъ приподнятое. Всѣ спѣшатъ скорѣе получить свое и далѣе, всѣ крайне нетребовательны на угощенiе и чрезвычайно податливы на разговоръ, на жалобы, на гаданiе о своей судьбѣ. Здѣсь только и работа—наивозможно скорѣе удовлетворить необходимымъ—чаемъ и хлѣбомъ. На широкомъ лугу, среди молодыхъ сосенокъ усаживаемъ прибывшихъ партiями, для удобства счета; угостятся гости „солодкой гербатой“ (сладкимъ чаемъ), погрызутъ сухарей и еще съ собою въ фуру возьмутъ. (Сухари привезли изъ Россiи, до 7 т. пудовъ.) Эти долго не стоятъ—день, два; отдохнетъ скотъ, и волна откатываетъ далѣе, очищая мѣсто другимъ. Положенiе вначалѣ вообще было непрочное. Отступленiе все продолжалось, никто не зналъ, что̀ принесетъ нынѣшнiй ве-

черъ или завтрашнее утро. Задерживаться было нельзя; нервность увеличивалась; требовалась быстрая эвакуація; Броды пустѣли съ каждымъ днемъ. Волны бѣженцевъ стали спадать по мѣрѣ приближенія позиціи, да еще стражники энергично ускоряли это галиційское переселеніе народовъ. Все это дѣлало пунктъ неустойчивымъ, временнымъ; уже слышны были дальніе выстрѣлы; жизнь поневолѣ складывалось по-походному.

Но и среди этой смѣняющейся толпы галичанъ невольно бросалось въ глаза нѣкоторое своеобразіе ихъ психическаго уклада. Это чувство какой-то приниженности, вошедшее въ самую природу галичанина, не робости и слабости, а какого-то безличія, отсутствіе того самоутверждающаго *я*, которое бы дѣлало его хозяиномъ своей земли. Галичанинъ молчаливъ, раздумчивъ, какъ бы покоренъ сложившейся участи; но въ личныхъ отношеніяхъ въ немъ нѣтъ ничего рабскаго, несмотря на распространенное здѣсь „цѣлованіе руки“ и несмотря на то, что слово „панъскій“ чередуется у него черезъ каждыя пять словъ. Въ трудныхъ обстоятельствахъ онъ горюетъ, но не протестуетъ. Взять хоть бы молодежь; ее всего больше приходилось видѣть здѣсь. Въ ней нѣтъ и тѣни того безшабашнаго разгула, ухарства и отчасти озорства, чѣмъ отличается наша великорусская деревенская молодежь. У насъ хоть руганью сорвутъ сердце. Здѣсь же пассивность, тупой взглядъ исподлобья, заставляющій вспоминать названія „быдло“ и „подъяремная Русь“, и полное отсутствіе любопытства ко всему. А вѣдь большинство галичанъ грамотные, многіе знаютъ нѣмецкій, польскій, еврейскій языки, и политически они сознательнѣе и развитѣе нашихъ крестьянъ. Но вся эта образованность и развитость положительно ни въ чемъ не проявляется. Общая пассивность понизила воспріимчивость къ жизни. Сколько, напр., усилій требовалось всякій разъ, чтобы выстроить всѣхъ въ рядъ; ужъ, кажется, вещь самоочевидная—стать № 2 за 1-мъ, 50-му за 49-мъ, и все-таки приходится переставить не одинъ разъ, чтобы получить правильную очередь. Устроили прачечную съ даровой раздачей мыла, и каждой бабѣ нужно было показать ее, чтобы убѣдить въ ея полезности. Меня также интересовалъ вопросъ, какъ наши гости реагируютъ на наше угощеніе. Проводивъ нѣсколько тысячъ, я, несмотря на всѣ разговоры, ни отъ одного не слыхалъ вопроса: кто же это всѣхъ такъ даромъ поитъ и кормитъ, заботится о разныхъ нуждахъ бѣженцевъ? Иногда, шутя, я пробовалъ муштровать ребятъ: обращая ихъ вниманіе на груды хлѣба, который быстро расходился по рукамъ, на мѣшки съ сухарями, тутъ же опорожнивавшіеся, я спрашивалъ ихъ: откуда все это, вѣдь съ неба не упало и изъ земли не выросло?—Вывѣска „Всероссійскій земскій союзъ“ была для нихъ пустымъ звукомъ. И я не только не получалъ сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта, кромѣ развѣ подсказокъ старшихъ: „отъ отца Николая“ (Государя Императора), „отъ

солдатъ", но никто не полюбопытствовалъ и разспросить меня объ этомъ; а между тѣмъ нѣкоторыя деревни и села кормились у насъ цѣлыя недѣли. Въ этомъ сказалась неподвижность мысли галичанина. Еще бросалось въ глаза, что они никогда (за ничтожными исключеніями) не благодарили. Приходятъ, сидятъ, угощаются, берутъ на домъ и уходятъ, изрѣдка протестуя лишь, что мало дали. Конечно, тутъ дѣло не въ благодарности. Въ данномъ случаѣ она могла бы быть выраженіемъ извѣстной сознательности, какъ своего рода реакція на переживаемый фактъ. Врядъ ли это происходило отъ увѣренности, что въ Россіи ихъ будутъ поить и кормить за отобранный солдатами скотъ, когда за корову платили 12 р., а за двухгодовалаго теленка 6 р., а то и даромъ брали. Правда, въ одномъ проходномъ свидѣтельствѣ, данномъ на 862 человѣка, я видѣлъ приказъ давать по 10 коп. въ день на ребенка и по 20 коп. на взрослаго человѣка, но кто долженъ былъ давать и какъ эти деньги получить,—не сказано; да и сами бѣженцы въ возможность этого плохо вѣрили. Просто факты не доходили до сознанія и не вызывали соотвѣтствующихъ чувствъ. У насъ, въ Россіи, давно бы создались легенды, сыпались всевозможныя обвиненія; здѣсь же—полное равнодушіе ко всему; это общее впечатлѣніе со всѣхъ пунктовъ.

Другого типа былъ питательный пунктъ въ с. Смольно, близъ г. Бродъ. По самымъ военнымъ обстоятельствамъ онъ получилъ иной характеръ. Острота момента прошла; окончательная эвакуація все откладывалась. Свернувъ съ большой дороги въ проселокъ, подальше отъ глазъ начальства, бѣженцы могли здѣсь спокойно устроиться. Образовалась цѣлая стоянка наподобіе стоянокъ каменнаго вѣка. Здѣсь и основался нашъ пунктъ, обслуживавшій бѣженцевъ нѣсколькихъ деревень: Каменка, Струмиловскаго у., Рипнева, Горпины, Михалевичъ, Вострова, Обяни. Къ нимъ подошли бѣженцы съ Глинянъ, съ Карпатъ, съ Городка и небольшими группами съ другихъ мѣстечекъ. Эти пришли организованные, дружной массой, со старостой, со спеціальнымъ пропускомъ, пришли и осѣли прочно, не обнаруживая особеннаго желанія итти въ Россію. Поблизости на панскомъ фольваркѣ можно было косить овесъ и доставать дрова (былъ приказъ по нашимъ войскамъ все уничтожать), подъ рукою была рѣчка, въ 3-хъ верстахъ городъ; можно, значитъ, спокойно дожидаться изгнанія „германа". И нашъ пунктъ организовался прочнѣе. Сначала открыли чайную: раздавали чай, сухари или хлѣбъ; черезъ день цифра бѣженцевъ поднялась до 1,200 душъ.

Самый главный вопросъ у насъ на пунктѣ, какъ и на всѣхъ другихъ питательныхъ, былъ одинъ: такъ удовлетворить всѣхъ нуждающихся, чтобы не было ни недовольства, ни злоупотребленій съ получаемымъ. Послѣ нѣкоторыхъ опытовъ перешли на раздачу по семействамъ, сохранивъ старостъ, по именнымъ билетамъ съ обозначеніемъ числа душъ

въ семействѣ. Сразу же появился остатокъ; главное же—налаживался порядокъ, весьма цѣнный, когда приходилось удовлетворять нужду нѣсколькихъ сотъ просителей. При этомъ очень своеобразно выразились характерныя черты отдѣльныхъ деревень. Вотъ 29—по-нашему—мужиковъ „съ Горпины"; у нихъ 10 фуръ, идутъ безъ семействъ. Въ грубыхъ долгополыхъ костюмахъ, нескладные, обросшіе, все — богатыри ростомъ, угрюмые и молчаливые, они и въ повадкахъ и въ рѣчи проявляли себя какими-то простаками, Бога нашего дурнями. Въ общій рядъ ни за что не хотѣли вставать; достанется,—ладно, не достанется,—грустно улыбнутся и уйдутъ. Нужно было самому заботиться о горпинцахъ. Другая деревня, Михалевичи, сразу же выдѣлилась своею порядочностью: держались они всегда въ сторонѣ, дружно, своей деревней (особенно симпатично было отношеніе молодежи другъ къ другу); подходили за чаемъ и обѣдомъ всегда чинно, выдержанно, словно имъ кто наставленіе читалъ, какъ держать себя; не было ни одного случая, чтобы заподозрить кого изъ Михалевичей въ двойной получкѣ... Совсѣмъ другое рипневцы; ихъ было 130 семействъ, и всѣ какъ на подборъ: ловкіе, пронырливые, всѣ норовятъ получить раньше; у котловъ затѣютъ споръ изъ-за очереди; придутъ за супомъ и братъ и сестра и матка; всегда среди нихъ шумъ, безпорядокъ; съ ними всего больше приходилось возиться.

Такъ мирно день за днемъ текла жизнь; бѣженцы привыкали къ намъ, мы знакомились съ ними, пока, наконецъ, не разразилась катастрофа. Вступительнымъ эпизодомъ къ ней было одно бурное столкновеніе мѣстныхъ жителей съ пришельцами, въ которомъ мнѣ пришлось играть роль мирового посредника. Дѣло все въ томъ, что главная масса бѣженцевъ стояла на окраинѣ села, и разныя столкновенія съ мѣстнымъ населеніемъ были неизбѣжны. Началось съ того, что староста с. Смольно обратился ко мнѣ съ жалобой на причиняемые имъ бѣженцами убытки, что они пасутъ на ихъ лугахъ скотъ, топчутъ поля съ хлѣбомъ, выламываютъ заборы на дрова и пр. и пр.

Начались пререканія между обѣими сторонами, получившія рѣзкій характеръ. Собралась толпа: бабы, старики и ребята. Каждая сторона отстаивала свое: у смольнинцевъ накопилось достаточно обидъ, для пришлыхъ онѣ казались пустяками. „Къ намъ солдаты приходили—ничего не сдѣлали. Казаки были, особенно подчеркиваетъ, жалуясь, староста, ницъ тронули, соломинки не взяли, — говоритъ онъ, поднимая для убѣжденія съ земли соломинку,—все зло отъ васъ: вы намъ всю шкоду зробили". Но рипневскій староста равнодушно, съ ехидствомъ бросаетъ имъ: „Чего бережете, для германа бережете!" Это вызываетъ взрывъ: голоситъ баба, жалуется на выдернутую бѣженкою фасоль, „худобѣ давала",—особенно возмущается она; мужикъ кричитъ: овесъ у него ско-

сили сегодня. Тутъ выступаетъ одинъ изъ бѣженцевъ и въ горячей рѣчи горько жалуется на свою несчастную судьбу. „На что вы жалуетесь?—страстно упрекаетъ онъ смольнинцевъ. Мы уже глаза выплакали, а у васъ еще и слезъ не было; у васъ плетни сожгли на дрова,—у насъ всѣ хаты попалены; у васъ траву побрали,—мы всей скотины лишились; дѣтямъ нѣтъ молока. Я, что дали мнѣ здѣсь чаю и сухарей, то и съѣлъ сегодня—куска больше не было, а вы плачетесь на обиды". Правдивая сильная рѣчь смягчаетъ обывательскій эгоизмъ. Пользуясь моментомъ, выступаю въ качествѣ примирителя: однихъ призываю къ жалости и снисходительности, другихъ убѣждаю не злоупотреблять гостепріимствомъ; въ то же время обѣ стороны убѣждаю, черезъ своихъ представителей-старостъ, стараться находить примиреніе противорѣчій, дѣйствуя въ духѣ соглашенія, а не раздора и вражды. Столкновеніе на этотъ разъ было улажено мирно. Нѣсколько дней прошло спокойно. Вдругъ вечеромъ обрушилась бѣда: появились стражники и, не слушая просьбъ и не допуская промедленія, потребовали, чтобы галичане въ ту же ночь выбирались въ Россію. Какую ночь и слѣдующій день провели несчастные бѣженцы, трудно себѣ представить! Голодные сами, безъ корма для скота, измученные неожиданнымъ изгнаніемъ, отбившіеся ночью отъ своихъ, они были крайне безпомощны и на колѣняхъ молили о заступничествѣ.

Но сдѣлать было ничего нельзя, такъ какъ выселеніе произошло по жалобѣ жителей на причиняемые бѣженцами убытки, а съ 28 іюля приказано за каждую порчу посѣвовъ строго карать, вплоть до вѣшанья. Уже стражники сжалились, шепнувъ, чтобы бѣженцы прятались въ ближайшемъ лѣсу, лишь бы въ с. Смольно ихъ не было. Такъ нашъ пунктъ въ с. Смольно и закрылся.

III. Настроенія галичанъ.

Галиційскій вопросъ въ отношеніи галичанъ-бѣженцевъ изъ области политической переносится теперь въ область моральную, и вся сила его не въ программахъ и лозунгахъ, а въ жалости и состраданіи.

Какъ это могло случиться, что населеніе такой большой области, какъ Галиція, имѣя многовѣковую, со многими славными страницами, исторію, принадлежа коронѣ цивилизованнаго государства, со всеобщимъ избирательнымъ правомъ, дошло до такого обнищанія и духовнаго упадка, до бѣгства съ своей земли и вражды къ оставшимся родичамъ? Галичане-бѣженцы, это—проклятіе и позоръ австрійской политики, созидавшей свое существованіе на костяхъ слабѣйшаго.

Въ корняхъ галиційскаго движенія скрыты отголоски давней, еще не забытой и не изжитой старины. Бурная эпоха народныхъ волненій

XVI и XVII в. въ Украйнѣ протягиваетъ свои нити до нашихъ дней. Какъ тогда, такъ и теперь русскій крестьянинъ-быдло заявилъ свои права на національное самоопредѣленіе. Оно инстинктивно и традиціонно: онъ хочетъ быть русскимъ. Дѣйствительно, современный галичанинъ по крови своихъ предковъ, по языку, образу жизни и работѣ остался все тѣмъ же „быдломъ"-невольникомъ, съ тѣмъ же инстинктивнымъ чувствомъ своего національнаго *я*, какъ и два-три вѣка назадъ, только безъ тѣхъ средствъ, какими боролись ихъ прадѣды. Тѣ подымали возстанія, устраивали гайдамацкіе загоны; эти бѣгутъ въ Россію. Вотъ эту связь со стариной, органическую потребность неудовлетвореннаго національнаго самосознанія нужно прежде всего учитывать, чтобы понять бѣженца, поднявшагося во имя смутнаго идеала родной русской земли. „Вы кто?—спрашиваешь—Русинъ?"—„Нѣтъ, я—русскій", отвѣчаетъ иногда галичанинъ, даже не затронутый обрусительной политикой послѣднихъ мѣсяцевъ. Это какая-то затаенная мечта, завѣтная дума чувствовать себя русскимъ, не украинцемъ, а просто русскимъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ есть много всякихъ поводовъ бѣжать въ Россію, вплоть до прямого принужденія, но въ каждомъ есть и этотъ мотивъ—увлеченіе мечтой, идеализаціей „Руси", „русскій". Эта мечта, разъ прорвавшись, стала виной передъ австрійскимъ правительствомъ. И вотъ они бѣгутъ, воплощая эту свою мечту въ реальной Россіи, не желая думать, что, можетъ быть, не разъ и не два придется имъ разочаровываться въ своемъ самообольщеніи. Но пока что, мечта остается мечтой и свѣтитъ путеводнымъ маякомъ.

„Былъ у насъ въ Галичинѣ,—разсказывала одна бѣженка,—дуже богатый, давно уже онъ вмеръ: говаривалъ онъ дѣтямъ: „Придетъ когда съ Руси царь, будетъ тогда въ Галичинѣ рай, всѣ идите къ нему", а теперь сынъ его съ нами идетъ; 40 морговъ земли имѣлъ, домъ оставилъ, а сегодня ночью у него послѣднюю корову вкрали"...

Въ послѣднее время сильно было въ Галиціи бѣгство въ Америку. Среди бѣженцевъ нерѣдко можно встрѣтить такихъ американцевъ, тамъ дѣлавшихъ выгодныя дѣла, а здѣсь вынужденныхъ чуть не нищенствовать. И въ самомъ дѣлѣ, измѣнились ли въ существѣ ихъ соціальныя и экономическія отношенія, которыя въ былыя времена вызывали столько волненій? Нисколько. Они лишь ушли въ глубь жизни и стали не только хроническимъ, но какъ бы органическимъ явленіемъ, потерявъ остроту злободневности. Въ жизни галичанъ попрежнему царитъ и экономическая зависимость отъ евреевъ, и культурная отъ поляковъ. Этотъ замкнутый кругъ бываетъ иногда очень тягостнымъ, такъ какъ австрійцы прибрали ключъ отъ выхода изъ него. „Голова у насъ своя, а волосы панскіе", подсмѣивается ядовито хохолъ надъ собою, но еще точнѣе рисуетъ положеніе дѣла другая ходячая фраза: „Земля

наша, имѣнія еврейскія, а воздухъ польскій". И правда, когда видишь всюду роскошные фольварки, имѣнія, пространствомъ въ цѣлый нашъ уѣздъ, не удивительно, что галичанинъ остается съ 2—4 моргами. Случается, земля въ 3—4 рукахъ: владѣлецъ сдалъ ее маклеру, тотъ—арендатору, послѣдній, разбивши на участки,—хлѣборобамъ, которые всѣмъ должны дать прибавочную стоимость. Что касается „панства", то оно сохраняетъ здѣсь свою живучесть. Оно стало какъ бы символомъ, идеаломъ быта, своего рода золотымъ вѣкомъ прошлаго; недаромъ про него сложились легенды.

„Наши паны вотъ и просятъ Франца: „Возврати намъ панство!" Онъ и говоритъ: „Срѣжьте дубъ, посадите корнемъ вверхъ, какъ будутъ побѣги, такъ и будетъ вамъ панство; они и садятъ, въ каждомъ помѣстьѣ есть,—разсказывалъ мнѣ одинъ молодой галичанинъ.—Или вотъ, видѣли въ Львовѣ гору, Францъ сказалъ панамъ: Когда насыплете гору въ 500 саженъ, безъ каменьевъ, тогда и возвращу панство"; и теперь каждый годъ 15 мая всѣ паны на тачкахъ везутъ землю въ гору, скоро насыплютъ..."

Уйдя отъ политики въ бытъ, польская жизнь придала особую сочность и живучесть панской культурѣ. Понятно, какъ трудно русину съ его первобытностью отстаивать среди нея свою самостоятельность. Его спасаютъ лишь инстинкты и традиціи. Воздухъ въ Галиціи, дѣйствительно, польскій, особенно въ городахъ. Въ Львовѣ, напримѣръ, въ центрѣ города преобладающая рѣчь польская, на окраинахъ — русинская.

Но замѣчательно, во всѣхъ разговорахъ лично къ панамъ не чувствуется вражды. Для галичанина панство—какъ бы застарѣлая болѣзнь. У насъ, въ Россіи, больше ненавидятъ барина, въ то время какъ наше панство—крѣпостное право—давно забыто; здѣсь же оно—атмосфера, которой пропитано все. „Обманили насъ всѣ,—жаловался мнѣ одинъ бѣженецъ,—какъ отецъ Франца давалъ намъ волю, приказалъ отписывать себѣ въ три года землю, сколько хочешь. Пріѣхали чиновники и говорятъ: „Больше земли возьмете,—податку больше будетъ"; а мы думали: нехай паны платятъ! Пріѣхала черезъ 3 года комиссія, какъ утвердила раздѣлъ, вся земля оказалась панская".

Такъ и во всемъ: близорукая глупость, забитость простака, всюду обманутаго и всюду боящагося козней и подвоховъ... Пусть подобные факты фантастичны, но самое объясненіе ими жизни характерно—„ихъ обманили", вся жизнь ихъ притѣсняетъ!...

Впрочемъ, въ панствѣ и еврействѣ больше чувствуются давнія, историческія обиды, раны отъ которыхъ не зажили. Гораздо острѣе боль кровной вражды между своими, происходящая сейчасъ. Вражда эта пустила въ Галиціи глубокіе корни, захватила каждое селеніе и дере-

вушку, проникла въ семью и школу. „Почему вы здѣсь остановились?“ наприм., спрашиваю я у бѣженцевъ, покинувшихъ с. Смольно. „Эта деревня русская, православная,—отвѣчаютъ,—а та мазепинская, изъ той насъ прогнали“. (Сами бѣженцы объясняли свое изгнаніе политической враждой.) Стоитъ послушать разговоры на эту тему. Пусть часто толки наивно-нелѣпы и имѣютъ видъ доморощенной политики, даже не изъ газетъ. Любопытно, какъ эта „политика“ преломляется въ сознаніи галичанина. Мазепинцы-украинцы, по ихъ разсужденіямъ, опираясь на Польшу, стремятся образовать „самостійное“ государство. [1])

Они помогутъ Польшѣ объединиться, зато они получатъ объединенную Украину съ гетманствомъ, кіевскимъ и львовскимъ университетами. Это вызвало оппозицію—русское движеніе. Началась борьба. Украинцы стали устраивать общества подъ именемъ „Просвіта“; молодежъ въ „Просвітѣ“ организовывалась въ „січи“,—съ увлеченіемъ разсказывалъ одинъ молодой политикъ,—всѣ січевики пошли добровольцами за австрійцевъ. Русскіе стали открывать „читалны“ имени Качковскаго, молодежь объединялась въ „віча“. Січевиковъ было меньше нашихъ, но нашихъ преслѣдовало правительство.

Съ чего же началась вся эта рознь?—интересовался я, и получалъ не разъ отвѣтъ, въ общемъ довольно курьезный.

„Съ Семибратевича. Былъ такой кардиналъ, все за поляковъ стоялъ, онъ четыре буквы выкинулъ. Съ этого все и пошло“.—„Какъ такъ?“, удивляюсь я. „Такъ, чтобы украинская азбука не была похожа на русскую, онъ выкинулъ буквы: ъ, ѣ = і, ô, ы = е, съ этого все и началось, а мы не захотѣли“. Коварныя буквы,—невольно пришло въ го-

---

[1]) Привожу двѣ пѣсни украинскихъ новобранцевъ передъ войной въ іюлѣ прошлаго года.

Не пора, не пора,
Москалеві, лякаві служити,
Но пора Украини быти.
Шли діды на муки,
Пойдутъ и правнуки
За народъ життя свое домоу...
Тіло, душу мы положимъ
За свою свободу,
Мы покажемъ, ще мы братья
Козацкаго роду.

Сотая поляже,
Тысячъ повстане!
Станутъ до борьбы...
За тую причину,
Мати Украину,
Проліемъ кровь
И житье свое...

лову. Въ Россіи изъ-за нихъ льются младенческія слезы, и безнадежно силятся ихъ уничтожить; въ Галиціи въ защиту ихъ поднялась братоубійственная вражда... Вражда проникла и въ школу. За всякую „закордонную“ книжку великорусской печати выгоняли, какъ у насъ за подпольную. За портретъ Гоголя сажали въ карцеръ. Одинъ гимназистъ Г. Чемерисъ въ бурсѣ вздумалъ разучивать съ товарищами великорусскія пѣсни,—изгнали. „У насъ въ Самборѣ,—разсказывалъ бѣженецъ, гимназистъ 6 класса II. Подаба,—въ гимназіи въ V классѣ было 5 мазепинцевъ и 12 русскихъ. Мазепинцевъ было меньше, но сила была у нихъ, такъ какъ имъ покровительствовало начальство. Они верховодили, имъ все спускалось“. А въ с. Дметри, близъ Щерца, былъ такой случай. „У насъ 360 учениковъ, и нѣтъ ни одного мазепинца. Устроили мы школу въ три класса. Захотѣли четвертый. Повітъ постановилъ сдѣлать четвертый классъ нѣмецкій. Только мы не захотѣли: знищили (уничтожили) четвертый классъ, такъ и остались при трехъ“... Австрійскія власти усиленно поддерживали это движеніе. Политика ихъ—жить на счетъ слабѣйшаго, использовать славянство, какъ „удобрительный тукъ“, по словамъ Моммзена, для развитія нѣмецкаго духа, ни въ чемъ такъ не сказалось, какъ здѣсь. Въ братоубійственной враждѣ тайно лелѣялась мысль уничтожить все русское въ Галичинѣ. Зато, какъ началась война, всѣ карты перемѣнились: началось открытое преслѣдованіе и русинъ, и русскихъ. Въ г. Львовѣ въ началѣ войны въ почтамтѣ висѣло объявленіе: „Будетъ выдано 600 кронъ за поимку русскаго шпіона“. Темные люди сумѣли нажиться на этомъ объявленіи, причемъ 600 кронъ имъ платили за интеллигентнаго человѣка, а за простого—только 300. Центральныя власти, забывъ всѣ свои конституціонныя обѣщанія и клятвы, сразу же открыли свою нѣмецкую политику. Начались преслѣдованія, аресты, разстрѣлы. Есть трогательные на этотъ счетъ разсказы. „Ксендза нашего забрали,—разсказывала бѣженка изъ Городка,—рученьки ему связалы, вели, якъ Христа. Люди въ него каменьями бросалы; одинъ камень попалъ въ голову, кровь потікла по лицу. А винъ такъ рученьки, якъ могъ, зложивъ, каже: Панъ Бігъ вамъ заплатытъ“. „А къ намъ вотъ недавно, передъ тѣмъ какъ утекать, пришелъ нѣмецъ-солдатъ съ своей стороны,—разсказываетъ другая,—я у порога стою, въ хатѣ; вошелъ онъ, ружье на глазахъ зарядилъ, такъ щелкнулъ, у порога поставилъ и говоритъ: „Geben Sie mir Bier!“—Ich habe nicht“, говорю. „Schnaps!...“ Водки было немного, дала. Выпилъ, повеселѣлъ. „Du bist Russin?“—Nein, polnische. Совсѣмъ сталъ веселый. А скажи ему Russin, тутъ бы и конецъ мнѣ“. И такихъ случаевъ, когда и украинцамъ, и русскимъ приходилось прикрываться нѣмецкимъ или польскимъ именемъ, было много, благо знаніе языковъ помогало.

Теперь вся Галичина разорена; интеллигенція украинская уведена

въ Австрію, русская сидитъ по тюрьмамъ или казнена, а голытьба бѣженцевъ кочуетъ въ Россію и изъ Россіи, едва влача свое существованіе.

Замѣчательно еще, что во всемъ этомъ движеніи очень слабую роль играетъ религіозный вопросъ. Въ большинствѣ бѣженцы называютъ и считаютъ себя православными, особенно тѣ, которыхъ коснулась религіозно-обрусительная политика послѣднихъ мѣсяцевъ. Но когда я перелистывалъ ихъ молитвенники, то находилъ и Filioque, и упоминаніе въ церковныхъ молитвахъ папы, и молитвы на непорочное зачатіе Богоматери. Впрочемъ, до войны и рѣчи не могло быть о православіи, такъ какъ австрійцы за него преслѣдовали. Поэтому многіе совершенно недоумѣвали и не понимали, когда ихъ спрашивали объ уніатствѣ. Они уніатство считали за православіе въ противоположность католицизму... Вообще простонародная масса, бѣженцы, въ различія и тонкости уніатства и русскаго православія не входятъ. Попавшіе въ Россію, люди съ открытымъ сердцемъ до всего русскаго, безъ понужденій и бореній совѣсти станутъ православными въ первомъ же поколѣніи. Для интеллигентовъ же уніатство—символъ національной самобытности, и они за него будутъ стоять всѣми силами души.

Какъ сложится будущая жизнь Галичины, русской или австрійской,—трудно предсказать. Во всякомъ случаѣ, желательно всячески облегчить судьбу бѣженцевъ и вообще галичанъ. Это облегченіе, опять повторяю, пусть совершиться не во имя политики, а во имя справедливости и состраданія.

А. М. Смирновъ-Кутаческій.

Галиція.
Г. Броды. 9 іюля 1915 г.

† Л. И. Лутугинъ.

Среди нашихъ легальныхъ радикаловъ скончавшійся въ концѣ августа Л. И. Лутугинъ былъ, пожалуй, самымъ виднымъ человѣкомъ, самымъ значительнымъ изъ всѣхъ кандидатовъ, которыхъ на выборахъ въ Петроградѣ „лѣвый блокъ“ могъ противоставить П. Н. Милюкову.

Странно поэтому, что безвременная смерть его вызвала относительно мало откликовъ. Конечно, огромную роль тутъ играетъ война. На ея фонѣ чуть замѣтны эти исчезновенія отдѣльныхъ человѣческихъ точекъ. Но есть, вѣроятно, и другія причины. Прежде всего не только дѣятельность, но и процессъ духовнаго развитія Л. И. Лутугина, мало извѣстны. Знаютъ, что онъ былъ профессоромъ горнаго института, отстаивалъ права студентовъ во время „коноваловской исторіи“, игралъ большую роль въ „союзѣ инженеровъ“ и въ проведеніи великой октябрьской забастовки 1905 года... Болѣе или менѣе извѣстны его публичныя выступленія на митингахъ. Члены Вольнаго Экономическаго Общества знаютъ, сколько силъ отдалъ онъ этому старѣйшему русскому ученому обществу.

Въ лицѣ Л. И. Лутугина лѣвыя партіи потеряли хорошаго оратора. Въ голосѣ его не было особенной красоты и рѣчь его не сверкала яркими образами или глубокими мыслями. Но онъ владѣлъ даромъ сарказма и умѣніемъ говорить просто, словами, понятными для массы. Человѣкъ большого ума, онъ, несомнѣнно, былъ выше, тоньше и разнообразнѣе, чѣмъ можно было бы судить по ясной простотѣ его рѣчей, обращенныхъ къ городской демократіи. Этимъ, возможно, объясняется, что Л. И. Лутугинъ до самаго конца дней своихъ оставался просто „лѣвымъ“, неопредѣленно лѣвымъ. Онъ, очевидно, не могъ всецѣло умѣститься на Прокрустовомъ ложѣ чистой соціалъ-демократической или соціалъ-революціонной программы.

Изъ замѣтки А. Бороздина, напечатанной въ *Днѣ*, видно, что въ дни своей юности Л. И. Лутугинъ былъ... славянофиломъ. Это, вѣроятно, удивитъ многихъ поклонниковъ покойнаго и покажется имъ неожи-

данным. Но меня, напримѣръ, это нисколько не поразило. Думаю, что если друзья Л. И. Лутугина опубликуютъ безъ всякой тенденціозности матеріалы о жизни и духовномъ развитіи покойнаго, то въ этомъ наслѣдствѣ окажется не мало сюрпризовъ.

Приглядываясь къ личности Л. И. Лутугина, я не разъ отмѣчалъ черты, говорившія мнѣ о томъ, что его развитіе шло не обычнымъ шаблонно-книжнымъ путемъ, что въ его протестѣ, въ его „революціонизмѣ“ были подлинныя органическія настроенія, рожденныя серьезнымъ опытомъ жизни.

Скончался Л. И. Лутугинъ въ Сибири, гдѣ онъ работалъ на изысканіяхъ. Въ одномъ изъ своихъ предсмертныхъ писемъ къ Л. Д. Иванову онъ писалъ: „Надо истуканомъ быть, чтобы въ такое время какими-то никому сейчасъ ненужными пластами интересоваться да стволами, да вѣточками. Упокойникомъ надо быть, чтобы этимъ интересоваться... И такая тягость, такая тягость на сердцѣ отъ всего отъ этого. Всетаки тамъ у васъ, среди людей, въ сутолокѣ все понятнѣе и легче“...

Чрезвычайно характерныя слова для всего того типа людей, яркимъ представителемъ котораго былъ Л. И. Лутугинъ. По заявленіямъ спеціалистовъ, онъ былъ однимъ изъ способнѣйшихъ инженеровъ. Пласты, стволы да вѣточки именно теперь, когда Домбровскій районъ у насъ отобранъ, а уголь такъ нуженъ, для Россіи чрезвычайно важны. Казалось бы, человѣкъ занятъ серьезной работой огромнаго для страны значенія, а ему, проникнутому подлиннымъ гражданскимъ одушевленіемъ, кажется, что въ „сутолокѣ все понятнѣе“... Тутъ нелѣпая русская жизнь сказывается, ея вліяніе, превратившее нашу общественную дѣятельность въ „сутолоку“, подчасъ совершенно безплодную...

По своей широкой и талантливой натурѣ Л. И. Лутугинъ, несомнѣнно, могъ быть однимъ изъ вождей народной массы, „демагогомъ“ не въ худомъ значеніи этого слова. Но жизнь толкнула его въ иныя области, поставила на другія позиціи, гдѣ и его силы не могли получить полнаго, настоящаго развитія да и само дѣло пріобрѣтало другой характеръ... О Лутугинѣ, какъ обо многихъ другихъ даровитыхъ русскихъ людяхъ, приходится сказать: онъ не далъ всего, на что былъ способенъ...

А. С. Изгоевъ.

† Графъ Ф. Г. де-ла-Бартъ.

10 іюля скончался въ Москвѣ отъ туберкулеза приватъ-доцентъ московскаго университета и профессоръ высшихъ женскихъ курсовъ докторъ всеобщей литературы графъ Фердинандъ Георгіевичъ де-ла-Бартъ.

Покойный происходилъ изъ старой дворянской французской семьи. Мать его была русской. Ф. Г. родился въ 1870 г., и вскорѣ послѣ его рожденія его родители переселились въ Россію. Воспитываясь въ домѣ отца, любителя и знатока французской литературы, а затѣмъ обучаясь въ русской гимназіи и русскомъ университетѣ, Ф. Г. имѣлъ основаніе причислять себя одновременно къ французской и русской народности, любилъ и ту и другую.

Всеобщую литературу въ петроградскомъ университетѣ читалъ въ 90-хъ годахъ знаменитый Александръ Н. Веселовскій, съ которымъ Ф. Г. сблизился лично и подпалъ подъ его вліяніе.

Этому вліянію надо приписать его рѣшимость вступить на научное поприще. По своему воспитанію и по складу своей натуры Ф. Г. мало подходилъ къ ученой дѣятельности. Живой и увлекающійся, разбрасывающійся и непостоянный, остроумный и блестящій разсказчикъ и собесѣдникъ, страстный охотникъ и ходокъ, онъ не могъ стать исключительно кабинетнымъ ученымъ.

Лучшимъ въ его работахъ бывало то, что требовало поэтическаго чутья, художественнаго пониманія французской и русской литературной рѣчи. Наиболѣе подходящей къ его дарованію явилась работа, съ которой онъ началъ свою литературную дѣятельность. Мы говоримъ о прекрасномъ переводѣ знаменитой „Пѣсни о Роландѣ“. Поэтическое достоинство этого перевода было признано академіей наукъ, увѣнчавшей его пушкинской преміей. Научную же точность перевода засвидѣтельствовалъ своимъ авторитетомъ академикъ Веселовскій.

Отъ средневѣковаго эпоса и лирики провансальскихъ трубадуровъ Ф. Г. перешелъ къ изученію романтизма начала XIX в. Обѣ диссерта-

ціи его посвящены этой эпохѣ. Первая: „Шатобріанъ и поэтика міровой скорби“ вышла въ 1906 году; вторая, широко задуманная, работа: „Разысканія въ области романтической поэтики и стиля“ (1908 г.) осталась незаконченной.

Многократно читая курсъ всеобщей литературы на высшихъ курсахъ въ Кіевѣ и въ Москвѣ, Ф. Г. незадолго передъ смертью издалъ свои лекціи по литературѣ XIX в. „Литературное движеніе на Западѣ въ первой трети XIX столѣтія“, являющіяся хорошимъ, хотя и не совсѣмъ обработаннымъ, пособіемъ для учащихся, и „Бесѣды по исторіи всеобщей литературы. Средніе вѣка и возрожденіе“ (2-е изд. М. 1914 г.).

Кромѣ того, Ф. Г. многократно выступалъ въ качествѣ публичнаго лектора по вопросамъ русской и польской литературы. Его стихи и особенно стихотворные переводы (наприм., изъ Хозе д'Эредія, почти неизвѣстнаго въ Россіи) обнаруживали въ немъ, если не поэтическое дарованіе, то хорошее владѣніе стихомъ и поэтическое чутье. Отрывки, переведенные имъ для его лекцій, особенно заставляютъ жалѣть, что онъ не оставилъ въ этой области ничего законченнаго.

Любовь къ Россіи и Франціи дѣлала покойнаго Ф. Г. какъ бы живымъ воплощеніемъ духовнаго общенія двухъ народовъ. И событія нашихъ дней дали поводъ вылиться этому чувству въ рядѣ горячихъ статей въ московскихъ газетахъ. Больной и чувствовавшій полный упадокъ физическихъ силъ, онъ писалъ друзьямъ: „Идетъ борьба не съ кѣмъ-нибудь, а съ нѣмцами, съ заклятыми врагами Россіи и Франціи, и я не приму никакого участія въ этомъ праздникѣ! Неужели быть сему?“ Судьба не судила ему быть участникомъ общей для родныхъ народовъ борьбы. Но если духовное общеніе съ геніемъ Франціи имѣетъ и будетъ имѣть свою роль въ исторіи русскаго народа, то жизненный трудъ профессора де-ла-Барта оставитъ свой слѣдъ въ этой исторіи и заслужитъ добрую о себѣ память.

Дм. Муретовъ.

Черты изъ жизни сибирскаго патріота.

Къ 80-лѣтнему юбилею Г. Н. Потанина.

21-го сентября с. г. вся Сибирь и культурная Россія праздновала 80-лѣтній юбилей со дня рожденія маститаго патріота нашей далекой окраины, Григорія Николаевича Потанина.

Это—праздникъ общесибирскій, такъ какъ самосознаніе нашей отдаленной области шло параллельно росту и духовному развитію цѣлой группы сибирскихъ патріотовъ, во главѣ которыхъ заслуженно стоитъ Г. Н. Потанинъ.

Ко дню юбилея много правдивыхъ строкъ будетъ посвящено обрисовкѣ дѣятельности этого преданнаго сына своей суровой родины. Здѣсь, въ небольшой статьѣ, я не беру на себя смѣлость дѣлать оцѣнку личности Г. Н.; моя задача скромнѣе: старинная дружба дала мнѣ возможность, хотя и на большихъ промежуткахъ времени, наблюдать Г. Н. въ разные моменты второй половины его жизни, а потому нѣкоторыя черты, наиболѣе яркія и цѣнныя для его характеристики, мнѣ хотѣлось бы оттѣнить и обрисовать здѣсь. Стойкость и цѣльность его симпатій и взглядовъ, окрашенныхъ гуманнымъ настроеніемъ, всегда согрѣвали и освѣщали личность дорогого мнѣ земляка.

Въ іюнѣ минувшаго 1914 г., направляясь въ Сибирь, я съ радостной готовностью приняла приглашеніе Г. Н. заѣхать повидаться съ нимъ. Онъ писалъ, что на лѣто съ женою поселится подъ Томскомъ, въ деревнѣ Пѣтуховой; это здоровое по природѣ, хвойное мѣстечко всегда переполнено дачниками.

Съ 1903 г. Г. Н. постояннымъ мѣстомъ жительства выбралъ г. Томскъ.

„Я еще въ студенческіе годы всегда мечталъ жить въ Сибири и хотя думалъ путешествовать, но уже изъ Сибири,—говоритъ онъ.— У насъ двѣ столицы, Томскъ въ Западной и Иркутскъ въ Восточной Сибири“.

Какъ литературному работнику, Г. Н. нуженъ большой городъ съ мѣстной прессой. Жить въ маленькомъ городкѣ и писать на разстояніи

лного неудобствъ. Во-первыхъ, въ большомъ центрѣ виднѣе мѣстные вопросы, замѣтнѣе интересы переживаемаго момента; кромѣ того, газетному сотруднику приходится имѣть дѣло съ провинціальной цензурой, и тутъ, на мѣстѣ, около редакціи небольшимъ измѣненіемъ статьи всегда легче устранить затрудненіе.

Съ 1903 г., когда мы въ послѣдній разъ видѣлись, я нашла Г. Н. очень постарѣвшимъ, согнувшимся. Особенно грустно, что почти совсѣмъ утратилось зрѣніе. Еще въ 1886 г., когда Г. Н. вернулся изъ трехлѣтняго путешествія по Китаю и весною слѣдующаго 1887 г. жилъ въ Петроградѣ, глазной докторъ запретилъ ему заниматься, и „я фланировалъ безъ дѣла“, шутитъ онъ. Правый глазъ такимъ образомъ уже давно почти совсѣмъ пересталъ видѣть и служилъ лишь лѣвый, который теперь тоже измѣнилъ. Онъ жалуется на поясницу, которая согнулась и болитъ, отчего походка стала неувѣренной и нетвердой.

„Я привыкъ работать на ходу, а теперь поясница мѣшаетъ“, съ горечью говоритъ онъ.

Раньше даже и пространство комнаты стѣсняло его.

„Мнѣ нужна большая дистанція для ходьбы,—говаривалъ онъ,—и въ комнатѣ я закруживаюсь, а не ходить, когда обдумываю свою работу, не могу“.

Я такъ и вижу Г. Н. „за работой на ходу“: заложивъ руки на спину и выбивая пальцами дробь, онъ шагаетъ по діагонали комнаты. Когда въ головѣ созрѣлъ весь текстъ работы, онъ садится за письменный столъ и почти безъ помарокъ пишетъ сразу набѣло своимъ точнымъ, яснымъ и отчетливымъ языкомъ, гдѣ простота выраженій сочетается съ искренностью настроенія. Потанинъ—прекрасный стилистъ, притомъ онъ любитъ употреблять своеобразныя мѣстныя выраженія, которыми богатъ сибирскій говоръ.

— Вы стараетесь въ вашемъ лексиконѣ сохранить старыя сибирскія выраженія,—сказала я.

„Нѣтъ, я не стараюсь,—былъ отвѣтъ,—они сами какъ-то тамъ крѣпко сидятъ“.

Теперь, когда изъ-за слабости зрѣнія Г. Н. свои статьи приходится диктовать, онъ предварительно ихъ тщательно обдумываетъ, диктуетъ прямо набѣло только тогда, когда въ головѣ все уложилось въ стройную систему, какъ шрифтъ въ опытныхъ рукахъ наборщика.

„Спѣшу диктовать,—сказалъ онъ какъ-то во время работы,—чтобы не разсыпалась изъ памяти“.

Сначала мнѣ стало грустно, что вижу своего стараго друга такимъ угасающимъ; но, къ счастью, я ошиблась: когда Г. Н. заговорилъ на свои любимыя темы—о Сибири, объ областничествѣ, о мѣстныхъ злобахъ дня, о сказкахъ и легендахъ сибирскихъ инородцевъ, онъ сталъ

прежнимъ, оживленнымъ, шутливымъ, пересыпая свою рѣчь блестками милаго стараго юмора, хотя и не съ прежней искрометностью, а, скорѣе, какъ бы съ оттѣнкомъ горечи. Особенно любитъ Г. П. и подолгу готовъ разсказывать инородческія сказки; тогда рѣчь его полна интонацій, онъ жестикулируетъ и передаетъ почти въ лицахъ, уснащая рѣчь особенностями сибирскаго говора.

Прежде его юморъ былъ неподражаемъ своимъ эпическимъ спокойствіемъ, и ничто, кромѣ живыхъ округленныхъ глазъ юмориста, острыхъ и шаловливыхъ, не выдавало его настроенія. Я помню, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, во время его разсказа слушатели заражались самымъ веселымъ настроеніемъ, между тѣмъ какъ разсказчикъ сохранялъ олимпійское спокойствіе. Однажды онъ разсказывалъ о своей попыткѣ пріобщиться къ дарамъ музъ театра и поэзіи. Во время университетской исторіи 1861 г. студенты въ Петропавловской крѣпости затѣяли спектакль и рѣшили поставить шекспировскаго „Антонія и Клеопатру“ упрощеннымъ способомъ.

„Тутъ я въ первый разъ проявилъ свои сценическія способности. Меня заставили изображать бюстъ Сократа (роль безъ словъ). Выполнилъ я ее настолько удачно, что на слѣдующій разъ мнѣ дали повышеніе—заставили изображать статую Командора. Тутъ я уже долженъ былъ „играть“—кивалъ головой. Поэтомъ я тоже, вѣроятно, былъ, но стиховъ своихъ не помню, вотъ развѣ двѣ строки изъ поэмы „Осень“:

Неудовольствіе на лицахъ
И грязь на сапогахъ.

Вотъ и вся моя поэзія. Да, кажется, только эти двѣ строчки я и сумѣлъ сочинить.

Пѣтухово ему было не по душѣ. Страстный любитель мощной сибирской природы, онъ томился въ этомъ маленькомъ, затерявшемся въ хвойномъ лѣсу дачномъ мѣстечкѣ.

„Никогда я дачу не уважалъ,—сказалъ онъ какъ-то,—и не выѣзжалъ на нее, а теперь Марія Георгіевна (жена Г. П.) захотѣла, да и денегъ мало. Вотъ Алтай совсѣмъ другое“.

Г. П. горячо любитъ Алтай, гдѣ не разъ проводилъ лѣто въ живописно-романтической долинѣ рѣки Катуни съ ея утесами и скалами. И теперь его тянетъ туда.

„Хорошо тамъ,—говоритъ онъ,—чувствуешь кругомъ настоящую природу, прямо изъ воротъ въ лѣсъ, кругомъ видны горы. Пѣтъ, Пѣтуховымъ я не доволенъ. Чувствую себя здѣсь, какъ въ Свеаборгской крѣпости; мнѣ нуженъ кружокъ единомышленниковъ, а здѣсь, кромѣ дачниковъ, никого нѣтъ“.

Отсутствіе близкихъ по духу людей и слабость зрѣнія сильно тяготитъ Потанина, такъ страстно любящаго каждую травку, каждый цвѣтокъ. Не быть въ состояніи разсматривать ихъ и любоваться ими, какъ прежде, усугубляетъ его тоскливое настроеніе. Вотъ почему на прогулкахъ (большого труда всегда стоило убѣдить его пройтись по лѣсу) онъ дѣлался особенно грустенъ и молчаливъ, тѣмъ болѣе, что быстро утомлялся и зябко ежился отъ дуновенія небольшого вѣтерка. Самая незначительная помощь, оказанная посторонними, тяготила и какъ бы конфузила его, напоминая о старости.

„Какъ это плохо ничего не видѣть,—сказалъ онъ однажды съ грустью въ голосѣ.—Раньше если и не занимаешься растеніями, а все же хоть посмотришь на своихъ старыхъ знакомыхъ, а теперь сидишь среди нихъ и ничего не видишь“.

Особенная нѣжность и бережное отношеніе къ природѣ замѣтно у Г. Н. во всемъ; для него растенія—это милыя живыя существа; онъ не позволяетъ и не любитъ безъ нужды рвать цвѣты.

„Зачѣмъ ты погубила цвѣтокъ!“—сказалъ однажды Г. Н., недовольно морщась, когда во время прогулки его жена сорвала полевой цвѣтокъ, и, усиленно щуря зрячій глазъ, любовно сталъ его разсматривать, силясь опредѣлить классификацію растенія.

„Это aconitum—волкобой“, обрадовался онъ.

Въ другой разъ, когда во время прогулки мы отдыхали на травѣ, жена Г. Н. сорвала двѣ тоненькія травки и подала ему полюбоваться ихъ изяществомъ.

„Вотъ сорвали, завянутъ, погибнутъ“, сказалъ Г. Н, грустно-раздумчиво, какъ бы отвѣчая на свои скрытыя мысли.

„Ничего, новыя выростутъ“, отвѣтила она, не подумавъ.

„Да-а“, сдавленнымъ голосомъ, какъ-то нервно дергаясь въ плечахъ, сказалъ Г. Н.

Сидя близко, я наблюдала его, и мнѣ показалось, что, отвернувшись, онъ что-то смахнулъ подъ очками съ того и другого глаза и какъ-то поникъ.

Любовь къ природѣ и ко всему живому естественно переплетается у Потанина съ привязанностью къ жизни и къ людямъ, и, несмотря на грустныя нотки человѣка, берущаго отъ жизни уже послѣднія радости, душа его полна этими привязанностями.

„Вотъ у меня глаза не видятъ, плохо слышу, и поясница болитъ, а жить хочется. Можетъ быть, мнѣ и жить-то осталось всего какихъ-нибудь пять или десять лѣтъ; пожалуй, и конституціи-то настоящей не дождешься“, съ истиннымъ огорченіемъ заключилъ онъ.

Теорія охлажденія къ жизни, которую развивала Марія Георгіевна, совершенно чужда его душѣ. Онъ даже вспоминалъ, какъ у его первой

жены мать была такъ стара, что въ садъ ее выносили на рукахъ, а жить ей все еще хотѣлось.

Любовь къ людямъ, потребность ласки и личной привязанности всегда были присущи Г. Н—чу, особенно послѣ потери его первой жены, незабвенной Александры Викторовны.

„Я показываюсь людямъ всегда только одной своей стороной, а другую, мою личную, прячу отъ глазъ постороннихъ,—сказалъ онъ какъ-то давно, когда я застала его особенно грустнымъ, одинокаго въ своемъ кабинетѣ,—я, какъ луна, виденъ людямъ только своей частью, а мои переживанія въ затемненной сторонѣ“.

„Пріятно человѣку, когда какое-нибудь живое существо къ нему тянется,—сказалъ Г. Н. въ другой разъ.—Все человѣческое не должно быть чуждо человѣку“, любитъ вспоминать онъ слова А. В—ны. На эту тему Потанинъ въ такой формѣ высказываетъ то незримое, интимное, что выкристаллизовалось въ его душѣ.

„Не надо бояться будничной, повседневной, такъ сказать, „болотной“ стороны жизни: она вѣдь вытекаетъ изъ насущной потребности натуры человѣческой, а, пожалуй, и нужна намъ въ культурномъ отношеніи, такъ какъ помогаетъ, снисходя къ мелочамъ и слабостямъ человѣка, стать доступнѣе, мягче и гуманнѣе. Тѣ люди, которые отрицаютъ это, я думаю—неискренни. По поводу этой потребности человѣка къ болотной жизни мнѣ вспоминается,—продолжалъ Г. Н.,—картина одного нѣмецкаго художника. Изображено болото, оно покрылось плѣсенью, обросло ряской; въ середину стоячей поверхности погружено сгнившее полубочье, треснувшее и разбухшее,—словомъ, полная картина разложенія. Казалось бы, все это у зрителя должно вызывать чувство отвращенія, а между тѣмъ—нѣтъ; отчего же такъ? А вотъ почему: черезъ эту картину гніенія и разложенія проходитъ яркій лучъ солнца; на пути онъ все оживилъ, все скрасилъ, все облагородилъ, и картина, какъ ни странно, вызываетъ радость жизни и наслажденіе ею. Такъ и въ повседневной жизни. Пусть есть будни,—вѣдь гдѣ жизнь, тамъ и гніеніе, но разъ сквозь эту будничную жизнь проходитъ лучъ солнца, отъ него все свѣтлѣетъ, все скрашивается. Вотъ эта-то радость жизни меня всегда охватываетъ при чтеніи мелкихъ разсказовъ Чехова. По той же причинѣ талантъ Сологуба и Л. Андреева чуждъ мнѣ, такъ какъ первый посылаетъ проклятія солнцу, а второй говоритъ: „Читатель хочетъ стать къ солнцу лицомъ, а я стою къ нему спиною“. Мы, сибиряки, солнцепоклонники, мы любимъ солнышко, даже дома свои „рѣшетимъ“ окнами, на фасадѣ: у насъ площадь оконъ часто больше площади стѣнъ“.

Въ Пѣтуховѣ я застала Потанина углубленнымъ въ свои литературныя воспоминанія, которыя онъ диктуетъ приходящей ежедневно утрами

часа на три барышнѣ. Эти интересныя воспоминанія съ начала 1913 г. стали печататься въ томской газетѣ *Сибирская Жизнь;* продолжались весь 1914 г. и, видимо, закончились въ текущемъ году, а скоро, кажется, не замедлятъ выйти отдѣльной книгой.

Онъ часто какъ бы обдумываетъ вслухъ свои фельетоны, ему видимо пріятно дѣлиться съ кѣмъ-нибудь изъ сочувствующихъ планами своихъ „Воспоминаній". Когда начинаетъ говорить о прошломъ, о друзьяхъ единомышленникахъ и современникахъ (Ядринцевѣ, Загоскинѣ, Шашковѣ, Астыревѣ и др.), онъ оживляется.

„Теперь я живу въ прошломъ, — говоритъ онъ, — живу съ людьми 40-хъ годовъ".

Г. Н. охотно слушаетъ „Письма о природѣ" Герцена, біографію Л. Н. Толстого, составленную Бирюковымъ, и біографію Гёте, составленную Льюисомъ. Онъ любитъ цитировать своего любимаго поэта Гейне, любитъ Шиллера и Гёте; эпоха романтизма гармонируетъ съ его душой.

„Въ моей жизни недостаетъ искусства,—съ грустью говоритъ Г. Н.— У насъ нѣтъ ни Гёте, ни Шиллера, ни Гейне; намъ нехватаетъ театра и картинной галлереи, у насъ нѣтъ художника; вообще искусства мнѣ всегда недоставало".

У Потанина на прошлое, давнопрошедшее поразительно ясная память. Имена и біографіи старыхъ знакомыхъ и общественныхъ дѣятелей, давно ушедшихъ изъ жизни, со всѣми подробностями и мелкими штрихами сидятъ въ его памяти.

„Сегодня у насъ пойдетъ медленно,—полушутя сказалъ онъ однажды передъ тѣмъ, какъ диктовать воспоминанія,—потому что сегодня больше разсужденій и нѣтъ казусовъ, а быстро идетъ описаніе разныхъ пріѣздовъ, отъѣздовъ, побѣговъ и т. п.".

Особенно поразительна спеціальная память Г. Н. въ любимой имъ области фольклора и этнографіи: легенды, сказки, преданія—одна изъ излюбленныхъ темъ Потанина. Одинъ разъ я выразила невольное удивленіе такой рѣдкой памяти, сохраняющей всѣ мельчайшія детали событій.

„Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—многое забылъ, если-бъ кое-что тогда записывалъ, то сохранилось бы".

— Вы развѣ когда-нибудь записывали?—спрашиваю я.

„Нѣтъ, никогда и ничего. Вотъ Левъ Николаевичъ Толстой въ этомъ отношеніи удивительно не былъ лѣнивъ. У него все записывалось".

— Да, говорю, вѣдь у него все время было въ его распоряженіи, всѣ 24 часа въ сутки.

„Пожалуй, что такъ, а намъ приходилось и корни копать, и бабочекъ насаживать, и жуковъ ловить, некогда объ этомъ было и думать".

Погруженный всецѣло въ свои литературныя воспоминанія, на мой вопросъ: „пріятно ли ему писать ихъ?"—Г. Н. отвѣтилъ къ моему удивленію:

„Нѣтъ, мнѣ тяжела эта работа: моторно (по-сибирски, нудно) вытягивать изъ себя все это далекое прошлое и раздражаетъ: хочется вернуть то старое время, когда и глаза видѣли зорко и въ поясницѣ не было этой гадости, а потому и писать тяжело“.

Однако чувствуется, что Г. Н. тянетъ къ этой работѣ, которая даетъ возможность какъ бы вновь пережить доброе старое время, въ которомъ человѣкъ на склонѣ лѣтъ находитъ иногда мучительное наслажденіе. Кромѣ того, а это можетъ быть главное, Потанинъ идейно смотритъ на свою работу: „Я пользуюсь своими „Воспоминаніями“, чтобы изложить свои идеи; я хочу „выгрузиться“ передъ смертью,—съ грустью прибавилъ онъ.—Публицистъ я плохой, и въ этой области могу высказывать, пожалуй, дѣтскія мысли, а въ моихъ „Воспоминаніяхъ“ меня никто не стѣснитъ, и на нихъ я смотрю, какъ на мѣсто, гдѣ могу высказывать свои взгляды на сибирскую областную жизнь. Вотъ почему я отклонилъ предложеніе В. И. Семевскаго печатать мои „Воспоминанія“ въ *Голосѣ Минувшаго*. Тамъ передъ обще-россійской аудиторіей я не могъ бы такъ свободно говорить, такъ какъ многое изъ сказаннаго мною было бы ей чуждо и неинтересно. Вѣдь каждая область имѣетъ нужды и интересы, присущіе только ей, а потому и моя аудиторія должна быть сибирской. Тутъ у меня и читателей больше, такъ какъ научный журналъ попадаетъ только въ руки избранной публики, а газету читаетъ всякій“.

Такимъ образомъ по принципіальнымъ соображеніямъ, несмотря на матеріальныя преимущества, Г. Н. отказался печатать свои „Воспоминанія“ въ толстомъ журналѣ и выбралъ скромную томскую газету *Сибирская Жизнь*.

Работаетъ онъ какъ-то возбужденно, точно торопится „выгрузиться“ передъ земляками. Однажды во время прогулки, Г. Н. сказалъ:

„Пойдемте домой, надо спѣшить, и такъ жить осталось мало, надо успѣть еще что-нибудь сдѣлать“.

Бесѣдуя по поводу мѣстныхъ вопросовъ, Потанинъ съ огорченіемъ говорилъ о слабости научныхъ интересовъ у томскаго общества. На мой вопросъ: „чѣмъ это можно объяснить?“—онъ глубоко задумался.

«Страна наша долго была въ забросѣ, это разъ, а кромѣ того у насъ нѣтъ своей мѣстной интеллигенціи, а страна по характеру жизни—демократическая, крѣпостного права не знала, дворянства, которое въ Россіи вліяло на культурный ростъ, у насъ не было; мужикъ сибирскій занятъ землей, а средній классъ въ просвѣщеніи слабъ. Вотъ даже въ Казани, гдѣ я пробылъ съ годъ въ началѣ 80-хъ годовъ, жизнь была живѣе“. Въ другой разъ на ту же тему онъ сказалъ: „У насъ въ Сибири въ настоящее время вышла какая-то „безплодная полоса“, нѣтъ людей, не давали развиваться силамъ; про Сибирь въ настоящую ми-

нуту можно сказать словами Александра II при его вступленіи на престолъ: „Отецъ мой оставилъ Россію безъ людей“.»

Переходя къ вопросу о сибирскомъ патріотизмѣ, Г. Н. началъ какъ бы размышлять вслухъ:

„Кому мы, областные патріоты, служимъ, кого мы любимъ? Можетъ быть, наши кедровыя шишки или архіерея, или нашихъ мужиковъ, или сибирскіе пельмени? Нѣтъ, нашъ патріотизмъ есть чувство привязанности къ единомышленникамъ. Что же насъ къ этой любви обязываетъ? Почему чувствуешь какой-то *долгъ?* Помню,—продолжалъ онъ,—по этому поводу слова эмигранта Лаврова, съ которыми онъ обращался къ своимъ соотечественникамъ въ Парижѣ, желая вліять на нихъ: „Мы не должны забывать свою родину, мы должны служить ей“. Вотъ Шашковъ—тотъ, чуждый мѣстнаго патріотизма, спросилъ бы: „За что мнѣ любить именно свою страну? Чѣмъ я задолжался ей?—деньгами, бралъ общественный капиталъ!“ Вотъ и я самъ себя спрашиваю,—продолжалъ Г. Н.,—вѣдь тебя воспитали на казенный счетъ, кормили, одѣвали, учили, ты за это обязанъ своей странѣ, тогда можно возмѣстить этотъ долгъ деньгами и его не будетъ. Нѣтъ, какое-то внутреннее чувство подсказываетъ мнѣ, что это не такъ. Тутъ дѣло не въ матеріальномъ долгѣ, а въ нравственномъ. Какой-то инстинктъ, который сильнѣе меня, говоритъ, что объявлять себя недолжникомъ передъ родиною—стыдно. Но въ чемъ же дѣло? Отвѣтъ таковъ: въ этой странѣ есть люди, которые возлагаютъ на тебя надежды, какъ бы ждутъ твоей защиты; здѣсь мало людей, которые встали бы за обездоленное населеніе, и неужели же человѣкъ, на котораго возлагаются эти надежды, покажетъ только шишъ? Нѣтъ, общественныя симпатіи къ патріоту *обязываютъ* его служить интересамъ этого населенія. Часто патріотомъ дѣлаетъ не рожденіе, а симпатіи,—заключилъ Г. Н.—Только среди сибирскаго общества искренній патріотъ—рѣдкость,—съ горечью прибавилъ онъ,—а почему это такъ? Какое ложное представленіе создалось, что сибиряки—патріоты, это неосновательное обобщеніе; такихъ, какъ, напримѣръ, И. М. Сибиряковъ, пожертвовавшій капиталъ на сибирскій университетъ,—единицы. Вотъ буряты, киргизы и всѣ наши инородцы болѣе привязаны къ своей родинѣ и, уѣхавъ изъ Сибири, скучаютъ и стремятся назадъ“.

Да, въ наше время, когда къ идеѣ патріотизма прикасаются и грязныя руки своекорыстныхъ вожделѣній, люди, подобные Потанину, являются немногими изъ тѣхъ праведниковъ, благодаря которымъ, по словамъ Библіи, будетъ помилованъ цѣлый городъ. И цѣнно то, что всю свою жизнь онъ остался вѣренъ идеаламъ молодости. Въ одной изъ главъ своихъ „Воспоминаній“ [1]) онъ лелѣетъ мечту о будущей Россіи,

---

[1]) См. *Сибирскую Жизнь*, 1913 г., № 248.

состоящей изъ множества небольшихъ округленныхъ территорій... и въ каждой такой территоріи—свой патріотъ, защитникъ мѣстныхъ интересовъ, свой „застоя“ [1]) за интересы мѣстнаго населенія.

Мое пребываніе у Г. Н. было сокращено еще совмѣстнымъ чтеніемъ старыхъ писемъ къ нему Н. М. Ядринцева отъ 1871—72 гг. Оба друга въ тѣ годы, обвиненные за идеи сибирскаго сепаратизма, находились въ ссылкѣ, Потанинъ въ Никольскѣ, Вологодской губерніи, а Ядринцевъ въ Шенкурскѣ, Архангельской губерніи. Переписка велась горячо и дѣятельно, и у словоохотливаго Николая Михайловича, публициста по натурѣ, письма къ другу нерѣдко разрастались, по его собственному выраженію, въ цѣлыя „журнальныя обозрѣнія“, трактующія вопросы о національной идеѣ, о мѣстномъ патріотизмѣ и др. Въ нихъ Ядринцевъ попутно сообщалъ другу интересныя литературныя новости.

„Въ Никольскѣ въ то время библіотеки не было, и я жилъ совсѣмъ безъ газетъ,—говоритъ Г. Н.,—такъ какъ выписывать былъ не въ состояніи“.

Когда я читала эти письма, то Г. Н. часами не уставалъ слушать ихъ и съ напряженнымъ вниманіемъ ловилъ каждое слово. [2])

„Несмотря на то, что въ свое время письма Ядринцева были мною читаны, сейчасъ я ихъ слушаю, какъ новыя, и самая интересная часть та, гдѣ онъ описываетъ свои переживанія. На меня эти письма дѣйствуютъ, какъ „молодильныя яблоки,—улыбается Г. Н.—Чувствуешь,

---

[1]) Это нашъ „застоя“, говорили простые уральскіе казаки про одного общественнаго дѣятеля, Желѣзнова, который и въ печати и въ жизни защищалъ ихъ права, какъ сообщаетъ Г. Н. въ своихъ воспоминаніяхъ. „Вотъ такимъ же „застоей“ предстояло сдѣлаться и мнѣ“,—не безъ гордости вспоминаетъ онъ свою прежнюю дѣятельность въ молодые годы въ Сибири. Позднѣе Потанинъ и Ядринцевъ стали горячими застоями обездоленныхъ пасынковъ нашей далекой родины, сибирскихъ инородцевъ. Въ послѣдніе годы, живя въ Западной Сибири и соприкасаясь со средою киргизовъ, Г. Н. занимается собираніемъ и изложеніемъ киргизскихъ сказокъ и попутно изучаетъ бытъ киргизовъ, которые, по его мнѣнію, въ культурномъ отношеніи имѣютъ большое будущее; они очень стремятся учиться, дѣвочки и мальчики охотно идутъ въ школу, иногда даже вопреки желанію родителей. Ихъ народные пѣвцы—„улянчи“—обнаруживаютъ большія музыкальныя способности; среди нихъ много импровизаторовъ и композиторовъ. Отчетъ о своей поѣздкѣ лѣтомъ 1913 года въ урочище рѣки Былкылдакъ Г. Н. читалъ въ омскомъ отдѣлѣ географическаго общества и подалъ мысль учредить при отдѣлѣ особую комиссію для изученія и собиранія киргизскихъ сказокъ и пословицъ. Отчетъ этотъ былъ напечатанъ въ газетѣ *Казакъ*, издаваемой въ Оренбургѣ. „Теперь меня знаютъ среди киргизъ“, улыбается Г. Н. Онъ съ одушевленіемъ мечтаетъ въ ближайшемъ будущемъ, съ цѣлью „шевелить оірентальный вопросъ“, устроить киргизскій праздникъ, на которомъ будутъ выступать и представители изъ киргизской интеллигенціи и импровизаторы улянчи со своими національными пѣснями.

[2]) Къ сожалѣнію, отвѣтныя письма Потанина къ своему другу не сохранились: самъ Ядринцевъ, по словамъ Г. Н., ихъ уничтожилъ, боясь обыска: „Конспираторъ былъ“, горько улыбаясь, замѣтилъ Г. Н.

что человѣкъ живетъ всѣми силами души, и не своими личными, а высокими умственными интересами, проникаясь заботами о своей странѣ".

Дѣйствительно, письма эти при чтеніи заражаютъ высотою своего настроенія, такъ какъ писалъ ихъ человѣкъ съ общественнымъ огнемъ.

„Мнѣ онъ особенно нравится въ этихъ письмахъ,—говоритъ Потанинъ,—а въ другихъ позднѣйшихъ, вѣроятно, онъ менѣе интересенъ".

Ядринцевъ былъ врожденный публицистъ и, по удачному опредѣленію Г. Н., имѣлъ „огромный публицистическій нюхъ"; онъ чутко понималъ, умѣло ставилъ и широко трактовалъ многіе общественные вопросы, особенно областные и провинціальные, несмотря на то, что не былъ достаточно подготовленъ къ публицистикѣ и образованія законченнаго не получилъ. [1])

„Ему нехватало образованія, — говоритъ Потанинъ, но Ядринцевъ былъ публицистомъ по инстинкту, по выраженію Г. Н. „на улицѣ набирался темъ" и пониманія, за которыя изъ нихъ слѣдуетъ взяться въ данный моментъ, что еще болѣе дѣлаетъ цѣннымъ такое стихійное дарованіе".

Потанинъ вспоминаетъ ихъ общіе студенческіе годы.

„Университетомъ для Ядринцева была жизнь въ обществѣ. Самъ я въ тѣ годы въ публицистикѣ мало участвовалъ, а читалъ о жукахъ, какъ они зимуютъ и пр. Онъ же въ это время всюду совался, бѣгалъ по кружкамъ, по публичнымъ лекціямъ, по редакціямъ, участвовалъ въ манифестаціяхъ и т. д.

Потанинъ чутко прислушивался къ его духовному развитію и радовался его успѣхамъ, какъ своимъ. Дарованіе и личность Ядринцева особенно выросла и окрѣпла въ ссылкѣ: „Шенкурскъ былъ для него настоящимъ университетомъ", по счастливому выраженію Г. Н. Тутъ онъ былъ окруженъ образованными людьми, товарищами по ссылкѣ: Шашковымъ, Христофоровымъ, Соколовымъ. Онъ много читалъ, диспутировалъ, намѣчалъ программу журнальныхъ статей, такъ какъ тогда онъ уже „опредѣленно выступилъ на литературное поприще и работалъ въ *Дѣлѣ*, въ *Азіатскомъ Вѣстникѣ* и др.". Самъ Ядринцевъ серьезно смотрѣлъ на свое призваніе, много читалъ и вдумчиво штудировалъ европейскихъ мыслителей и экономистовъ; имена К. Маркса, Лассаля, Мальтуса, Шульце-Делича, Пьеръ-Жака постоянно встрѣчаются въ его письмахъ; въ нихъ онъ нерѣдко пускается въ разборъ и критику статей по крестьянскому колонизаціонному и инородческому вопросамъ, и недаромъ его обширныя письма-трактаты сибирякъ Нестеровъ шутя называлъ „томиками".

Но все же духовный ростъ Ядринцева совершался, главнымъ обра-

---

[1]) Въ университетъ ходилъ только 1 годъ.

зомъ, подъ вліяніемъ Потанина, котораго самъ Н. М. справедливо называлъ своимъ учителемъ и другомъ, и, несомнѣнно, Г. П. мы обязаны тѣмъ, что Ядринцевъ сталъ „руководителемъ общественнаго мнѣнія цѣлой страны“ по опредѣленію Потанина.

— Если бы не ваше вліяніе,—сказала я ему однажды въ разговорѣ,—то Сибирь не имѣла бы въ Ядринцевѣ того страстнаго патріота, какимъ онъ сталъ, да пожалуй безъ васъ и не было бы у насъ сибирскаго патріотизма.

„Ну вотъ,—возразилъ Г. П.,—вѣдь если бы Дарвина не было, то ужъ навѣрное дарвинизмъ, какъ направленіе, былъ бы“.

Характеризуя своего друга, Потанинъ въ то же время обнаруживаетъ и свои личные вкусы и симпатіи.

„Ядринцевъ,—говоритъ онъ,—настолько же былъ общественнымъ дѣятелемъ, насколько и публицистомъ, и письменный столъ ему былъ такъ же нуженъ, какъ и трибуна“.

Особенно дорога ему способность Н. М. отзываться на всю симфонію жизни:

„Когда Ядринцевъ пишетъ, то чувствуешь, что онъ самъ наслаждается жизнью, и въ душѣ у него есть отзвуки на всякое ея проявленіе, на каждую картину природы“.

Самъ Ядринцевъ въ письмѣ къ другу отъ 22 октября 72 года говоритъ, что „патріотизмъ, какъ „молодое вино“, долженъ... бить ключомъ и шипѣть, какъ признакъ юности, свѣжихъ силъ и молодыхъ гордыхъ надеждъ“.

Любуясь и гордясь выпуклой фигурой своего друга, Г. П. говоритъ:

„По своимъ письмамъ Ядринцевъ рисуется передъ глазами читателя молодымъ, неопытнымъ, съ большимъ самомнѣніемъ патріотомъ, а въ нашемъ сибирскомъ обществѣ это такая рѣдкость“...

Проводя параллель между своими земляками и современниками, Шашковымъ, Астыревымъ и Ядринцевымъ, Г. Н. опредѣляетъ такъ:

„Сердце Астырева и сердце Шашкова были сотканы на одинъ манеръ, у Ядринцева же другой шовъ, другая манера тканья. Между Шашковымъ и Ядринцевымъ—поразительная разница. У перваго логика была изумительная, своего противника онъ безпощадно прижималъ къ стѣнѣ, онъ массу читалъ, имѣлъ огромную трудоспособность, массу писалъ и брался за общіе публицистическіе вопросы. Ядринцевъ же въ общую публицистику никогда не вмѣшивался, а ограничивался одной своей областью. Однако всѣ статьи Шашкова—шаблонъ, онъ не писалъ кровью и сокомъ нервовъ, хотя и гнѣвался, но не гнѣвомъ сердца, а головой. У Ядринцева же какъ разъ все наоборотъ, и всѣ его статьи съ областническими тенденціями слѣдовало бы напечатать осо-

бымъ сборникомъ, чтобы онѣ, какъ Евангеліе, лежали на столѣ у каждаго сибиряка, любящаго свою родину".

„Да, съ Ядринцевымъ надо было быть мягче и многое ему прощать, я теперь себя обвиняю во многомъ"... грустно кончилъ Г. Н., углубляясь въ воспоминанія.

Слушая письма Ядринцева, Г. Н. сталъ мечтать увидѣть ихъ напечатанными отдѣльнымъ сборникомъ.

„Я думаю,—говорилъ онъ,—что эта книга должна имѣть возбудительное вліяніе на областныя чувства сибиряковъ. Кромѣ того, письма эти характеризуютъ жизнь нашей группы и наши умственные интересы".

Развивая свой планъ изданія писемъ Ядринцева при содѣйствіи состоятельныхъ сибиряковъ, Потанинъ того мнѣнія, что издать ихъ непремѣнно слѣдуетъ отдѣльнымъ сборникомъ, и только тогда можно разсчитывать, что они попадутъ въ руки тѣхъ, у кого имъ надлежитъ быть.

Обрисовывая отдѣльныя черты въ характерѣ Г. Н., я невольно углубилась во взаимоотношенія двухъ нашихъ крупныхъ сибирскихъ дѣятелей — Потанина и Ядринцева—и попутно дала отдѣльные штрихи, дополняющіе личность послѣдняго. Это вышло естественно, иначе и быть не могло,— недаромъ въ молодые годы про нихъ друзья шутили, что „трудно опредѣлить, гдѣ кончается Потанинъ и гдѣ начинается Ядринцевъ". Дѣйствительно, въ исторіи самосознанія Сибири они неотдѣлимы, такъ какъ, по замѣчанію Г. Н., „вели одну линію въ жизни", служили однимъ и тѣмъ же богамъ, и оба были идеологами сибирскаго патріотизма.

Т. Фарафонтова.

Отвѣтственное министерство.

Въ дни тяжелыхъ и грозныхъ испытаній, передъ лицомъ наступающихъ непріятельскихъ армій, вопросъ объ отвѣтственномъ министерствѣ—сначала въ Государственной Думѣ, а затѣмъ и въ общественныхъ организаціяхъ—возникаетъ и ставится не какъ лозунгъ партійно-политическій, давно уже до избитости извѣстный, а какъ властное требованіе жизни, подсказанное совокупностью трагическихъ событій, переживаемыхъ Россіей.

Отсюда—внѣ- и надпартійный характеръ этого требованія, объединяющаго людей самыхъ различныхъ политическихъ убѣжденій. Даже правые Государственной Думы, въ лицѣ Маркова II, признаютъ необходимымъ „устроить отъ Государственной Думы на все время войны тщательное и постоянное наблюденіе и контроль надъ дѣйствіями тѣхъ властей, учрежденій и лицъ, которыя призваны готовить на армію снабженіе и военные припасы". Возставая принципіально противъ отвѣтственности министровъ, они просто не даютъ себѣ отчета въ томъ, что *дѣйствительная* подконтрольность и отвѣтственность власти—понятія, равнозначащія другъ другу.

Чѣмъ болѣе всеобщимъ становится политическое требованіе, тѣмъ болѣе оно становится неопредѣленнымъ. Въ этой неопредѣленности—величайшая опасность: вавилонское столпотвореніе создается не только разностью рѣчи, но и разнымъ пониманіемъ однихъ и тѣхъ же реченій. Не скроемъ, что стенографическіе отчеты Государственной Думы и многочисленные отзывы печати, посвященные вопросу объ отвѣтственности министерства, производятъ до нѣкоторой степени „вавилонское" впечатлѣніе.

Представитель правыхъ въ Государственной Думѣ, Марковъ II, возстаетъ противъ отвѣтственности министровъ потому, что отвѣтственное министерство назначается не Государемъ Императоромъ, а парламентскимъ большинствомъ. Явное недоразумѣніе. Даже въ парламентарныхъ странахъ—не только формально, но и по существу—министры назначаются главой государства. Послѣдній имѣетъ право (и возможность)

остановить свой выборъ на любой комбинаціи, какая можетъ разсчитывать на довѣріе парламента. И только въ рѣдкихъ, если не исключительныхъ, случаяхъ, когда въ парламентѣ большинство принадлежитъ одной партіи, и эта партія, „довѣряя“ одному лицу, не „довѣряетъ“ никому другому, порученіе этому лицу составленія кабинета становится по существу предрѣшеннымъ. Политическая отвѣтственность министровъ въ практическомъ своемъ примѣненіи имѣетъ отрицательный характеръ: она проявляется не въ томъ, что угодное парламенту лицо становится министромъ, а въ томъ, что лицо, неугодное парламенту, т.-е. не пользующееся его довѣріемъ, не можетъ министромъ быть. Депутату Маркову II, конечно, неизвѣстно, что даже въ республиканской Франціи не только избраніе министровъ парламентомъ, но даже указаніе президенту республики угодныхъ парламенту кандидатовъ не можетъ и не должно имѣть мѣста. По словамъ предсѣдателя палаты Бриссона (1885 г.), въ промежутокъ времени между выходомъ въ отставку кабинета и назначеніемъ новыхъ министровъ особа президента республики отнюдь не является доступной для обращенія къ нему палаты съ какимъ-либо требованіемъ или приглашеніемъ.

Или другой примѣръ. Депутатъ Карауловъ считаетъ отвѣтственность министерства необходимымъ условіемъ побѣдоноснаго окончанія войны; онъ вѣритъ, что реализація этого начала не за горами. Но подъ отвѣтственностью министровъ онъ понимаетъ ихъ обязанность отвѣчать на запросы и вопросы, предъявляемые Думой. Для того чтобы осуществить отвѣтственность, необходимо и достаточно такое измѣненіе ст. 40 и др. учр. Государствен. Думы, которое лишило бы министровъ права отказывать Думѣ въ отвѣтѣ на вопросы, не подлежащіе оглашенію. Врядъ ли необходимо доказывать, что такое пониманіе отвѣтственности является чрезмѣрно узкимъ. „Обязанность отвѣчать“ и отвѣтственность—далеко не синонимы. Если Дума безсильна реагировать на отвѣты министровъ, признаваемые ею неудовлетворительными, отвѣчающіе министры остаются безотвѣтственными. Съ другой стороны, даже въ мирное время нельзя не признавать за министрами права отказывать парламенту въ отвѣтѣ на вопросы, признаваемые ими по какимъ-либо важнымъ и основательнымъ причинамъ несвоевременными; тѣмъ болѣе во время войны, когда многіе вопросы, дѣйствительно, не подлежатъ оглашенію, объ отнятіи этого права у министровъ не можетъ быть рѣчи.

Съ точки зрѣнія теоретической, разногласіе между партіями прогрессивной и конституціонно-демократической, при обсужденіи формулы перехода въ засѣданіи Думы 20 іюля, представляется положительно непонятнымъ. Согласно формулѣ перехода, предложенной центральными партіями Думы, необходимо нахожденіе у власти „министерства обще-

ственнаго довѣрія",—министерства, стоящаго въ тѣсномъ единеніи со страной и пользующагося полнымъ ея довѣріемъ. Къ этой формулѣ прогрессивная фракція вноситъ поправку: необходимо немедленное установленіе отвѣтственности передъ Думой правительства, составленнаго изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны.

Какъ извѣстно, политическая отвѣтственность министровъ является однимъ изъ наиболѣе основныхъ,—краеугольнымъ требованіемъ конституціонно-демократической программы. Тѣмъ не менѣе, конституціоналисты-демократы Государственной Думы не считаютъ возможнымъ настаивать на внесеніи этого требованія во внѣпартійную формулу, знаменующую единеніе страны передъ грозной опасностью. Голосуя за формулу центра, они воздерживаются отъ поддержки предложенія прогрессистовъ. Другими словами, вмѣстѣ съ центромъ, они признаютъ необходимость правительства, которое пользовалось бы довѣріемъ страны и, слѣдовательно, Государственной Думы; но въ то же время они не считаютъ возможнымъ настаивать на призваніи къ власти правительства, отвѣтственнаго передъ Государственной Думой. По мнѣнію П. Н. Милюкова, поступая такимъ образомъ, они на время отказываются во имя тактики военнаго времени отъ основного требованія своей программы.

А между тѣмъ, съ точки зрѣнія теоріи парламентаризма, между формулами центра и фракціи прогрессистовъ не только никакого противорѣчія, но даже простого расхожденія подмѣтить невозможно: „министерство общественнаго довѣрія" и „министерство, отвѣтственное передъ парламентомъ",—равнозначащія понятія. Въ чемъ заключается сущность политической отвѣтственности министровъ? Разумѣется, въ томъ, что пребываніе министерства у власти обусловлено наличностью довѣрія страны,—довѣрія, выражаемаго парламентскимъ большинствомъ. „Основное начало парламентаризма" формулируется слѣдующимъ образомъ: не можетъ находиться у власти министерство, не пользующееся довѣріемъ парламента; лишившись довѣрія, министерство не можетъ у власти оставаться.

Вопреки широко распространенному мнѣнію, политическая отвѣтственность министровъ отнюдь не предполагаетъ (и не требуетъ) принадлежности членовъ министерства къ составу парламентскаго большинства. Министерство можетъ быть парламентарнымъ, т.-е. политически отвѣтственнымъ, и въ то же время, по своему составу, не быть парламентскимъ. Въ частности, не только министерство „общественныхъ дѣятелей", но даже бюрократическое министерство является парламентарнымъ, если необходимымъ условіемъ своего пребыванія у власти оно признаетъ удостовѣренную голосованіемъ наличность довѣрія къ нему парламентскаго большинства. Въ Бельгіи съ 1852 г. по 1855 г.

управленіе находилось въ рукахъ министерства де-Бруккера, парламентарнаго въ своихъ принципахъ и въ своей дѣятельности, хотя и бюрократическаго по своему составу. Голландія—парламентарная страна; и тѣмъ не менѣе министерство никогда здѣсь парламентскимъ не бываетъ: депутатъ, назначаемый министромъ, обязанъ отказаться отъ своего депутатскаго мандата. Достаточно вспомнить о „дѣловыхъ“ или „чиновничьихъ“ министерствахъ въ парламентарныхъ странахъ, о различіи между „политическими“ и „техническими“ портфелями, чтобы убѣдиться въ томъ, что принадлежность кабинета къ парламентскому большинству отнюдь не является необходимымъ слѣдствіемъ политической отвѣтственности министровъ. Въ составъ „министерства національной обороны“ и во Франціи, и въ Англіи входятъ не только представители парламентскаго большинства, но и меньшинства парламента. Тѣмъ не менѣе, министерства эти являются парламентарными потому, что юридическимъ титуломъ ихъ пребыванія у власти остается довѣріе къ нимъ парламентскаго большинства.

Необходимостью довѣрія къ министерству исчерпывается содержаніе политической отвѣтственности министровъ. Политически-отвѣтственнымъ является министерство, пользующееся довѣріемъ страны; довѣріе страны констатируется довѣріемъ парламента. Поэтому различіе между формулами перехода, предложенными Думѣ прогрессивною фракціей и центромъ, имѣетъ характеръ исключительно словесный. Формула центра „благозвучнѣе“ формулы прогрессистовъ, и, присоединяясь къ ней, конституціонно-демократическая фракція никакого вѣроотступничества не совершаетъ и въ отказѣ отъ программныхъ своихъ требованій неповинна.

Со времени рѣшенія московской городской думы, нашедшаго отзвукъ, живой и сильный, въ многочисленныхъ постановленіяхъ городскихъ думъ и торгово-промышленныхъ организацій,—„министерство общественнаго довѣрія“ становится лозунгомъ, выражающимъ пожеланія и надежды патріотически настроеннаго общественнаго мнѣнія Россіи. Этотъ лозунгъ санкціонируется всероссійскими съѣздами, земскимъ и городскимъ. Постараемся отдать себѣ ясный отчетъ въ его содержаніи и смыслѣ.

Противопоставленіе „министерства довѣрія“ „отвѣтственному министерству“ диктуется соображеніями двоякаго рода,—на первый взглядъ, исключающими другъ друга: съ одной стороны, соображеніями политической умѣренности и осторожности; съ другой—соображеніями политическаго радикализма,—нѣсколько обывательской складки.

Когда въ Петроградѣ центральныя партіи Думы отдаютъ предпочтеніе „довѣрію“ передъ „отвѣтственностью“, онѣ считаются, прежде всего, съ традиціонными взглядами и настроеніями руководящихъ прави-

тельственныхъ сферъ. Политическая отвѣтственность министровъ—*техническій терминъ*, основное начало западно-европейскаго парламентаризма. По своей опредѣленности, угловатой и рѣзкой, начало это непріемлемо для власти, безотвѣтственной по существу. И наоборотъ, въ отличіе отъ отвѣтственности министровъ, довѣріе страны—не столько техническое понятіе, сколько расплывчато-неопредѣленный политическій лозунгъ. Противъ необходимости или желательности общественнаго довѣрія къ власти не можетъ быть принципіальныхъ возраженій. Развѣ когда-нибудь существовало правительство, которое не считало бы себя опирающимся на довѣріе страны?

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что не только въ Петроградѣ, но и въ Москвѣ, на городскомъ и въ особенности земскомъ съѣздѣ, указанныя соображенія сыграли свою роль. Но на-ряду съ ними Москва выдвигаетъ соображенія, существенно иного порядка.

Политическая отвѣтственность министровъ, ихъ отвѣтственность передъ Думой, не можетъ удовлетворить страны. Государственная Дума П. А. Столыпина,—Дума 3 іюня,—не является истиннымъ представительствомъ народа; поэтому нельзя ставить знака равенства между довѣріемъ Думы и довѣріемъ страны. Конечно, благодаря возникновенію прогрессивнаго блока, Государственная Дума сумѣла подняться на значительную высоту. Но возможны и другія комбинаціи, возможно образованіе въ Думѣ другого,—умѣренно-праваго блока. Неужели довѣріе, оказанное правительству *такимъ* блокомъ, успокоитъ и сплотитъ страну, вдохнетъ въ нее твердую вѣру въ конечную побѣду надъ врагомъ? Необходимо довѣріе къ правительству *страны*, а не *Думы*. Не станемъ скрывать, что, по мнѣнію многихъ московскихъ патріотовъ, это значитъ: довѣріе Москвы, а не Петрограда.

Для всякаго, привыкшаго политически мыслить, несостоятельность приведенныхъ разсужденій до наглядности очевидна. Передъ нами дилемма: довѣріе страны къ правительству *либо* означаетъ довѣріе къ нему Думы, *либо* вообще ничего не означаетъ. При всей неудовлетворительности дѣйствующаго избирательнаго закона, Государственная Дума является единственной организаціей, выражающей мнѣніе не отдѣльной мѣстности, а всей страны, не отдѣльной группы, а всего народа. Поэтому только то министерство является „министерствомъ общественнаго довѣрія“, которое пользуется довѣріемъ думскаго большинства. Другого критерія общественныхъ настроеній, въ достаточной мѣрѣ объективнаго и общепризнаннаго, нѣтъ и не можетъ быть. Между прочимъ, не являются подобнымъ критеріемъ „приговоры“ и „резолюціи“ всероссійскихъ съѣздовъ. Съ одной стороны, съ точки зрѣнія демократической концепціи представительства, эти съѣзды еще болѣе неудовлетворительны, чѣмъ Дума. Съ другой—они являются организа-

ціей временной, преходящей: не созывать же періодически всероссійскихъ съѣздовъ для вотированія довѣрія или недовѣрія находящемуся у власти правительству?!

Такимъ образомъ, поскольку лозунгъ „министерства общественнаго довѣрія“ имѣетъ опредѣленный смыслъ, этотъ смыслъ заключается въ слѣдующемъ: необходимо нахожденіе у власти правительства единодушнаго и сильнаго довѣріемъ Думы,—такого правительства, которое и *хочетъ* и *можетъ* въ единеніи съ Думой, подъ дѣйствительнымъ ея контролемъ, трудиться надъ обороной страны и организаціей побѣды.

Необходимость общественнаго довѣрія къ министерству отнюдь не предрѣшаетъ вопроса о личномъ его составѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и въ настоящее время въ составѣ „обновленнаго министерства“, стоящаго у власти, имѣются лица, располагающія довѣріемъ парламентскаго большинства. Объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ „продолжительныя и бурныя рукоплесканія“, которыми въ историческомъ засѣданіи Думы 19 іюля было встрѣчено появленіе на трибунѣ министровъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ отождествлять „министерства общественнаго довѣрія“ съ „министерствомъ общественныхъ дѣятелей“ изъ парламентской или внѣпарламентской среды. Такое министерство, свободное отъ всякаго бюрократизма, является въ настоящихъ условіяхъ врядъ ли возможнымъ. Скажемъ больше: оно является врядъ ли желательнымъ. Переживаемое Россіей отвѣтственное и страшное время—не время для политическихъ экспериментовъ. Разъединенныя вѣками, общественная и бюрократическая Россія не могутъ сразу, во мгновеніе ока, помѣняться ролями: вверху—общественность и бюрократія подъ нею. Общественное министерство неизбѣжно оказалось бы, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, лишеннымъ той власти, какая дается традиціей. Не слѣдуетъ забывать, что *сила инерціи* на сторонѣ бюрократическаго министерства; при равныхъ условіяхъ новая власть всегда и необходимо слабѣе исторической. Потребуется огромное количество энергіи для того, чтобы приспособить „министерство общественныхъ дѣятелей“ къ исторически сложившимся условіямъ—привычкамъ и навыкамъ—бюрократической среды. И если эта энергія уйдетъ на преодолѣніе тренія, полезное дѣйствіе власти окажется ничтожнымъ. Окончательному укрѣпленію новаго политическаго уклада всегда необходимо предшествуетъ переходный періодъ упадка и дезорганизаціи, растерянности и безсилія власти. Но врагъ на родной землѣ. Кто рѣшится сказать, что дезорганизація, хотя бы и временная, власти не окажется для Россіи роковой?

И, наконецъ, нельзя не имѣть въ виду Государственной Думы. Наиболѣе важнымъ и отраднымъ явленіемъ переживаемаго страною момента мы считаемъ образованіе въ Думѣ коалиціоннаго прогрессивнаго

большинства. Это—шагъ къ организаціи общественнаго мнѣнія, являющейся необходимымъ условіемъ успѣшнаго окончанія войны. Коалиція партій—неустойчивая, какъ всякая коалиція—еще не выдержала испытанія временъ. Политическій опытъ доказываетъ, что это испытаніе является наиболѣе труднымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда коалиція оказывается у власти. Было бы болѣе чѣмъ печально, если бы появленіе у власти общественнаго министерства раскололо на части съ такимъ трудомъ налаженное парламентское большинство. Во всякомъ случаѣ, при существующихъ условіяхъ изъ всѣхъ министерскихъ кандидатуръ кандидатурѣ партійной всего труднѣе завоевать общенаціональное признаніе.

Конечно, стоящее у власти министерство не является „правительствомъ общественнаго довѣрія". Его реорганизація—настоятельное и неотложное требованіе политическаго момента. Больше того; весьма желательно привлеченіе въ его составъ общественныхъ дѣятелей, пользующихся широкимъ довѣріемъ и общепризнаннымъ авторитетомъ. Однако, не столько въ измѣненіи состава правительства, сколько въ измѣненіи его политики—единственный выходъ изъ кризиса, переживаемаго Россіей. Необходимо отказаться отъ всякой борьбы съ Государственной Думой, пойти ей навстрѣчу, заявить о готовности работать въ единеніи съ нею, на основѣ политической программы ея умѣренно-прогрессивнаго большинства.

Величайшіе интересы отечества категорически требуютъ самоотреченія не только отъ правительства, но и отъ страны. Правительство должно отказаться отъ слѣпой и безсмысленной вѣры въ свою политическую непогрѣшимость. Эта вѣра подорвана въ корнѣ поистинѣ ужасающимъ опытомъ пережитыхъ дней. Съ своей стороны общество должно отказаться отъ всякихъ радикальныхъ экспериментовъ, отъ всѣхъ далеко идущихъ требованій, предъявляемыхъ къ власти. Оно должно помнить, что передъ лицомъ враговъ, въ разгаръ войны, эти требованія принудительной санкціи лишены; ибо всякая санкція, разсчитанная на принужденіе власти, была бы предательствомъ и измѣной въ отношеніи къ родной землѣ.

Влад. Гессенъ.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Сентябрь 1915 года.

Содержаніе: I. **Книги:** Литература, исторія литературы и литературная критика.— Философія. — Исторія. — Правовѣдѣніе. — Политическая экономія, статистика и финансы. II. **Книжныя новости.** III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 августа по 1 сентября 1915 года.**

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА.

Бар. Д. Г. Гинцбургъ. О русскомъ стихосложеніи.

Бар. Д. Г. Гинцбургъ. **О русскомъ стихосложеніи. Опытъ изслѣдованія ритмическаго строя стихотвореній Лермонтова. Посмертное изданіе, съ портретомъ автора, подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. М. Князева. Петроградъ, 1915 г. Стр. XLIII + 270. Ц. 2 р.**

Долгое время русская метрика, какъ наука, была въ полномъ пренебреженіи. Со временъ „Словаря древней и новой поэзіи“ Н. Остолопова, труда, для своего времени обстоятельнаго (4 т., 1821 г.), до самаго XX в. можно указать лишь 2—3 серьезныя работы по русской метрикѣ, да и то по частнымъ вопросамъ (статьи Ѳ. Е. Корша, брошюра П. Голохвастова и др.). Учебники словесности, въ отдѣлѣ, посвященномъ стиху, довольствовались мертвой схоластикой, восходящей къ Ломоносову, Тредьяковскому и Востокову. Возрожденіе интереса къ метрикѣ связано у насъ съ появленіемъ статей А. Бѣлаго („Символизмъ“, М., 1910 г.), подведшаго итоги тѣмъ наблюденіямъ и выводамъ, которые дѣлались въ нѣкоторыхъ замкнутыхъ литературныхъ кружкахъ. Тогда же возникло нѣсколько обществъ, занятыхъ изученіемъ русской метрики, и стали появляться подлинно-научныя статьи по ея вопросамъ (Н. Недоброво, В. Чудовскаго, С. Лукьянова, С. Боброва и др.). Вышедшая въ 1914 г. работа В. Шульговскаго представляетъ уже значительный шагъ впередъ, сравнительно со схоластикой недавнихъ руководствъ, исходитъ въ своихъ построеніяхъ изъ правильныхъ основаній и привлекаетъ къ изслѣдованію новѣйшія явленія нашей поэзіи.

Книга бар. Гинцбурга кажется примыкающей къ этому новому теченію въ теоретической разработкѣ русской метрики, такъ какъ авторъ, какъ А. Бѣлый и его послѣдователи, опирается прежде всего на рѣшительное разграниченіе *метра* и *ритма*. Надо, однако, замѣтить, что бар. Гинцбургъ началъ свою работу еще въ 90-хъ годахъ (когда и на-

печаталъ отрывки изъ нея), и только случайныя обстоятельства отсрочили появленіе книги на много лѣтъ. Такимъ образомъ въ рѣшеніи иныхъ вопросовъ бар. Гинцбургу принадлежитъ, по праву, пріоритетъ. Отъ другихъ метриковъ бар. Гинцбургъ отличается крайностью своихъ выводовъ: онъ совершенно отвергаетъ метръ, считая нашу теорію стихосложенія „произвольною", и единственной основой стиха полагаетъ ритмъ, отождествляя его съ ритмомъ музыкальнымъ. Мы не можемъ раздѣлять этихъ увлеченій автора, но опроверженіе ихъ завело бы насъ слишкомъ далеко. Во всякомъ случаѣ книга бар. Гинцбурга очень содержательна; авторъ прекрасно освѣдомленъ въ сравнительной метрикѣ и подтверждаетъ свои соображенія аналогіями изъ поэзіи латинской, французской, итальянской, испанской, португальской и даже арабской. Къ сожалѣнію, чувствуется, что окончательной обработки книга не получила: есть повторенія и, наоборотъ, кое-что лишь бѣгло намѣчено. Послѣдній недостатокъ отчасти восполняется интереснымъ предисловіемъ редактора изданія, Г. М. Князева.

Валерій Брюсовъ.

ФИЛОСОФІЯ.

Д. С. Дарскій. Чудесные вымыслы. О космическомъ сознаніи въ лирикѣ Тютчева.— *С. Х. Хинтонъ.* Четвертое измѣреніе и новая эра мысли.

Д. С. Дарскій. **Чудесные вымыслы. О космическомъ сознаніи въ лирикѣ Тютчева. Москва, 1914 г. Стр. X+136. Ц. 1 р. 50 к.**

Книга г. Дарскаго посвящена изслѣдованію духовнаго содержанія поэзіи Тютчева; вопросы поэтической *формы, стиля* въ тѣсномъ смыслѣ слова въ ней почти не затрогиваются. Внимательное изученіе идейнаго богатства поэзіи Тютчева есть, конечно, чрезвычайно нужное и благодарное дѣло, едва только начинающееся. Работа г. Дарскаго имѣетъ въ этомъ отношеніи несомнѣнныя заслуги. Правда, безусловно оригинальнаго въ ней не очень много: большинство основныхъ идейныхъ мотивовъ поэзіи Тютчева, намѣчаемыхъ ею, уже были указаны въ критической литературѣ. Но г. Дарскій развиваетъ ихъ подробнѣе (лишь изрѣдка впадая при этомъ въ ненужное многословіе), въ извѣстномъ смыслѣ популяризируетъ ихъ и, что особенно цѣнно, мѣстами хорошо иллюстрируетъ детальными разборами отдѣльныхъ стихотвореній. Въ этомъ отношеніи его книга можетъ быть полезной не только для читающей публики вообще, но и какъ педагогическое пособіе (см., напримѣръ, анализы на стр. 54—57 и 104—107). Картина міросозерцанія и мироощущенія Тютчева, возсоздаваемая г. Дарскимъ, въ общемъ представляется намъ вѣрной и захватывающей наиболѣе существенное.

Отрицательной стороной книги г. Дарскаго является недостаточная продуманность и систематичность изложенія, которая по большей части замѣняется нѣкоторой превыспренностью и патетичностью стиля. Въ нашей литературной критикѣ господствуетъ теперь,—вѣроятно, какъ реакція противъ тенденціозно-„идейной" критики прошлаго,—манера сознательнаго уклоненія отъ логически-отчетливаго изложенія мыслей и замѣны его стилемъ лирическимъ, имѣющимъ цѣлью *заразить* читателя поэтическимъ настроеніемъ изслѣдуемаго автора. Можетъ быть, такая

манера и имѣетъ нѣкоторую педагогическую цѣнность въ отношеніи тѣхъ читателей, которые не въ состояніи художественно воспринимать самого поэта и которымъ поэтому нужно давать эту пищу, такъ сказать, въ разжеванномъ или разжиженномъ видѣ. Но принципіально это ненужная работа, потому что критикъ не можетъ же лирически выразить настроеніе лучше, чѣмъ это сдѣлалъ самъ поэтъ. А между тѣмъ, такой стиль соблазняетъ уклоняться отъ основной задачи критики, отъ переложенія поэтическаго единства въ логически выраженную систему опредѣленій. Конечно, никакое поэтическое настроеніе и міровоззрѣніе не можетъ быть исчерпано такой системой и вполнѣ адэкватно въ ней выражено; но *поскольку* это вообще возможно, именно въ этомъ состоитъ задача критики. Къ этой основной задачѣ г. Дарскій относится нѣсколько небрежно: въ его изложеніи мотивы поэзіи Тютчева выступаютъ скорѣе, какъ наборъ безсистемнаго многообразія, чѣмъ какъ систематическое единство. Какъ и почему именно въ міровоззрѣніи Тютчева „пристрастіе къ землѣ“ совмѣщается съ любовью къ смерти, пантеистическое восхваленіе „божески-всемірной жизни“ съ ощущеніемъ мірового разлада, съ чувствомъ одиночества человѣка въ мірѣ и ужаса передъ темной бездной? На эти и имъ подобные вопросы читатель не найдетъ у г. Дарскаго точныхъ и достаточно обоснованныхъ отвѣтовъ, а лишь недосказанные и, кажется, недодуманные до конца и потому иногда противорѣчивые намеки на отвѣты. А между тѣмъ, при несомнѣнной умственной и эстетической чуткости автора, онъ былъ бы въ состояніи, при болѣе трезвомъ и отвѣтственномъ отношеніи къ своимъ мыслямъ, дать въ этомъ отношеніи много цѣннаго.

Совершенно неудачнымъ кажется намъ заглавіе книги. Уже Вл. Соловьевъ показалъ, что поэзія Тютчева есть выраженіе подлинныхъ убѣжденій поэта, выраженіе объективнаго *знанія* существа вселенской и человѣческой жизни, а никакъ не „чудесные вымыслы“, и въ своемъ изложеніи г. Дарскій явно раздѣляетъ эту правильную точку зрѣнія; благодаря этому, заглавіе въ нѣкоторомъ смыслѣ противорѣчитъ содержанію книги.

С. Франкъ.

С. Х. Хинтонъ. **Четвертое измѣреніе и новая эра мысли. К-во „Новый человѣкъ“. Петроградъ, 1915 г. Стр. VIII + 256. Ц. 1 р. 75 к.**

Вопросъ о четвертомъ измѣреніи возникъ какъ проблема математическая. Критическій разборъ теоріи параллельныхъ линій привелъ, какъ извѣстно (труды Гауса, Боліая, Лобачевскаго, Римана и др.), къ обобщенному понятію пространства и къ „пангеометріи“, по отношенію къ которой Эвклидова геометрія—лишь частный случай. Далѣе естественно слѣдовало допущеніе множественности измѣреній пространства, причемъ аналитическій методъ давалъ возможность разсмотрѣть и свойства тѣлъ N-наго измѣренія, выразивъ ихъ въ соотвѣтственныхъ формулахъ (работы M. Boucher, F. Warrain и др.). Однако, четвертое измѣреніе, независимо отъ его математическаго толкованія, есть также проблема философіи и даже натуръ-философіи. Трансцендентальная *необходимость созерцать* пространство по тремъ измѣреніямъ не лишаетъ насъ *права мыслить* пространство многихъ измѣреній. Тогда открываются для мысли перспективы неожиданныя: такъ, напримѣръ, допущеніе 4-го измѣренія позволяетъ дать правдоподобныя (хотя и пробле-

матическія) объясненія нѣкоторыхъ феноменовъ, до сихъ поръ далеко не уясненныхъ,—симметричности въ строеніи живыхъ тѣлъ, биполярности электрическаго тока и т. п. Тѣмъ самымъ проблема четвертаго измѣренія перестаетъ быть праздной „игрой мысли", но обѣщаетъ оказаться полезной, хотя бы въ качествѣ гипотезы, подобно, напримѣръ, гипотезѣ эѳира, принесшей такія цѣнныя услуги наукѣ.

Къ сожалѣнію, книга С. Х. Хинтона, хотя и разсматриваетъ вопросъ съ разнообразнѣйшихъ точекъ зрѣнія, даже съ педагогической („воспитаніе воображенія"), даетъ гораздо меньше, чѣмъ можно ожидать по ея заглавію и по ея нѣкоторой извѣстности. По-русски уже существуетъ маленькая литература по вопросу о четвертомъ измѣреніи (кромѣ книгъ чисто-математическихъ, особенно обстоятельна работа П. Д. Успенскаго), и кто сколько-нибудь знакомъ съ ней, найдетъ у Хинтона цѣлыя главы, заполненныя изложеніемъ давно извѣстныхъ соображеній (напримѣръ, аналогіи съ существами двухмѣрнаго міра). Кромѣ того, книга Хинтона составилась, повидимому, изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ очерковъ, и объ одномъ и томъ же, съ одинаковыми примѣрами, въ ней говорится по два и по три раза. Напротивъ, много интереснаго упущено: такъ, едва упоминается объ извѣстномъ предположеніи, что 4-е измѣреніе не что иное, какъ *время*. Кстати сказать, у насъ теперь г. Аксеновъ выдаетъ это предположеніе за свое замѣчательное „открытіе", но на Западѣ оно давно успѣло стать столь популярнымъ, что, напримѣръ, Анатоль Франсъ мимоходомъ излагалъ его, устами своего героя, въ одномъ изъ романовъ („Histoire Comique"). Въ общемъ книга Хинтона могла бы быть полезна только читателю, впервые подступающему къ вопросу, но этому мѣшаетъ тяжелый, запутанный и неправильный языкъ перевода; научные термины искажены, на каждой страницѣ пестрятъ выраженія, вродѣ „*что* то, *что* кажется всѣмъ, есть *лишь просто*"..., „вѣроятность *противъ* удваиванія", „возвращаясь къ *плоскости* сознаніи", смыслъ нѣкоторыхъ фразъ совершенно неуловимъ и т. д. Впрочемъ, несмотря на похвалы англійской критики ясному изложенію Хинтона, намъ кажется, что въ темнотѣ иныхъ мѣстъ виноватъ не только переводчикъ.

Валерій Брюсовъ.

ИСТОРІЯ.

James Mavor. An economic history of Russia.

James Mavor, Ph. D. professor of political economy in the university of Toronto. **An economic history of Russia. 1914. London & Toronto. I. M. Dent & sons Ld. New Iork. E. P. Dutton & C°. 4°. Volume one The rise & fall of Bondage right (стр. XXXII + 614). Volume two. Industri & revolution (стр. XXII + 630). Цѣна не указана.**

Съ большимъ интересомъ берешься за новую книгу канадскаго ученаго. Съ чувствомъ глубокой удовлетворенности встрѣчаешь на ея страницахъ горячую симпатію и довѣріе къ творческимъ силамъ Россіи, къ трудовой жизни русскаго народа. [1]) Внимательное отношеніе автора къ

---

[1]) Проф. Мэвору пришлось близко наблюдать жизнь русскихъ крестьянъ между прочимъ среди переселившихся въ Канаду духоборовъ.

предметамъ своего изслѣдованія, почти полное отсутствіе промаховъ и недоразумѣній съ документами чужихъ для автора языка и народа сразу покоряютъ читателя.

Первый томъ книги проф. Мэвора посвященъ преимущественно исторіи русскаго крестьянства. Первая часть (book) этого тома представляетъ общій очеркъ экономическаго и политическаго развитія Россіи до средины XVIII столѣтія; особое вниманіе при этомъ удѣлено происхожденію крѣпостного права. Очеркъ составленъ преимущественно по курсу В. О. Ключевскаго, съ которымъ, какъ это видно по предисловію, проф. Мэворъ познакомился въ подлинникѣ еще до выхода англійскаго перевода „Курса русской исторіи". Иногда изложеніе курса дополняется, впрочемъ, поправками изъ другихъ пособій (см. ссылку на „Княжое право" А. Е. Прѣснякова на стр. 19).

Въ основу картины состоянія русскаго крестьянства XVIII вѣка (вторая часть перваго тома) положенъ извѣстный трудъ В. И. Семевскаго „Крестьяне при Екатеринѣ II". [1])

На основаніи другой работы В. И. Семевскаго очерченъ „Крестьянскій вопросъ" въ русскомъ обществѣ отъ средины XVIII до средины XIX вѣка. Для изображенія крестьянской реформы 19 февраля 1861 г. главнымъ пособіемъ послужили статья А. А. Корнилова въ сборникѣ „Крестьянскій строй" [2]) и коллективное изданіе „Великая реформа".

Третья часть I тома, крѣпостная фабрика, составлена отчасти по книгѣ М. И. Туганъ-Барановскаго. Но уже и во второй и въ третьей части I тома проявляется большая освѣдомленность автора въ ученой литературѣ, и уменьшается зависимость его отъ одного, хотя бы и классическаго—труда.

Второй томъ составленъ проф. Мэворомъ уже вполнѣ самостоятельно и по собственному плану. Планъ этотъ представляется нѣсколько сложнымъ, и преимущества его не вполнѣ ясны.

Первая часть II тома (book IV) излагаетъ русскія „политико-соціальныя движенія до 1903 года" (Пугачевъ, декабристы, „Земля и воля", движеніе въ народъ, „Народная воля", соціалъ-демократическое и соціалъ-революціонное движеніе, „зубатовщина", еврейскіе погромы, дальневосточная политика Россіи). Слѣдующая часть отдана „аграрному вопросу и его революціоннымъ фазамъ" (въ XX вѣкѣ, вплоть до 1906 г.). Затѣмъ слѣдуетъ „промышленное развитіе при капитализмѣ" (рабочій вопросъ и фабричное законодательство второй половины XIX вѣка). Наконецъ, послѣдняя часть разсматриваетъ „революціонное движеніе въ Россіи 1903—1907 гг." (общая стачка въ южной Россіи 1903 г., Гапонъ и 9 января 1905 г., стачечное движеніе и общая стачка въ октябрѣ 1905 г., контръ-революція 1905—1906 гг., недовольство и бунты въ арміи и флотѣ, совѣтъ рабочихъ депутатовъ, агитація за 8-мичасовой рабочій день, московское вооруженное возстаніе въ декабрѣ 1905 г., „азефщина"). Заключительная глава „Интеллигенція и революція" касается сборника „Вѣхи".

Сочиненіе проф. Мэвора представляетъ большой интересъ для за-

---

[1]) Въ приложеніи къ первому тому сочиненія проф. Мэвора помѣщена краткая, спеціально написанная замѣтка В. И. Семевскаго о числѣ крѣпостныхъ въ Россіи.

[2]) Другія работы А. А. Корнилова, повидимому, неизвѣстны проф. Мэвору.

падно-европейскаго и американскаго читателя. Русскому—врядъ ли дастъ что-либо новое первый томъ; второй томъ, представляя обзоръ послѣднихъ соціально-политическихъ движеній, основанный отчасти на документахъ, опубликованныхъ за границей, останавливаетъ на себѣ вниманіе и русскаго читателя.

Нѣкоторой помѣхой будетъ ему служить лишь неясность плана, избраннаго здѣсь проф. Мэворомъ. За иные періоды въ книгѣ даются только свѣдѣнія о хозяйственномъ положеніи крестьянъ и рабочихъ; за другіе—рисуются также политическія движенія этихъ и даже другихъ классовъ (декабристы). Иногда содержаніе книги шире заглавія („экономическая исторія Россіи"); но тогда хочется уже не случайныхъ отрывковъ, а цѣльнаго очерка политическаго развитія. Разъ этого въ книгѣ нѣтъ, невольно получаются искаженныя картины политической жизни (выпало, напримѣръ, либеральное движеніе послѣдняго полустолѣтія).

Иногда, наоборотъ, заглавіе шире книги, и существенныя черты экономическаго развитія страны остаются неотмѣченными; описаніе жизни и настроеній трудовыхъ классовъ народа (крестьянъ и рабочихъ) въ различные періоды новѣйшей Россіи занимаетъ мѣсто послѣдовательнаго анализа ея экономическаго развитія. Между свѣдѣніями о политическихъ движеніяхъ подчасъ теряется нить экономической исторіи.

Сказанное, конечно, не мѣняетъ основного настроенія русскаго читателя книги: благодарности проф. Мэвору за его серьезный вкладъ въ англійскую литературу о Россіи.

Г. Вернадскій.

ПРАВОВѢДѢНІЕ.

С. А. Бѣляцкинъ. Гражданскій оборотъ и война.

С. А. Бѣляцкинъ. **Гражданскій оборотъ и война. Петроградъ, 1915 г. Ц. 75 к.**

Книга С. Бѣляцкина принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя пишутся и читаются только въ виду злободневности темы. Впрочемъ, заглавіе книги шире ея содержанія; послѣднее почти исчерпывается непреодолимою силою.

Вопросъ о непреодолимой силѣ всплылъ у насъ въ связи съ войною и сталъ теперь излюбленнымъ предметомъ обсужденія цивилистовъ. С. А. Бѣляцкинъ только сводитъ уже высказанныя въ литературѣ мнѣнія въ своемъ резюме, что „непреодолимая сила, т.-е. чрезвычайное обстоятельство, неизмѣримо превышающее нормальный ходъ дѣлъ, въ объективномъ смыслѣ, освобождаетъ должника отъ исполненія (?), если онъ къ неисправности былъ вынужденъ физическими или юридическими препятствіями, вызванными непреодолимою силою. Экономическая невозможность можетъ быть въ отдѣльныхъ случаяхъ поставлена въ рядъ съ физическою и юридическою" (стр. 68).

Опредѣленіе непреодолимой силы, какъ „чрезвычайнаго приключенія", не только старо, но само по себѣ и малосодержательно. Между тѣмъ всѣ дальнѣйшія разсужденія автора, направленныя на развитіе и обоснованіе этого опредѣленія, представляютъ собою лишь неудачную

модификацію ученія Экспера—отца объективныхъ теорій,—которая не можетъ уже удовлетворить насъ при современномъ состояніи вопроса въ практикѣ и теоріи. „Оригинальныя“ мысли автора также не представляютъ цѣнности. Это или терминологическія новшества: запутывающія ясныя, безспорныя понятія, вродѣ „виновная невозможность“, „простая невозможность“ вмѣсто вины и случая, съ одной стороны, и разныхъ видовъ невозможности—съ другой, ибо это совершенно разнородныя категоріи въ ученіи о возмѣщеніи вреда, какъ субъективный и объективный моменты невмѣненія. Также трескучія фразы объ „общественномъ благѣ“, „справедливости“, „довѣріи къ судьѣ“ и т. п., которыя такъ неумѣстно всюду вставлены и такъ шаблонно звучатъ, что не производятъ впечатлѣнія.

Анализъ статей нашего столь своеобразнаго и конкретно-выразительнаго т. X, ч. I и практики сената вызываетъ лишь рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ и отнюдь не свидѣтельствуетъ о глубокомъ проникновеніи и историческомъ чутьѣ автора. Единственный положительный выводъ изъ книги тотъ, что война есть непреодолимая сила и при извѣстныхъ условіяхъ освобождаетъ должника отъ возмѣщенія убытковъ (а не отъ исполненія), вызванныхъ неисполненіемъ обязательствъ. Заслуживаютъ нѣкотораго вниманія иллюстраціи этого школьнаго положенія, почерпнутыя изъ практики войны, малоизвѣстной широкой публикѣ.

Въ общемъ книга никому не нужна: для юриста-теоретика она слишкомъ слаба, несамостоятельна и недостаточна, для юриста-практика безполезна, если не вредна, благодаря неразборчивому смѣшенію догматическихъ положеній съ сужденіями изъ области политики права, а для не-юриста неудобопонятна.

С. Ахмерова.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, СТАТИСТИКА И ФИНАНСЫ.

М. Н. Селиховъ, Я. М. Букшпанъ и *Е. И. Омельченко.* Матеріалы по чайной торговлѣ въ связи съ проектомъ введенія въ Россіи чайной монополіи.

М. Н. Селиховъ (ред.), Я. М. Букшпанъ и Е. И. Омельченко. **Матеріалы по чайной торговлѣ въ связи съ проектомъ введенія въ Россіи чайной монополіи. Петроградская фруктовая, чайная, винная и рыбная биржа. Петроградъ, 1915 г. Стр. 133+133+31+5.**

Обстоятельная, основанная на большомъ и удачно подобранномъ статистическомъ матеріалѣ, записка фруктовой и пр. биржи обнаруживаетъ на характерномъ частномъ примѣрѣ, какъ осторожно нужно относиться къ выдвигаемымъ съ разныхъ сторонъ проектамъ казенныхъ монополій, обѣщающимъ фиску огромные барыши, а потребителю дешевый и доброкачественный продуктъ. Критическая провѣрка цифровыхъ расчетовъ, на которыхъ основываются сторонники чайной монополіи, приводитъ авторовъ записки къ выводу, что предполагаемый весьма значительный доходъ отъ монополіи (имѣется въ виду, главнымъ образомъ, проектъ проф. Мигулина) могъ бы быть полученъ казной только при слѣдующей невѣроятной комбинаціи условій производства и продажи чая: пониженіи себѣстоимости чая, повышеніи средней продажной

цѣны и одновременномъ ростѣ сбыта. Если же не допускать такихъ, завѣдомо не отвѣчающихъ дѣйствительности, предположеній, то доходъ отъ монополіи, по исчисленіямъ авторовъ записки, едва могъ бы достичь размѣровъ получаемаго отъ обложенія чая таможеннаго дохода.

Кромѣ общихъ теоретическихъ аргументовъ противъ казенныхъ монополій, записка выдвигаетъ противъ проекта чайной монополіи указаніе на спеціальную трудность, съ которой пришлось бы столкнуться казнѣ въ случаѣ введенія монополіи. Чай приходится закупать на иностранныхъ рынкахъ съ постоянно мѣняющейся конъюнктурой; покупатель долженъ обладать умѣніемъ быстро приспособляться къ этимъ перемѣнамъ и спекулировать на нихъ. Такія задачи по плечу коммерсанту, умѣющему проявить при необходимости „смѣлость предпринимательскаго духа“, но не чиновнику, свободной дѣятельности котораго поставлены тѣсные предѣлы.

Кромѣ матеріаловъ, непосредственно относящихся къ вопросу о монополіи, въ запискѣ детально разработаны данныя о производствѣ чая и привозѣ его въ Россію, оборотахъ чайной торговли, таможенномъ обложеніи чая и др. Особенно тщательно подобранъ по земскимъ и правительственнымъ бюджетнымъ изслѣдованіямъ матеріалъ о потребленіи чая въ отдѣльныхъ районахъ Россіи.

Записка обильно снабжена таблицами, рисунками и діаграммами.

В. Штейнъ.

Книжныя новости.

(Вышедшія по 21-е августа 1915 года.)

I. Литература.

§ 1. Беллетристика: а) русская; б) переводная. § 2. Языковѣдѣніе. § 3. Теорія словесности. § 4. Исторія всеобщей литературы. § 5. Исторія русской литературы. § 6. Критика; библіографія.

§ 1а. **А. К.** Отзвуки войны. Сборникъ стихотвореній. Со вступительной статьей автора. Къ границѣ. Стихотвореніе М. Конопницкой. (Эпизодъ изъ принудительнаго выселенія поляковъ пруссаками.) Перев. съ польскаго А. К. Петроградъ, 1915. Изд. Скобел. комит. 105 стр. Ц. 60 к.

Арцыбашевъ, М. Куперіянъ. Разсказъ. Универсальная библіотека, № 979. М., 1915. Изд. акц. о-ва универс. б-ка. 4 нен. стр. Ц. 10 к.

Асѣевъ, Н. и Петниковъ, Г. Лѣторѣй. Книга стиховъ. М., 1915. Изд. кн-ва „Лирень". 32 стр. Ц. 70 к.

Бортневичъ, С. Отъ тьмы къ свѣту. Петроградъ, 1915. 86 стр. Ц. 20 к.

Брусянинъ, В. В. Въ рабочихъ кварталахъ. (Очерки.) Петроградъ, 1915. Изд. кн-ва „Жизнь и Знаніе". 309+64 стр. Ц. 1 р.

Гернетъ, С. П. Сатиры Скальда. Петроградъ, 1915. 168 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Гринъ, А. Загадочныя исторіи. Петроградъ, 1915. Изд. журнала „Отечество". 205 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Гусевъ-Оренбургскій, С. Злой духъ. Рахиль. Козелихинскій дьяконъ. Не отъ міра сего. (Универсальная б-ка, № 1074.) М., 1915. Изд. акц. об-ва Универсальная б-ка. 88 стр. Ц. 10 к.

— Казакъ Колодинъ. Стрѣла. Заступникъ. (Унив. б-ка, № 1073.) М., 1915. Изд. акц. об-ва Универс. б-ка. 84 стр. Ц. 10 к.

Донской, А. И. Въ пламени войны. Романъ. 1915. 182 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Дружининъ, А. В. Полинька Саксъ. Повѣсть. М., 1915. Изд. 2-е, Акц. об-ва Унив. б-ка. 118 стр. Ц. 10 к.

Жуковскій, В. А. Стихотворенія. Со вступительной статьей и примѣчаніями П. Н. Сакулина. Историко-литературная б-ка, № 27. Подъ ред. Иванова-Разумника. Петроградъ, 1915. XVIII+390+3 нен. стр. Ц. 50 к.

— Орлеанская дѣва. Со вступительной статьей и примѣчаніями П. Н. Сакулина. Историко-литературная б-ка, № 28. Подъ ред. Иванова-Разумника. № 28. Петроградъ, 1915. XIX+192+3 нен. стр. Ц. 35 к.

Коринфскій. А. Славянскія бывальщины. Внукъ Боривая. Старый Маргеръ. Гибель Царьграда. Константинъ Бронковано. Ратиборъ. Унив. б-ка. М., 1915. Изд. кн-ва „Польза". 60 стр. Ц. 10 к.

Краснопольская, Т. Завтра. Романъ. Петроградъ, 1915. Изд. М. И. Семенова. 132 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Крашенинниковъ, Н. Т. III. Сказка любви. Маленькій романъ, звѣздная сказка. М. 1915. Изд. Московск. книгоиздат., 3-е. 172+16 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. IV. Дѣвственность. Записки страннаго человѣка. Романъ въ двухъ частяхъ. М., 1915. Изд. Московск. кн-ва, 3-е. 408+16 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

Криницкій, М. Душа женщины. Разсказы. М. 1915. Изд. 2-е, Современной б-ки. 129 стр. Ц. 1 р.

Крыловъ, И. А. Басни. Полное собраніе. Петроградъ, 1915. Изд. И. И. Холмушина. 217+V стр. Ц. 75 к.

На помощь воинамъ. Сборникъ стихотвореній, сценъ и разсказовъ. Подъ ред.

Г. В. Анофріева. Калуга, 1915. Изд. Общества помощь воину. 16 стр. Ц. 20 к.

Лаппо-Данилевская, Н. А. Княжна Мара. Романъ. Петроградъ, 1915. Изд. 3-е. 295 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Лоранъ (Глѣбъ Ивановичъ). Тѣни жизни. Петроградъ, 1915. 139 стр.

Лауръ, Р. Н. (псевдонимъ). Расплата и искушеніе. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Петроградъ, 1915. 58 стр. Ц. 1 р.

Маньковскій, К. И. Слово о полку Игоревѣ. Лирическая поэма Внука Боянова. Текстъ памятника и переводъ съ примѣчаніями и родословной таблицей потомковъ Владиміра Святаго. Житоміръ, 1915. 115 стр.+1 табл.

Мордовцевъ, Д. Л. Говоръ камней. 14 разсказовъ изъ жизни Древняго Египта. Т. XXXIII. Кн. I. Петроградъ, 1915. Изд. Сѣверо-русскаго издательства (И. П. Перевозникова), 5-е. 149—243 стр. Ц. 50 к.

— За всемірное владычество. Историческій романъ быта временъ Марія. (Борьба понтійскаго царя Митридата.) Т. XX. Петроградъ, 1915. Изд. Сѣверо-русскаго издательства (И. П. Перевозникова), 2-е. 181 стр. Ц. 75 к.

— Замурованная царица. Романъ изъ исторіи Древняго Египта. Первое полное собраніе сочиненій. Т. XXVI. Петроградъ, 1915. Изд. 5-е, И. П. Перевозникова. 147 стр. Съ портр. Ц. 1 р.

— За чьи грѣхи? Историческая повѣсть изъ временъ бунта „Стеньки Разина". Т. XI. Кн. I. Петроградъ, 1915. Изд. Сѣверо-русскаго издательства (И. П. Перевозникова), 5-е. 192 стр. Ц. 1 р.

— Иродъ. Историческій романъ изъ древне-египетской жизни. Т. XXXIII. Кн. II. Петроградъ, 1915. Изд. Сѣверо-русскаго издательства (И. П. Перевозникова), 5-е. 176 стр. Ц. 1 р.

— Іосифъ въ странѣ фараона. Повѣсть изъ древне-египетской жизни. Первое полное собраніе сочиненій. Т. VIII. Кн. II. Петроградъ, 1915. Изд. 5-е, И. П. Перевозникова. 106 стр. Съ портр. Ц. 75 к.

— Послѣдніе дни Іерусалима. Историческая повѣсть. Т. VIII. Кн. I. Петроградъ, 1915. Изд. Сѣверо-русскаго издательства (И. П. Перевозникова), 7-е. 111 стр. Ц. 75 к.

— Сагайдачный. Историческая повѣсть изъ временъ вольнаго казачества и разграбленія „Каффы" (нынѣшней Ѳеодоссіи въ Крыму). Т. I. Петроградъ, 1915. Изд. Сѣверо-русскаго издательства (И. П. Перевозникова), 5-е. XXXVIII+219 стр. Съ портр. Ц. 1 р.

— Сочиненія. Т. III. Великій расколъ. Историческій романъ изъ эпохи царствованія Алексѣя Михаиловича. Петроградъ, 1915. Изд. 6-е, Сѣверо-русскаго издательства. 396 стр. Съ 1 портр. Ц. 1 р. 50 к.

— Сочиненія. Т. VI. Двѣнадцатый годъ (Александрова-Дурова). Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ. Петроградъ, 1915. Изд. 5-е, Сѣверо-русскаго издательства. 485 стр. Съ 1 портр. Ц. 2 р.

— Сочиненія. Т. XIX. Новыя историческія повѣсти. Свѣту больше. Соціалистъ прошлаго вѣка. Тульскій Кречетъ. Видѣніе въ публичной б-кѣ. Крымская неволя. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, Сѣверо-русскаго издательства. 315 стр. Съ 1 портр. Ц. 1 р. 25 к.

— Сочиненія. Т. XXII. Повѣсти и разсказы. Между Сциллой и Харибдой. Архимандритъ. Гетманъ. Кавказскій герой. Наши пирамиды. Два призрака. Грустное воспоминаніе. Кто онъ? Петроградъ, 1915. Изд. 4-е, Сѣверо-русскаго издательства. 316 стр. Съ 1 портр. Ц. 1 р. 25 к.

— Сочиненія. Т. XXVII. Желѣзомъ и кровью. Романъ изъ исторіи завоеванія Кавказа ген. Ермоловымъ. Петроградъ, 1915. Изд. 4-е, Сѣверо-русскаго издательства. 254 стр. Съ 1 портр. Ц. 1 р. 50 к.

— Сочиненія. Т. LVIII Ясновельможная панна (Елена Масальская). 1771—1895. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, Сѣверо-русскаго товарищества. 579 стр. Съ 1 портр. Ц. 1 р. 50 к.

— Царь безъ царства. Романъ изъ исторіи послѣднихъ дней царства Имеретинскаго. Т. XXVIII. Петроградъ, 1915. Изд. Сѣверо-русскаго издательства (И. Перевозникова), 5-е. 206+1 нен. стр. Цѣна 1 р. 50 к.

— Царь и Гетманъ. Историческій романъ въ двухъ частяхъ, изъ временъ основанія Петербурга и „Полтавской битвы". Т. XXX. Кн. 6. Петроградъ, 1915. Изд. Сѣверо-русскаго издательства (И. П. Перевозникова), 5-е. 292 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

Наживинъ, Ив. На нивѣ народной. Золотая рота. Вѣнокъ Хадыи. Изд. Акц. о-ва Универсальная б-ка. 94+2 нен. стр. Ц. 10 к.

Призраки Эллады. Лирическая картина изъ античной жизни въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Слова С. Мамонтова. Муз. Полѣнова. М., 1915. 5 нен. стр.

Пуришкевичъ, В. Солдатскія пѣсни. Петроградъ, 1915. 108+1 нен.+II стр. Съ портр. Ц. 25 к.

Пушкинъ, А. С. Полное собраніе сочиненій. Въ двухъ томахъ. Петроградъ, 1916. Изд. П. И. Холмушина, 3-е. 480+478 стр. Ц. 2 р.

Рудичъ, В. Ступени. Петроградъ, 1915. Изд. 3-е, кн-во „Прометей". 96 стр. Ц. 50 к.

Савватій. Силы жизни. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е. 88 стр. Ц. 1 р.

Серафимовичъ, А. На рѣкѣ. Разсказы. М., 1915. Изд. 2-е, кн-ва писателей въ Москвѣ. 191+8 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Сухотинъ, М. Дары горя. Петроградъ, 1915. 110+2 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Фонвизинъ, С. Конецъ дневника. Сплетня. Петроградъ, 1915. Изд. 4-е. 221 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Чулковъ, Г. Сатана. Романъ. М., 1915. Изд. кн-ва „Жатва". 185 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Шухминъ, Х. Безпросвѣтная жизнь или общественники. Разсказъ въ 4-хъ частяхъ. М., 1915. 48 стр.

Янковъ, Н. „Наканунѣ". Стихотвореніе. Предисловіе Антона Сорокина. Омскъ, 1915. III+40 стр. Ц. 50 к.

§ 16. **Деледда, Грація.** Пепелъ. Романъ. Перев. съ итал. Н. Багатуровой Универсальная б-ка, № 1047—1050. М., 1915. Изд. кн-ва „Польза". 317 стр. Ц. 40 к.

Пшибышевскій, С. Дѣти горя. Романъ. Авторизов. пер. съ рукописи Владислава Ходасевича. М., 1915. Изд. Акц. об-ва Универсальная б-ка. 219+4 нен. стр. Ц. 1 р.

Твэнъ, М. Похищеніе бѣлаго слона и др. юмористическіе разсказы. Перев. съ англ. Э. Пименовой. М., 1915. Изд. 4-е, Акц. об-ва Универсальная б-ка. 95 стр. Ц. 10 к.

Франсъ, А. Записки добровольца. Разсказы. Перев. съ франц. В. Кошевичъ. Универсальная б-ка, № 1058. М., 1915. Изд. Акц. о-ва Универс. б-ка 97+3 нен. стр. Ц. 10 к.

— Семь женъ синей бороды. Исторія герцогини де-Сигонь. Чудо епископа Николая. Перев. съ франц. З. Журавской Универсальная б-ка, № 1064. М., 1915. Изд. Акц. о-ва Универс. б-ка. 101+3 нен. стр Ц. 10 к.

§ 2. **Шавинскій, Т. А.** Полный курсъ международнаго языка „Эсперанто". М., 1915. Изд. 3-е, книжн. маг. Эсперанто. 91 стр. Ц. 60 к.

§ 4. **Алдонъ, А.** Акакій и его поэзія. Акакій Церетели. Смерть и похороны. Слова и рѣчи. Пресса объ Акакіѣ. Поэты объ Акакіѣ. Писатели объ Акакіѣ. Стихотворенія Акакія. Скорбныя телеграммы. Тифлисъ. 1915. Изд. автора. 180 стр. Съ портр. Ц. 50 к.

§ 5. **Алтаевъ, Ал.** Пѣвецъ страданія и свободы. Жизнь М. Ю. Лермонтова. Петроградъ, 1915. Изд. „Жизнь и Знаніе". V+325+48 стр. Съ портр. и рис. Ц. 1 р.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 12. М., 1915. Изд. т-ва „Міръ". 33—112 стр.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 14. М., 1915. Изд. т-ва „Міръ". 193—272 стр. Съ портр.

Свѣтлановъ, А. А. и Грушинъ, Н. С. Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ. Біографія. Веневитиновъ какъ поэтъ и критикъ. М., 1915. 37 стр. Ц. 20 к.

Семеновъ, Л. М. Ю. Лермонтовъ. Статьи и замѣтки. I. М., 1915. 294 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Шендрикова, К. Смерть въ художественномъ изображеніи Л. Н. Толстого. Бійскъ, 1915. 39 стр. Ц. 15 к.

§ 6. **Нуссбаумъ, И** Избранныя страницы русской литературной критики. Вып. 1. Лишніе люди и женскіе типы въ произведеніяхъ Грибоѣдова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Гончарова, Островскаго. Кіевъ, 1915. Изд. 2-е, доп., кн-ва И. П. Самоненко. 75 стр. Ц. 50 к.

II. Философія.

§ 1. Гносеологія, онтологія, этика, философія религіи. § 2. Исторія философіи. § 3. Логика. § 4. Психологія. § 5. Педагогика.

§ 1. **Алексій,** еп. (Дородницынъ). Полное собраніе сочиненій. Т. II. Слова и рѣчи. Саратовъ, 1915. IV+363 стр. Ц. 1 р.

Безантъ, А. Коментаріи къ Бхаганадъ-Гитѣ Четыре лекціи. Пер. съ англ. Е. П Петроградъ, 1915. Изд. журн. „Вѣстникъ Теософіи". 150 стр. Ц. 55 к.

— Теософія и новая психологія. Переводъ Е. Писаревой. Петроградъ, 1915. Изд. журн. „Вѣстникъ Теософіи", 2-е. 146+2 нен. стр. Ц. 65 к.

Бѣлоцвѣтовъ, Н. Религія творческой воли. Петроградъ, 1915. Изд. кн-ва Ф. Ф. Тума. 161 стр. Ц. 1 р.

Восторговъ, І. І., прот. Проповѣди и поучительныя статьи на религіозно-нравств. темы. 1906—1908 гг. Полное собраніе сочиненій. Т. III (въ двухъ выпускахъ). М., 1915. 793+VII стр. Ц. 2 р. 50 к.

Лесевичъ, В. В. Собраніе сочиненій. Т. II. Статьи по философ и. М., 1915. Изд. кн-ва писателей въ Москвѣ. 663+II стр. Ц. 3 р.

Л. Н. Этюды. (Метафизическія, психологическія и критическія замѣтки). Петроградъ, 1915. 334 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Поповъ, Д., прот. Православно-Христіанское ученіе объ истинной вѣрѣ и жизни. Харьковъ, 1915. 238 стр. Ц. 1 р.

§ 2. **Срѣтенскій, Н. Н.** Лейбницъ и Декартъ. (Критика Лейбницемъ общихъ началъ философіи Декарта). Очеркъ по исторіи философіи. Казань, 1915. 119 стр. Ц. 1 р.

§ 5. **Ельницкій, К.** Привычки, ихъ значеніе и воспитаніе. Петроградъ, 1915. Изд. 4-е, Учил. совѣта при св. синодѣ. 32 стр. Ц 10 к.

— Русскіе педагоги второй половины XIX столѣтія. Для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается педагогика. Петроградъ, 1915. Изд. 3-е, М. М. Гутзаца. 189 стр. Ц. 65 к.

— Условія успѣшности обученія въ начальной школѣ. Начальнымъ учителямъ и учительницамъ и учебнымъ заведеніямъ, въ которыхъ преподается дидактика. Петроградъ, 1915. Изд. 8-е, М. М. Гутзаца. 32 стр. Ц. 20 к.

Демновъ, М. И. Краткая исторія педагогики. М., 1915. Изд. 5-е, т-ва И. Д. Сытина. 235 стр. Ц. 90 к.

Зеленко, В. А. Руководительство дѣтскимъ чтеніемъ. (Энциклопедія общественнаго воспитанія и обученія, подъ ред. В. А. Волковичъ, П. И. Ковалевскаго, З. К. Столица и В. М. Чулицкаго. Вып. VI). Петроградъ, 1915. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 74 стр. Ц. 50 к.

Михаэлисъ-Стангелендъ, Каринъ. Школа радости. Пер. съ датск. М. Розенфельдъ. Вып. I. (Б-ка новаго воспитанія и образованія подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. CVIII). М., 1915. 52 стр. Ц 35 к.

Никольскій, П. Воспитывающее обученіе. (Изъ бесѣдъ съ учителями на лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ въ Полтавской губерніи). Кіевъ, 1915. 7 стр.

Обуховъ, М. И. (Шэринъ, М.). Лѣтопись народной школы. (Настольная, справочная и памятная книга для народныхъ учителей). Уфа, 1915. Изд. Уфим. губ. земства. 220+III стр. Ц. 60 к.

Павловскій, Вл. Гав. Очерки изъ современной западной и русской исторіи педагогики. Дополнительный курсъ по исторіи педагогики для учительскихъ семинарій. Кутаисъ, 1915. 64 стр. Ц. 80 к.

Селивановскій, И. П. Какъ устраивать ясли-пріюты для дѣтей. Вятка, 1915. II+30+2 нен. стр. Ц. 15 к.

Скворцовъ, И. В. Записки по педагогикѣ. Ч. I. Общая педагогика. Петроградъ, 1915. Изд. Я. Башмакова и К°, 19-е. XIII+203+4 нен. стр. Ц. 1 р.

Соловьевъ, С. М. (Записки). Мои записки для дѣтей моихъ, а если можно, и для другихъ. Петроградъ, 1915. Изд. кн-ва „Прометей". 174 стр. Съ 1 портр. Ц. 2 р.

III. Исторія.

§ 1. Археологія, антропологія, первобытная культура. § 2. Всеобщая исторія. § 3. Русская исторія. § 4. Исторія славянъ. § 5. Современная исторія (записки, очерки). § 6. Исторія религіи и исторія церкви. § 7. Философія исторіи. § 8. Методологія и методика исторіи.

§ 2. **Бивенъ, Моррей,** проф. Политика Австріи послѣ 1867 года. Пер. I. А. Маевскаго. (Международная библіотека войны). М., 1915. Изд. кн-ва I. А. Маевскаго. 28+4 нен. стр. Ц. 10 к.

Васильевъ, А. А., проф. Учебникъ исторіи среднихъ вѣковъ. М., 1915. Изд. 2-е, т-ва И. Д. Сытина. 223 стр. Съ рис.+4 карты. Ц. 70 к.

Вульфсонъ, Э. С. Галиція до великой европейской войны. М., 1915. Изд. А. С. Панафидиной. 173+3 нен. стр. Съ рис. Ц. 75 к.

Гешовъ, И. Е. Балканскій союзъ. Воспоминанія и документы. Петроградъ, 1915. 110 стр.

Диль, Шарль. Византійскіе портреты. Т. II. Вып. I. Византія и Западъ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Анна Комнена. Ирина Дука. Андроникъ Комненъ. Придворный поэтъ. Пер. съ франц. О. Румера. (Универсальная б-ка). М., 1915. Изд. кн-ва „Польза". 180 стр. Ц. 20 к.

Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. II. Римъ—республика. Сборникъ статей. Подъ ред. А. М. Васютинскаго, М. Н. Ковалевскаго, В. Н. Перцева и К. В. Сивкова. М., 1915. Изд. „Задруга". IV+350 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 60 к.

Мендринъ. В. М. Исторія Сіогуната въ Японіи. Нихонъ Гайси. Сочиненіе Рай Дзіо Сисей. Въ XXII книгахъ. Перев. съ японскаго съ примѣчаніями и комментаріями. Кн. V. Кусуноки. Съ приложеніемъ очерка Сансю но дзинки. Три священныхъ сокровища Японіи, сравнительной таблицы дать по календарямъ лунному и солнечному, хронологическаго перечня императоровъ, родословной фамиліи Кусуноки, двухъ алфавитныхъ указателей. Владивостокъ, 1915. Изд. Восточнаго института. XVII+232+1 нен. стр.+4 листа рис. Ц. 2 р.

Морганъ, Ф. и Дэвисъ, Х. Политика Франціи съ 1871 года. (Международная б-ка войны). М., 1915. Изд. кн-ва I. А. Маевскаго. 26+6 нен. стр. Ц. 10 к.

Родныхъ, А. Война въ воздухѣ въ бы

Ольшамовскій, Б. Г. Значеніе воззванія 1 августа 1914 г. Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ и вопросы, возникающіе изъ него и послѣдующихъ событій. Петроградъ, 1915. 75 стр. Ц. 75 к.

Розановъ, В. Опавшіе листья. Коробъ второй (и послѣдній). Петроградъ, 1915. 516 стр. Ц. 2 р.

Рорбахъ, П. Война и германская политика. Съ предисловіемъ проф. С. А Котляревскаго. (Вопросы международной политики. Вып. I.) Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова. XIV+106 стр. Ц. 80 к.

Русскій А—с—ъ. Впередъ духовенство! Впередъ русская интеллигенція! За вами Русь идетъ! Сторонись, непріятель! Къ вопросу о сорганизованности русскаго народа. М., 1915. 8 стр. Ц. 7 к.

Рунинъ, С. (Отклики.) Симъ побѣдишь. Петроградъ, 1915. 23 стр. Ц. 20 к.

— (Отклики.) Что должна дѣлать Дума во время войны? Петроградъ, 1915. 31 стр. Ц. 20 к.

Семеновъ, С. Т. Крестьянское переустройство. Три статьи: 1. Общинное крестьянство. 2. Новые хозяева. 3. Интеллигенція и народъ. М., 1915. 87 стр. Ц. 40 к.

Чего ждетъ Германія отъ войны. Бесѣды съ германскими общественными дѣятелями: Либкнехтомъ, К., Бернштейномъ, Э., Листомъ, Фр., проф. Зерингомъ, М. Зюдекумомъ, мин. А. Дельбрюкомъ, Шимановъ, Т. и др. Перев. З. Венгеровой и Н. М. Лагова. Редакція, примѣчанія и предисловіе Р. Стрѣльцова. Петроградъ, 1915. Изд. кн-ва „Прометей", Н. Н. Михайлова. 159 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Шаховской, А. Н., кн. Что нужно знать каждому въ Россіи. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е. XI+352 стр.+карта. Ц. 90 к.

§ 2. **Медынскій, Е. Н.** Методы внѣшкольной просвѣтительной работы. Съ приложеніемъ статьи П. П. Гайдебуровъ. Внѣшкольное образованіе и театръ. Петроградъ, 1915. Изд. автора. 110 стр. Ц. 85 к.

§ 3. **Айвазовъ, И. Г.** Христовщина. Т. II. (Матеріалы для изслѣдованія русскихъ мистическихъ сектъ. Вып. I.) Петроградъ, 1915. VII+583 стр.

Колемиинъ, Ю. А. Авторитетъ въ вопросахъ вѣры. Сергіевъ посадъ, 1915. Изд. Религіозно-филос. б-ки. 26 стр. Ц. 20 к.

§ 4. **Мюръ, Р.** Національный принципъ и война. (Международная б-ка войны, № 2.) Изд. кн-ва Г. И. Маевскаго. 32 стр. Ц. 10 к.

VIII. Искусство.

§ 1. Общія сочиненія; эстетика. § 2. Исторія изобразительнаго искусства; біографіи; переписка. § 3. Исторія русскаго изобразительнаго искусства; біографіи, переписка. § 4. Техника; обученіе искусству. § 5. Музыка. § 6. Драматическое искусство; хореографія. § 7. Прикладное искусство.

§ 2. **Бенуа, А.** Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Часть первая. Пейзажная живопись. Вып. 17. Петроградъ, 1915. Изд. „Шиповникъ". 88 стр. Съ рис.

Верещагинъ, В. А. Старый Львовъ. Петроградъ, 1915. 140+1 нен. стр. Съ рис.

§ 3. **Орловскій, П.** Св. Софія Кіевская, нынѣ Кіево-Софійскій каѳедральный соборъ. Кіевъ, 1915. Изд. Кіево-Софійскаго каѳедральнаго собора. 78 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

§ 5. **Майнапаръ, С. М.** Музыкальный слухъ, его значеніе, природа, особенности и методъ правильнаго развитія. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, испр. и доп. VIII+233 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 75 к.

§ 7. **Роберъ, К.** Руководство къ живописи масляными красками, акварелью и пастелью. Перев. съ франц. Подъ ред. Г. К. Венига. Петроградъ. Изд. В. И. Губинскаго, 4-е. 288 стр. Съ 60 рис. Ц. 1 р. 50 к.

IX. Математика и естествовѣдѣніе.

§ 1. Математика; механика. § 2. Астрономія, міровѣдѣніе, космографія. § 3. Физика, химія, кристаллографія. § 4. Геологія, минералогія, физическая географія (метеорологія, климатологія). § 5. Біологія, ботаника, зоологія, сравнительная анатомія, палеонтологія, біологическая географія. § 6. Физіологія, анатомія человѣка; гигіена. § 7. Географія, этнографія, путешествія. § 8. Исторія математическихъ и естественныхъ наукъ; біографіи; общія сочиненія по философіи естествознанія. § 9. Методика естественныхъ и математическихъ наукъ.

§ 1. **Захаровъ, В. С.** Изъ записокъ стараго педагога. Обзоръ математическихъ величинъ и дѣйствій надъ ними. Новочеркасскъ, 1915. Изд. В. З. Захарова. 18 стр. Ц. 30 к.

§ 2. **Игнатьевъ, Е. И.** Въ царствѣ звѣздъ

и свѣтилъ. Наблюдательная астрономія для всѣхъ. Кн. 1. Наблюденія невооруженнымъ глазомъ. Петроградъ, 1915. Изд. т-ва А. С. Суворина. VI + 190 стр. Съ 105 рис. и 3 табл. Ц. 1 р. 50 к.

Ціолковскій, К. Образованіе земли и солнечныхъ системъ. (Маленькіе очерки). 1. Образованіе земли. 2. Образованіе солнечныхъ системъ. 3. Богъ милосердъ. 4. Общій алфавитъ и языкъ. 5. Знаніе и его распространеніе. Калуга, 1915. Изд. автора. 16 стр. Ц. 15 к.

§ 3. **Макѣевъ, И.** Краткій курсъ біологической химіи. Вып. II. Подъ ред. орд. проф. моск. унив. В. С. Гулевича. М., 1915. VIII+213—432 стр. + 1 таблица. Ц. 1 р. 70 к.

Метцъ, Г. Г.-де, проф. Курсъ опытной физики. Теплота. Кіевъ, 1915. Изд. 3-е по лекціямъ и редакціей профессора. 370 стр. Ц. 2 р. 75 к.

§ 4. **Андрусовъ, Н.** Матеріалы для геологіи Закаспійской Области. Ч. II. Мангышлакъ (часть описательная). (Труды арало-каспійской экспедиціи. Вып. VIII). Петроградъ, 1915. VII+456 стр. Съ 42 рис. XLIV табл.

Брюнелли, Е. Кристаллы. Петроградъ, 1915. 66 стр. Ц. 1 р.

Понагайбо, Н. Д. Къ вопросу о вліяніи микрорельефа на характеръ почвы, ея температуру, влажность и урожайность. (Рекогносцировочныя работы по изученію микрорельефа на драбовскомъ опытномъ полѣ въ связи съ сельско-хоз. метеорологич. наблюденіями). Вып. III. Подъ ред. Б. Н. Кречуна. Полтава, 1912. Изд. Драбовск. районное опыт. поле полтав. губ. зем. VII+96 стр.

§ 5. **Зайцевъ, Ф. А.** Матеріалы къ фаунѣ жесткокрылыхъ Кавказа. I Сем. Cleridiae et Dermestoidae. (Отд. оттискъ изъ „Извѣстій кавказскаго музея", т. IX). Тифлисъ, 1915. 17 стр. Съ рис.

Крюгеръ, В. А. Къ вопросу объ искусственномъ измѣненіи формы у плѣсневыхъ грибовъ и передачѣ этихъ измѣненій потомству. Казань, 1915. 7 стр.

Мильманъ, М. С. Къ вопросу о строеніи и составѣ нервной клѣтки во время ея роста. Баку, 1915. 112 стр. Съ 3 табл. рис.

Федченко, Б. А. Флора Азіатской Россіи. Вып. VIII. Фіалковыя. Обработалъ В. Беккеръ. Петроградъ, 1915. Изд. Переселенч. упр. Г. У. З. и З. 106 стр. Съ рис.

§ 7. **Азбелевъ, И. П.** Объ Индіи и индусахъ. Подъ ред. А. В. Чеботарева. Петроградъ, 1915. Изд. 5-е. 36 стр. Ц. 8 к.

Анисимовъ, С. Картины Кавказа. Очерки: На В.-Сух. тропѣ. По Сванетіи. Путеводители: По В.-Сух. дорогѣ и по Тебердѣ. По Сванетіи. М., 1915. Изд. „Задруга". 164 стр. Съ рис.+1 карта.

Козмянъ, К. Лапландія и лапландцы. (Изъ жизни Архангельскаго сѣвера). Архангельскъ, 1915. 13 стр.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. 44. Тифлисъ, 1915. Изд. Кавказск. учебнаго округа. 2 + IV + 1+116+210+1+147+85+1+16+24+15 стр. Съ рис.

§ 9. **Егоровъ, Ѳ. И.** Методика ариѳметики. (Для учителей). М., 1915 Изд. 6-е, В. В. Думнова. 452 стр. Ц. 1 р. 50 к.

X. Книги для дѣтей.

Авенаріусъ, В. П. Бироновщина. Историческая повѣсть для юношества. (Подъ нѣмецкимъ ярмомъ.) Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, П. Луковникова. 309+3 нен. стр. Съ 12-ю отд. картин. и портрет. Ц. 1 р. 50 к.

— Гоголь — студентъ. Біографическая повѣсть. (Ученическіе годы Гоголя. Трилогія.) Петроградъ, 1915. Изд. 5-е, П. Луковникова. 238 стр. Съ 12-ю портр. и видами. Ц. 1 р. 25 к.

Алтаевъ, Ал. Море идетъ. Разсказъ изъ времени осады Лейдена испанцами. (XVI вѣкъ.) Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 28+4 нен. стр. Ц. 10 к.

— Татарченокъ Ассанъ. Повѣсть. Б-ка для семьи и школы.) М., 1915. Изд. 3-е, ред. журн. „Юная Россія". 239 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

Андерсенъ. Сказки. Исторія одной матери. Свинопасъ. Перо и чернильница. Красные башмачки. М., 1915. 32 стр.

Бальдессори, В. (Плумновская). Красная шапочка. Пьеса для дѣтскаго театра въ 2-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ (по Перро). Пер. П. Новичъ. (Дѣтскій театръ, издаваемый подъ ред. П. Новича.) Петроградъ, 1915. 24 стр. Съ 7 рис. Ц. 30 к.

Батуевъ, А. Волга отъ Твери до Астрахани. По русской землѣ. (Б-ка для школъ и народа, подъ ред. Ѳ. П. Борисова и Н. И. Лаврова.) М., 1915. Изд. т-ва В. В. Думнова. 141 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

Божій міръ въ бесѣдахъ и картинкахъ. Основныя понятія изъ зоологіи, ботаники и геологіи. Начальные уроки міровѣдѣнія, составленные Полемъ Бэромъ. Передѣлано съ франц. Е. И. Чижовымъ. (Годъ второй. Вып. I.) М., 1915. Изд. 8-е.

„Посредника". 245 + V стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Ваня и Маша. Фантастическая сказка для дѣтей. М., 1915. Изд. кн-ва Т/д. Евдокіи Коноваловой. 24 стр. Съ рис.

Вульфсонъ, Э. Нежданный другъ. Разсказъ для дѣтей. Съ рис. А. П. Апсита. М., 1915. Изд. А. Д. Ступина. 45 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Вучетичъ, П. Г. Отвергнутый соколъ. Ичкерійская сказка. М., 1915. Изд. А. Д. Ступина. 31+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Горбуновъ-Посадовъ, И, и Егоровъ, Я. Ясная звѣздочка. Вторая книга для чтенія въ школѣ и дома. (Б-ка И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества.) М., 1915. 224 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Дрисдаль, В. На бурныхъ волнахъ. Повѣсть. Перев. съ англ. Л. и Ж. Караваевыхъ. (Б-ка И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества.) М., 1915. Изд. И. Горбунова-Посадова. 148 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Дунканъ, В. Садикъ Мэри. Повѣсть. Перев. съ англ. Н. Страховой. (Б-ка И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества.) М., 1915. 110+2 нен. стр. Съ рис. Ц. 70 к.

Дьяченко, Н. Музыкальныя картинки. Дѣтскія пѣсенки для фортепіано съ картинами. (Иллюстраціи приворщ. С. Г. Дьяченко † въ Европ. войнѣ.) Первое знакомство ребенка съ музыкой. М., 1915. Изд. автора. 16 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Егоровъ, В. Г. Литературно-сценическій сборникъ для семьи и школы. Вып. I. Кн V. Живыя картины и игры съ пѣснями, декламаціей и движеніями. Петроградъ, 1915. Изд. 3-е, испр. т-ва М. О. Вольфъ. 44 стр. Ц. 30 к.

Жирковъ, Ив. Люди великихъ дѣлъ. Для начинающихъ читателей. Кн. I. (Б-ка народной школы.) М., 1915. Изд. Рязанск. уч. мастер. И. Ѳ. Жиркова. 56 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

— 333 загадки. Сборникъ для дѣтей школьнаго возраста. (Б-ка народной школы. М., 1915. Изд И. Д. Жиркова. 2+36+4 нен. стр. Съ рис. Ц. 15 к.

За Дунаемъ. Война съ турками за освобожденіе славянъ 1877—1878 г. Очерки и разсказы. Кн. I. Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. (Б-ка для семьи и школы.) М., 1915. Изд. 11-е, ред. журн. „Юная Россія". 108 стр. Ц. 25 к.

Зандъ, Жоржъ. Крылья мужества. Сказка въ пересказѣ Е. Н Тихомировой. (Дешевая б-ка для семьи и школы.) М., 1915. Изд. 3-е, редак. журн. „Юная Россія". 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Засодимскій, П. Вл. Дѣдушкины разсказы и сказки. М., 1915. Изд. 6-е, т-ва И. Д. Сытина. 291 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Лукашевичъ, К. Аксюта-нянька. Разсказъ. М., 1915. Изд. 6 е, т-ва И. Д. Сытина. 55 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

— Отрывной календарь для дѣтей на 1916 годъ. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 336+366 стр.

Мелончукъ, Р. Хевсуры. Этнографическій очеркъ. (Школьная б-ка.) М., 1915. 24 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Наживинъ, Ив. Разсказы. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 67+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 25 к.

— Санька въ плѣну. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Три брата. (Дешевая б-ка для семьи и школы.) М., 1915. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Некрасовъ, Н., Никитинъ, И. и Суриковъ, И. Стихотворенія для дѣтей. (Б-ка нашихъ дѣтей.) Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, т-ва О. Н. Поповой. 63+1 нен. стр. Съ 14 рис. и 3 портр. Ц. 20 к.

Носиловъ, К. Д. Юдикъ. Разсказъ. Изъ жизни самоѣдовъ на Новой Землѣ. (Школьная б-ка.) М., 1915. Изд. 3-е, кн-ва Школьной б-ки. 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Перро, Ш. Волшебныя сказки. Перев. съ франц. К. Яковенко. Универсальная б-ка, № 1070. М., 1915. Изд. акц. о-ва Унив. б-ка. 95+1 нен. стр. Ц. 10 к.

Сегюръ-де, гр. Волшебныя сказки для маленькихъ дѣтей. Перев. съ франц. Е. О. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 127 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

Сетонъ-Томпсонъ, Э. Сѣрый медвѣдь вабъ. Разсказъ Перев. съ англ. А. Н. Рождественской. (Б-ка для семьи и школы.) М., 1915. Изд. 3-е, журн. „Юная Россія". 62 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Стакюковичъ, К. М. „Человѣкъ за бортомъ!" Разсказъ. М., 1915. Изд. 11-е, М. В. Клюкина, 32 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Тагинъ, Ѳ. А Сербія и Черногорія. (Б-ка „Другъ школы".) Петроградъ, 1915. Изд. К. П. Губинскаго. 52 стр. Съ портр. Ц. 25 к.

Шапошниковъ, Н. Дѣдушка Ермилъ и внучекъ его Петя. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. М., 1915. Изд. 3-е, „Сотрудникъ школъ", А. К. Залѣсской. 32 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Шведеръ, Е. Изъ міра пернатыхъ. Родная природа. Популярная б-ка естествознанія. Рига, 1915. Изд. К. Г. Зихмана. 40 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Наши ягоды. Родная природа. Популярная б-ка естествознанія. Вып. XIV. Рига, 1915. Изд. К. Г. Зихмана. 32 стр. Съ рис. Ц. 8 к.

— Подземные жители. Родная природа. Популярная б-ка естествознанія. Вып. XIII.

Рига, 1915. Изд. К. Г. Зихмана. 32 стр. Съ рис. Ц. 8 к.

Шелгунова, Л. П. Ермакъ. Историческій разсказъ временъ покоренія сибирскаго царства. Петроградъ, 1915. Изд. В. И. Губинскаго, 2-е. 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Татарское иго. Историческая повѣсть временъ нашествіе на Россію Батыя. Петроградъ, 1915. Изд. В. И. Губинскаго, 3-е. 38 стр. Ц. 15 к.

Черникѣевъ, В. И. Во имя долга. М., 1915. 84 стр. Съ рис.

Черскій, Л. Ф. Кавказскія сказки, преданія и легенды. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, В. П. Губинскаго. 116 стр. Съ 5 рис. Ц. 60 к.

XI. Справочныя изданія общія.

§ 1. Энциклопедіи. § 2. Словари. § 3. Библіографическіе справочники.

§ 1. Итоги науки въ теоріи и практикѣ, подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. О. М. Шимкевича. Кн. XXXIV. Т. XI. М., 1915. Изд. т-ва „Міръ". 128 стр. Съ 6 иллюстр.+8 портр.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ, подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и О. М. Шимкевича. Кн. XXXV. М., 1915. Изд. т-ва „Міръ". 129—256 стр. Съ 6 иллюстр.

Энциклопедическій словарь т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°. Подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Желѣзнова, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. С. А. Муромцева и проф. К. А. Тимирязева. Т. 32. Персія-Поляне. М., 1915. Изд. 7-е, перераб., т-ва Бр. А. и И. Граватъ. 671 стр. Съ рис. Ц. 3 р. 30 к.

§ 3. **Багрій, А. В.** М. Ю. Лермонтовъ въ юбилейной литературѣ 1914 г. Библіографическій обзоръ съ указателемъ. Петроградъ, 1915. 51 стр.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 августа по 1 сентября 1915 г.

Аверинцевъ, С. В. Основы зоологіи. Петроградъ, 1915 г. Ц. 2 р. 65 к.

Амфитеатровъ, Александръ Сестры. Кн-во „Прометей". Петроградъ, Ц. 2 р.

Анисимовъ, Сергѣй. Картины Кавказа. Т-во „Задруга". М., 1915 г. Ц. 1 р.

Арбатскій, Е. М. Элементарный учебникъ латинскаго синтаксиса. Кн-во „Просвѣщеніе". Петроградъ. Ц. 90 к.

Ашевскій, С. Русскіе писатели и война. Кн-во „Задруга". М., 1915 г. Ц. 50 к.

An announcement. Congresses. Conferences. Conventions. Panama-Pacific International Exposition. San Francisco. 1915.

Бемъ, А. Л. Къ уясненію понятія историко-литературнаго вліянія. Петроградъ, 1915 г.

Бобровъ, Сергѣй. Новое о стихосложеніи А. С. Пушкина. Изд. „Мусагетъ". М., 1915 г. Ц. 50 к.

Бондаревъ, С. И. Будемъ трезвы. Кн-во „Задруга". М., 1915 г. Ц. 8 к.

„Борьба съ пьянствомъ". Изд. Горбунова-Посадова. Листки №№ 45, 46, 47 и 50.

Брюнелли, Евгенія. Кристаллы. 1915 г. Ц. 1 р.

Букшпанъ, Я. М. Проблема чайной монополіи и міровой чайный рынокъ. Петроградъ, 1915 г.

Бунятянъ, М. А. Экономическіе кризисы. М., 1915 г. Ц. 2 р. 25 к.

Виды на урожай хлѣбовъ и травъ въ Забайкальск. обл. Чита, 1915 г.

Вѣстникъ Рязанскаго Губ. Земства. № 4 за 1915 г.

Гернетъ, С. П. Сатиры скальда. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гладкой, Иванъ. Пѣсни о Маріи Магдалинѣ. Харьковъ, 1915 г. Ц. 1 р.

Деревня и запрещеніе продажи питей въ Моск. уѣздѣ. М., 1915 г. Ц. 60 к.

Джонсонъ, Г. Воспитаніе посредствомъ игръ и забавъ. Изд. Горбунова-Посадова. М., 1915 г. Ц. 40 к.

Диккенсъ, Ч. Приключенія Оливера Твиста. Изд. „Посредника". Ц. 90 к.

Емельяновъ, Н. Б. Корни дороговизны. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р.

Желѣзнодорожный транспортъ въ Харьковск. губ. Харьковъ, 1915 г.

Жигмайло, Л. Михайло Коцюбинскій. Екатеринославъ, 1915 г. Ц. 3 к.

Зеленый цвѣтокъ. Сборникъ. Петроградъ.

Зиттлеръ, П. Основы здоровой жизни. Кн-во „Польза". Москва. Ц. 10 к.

Иванцовъ, Д. Н. Къ критикѣ русской урожайной статистики. Изд. Имп. русскаго геогр. о-ва. Петроградъ, 1915 г.

Извѣстія Литературно - Художественнаго Кружка. Вып. II.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ. Изд. т-ва „Міръ". Т. XXXV. Москва.

Календарь-справочникъ на 1915 г. Изд. шадринскаго земства.

Караваевы, Л. и Ж. Какъ сдѣлать змѣекъ? Изд. Горбунова-Посадова. Ц. 25 к.

Карпентеръ, Эдуардъ. Любовь и смерть. Кн-во Пирожкова. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Carnegie Endowment for International Peace. Pamphlet № 5—20.

Кацнельсонъ, М. М. Приготовленіе химико-фармацевтическихъ препаратовъ. Изд. т-ва Сытина. М., 1915 г. Ц. 1 р. 75 к.

Кекуатовъ, К. В., князь. Сравнительный текстъ русскихъ проектовъ закона о кооперативныхъ товариществахъ.

Кильчевскій, В. А. Указанія правленіямъ кредитныхъ товариществъ для самоповѣрки. Изд. ком. о сельск. ссудосбер. товариществахъ. М., 1915 г. Ц. 15 к.

Книжки „Вѣстника Мелкаго Кредита". Кн. 2. Петроградъ, 1915 г.

Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. III. Римъ—Имперія. Кн-во „Задруга". М., 1915 г. Ц. 2 р. 10 к.

Ковальковскій, А. К. Земство и земская агрономическая работа. Кострома, 1915 г.

Кулибинъ, Н. В. Внѣшняя торговля Россіи масломъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 50 к.

Легіонъ бѣсовъ. Сборникъ очерковъ и разсказовъ. Изд. „Умолкнувшій Голосъ". М., 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Локоть, Т. В. Сельскохозяйственное законовѣдѣніе. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Любомудровъ, И. М. Народный лѣчебникъ домашнихъ животныхъ. С. Лысково, 1915 г. Ц. 40 к.

Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Т. II. Изд. „Задруги". 1915 г.

Мережковскій, Д. С. Завѣтъ Бѣлинскаго. Кн-ва „Прометей". Ц. 30 к.

Мининъ, А. А. Война, хозяйство и кооперація. Изд. комитета о сельск. ссудо-сбер. товар. М., 1915 г. Ц. 20 к.

Минцловъ, С. Р. Поддѣлки старины. 1915 г.

Мирскій, Борисъ. Разсказы. Петроградъ. Ц. 1 р. 25 к.

Московскій городской народный университетъ имени А. Л. Шанявскаго. М., 1915 г.

Мурашевъ, Петръ. Искры въ туманѣ. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Муйжель, В. В. Съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ груди. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ненормальныя дѣти въ семьѣ и школѣ. Кн-во „Польза". Москва. Ц. 1 р. 60 к.

Новалисъ. Фрагменты. Кн-во „Лирень". М., 1914 г. Ц. 70 к.

Оболенскій, В. В. Урожаи хлѣбовъ въ южной Россіи. Изд. харьк. о-ва сельск. хозяйства.

О состояніи хлѣбовъ въ Тульск. губ. Изд. Оцѣн.-стат. отд. тульск. губ. земск. упр. № 1.

Оцѣн. отд. пенз. губ. земства. Серія I Геологія. Вып. X. Саранскій уѣздъ. М., 1915 г. Ц. 50 к.

Оцѣночно-стат. отд. сарат. губ. земской упр. Бюллетень № 3 и 5.

Оцѣн.-стат. отд. сарат. губ. земства. Бюллетень № 6.

Очагъ слушательницъ кіевскаго фребелевскаго института. Изд. фреб. о-ва. 1915 г. Ц. 30 к.

Покровскій, Н. Н. О подоходномъ налогѣ. Петроградъ, 1915 г. Изд. „Вѣстника Фин." и „Торгово-Промышл. Газеты".

Проектъ положенія о кооперативныхъ товариществахъ и ихъ союзахъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 5 к.

Пшибышевскій, Станиславъ. Дѣти горя. „Универсальная б-ка". М., Ц. 1 р.

Ренниковъ. Золото Рейна. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Розановъ, В. Опавшіе листья. Петроградъ, 1915 г. Ц. 2 р.

Рубакинъ, Н. Разсказы о Западной Сибири. Изд. „Посредника". Ц. 45 к.

Рудичъ, Вѣра. Ступени. Кн-во „Прометей". Ц. 50 к.

Reidt, F. Собраніе стереометрическихъ задачъ. Изд. „Сотрудника школъ". М., 1915 г. Ц. 20 к.

Савремена питања. *Хрвати изъ Бановине.* Хрваты и уједиње. Ц. 10 пара. *Густичин Драгутинъ.* Тст. Ц. 10 п. *М. Т.* Аустро-угарска противъ својихъ поданика. *Бањанинъ, Јов.* Матьарска политика и рат. *Дедијер Јевто.* Далмација. *Поточньак Франко.* Југословенско питање. *Бартулица, М.* Нова Хрватска омладина. *Бањанинъ, Јов.* Јужни словени у Аустро-Угарској и рат.

Садовской, Борисъ. Лебединые клики. Кн-во Попова. Петроградъ. Цѣна 1 р. 25 к.

Сельскохозяйственное машиностроеніе и общественная машиноторговля. Изд. журнала „Машина въ сельск. хозяйствѣ". Кіевъ, 1915 г.

Сельскохозяйственный обзоръ Черниговск. губ. Черниговъ, 1915 г.

Синицкій, Л. Д. Европа. „Универсальная б-ка". М., 1915 г. Ц. 80 к.

Schopoff, A. Les Etats Balkaniques et le principe confédératif. Sophia. 1915.

Stead, W. T. Депутатъ отъ Россіи. Т. I и II. 1915 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к.

Тасинъ, Н. По воюющей Франціи. Кн-во Попова. Ц. 1 р. 25 к.

Трошинъ, Гр. Антропологическія основы воспитанія. Изд. д-ра Трошина. Ц. 2 р. 50 к.

Труды комиссіи по изученію современной дороговизны. Вып. II. М., 1915 г. Ц. 2 р.

Тюлеліевъ, К. А. Какъ читать римскихъ поэтовъ въ гимназіи. Кн-во „Просвѣщеніе". Петроградъ. Ц. 1 р.

Универсальная библіотека. *Диль, Шарль.* Византійскіе портреты. Ц. 20 к. *Франсъ, А.* Семь женъ Синей Бороды. Ц. 10 к. *Де-Виньи, Альфредъ.* Неволя и величіе солдата. Ц. 20 к. *Пушкинъ, А. С.* Драматическія сцены. Ц. 10 к. *Деледда Граціэ.* Пепелъ. Ц. 40 к. *Толстой, Л. Н.* Семейное счастье. Ц. 10 к. *Швабъ, Г.* Царь Эдипъ. Ц. 10 к. *Вальми, П.* Погоня за любовью. Ц. 30 к. *Маринетти.*

Битва у Триполи. Ц. 10 к. *Честертонъ, Дж. К.* Человѣкъ, который былъ Четвергомъ. Ц. 30 к. *Лермонтовъ, М. Ю.* Поэмы. Ц. 20 к. *Уайльдъ, О.* Флорентинская трагедія. Ц. 10 к. *Пескаторе-Ланштейнъ.* Уходъ за груднымъ ребенкомъ. Ц. 20 к. *Джеромъ К. Джеромъ.* Человѣкъ, который не вѣрилъ въ счастье. Ц. 10 к. *Куприпъ, А. И.* Ученикъ. Ц. 10 к., Гамбринусъ. Ц. 10 к., Осенніе цвѣты. Ц. 10 к. *Де-Мопассанъ, Г.* Сильна, какъ смерть. Ц. 40 к., Монтъ-Оріоль. Ц. 40 к., Милый другъ. Ц. 60 к., Миссъ Гаррієтъ. Ц. 10 к. *Шмелевъ, И.* Весен. шумъ. Ц. 10 к. *Толстой, А. Н.* Дни войны. Ц. 10 к., Архипъ. Ц. 10 к., Хромой баринъ. Ц. 30 к. Кн-во „Польза". Москва.

Цодиковъ, І. А. Мѣстныя самоуправленія и кооперативы въ дѣлѣ борьбы съ дороговизной.

Чего ждетъ Германія отъ войны? Кн во „Прометей". Петроградъ. Ц. 1 р. 25 к.

Черепнинъ, Н. П. Родная исторія. Кн-во „Просвѣщеніе". Петроградъ, 1915 г.

Чулковъ, Георгій. Сатана. Кн-во „Жатва". М., 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шапошниковъ, Н. Н., проф. Протекціонизмъ и свобода торговли. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р.

Шиловъ, Алексѣй. Удовлетвореніе новыхъ запросовъ и потребностей трезваго населенія.

Штейнеръ, Рудольфъ, д-ръ. Теософія. Изд. „Духовное Знаніе". М., 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шумигорскій, Е. Тѣни минувшаго. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шумскій, К. Очерки міровой войны. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Критическаго обозрѣнія.

I. Книги.

Стр.

Литература, исторія литературы и литературная критика: *Бар. Д. Г. Гинцбургъ.* О русскомъ стихосложеніи 1

Философія: *Д. С. Дарскій.* Чудесные вымыслы. О космическомъ сознаніи въ лирикѣ Тютчева. — *С. Х. Хинтонъ.* Четвертое измѣреніе и новая эра мысли 2

Исторія: *James Mavor.* An economic history of Russia 4

Правовѣдѣніе: *С. А. Бѣляцкинъ.* Гражданскій оборотъ и война . . 6

Политическая экономія, статистика и финансы: *М. Н. Селиховъ, Я. М. Буктпанъ* и *Е. И. Омельченко.* Матеріалы по чайной торговлѣ въ связи съ проектомъ введенія въ Россіи чайной монополіи 7

II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 августа по 1 сентября 1915 года.

Редакторъ-издатель П. Б. Струве.

AP
50
R8
g.36
kn.9

Russkaia mysl'

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 17 14 02 007 7